

АЛЕКСЕЙ СТАЦЕНКО

«КИЕВ БОМБИЛИ...»

**Оборона столицы
Советской Украины**

ПЯТЫЙ РИМ

МОСКВА

2020

УДК 355/359
ББК 68
С 78

Книга издана на народные пожертвования

Оформление переплета М. Левыкина

Стаценко Алексей, Павлович.

С 78 «Киев бомбили...». Оборона столицы Советской Украины. — М.: Пятый Рим (ООО «Бестселлер»), 2020. — 688 с., ил.

ISBN 978-5-6043329-1-7

22 июня 1941 года, ровно в 4 часа утра, первые немецкие бомбы упали на мирно спящую столицу Советской Украины — Киев. Началась почти трехмесячная битва за город, которая завершилась в сентябре 1941 страшным поражением Юго-Западного фронта — печально знаменитым «Киевским котлом». Эта книга рассказывает о грандиозной битве, через которую прошли миллионы людей со всех концов Советского Союза. Противостояние с врагом показано глазами простых киевлян, генералов, военных летчиков, домохозяек, комсомольцев, бойцов истребительных отрядов, моряков Днепровской флотилии и многих других. Небольшие фрагменты сливаются в большую хронику и дают читателю возможность увидеть огромное сражение с самых непривычных ракурсов.

Книга издана на народные пожертвования.

**УДК 355/359
ББК 68**

ISBN 978-5-6043329-1-7

© Стаценко А. П., 2020
© Издательство «Пятый Рим»™, 2020
© ООО «Бестселлер», 2020

Глава 1. Первый день

21.06.1941, воентехник второго ранга Петр Шурлаков, 22 года

Вечер 21 июня 1941 года в Киеве выдался на редкость теплым. На Жулянском военном аэродроме было тихо и спокойно. Дежурный по аэродрому командир курсантского взвода Киевского танково-технического училища (КТТУ) лейтенант Петр Шурлаков стоял в дверях здания управления и хмуро смотрел на закат. Аэродром опустел, все боевые самолеты, которые базировались на нем, перегнали западнее на приграничные летные поля. Осталось только несколько «этажерок» Р-5, хранившихся в ангарах, и ярко-красный И-16, на котором еще утром прилетел незнакомый Петру полковник с золотой звездой Героя на груди. Для 41-го года это была очень редкая награда, означавшая, что летчик успел повоевать или в Испании, или на Халхин-Голе, или в Зимней войне с финнами. Где именно, Петр не осмелился спросить. Полковник, шутя, попросил его посторожить верного «коня», которому требовалась некая «регулировка». Впрочем Петр заподозрил, что пилот скорее сам хотел «подрегулироваться» и «заправиться» со встретившими его знакомыми авиаторами, они долго здоровались, похлопывали друг друга по плечам и обнимались у самолета, прежде чем покинуть летное поле.

Несмотря на погоду и тишину, настроение у Петра было препаршивейшее. Как раз вчера он окончил учебу, получил первое в своей жизни воинское звание и первое назначение — его

оставили служить в Киеве при родном училище, командовать взводом курсантов. Через несколько часов должно было наступить 22 июня, Шурлакову в этот день исполнялось 22 года. Однако вместо того, чтобы отмечать день рождения и «обмывать» лейтенантские кубики в кругу хмельных друзей, он встречал праздник на трижды проклятом аэродроме.

А ведь все так хорошо начиналось... Днем выпускники собрались на холостяцкой квартире одного из киевских однокашников. Было вино, роскошный стол, в расход пошли все скромные курсантские сбережения. Кто-то привел знакомых киевских девчат, к вечеру планировалось устроить танцы, но все испортил внезапный звонок в дверь.

Материализовавшийся на пороге посыльный сообщил, что Шурлакову срочно предписано явиться к дежурному по гарнизону капитану Бубнову. На генерал-майора М.Л. Горрикера, начальника КТТУ, одновременно возлагались еще и обязанности коменданта Киева, поэтому из курсантов формировались комендантские роты. В их обязанности входило патрулирование города и дежурство на различных военных объектах. Оказалось, что заболел помощник дежурного, и Петру предстояло заменить его на следующие 12 часов, «кукуя» на Жулянском аэродроме, с которого он сменился только утром. Военные — люди подневольные, и повесившему нос Шурлакову под сочувствующие взгляды друзей пришлось отбыть вслед за посыльным.

Историческая справка: Жуляны — местность, известная с домонгольских времен. 23 июля 1093 года на берегу речушки Желянь войска киевского князя Святополка Изяславовича потерпели поражение от половцев. Точная этимология названия неизвестна: по одним вариантам происходит от имени древнеславянской богини печали Жели (Жали), по другому — однокоренное со словами «желанный» или «жилой». В источниках 1690 года уже упоминается как село Желяны (Жыляны), принадлежавшее Софийскому монастырю. Летное поле в Жулянах появилось с началом Первой мировой войны — здесь базировались аэродром и школа летчиков-наблюдателей 3-го авиапарка, получавшего из киевского Арсенала собранные импортные самолеты

и готовившего их для передачи в боевые части. В межвоенный период на аэродроме базировались летные подразделения, охранявшие небо над Киевом. Довоенный Жулянский аэродром можно увидеть в таких легендарных фильмах как «Истребители» (1939) и «Валерий Чкалов» (1941).

Уже через несколько минут после заступления на повторное дежурство Петр слушал, как комендант и дежурный по караулам командир 4-й роты капитан Ф.Е. Бубнов «толкают» на разводе речь о сложности международной обстановки и необходимости поддержания высокой бдительности. После оркестр заиграл марш, и караулы направились к своим объектам.

Недавний курсант еще раз посмотрел на красного «ишака», чьи плоскости ярко блестели в тусклых лучах заходящего летнего солнца. Шурлаков слышал от авиаторов, что так окрашивают первые машины, когда начинается серийное производство новой марки самолетов, однако И-16 на новую марку как-то не «тянул». Может, это модернизированная машина с новым двигателем?

Историческая справка: В красный цвет в РККА окрашивались самолеты отдельных пилотажных групп. Почему Красноюрченко прилетел в Киев именно на самолете красного цвета, автору неизвестно.

Стараясь унять недовольство, Петр еще раз глянул на красивый закат, вдохнул полной грудью теплый июньский воздух и отправился на свое место в дежурке. Там как раз требовательно зазвонил телефон. Надо сказать, что и здание управления аэродрома, и даже помещение диспетчерской, в котором дежурил лейтенант, можно было увидеть в легендарном фильме 1939 года «Истребители» с великолепным Марком Бернесом в главной роли. Но если раньше Петр был в восторге от этого факта, то сейчас, наоборот, чувствовал лишь раздражение.

Лейтенант жалел об испорченном празднике, об оставленном обществе друзей и симпатичных девушек. И не знал, что нить его судьбы уже переплеталась с жизнями множества других людей, о существовании которых Шурлаков даже не подозревал...

21.06.1941, старший краснофлотец, 1-й наводчик кормового орудия канонерской лодки «Верный» Петр Федорович Танана, 24 года

Настроение команды ближе к вечеру оказалось приподнятым. Весь июнь корабли Учебного отряда Пинской флотилии провели на артиллерийском полигоне у села Кальное, располагавшемся от Киева вниз по течению Днепра. С раннего утра после подъема, сыгранного в соответствии с заведенным порядком в 5:00, а также большого аврала (генеральной уборки и стирки), комендоры проводили зачетные стрельбы. Данные для наведения поступали от корректировщика, который давал целеуказания с тархтевшего в небе «кукурузника». Отстрелялись на «хорошо» и «отлично», а это означало, что по возвращении на основную базу в Киев моряков ожидали поощрения: кого 5 дней отпуска, кого денежная премия, а кого — бесплатный билет в театр.

Весь экипаж «канонерки» численностью в 70 человек думал, что вечером им дадут отдохнуть, но около шести вечера внезапно сыграли химическую тревогу. Все тот же У-2 пронесся на бреющем над кораблем и полил палубу какой-то вонючей химической гадостью, смешанной с боевым ипритом. Часть команды, в основном из БЧ-5 (электромеханическая), успела переодеться в противогазы и костюмы химзащиты, а затем приступила к дегазационным мероприятиям. Петру повезло, в случае химической атаки он по боевому расписанию исполнял обязанности раздевальщика, а потому вместо прорезиненного (и потому невыносимо жаркого) костюма, противогаза и резиновых сапог на нем из защитной одежды были только специальный фартук и перчатки. Те, кому не повезло, после окончания дегазации валились с ног. Их приходилось раздевать крайне осторожно, чтобы на кожу не попало ни капли иприта. В этот раз на «Верном» обошлось без происшествий, а вот на прочих отдельных кораблях случился ряд ЧП.

Остались вопросы — «что это было?», неужто особенные учения, «приближенные к боевым»?

Команда на канонерской лодке подобралась как на подбор, да и сам корабль был заслуженным.

Историческая справка: Канонерскую лодку «Верный» построили в Восточной Пруссии, в Кенигсберге, в 1901 году на верфи «Union Gusserey» по заказу купца первой гильдии Соболевского. До 1919 года она жила будничной жизнью обычного речного колесного буксирного парохода, пока 5 февраля 1919 года ее не реквизируют войска Красной Армии и не передали новообразованной организации — Главводу. Пароход отправили на 1-ю Киевскую Советскую верфь (будущий судостроительный завод «Ленинская кузня»), где на него установили два 76,2-мм зенитных орудия системы Лендера, шесть пулеметов «максим», а рубку обшили бронелистами. 1 апреля 1919 года получившийся бронепароход с громким именем «Верный» зачислили в состав 3-й бригады кораблей Днепровской военной флотилии, которую возглавил ставший уже к тому времени легендарным герой Гражданской войны Андрей Васильевич Полупанов. Это моряки его команды на отбитом у белых пароходе «навели шороху» на Волге в 1918 году. Теперь его опыт решили использовать на Днестре. 02.05.1919 у Чернобыля «Верный» участвовал в бою с отрядом атамана Струка, 11.05.1919 — у Канева с отрядом атамана Григорьева, 21.05.1919 — участвовал в освобождении Черкасс, 03.07.1919 — воевал у ст. Сухачевка (район современного Днепропетровска) с войсками Деникина. 20.07.1919 — у Ржищева с отрядом атамана Зеленого, 02.10.1919 — у Окуниново с кораблями белогвардейской флотилии Деникина. 06.10.1919 два 76,2-мм орудия заменены 120-мм орудиями длиной в 50 клб., бронепароход перевели в класс «тяжелых канонерских лодок» и переименовали в «Гневный». Команду заменили моряками-латышами. 10.06.1920 у Триполья корабль участвовал в бою с польскими интервентами и со второго выстрела подавил вражескую артиллерийскую батарею. К 1941 году лодку перевооружили 102-мм орудиями в полубашнях длиной 62 клб. и установили 76,2-мм зенитное орудие Лендера. Пулеметное вооружение состояло из одной зенитной установки М-4 (счетверенные «максимы»), одной М-1 («максим» на зенитном станке), одного колесного «максима» и ручного ДП-27. Модернизированному кораблю вернули старое название — «Верный».

21.06.1941, ученик 13-й Киевской артиллерийской спецшколы Игорь Воровский, 21 год

Тем же вечером Игорь спешил домой, ему нужно было переодеться и привести себя в порядок. Друг и сосед по дому Саша Сырчин пригласил его на посиделки по поводу окончания училища, получения первого командирского звания и назначения на первую должность. Гулять должны были вечером на квартире у Саши, располагавшейся на третьем этаже дома в Чеховском переулке. Отец Игоря по этому поводу еще сострил «идэш вгору» (идешь вверх), их-то семья ютилась в полуподвальной комнатухе того же дома. В этот день у Игоря имелся собственный повод для гордости, как раз сегодня молодой человек узнал, что его зачислили в 1-е Киевское артиллерийское училище на конной тяге, и теперь спешил поделиться этой новостью со своими друзьями. Воровский надел свою форму военного школьника, потуже затянул ремень и стал подниматься на третий этаж.

Здесь следует сказать пару слов относительно «школьничества». В Киеве к середине 30-х в дополнение к обычным армейским военным училищам открыли четыре специальные школы, проходившие по ведомству Наркомпроса: летную, морскую и две артиллерийские. В одной из них и учился Воровский. Если хорошо известные нам суворовцы денно и нощно находятся на территории учебного заведения и за забор выходят только в увольнительную, то Игорь и его одноклассники вечером спали дома в своих кроватях, и кормил их не дежурный наряд по кухне, а мамы и бабушки. В остальном же режим обучения мало чем отличался от суворовцев и даже был насыщенной. «Военные школьники» сразу получали воинскую специализацию, а потому и соответствующие военные училища их охотно принимали. Что, собственно, и произошло с Игорем.

Воровский нажал кнопку звонка, дверь в квартиру Сырчиных распахнулась, и на пороге возник Саша, одетый в форму

лейтенанта-пехотинца. За его спиной слышался залиvistый девичий смех, вкусно пахнуло вареной молодой картошкой с укропом и маслом — сквозь дверной проем гостиной был виден уголок праздничного стола, застеленный скатертью и заставленный тарелками и бутылками. Вечер обещал выдаться на славу.

Как обычно, в кавалерийской части, которая находилась прямо возле дома за высоким забором, одинокий трубач сыграл «отбой». Для ребят это послужило сигналом к началу праздника. Непривычная к спиртному компания быстро захмелела. Саша наконец торжественно сообщил, что отправили его служить не куда-нибудь, а в штаб Киевского Особого военного округа, который еще недавно размещался всего в квартале от их дома в бывшем Институте благородных девиц. Теперь штаб переместили на Печерск в новое, недавно построенное, шестиэтажное здание. Игорь предположил, что его новость об артиллерийском училище будет выглядеть несколько блекло на фоне блистательного начала Сашиной карьеры, и решил о зачислении сообщить попозже. Молодежь гуляла «на всю катушку», старшие Сырчины были на даче, и поэтому ребята спокойно вылезали на крышу, чтобы покурить, пили вино и водку, которые новоиспеченный лейтенант припас в большом количестве, без умолку разговаривали. Жизнь казалась открытой, но еще не написанной книгой, а будущее — полным удивительных и приятных событий.

Молодежь обсуждала последние слухи о том, что вроде как на днях в их военном округе опять должны начаться масштабные маневры. А значит, над Киевом снова будут летать большие многомоторные самолеты и по радио станут регулярно объявлять учебную тревогу. Правда, Саша быстро пресек это обсуждение, авторитетно заявив, что никаких маневров не предвидится. Ему, как будущему штабному работнику, сразу поверили, хотя сам он до конца в сказанном уверенности не чувствовал. Потом разговор как-то незаметно переключился на футбол. Как раз вечером следующего дня в Киеве открывался самый большой в Украине Республиканский стадион. Планировался красочный спортивный праздник с атлетами, гимна-

стами и другими спортсменами, а изюминкой представления должен был стать матч всесоюзного чемпионата по футболу между киевским «Динамо» и московским ЦДКА (так в то время называлась команда ЦСКА).

Саша Сырчин с гордостью продемонстрировал два билета на матч, которые ему удалось достать. Воровский позавидовал черной завистью. Он понимал, что, конечно, во многом и назначение, и билеты его друг смог получить благодаря не каким-то там собственным выдающимся заслугам, а родителям. Что Игорю, чей отец совсем недавно переехал в Киев, да к тому же еще и был кристально честным — как с плаката! — рядовым коммунистом, такие билеты достать было практически невозможно, и здесь ничего не поделать. Но менее обидно из-за этого не становилось. Впрочем горести молодых проходят быстро, вечер в целом вполне удался, так что огорчение вскоре как-то само собой рассосалось.

К этому времени беседа уже переключилась на кино. В «Буревестнике» и кинотеатре имени Чапаева, что находился совсем рядом, на Львовской площади, крутили художественный фильм о недавней финской войне «Фронтовые подруги», который Игорю очень нравился. Другой, музыкальный, назывался «Песня о любви», Воровский его еще не видел, но, судя по названию, ничего не потерял — Игорь терпеть не мог музыкальные фильмы. Зато в восторге от них были девчата. В кинотеатре имени Шевченко показывали «Музыкальную историю» (опять эта музыка!), в «Коммунаре» — «Пятый океан» (а вот это уже заманчивое название), Игорь отметил про себя, что неплохо бы на него сходить.

Саша опять похвастался, что кино — это, конечно, хорошо, но завтра в Гиппо-паласе будет выступать знаменитый Эдди Рознер со своим джаз-бандом, и его родители идут туда. Они и отдали ему свои билеты на футбол, поскольку старший Сырчин, большой поклонник джаза, не мог пропустить такое знаковое событие как приезд Эдди Рознера в Киев.

Историческая справка: Адольф (Эдди) Рознер — знаменитый немецкий джазмен. Потомок польских евреев, с приходом к власти

Гитлера он покинул Берлин, а с началом Второй мировой войны бежал из Польши в СССР и в Минске организовал джазовый оркестр, с которым гастролировал по всему Союзу. Не желая называться одним именем с Гитлером, Рознер сменил его на американизированное Эдди. За импровизации на трубе, которой он виртуозно владел, сам великий Нил Армстронг, вручая свою пластинку Эдди, написал на ней «белому Армстронгу», на что европейский джазмен остроумно вывел на обложке своего винила «черному Рознеру».

Но ребятам, которые не знали, кто такой этот самый Рознер, было уже не до джаза. Заработал патефон, зазвучали модные тогда мелодии танго, начались долгожданные танцы. Игорь и его друзья самозабвенно веселились.

И конечно же, никто из них не догадывался, что это были последние танцы мирного времени, а для некоторых и просто... последние.

21.06.1941, начальник оперативного управления Киевского особого военного округа (КОВО) полковник Иван Христофорович Баграмян, 43 года

Погрузка близилась к завершению. Командиры и красноармейцы весело, с шутками и прибаутками выносили из здания штаба, грузили в машины и автобусы коробки с документами, столы, стулья, карты, печатные машинки. Теплый воздух к вечеру утратил дневную сухость, от парков и скверов веяло свежестью.

Иван Христофорович посматривал на часы, вроде бы все шло по графику. Следовало прибыть в Тарнополь к семи часам утра, таков был договор с начальником штаба округа генерал-лейтенантом М.А. Пуркаевым. 19 июня из Москвы пришла телеграмма от начальника Генерального штаба генерала армии Г.К. Жукова с приказом создать фронтовое управление и к 22 июня перебросить его в Тарнополь с полным сохране-

нием секретности. Осуществить эту операцию в такой сжатый срок, да еще и втайне от потенциального противника, было задачей практически невыполнимой. Поэтому командующий округом генерал-лейтенант М.П. Кирпонос приказал командованию и части личного состава отправиться по железной дороге эшелонам, а в первой половине следующего дня следом должна была отправиться основная штабная автоколонна... но без оперативников.

Историческая справка: Украинский областной центр город Тернополь в 1941 году назывался Тарнополем в честь своего основателя — польского военного и государственного деятеля, великого гетмана коронного Яна Амора Тарновского. После освобождения города от немецко-фашистских захватчиков 9 августа 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР его переименовали.

Отправляя автоколонну из Киева, Иван Христофорович задал своему непосредственному начальнику Пуркаеву естественный вопрос — когда же выдвигаться самому оперативному управлению? Пуркаев распорядился сначала подготовить всю документацию по оперативному плану округа, в том числе и по плану прикрытия госграницы, не позднее 21 июня поездом отправить ее с надлежащей охраной в Генеральный штаб, и только потом, вечером, выезжать вслед за всеми в Тернополь. В ответ на возражение, что в случае начала войны штаб округа окажется беспомощным без оперативников, Максим Алексеевич заметил, что до семи утра воскресенья это вряд ли случится. Баграмян его уверенности не разделял, но вынужден был по-военному подчиниться приказу.

Обстановка в округе становилась напряженной, немецкие самолеты регулярно нарушали воздушное пространство СССР. От пограничников и командования приграничных подразделений регулярно поступали сообщения о концентрации войск вермахта у границы. Штаб округа регулярно докладывал об этих сигналах в Москву, но в ответ шли распоряжения: самолеты не сбивать, огонь зенитной артиллерии не открывать, на провокации не поддаваться. Когда командование округа проявило самостоятельность и приказало

приграничным подразделениям занять предпольные укрепления, их резко одернули из Москвы и сделали нагоняй. И вот теперь в такой сложной ситуации Пуркаев говорит, что именно завтра нападения не будет... Что ж, оставалось лишь верить, что начальник штаба округа прав.

Иван Христофорович обеспокоенно посмотрел на часы — время шло, а машины еще не были полностью загружены. Наконец последняя коробка с папками была размещена на дне штабной трехтонки, Баграмян сел в головной легковой «ЗиС-101», и колонна двинулась от Печерска к Брест-Литовскому шоссе. Город оставили засветло.

Устроившись на заднем сиденье автомобиля, Баграмян, пока позволяло освещение, бегло читал передовицы захваченных в дорогу свежих газет. Ничего тревожного в них не было, но Ивану Христофоровичу по роду службы полагалось знать немного больше, чем борзописцам, и потому на душе у него скребли кошки.

Первую остановку пришлось сделать, не доехав даже до Житомира, — машина, следовавшая за головной, начала сигналить. Оказалось, что часть транспорта из-за различных поломок или остановок задержалась, и колонна растянулась. Пришлось потратить некоторое время, чтобы дождаться отставших и продолжить движение. Однако, час спустя, пришлось делать новую остановку. Все шло к тому, что прибыть в Тарнополь вовремя колонна не сможет.

Баграмян еще не знал, что он, как и вся Красная Армия, уже ведет жестокую гонку со временем.

События развивались лавинообразно. В 21:00 на западе Украины в Львовской области на участке Сокальской комендантуры 90-го пограничного отряда перешел границу немецкий ефрейтор, «сторонник Советской власти», Альфред Лисков. На вечернем построении командир его роты лейтенант Шульц заявил, что ночью после артиллерийской подготовки их часть на плотках, лодках и понтонах начнет форсирование пограничной с СССР реки Буг. Услышав это, Лисков решил бежать и сообщить о нападении советским пограничникам. Те срочно передали

информацию в Москву, по каналам Наркомата внутренних дел (НКВД), в который входили и погранвойска.

*Историческая справка: После начала войны Лискова некоторое время использовали в пропаганде (первая статья о нем была опубликована уже 27 июня, в тот же день он прибыл в Киев, где выступал перед работниками 8-й обувной фабрики). Интересно, что ефрейтор не находился в статусе военнопленного, а жил свободно в общези-
тии с сотрудниками Коминтерна. В конце лета 1941 года у него начались серьезные конфликты с руководством организации, Лискова обвинили в фашистских и антисемитских настроениях. Кроме того, Димитров и его коллеги всерьез предполагали, что перебежчик психически нездоров. В октябре 1941 года Лискова вместе с прочими коминтерновцами эвакуировали в Уфу. Там он продолжал вести себя странно. В результате, под давлением Димитрова, в январе 1942 года ефрейтора арестовали. Находясь под арестом, тот начал выдавать явные признаки душевного расстройства. В июле дело закрыли, а Лискова реабилитировали и освободили. Вскоре его направили в Новосибирск, где в конце 1943 года Лисков бесследно исчез.*

В 21:40 высший руководящий состав Красной Армии срочно собрался в кремлевском кабинете главы страны И.В. Сталина. Присутствовали: командующий РККА маршал С.К. Тимошенко, маршалы С.М. Буденный и К.Е. Ворошилов, начальник Генерального штаба генерал-полковник Г.К. Жуков и министр иностранных дел В.М. Молотов. Совещание длилось 1 час 50 минут. В 23:30 заработали все телеграфисты Генерального штаба. Из Москвы в штабы военных округов полетели шифрограммы Директивы № 1, под которой стояли подписи Жукова и Тимошенко:

«1. В течение 22–23 июня 1941 г. возможно внезапное нападение немцев... Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача... — не поддаваться ни на какие провокационные действия...

Войскам округов быть в полной боевой готовности...

ПРИКАЗЫВАЮ:

а) в течение ночи... скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом... рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию... тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать... замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность...»

Фактически война уже началась, но огромному, сложнейшему механизму требовалось время на то, чтобы раскрутить все свои шестеренки. А время неумолимо истекало, как песчинки в песочных часах.

В Киеве шифрограмму с Директивой получили быстро, но выполнить ее из-за переезда штаба оказалось затруднительно. Кроме того, действовал строгий запрет на использование радиосвязи, а проволочную во многих приграничных районах уже начали разрушать заброшенные в советский тыл диверсионные отряды. Все, что могли сделать оставшиеся в Киеве дежурные офицеры, это передать Директиву дальше в штабы армий и сообщить ее содержание командованию Киевского укрепрайона, ответственного за оборону столицы Украины. То на свой страх и риск объявило учебную воздушную тревогу, потом учебную химическую тревогу, потом опять воздушную...

Но работники оперативного управления штаба округа не знали об этом, большинство их тряслось в дороге на сиденьях автобусов, машин или на ящиках с документами в кузовах многочисленных полуторок и трехтонок под убаюкивающий гул моторов.

22.06.1941, секретарь ЦК ВКП(б) Украины Никита Сергеевич Хрущев, 47 лет

Никита Сергеевич, сидя за столом в своем кабинете в новом здании ЦК партии УССР, тер уставшие глаза. За окном стояла прохладная июньская ночь, а ему приходилось работать. Хрущев не спал уже сутки и чувствовал, что на следующий день тоже вряд ли удастся отдохнуть.

Историческая справка: Здание Центрального Комитета коммунистической партии УССР возвели к 1939 году на месте старинной домонгольской церкви Трех Святителей, построенной на Ярославовом «Большом дворе» князем Святославом Всеволодовичем в 1183 году. Ее безжалостно взорвали, как и находившийся рядом старинный Михайловский Златоверхий монастырь, чтобы построить ансамбль правительственных зданий, которые должны были создавать, по замыслу автора проекта архитектора Иосифа Григорьевича Лангбарда, вокруг Правительственной площади (до и после Советского периода — Михайловской) античный амфитеатр. Однако в результате возвели только здание республиканского ЦК партии. В наше время в нем размещается МИД Украины, а рядом находится единственный в городе фуникулер.

Из штаба КОВО ему позвонили еще поздним вечером 21 июня. Заместитель начальника штаба округа просил срочно приехать к ним на Орджоникидзе. Хрущев чертыхнулся, очередные выходные отправлялись псу под хвост, но делать ничего не оставалось, надо ехать. Еще утром он вернулся из Москвы, с трудом вырвавшись от хлебосольного Сталина, и вот снова куда-то нестись, на ночь глядя. Автомобиль быстро доехал от дома на Шелковичной, 14, который Никита Сергеевич делил с Михаилом Гречухой, председателем Президиума Верховного Совета УССР, к монументальному серому шестиэтажному зданию штаба округа. Его массивные колонны торжественно и мрачно нависали над маленькой улочкой, носившей имя Серго Орджоникидзе. Когда бывший командующий округом покойный Иона Якир заказывал дом архитекторам, те первоначально спроектировали четыре этажа, но амбициозный маршал ни за что не хотел, чтобы «его» штаб был ниже, чем шестиэтажная махина республиканского НКВД, которую «строил» также уже покойный бывший главный чекист Украины Всеволод Балицкий. «Мерились своими этажами, мерились, — насмешливо подумал про себя Хрущев, прежде чем выйти из автомобиля, — и в результате оба сгнули. А я — выжил».

Историческая справка: В бывших зданиях Киевского Особого военного округа и Совета народных комиссаров УССР (НКВД здание

не досталось, поскольку к моменту окончания его строительства назначение поменяли) сейчас соответственно располагаются Администрация президента Украины и Кабинет министров. Улице Орджоникидзе после распада СССР вернули ее дореволюционное название — Банковая.

В кабинете связи его соединили с Тарнополем, куда накануне отправилось фронтовое управление КОВО. Оттуда сообщили о немце-перебежчике и о возможном начале войны в 4:00 по Москве. Следом из Генерального штаба поступила Директива № 1, которую зам. Пуркаева тут же и зачитал Никите Сергеевичу и присутствовавшим офицерам связи вслух. Лица у них сразу стали строже и сосредоточенней. Было понятно, что остались буквально последние часы мирного времени, за которые надо предупредить все приграничные части, чтобы они успели подготовиться к встрече незваных гостей.

Хрущев отправился к себе в республиканский ЦК партии и уже до самого утра не покидал кабинет.

22.06.1941, воентехник второго ранга Петр Шурлаков, 22 года

Ночь у бывшего курсанта КТТУ выдалась тяжелая. Все началось с учебной тревоги. Шурлакову пришлось обзвонить и вызвать на аэродром нарочными всех техников, летчиков и командиров подразделений аэродромной охраны. После отбоя первой тревоги те уже хотели разъехаться по домам, когда последовала вторая. Тогда все, махнув рукой, остались на аэродроме, примостившись на стульях и ступеньках лестниц, чтобы хоть как-то вздремнуть. Но спать им не дали, последовала новая тревога. Происходило что-то непонятное, то ли действительно стартовали большие учения, слухи о которых муссировались в городе последние несколько недель, то ли, не дай бог, началась война. Военные гнали от себя дурные мысли, но те упорно возвращались.

Шурлаков решил проскочить на машине батальона аэродромного обслуживания к окраине летного поля, проверить самый дальний пост у складов с боеприпасами. Вместо себя он оставил за главного помкомвзвода Родионова. Не успел Петр сесть в машину, как Родионов прибежал из дежурки — объявлялась очередная, уже четвертая тревога. Летчики и техники собрались возле здания управления аэродрома, они ждали новых распоряжений или отбоя, Петр не знал, что им сказать, он сам был озадачен.

Настало утро, рассветное солнце уже выглянуло из-за горизонта, часы показывали начало восьмого, и тут вдалеке послышался гул авиамооторов. Он приближался к аэродрому с запада, нарастая с каждой минутой. Вскоре вдали уже можно было различить большую группу самолетов в полсотни единиц, идущую правильным строем. У Шурлакова в голове забила, затрепетала мысль: «Что это, учения или война? Объявлять боевую тревогу или, как все, спокойно наблюдать за происходящим?» В это время кто-то заметил, что появившиеся на горизонте самолеты — это бомбардировщики и, судя по тому, как тяжело они идут, бомбами загружены под завязку. Тут Петр вспомнил, что никаких предупреждений о полетах в зоне аэродрома он не получал. Шурлаков забежал в дежурку, быстро набрал домашний номер коменданта Киева Горрикера, однако трубку никто не брал, видимо, генерал ночевал вне дома. На воентехника второго ранга навалилась огромная ответственность, ибо в случае объявления ложной боевой тревоги можно было загреметь под трибунал. Но если это не ошибка... Петр вспомнил друзей, обмывающих свои звания, а может, уже и спящих где-то там, в мирном городе, сонные киевские улочки и кварталы. Он отбросил сомнения, подскочил к красной кнопке боевой тревоги и с размаху ударил по ней. Над аэродромом понесся пронзительный вой sireны.

Техники и пилоты бросились от здания управления в разные стороны к своим боевым постам. Неизвестные самолеты были уже совсем близко от аэродрома, а на их крыльях теперь

четко просматривались нацистские «балькенкройцы» (балочные кресты), контуры которых образовывали четыре выведенных белой краской прямых угла.

Основная масса бомбовозов, пролетев в стороне от Жулян, пошла вдоль Брест-Литовского шоссе по направлению к центру города, но часть самолетов отделилась от основной группы и направилась в сторону аэродрома. На летное поле посыпались бомбы. Некоторые из них угодили в ангар № 4, где стояли самолеты Р-5, часть уничтожила расположенные рядом с летным полем жилые дома. Несколько вражеских самолетов перепыхали бомбами взлетную полосу, пытаясь вывести ее из строя, но полностью им этого сделать не удалось.

Со стороны города тоже слышались разрывы. Где-то в районе Шулявки к небу поднялся высокий черный столб дыма, с той стороны утро прорезали такие же пронзительные, как и на аэродроме, завывания сирен.

Историческая справка: Шулявка — исторический район Киева. Название происходит от старославянского «шелвова борка» — низкорослый лесок с большим количеством лужаек. Упоминается в древнерусских летописях X–XI веков. В документах XVII века фигурирует как Шелвов Борок и Шелвова сельцо, в XVIII веке — как село Шулявка, Шулявица (вблизи Лыбеди) или Шульжанский двор Софийского монастыря. В XVIII веке на Шулявке располагалась летняя резиденция Киевских митрополитов. С 1847 года — в госсобственности. В 1848–1857 годах на месте резиденции митрополитов возведено здание Кадетского корпуса, оно описано в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия», пьесе «Дни Турбиных» и снято в одноименном фильме. В наше время в нем расположено здание Министерства обороны Украины. В конце XIX века на Шулявке сооружен Политехнический институт (знаменитый выпускник — И.И. Сикорский). Напротив него выросли зоосад и парк Пушкина. За Шулявкой на пустыре построили завод Гретера и Криванека, будущий завод «Большевик», вокруг которого быстро разрослись рабочие кварталы. С 12 по 16 декабря 1905 года во время революции рабочие Шулявки захватили район, провозгласив Шулявскую республику которую царские войска ликвидировали уже

через две недели. В 20–30-е годы здесь же появилась Киевская кинофабрика, известная сейчас как Киностудия им. А.П. Довженко.

Вчерашний полковник со звездой Героя на груди, который вместе с друзьями-пилотами до сих пор слонялся у здания управления, бросился к своему красному истребителю. Не обращая внимания на разрывы бомб, он резко, почти отвесно поднялся в небо, но бомбардировщики к тому времени уже удалялись от Жулян, намереваясь присоединиться к основной группе самолетов, которая возвращалась от Киева. Сбросив бомбовую нагрузку, они значительно прибавили в скорости, потому у тихоходного И-16 не оставалось никаких шансов догнать их. Однако один вражеский самолет задержался над аэродромом — по-видимому, фотографировал результаты налета. Красный истребитель бросился к нему. «Ишачок» набрал высоту, зашел справа, атакуя вражескую двухмоторную машину, потом слева. Воздух наполнился дробным треском пулеметных очередей — стрелял истребитель. Вскоре бомбардировщик задымил и потянул на запад. Вооруженные курсанты и помкомвзвода тут же прыгнули в машину и помчались следом за ним, чтобы пленить вражеских летчиков. Теперь сомнений ни у кого не осталось — началась война. Когда красный И-16 приземлился, все бросились качать удачливого пилота.

Историческая справка: Немецкие документы не подтверждают факт потери 22 июня 1941 года в районе Киева самолетов Люфтваффе. Тем не менее практически все советские источники утверждают, что как минимум один сбитый самолет был.

Но Шурлакову было не до этого. Он лихорадочно вызванивал начальство КТТУ, сообщая подробности нападения на аэродром. За это время геройский полковник успел заправить свой ярко-красный И-16 и улететь на нем куда-то на запад, в прифронтовые части. Только через много лет после войны Петр узнал, что первый самолет над Киевом на его глазах подбил Герой Советского Союза инспектор ВВС КОВО полковник Иван Иванович Красноюрченко (который, кстати, пережил войну и умер в 1970 году).

22.06.1941, киевлянин Федор Федорович Худяков, 36 лет

За три часа до того, как на Киев упали первые бомбы, в 4 утра, Федор со своей женой Аней заняли очередь за сахаром в продовольственный магазин. В одни руки давали всего по полкило. Двери уже должны были открыться, как вдруг раздался вой сирены. Стоявшие в очереди, как учили, начали разбегаться по домам, на бегу проклиная учебную тревогу и жалея о впустую потраченном времени. Аня забеспокоилась, что сирена может напугать их маленького сына Юру, и побежала домой, а Федор помчался на рынок — нужно было еще купить молока.

Историческая справка: Главный рынок Киева в 1941 году — Евбаз (Еврейский базар). В то время это был центральный «супермаркет» города и основной «генератор» слухов и сплетен.

Здесь Худяков с удивлением обнаружил, что милиционеры разгоняют торговцев и покупателей. С упирившимися продавцами особо не церемонились, сметая на брусчатку бутылки с молоком, крынки со сметаной и ряженкой. Кучки разложенных на земле овощей раскидывали ногами.

Трамваи остановились. Пассажиры, сидевшие в них, в основной своей массе ехали на вокзал и опаздывали на пригородные поезда. Они громко возмущались, как вдруг и их гомон, и завывания сирен потонули в канонаде невесть откуда открывших огонь зенитных орудий. От неожиданности все умолкли. В синем ясном утреннем небе появились самолеты с черными крестами, сопровождаемые облачками разрывов зенитных снарядов.

Народ кинулся по подворотням, плотно набиваясь в замкнутые пространства, ограниченные кирпичными стенами домов. В одну из подворотен забежал и Федор, здесь ему удалось купить у какой-то перепуганной женщины бутылку молока. Одна переполовавшаяся бабушка-селянка обращалась ко всем подряд, нервно выспрашивая, что же это происходит. Федор успокоил ее, сказав, что, видимо, проводятся учения, хотя сам в это не верил. Вскоре канонада закончилась...

22.06.1941, ученик 13-й Киевской артиллерийской спецшколы Игорь Воровский, 21 год

За окном уже начинало светать. На столе все было выпито и подъедено, но расходиться по домам никто не спешил, кровь будоражили алкоголь и энергия юности. Компания разбилась на парочки, которые ворковали по разным углам большой квартиры Сырчиных, только Игорю, для которого пары не нашлось, хотелось спать, и он стойчески боролся со сном, подперев голову кулаком. Но тут дремота покинула его сама собой — вдали явно различимо послышался гул множества авиационных двигателей. Игорь выглянул в окно и увидел, что над Киевом, вдоль Брест-Литовского проспекта по направлению с запада от Святошино к центру правильным строем летят большие черные двухмоторные бомбардировщики. Некоторые из них отделились от общей группы в сторону, будто нацеливались прямо на Чеховский переулок.

Игорь громко позвал всех к окну. Наблюдающие за самолетами ребята сразу начали дискутировать о том, что все-таки большие маневры начались и Сырчин вчера вечером сказал им всем неправду. От шуточных упреков Сашины уши стали пунцовыми, но тут от самолетов начали отделяться черные точки, и новоиспеченный лейтенант истошно завопил: «Бомбы! Ложись!» Компания бросилась врассыпную, ребята попадали кто куда, кто на кровать, кто на паркет... Взрывная волна хлестко стеганула по стене здания, оконные стекла заколебались в рамах, лопааясь мириадами осколков. К счастью, бомбовозы высыпали свой смертоносный груз мимо дома, и когда звон в ушах у молодых людей поутих, они снова услышали гул двигателей, только теперь удаляющихся прочь. В том, что это были немцы, ни у кого сомнений теперь не оставалось.

Вдалеке послышались новые разрывы бомб — удару подверглись и другие районы Киева. Ребята, недолго посоветовавшись, решили выбраться на крышу дома. Он стоял на возвы-

шенности, и значительная часть правобережной части города была как на ладони.

Первым делом друзья обратили внимание на территорию соседней кавалерийской части, там было разрушено несколько строений, что-то горело, трубач играл тревогу. Бежали какие-то люди с носилками, на которых лежали то ли раненные, то ли убитые бойцы. Самолеты еще кружили в небе, но уже вдалеке, над Шулявкой, там, где находились киностудия Довженко, завод «Большевик» и авиационный завод № 43. Пилотов бомбовозов, видимо, интересовали именно два последних объекта. Вскоре с той стороны в небо пополз густой темно-серый столб дыма.

Пыль и дым стояли и над Евбазом. Что-то дымило на Лукьяновке в районе городской тюрьмы. Самолеты удалились, их уже не было видно, но со стороны Жулян еще доносились звуки разрывов. Видимо, досталось и аэродрому. Всем стало ясно, что никакие это не маневры. Очевидно, случилось то, чего так боялись и одновременно ждали, — началась война.

Саша Сырчин засобирался, заторопился — ему было необходимо срочно явиться по месту службы. Ребята скомканно, торопливо распрощались. Игорь спустился к своим в полуподвал. Его родители спросонья не могли понять, что происходит, и он с важным серьезным видом всезнающего человека рассказал им об увиденном. Сон как рукой сняло. Игорь наскоро позавтракал и также отправился в школу, поскольку ему, как практически военному, также полагалось находиться на своем боевом посту.

22.06.1941, нападающий и капитан футбольной команды «Динамо» (Киев) Константин Васильевич Щегоцкий, 30 лет

Константин спал, когда в его квартире пронзительно зазвонил телефон. Он бросился к аппарату, взглянув по пути на часы. Часовая стрелка почти доползла до цифры шесть. Кому это не

спится воскресным утром? Сегодня же открытие нового 50-тысячного стадиона и ответственная игра с московским ЦДКА, все знают, что игроков перед матчем лучше напрасно не беспокоить! А может, это из НКВД? Внутри у Константина все похолодело. Совсем недавно, всего каких-то полтора года назад, его выпустили из спецкорпуса Лукьяновской тюрьмы, в котором сидели «враги народа». Несмотря на пытки, садисты с петлицами крапового цвета не смогли выбить из него признаний в предательстве. А вскоре и сами стали жертвой системы, когда Берия начал воевать с «ежовщиной», а Константина выпустили на волю. С опухшими ногами и перебитыми пальцами Щегоцкий долго не мог делать того единственного, что умел, — играть в футбол. Тогда его крепко выручил председатель правления московского спортивного общества «Спартак» Николай Петрович Старостин, взяв в свой клуб на административную должность. Он хорошо знал Костю еще по его играм за московские команды — «Горняк», «Трехгорку», «АМО». В столице бывший игрок киевского «Динамо» отъелся, окреп и вскоре вернулся в свою родную команду...

Историческая справка: Константин Васильевич Щегоцкий в довоенном СССР был очень известным игроком. Весной 1936 года проводился первый чемпионат СССР по футболу, в котором «Динамо» (Киев) заняло второе место. Щегоцкий и Макар Гончаренко стали лучшими бомбардирами команды, забив по четыре мяча. В том же году футболисты «Динамо» (Киев) приняли участие в съемках быстро ставшего популярным фильма «Вратарь». Константин сыграл в нем небольшую роль капитана лучшей команды запада — «Черных буйволов». В 1936–1938 годах Щегоцкий был капитаном «Динамо» (Киев), пока его не арестовали по ложному обвинению.

Да нет, не может это быть НКВД, они не звонят, а сразу приезжают и барабанят в дверь. Щегоцкий приложил ухо к эбонитовой трубке, спросил, кто это. К его облегчению, на том конце ответил возбужденный голос приятеля — адвоката Гуревича.

— Костя, война!

— Оставь свои глупые шутки! Ты что, загулял где-то?

— Костя, я не шучу! Ты слышишь?! Война! Немцы напали на нас!

Гуревич бросил трубку. Ошарашенный Щегоцкий сначала не знал, что делать и за что хвататься. Затем вспомнил о своем московском приятеле, комментаторе Вадиме Синявском, который специально приехал в Киев, чтобы комментировать сегодняшний матч. Константин не знал телефонного номера гостиницы «Континенталь», в которой тот остановился, поэтому быстро оделся и чуть ли не побежал, чтобы предупредить о свалившемся на них всех несчастье.

Историческая справка: Вадим Святославович Синявский — комментатор всесоюзного радио в 1924–1971 годах, основоположник советского радио- и телерепортажа. Комментировал первый зарубежный матч сборной СССР по футболу. В годы Великой Отечественной войны был... военным комментатором. 7 ноября 1941 года вел прямой радиорепортаж с легендарного парада на Красной площади, в 1942 году — из блиндажа в осажденном Сталинграде, в 1943-м — из танка на Курской дуге. Перед этим в осажденном Севастополе был тяжело ранен, потерял глаз. Пережил войну. Вел первый в СССР телерепортаж 2 мая 1949 года с футбольного матча «Динамо» (Москва) — ЦДКА.

Он ворвался в номер Синявского, когда уже на весь Киев гремела канонада зениток и слышались разрывы бомб. Вадим, высунувшись в открытое нараспашку окно, лежал животом на подоконнике и комментировал кому-то по телефону все происходящее.

— Бьют зенитки!.. Мимо!.. О! Кажется, попали!.. Нет! Снова мимо!..

Вскоре канонада стихла. Вадим слез с подоконника, задумчиво опустил трубку на рычаги аппарата и обернулся к Константину:

— Вот такие дела... война... Фашистская нечисть на нас напала! Только что звонил в Москву.

Историческая справка: Матч «Динамо» (Киев) — ЦДКА (Москва) 22 июня 1941 года так и не состоялся, его отменили из-за опасения новых бомбардировок. Ровно через 25 лет те киевляне, кто сохранил

билеты, приобретенные на открытие стадиона и эту игру, смогли прийти и посмотреть «матч памяти», который сыграли на этой же спортивной арене ветераны киевского «Динамо» и ЦСКА... те, кто остался в живых.

22.06.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год

Комэск Вася Шишкин уехал в Черновцы еще 19 июня. Он должен был забрать там новый истребитель ЛаГГ-3, и теперь, как фактически первому заместителю командира, командовать эскадрильей пришлось Дмитрию. Полк был укомплектован 54 истребителями (из них два на тот момент числились неисправными): монопланами И-16, которые в частях прозвали «ишаками», и полуторапланами И-153. Последние за специфическую форму крыльев назывались «чайками». Для 1941-го года тихоходные «ишаки» и «чайки» были уже довольно устаревшими, поэтому новый самолет ждали, и надеялись поскорее его освоить.

Летчики жили в палатках на резервном аэродроме в Ольшанке, так как на основном, Васильковском, где располагались склады, казармы, столовая и военный городок для семей состава, проводились работы по строительству бетонированной взлетной полосы.

Историческая справка: Бетонная взлетная полоса Васильковского аэродрома размерами 1100 на 100 метров действует до сих пор.

Васильков располагался за восемнадцать километров от летного поля, поэтому летчики и техники ездили на выходные поэскадрильно, и как раз подходила очередь третьей эскадрильи проведать родных. Но когда Дмитрий зашел к командиру их 43-го иап полковнику Я.В. Шипитову, тот в категорической форме заявил, что сегодня в Васильков никто не поедет. В штабе все были напряжены, царила нервная атмосфера, постоян-

но звонили телефоны, но никто причину этого летчикам не объяснял. Расстроенные пилоты побрели в палатки, обсуждая столь вопиющую несправедливость.

Впрочем, через некоторое время Шипитов еще раз вызвал Дмитрия к себе. Он сообщил, что посоветовался с командиром дивизии, и тот все-таки разрешил отпустить летчиков к семьям. Панов немедленно воспользовался разрешением. Дорога пролетела незаметно — после недавних дождей воздух дышал свежестью, по сторонам разбитой грунтовки, радуя глаз, кололись тучные поля пшеницы.

Утром Дмитрий проснулся рано, долго смотрел на занимавшийся на востоке рассвет, потом лег еще поспать, но хорошо знакомые по Китаю звуки далеких взрывов авиабомб, донесшиеся со стороны Киева, подкинули его с кровати. Жена Вера испуганно спросила, что это. Он успокоил ее, сказав — видимо, в Киеве что-то взорвалось на одном из предприятий, но сам подумал совсем о другом и начал поспешно одеваться.

В дверь постучалась жена замполита полка батальонного комиссара Г.С. Щербакова. Она сообщила, что звонили из лагеря, летчиков срочно вызывали в Ольшанку. Дмитрий набрал гараж, чтобы прислали машину, но там сказали, что она уже выехала к ДОСам.

Историческая справка: ДОСами до войны (да и в наше время) называли дома офицерского состава.

Летчики и техники, одеваясь на бегу, выскакивали из домов и запрыгивали в бортовую трехтонку. Когда все собрались, шофер дал по газам и грузовик стремительно понесся к аэродрому. Когда они уже были на полдороги, кто-то из летчиков закричал: «Смотрите! Смотрите!» Над землей на километровой высоте курсом на запад не спеша «плыли» три девятки чужих двухмоторных бомбардировщиков с белыми крестами на крыльях. Никто их не атаковал ни с земли, ни с воздуха. Летчикам оставалось только бессильно скрипеть зубами и потираливать водителя.

Шипитов встретил их руганью, три эскадрильи уже находились в воздухе, а вновь прибывшие, вместо того чтобы за-

щищать Родину, болтались черт знает где. Техники быстро заправили в пулеметы заранее набитые ленты, двигатели «чаек» радостно взревели, и Дмитрий доложил комполка о готовности эскадрильи к взлету.

Уже через несколько минут их бипланы патрулировали небо над Киевом. В глаза бросался жирный черный столб дыма, поднимавшийся в районе завода «Большевик». В остальных районах города пожары и разрушения не наблюдались. Эскадрилья сорок минут «провисела» над городом, а затем пошла обратно на аэродром. В воздухе ее сменили взлетевшие со своего аэродрома в Брусилове самолеты 2-го иап. В тот день эскадрилья еще два раза поднимались в воздух, и каждый раз безрезультатно.

22.06.1941, ученик 43-й киевской школы Анриан Галябарник, 15 лет

Война ворвалась в жизнь Анриана стремительно. Он жил с родителями в частном доме на Соломенке недалеко от Жулян, поэтому начало бомбардировки аэродрома услышал сразу, точнее, почувствовал. Стены их дома закачались, а стекла в оконных рамах начали жалобно дребезжать. Уже через несколько минут Анриан и двое его товарищей выбежали к месту пересечения «канавы» с улицей Шевченко (сейчас она носит имя Максима Кривоноса). Оттуда было хорошо видно, как двухмоторные бомбардировщики утюжат аэродром с высоты 350–500 метров. Друзья, не сговариваясь, вывели на улицу свои «велики» и стремительно помчались на Чоколовку, в ту ее часть, которая примыкала к летному полю.

Когда они доехали, самолеты уже улетели, но результаты их бомбежки оказались налицо. На улице Волынской дымились развалины шести или семи частных домов, тут же лежали и бездыханные тела первых жертв. Андрей про себя отметил, как странно разрушились дома — те стены, которые оказались

перпендикулярно к взрывной волне, она безжалостно смела со своего пути, а те, которые параллельно — уцелели и остались стоять со всеми шкафами, полками и прочей мебелью, среди битого кирпича, глины, соломы и обломков стропил. Под ногами прямо на улице валялись книги, кастрюли, какие-то тряпки. На аэродроме догорал один ангар, пожар на втором, поврежденном, уже успели затушить. Ребята еще покрутились среди взрослых, поглазели на неразорвавшуюся бомбу и разъехались по домам, где все рассказали старшим.

Утро проходило тревожно. Радио у всех было постоянно включено, в каждой квартире, каждом доме киевляне внимательно вслушивались в сообщения диктора, ожидая разъяснений и недоумевая, почему их нет. Можно было подумать, что ничего не произошло и страна по-прежнему живет мирной жизнью. Тем временем поползшие по городу слухи заполнили информационный вакуум. Говорили, что одна бомба попала в Лукьяновское СИЗО и повредила его здание, что кроме аэродрома бомбили «Большевик» и авиазавод, Волынский железнодорожный узел, воинскую часть, что возле Львовской площади, и штаб КОВО, что еще один самолет над городом сбили то ли с канонерки Пинской флотилии, то ли его «завалил» истребитель киевского ПВО. Говорили, что в жилых домах на Чоколовке и военной части погибло много людей. А по радио передавали музыку, транслировали какие-то совершенно мирные программы, и только в 12:00 диктор Левитан сообщил, что с правительственным сообщением перед народом сейчас выступит Нарком иностранных дел В.М. Молотов. Спустя мгновение тот начал речь: *«Граждане и гражданки Советского Союза! Советское правительство и его глава тов. Сталин поручили мне сделать следующее заявление:*

Сегодня в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерий-

ский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территорий...»

Заканчивалось выступление словами, которые стали впоследствии крылатыми и многих тогда взяли за живое: «...Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Теперь уже ни у кого не возникало сомнений, что началась война, последние надежды на мир пошли прахом. Через час после Молотова это заявление повторил диктор центрального радио Юрий Левитан.

Историческая справка: Именно озвученное голосом Левитана заявление, практически всегда использовали советские кинорежиссеры, снимавшие фильмы о первых днях войны.

Анриан внимательно вслушивался в слова Молотова, а затем и Левитана. Как все мальчишки его поколения, он мечтал о возможности защищать Родину, и сейчас, с началом войны, решил, что, хоть ему всего пятнадцать, он все равно будет драться с немцами, если те полезут на Киев. Анриан прыгнул за руль своего велосипеда и помчался к друзьям, чтобы обсудить эту мысль с ними.

22.06.1941, старший краснофлотец, 1-й наводчик кормового орудия канонерской лодки «Верный» Петр Федорович Танана, 24 года

Обычно по воскресеньям команде давали поспать чуть подольше, чем обычно, — до 7:00. Однако на этот раз ровно в 4:15 сыграли боевую тревогу. Матросы заняли свои места согласно боевому расписанию, и канлодка направилась к левому берегу Днепра, куда перед началом стрельб было свезено на сушу и оставлено под надзором часовых все излишнее имущество. Его быстро загрузили на борт, приняли часовых, и корабль отправился в Киев. По дороге причалили к берегу возле какого-то урочища. Здесь под чутким руководством бывалого боцмана

Л.С. Щербины нарубили дубовых веток, которыми быстро и сноровисто (сказывались частые тренировки) замаскировали палубу, рубку, башни, затем двинулись дальше.

Примерно в 10–11 часов дня канлодка подошла к самому южному в Киеве Дарницкому железнодорожному мосту, навстречу ей спускался пароход «XX лет РККА». В это время над Печерском кружил бомбардировщик, на крыльях которого через бинокли явно проглядывались «фирменные» нацистские «балкенкройцы». Вокруг него белыми облачками вспыхивали разрывы зенитных снарядов. Со стороны города доносилась яростная канонада.

Ожидая команды, расчет 76,2-мм зенитки находился в полной готовности. Наконец командир БЧ-2 А.В. Жигалов получил от командира корабля разрешение на открытие огня. Первая же шрапнель разорвалась под самолетом, и он, задымив, отвалил на запад. Второй выстрел произвести не удалось, корабль как раз зашел под мост. По прибытии на базу командир корабля старший лейтенант А.Ф. Терехин поспешил в штаб, откуда вернулся взволнованным — поступил приказ срочно готовиться к дальнему походу. Старлей также сказал, что по городу ходят слухи, дескать первый вражеский самолет над Киевом сбила именно их канлодка.

22.06.1941, киевлянин Федор Федорович Худяков, 36 лет

Все утро Федор и Аня напрасно прождали каких-либо сообщений по радио, которые объяснили бы произошедшее. Наконец часов в десять перезвонили из Наркомздрава, где жена Худякова работала кадровиком, и потребовали, чтобы она срочно пришла. Домой Аня вернулась часов через пять, к этому времени Молотов уже прочитал заявление правительства и стало очевидно, что началась война. Федор не стал дожидаться, пока его вызовут в Горжилуправление на работу, и отправился туда сам.

22.06.1941, нападающий и капитан футбольной команды «Динамо» (Киев) Константин Васильевич Щегоцкий, 30 лет

Попрощавшись с Синявским, Константин побежал на стадион «Динамо». Здесь уже собралось множество людей, лица у всех посерьезневшие, напряженные. Заявление Молотова слушали в гробовой тишине, а потом начали готовиться к предстоящему матчу с «ЦДКА». Еще не верилось, что его может хоть что-нибудь отменить, даже война. Определили состав команды на игру: в воротах — Олег Лаевский (его впервые решили выпустить на такой ответственный матч, опытнейший Коля Трусович в этот раз оставался на скамейке запасных), на поле — Василий Глазков, Борис Афанасьев, Николай Махиня, Владимир Гребер, Михаил Гурский, Владимир Онищенко, Михаил Матиас, Александр Скоцен, Константин Щегоцкий, Павел Виньковатов. Но сыграть в таком составе команде так никогда и не удалось.

Они ждали на стадионе до трех часов дня, состоится матч или нет. Но игру все-таки отменили. В полседьмого прозвучал сигнал воздушной тревоги, игроки распрощались друг с другом и разошлись по домам.

22.06.1941, начальник оперативного управления КОВО полковник И.Х. Баграмян, 43 года

Рассвет застал штабную автоколонну в районе городка Броды. Сделали очередную короткую остановку. Иван Христофорович вышел из ЗиСа, расправил затекшую спину и зашагал вдоль колонны. Возле каждого грузовика и автобуса его встречал старший по машине и докладывал, что все в порядке. Баграмян убедился, что отставших нет, и уже возвращался назад к своей

легковушке, как вдруг послышался гул множества летящих самолетов. Ему было известно, что здесь неподалеку находится большой аэродром. Что за приказ заставил летчиков поднять в воздух свои машины в воскресенье в такую рань? Очередное нарушение границы? Или?..

Послышались гулкие взрывы, вдалеке в небо поднялся густой черный столб дыма, кто-то закричал. Внутри похолодело — значит, все-таки «или».

Началось...

Появившиеся самолеты с крестами на крыльях рассеяли последние сомнения. Они уже отбомбились и разворачивались как раз над колонной, видимо, чтобы вернуться за новой порцией своего смертоносного груза. От общего строя отделились три бомбардировщика и с ужасным воем понеслись вниз. На бреющем полете они прошли над дорогой, поливая ее из пулеметов. Люди бросились кто куда, спасаясь в кюветах, в придорожных зарослях кустарника, под деревьями. Только несколько особо упрямых водителей не оставили свои машины.

Вражеские самолеты еще раз прошли над замершей колонной, после чего набрали высоту и отправились нагонять основную, почти растворившуюся вдали, группу.

К счастью, убитых не было — пострадали только два человека. Им быстро оказали первую помощь, бросились к машинам и дальше до Тарнополя уже гнали без остановок, не обращая внимания на отставших. Сонные, пустые Броды проскочили быстро. Пока проехали 60 километров, остававшиеся до места назначения, вражеские самолеты атаковали колонну еще дважды, словно чувствовали ее военную ценность, но, к счастью, особого вреда нанести не смогли.

К семи утра Баграмян и его подчиненные наконец подъехали к переоборудованному под нужды штаба военному городку. Их ждали — стоило головной машине приблизиться к воротам, как те распахнулись. Дежурный офицер показал Ивану Христовичу, куда ехать.

На огороженной высоким забором территории находилось десятка полтора капитальных домов, в основном одноэтаж-

ных. Местами между зданиями и деревьями раскинулись армейские палатки. Тут и там в земле зияли свежевыкопанные щели. Из одного из зданий выбежал Пуркаев, на лице которого смешались раздражение, нетерпеливость и глубокая озабоченность. Махнув рукой, он прервал рапорт и приказал Ивану Христофоровичу срочно организовать работу управления. Требовалось немедленно по всем каналам связи передать командирам корпусов второго эшелона, разворачиваемого в те дни на линии старой границы, приказ о введении в действие плана «КОВО-41».

Баграмян отправился к разгружавшимся невдалеке машинам, чтобы отдать необходимые распоряжения, но столкнулся с командующим округом генерал-лейтенантом М.П. Кирпоносом. Тот устроил разнос за позднее прибытие колонны. Пришлось оправдываться и объяснять, что они прибыли даже раньше назначенного времени. Особо не вдаваясь в суть объяснений, Михаил Петрович потребовал через час предоставить ему карту с обстановкой на границе. Пришлось командирам управления все делать одновременно и на ходу: разгружать машины, размещать документы с мебелью, передавать приказ в корпуса и обзванивать прифронтовые армии, выясняя у них обстановку.

С последним возникли большие осложнения — проведенная в штаб связь базировалась на обычных проводных линиях, которые немцы активно выводили из строя целенаправленными бомбежками, диверсионными группами, артобстрелами. Сразу удалось установить связь с 12-й и 26-й армиями, на их участках боевые действия или совсем не начались, или носили локальный характер. Что касается 5-й армии генерал-майора М.И. Потапова и 6-й армии генерал-лейтенанта И.Н. Музыченко, то устойчивой связи с ними не было. Так же обстояли дела в штабах этих армий со связью с их дивизиями, полками, другими подразделениями. Силы противника и результаты первых боев оставались неизвестными.

Услышав первый доклад своего начальника оперативного управления, Кирпонос вскипел — как они собираются воевать

с такой связью дальше?! Все присутствующие понимали, что этот вопрос в первую очередь относится к самому Кирпоносу, а потому отмалчивались. Баграмян попытался заверить командующего, что в штабы армий самолетами посланы командиры из его управления, с их возвращением обстановка прояснится. Однако звучало это не слишком убедительно.

Войну они начинали вслепую, фактически не имея связи с уже вступившими в бой войсками.

22.06.1941, учащийся химико-технологического техникума Марсен Михайлович Векслер, 17 лет

Вчерашний вечер оказался насыщенным, романтичным и, можно с полной уверенностью сказать, удачным. По светлым кварталам Крещатика сновали толпы народа, публика была одета пестро. Энергия и жизнь наполняли всех, а кому этого было недостаточно, тот мог забежать на минутку-другую в «Винтрест» или «Американку» и уже «заряженным» продолжать свой культурный отдых. Веселая киевская молодежь роилась возле танцплощадок, расположенных в многочисленных киевских парках: Пушкинском, Первомайском, Пролетарском... А какая замечательная танцплощадка была возле стадиона «Динамо»!

Или вот часы на углу Прорезной и Крещатика — традиционное место первого свидания для влюбленных парочек. После они могли назначать свои романтические randevu и в других местах. Но первое — только здесь, традиция!

Одним словом, глубокой ночью Марсен засыпал с улыбкой на лице: голова болела от вина, губы от поцелуев, а еще... а еще под глазом саднил налившийся плотной фиолетовой синевой здоровенный бланш.

Разбудили учащегося грохот артиллерийской канонады и разрывы бомб. Немцы бомбили город, а это могло означать

только одно — началась война. Уже через 30 минут Марсен причался в техникум, готовый исполнять свои обязанности члена комсомольского бюро, председателя общества «Рот-Фронт» и... старшины ансамбля самодеятельности. Несмотря на воскресный день, удалось довольно быстро собрать большую часть учащихся, началось комсомольское собрание. Первым выступил директор техникума, вторым — председатель бюро Илья Контор, а затем слово дали Марсену. Впоследствии он не мог вспомнить, что говорил в тот день, помнил только, что что-то очень патриотичное и очень энергичное. Ему громко хлопали, хвалили.

Прибыл представитель из райкома комсомола. Он сказал, что нужно срочно составить списки наиболее надежных комсомольцев, которые будут направлены в НКВД. Из них начнут формироваться отряды поддержания правопорядка. Илья быстро набросал на листе бумаги с десятков фамилий, попал в этот список и Марсен.

22.06.1941, начальник Генерального штаба генерал армии Г.К. Жуков, 44 года

Жуков сидел на скамейке летевшего над Украиной грузопассажирского самолета ПС-84. Он устало прислонился спиной к обшивке фюзеляжа и еще, и еще раз прогонял в памяти те решения, которые несколько часов назад были приняты на совещании в Кремле.

Историческая справка: ПС-84 — советская лицензионная копия американского пассажирского двухмоторного самолета «Дуглас DC-3-196» (сокращенно от — Douglas Commercial). С сентября 1942 г. производился под индексом Ли-2, под которым и приобрел широкую известность. Пассажировместимость — 14-21 пассажир.

Итак, Гитлер все-таки решился на авантюру — имея впереди лишь три-четыре месяца нормальной сухой погоды, он

вознамерился разгромить самую большую (после немецкой) армию Европы. Это было настолько рискованно и безумно, что казалось формой затаянного самоубийства. Однако... После того, что сделали немцы в 1940 году с французской армией, которая считалась лучшей если не в мире, то, по крайней мере, в Европе...

В сообщениях, поступающих из округов, ощущались хаос и растерянность, но это ничего. На Халхин-Голе уже было что-то похожее, и тогда Жукову удалось справиться с неразберихой, тогда удалось задавить японцев танками, авиацией и отбросить их назад. Теперь, здесь, на Юго-Западном фронте, созданном на базе КОВО, следует организовать то же самое, но только в гораздо больших масштабах. Потому Жуков и летел в Киев.

Конечно, немцы — не японцы, этот противник и более матерый, и вооружен лучше, но Красная Армия тоже нарастила «мышцы». И тяжелые «кулаки» в виде мехкорпусов, что сейчас расположены на Украине.

Да, внезапная война застала мехкорпуса в состоянии формирования и получения новой матчасти. Да, значительная часть имеющихся танков изношена, часть устарела. Это неприятно, однако терпимо. Даже тех машин, которые исправны, вполне достаточно, чтобы разгромить южную группировку немцев, а затем — мощным ударом на румынские нефтепромыслы и в Польшу, в тыл наступающих в Белоруссии и Прибалтике танковых клиньев, парализовать его центральные и северные силы.

И все же... все же...

Еще в 13:00, когда Жуков находился у себя в кабинете в Москве, ему позвонил Сталин. Разговор начал генсек: «...— Наши командующие фронтами не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись. Политбюро решило послать Вас на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки Главного Командования. На Западный фронт пошлем Шапошникова и Кулика. Я их вызывал к себе и дал соответствующие указания. Вам надо вылететь

немедленно в Киев и оттуда вместе с Хрущевым выехать в штаб фронта в Тарнополь.

<...>

— А кто же будет осуществлять руководство Генеральным штабом в такой сложной обстановке?

— Оставьте за себя Ватутина, — потом несколько раздраженно... — Не теряйте времени, мы тут как-нибудь обойдемся».

Мысли генерала прервало появление его адъютанта, он сообщил, что самолет подлетает к Киеву. Тут тяжелый и устойчивый ПС-84 качнуло, совсем рядом послышался разрыв снаряда.

Неужели самолет обстреливают вражеские истребители? Жуков посмотрел в иллюминатор. Нет, огонь велся с земли. Генералу хорошо было видно, как зенитные расчеты суетятся возле своих пушек. Небо прорезали трассеры пулеметных очередей. Видимо, командир прикрывавшего аэродром дивизиона ПВО плохо знал силуэты новых советских транспортных самолетов. В принципе, это неудивительно, ведь на тот момент на весь СССР их было произведено всего ничего, штук сто. Кроме того, прилет и посадка каждого самолета на военный аэродром должны были сопровождаться целым рядом условий — предварительной заявкой на полеты, следованием по четко расписанным воздушным коридорам, на определенных эшелонах высоты, с системой опознавательных сигналов «я — свой». Похоже, из-за срочности вылета система где-то дала сбой, и вот зенитчики собираются сбить Начальника Генерального штаба своей же армии.

Пока Жуков размышлял над этим, самолет пошел на вираж; командир явно вознамерился уходить от аэродрома. Генерал бросился к кабине пилотов и потребовал садиться, несмотря ни на что. Лицо командира корабля побелело. Георгий Константинович прекрасно понимал его, одно дело погибнуть на задании, совершая боевой вылет, и совсем другое — сгореть в глубоком тылу от огня собственных зениток. Но сжатые в одну узкую линию губы генерала не оставляли пилотам выбора, самолет пошел на посадку.

К общему облегчению, на земле вскоре поняли маневр транспортника и прекратили огонь. Пробежав по взлетной полосе, ПС-84 закрипел тормозами возле управления аэродрома, хорошо знакомого Жукову еще по его службе командующим КОВО, и остановился. Расправив помявшийся за время полета китель, подтянув ремень, Жуков в сопровождении адъютантов и прочей «свиты» решительно спустился по откидной лесенке на землю и зашагал в сторону белого здания. Ничего хорошего выражение лица Георгия Константиновича не предвещало.

22.06.1941, секретарь ЦК ВКП(б) Украины Никита Сергеевич Хрущев, 47 лет

Он работал не покладая рук. Утром с окраин донесся отдаленный, уже почти забытый гул первых разорвавшихся бомб, а затем Никита Сергеевич смог лично наблюдать из окна, как наши зенитчики суетливо и безрезультатно били по вражеским самолетам. В середине утра с ним опять связались с Орджоникидзе, заместитель Пуркаева сообщил, что немцы нанесли удар по приграничным аэродромам и пограничным заставам, военным городкам, складам и пересекли границу. Сомнений больше не оставалось, война не просто неизбежна, она уже идет полным ходом.

Хрущев связался с горкомом и облисполкомом, которые размещались на площади Калинина в бывшем здании городской думы, и поручил подготовить вечернее собрание партийных руководителей районов, директоров предприятий, пригласить представителей комендатуры и военкоматов. Требовалось решить, как переводить столицу Украины на рельсы военного уклада, как не сорвать мобилизацию людей и техники. Открытие Республиканского стадиона Хрущев распорядился отменить — в случае нового авианалета спортивный праздник грозил перерасти в массовые похо-

роны. Чтобы не накалять обстановку раньше времени, киносеансы, спектакли и прочие развлечения в столице решили не отменять.

Историческая справка: Площадь Калинина в наше время называется Площадью Независимости — это тот самый, известный уже всему миру Майдан.

Затем Хрущев начал готовить директивы для областных ЦК, работы предстояло много. Партия отвечала в республике за самые разные сферы деятельности, и случись что, Сталин спросит с него лично, как с ответственного за Украину, по всей строгости военного времени. Если Никита не проявит должной расторопности, лежать ему там же, где уже лежали Якир с Балицким и многие другие, те, кто в свое время оказался недостаточно проворен и осторожен... или слишком зарвался.

Пронзительно зазвонил телефонный аппарат ВЧ — прямая линия из Кремля. Первый секретарь рефлекторно вздрогнул.

Никита Сергеевич поднял трубку, на другом конце оказался Сам. Он сообщил, что в Киев срочно вылетает Жуков, и Хрущеву предписывается вместе с начальником Генштаба сразу отбыть в Тарнополь, к штабу только что созданного Юго-Западного фронта, чтобы оттуда координировать деятельность партийных органов страны в соответствии с военными нуждами. В первую очередь Сталина интересовало своевременное проведение мобилизации, которая очень сильно зависела от деятельности райкомов, горкомов и партийных организаций предприятий. Хрущеву оставалось лишь соглашаться и принимать к исполнению четкие указания.

Следующие часы прошли в постоянных телефонных переговорах с областными комитетами партии. Хрущев приказывал, распоряжался, угрожал, орал матом и требовал, требовал, требовал — провести все мобилизационные мероприятия в срок, любой ценой. Снова позвонили с Орджоникидзе; в штаб КОВО, все предыдущее высшее командование которого «ушло» на фронт, назначили новых командиров. Округ возглавил бывший первый заместитель Кирпоноса генерал-лейтенант

В.Ф. Яковлев. Он просил Хрущева о встрече и содействии с мобилизацией, на что тот сухо ответил, что с утра только этим и занимается, а встречаться не может, так как вот-вот должен отбыть в Тарнополь.

Где-то в 16:00 к нему в кабинет ворвался багровый от нервного перенапряжения, недосыпа и лютого гнева Жуков, только что прилетевший из Москвы. При заходе на посадку его самолет обстреляли наши же зенитчики, посчитав грузопассажирский ПС-84 вражеским бомбардировщиком. За последние пару лет советская авиапромышленность выпустила много новых моделей, и теперь перепуганные бомбежкой киевские пэвзошники вовсю лупили по своим самолетам... к счастью, так же бездарно, как и утром по чужим. Пилот уже хотел уходить на запасное летное поле, но генерал, накричав, заставил его сесть, после чего устроил на аэродроме разнос.

Жуков грозился устроить взбучку и главкому ВВС Жигареву, на что Хрущев резонно заметил, что заместитель Жигарева генерал-майор Ф.Я. Фалалеев только что звонил. Его самолет также обстреляли, и пилот посадил свой СБ вместо Жулян в Житомирской области на Овручском аэродроме. Фалалеев в это время как раз добирался оттуда в Киев машиной. Жуков на это только недовольно хмыкнул.

В Тарнополь решили ехать машинами в сопровождении охраны. Лететь было опасно, немецкие истребители уже безнаказанно гонялись в небе Западной Украины за одиночными советскими самолетами. Наземное путешествие, впрочем, тоже обещало стать опасным — приходили сообщения о наводнивших приграничные области группах немецких диверсантов. Они резали провода, нарушая телефонную и телеграфную связь, захватывали мосты, убивали посыльных, атаковали легковые автомобили. В полях уже стояла высокая рожь, и нападающие запросто могли спрятаться в ней и прицельно, в упор расстрелять беззащитную кавалькаду машин. Однако начальник Генерального штаба не привык пасовать перед подобными мелочами, и Никите Сергеевичу пришлось на ночь глядя отправляться в долгую дорогу.

22.06.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года

Первый день войны уже заканчивался, когда к Ивану Христофоровичу зашел полковник Е.В. Клочков, начальник шифровального отдела штаба Юго-Западного фронта. Он сказал, что из Москвы по аппарату Бодо передается оперативная директива Народного комиссара обороны. Клочков принес первые листы сообщения с наклеенными телеграфными полосками и сказал, что по окончании сеанса связи принесет остальные. Баграмян засел читать, и чем глубже он вникал в суть директивы, тем больше бледнел. Когда его отдел днем направлял в Москву сведения о ситуации на границе, они ее еще толком не знали, многое пришлось домысливать, потому донесения оказывались излишне бодрыми. Москва принимала решения, исходя из этих докладов, и теперь пришло время пожинать плоды их собственного неумного оптимизма.

Директива содержала совершенно не соответствовавшие действительности итоги первого дня. В ней было просуммировано количество дивизий противника, которые оперативный отдел фронта указывал в сводках, при этом совершенно не учитывалось, что во втором и третьем эшелонах немцы могли разместить гораздо больше войск. В Москве сочли, что против четырех дивизий 5-й армии, например, наступает всего пять дивизий противника — вполне сопоставимые силы. О том, что противник сбил наши приграничные заслоны и от Сокаля на Радзехув двинулся один его танковый корпус, а второй такой же корпус пытается от Устилуга прорваться к Луцку, в Москве вообще пока не знали.

Исходя из неправильной оценки обстановки, Наркомат ставил совершенно непосильную для фронта задачу: *«Прочно удерживая государственную границу с Венгрией, концентрическими ударами в общем направлении на Люблин силами 5-й и 6-й армий, не менее пяти механизированных корпусов, и всей авиации фрон-*

та окружить и уничтожить группировку противника, наступающую на фронте Владимир-Волынский, Крыстынополь, к исходу 24.6 овладеть районом Люблин...» Схватив стопку покоробившихся от клея листков, Иван Христофорович бегом бросился к Пуркаеву.

Баграмян зачитал ему содержание директивы вслух. Начштаба сначала не поверил. Выхватив листок с текстом приказа о наступлении, он перечитал его, нахмурился, затем, тяжело вздохнув, кивнул на дверь — надо было идти докладывать командующему. Всегда сдержанный в эмоциях Кирпонос, в отличие от своего начальника штаба, не спешил расстраиваться. Он снял трубку телефона и попросил зайти Члена Военного Совета фронта корпусного комиссара Николая Николаевича Вашугина.

Тот был, как всегда, бодр. По его мнению, приказ следовало выполнять. Вашугину оппонировал рассудительный Пуркаев, терпеливо объясняя, что в сложившейся обстановке атаковать противника на участке 5-й и 6-й армий самоубийственно. За последние часы разведка выявила присутствие на главном направлении немецкого удара еще пяти дивизий. Кроме того, в районе Устилуга было замечено около 200 танков, и нет никакой гарантии, что во втором эшелоне не следуют дополнительные танковые и механизированные силы, которые вскоре введут в бой. К утру же фронту в этом районе удастся собрать в лучшем случае семь дивизий: находящимся на удалении 31 и 36-му стрелковым корпусам потребуется пять-шесть суток, чтобы преодолеть пешком расстояние в 150–200 километров, на котором они находились от границы. 9 и 19-му мехкорпусам (мк) для этого понадобится три-четыре дня. Ближайшие к противнику 4-й, 8-й и 15-й мк смогут вступить в бой в лучшем случае через один-два дня.

Следовало признать — противник переиграл их. Когда готовился план прикрытия границы, штаб фронта наиболее вероятным направлением нанесения удара противником посчитал Краков — Львов, потому что здесь на территории Польши проходила мощная железнодорожная магистраль и была хорошо развита сеть дорог. Именно поэтому самые подготовленные

и хорошо укомплектованные 4-й мк генерал-майора А.А. Власова и 8-й генерал-лейтенанта Д.И. Рябышева были сконцентрированы в районе Львова. Теперь они оказались в стороне от разгорающейся баталии. Если же учесть, что штатная численность пехотной дивизии вермахта более чем в полтора раза превышала численность советской стрелковой дивизии, преимущество окончательно выходило не в нашу пользу. О каком наступлении в таких условиях могла идти речь?

Пуркаев предлагал просить Генштаб дать разрешение на постепенный отвод войск от границы с навязыванием противнику арьергардных боев, а за это время привести на старой границе в боевую готовность укрепрайоны, сконцентрировать там войска второго эшелона, перебрасываемые из восточных округов корпуса, подготовить мехкорпуса и через неделю встретить здесь противника мощным контр наступлением.

Лица Вашугина и Кирпоноса мрачнели с каждым приводимым Максимом Алексеевичем доводом. Сначала Николай Николаевич, горячась, пытался перебить начальника штаба, но потом примолк. Когда же Пуркаев закончил излагать свои мысли, ЧВС фронта первым взял слово. Он согласился, что, возможно, все сказанное правильно, однако нельзя упускать из виду моральной составляющей. Если Красная Армия начнет отступать, это сильно ударит по боевому духу народа. Все межвоенные годы населению упорно внушалось, что мы будем громить врага на его территории. И вот теперь, когда есть и необходимые силы, и приказ, мы начнем отступать?.. Нет! Это недопустимо. Свою бравурную тираду Вашугин закончил замечанием, что если бы он не знал Максима Алексеевича все эти годы, то он подумал бы, что тот... запаниковал.

Потом заговорил Кирпонос. Он сказал, что приказ надо выполнять, а не обсуждать. Если командующий каждого фронта начнет выдвигать контрпредложения, вместо того чтобы действовать согласно разработанному общему плану, то ничего хорошего из этого не выйдет. Кирпонос приказал развернуть на север переданные 6-й армии 4-й и 8-й механизированные корпуса и ударить ими в основание вражеского танкового кли-

на. Туда же направить и 15-й мехкорпус. 5-й армии Потапова следовало сдерживать врага до последней возможности. Находящимся в отдалении от фронта войскам предстояло максимально быстро выдвигаться к границе. Захватить Люблин они, конечно, в ближайшее время вряд ли смогут, но контратаковать противника фронт обязан. Пуркаев промолчал.

В это время в штаб прибыли начальник Генерального штаба генерал армии Г.К. Жуков и назначенный утром членом Военного совета фронта Н.С. Хрущев. Они одобрили принятые Кирпоносом решения. После этого Максиму Алексеевичу ничего не оставалось, как окончательно подчиниться.

Жуков рассказал, что, судя по всему, главный свой удар немцы наносят в Белоруссии. Они продвинулись далеко вперед в районе Брест-Литовска. Командование войсками так же, как и здесь, на Украине, готовило там мощный контрудар. Выслушав по телефону доклад командующего 6-й армией генерал-лейтенанта И.Н. Музыченко, Жуков отправился в 8-й мехкорпус. Совещание закончилось, и Иван Христофорович отправился к себе, организовывать подготовку необходимых приказов и доставку их в части. Но прежде всего от него требовали информацию о результатах боев и состоянии подразделений, а со связью ситуация по-прежнему оставалась крайне сложной.

22.06.1941, командующий 36-й истребительной авиационной дивизией (иад) полковник Александр Владимирович Борман, 39 лет

Командир 36-й иад, чьи самолеты прикрывали Киев с воздуха, грустный и подавленный, сидел за столом в своем штабе. Он располагался в полуподвальном помещении здания военной гостиницы на улице Полупанова, 15, неподалеку от Золотых Ворот. Еще утром штаб находился на улице Мельникова в здании бывшей гимназии, но в соответствии с планами, составлен-

ными на случай войны, уже во второй половине дня переместился на новое место. Наблюдательный пункт (НП) дивизии разместили неподалеку по адресу Короленко, 36, в гостинице «Киев». С плоской крыши высокого шестиэтажного здания весь город был как на ладони. Туда провели телефоны, установили радиостанцию, накрыли НП маскировочной сетью.

Историческая справка: В 1941 году современная улица Ярославов вал называлась в честь здравствовавшего на тот момент героя Гражданской войны Андрея Васильевича Полупанова. Уроженец Макеевки, до революции он служил матросом Российского императорского флота на Черном море. Здесь в 1912 году вступил в партию большевиков. В декабре 1917 с отрядом матросов присоединился к армии В.А. Антонова-Овсеенко, главнокомандующего войсками Южного революционного фронта по борьбе с контрреволюцией, которые направлялись в Киев для свержения власти Украинской народной республики. 26 января 1918 года после того, как военнизированные формирования УНР оставили Киев, Полупанов был назначен первым советским комендантом города, но пробыл на этой должности недолго. Вместе еще с семнадцатью матросами из своего отряда в дни штурма он захватил у петлюровцев бронепоезд «Слава України». Тот был построен еще для императорской армии киевскими и забайкальскими железнодорожниками и изначально назывался «Хунхуз». Сперва бронепоезд сменил имя на «Полупановцы», а затем на более известное «Свобода или смерть». На юге Украины бронепоезд провоевал до августа, после чего в июне его вместе с экипажем перебросили на Восточный фронт в район Симбирска, где в августе окруженный состав команда Полупанова бросила, не успев ни взорвать, ни утопить. Бронепоезд попал к белочехам, назвавшим его «Орлик». После этого бронепоезд еще несколько раз менял хозяев, служа японцам, белоповстанческой армии генерала В.М. Молчанова, дуцзюням Северного Китая, которым служили белые офицеры Харбина в боях против войск Чан Кайши. Команда же Полупанова смогла захватить один из волжских пароходов и доплыть на нем до Казани, где белые отбили пароход и пленили команду, большую часть которой расстреляли. Но Полупанову удалось бежать. Он вернулся на Украину, где с марта

по сентябрь 1919 года командовал организованной им Днепровской военной флотилией Украинской советской армии, став ее первым командиром. Затем он служил в Волжско-Каспийской флотилии, командовал отдельной огневой бригадой под Каховкой, потом был командиром бронечастей 6-й армии. В 1941 году находился на административно-хозяйственной работе.

Фамилия у комдива для советского полковника была более чем странная — Борман, такая же, как и у главного функционера НСДАП. Ему уже не раз приходилось выслушивать шуточные насмешки товарищей и ощущать на себе внимательные косые взгляды особистов. Как бы после сегодняшнего дня эти косые взгляды не переросли в действия, весьма для комдива печальные.

Ему было от чего переживать, вверенная Борману 36-я истребительная дивизия сегодня не смогла отразить бомбардировку Киева. Донесения обрисовывали печальную картину. В 7:15 19 двухмоторных «хенкелей» отбомбились по аэродрому в Жулянах, аэропорту в Броварах, авиазаводу, товарной станции, военной части. С высоты в два километра немцы сбросили около 90 осколочных и фугасных бомб калибром от 50 до 100 кг. Погибло 32 человека, в основном жившие в бараках возле аэродрома рабочие, и жители, чьи частные дома располагались рядом. Еще 34 получили ранения.

И-16 1-й, 2-й и 4-й эскадрилий 43-го истребительного авиационного полка (иап) дивизии поднялись в воздух с аэродрома в Малой Ольшанке, который располагался ближе всех к Брест-Литовскому шоссе, вдоль которого немцы летели к Киеву. Первым взлетело звено лейтенанта Чичико Бенделиани. Пилоты увидели только хвосты удаляющихся немецких бомбовозов и погнались за ними. Но настигнуть летящие «порожняком» He-111 у тихоходных «ишаков» не было никаких шансов, немцы имели слишком большую фору. Горячий кавказский темперамент заставил лейтенанта Бенделиани гнать и гнать вперед свой И-16. Он преследовал врагов, сколько мог, и не рассчитал горячее. Чичико пришлось идти на вынужденную посадку, при которой он повредил самолет. Остальные истребители

полка немцев даже не увидели, пилоты только понаблюдали за дымами от пожаров над авиазаводом № 43. 3-я эскадрилья, укомплектованная устаревшими полуторарапланами И-153, вообще вылетела с тридцатиминутной задержкой.

2-й полк такого же состава, что и 43-й иап, — три эскадрильи И-16 и одна И-153, расквартированный в Брусилове, также взлетел с опозданием и перехватить немцев не смог. Поднимались в воздух и самолеты находившихся на стадии формирования 254-го (Бровары) и 255-го (Бородянка) полков. В первом командир звена мл. лейтенант Ф.В. Андрейченко при взлете разбил свой самолет и погиб сам. Александр Владимирович тяжело вздохнул: они еще даже не начали воевать, а уже несут потери.

К концу дня он узнал, что по всему приграничью Юго-Западного фронта аэродромы также подверглись многократным бомбардировкам. То, чего так опасался его старый друг Женья Птухин, командующий ВВС округа, а теперь фронта, — свершилось. Птухин запрашивал у Москвы средства на маскировочные сети, на ангары, просил разрешить переместить часть самолетов с забытых приграничных аэродромов на запасные тыловые, просил разрешить сбивать немецкие самолеты-разведчики, которые по несколько раз на дню нарушали границу, вторгались в воздушное пространство СССР и аккуратно фотографировали взлетные полосы. Но средства не дали, самолеты отводить в тыл запретили, сбивать нацистов не разрешили. К данным о скоплении немецких войск у границы, которые получили летчики, отправленные Птухиным на свой страх и риск в разведку за линию границы, не прислушались. А теперь... теперь Женю наверняка сделают за этот разгром «козлом отпущения» И Бормана заодно.

Александр Владимирович достал из сейфа початую бутылку коньяку, выпил 50 грамм. Затем, подумав, повторил. Вспомнилась молодость, когда они только познакомились с Женькой. Это случилось в Егорьевской теоретической школе. Здесь пилотов Гражданской войны, которые кое-как научились летать, подсматривая за более опытными товарищами, а то (и такое бывало) самоучек, обучали азам летной теории. Кур-

санты в шутку прозвали школу «теркой». Вот в ней в 1923 году и познакомились ветеран недавних боев старший моторист авиаотряда Женя Птухин и красноармеец летучей почты Саша Борман, им тогда было всего по 21 году на брата. Друзья так и кочевали вместе по летным учебным заведениям — после Егорьевска была Липецкая летно-практическая школа, потом Борисоглебская летная школа, потом Серпуховская высшая школа стрельбы и бомбометания.

После учебы жизнь раскидала их по разным гарнизонам. Птухину в 1937 году повезло попасть в Испанию, где он стал «генералом Хосе», командующим истребительной группой республиканских ВВС. Затем его назначили главным советником командующего республиканской авиацией Игнасио де Сиснероса. По возвращении из заграничной командировки в марте 1938 года Женя стал командующим ВВС Ленинградского военного округа. Он сразу перетянул к себе старого друга. Борман назначили помощником командира легкой авиационной бригады. Здесь, под Ленинградом, они вместе успешно воевали с белофиннами, за что Женьке дали Героя Советского Союза. Когда Птухина в мае 1940 года перевели в КОВО, он назначил Александра Владимировича уже на должность командира 36-й истребительной дивизии. А теперь нерадивый комдив подвел командира и своего лучшего друга...

Зазвонил телефон, Борман снял трубку. На том конце провода раздался привычно деловой голос Птухина. Друзья кратко поздоровались. Евгений Саввич сказал Борману, чтобы тот срочно сдавал дивизию новому командиру, герою Зимней войны полковнику Зеленцову. Принято решение назначить его, Сашку, заместителем по истребительной авиации помощника по ПВО командующего войсками Юго-Западного фронта. Птухин порекомендовал кандидатуру Бормана Кирпоносу, и тот согласился с его доводами. Необходимо срочно налаживать, фактически создавать с нуля систему предварительного обнаружения вражеских самолетов, координировать работу истребительных полков. Борману оставалось только утвердительно кивать и говорить «да». После окончания разговора он допил

из стакана остатки коньяка и поставил полегчавшую бутылку обратно в сейф — предстояло много работы.

Историческая справка: Е.С. Птухин был арестован 27 июня 1941 года и направлен в Бутырскую тюрьму. Здесь ему предъявили обвинение в участии в антисоветском военном заговоре. Показания на него еще в последние предвоенные дни дали арестованный накануне бывший начальник ВВС РККА Я.В. Смушкевич и еще целый ряд людей. Не выдержав пыток, Птухин скоро и сам дал показания, что с 1935 года являлся участником антисоветского военного заговора, куда был завербован Уборевичем. Потом он отказался от самооговора, признав только, что «преступно руководил вверенными ему войсками», но это ему уже не помогло. Его расстреляли 23 февраля 1942 года и полностью реабилитировали только после смерти Сталина 6 октября 1954 года.

Город

За окном плыл самый короткий летний вечер 1941 года. Удивительный день, застрявший между миром и войной, когда первый уже закончился, вторая же только готовилась вступить в свои права. Люди уже начинали понимать, что случилось необратимое, однако все еще жили привычной жизнью мирных граждан.

Киевские кинотеатры демонстрировали последние киносеансы. Актеры Московского театра сатиры, которые приехали сюда на гастроли со спектаклями «Мелкие козыри» и «Неравный брак» (22 июня), «Слуга двух господ» (23 и 24 июня), выходили в очередной раз кланяться на бис. Джазовый оркестр БССР под управлением Эдди Рознера исполнял последние композиции.

А где-то западнее, в пятистах километрах от столицы Украины, тысячи солдат и командиров уже вели кровопролитные бои, принимая на себя страшный удар сильнейшей на тот момент армии мира.

На всем протяжении западной границы СССР располагалось 475 застав. Ни одна не отступила без приказа и не сдалась. Уцелевшие пограничники готовились к новым боям или выходили из окружения. Гарнизоны ДОТов приграничных укрепрайонов вели огонь из казематных орудий и пулеметов по рвущимся через переправы немецким колоннам и подрывали себя вместе с немецкими штурмовыми группами. Летчики гибли в воздухе от огня многократно превосходящего их противника и на земле, под бомбежками. Командующие 87-й и 124-й стрелковых дивизий, на позиции которых оказалось нацеленным острие основного удара группы армий «Юг» и 1-й танковой группы Клейста, собирали свои поредевшие разрозненные подразделения, чтобы утром снова начать бои, уже в окружении. 1-я артиллерийская противотанковая бригада полковника Москаленко, которая в уникальном встречном бою нанесла серьезный урон немецкой 14-й танковой дивизии, перемещалась юго-восточнее, чтобы снова встать заслоном перед наступающим противником...

Ничего этого киевляне не знали. Не знали и не подозревали, что утром 22 июня 1941 года всеокрушающая огненная буря начала свой разбег от границы, готовясь накрыть их родной город. 22 июня 1941 года в Киеве погибли от бомб и пожаров первые люди. В дальнейшем число жертв будет только увеличиваться.

Глава 2. Пока шли приграничные бои

23.06.1941, киевлянин Федор Федорович Худяков, 36 лет

Федор вышел из здания вещевого склада на Печерске, к которому он был приписан по линии военкомата, запрыгнул на подножку машины и сказал водителю, чтобы тот ехал к ближайшему бомбоубежищу.

Весь вечер воскресенья, всю ночь и все сегодняшнее утро он получал на складах и развозил имущество для бомбо- и газоубежищ: постельное белье, одеяла, медикаменты. Для этого Федору выдали грузовую машину с водителем, необходимые ордера и список адресов. Одновременно инженерно-технический персонал занимался получением и установкой в убежищах вентиляторов. К этому делу привлекали управдомов и рабочих, которых удавалось найти.

Ночью все фонари в городе потушили, опасались бомбежек. По темному безлюдному Киеву ездить было непривычно и довольно страшно. Только утром 23 июня через райжилуправления всем домоуправлениям была передана команда, чтобы они обеспечили покраску бордюров и нанесение на асфальтное полотно свежей разметки, чтобы шоферы хоть как-то могли ориентироваться в полутьме.

По правилам в день объявления мобилизации Федор должен был явиться по месту постановки на воинский учет, что-

бы его не посчитали дезертиром. По дороге заглянул на склад, к которому был приписан, и обнаружил там толпу народа. Какой-то начальник строго выговорил Худякову, чтобы тот не добавлял бардака, а ждал призыва дома. Федор, пользуясь случаем, заскочил на машине еще и в военкомат, где ему также рассказали о преимуществах ожидания повестки в домашних условиях, и киевлянин со спокойным сердцем отправился дальше. Домой Худяков попал в районе обеда.

23.06.1941, начальник вокзала Киев 1-й пассажирский Константин Артемьевич Арефьев, 26 лет

На митинг собралась толпа народу. Здесь были и работники Киевского паровозовагоноремонтного завода имени Январского восстания (КПВРЗ), и паровозного депо им. Андреева, работники железнодорожного вокзала, товарных станций, диспетчеры, путевые обходчики и ремонтники. Митинг организовал политотдел Юго-Западной железной дороги (ЮЗЖД), поэтому присутствовали практически все службы, кроме тех работников, что находились на дежурстве.

Помимо ярких речей и обязательств было выдвинуто и несколько предметных предложений. Одно из них озвучил старый заслуженный железнодорожник, участник дореволюционных забастовок. Он предложил во внерабочее время силами рабочих завода построить для защиты города несколько ополченских бронепоездов. Еще во время Первой мировой войны киевские железнодорожники строили бронепоезда для Русской Императорской армии. Во время Гражданской те же киевские Главные железнодорожные мастерские ЮЗЖД только этим и занимались.

Историческая справка: 1 сентября 1915 года был введен в строй первый российский бронепоезд «Хунхуз», построенный мастерами Юго-Западной железной дороги в кооперации со 2-й Заамурской

железнодорожной бригадой. В дальнейшем по этому же типовому проекту, разработанному в 1912 году Броневой секцией российского Военно-технического департамента, было построено еще три бронепоезда. На бронирование и вооружение состава из одного паровоза серии «Овечка» и двух бронеплощадок уходило в среднем 16 дней.

Во время Гражданской войны киевские железнодорожники ремонтировали старые бронепоезда, формировали новые, собирали новые бронеплощадки взамен выбывших. Причем делали они это и для белых, и для красных, и для петлюровцев, в зависимости от того, кто на данный момент владел городом. Но предпочтение железнодорожники, как наиболее революционно настроенные рабочие города (первую киевскую забастовку еще в далеком марте 1879 года провели именно они: тогда железнодорожникам удалось добиться сокращения продолжительности рабочего дня с 11 до 10 часов), традиционно отдавали большевикам. Так что рабочих, которые еще помнили, как это делается, хватало.

Руководитель партийного отдела ЮЗЖД вернулся на трибуну и сказал, что сегодня же отправит запрос об инициативе железнодорожников-ремонтников в Москву, в Наркомат путей сообщения. Но сам он будет настаивать, чтобы бронелисты и вооружение для бронепоездов командование округа выделило уже сейчас, дабы не терять драгоценное время.

После митингов на заводе «Трансигнал», КПВРЗ, депо им. Андреева сотни железнодорожников записались в ополченские отряды. По инициативе секретаря партийного узла С.П. Голованева, начальника Киевского пассажирского отделения Л.В. Василевского и при активном участии Кости организовали истребительный батальон в количестве 950 человек, в который вошли добровольцы участков Чоколовка, мост по Брест-Литовскому шоссе, Борщаговка, Батыева гора, Байковое кладбище. Костю назначили зам. командира по боевой подготовке. Возглавил батальон Василевский, а комиссаром у него стал Голованев. Позже из мелких отрядов предприятий и учреждений железнодорожного узла и управления дороги будет сформирован второй батальон в 900 человек. Предстояла усиленная подготовка ополченцев к будущим боям.

23.06.1941, нападающий и капитан футбольной команды «Динамо» (Киев) Константин Васильевич Щегоцкий, 30 лет

Утром Константин отправился в военкомат. У него еще продолжалась приобретенная в тюрьме нервная болезнь, поэтому, когда на призывной комиссии он разделся, медсестры ахнули — кожа легендарного динамовского нападающего была усыпана красными пятнами и нарывами. В результате врачи дали спортсмену месячную отсрочку для приведения здоровья в порядок.

Щегоцкий поехал на стадион, где встретился с тренером Михаилом Павловичем Бутусовым, и рассказал, что в армию его пока не берут. Тот обрадовался, ему как раз нужен был помощник в вопросах управления имуществом клуба и помощи семьям мобилизованных игроков. Константин с его связями и авторитетом для этого дела подходил как нельзя лучше.

23.06.1941, старший краснофлотец, 1-й наводчик кормового орудия канонерской лодки «Верный» Петр Федорович Танана, 24 года

Рано утром началась подготовка к походу. На борт приняли массу имущества и 800 человек, еще даже не обмундированных резервистов, призванных для пополнения штатов Пинской военной флотилии. Вместо обычных 1,1 м осадки «Верный» погрузился в воду на 1,4 м. Палуба загромодилась так, что команда перемещалась по ней с трудом. Корабль пошел на речку Припять, целью его назначения была маневренная база Дорошевичи.

«Верный» находился в боевой готовности № 2, но с обнаружением в воздухе вражеских бомбардировщиков каждый раз

объявлялась № 1. На баке все время дежурил матрос с наметкой в руках. Он постоянно замерял глубину, после чего голосом передавал данные по цепочке на мостик. Дело в том, что в первые же дни войны на Припяти сняли все навигационное оборудование: бакены, вешки, перевальные столбы, и теперь риск сесть на мель значительно повысился.

23.06.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го истребительного авиационного полка (иап) старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год

Вечером 22 июня эскадрилью перебросили на аэродром подскока в Кочеров — село, расположенное прямо на ведущей от Житомира к Киеву трассе. По замыслу командования, тихоходные «чайки» должны были взлетать «по видимому» и перехватывать направляющиеся к Киеву вражеские бомбардировщики, а также ловить их на обратном пути.

Историческая справка: В 1941 году не существовало GPS- или ГЛОНАСС-навигаторов, не было радионавигации. Определение местоположения самолета по двум радиостанциям с известными координатами в то время считалось новаторством и использовалось главным образом в дальнебомбардировочной авиации. Чаще всего летчики ориентировались в полете по наземным ориентирам, таким как шоссе и железные дороги, реки, населенные пункты.

Однако следующий день показал, что ничего из этого не выйдет. Летное поле было полностью необорудованным, а командиры аэродромной obsługi оказались настолько нерасторопными, что не смогли обеспечить летчиков ни палатками, ни своевременным подвозом горючего, боепитания и продовольствия. Ночью пилоты и техники спасались от дождя под плоскостями своих самолетов. Спали они прямо на земле, а на утро голодные и злые начали вылетать на перехват... и ничего не смогли сделать. Два раза поднималась эскадрилья

в воздух, и два раза не успевала — двухмоторные бомбардировщики Ю-88 только показывали свои хвосты. В результате баки «чаек» показали дно, а бензовозы из Василькова так и не приехали.

Пилоты начали проситься отпустить их в село, чтобы купить там у колхозников хотя бы хлеба, молока, яиц и сала. Командир эскадрильи все еще не вернулся из Черновцов, и командовать пока приходилось Дмитрию. Ни телефонной, ни радиосвязью с полком эскадрилью никто не обеспечил, а потому он плюнул и решил слетать в штаб, чтобы там, на месте, выяснить, как действовать дальше.

В Ольшанке комполка полковник Я.В. Шипитов приказал Дмитрию перебазировать эскадрилью из Кочерова на их стационарный аэродром в Василькове. Реконструкция взлетной полосы еще продолжалась, но стареньким «чайкам» для разбега надо было так мало места, что они вполне могли взлетать с куска летного поля, оставшегося за «взлеткой». Летчики встретили эту новость с энтузиазмом, ведь в Василькове были их семьи, удобные комфортабельные ДОСы, а для несемейных — казармы, столовая. Воюй не хочу!

23.06.1941, учащийся химико-технологического техникума Марсен Михайлович Векслер, 17 лет

Штаб истребительного отряда Ленинского района размещался на Крещатике напротив Главпочты. Семьдесят комсомольцев отряда считались ротой, которая по военному образцу делилась на взводы и отделения. Из числа комсомольцев во все эти подразделения назначили командиров. Дисциплина в отряде была тоже военная — уходить куда-либо или делать что-либо без разрешения старшего запрещалось.

Историческая справка: Довоенное здание Главпочтамта было построено в 1936–1941 гг. по проекту архитекторов В. Осмака и

С. Германовича на месте дореволюционной почтовой конторы по адресу Крещатик, 24, рядом со зданием дореволюционной гостиницы «Гранд Отель» (довоенный адрес — Крещатик, 22). Оно тоже было полностью перестроено, над трехэтажным зданием незадолго до войны возвели еще два этажа. После взрывов и пожаров на Крещатике на их месте в 50-е годы возвели новое здание Главпочтамта (Крещатик, 20–22), существующее и поныне. Это здание получило печальную известность 2 августа 1989 года, когда из-за обрушения его портала погибли 11 человек.

Но ребята не жаловались, наоборот, они стремились сделать хоть что-то полезное для города и радовались, когда это им удавалось. Марсен находился в штабе, когда раздался ночной телефонный звонок. Дрожащий перепуганный женский голос сообщил, что кто-то спустился на крышу дома. По названному адресу тут же поспешили два милиционера и три комсомолец. Один из ребят остался дежурить у парадного, милиционеры с «наганами» и Марсен вместе со своим другом Яшей Зильбербрандом с пустыми руками (оружие им пока не выдали) поспешили вверх по лестнице.

Вот и дверь на чердак, прибывшие в нерешительности остановились. За ними столпились жильцы, которые, несмотря на испуг, с любопытством наблюдали, как власти будут ловить вражеского диверсанта. Но милиционеры переминались с ноги на ногу, не желая первыми подставляться под пули. Время шло, никто ничего не делал, и Марсен увидел, как у жителей в глазах начало появляться разочарование и даже, как ему показалось, презрение. Тогда комсомолец обратился к одному из милиционеров с просьбой дать ему «наган», чтобы пойти вперед самому. Страж порядка отказался. Тогда, еще раз бросив взгляд на толпившихся на лестнице обывателей, Марсен распахнул дверь и смело шагнул в липкий мрак чердака — будь что будет.

После долгих поисков оказалось, что на чердаке никого нет. Когда они спустились вниз, к ним подошел оставленный комсомолец и сказал, что в соседнем дворе вторая группа задержала какого-то подозрительного железнодорожника. Позже

оказалось, что это вражеский лазутчик, или, как ребята теперь начали их называть, — «воздушный фриц». Первый фриц на счету отряда.

Втроем они уже возвращались в штаб, когда их остановил бегущий навстречу комсомолец из отряда. Он сообщил, что на Дом Гинзбурга спустился парашютист.

Историческая справка: Дом Гинзбурга — самое высокое строение предвоенного Киева, считается первым украинским небоскребом. 12-этажный жилой дом возвели в 1910–1912 годах на месте 4-этажного доходного дома военного инженера М.П. Фабрициуса. Его высота точно не определена, но вместе со шпилем достигала не менее 60–70 метров. К 1928 году Дом Гинзбурга был самым высоким в Советском Союзе. До Революции владельцем здания был известный строитель-подрядчик, купец первой гильдии Лев Борисович Гинзбург, в честь которого оно и получило свое название. Спроектировали же его одесские архитекторы А.Б. Минкус и Ф.А. Троупянский. Строительство обошлось в баснословные по тем временам деньги — 1,5 млн рублей. Дом был единственный в городе оборудован современнейшими лифтами американской компании «Otis». В советские времена дом населяли простые (и не очень простые) советские граждане. После войны на его месте возвели гостиницу «Украина». 20 февраля 2014 года именно в ее фойе сносили тела застреленных на улице Институтской неизвестными снайперами протестующих.

Почти всю дорогу ребята бежали. У ворот их встретили женщины из местного отряда самообороны и тут же провели в свой штаб, расположенный в подвале. Здесь было битком женщин, стариков, детей, каких-то мужчин средних лет. Стоял страшный гвалт, полная противоположность тишине наверху. У всех сбоку на лямке через плечо болтались холщовые сумки с противогазами.

Ребятам быстро объяснили обстановку, и они с немалым облегчением отправились из душного и шумного подвала наверх, на освежающий вечерний воздух. Как оказалось, не все члены отряда самообороны дома находились внизу, возле каждого парадного стояли дежурные. Молодые люди разделались — Марсен с Яшей зашли с заднего двора, со стороны

Крещатика. Остальные двинули на крышу прямо через центральный вход.

Стояла непроглядная темень и гробовая тишина до звона в ушах. Ребята остановились под деревьями, растущими посреди двора, и стали наблюдать. Вдруг на крыше раздалось мяуканье кошки, но какое-то очень громкое и чересчур резкое. Мяуканье повторилось несколько раз. Тогда в окне пятого этажа кто-то три раза зажег и потушил свет.

Словно темная стена обрушилась на Марсена. Ему захотелось сбежать от этого дьявольского места, панический страх охватил его. Он глянул на Яшу, тот внешне оставался спокоен, хотя его глаза были раскрыты шире обычного. Стыд перед другом заставил Марсена сказать, что он пойдет наверх, ну а Яше надо было отыскать остальных. Яков с готовностью согласился, это уже потом он признался, что в тот момент он перетрусил не меньше... если не больше.

Марсен осторожно пошел по черному ходу наверх, туда, где зажигался свет. Когда он дошел до второго этажа, то услышал наверху стук открывшейся двери. Холодный пот выступил у него на лбу, стало жарко, но он старался не обращать внимания на страх. Марсен поднялся еще чуть повыше, чтобы лучше следить за дверью подозрительной квартиры. Она была закрыта, изнутри доносился какой-то едва слышимый шум, который вскоре стих. Прошло минут тридцать томительного ожидания, которые для Марсена показались вечностью. Наконец он услышал шум поднимающихся по лестнице людей. Это были ребята из отряда и сотрудники НКВД. Марсен указал нужную дверь.

Кто-то из группы постучал, но дверь не открывали. После настойчивого и длительного повторного стука ее все же открыли. На пороге появился мужчина средних лет. Его внешность была неброской, можно даже сказать, вызывающей определенное доверие. Марсен со своего поста видел, как все вместе с хозяином скрылись внутри. Обратного долго никто не выходил, пока оттуда не выскочил сияющий Яша. Он бросился к Марсену, крепко обнял его, переполняемый чувствами, после

чего, не промолвив и слова, побежал вниз, звонить по телефону. Марсена позвали внутрь.

Сотрудник НКВД указал ему на двух военных, сидевших в наручниках с поникшими головами. У обоих было по две шпалы в петлице — это были «воздушные фрицы». Приехал «черный ворон» и забрал задержанных.

Вскоре ребята вернулись в штаб, но долго там сидеть им не пришлось, опять вызов, опять бегом, и так всю ночь.

24.06.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года

Выяснить ситуацию в 5-й армии и 15-м мк удалось только к концу второго дня войны, когда оттуда вернулись представители штаба фронта. Основные бои развернулись в центре и на левом фланге, там, где 5-я армия граничила с порядками 6-й. К югу от Владимира-Волынского в окружении сражались 87-я и 124-я стрелковые дивизии. Совершенно не было информации о пограничных заставах, которые на значительном протяжении в районе стыка двух армий оказались единственным заслоном перед противником. В районе Радзехува немецкие танки сдерживали передовые части перешедшего в контратаку 15-го мехкорпуса. На Луцком направлении им преградили путь расчеты 1-й противотанковой артиллерийской бригады генерал-майора К.С. Москаленко. На остальных участках фронта бои носили локальный характер. Крайне обрадовало сообщение, поступившее из 26-й армии, — ее 99-я сд контратаковала врага и смогла выбить его из Перемышля. Это был первый успех на участке их фронта.

Иван Христофорович доложил о собранных сведениях начальнику штаба, после чего они вдвоем отправились на Военный Совет фронта. Совещение началось с доклада генерала Пуркаева об обстановке. Максим Алексеевич в своем

уравновешенном академическом стиле подвел итоги боевых действий и спрогнозировал, какие именно механизированные части фронта смогут принять участие в завтрашнем контрударе. 4-й и 8-й мк отпадали сразу, первый направили отражать наступления противника на львовском направлении, второй, проделав пятисоткилометровый марш в направлении Львова, еще не успел вернуться на исходные позиции. 22-й мк мог начинать атаку только одной дивизией. У 15-го мк, не успевшего отмотобилизовать грузовой автотранспорт, пехота могла перемещаться только пешим порядком, и потому ее оставили в районе Бродов. Та же проблема была с артиллерией. 9 и 19-му мк, 31, 36 и 37-му стрелковым корпусам (ск), чтобы достигнуть фронта, требовалось еще несколько дней. Член Военного Совета Вашугин начал возмущаться, что пока фронт подготовится к контратаке, от дивизий прикрытия ничего не останется. Он требовал бить немцев, бить, не давая опомниться, на что Пуркаев резонно заметил, что в военном деле одного желания бить мало. А наносить удары малыми силами по очереди — значит обрекать эти самые силы на уничтожение. Враг только и мечтает о том, чтобы разбить корпуса поодиночке.

В спор вмешался командующий. Он упрекнул Максима Алексеевича в непонимании, что они не могут ждать, пока приграничные дивизии гибнут у них на глазах. Пуркаев возразил, что на войне нельзя жертвовать большим ради малого. Кирпонос заверил его, что никто не собирается ни жертвовать малым, ни вводить в бой корпуса поодиночке... и тут же подтвердил все пункты плана, которые как раз и вели к разрозненному вводу сил в бой. Пуркаев мрачнел с каждым словом Михаила Петровича, но сказать в ответ ничего не мог — мешала субординация. Вашугин с энтузиазмом поддержал наступательные настроения командующего фронтом. Окончательно решили — 24 июня удар по прорвавшимся танковым и моторизованным соединениям противника будет нанесен только теми силами, которые удастся собрать, а остальные втянутся в процессе сражения.

После совещания угрюмый Пуркаев поручил Ивану Христофоровичу подготовить для задействованных в завтрашнем контрударе частей все необходимые боевые распоряжения. Было далеко за полночь, когда с уже готовым документом Баграмян поспешил в кабинет Максима Алексеевича, чтобы тот заверил их подписью. Здесь находились только что вернувшиеся из войск Г.К. Жуков и Н.С. Хрущев. Начальник штаба фронта был мрачнее тучи, его вывело из себя решение Кирпоноса бросить в бой 4-й мк генерал-майора Власова, предварительно раздергав его на отдельные дивизии, на второстепенное Львовское направление, в то время как соединение надо было целиком направить на север, чтобы ударить в основание вражеского танкового клина.

24.06.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год

Утром на аэродром приехала машина, груженная ящиками с какими-то новейшими боеприпасами. За ней еще одна, с группой инженеров, возглавляемых старшим инженером их дивизии. Он и объяснил, что пилотам 3-й эскадрильи предстоит испытать первую партию реактивных снарядов марки «РС». Это оружие подвешивалось под крыльями самолетов на специальных направляющих и запускалось с помощью СВР — похожего на телефонный диск переключателя пуска снарядов и пусковой кнопки, которая устанавливалась на ручке управления самолетом.

Историческая справка: Для стрельбы по воздушным целям использовали осколочные снаряды РОС-82, снаряженные дистанционными взрывателями АГДТ-А. Время их срабатывания, находившееся в пределах от 2 до 22 секунд, на каждом снаряде выставлялось техниками по вооружению вручную и перед вылетом сообщалось летчику.

Первой под новое вооружение инженеры переоборудовали «чайку», на которой летал Дмитрий. В отсутствие комэска кому как не комиссару эскадрильи следовало показать пример молодым пилотам? Техники закрепили под плоскостями направляющие, подвесили на них два реактивных снаряда, быстро протянули электропроводку к кнопке пуска и СВР. Инженер-оружейник объяснил Дмитрию, что цифра «1», на которую они установили переключатель, означает, что снаряды сейчас будут запускаться по одному, по мере нажатия кнопки.

И вот мотор заработал, винт быстро завращался, набирая обороты, Дмитрий вырулил свой самолет на взлет. Первый снаряд он выпустил на высоте 2000 метров, заходя с востока на запад. Тот пролетел несколько сот метров и взорвался, оставив в небе облачко черного дыма. Новый заход, теперь уже на высоте 1000 метров, с направляющей срывается следующий снаряд и также успешно разрывается где-то далеко впереди по курсу биплана. Приземлился Дмитрий уже с далеко не таким тревожным настроением, как при взлете. Их этажерки получили мощное оружие, которым можно было теперь и сбивать бомбардировщики, и эффективно штурмовать наземные цели. Под плоскостями «чайки» размещалось сразу восемь 82-мм «эрэсов» — такое название почти сразу «прилипло» к этому новому оружию.

25.06.1941, учащийся химико-технологического техникума Марсен Михайлович Векслер, 17 лет

С начала войны Марсен не был дома. Днем комсомольцы истребительного отряда поддерживали порядок на улицах, а ночью выдвигались по телефонным звонкам жителей, чтобы проверять документы у подозрительных граждан и задерживать шпионов. Сигналов поступало очень много, но за редкими

исключениями ложных вызовов практически не было. Людей катастрофически не хватало.

Дневные посты комсомольцев отряда располагались в самых ответственных местах Ленинского района. Марсен и пять подчинявшихся ему ребят дежурили на Крещатике у входа в Пассаж. Много было интересных случаев, но больше всех Векслеру запомнился один, когда им удалось задержать какого-то типа, заложившего в Пассаже взрывчатку.

При бомбардировках в их обязанности входило убирать людей с улиц, загонять их в подворотни. Во время одного из налетов критическая ситуация сложилась у группы, дежурившей возле Главпочтамта, где в очередях столпилось много народу. Несмотря на вой сирен, люди не желали расходиться. У Марсена в Пассаже все было в порядке, и он с еще одним комсомольцем из своей группы бросился на выручку. Прибежали ребята и с других постов, порядок оказался восстановлен. Неподалеку Марсен заметил подозрительного майора авиации, безучастно наблюдавшего за окружающими. Это спокойствие выглядело странно на фоне перепуганных и возбужденных граждан. Он подошел к летчику, спросил, который час. Тот ответил, и его речь тоже показалась подозрительной — этот человек в разговоре делал слишком сильный упор на шипящие звуки.

Марсен вновь попытался заговорить, но майор или отвечал односложно, или вообще игнорировал вопросы не в меру назойливого подростка. Марсен отошел в сторону и стал внимательно наблюдать за этим подозрительным типом. Тот «срисовал» слежку и невозмутимо пошел прочь от ворот по улице. Тогда Марсен догнал его и напрямую предложил предъявить документы. Майор сразу согласился, что никак не вязалось с его упрямым видом. Подошел сотрудник НКВД, проверил документы, и летчика немедленно задержали.

Опять спустилась ночь, опять звонок по телефону, адрес, бегом. На этот раз улица Короленко, Клуб медсотрудников. Сколько приятных часов проведено было здесь, а теперь...

Когда около полуночи группа Векслера собралась на углу Короленко и Прорезной, чтобы возвращаться в штаб, Яша вдруг по-

тянул его за рукав, отвел в сторону и, предварительно посмотрев через плечо друга на их оставшихся товарищей, доверительно сказал: «Верочка просила, чтобы ты подошел к воротам». И только тут Марсен вспомнил, что стоит у ворот, где живет его любимая, и что вот уже несколько дней прошло, как они не виделись.

Марсен подошел к воротам, Вера стояла на дежурстве вместе со своей подругой. Он отозвал ее в сторону. Времени было мало, его ждали ребята, ведь он — командир взвода, и ему пристало показывать, что для настоящего комсомольца на первом месте долг, а потом уже личные чувства. Пару слов, несколько горячих поцелуев, вот и все:

— Марсик, мы будем когда-нибудь еще танцевать?

— Конечно, будем! Будем, Вера. Обязательно будем.

— А мне кажется, что не будем, — с грустью сказала Вера.

Наверняка это было сказано несерьезно, как часто бывает у молодых. Однако, сама того не подозревая, девушка предсказала будущее.

Они больше никогда не станцуют вместе...

Группа вернулись в штаб. Еще со двора Марсен услышал несущийся из его окон необычный для военного времени шум и дикий хохот. Что такое? Ребята окружили какого-то здоровенного мужика. Он что-то с жаром рассказывал им, они смеялись и о чем-то уговаривали его. Марсен подошел поближе и узнал рассказчика. Это был известный всему Советскому Союзу актер Киевской киностудии Борис Андреев.

Историческая справка: Борис Федорович Андреев родился в Саратове в 1915 году. После участия в 1939 году в съемках легендарного фильма «Трактористы» реж. И.А. Пырьева, где он сыграл одну из главных ролей, его пригласили на Киевскую киностудию. Здесь он снялся в таких знаковых фильмах, как «Большая жизнь», «Истребители», «Щорс», «Богдан Хмельницкий», «Валерий Чкалов». По популярности в то время он был сравним с П.М. Алейниковым и Н.А. Крючковым, с которыми тесно дружил. В актерской среде их всех вместе в шутку называли «святой троицей».

Актер наполовину в шутку, наполовину всерьез жаловался, что навеки обиженный теперь человек, потому что просился

на фронт, а ему отказали. И вот он, «здоровая дубина, вынужден задаром кушать хлеб». Обидевшись на весь белый свет в целом и на «подлеца-военкома» в частности, он назло всем напился. Ребята встретили его на улице и, вначале не узнав, задержали, а когда узнали, привели в штаб как почетного гостя.

Но вот веселье закончилось, Борис Федорович отправился домой проспаться, а ребятам снова надо идти, на этот раз патрулировать Пролетарский парк. Марсен взял с собой троих комсомольцев и пошел. В парке они помогли задержать какого-то липового милиционера, который вроде бы оказался засланным фрицем. Что касается Бориса Андреева, вскоре он уехал в командировку в Москву, попал там (разумеется, в пьяном виде) под бомбежку, наговорил лишнего и был арестован. Спасло его заступничество влиятельных кинематографистов. Арест отменили. Из Москвы Андреев уже в Киев не вернулся, а убыл в Ашхабад, где воссоединился со своей киностудией.

25.06.1941, начальник чугунолитейного цеха завода «Большевик» Виктор Игнатьевич Хохлов, 29 лет

С утра Виктор мотался между цехами, своим чугунолитейным и двумя другими: инструментальным и формовочным. На коротком совещании 22 июня директор завода предупредил, что они переходят на изготовление продукции военного времени, в первую очередь — снарядов и ремонт бронетехники. А механосборочный цех переключился на производство деталей для пулеметов. Кардинальное изменение номенклатуры добавило работы начальникам цехов. Кроме того, было решено немедленно устроить светомаскировку, а в убежища, оборудованные в подвалах цехов, завезти кровати, мебель, постельные принадлежности и прочий инвентарь, чтобы людям было где прятаться от бомбежек, а некоторым — и жить здесь. Всю администрацию в тот же день перевели на казарменное положение,

благо столовая завода работала исправно, с питанием проблем не возникало. Рабочих перевели на режим работы в две смены с 4:00 до 22:00, то есть на весь световой день.

23 июня на «Большевику» провели большой митинг рабочих и служащих. Виктор, как секретарь партийного комитета, был ответственным за его организацию. Такие же митинги в этот день проводились на всех киевских предприятиях. Рабочим объяснили, что нагрузка на них многократно возрастет и что необходимо вложить в труд все силы, чтобы максимально приблизить день Победы. Воодушевление и энтузиазм трудящихся оказались таковы, что особо уговаривать никого не приходилось.

Историческая справка: Завод «Большевик» основан в 1882 году предпринимателями швейцарцем Яковом Гретером и чехом Иосифом Криванеком под названием «Киевский чугунолитейный и механический завод». Позже он начал именоваться АО «Киевский машиностроительный и котельный завод Гретера и Криванека». Предприятие производило чугунную арматуру, болты, гайки, паровые котлы, насосы, мостовые конструкции, оборудование для сахарных заводов. В 1909 году его специалисты освоили выпуск первого дизельного двигателя отечественной сборки. Во время Первой мировой войны на заводе, помимо своих рабочих, трудились пленные немцы, австрийцы и чехи. Во время Гражданской войны предприятие национализировали и переименовали. Его рабочие ремонтировали старые и оборудовали новые бронепоезда, машины для кораблей и судов Днепровской флотилии, ремонтировали канонерские лодки. В межвоенный период «Большевик» вернулся к производству своей гражданской продукции.

В этот же день началась мобилизация, и «Большевик» потерял призванными в армию и на флот 800 работников, бронь получили только высококвалифицированные рабочие и мастера. Им-то и пришлось взвалить на свои плечи ту самую многократно возросшую нагрузку. А позже, когда с фронта сплошным потоком пойдет разбитая бронетехника, требующая срочного ремонта, станет еще сложнее. Но это случится позже...

Летнее утро ласкало кожу теплом. Двадцатидевятилетнего Виктора брала досада — такое лето, так хорошо было бы сейчас отработать смену, а вечером заводской командой, в которой он был центрфорвардом, как обычно погонять мяч, готовясь к очередному туру городского чемпионата по футболу. Все испоганили немцы — и открытие стадиона сорвали, и матч между «Динамо» и ЦДКА, а Виктор так его ждал! Все его друзья ждали. А каких трудов стоило раздобыть для игроков заводской команды вожделенные билеты...

От горестных мыслей Виктора отвлек нарастающий гул, едва заметный среди грохота и лязга, обычно сопровождающего работу «литейки». Но вскоре он явно прорезался среди заводских шумов, и несколько работников, волею случая оказавшихся на дворе, почти синхронно повернули головы, разыскивая источник непривычного звука. Долго гадать не пришлось, с запада вдоль Брест-Литовского шоссе к «Большевику» быстро приближалась большая группа немецких двухмоторных бомбардировщиков общим числом до 40 машин.

Кто-то завопил: «Воздух!» Тревожно, давя на барабанные перепонки, завывла сирена. Виктор вместе со всеми бросился искать укрытие, но спасительные «щели» никто на заводе пока еще открыть не додумался, и поэтому каждый прятался, где придется.

Из открывшихся бомболоков черным горохом посыпались бомбы, и на территории «Большевика», а также соседнего авиастроительного завода № 43 взметнулась вверх вставшая на дыбы земля. Несколько бомб попало в заводские постройки, одна угодила в чугунолитейный цех.

Когда весь этот кошмар закончился и гул удаляющихся самолетов начал стихать, Виктор вместе с другими работниками бросился к зданию цеха. Оттуда доносились крики раненых и пытавшихся им помочь людей. Многих охватила паника, и Виктору пришлось руганью, увещеваниями, а порой и физическим воздействием успокаивать рабочих, налаживать работу по разбору завалов и извлечению из-под них погибших и уцелевших. К концу дня убитых сосчитали, их оказалось

18 человек. Еще около полусотни получили ранения и контузии разной степени тяжести. Была разрушена часть здания и одна из печей. На соседнем заводе № 43 погибли 38 человек, 78 были ранены. Здесь бомбы попали в электроцех, 4-й, 22-й, 25-й цеха и конструкторское бюро. Завод получил не фатальный, но болезненный удар.

25.06.1941, рабочий завода № 43 Владимир Муляр

На заводе была пересменка (он работал в две смены), еще не было семи, работа начиналась в 7:30, так что Володя отправился в столовую, где можно было значительно дешевле, чем в магазине, купить пару булочек и два стакана чая. Оплатив свой завтрак, он пошел в цех.

Где-то в 7:20 с улицы раздался вопль: «Самолеты!» — и все выбежали на площадку перед цехом. Со стороны Киева к заводу приближалась большая группа двухмоторных бомбардировщиков с крестами на крыльях, летящая широким треугольником. Володя пересчитал их, у него получилось то ли 41, то ли 43 самолета, последующие события стерли точное число из памяти. Он посмотрел на часы, они показывали 7:27. Казалось, что грозные машины пролетят мимо, но не тут-то было.

Ведущий бомбардировщик завалился на крыло и истощно воя сиреной начал пикировать прямо на столпившихся рабочих. От фюзеляжа отделилась черная зловещая бомба. Люди в панике бросились кто куда. Часть рванула в цех и столкнулась в дверях с теми, кто, наоборот, пытался оттуда выбежать. Володе удалось каким-то чудом проскользнуть внутрь. В это время снаружи начали рваться первые бомбы.

Еще год назад, когда немцы бомбили английские города, Володя где-то прочитал, что при разрушении зданий чаще спасались люди, прятавшиеся в углах. Он вжался спиной в ближайший угол и стал ждать, пугливо озираясь. Вот какой-то

токарь, мечущийся в панике, упал и разбил себе в кровь лицо. Вот завопила какая-то женщина. Рвались бомбы, выли сирены воздушной тревоги, кричали люди... казалось, этому кошмару не будет конца.

Однако все прекратилось. К Володиному счастью, в их цех на этот раз бомбы не попали, и ему не пришлось на практике проверять теорию более безопасных углов. А вот заводу досталось, пострадала значительная часть его зданий. Но если бы половина бомб не попала на большой пустырь, расположенное рядом с корпусами заводское летное поле, — было бы еще хуже.

В этот момент цех начал заполнять едкий вонючий желтый дым. Кто-то истерично завизжал: «Газы!» Володя бросился на улицу, к каморке, в которой хранились противогазы, в секунду сбил с двери замок и натянул на себя эластичную больно дернувшую волосы резиновую маску. Рядом с каморкой плакала растерянная уборщица, Володя надел противогаз и на нее. Уже в противогазах рабочие вошли в цех, как раз в это время к нему подтянулись и военные приемщики. Один из них зло посмотрел на рабочих и рассерженно крикнул: «Какие газы?! Толь горит, тушите немедленно!» Все бросились тушить толь. Того, кто первый крикнул «Газы!» и начал панику, потом так и не нашли, хотя очень старались.

25.06.1941, командующий 36-й иад Герой Советского Союза полковник В.В. Зеленцов, 30 лет

Занималось утро четвертого дня войны. Полковник Зеленцов с красными от недосыпания глазами уже сидел за рабочим столом. Ситуация в дивизии, которой он командовал всего третий день, сложилась аховая. Из четырех полков полнокровными можно было назвать только два — 2-й и 43-й. Формирующиеся 254-й и 255-й в сумме получили только 35% летной техники.

Из положенных по штату 240 истребителей в дивизии было 152: у 2-го иап — 57 самолетов И-16 и И-153 (из них 11 неисправных), у 43-го иап — 54 И-16 и И-153 (из них 2 неисправных), у 254-го иап — 28 И-16 и у 255-го иап — 13 И-16. Только восемь истребителей успели оборудовать рациями. И то, что это были за рации — поступающие на свечи самолета разряды поступающие на свечи самолета, вызывали в них такую какофонию звуков, что расслышать что-либо было крайне сложно.

При формировании двух новых полков 36-й иад матчасть собирали со всего округа, при этом частично своими самолетами поделились два первых полка. Качество истребителей оставляло желать лучшего — морально устаревшие И-16 и И-153, как показали первые дни войны, не могли служить хорошими перехватчиками, им не хватало скорости. И-16 хоть и были последних модификаций с моторами М-62 и М-63, развивали только 464 км/ч и 489 км/ч соответственно, в то время как у самого массового немецкого бомбардировщика Ю-88 максимальная скорость достигала 450–480 км/ч. Учитывая потерю времени на взлет и маневрирование «ишаки» просто не могли догнать эти самолеты, если те летели без бомбовой нагрузки. Положение значительно улучшилось бы, если бы посты ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи) вовремя сообщали о приближении противника и летчики встречали бы врага в воздухе на подходе, когда немецкие бомбовозы тяжело ползут, обремененные тяжестью своего смертоносного груза. Но если с наблюдением у ВНОС дела обстояли туда-сюда, то вот со связью и оповещением было совсем худо. Истребителям дивизии приходилось взлетать по телефонным звонкам из города, когда вражеские бомбы уже сыпались на Киев. Подоспевшие пилоты в лучшем случае видели только хвосты удалявшихся немецких бомбовозов. Из-за отсутствия радиосвязи патрулирующим небо над Киевом летчикам приходилось ориентироваться самым примитивным образом. Возле Цепного моста была разложена огромная буква «Т», так называемое полотнище Попхема, с множеством небольших отростков и большой стрелой из белого полотна, выложенного

рядом. Сочетание этих полотен показывало направление подхода противника к городу.

Летчиков не хватало, а имевшиеся были плохо подготовлены. В новых полках личный состав формировался в основном из недавних курсантов, освоивших только «взлет-посадку». Они совершенно не умели летать в сложных погодных условиях и тем более ночью. Из всех пилотов «ночниками» были только 15%. А как прикажете защищать город, если ночью над ним драться некому? Хоть сам за штурвал садись.

В результате за семь вражеских налетов дивизия не сбила ни одного самолета противника, зато успешно ломала и разбивала свои.

Стоявший на столе телефон резко и пронзительно затрещал, полковник вздрогнул от неожиданности, затем поднял трубку. Звонили из Жулян — аэродром подвергся налету. Сквозь разрывы бомб Зеленцов услышал, что основная часть бомбардировщиков пошла дальше в город.

Следующие часы были полны телефонных звонков. Позвонили из Броваров, с гражданского аэродрома. Туда до войны прибывали летевшие в Киев пассажиры, а сегодня утром в 6:45 его посетили немецкие бомбовозы. Они уничтожили беспечно стоявшие на земле 6 самолетов гражданской авиации и 3 истребителя 254-го полка его дивизии. Посты ВНОС зарегистрировали три налета на аэропорт Бровары: 21 Ju-88, затем 13 Ju-88 и, наконец, 9 He-111.

Историческая справка: В те дни для формирования Киевской авиагруппы ГВФ особого назначения (АГОН), которую возглавил начальник Украинского управления ГВФ А.Г. Романов, в Бровары со всей Украины стягивались самолеты гражданской авиации. На момент формирования группа насчитывала 131 самолет (4 ПС-84, 2 Г-2, 12 П-5 и ПР-5, 110 связных и санитарных У-2 и 3 машины других типов). Летное поле было просто забито самолетами, которые отправлялись к линии фронта, доставляя боеприпасы, медикаменты, почту, а обратно забирали раненых.

Удару подвергся и аэродром в Борисполе, где одиннадцать немецких самолетов сожгли стоявший на земле большой мно-

гомоторный бомбардировщик ТБ-7. На летном поле аэродрома в Гоголеве сгорел другой многомоторник, ТБ-3. Атаке подвергся и аэродром в Гостомеле, здесь наши ВВС потеряли скоростной бомбардировщик СБ.

43-й иап тоже понес потери. Погиб молодой адъютант 2-й эскадрильи лейтенант М.М. Кучеров. Во время барражирования на дальних подступах к Киеву наши пилоты встретили группу немецких двухмоторных бомбардировщиков и атаковали их. Мальчишка полез напролом, в самую середину немецкого строя, и там крупнокалиберные пулеметы просто разорвали его истребитель на куски. В 254-м иап также погиб пилот. Всего дивизия в этот день потеряла два И-16 сбитыми в воздухе и еще пять самолетов сгоревшими на земле. Более 20 машин было повреждено.

Затем пришел с докладом начальник штаба полковник А.Д. Орлов. Киеву сегодня досталось особенно сильно. Его бомбили с высоты 2000 метров. Налет производился двумя эшелонами в 20 и 15 самолетов с промежутком в 15 минут. Основным ударам опять подверглись предприятия города. Немцы разбомбили чугунолитейный цех завода «Большевик» и нанесли значительные повреждения авиазаводу № 43. В результате налета погибло около 50 человек и 105 получили ранения.

Были и хорошие новости: несколько вражеских самолетов удалось наконец сбить. В плен попали летчики Люфтваффе. Зеленцов почти бегом спустился вниз по лестнице и прыгнул в дежурную машину. Рванув с места, она понеслась в Бровары.

25.06.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Ее сердце переполнял ужас. Вокруг светило солнце, щебетали птицы, на улице играли ребятишки, а она шла, снедаемая страхом. Сегодня ее любимый город, ее Киев пережил первую по-настоящему страшную бомбежку. Тридцать семь нацист-

ских самолетов совершили налет, бомбили завод «Большевик» и расположенный через улицу от него авиаремонтный завод № 43. По городу ходили упорные слухи, что погибло более 200 человек.

Ирина жила вместе с семьей Тани — старшей сестры. Когда утреннюю тишину нарушили первые залпы зенитных орудий и на землю с ни с чем не сравнимым шелестом посыпались осколки зенитных снарядов, Таня схватила с кровати свою трехлетнюю сонную дочку Шурочку и бросилась под железобетонный пролет лестничного марша первого этажа. Туда уже набилось множество жителей с верхних этажей — женщины, старики, дети. Они дрожали, а некоторые даже вскрикивали при каждом взрыве, которые, казалось, подбирались все ближе и ближе к их дому. Рядом находился главпочтамт, и все боялись, что немцы, пытаясь разбомбить его, попадут в жилые кварталы.

Но время шло, разрывы и залпы зенитных орудий становились все тише, все дальше и вскоре совсем умолкли. Уже через несколько часов улицы наполнились торопящимися по своим делам горожанами, троллейбусами, трамваями, автобусами, снующими туда-сюда автомобилями. Ирина поспешила на работу в библиотеку, ноги сами несли ее по знакомому маршруту, а сердце сжималось от страха. Теперь она, как и большинство киевлян, по-настоящему осознала, что война действительно началась. Сегодняшнее утро показало, как хрупка жизнь каждого из них. В любой момент ее могут грубо отобрать, и она ничего, совсем ничего не может с этим поделать.

Хорошуновой пришлось обождать лишнюю минуту на обочине, пропуская марширующую по брусчатке колонну мобилизованных резервистов. Военкоматы забирали военнообязанных с 1905 по 1918 годы рождения. Всех, у кого не было так называемой «брони», которая давалась работающим на особо важных предприятиях города.

По всему Киеву мобилизованное на подготовку оборонных сооружений гражданское население копало «щели», в которых прохожие могли спрятаться при бомбежке — узкие окопы

глубиной полтора метра, сужающиеся в нижней части. Они оборудовались во всех местах, не укрытых асфальтом и мостовыми, — на газонах, клумбах, в тени развесистых деревьев многочисленных киевских парков и скверов.

На стенах домов появились агитплакаты. Чаще всего Ирине встречался один, на котором карикатурного Гитлера со свастикоподобным туловищем и перевязанной, словно при зубной боли, щекой протыкал штыком советский солдат. Надпись под рисунком обещала: «Ой, і буде морда бита Гітлера-бандита!»

Если бы в жизни все было так же легко и просто, как на этом плакате.

25.06.1941, командующий 36-й иад Герой Советского Союза полковник В.В. Зеленцов, 30 лет

В Броварском аэропорту царил хаос. С летного поля вывозили обломки разбитых самолетов, сновали люди с носилками, на которых лежали стонущие юноши в обмундировании курсантов. Вытянувшись, как говорили в царской армии, «во фронт», заместитель командира 254-го иап капитан В.В. Белоусов докладывал Зеленцову о недавно произошедших здесь событиях.

Девятка чужих бомбардировщиков появилась неожиданно. На бреющем полете с высоты 100 метров немцы сыпанули бомбами на ряды стоявших под открытым небом самолетов. Они явно ориентировались на высокую 30-метровую мачту приводной антенны радиостанции аэропорта, поэтому безошибочно зашли на бомбометание и точно сбросили свой груз. Сгорели шесть пассажирских и транспортных самолетов АГОН, два И-16 и один У-2. Одна бомба угодила в столовую, когда в ней завтракала 2-я рота курсантов располагавшейся здесь же в аэропорту летной школы ГВФ. Практически все 200 человек или погибли, или получили ранения. А следом появилась еще одна девятка вражеских самолетов...

Летчики-истребители не стали смотреть, как враги уничтожают их самолеты, перепахивают летное поле, убивают друзей. Командир 254-го иап майор В.А. Валуйцев вырулил свой И-16 на взлетную полосу, за ним потянулось еще семь истребителей. Всего в полку исправными на тот момент были 26 самолетов. Вскоре, разогнавшись среди разрывов бомб, истребители взмыли в небо, но за это им пришлось дорого заплатить — осколком бомбы их командир был тяжело ранен.

Погоню за немецкими бомбардировщиками и атаку на них возглавил замкомполка капитан Белоусов. Настигнуть противника им удалось уже над правым берегом Днепра в районе Гостомеля. Летевшие в тесном строю бомбардировщики плотно прикрывали друг друга огнем своих пулеметов. Неопытный пилот заместитель командира эскадрильи младший лейтенант П.И. Сухановский неудачно атаковал противника и попал под плотный заградительный огонь, его И-16 вспыхнул ярким факелом, понесся вниз. Летчик покинуть кабину самолета не смог, возможно, погиб еще в воздухе.

Но немцы тоже понесли потери. Истребители капитана В.В. Белоусова, лейтенантов В.С. Григоровича и Г.С. Бисьева продолжали вести огонь. Подбитый Ю-88 А-6 (бортовой номер — 882428, регистрационный номер ВЗ+ВМ) задымил и пошел на вынужденную посадку. Всех четырех уцелевших членов экипажа тут же схватил вовремя подоспевший патруль. Немцев отправили во внутреннюю тюрьму НКГБ для допроса.

За сожженные в Гоголеве и Борисполе ТБ-3 и ТБ-7 немцы заплатили двумя своими бомбардировщиками. Командир 3-й эскадрильи 2-го иап капитан В.Т. Солодов и его заместитель по политической части младший лейтенант Г.К. Бунаков подбили один бомбовоз. Он сильно задымил и потянул на запад, скорее всего, упал где-то на Правобережье, за Киевом. Второй «завалили» летчики звена капитана В.Н. Семенова. Немецким стрелкам удалось пробить истребителю капитана лонжерон, начал перегреваться мотор, но комзвена не вышел из боя. Вместе со своими ведомыми младшими лейтенанта-

ми Винокуровым и Кунаевым он продолжал атаковать и зажег вражеский самолет.

Итог дня опять сложился не в пользу советских ВВС: оказались потерянными 6 гражданских самолетов, 3 бомбардировщика, 7 самолетов 36-й дивизии. Но и немцы наконец-то начали нести потери, они не досчитались трех своих бомбовозов. Хотя и тяжело было на душе у полковника Зеленцова, но какой-то огонек надежды в ней все-таки к концу дня затеплился.

25.06.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года

Контрудар 23 июня закончился... ничем. Он вылился в оборонительные бои на Владимиро-Волынском направлении, где 1-й противотанковой артиллерийской бригаде вначале удалось нанести танковым частям противника большой урон. 24 июня подошедшие передовые подразделения 22-го мк контратаковали с ходу... и поплатились за это. Большая часть из участвовавших в контратаке 45 танков Т-26 и 10 бронемашин БА-10, была потеряна. Погибли командир корпуса генерал-майор С.М. Кондрусев и командир 38-го танкового полка (тп) 19-й тд подполковник И.Ф. Самсонов. Командир 19-й тд генерал-майор К.А. Семенченко получил ранение. Командир 37-го тп 19-й тд, под команду которому отдали для организации атаки все танки 19-й тд, подполковник Б.Г. Бибик пропал без вести. После этой неудачи пришлось отдавать приказ об отводе корпуса за реку Стырь.

Южнее, в районе Радзехува, из всех подразделений 15-го мк вступить в бой с противником удалось только 10-й тд, и то без своего 2-го танкового полка. Все артиллерийские подразделения дивизии (10-й артиллерийский полк, 10-й зенитный полк и полковая артиллерия 10-го мотострелкового полка) перед началом войны находились на стрельбах в районе Янова под Львовом и еще не успели оттуда вернуться. Отсутствовал и 10-й понтон-

ный батальон, также отправленный еще до 22 июня во Львовскую область на проводившиеся на Днестре учения.

Передовой отряд 10-й тд, прибывший в Радзехув еще в первый день войны, немцы выбили в коротком кровопролитном бою, после чего танки 11-й тд вермахта двинулись на юг. Здесь их сначала атаквали, но откатились два батальона 32-й тд и один батальон 81-й мотострелковой дивизии (мсд) из состава 4-го мк (это все, что Кирпонос выделил из состава корпуса для нанесения контрудара по немецкому танковому клину). С таким же результатом вступили в бой два полка 10-й тд, подтянувшиеся в район Радзехува к 15:00. Сбывались пророчества Пуркаева, что немцы будут громить наши разрозненные части поодиночке.

Ошибочные данные, предоставляемые авиаразведкой, вводили штаб фронта в заблуждение. Сначала она обнаружила несуществующую вражескую колонну, якобы направлявшуюся на Ковель со стороны Бреста. Потом совершенно не заметила ухудшение обстановки на Луцком направлении.

Особенно большие опасения у командования фронтом вызывала Радзехувская группировка противника, состоявшая, по донесению начальника разведки фронта полковника Г.И. Бондарева, из четырех танковых и моторизованных дивизий. 15-й мк в одиночку не мог ни остановить их продвижение, ни тем более разгромить. На совете было принято решение организовать контрудар, который предстояло нанести 9 и 19-му мк, подразделения которых только начали стягиваться к реке Стырь и Ровно. Командир 9-го мк генерал-майор К.К. Рокоссовский как нельзя вовремя успел подтянуть к Луцку свою 131-ю мотострелковую дивизию, конфисковав, не имея на то никакого права, собранный в Шепетовке мобилизованный автотранспорт в количестве 250 грузовиков. Атаку назначили на 9 часов утра 26 июня. Ответственным за ее организацию сделали командующего 5-й армией генерал-майора М.И. Потапова.

Из 5-й армии вернулся начальник Генерального штаба генерал армии Г.К. Жуков. Он снова устроил М.П. Кирпоносу

разнос, за то, что тот решил не вводить в бой подходившие из глубины территории 36-й и 37-й ск, а расположить в отдалении от основного театра боевых действий. Жуков требовал нанести контрудар всеми имеющимися силами.

Опять предстояла бессонная ночь, опять нужно было подготовить неотложные приказы, обеспечить их доставку в части. Командующий 15-м мк генерал-майор И.И. Карпезо просил отложить наступление на сутки, пока он сможет получить 8-ю тд, выделенную из состава 4-го мк, но выяснилось, что она еще только начала выдвижение. Когда Иван Христофорович доложил об этом Кирпоносу, тот велел отправить Карпезо телефонограмму, содержащую всего два слова: «Выполнять приказ».

26.06.1941, начальник чугунолитейного цеха завода «Большевик» Виктор Игнатьевич Хохлов, 29 лет

На Лукьяновском кладбище, которое еще с царских времен расположилось неподалеку от Бабьего Яра, рядом с еврейским и военным погостами, хоронили рабочих чугунолитейного цеха, погибших накануне под немецкими бомбами. Восемнадцать свежевоструганных гробов, обитых на скорую руку кумачом, выстроились в ряд возле такого же ряда свежерытых могил. Партком завода решил устроить перед похоронами митинг, и теперь перед гробами толпились рабочие, слушая ораторов, которые один за другим произносили пламенные речи. Солнце нещадно припекало, люди стойко переносили жару, промакивая платками заплаканные глаза и вспотевшие лбы.

Тем временем заводской врач зачем-то обходил гробы, то ли чтобы лично проститься со своими недавними подопечными, то ли чтобы проверить, действительно ли они умерли. Виктор сопровождал его недобрый взглядом. Вместо того чтобы со всеми принимать участие в митинге, странный медик занимался чем-то непонятным.

Возле гроба литейщика Ивана Фоковича Махини врач остановился, ему показалось, что погибший рабочий выглядит слишком подозрительно. Несмотря на неодобрительные взгляды окружающих, медик опустился возле гроба на колени и начал щупать у лежащего в нем тела пульс. Потом, к ужасу наблюдавших за этим рабочим, он приложил ухо к его груди, через несколько секунд резким движением разорвал на груди литейщика рубашку, вновь прислушался, а затем посмотрел на окружающих ошалевшим взглядом. «Он живой!» — этот возглас вызвал в присутствующих бурю эмоций.

Врач вновь бросился к телу литейщика и начал проводить реанимационные действия. Он делал ему искусственное дыхание, закрытый массаж сердца, опять искусственное дыхание... Трудно описать ужас Виктора, когда Махиня наконец глубоко вздохнул и открыл глаза. Еще чуть-чуть — и они все вместе похоронили бы живого человека, и он, как начальник цеха, как секретарь парткома, был бы в этом виноват в первую очередь.

26.06.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Чувство ужаса начало постепенно покидать ее, она стала свыкаться с нависшей над городом и горожанами опасностью. Ирина с удивлением обнаружила, что многих ее земляков вместо страха охватила жажда деятельности. По всему городу образовывались группы самозащиты; девушки и женщины, не боясь шальных осколков, загоняли во время бомбежек прохожих в парадные. Люди привыкли к налетам — если раньше при первом завывании сирен они панически разбегались кто куда, то теперь киевляне начинали прятаться только при отчетливом приближении гула вражеских бомбардировщиков. Они быстро научились отличать угрожающее завывание немецких двигателей от деловитого тарактения моторов отечественных «ишаков» и «чаек».

В скверах, парках, на клумбах, во дворах люди начали массово копать так называемые «щели» — небольшие узкие окопы, в которых можно было бы переждать бомбежку. Первыми, кстати, их начали рыть испанские дети-беженцы и их родители. В памяти этих невольных переселенцев еще были свежи бомбардировки Мадрида, Толедо, Барселоны, Валенсии и других испанских городов.

Киев заполнили солдаты и командиры, грузовики, выкрашенные в зеленый цвет. В школах, детских садах, других учреждениях начали открываться госпитали. Служащие библиотеки, в которой работала Ирина, занялись подбором книг для госпитальных библиотечек.

Историческая справка: Подготовка в Киеве госпиталей началась сразу с началом войны. Множество женщин и девушек на добровольных началах мыли и дезинфицировали помещения, набивали матрацы и подушки, шили постельное белье, приносили из дома цветы, полотенца, салфетки. Уже к 25 июня заработали 23 госпиталя, в которых медсестрами и сиделками безвозмездно были готовы работать 7500 киевлянок. С этого момента столица Украины начала принимать первые эшелоны с ранеными. На специальных пунктах Общества Красного Креста, открытых при железнодорожных станциях, круглосуточно дежурили добровольцы, готовые обеспечить раненых горячей пищей, перевязать, помочь написать письмо родным, просто поддержать теплым словом. Развернулось донорское движение, с 25 июня по 15 сентября 1941 года Киевляне сдали 94,5 тонны крови.

26.06.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год

Летчиков эскадрильи перевели в режим постоянной готовности. Теперь приходилось дневать и ночевать возле самолетов. Техники и обслуживающий персонал спали здесь же, на аэродроме, в ангарах на застеленном соломой полу. Эскадри-

ля по-прежнему пыталась вылетать на перехваты, но все так же тщетно. «Чайки» только успевали поболтаться у немецких бомбардировщиков на хвосте, сделав несколько неточных очередей. Догнать их и навязать бой никак не получалось — не хватало скорости.

Но теперь под плоскостями самолетов были подвешены новые «эрэсы», и летчики с волнением ждали, когда у них появится возможность опробовать их в деле. Во второй половине дня позвонил лично командир дивизии полковник Зеленцов и передал Дмитрию, что по данным постов ВНОС с юго-запада к Васильковскому аэродрому приближаются четыре вражеских бомбардировщика He-111, и приказал самолеты уничтожить. Через пять минут приближение машин противника подтвердили наблюдатели, чей пост располагался на крыше одного из аэродромных ангаров. Еще через пять минут восемь «чаек» взмыли в небо.

Бомбардировщики шли на высоте 100 метров. Дмитрий повел эскадрилью в лобовую атаку. Переключатели пуска были выставлены на «2», в этом случае «эрэсы» при нажатии кнопки пуска запускались попарно. Дистанционные взрыватели были выставлены на 2000 метров.

«Чайки» стремительно сближались с бомбардировщиками. Когда до них оставалось где-то 3000 метров, Дмитрий начал жать кнопку пуска с интервалом в секунду. Его расчет оправдался, первые «эрэсы» вспыхнули черными облачками где-то в 100 метрах перед целями, следующий же залп разорвался уже среди их строя и над ним, ну а последние разрывы появились уже метрах в 150 позади бомбардировщиков.

Тяжелые двухмоторные машины, покачивая крыльями, сменили курс и отвернули на восток, две из них заметно дымили. «Чайки» пронеслись мимо, строча из всех пулеметов, и начали разворачиваться на 180°, чтобы зайти в хвост вражескому строю. Но бомбардировщики дали полный газ, и тихходные бипланы сразу же безнадежно отстали. Тем не менее эскадрилья вела преследование еще километров 60 в сторону Днепра, после чего истребители развернулись и легли на обратный курс.

После посадки Дмитрий доложил на командный пункт дивизии о выполнении задачи и тут же получил нагоняй от Зеленцова за то, что они не сбили ни одного вражеского самолета. В ответ он доложил командиру о том, что его смущает отход «вражеских» бомбардировщиков не на запад, что было бы вполне логичным, а на восток, но полковник не придавал этому особого значения.

Техники начали латать плоскости «чаек» — в каждой из них насчитывалось до 20 пробоин, а Дмитрия все не оставляли сомнения, пока вечером его вновь не позвали к телефону. Звонили с командного пункта дивизии. Оказалось, что днем их эскадрилья атаковала не немцев, а советские дальние бомбардировщики ДБ-3Ф. Ранения получили два стрелка-радиста. Самолеты сильно повреждены. Дмитрию сообщили, что он отстранен от командования эскадрильей.

26.06.1941, начальник Генерального штаба генерал армии Г.К. Жуков, 44 года

Георгий Константинович был в Тарнополе уже четыре дня, практически полностью подменяя собой командующего Юго-Западным фронтом. Он видел, что Кирпонос тяготится своей ролью «свадебного генерала», но Сталин поставил начальнику Генштаба задачу организовать контрнаступление силами мехкорпусов фронта, и он организовывал... вот только оно никак не организовывалось. Сначала было не совсем понятно, куда немцы направили свои основные удары, и ряд маршей подразделения совершили напрасно. Потом оказалось, что корпуса к быстрому выдвигению к границе не готовы, и время контрударов некоторых из них пришлось отложить. Те же, что были к противнику ближе, — ударили, но разрозненно, малыми силами. В результате уже на пятый день войны фронт потерял множество бронетехники, а немецкие части вторглись в глубь советской территории

на 100 км, взяли Дубно, и остановить их продвижение пока не удавалось.

К Георгию Константиновичу в кабинет зашел офицер связи, козырнул и сообщил, что генерала вызывает Москва. Звонил Сталин. Он сообщил, что на Западном фронте сложилась крайне сложная обстановка и Жуков нужен ему в столице. Что-то непонятное происходило с ком. фронта генералом армии Павловым. Маршал Кулик, выехавший к нему, пропал, от него нет вестей. Маршал Шапошников заболел.

Жуков ответил, что ему необходимо оговорить с Кирпоносом и Пуркаевым их дальнейшие действия, и после этого он готов выезжать. Через несколько часов машина с генералом в сопровождении охраны уже быстро неслась в сторону Киева.

26.06.1941, командующий 36-й иад Герой Советского Союза полковник В.В. Зеленцов

Полковник Зеленцов шел по летному полю аэродрома в Брусилове, где базировался 2-й полк его дивизии. Вечерело, сумерки уже тронули чернотой горизонт на краю неба, поэтому жара спала, и прохладный ветерок приятно освежал лицо. Но мрачный комдив не замечал ни ветра, ни вечера, ни комаров, норовящих испить, на ночь глядя, полковничьей крови. Он шагал к вытянувшейся по стойке смирно шеренге летного состава полка, приминая до блеска начищенными хромовыми сапогами густую траву. Ничего хорошего выражение лица командира не предвещало.

Наконец Зеленцов остановился перед строем. К нему, печатая шаг, приблизился комполка подполковник Александр Иванович Грисенко. Приложив руку к козырьку фуражки, он доложил: в наличии имеется 57 И-16 и И-153 (в том числе 11 неисправных). Полк сегодня целый день патрулировал небо на подступах к Киеву. Был сбит вражеский бомбардировщик,

а также атакованы еще несколько. В полку потерь нет, день прошел без чрезвычайных происшествий.

Историческая справка: Подполковник А.И. Грисенко командовал 2-м иап до 8 августа 1942 года, пока в воздушном бою снаряд, выпущенный из авианушки вражеского истребителя Vf-109f, не искалечил ему ногу. Ее ампутировали ниже колена, но Александр Иванович не сдался. Он повторил подвиг легендарного летчика Алексея Петровича Маресьева, заново научился ходить и даже летать с протезом, и в мае 1943 года вернулся на фронт, получив под начало 304-ю иад. Командуя дивизией, летал на самолете Bell P-39 «Аэрокобра». За войну совершил более 60 боевых вылетов, сбил 4 самолета противника. В 1966 году в Ташкенте во время печально известного землетрясения его завалило обломками дома. Из-за полученных травм он был вынужден выйти в отставку.

Лицо Зеленцова побагровело. В весьма грубой форме он полюбопытствовал у подполковника, уверен ли тот, что день для полка действительно прошел настолько удачно. После чего, перемежая свою речь крепкими солеными словами и фигурами речи, сообщил летному составу громко, на все поле, что их доблестный полк сегодня обстрелял более десяти советских самолетов. В то время как их боевые товарищи из 43-го полка смело вступили в бой в районе Святошино с восемнадцатью Ю-88, рассеяли их и сбили несколько вражеских бомбовозов, «герои» из 2-го полка решили пополнять личные счета отечественными машинами. После этого Зеленцов попросил у Грисенко, чтобы тот показал «героя», сбившего «немецкий бомбардировщик». Из строя выступил щуплый летчик с двумя лейтенантскими «кубарями» в петлицах и строевым шагом направился к командирам.

Зеленцов, кипя злобой, оглядел злосчастного «истребителя» с головы до пят. После длительной паузы комдив наконец тщательно подобрал слова и, отчаянно бранясь, стал расспрашивать летчика, как мог героический «сталинский сокол» лейтенант Барднер спутать не похожий ни на один немецкий самолет бомбардировщик ДБ-3ф с вражескими Ju-88 или He-111. Его, Барднера, счастье, что экипаж смог посадить горящую маши-

ну, в результате чего никто не погиб. А то б не избежать ему, Барднеру, лагеря, а может, и «вышки». Но материальная часть безвозвратно утеряна, поэтому «задушевная» беседа с особистами ему обеспечена в любом случае, и один черт ведает, чем она для лейтенанта закончится.

Тут же, «не отходя от кассы», комдив спросил комполка, с каких это пор его летчики начали атаковать самолеты с выпущенными шасси. Ведь и «ежу понятно», что, даже если самолет немецкий, но выпустил шасси и заходит на посадку, то сбивать его не надо. Может, это немецкие коммунисты угнали самолет и летят к нам сдаваться. А по факту это и не немецкие были вовсе, а советские бомбардировщики дальней авиации, которые возвращались с боевого задания. Пилоты думали, что вот сейчас им удастся отдохнуть, поспать, просто «отдышаться», а их обстреляли, один самолет сбили. Шесть экипажей увели свои поврежденные ДБ-3ф подальше от греха, Борисполя и «придурошных пэвэошников», пытающихся сбивать все, что летает. В ответ на это замечание Грисенко, как и его более молодые подчиненные, мог только молчать, потупив взор.

Следом из строя «выдернули» еще одного «героя» — командира эскадрильи капитана А.М. Солдатова. У этого Зеленцов долго выпытывал, как можно было спутать с немцами фронтной бомбардировщик СУ-2 и транспортный «Дуглас». В ответ на попытку пилота возразить, что тот ясно видел кресты на фюзеляжах, полковник окатил его такой волной презрения и отборных матюгов, что командир эскадрильи покраснел, как провинившийся школьник. Зеленцов назвал его и пилотов его эскадрильи дважды идиотами. Первый раз за то, что посчитали свои самолеты немецкими, спутав каким-то непонятным образом звезды с крестами... Кстати, а не употребляли ли пилоты перед вылетом?.. Комдив подозрительно посмотрел на Грисенко. Тот возмущенно замахал руками, дескать, да бог с вами. Зеленцов несколько секунд изучал морщинки на побелевшем лице комполка, затем — на потной покрасневшей физиономии Солдатова, затем нехотя кивнул и продолжил. На этот раз он

обозвал незадачливых пилотов идиотами за то, что они, атакуя целой эскадрильей транспорт, который даже не отстреливался, не смогли его сбить.

Следующим пред ясны очи двух полковников предстал младший лейтенант Дмитрий Зайцев. Этот «товарищ» умудрился обстрелять скоростной бомбардировщик СБ 52-го СБАП. У бомберов был легко ранен летнаб (так тогда называли штурманов), самолет получил серьезные повреждения. Зеленцов долго выпытывал у «младшого», с каким именно немецким самолетом тот спутал СБ. Зайцев, опустив голову, только громко сопел и отмалчивался.

Наконец, Зеленцов резюмировал «задушевную» беседу, громко сообщив замершим по стойке «смирно» летчикам, что, если еще хотя бы один советский самолет будет обстрелян, они автоматически отправятся в пехоту на самый передний край, чтоб «их там, дураков, поубивали». В случае же, если при обстреле погибнут люди, «убиение» откладывать не будут — расстреляют здесь же на летном поле перед строем товарищей и родственниками погибших. Грисенко он распорядился прямо сейчас же, не сходя с места, организовать подготовку личного состава на предмет изучения силуэтов отечественных и вражеских самолетов. С этого момента комполка лично и в прямом смысле этого слова головой отвечал за поведение своих подчиненных в воздухе. Подполковнику ничего не оставалось, как принять к исполнению жесткий приказ.

26.06.1941, командующий 16-й армией генерал-лейтенант Михаил Федорович Лукин, 49 лет

Генерал ехал в «эмке» из Староконстантинова (там расположился штаб его прибывающей из Забайкалья армии) в Шепетовку вместе с армейским интендантом 1-го ранга

П.П. Маланкиным и старшим политруком А.И. Батмановым. Лукину сообщили, что на Шепетовский железнодорожный узел начали поступать первые эшелоны 17-й танковой дивизии полковника И.П. Корчагина. Генерал намеревался лично удостовериться, что выгрузка проходит нормально. Еще со времен Первой мировой Михаил Федорович приучил себя не доверять чужим докладам и как можно чаще лично проверять, как идут дела. Это и подчиненных дисциплинирует, и уменьшает вероятность ошибки при принятии решений. Каково же было удивление генерала, когда он обнаружил, что подразделения дивизии не только не выгружаются, а, наоборот, грузятся в вагоны. В ответ на вопрос, кто распорядился о таком безобразии, его направили к военному коменданту станции Шепетовка.

Вне себя от того, что какой-то заштатный комендантиска посмел распоряжаться вверенной ему частью, Лукин бросился на розыски. Пока командарм и сопровождавшие его командиры шагали от эшелонов к зданию вокзала, они обнаружили, что пути забиты составами. Всюду толпились тысячи беженцев, вестибюль вокзала и залы ожидания были до отказа заполнены чего-то ждущими командирами Красной Армии. Здесь же кучковались группы мобилизованных, которым не достались вагоны и машины для дальнейшей отправки на фронт. Через все эти толпы галдящего, молчащего, сидящего на баулах, плюющего, лугающего семечки и просто хаотично перемещающегося народа генерал с трудом протолкался в кабинет коменданта.

Тот оказался на месте. Сутулый, немолодой, с землистого цвета усталым лицом человек в звании капитана, несмотря на ярость Лукина, несказанно обрадовался его появлению. Комендант сообщил, что сегодня Генеральным штабом отдан приказ о передислокации 16-й армии с территории Украины в Белоруссию, под Оршу. Из-за плохо налаженной связи отыскать Лукина из Москвы по армейским каналам не удалось, так что пришлось подключить возможности Управления железнодорожных сообщений Генштаба. Всем комендантам же-

лезнодорожных станций, через которые проходят эшелоны с подразделениями 16-й армии, было приказано тут же их перенаправлять к новым местам назначения. Для частей, которые уже успели выгрузиться, предписывалось срочно подать эшелоны, обеспечить быструю погрузку и отправку. Армия выводилась из состава Юго-Западного фронта и переподчинялась командованию Западного.

Лукин снял фуражку, вытер платком пот со лба, затем задумчиво протер и внутреннюю часть тульи. Он понял, что, как ни тяжела ситуация на Украине, но в Белоруссии, видимо, дела обстоят еще хуже. Он начал расспрашивать коменданта, почему пути забиты составами, почему на станции так много командиров и мобилизованных, которых никуда не отправляют. Капитан начал объяснять, что здесь, в Шепетовке, создана огромная складская база КОВО. На ней хранятся сотни тысяч снарядов, комплектов обмундирования, миллионы патронов, тысячи тонн продовольствия. Возник транспортный коллапс, с запада ехали составы и грузовики за снаряжением, к ним добавлялся транспорт с беженцами и ранеными, а на запад шли эшелоны со свежими частями и мобилизованными. Станция просто не выдерживала нагрузки. Командиры же и мобилизованные, скопившиеся в здании вокзала, просто не знали, куда им ехать. Им не отдало никаких распоряжений, обстановка на фронте неизвестна, что делать — непонятно.

Капитан предложил Лукину занять комнату помощника начальника станции, там был телефон, связь — самая необходимая для штаба вещь. Генерал от такой любезности не отказался. Штаб 16-й армии было решено перенести сюда же, в здание вокзала.

И тут прогремел взрыв. Это начался вражеский авианалет. Следующие несколько минут были наполнены разрывами бомб, канонадой зенитной артиллерии и грохотом стрелкового оружия, звоном бьющихся стекол. После того, как налет закончился, Лукин и остальные присутствовавшие с удивлением обнаружили, что стрельба не прекращается, она переме-

стилась в центр города. Маланкин побежал в вестибюль вокзала, чтобы мобилизовать на прочесывание улиц находившихся там командиров.

Тем временем отовсюду начали поступать доклады о результатах бомбежки. Удары в основном наносились по путям, эшелонам и пристанционным постройкам. Склады не пострадали.

Вскоре бой закончился, и перед генералом предстали семнадцать помятых и израненных пленных. Они сознались, что принадлежат к Организации украинских националистов, а бомбардировка была сигналом к вооруженному выступлению. Они надеялись поднять в городе восстание. После диверсанты признались, что были заброшены Абвером в тыл Красной Армии заранее с заданием при первом же приближении немецких войск к Шепетовке захватить армейские склады и удерживать их до подхода подразделений вермахта. Стало понятно, почему бомбардировщики не бомбили склады. Немцы рассчитывали захватить их целехонькими, со всем имуществом. Раз так, то они явно уже недалеко и рассчитывают вскоре быть здесь. Требовалось срочно что-то предпринять. Лукин приказал Маланкину начать формирование из застрявших в Шепетовке военных новых армейских подразделений. Он также отдал коменданту распоряжение в кратчайший срок собрать у себя в кабинете начальников всех складов.

26.06.1941, секретарь ЦК ВКП(б) Украины Никита Сергеевич Хрущев, 47 лет

Вечером из управления комиссара госбезопасности Украины Павла Мешика в Тарнополь прибыл нарочный со специальными сообщениями от 23, 24 и 25 июня, в которых содержались результаты выборочной прослушки отдельных киевлян за прошедшие дни. Немецкое нападение вызвало массу разговоров,

обсуждений и кривотолков, и теперь Хрущев с любопытством просматривал пухлую аннотацию наговоренного киевлянами. Он удивлялся про себя, как до сих пор, после стольких лет репрессий, люди могут быть настолько легкомысленными, произнося такое вслух. Да о подобном даже думать надо с оглядкой, не то что говорить.

Вот, например... один оперный певчишка. Хрущев слушал его в местной опере, ничего выдающегося, но голос есть... Как его? Михаил Донец. Он здесь, в Киеве, пел еще при царе и пользовался у публики определенным успехом. Вот как можно было сказать: *«Это мы ее (Германию) спровоцировали, хотя к войне не готовы. Правительство наше вело захватническую политику “освобождения братьев” Западной Украины и других?»* Антисоветские философствования прервал звонок с республиканского радио, где предложили выступить 23 июня. Певец дал согласие, а затем бросил со злостью трубку, похабно выругался (в документе стояло, как именно) и сказал: *«Когда вы пропадете!»* Хрущев хмыкнул и обвел красным карандашом его фамилию, это означало, что 1941 год Михаил Донец уже не переживет.

«Мы окружены со всех сторон Германией. Гитлер все это сделал со специальной целью. Наша техника по сравнению с гитлеровской — ничто. Эта война нам совершенно не нужна. Наше правительство должно было оттянуть войну, чтобы укрепиться, а так, пропустив немецкие самолеты на Киев, видно, как мы готовы к войне», — фамилия работника педшколы Маркмана также оказалась обведенной карандашом.

А вот еще один, Хрущев внимательно прочитал: *«Кричат — победа, победа, но о победе можно будет говорить и судить после того, кто первый будет на чужой территории».* Это кто у нас такой умный? Артист Еврейского театра Лейпцигер? И его отметим.

«Отличился» и старый петлюовец, худрук Киевской киностудии Александр Довженко. *«Дела очень плохи, немцы вторглись стальной колонной вглубь нашей территории и прошли уже Ровно»...* Хрущев хмыкнул, уже и Ровно сдал — режиссеришка. Но его очень ценит Сам, Довженко трогать нельзя.

Затем Хрущев начал читать положительные высказывания. О, вот как надо! Работник обкома партии Цыпин: *«Жертв будет много, но, несмотря ни на что, Гитлер будет разбит, наша армия всегда победит»*.

Наконец Хрущев отложил записи прослушки и задумался. Ситуация на фронте складывалась исключительно тяжелая. В первые дни в штабе фронта вообще не могли понять, что происходит, куда направлять войска, чтобы парировать немецкие удары. Попытки начальника штаба Юго-Западного фронта генерала М.А. Пуркаева убедить командование не втягиваться сразу же в приграничное сражение, а отступить к линии старой границы, Жуков вечером 22 июня отверг. Командование было настроено категорично — только контратаковать, и не потом, а немедленно.

Да. «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги», — подумал Хрущев. Выдвинуться к границе одновременно мехкорпусам не удалось. Соединения подходили к противнику по очереди, без артиллерии, силами одной, от силы двух дивизий, получали «по зубам» и откатывались назад с большими потерями.

«А может, прав был Пуркаев, — подумал Хрущев, — чего ради было бежать вперед, чтобы получить в морду? Собрались бы, подождали бы, пока враг сам к нам придет, измотанный, запыхавшийся. И тогда еще вопрос, кто кому навалает. А так... э-э-эх». Хрущев досадливо махнул рукой: «Пуркаев, Пуркаев!» Вроде бы светлая голова, умница, а тоже сегодня начудил. Нашло что-то сегодня на генерала, как только Жуков покинул штаб, они с Кирпоносом решили несанкционированно перенести его в Проскуров. С перепугу им почудилось, что немцы приближаются к Тарнополю. А началось все с того, что начальник 3-го отдела штаба фронта майор госбезопасности Николай Алексеевич Якунчиков обнаружил, как солдаты грузят в мобилизованные грузовики документы и имущество штаба. Руководили погрузкой начальник отдела интендантской службы фронта генерал-майор Ковалев и начальник отдела снабжения горючим Н.Е. Алексеев. Они не придумали ничего лучше, чем мобилизовать для пере-

езда 100 грузовиков, предназначавшихся 15-му мехкорпусу, который сейчас дрался в районе Радзехува. Об этом распорядился заместитель начальника штаба по тылу генерал-майор И.И. Трутко.

Якунчиков потребовал прекратить погрузку, пригрозив всем крупными неприятностями, и отправился за разъяснениями к Хрущеву. Тот сказал, что совершенно не в курсе происходящего, и тут же набрал Пуркаева. По телефону Никита Сергеевич сделал начштабу фронта нагоняй за проявленную готовность бежать без оглядки при первой же (и, скорее всего, надуманной) опасности. Машины разгрузили, инцидент в результате был исчерпан. Но Хрущев знал, что въедливый энкавдэшник все равно пошлет в Москву отчет о произошедшем. Хоть особистов и передали в ведение армии, замашки у них остались старые, чекистские. Чем этот рапорт обернется для неосторожных генералов, теперь один бог ведает. Хоть вроде и грешок невелик, ну не работал штаб час-другой... И то, как не работал? Оперативники информацию собирали, приказы в армии передавали, начальник оперуправления полковник И.Х. Баграмян в этом отношении молодец... Машины 15-му мехкорпусу вернули... Но Москву такие объяснения могли и не устроить.

15-й мехкорпус... Хрущев непроизвольно вздрогнул, вспомнив о страшном случае, про который ему рассказал Баграмян. Сегодня чуть было не похоронили заживо командира этого самого корпуса генерал-майора И.И. Карпезо. Впрочем, именно, похоронили. Бездыханное тело генерала нашли после налета на штаб. Жара стояла страшная, поэтому решили с погребением не тянуть: тут же выкопали могилу, сколотили на скорую руку гроб, обили его кумачом, сказали на прощание пару слов и зарыли, после чего стрелки штабной охраны произвели троекратный салют. Все как положено.

Вскоре в штаб из поездки вернулся бригадный комиссар Иван Васильевич Лутай — боевой товарищ Карпезо еще по Гражданской войне. Комиссар посидел рядом с могильным холмиком, затем решительно поднялся и потребовал, чтобы

комкора выкопали обратно. Все оторопели. Но Лутай не шутил, он достал из кобуры пистолет и под угрозой расстрела потребовал немедленно выполнить приказ. В первые дни войны политработники еще не были уравнены в правах с командирами, но послушаться их никому и в голову не пришло бы. Несмотря на всю чудовищность ситуации, могилу разрыли, открыли гроб. Лутай, не сдерживая рыданий, бросился товарищу на грудь. Все присутствующие старались не смотреть в его сторону. Вдруг Лутай обернулся и заорал, чтобы срочно бежали за врачом — руки у «погибшего» генерала были теплыми, значит, он еще жив. Сложно передать весь ужас, охвативший штаб корпуса, когда выяснилось, что Карпезо действительно не погиб...

Историческая справка: После нескольких проведенных в госпитале месяцев генерал Карпезо залечил полученную им тяжелую контузию, вернулся в армию, прошел всю войну и прожил долгую счастливую жизнь. Лутай, который стал Членом Военного Совета 37-й армии, погиб в Киевском котле в сентябре 1941 года, поднимая бойцов в контратаку.

Почти одновременно Хрущеву позвонили из Киева и рассказали историю о чуть не похороненном заживо рабочем с завода «Большевик». Того, правда, хоть не закопали, откачали рядом с гробом. А сколько других несчастных сейчас заживо хоронят вдоль всей линии фронта? Хрущев опять передернуло. Ему почему-то вспомнились байки о царапинах, якобы найденных на внутренней стороне крышки гроба Гоголя при его эксгумации. Никита Сергеевич чертыхнулся, раздосадованный тем, что ему лезут в голову всякие мысли, и начал читать очередное донесение Сергиенко. В нем рассказывалось про директора авиазавода № 43, который при первых разрывах вражеских бомб бросил предприятие, подчиненных и сбежал на левый берег Днепра в персональной автомашине ЗиС-101. Хрущев злобно ухмыльнулся и склонился над бумагами. Впереди была еще одна бессонная ночь. А директора завода ждали очень крупные неприятности.

26.06.1941, командующий 16-й армией генерал-лейтенант Михаил Федорович Лукин, 49 лет

Шел пятый вечер войны... Генерал склонился над картой. Он работал в своем штабе — комнате, «отнятой» у заместителя начальника станции, и анализировал сложившуюся в Шепетовке ситуацию. 17-ю тд Лукин отправил в Белоруссию. Из Староконстантинова в это время «правая рука» Лукина, член военного совета 16-й армии А.А. Лобачев грузил и отправлял 57-ю тд полковника В.А. Мишулина. Информации о положении на фронте у Михаила Федоровича было крайне мало. Он знал, что противник взял Дубно. Оттуда на восток к Житомиру вели два пути: один — через Ровно на Новоград-Волынский, второй — южный, более длинный, — через Здолбунов, Острог, Шепетовку и Чуднов. Но если Ровенское направление было прикрыто 9 и 19-м мк 5-й армии, то в районе Здолбунова оборону держал только практически разгромленный 36-й ск. Именно солдат из его подразделений больше всего задерживали и направляли на переформирование заградотряды, сформированные Маланкиным. Генерал не знал общей ситуации, но понимал, что, если так пойдет дальше, противника можно вскоре ожидать у Острога, а затем — и у Шепетовки. И войск здесь, кроме еще не успевших убить подразделений 16-й армии, не было. Требовалось срочно выставить заслон, чтобы не дать противнику захватить Шепетовку. Кроме того, следовало немедленно наладить связь со штабом фронта, который находится в Тарнополе, и решить, что делать с военным имуществом, которое не удастся вывезти.

Лукин приказал интендантам подсчитать количество вагонов, необходимых для эвакуации складского имущества. Цифры получились просто астрономические. Найти единовременно такое количество подвижного состава не получилось бы и в мирное время. Можно было несколько разгрузить склады, выдав боеприпасы и необходимое имущество представителям

частей, которых в Шепетовке вместе с грузовым транспортом скопилось очень много. Но у подавляющего большинства из них не было на руках правильно оформленных чековых требований. Тогда Лукин, под свою ответственность, приказал коменданту заполнить пустые бланки нарядов на выдачу имущества и раздать их начальникам складов, чтобы те могли отгружать снаряды, патроны и прочее всем обратившимся. Генерал серьезно рисковал, что с него за такое самоуправство потом спросят, но в сложившейся ситуации другого выхода не было.

В местном военкомате, который провел мобилизацию гражданского автотранспорта, скопилось 250 грузовиков. Их забрали, чтобы возить снаряды и солдат к передовой. Из командиров и застрявших на шепетовском вокзале мобилизованных, начали формировать боевые подразделения, в первую очередь — заградительные отряды. Кто-то обратил внимание генерала на огромное количество отступавших через Шепетовку солдат и небольших групп из разбитых немцами частей. Через город даже следовали орудия с обслугой и командирами, но, как правило, без боеприпасов. Заградотрядам было приказано всех останавливать и направлять на переформирование. Кроме того, Лукин распорядился тормозить и конфисковывать весь гражданский автотранспорт, который вез беженцев из западных областей и эвакуируемое имущество. Почти сразу же сплошным потоком потянулись толпы жалобщиков, но он их решительно заворачивал, ссылаясь на то, что нужды армии имеют первостепенную важность, а вскоре и вовсе запретил к себе пускать.

Из тяжелых раздумий генерала вывел телефонный звонок. На том конце линии оказался командир 55-го полка железнодорожных войск НКВД майор И.И. Капранов. Майор сообщил, что одно из его подразделений, обороняющее мосты через реку Горынь, разгромило немецкий разведывательный отряд мотоциклистов. Взят пленный. Тот на допросе показал, что немцы захватили Здолбунов и походными порядками движутся к Острогу. Гарнизон, охраняющий железнодорожный мост

у станции Могиляны, уже ведет неравный бой. Нужно или выслать подкрепление, или отдать приказ взрывать мост, потому что долго его удерживать не получится.

Лукин внезапно осознал, что на пути немецких дивизий к Киеву остались только подразделения его армии, которые еще не успели отправиться в Белоруссию. А было их совсем негусто: половина 109-й мсд — один «целый» 381-й сп плюс 2-й батальон 602-го сп, два танковых батальона, артиллерийский полк, противотанковый полк, разведбат да медсанбат. 109-я дивизия как раз пешим порядком прибывала в Шепетовку из Бердичева, совершив многодневный 120-километровый марш, грузилась в эшелоны и отправлялась под Оршу. То, что уже уехало, вернуть было невозможно. В Староконстантинове еще шла погрузка 114-го тп 57-й тд. Его можно было выгрузить, перебросить своим ходом в Шепетовку, здесь заправить и отправить к Острогу. Но самое раннее, когда полк смог бы вступить в бой, это к вечеру завтрашнего дня, а противник уже приближается к городу.

Техническая справка: На танках Т-26, производившихся до 1939 года, устанавливался один топливный бак емкостью 182 литра. Запас хода таких машин составлял 70–80 километров. С 1939 года начали устанавливать два бака емкостью 110 и 180 литров. Такие машины на одной заправке проходили 150–170 километров. В 114-м ТП были танки разных модификаций (даже пулеметные двухбашенные машины). С учетом того, что от Староконстантинова до Острога полку предстояло преодолеть чуть более 100 километров, прежде чем бросать их в бой, танки требовалось заправить в Шепетовке на местных базах.

Что же делать — импровизировать, пробуя остановить немцев теми силами, что есть, или продолжать исполнение приказа об отправке? Но тогда уже ничто не сможет сдержать 1-ю танковую группу Клейста, которая рвется к Киеву. Кроме того, в руки противника попадут шепетовские склады. А как будет воевать фронт без снарядов, патронов, топлива, еды и обмундирования? Нет, надо сражаться. Лукин тут же распорядился прекратить погрузку оставшихся подразделений. Противника требовалось остановить во что бы то ни стало.

Здесь и сейчас. Для этого в Острог на мобилизованных грузовиках отправили 173-й разведывательный батальон капитана И.Ш. Юлборисова.

27.06.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года

Контрнаступление мехкорпусов фронта, начатое 26 июня, опять провалилось, несмотря на хорошее начало. 43-я тд 19-го мк разгромила передовые танковые части 13-й тд немцев. Противник отступил в захваченный накануне город Дубно, но успел подорвать мост через речку Икву, и наступление захлебнулось. По той же причине остановилось движение 20-й тд 9-го мк.

8-й мк генерал-лейтенанта Д.И. Рябышева тоже не успел. 12-я и 34-я тд под командованием генерал-майора Т.А. Мишанина и полковника И.В. Васильева смогли продавить немецкие порядки, овладели городком Лешнево, где захватили богатые трофеи, дошли до Берестечко, но прорваться дальше не смогли.

15-й мк поддержать контратаку не смог. Немецкая разведка «нащупала» расположение штаба корпуса и подвергла его ожесточенной бомбардировке, которая на несколько часов парализовала всю работу. Командующий корпусом генерал-майор Карпезо получил тяжелое ранение. 8-я тд, переданная корпусу из состава 4-го мк, начала подходить в район Буска, но ввести в бой ее сегодня не успели.

Вечером, когда Иван Христофорович докладывал командованию обстановку на фронте, он еще не знал, что на самом деле ситуация еще хуже — немецкая группа полковника Ангерна из 11-й танковой дивизии прорвалась южнее Ровно через порядки 36-го ск и вышла к Острогу.

Он докладывал о сложностях, с которыми приходилось сталкиваться нашим танковым дивизиям, наступавшим без

авиационного, зенитного и артиллерийского прикрытия, без передышек и подготовки. Значительная часть техники отставала из-за многочисленных поломок и не принимала участия в боях. Несопоставимые скоростные характеристики разнотипных советских танков заставляли командиров полков изначально делить и дробить свои силы в попытках выполнить приказы командования о непрерывных контратаках.

Наконец, только к 26 июня стало ясно, что никакого немецкого наступления со стороны Бреста, которое «выявила» авиаразведка, нет и ничто не угрожает правому флангу 5-й армии. А вот на луцко-ровенском и радзехувско-бродском направлениях обстановка сложилась угрожающая. Воспользовавшись тем, что Юго-Западный фронт израсходовал здесь свои резервы в поспешных маршах и контратаках, противник грозил опрокинуть наши войска и на их «плечах» продвинуться дальше.

Начштаба опять предложил вернуться к своему первоначальному плану, правда, несколько видоизмененному ввиду того, что 31-й, 36-й и 37-й стрелковые корпуса за прошедшие четыре дня успели подтянуться к театру боевых действий. Его мысль сводилась к тому, чтобы закрепиться по линиям рек Стырь и Стоход и местечек Дубно, Кременец и Золочев. Потрепаные мехкорпуса отвести за эту линию, чтобы привести в порядок, пополнить техникой и людьми, и уже после этого через три-четыре дня контратаковать противника.

В отличие от первого дня войны, на этот раз М.И. Кирпос прислушался к мнению своего начштаба. Готовить общий боевой приказ было некогда, поэтому в части поехали представители штаба фронта. В этот же день был отдан приказ о приведении в порядок укрепрайонов на старой границе и Киевского укрепрайона. Иван Христофорович, который от усталости еле держался на ногах, удостоверился, что все приказы в войска отправлены вместе с представителями и телефонограмма о новом решении Верховного совета передана в Москву. Только тогда Баграмян повалился спать. Но отдохнуть

как следует ему не дали. Уже через несколько часов оперативный дежурный тряс его за плечо, стараясь разбудить, — Баграмяна срочно вызывали к аппарату Бодо для прямой связи с Москвой.

Ставку не устраивало решение командования фронтом. Отход строго-настрого запрещался, Москва требовала продолжать наносить контрудары — ни дня покоя агрессору! Когда Иван Христофорович доложил об этом сонному Кирпоносу, тот лишь чертыхнулся и начал одеваться. Он потребовал связать его с Москвой, доложить о случившемся начальнику штаба и начинать готовить приказы о прекращении отхода. Пока Баграмян и Пуркаев выполняли это последнее распоряжение, Кирпонос успел переговорить с Москвой и вернулся от телеграфистов. Невыспавшийся и угрюмый, он молча подписал все бумаги.

Одним лишь изменением приказа напасти этой ночи не закончились. Вскоре взволнованный начальник разведки штаба фронта полковник Г.И. Бондарев доложил командующему, что подразделения 11-й тд вермахта прорвались к Острогу, отбросив застигнутые на марше правофланговые части 36-го ск. Кроме 16-й армии генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина, которая спешно грузилась и отправлялась эшелонами из Шепетовки в район Смоленска, других сил здесь не имелось. Связь с Лукиным отсутствовала, и Кирпонос потребовал от Ивана Христофоровича, чтобы тот немедленно связался с тем через железнодорожный узел Шепетовки или через Киев и передал приказ немедленно организовать оборону города. Для верности в Шепетовку тут же отправили представителя штаба, чтобы он на месте обрисовал командующему 16-й армией обстановку. В разговор вмешался Хрущев, который пообещал связаться с Москвой и договориться о задержке Лукина и части его армии.

Командующий фронтом тут же поставил новые задачи для командующих 8-м и 15-м мк. Первому предписывалось к 2 часам ночи 28 июня сосредоточиться в районе Бродов и в 4 часа утра следующего дня начать общее наступление всеми силами корпуса на Дубно. 15-й корпус должен был атаковать Бе-

рестечко. Представителями штаба фронта в корпуса поехали начальник политического управления фронта бригадный комиссар А.И. Михайлов и начальник отдела боевой подготовки комбриг Н.С. Петухов. Несколько часов спустя вслед за ними отправился и Член Военного Совета корпусной комиссар Н.Н. Вашугин.

27.06.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Страх у Ирины совсем прошел, его заменило чувство вины. Хотелось делать что-то стоящее: рыть окопы, ухаживать за ранеными... а вместо этого ее обязали сделать в библиотеке выставку «Великая Отечественная война». Кому она была нужна, та выставка? В библиотеку забредали только сдающие последние экзамены студенты, не более ста человек в день. И то они почти бегом проносились в читальный зал, чтобы спустя какое-то время так же быстро его покинуть. До всяких выставок студентам не было никакого дела.

Вражеские бомбардировщики продолжали совершать налеты на город, но теперь они «наведывались» небольшими группами по два-три самолета. Киевляне к ним совсем привыкли, они уже не разбегались кто куда, завидев в небе зловещие силуэты. В народе почему-то крепла уверенность, что жилые дома немцы бомбить не станут. Казалось, это ощущение передалось идущим через город сплошным потоком красноармейцам: они также не обращали на вражескую авиацию почти никакого внимания.

К Ирине на Андреевский спуск переехала с Печерска ее сестра Таня с дочкой Шуркой. Мужа Тани Степана мобилизовали, он служил на зенитной батарее где-то недалеко, за Днепром. У Тани все соседи эвакуировались, и чтобы не скучать одной дома с маленьким ребенком на руках, она перебралась к сестре — вместе веселее.

В воздухе стояла июньская жара. Донимала мошка, которой в этом году развелось невероятно много. Киевляне за-

нимались устройством щелей во дворах, скверах и парках, а также светомаскировки в собственных квартирах. Теперь вечером или ночью, завидев в чьем-то окне свет, военный патруль, состоящий, как правило, из курсантов киевских военных училищ, мог позвонить в дверь и потребовать его выключить. Если им долго не открывали, доходило и до выломанных дверей.

Люди начали массово скупать продукты, почему-то у населения росла уверенность, что еда с торговых полок скоро пропадет. В магазины выстраивались длинные очереди, в результате чего продавцы вынужденно ограничивали количество отпускаемого в одни руки товара. Ирина никак не могла понять этого. Зачем этот нездоровый ажиотаж? Ведь провизии в магазинах было даже больше, чем обычно.

27.06.1941, командующий 16-й армией генерал-лейтенант Михаил Федорович Лукин, 49 лет

Заканчивался, пожалуй, самый тяжелый в его жизни день. Острог вчера удержать не удалось, противник опередил 109-ю мотострелковую дивизию, и к вечеру в город ворвался вражеский мотоциклетный батальон. Разведбатальон Юлборисова завязал бой, но вынужден был отступить.

Лукин не собирался отдавать противнику город просто так. К утру командир 109-й мсд полковник Н.П. Краснорецкий сконцентрировал имевшиеся у него силы пехоты и танков в районе села Вельбовно, а утром бросил их на штурм Острога. 404-й артиллерийский полк подтянуть вовремя не успели, он застрял в 20 километрах восточнее, возле Славуты, поэтому атаковать пришлось без артподготовки. Пехотинцев прикрывали только 76-мм пушки полковой артиллерии и 45-мм орудия танков БТ из двух неотправленных батальонов 16-го тп. Однако с такой хилой артподдержкой взять подготовленные немцами

укрепления было крайне проблематично. Дело в том, что со стороны Шепетовки на окраине Острога возвышались мощные башни и стены замка верных вассалов польского короля князей Острожских и укрепления Свято-Богоявленского собора. Их начали отстраивать еще с XIV века на высотах, господствующих над речкой Вилией, которая прикрывала подходы со стороны Шепетовки. Кроме того, от второй внешней линии средневековых крепостных стен города сохранились Луцкая и Татарская башни. Все эти строения немецкая мотопехота оперативно и умело превратила в опорные пункты, в готовых бойницах разместились орудия и пулеметы, артиллерия пристреляла подходы к реке.

Историческая справка: Самая старая башня Острожского замка «Вежа мураванная» считается единственным сохранившимся на территории Украины замком-донжоном. Впервые он упоминается в середине XIV века, когда территорию бывшего Галицко-Волынского княжества еще контролировало не Польское королевство, а Великое Княжество Литовское. Это строение считается самым старым сохранившимся жилым зданием в Украине. К XIV веку относят также и другую башню замкового комплекса — «Новой вежи».

Немцы, в отличие от своих советских визави, гаубичную артиллерию подтянуть сумели и начали обстрел атакующих их подразделений. Они грамотно использовали преимущество в воздухе. Самолеты-разведчики быстро вычислили место расположения командного пункта дивизии, устроенного в селе Вельбивно на колокольне местной церкви Преображения Господня. Ее тут же подвергли массированному артоналету. Храм загорелся, погибло несколько человек, комдив полковник Н.П. Краснорецкий был тяжело ранен. Командование дивизией принял на себя его заместитель полковник Н.И. Сидоренко.

Тем временем мотострелки при поддержке танков БТ все же прорвались в город и завязали там уличные бои. Возможно, им удалось бы отбить у врага Острог, но во второй половине дня на помощь немецкой мотопехоте подошел 15-й тп 11-й тд вер-

махта. А у мотострелков, сражавшихся за Острог, практически не осталось противотанковых средств. Полковник Сидоренко бросил им на помощь 17 танков БТ разведбата 13-й тд (они, на свою беду, не успели отправиться в Белоруссию), роту броневтомобилей (15 бронемашин), автороту, мотоциклетный взвод... все было тщетно. Немцы вытеснили советские части из города. 173-й отдельный разведывательный батальон и один батальон 381-го мсп очутились в окружении.

Ситуация была хуже не придумаешь — половину имевшейся в его распоряжении пехоты Лукин потерял, был ранен командир единственной дивизии. Генерал думал назначить взамен выбывшего полковника Краснорецкого решительного командира 381-го полка подполковника А.И. Подопригору, когда к нему вошел инструктор политотдела армии старший политрук А.И. Батманов, который фактически выполнял в группе Лукина роль комиссара. Он вернулся из Староконстантинова от своего непосредственного начальника, Члена Военного Совета армии Лобачева, чтобы доложить, как заканчивается отправка последних эшелонов в Белоруссию. Выражение лица у политрука было растерянное.

Лукин спросил, что случилось. Батманов, ничего не говоря, молча протянул генералу вскрытый пакет, в каком обычно отправляют боевые донесения. Михаил Федорович глянул на него, на конверте была написана фамилия Лобачева. Лукин вопросительно посмотрел на старшего политрука. Тот объяснил, что внутри находится записка от Подопригоры, и она непосредственно касается командующего. Генерал кивнул и достал из конверта маленький листок бумаги. На нем было написано: *«Товарищ Лобачев! Под Острогом погибло много наших бойцов. В этом месте не было полевых частей, и 381-й полк должен был закрыть брешь. Я не знаю, правильное ли это решение? Сразу было убито 800 человек. Люди дрались честно. У немцев много танков, а у нас не оказалось противотанковых средств. Я не выдержу суда за гибель людей. Когда вы получите это письмо, меня не будет в живых. Простите, что я так позорно погибаю, смалодушничал. Вы, товарищ Лобачев, меня в партию рекомендовали. Подопригора»*.

Лукин тяжело выдохнул: ко всем бедам еще и это. Да, слаб оказался Подопригора, не выдержал. Но... А многие бы выдержали? Почти сразу в штаб ворвался радостный армейский интендант Маланкин — через Шепетовку пешим порядком следовали какие-то свежие советские подразделения. В течение часа выяснилось, что через город от Казатина к линии фронта направляется 213-я мсд 9-го мк (командующий генерал-майор К.К. Рокоссовский). У командира дивизии полковника В.М. Осьминского не было связи ни со штабом корпуса, ни со штабом армии, ни со штабом фронта, чему Лукин ни разу не удивился. Он тут же подчинил дивизию себе, против чего новоприбывший полковник совершенно не возражал и даже немного обрадовался в ожидании настоящего дела. Лукин мысленно потер руки, теперь ему по крайней мере было чем оборонять Шепетовку.

28.06.1941, ученик 43-й киевской школы Андриан Галябарник, 15 лет

Радио в доме у Андриана не выключалось. Каждый раз, когда наступало время фронтовых сводок, он бросался поближе к тарелке радиоточки и ждал слов диктора. Наконец из репродуктора зазвучал торжественный голос Левитана:

«От советского информбюро. Сегодня, 28 июня, наши войска, отходящие на новые позиции, вели упорные арьергардные бои, нанося противнику большое поражение...»

На Луцком направлении в течение дня развернулось крупное танковое сражение, в котором участвует до 4000 танков с обеих сторон. Танковое сражение продолжается. В районе Львова идут упорные напряженные бои с противником, в ходе которых наши войска наносят значительное поражение...»

Андриан, вслушиваясь в эти слова, довольно кивал. Дела обстояли не так уж плохо, наши войска еще покажут этим гансам! Откуда ему было знать, что Луцк наши войска сдали

еще в ночь на 26 июня, а сегодня на улицах Ровно сгорели последние советские танки. Город пал. Большинство граждан СССР пока пребывало в счастливом неведении о том, насколько неудачно для Красной Армии складывались приграничные бои.

Между тем Левитан упомянул Киев, и уши Андриана тут же наострились: «...25 июня вблизи Киева приземлились на пикирующем бомбардировщике “Юнкерс-88” четыре немецких летчика: унтер-офицер Ганс Герман, уроженец города Бреславль в Средней Силезии; летчик-наблюдатель Ганс Кратц, уроженец Франкфурта-на-Майне; старший ефрейтор Адольф Аппель, уроженец города Брно в Моравии, и радист Вильгельм Шмидт, уроженец города Регенсбурга. Все они составляли экипаж, входивший в состав второй группы 54-й эскадры. Не желая воевать против советского народа, летчики предварительно сбросили бомбы в Днепр, а затем приземлились неподалеку от города, где и сдались местным крестьянам. Летчики написали обращение “К немецким летчикам и солдатам”, в котором говорят: “Братья летчики и солдаты, следуйте нашему примеру. Бросьте убийцу Гитлера и переходите сюда, в Россию”».

Ух ты! А Андриан и не слышал о таком. Ничего, вот прижмут еще немного врага, и немецкие солдаты начнут массово переходить на нашу сторону. С этой радостной мыслью в душе Андриан побежал на улицу по своим мальчишеским делам.

Историческая справка: Из протокола допроса Германа-Ганса Юлиуса, 1916 года рождения, уроженца гор. Бреславля в Средней Силезии, по национальности немца, летчика, унтер-офицера германской армии, участвовавшего 25 июня 1941 г. в бомбардировке гор. Киева:

«ВОПРОС: Из какого места вылетел Ваш самолет в Киев и через какие пункты?»

ОТВЕТ: 25 июня с. г. в 4 часа утра я в числе авиационной группы бомбардировщиков в количестве 18–20 машин под командованием майора Крафта вылетели с аэродрома, расположенного примерно в 20 км от гор. Люблина. Аэродром расположен юго-восточней гор.

Люблина и левее его по направлению из Киева. На Киев мы следовали на большой высоте, ориентируясь по компасу примерно через пункты: Ковель, Сарны, Овруч, а затем после перелета Днепра сразу взяли курс на Юг, т. е. в направлении Броварского аэродрома. Населенные пункты, через которые мы следовали, нам не были видны, т. к. до пересечения Днепра мы шли слепым полетом за облаками...

ВОПРОС: Сколько раз Вы совершили налеты на территорию СССР и на какие объекты?

ОТВЕТ: На территорию Советского Союза с 22 июня с. г. я совершил 7 налетов, участвовал в бомбардировках: Луцка, Равы-Русской, Ковеля, Житомира или Бердичева и Киева, подвергая бомбардировке в основном аэродромы, расположенные в этих городах. Кроме того, я также участвовал в бомбардировке автоколонн, расположенных в лесу близ гор. Львова».

28.06.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год

В эскадрилью вернулся командир Вася Шишкин. Подавленный и сосредоточенный, он рассказывал страшные, невероятные вещи. ЛаГГ-3 ему забрать так и не удалось, тот сторел в первые же часы войны с десятками других самолетов, которые плотно, крылом к крылу, как на выставке, оказались выстроены на Черновицком аэродроме. Вражеские бомбардировщики и истребители безнаказанно, как на учениях, бомбили, расстреливали стройные ряды авиатехники.

Историческая справка: Василий Иванович Шишкин с 1936 года до перевода в 36-ю иад служил в Киевской авиационной бригаде. Как лучший ее пилот, выполнял фигуры высшего пилотажа на съемках художественных фильмов Киевской киностудии «Истребители» (1939) и «Валерий Чкалов» (1941). В последнем фильме пилотировал И-15, за штурвалом которого по сценарию сидел друг и второй пилот

В.П. Чкалова — Герой Советского Союза Г.Ф. Байдуков. Сам Василий Иванович получил это высокое звание 27 марта 1942 года. Прошел всю войну, после которой поселился в городе Киеве. Здесь же и был похоронен.

На обратном пути Вася попал в хаос отступления. Описываемые им картины поражали своей жестокостью, а также очевидной беспомощностью наших войск.

Дмитрий в ответ рассказал о своей вчерашней поездке в штаб дивизии. Сдав командование эскадрильей командиру одного из звеньев старшему лейтенанту Мише Бубнову, он отправился в Киев на Полупанова, 15. Панову за то, что эскадрилья обстреляла свои же бомбардировщики, грозили трибуналом, но его спасло то, что ошибку допустил не он, а посты ВНОС. Идя в лобовую атаку с расстояния в три километра, пилотам «чаек» было бы затруднительно определить принадлежность приближавшихся к аэродрому самолетов. Комдив Зеленцов орал на него, пока из соседней комнаты не зашел какой-то политработник с ромбами. Он слышал разговор и приказал полковнику «отпустить комиссара Панова».

Никакого транспорта Дмитрию не дали, и обратно в Васильков пришлось добираться на попутках. Голодный и злой, он только вечером попал в эскадрилью.

28.06.1941, командующий 36-й иад Герой Советского Союза полковник В.В. Зеленцов, 30 лет

Виктор Владимирович сидел у себя в кабинете, когда на столе зазвонил телефон. На том конце провода оказался начальник управления пропаганды Юго-Западного фронта бригадный комиссар А.И. Михайлов. Захлебывающимся от радости голосом он стал выпытывать имя героя.

Ничего не понимавший Зеленцов начал осторожно прощупывать почву, о каком именно герое идет речь. На третьей ми-

нута беседы, после множества восторженных возгласов и фраз типа «Вот так надо воевать!» бригадный комиссар наконец сообразил, что Зеленцов ничего не знает. Он вкратце ему рассказал, что только что на его глазах И-16 из его дивизии (а откуда еще в районе Гоголева мог взяться И-16) винтом срезал хвост вражеского бомбардировщика, после чего тот рухнул вниз. Выпрыгнуть из горящей машины успели только два немца, еще двое погибли. Михайлов требовал срочно разыскать и наградить героя, тем более что тот не только «завалил» бомбардировщик, но еще и умудрился сохранить свою машину. Комиссар тоном, не терпящим возражений, требовал представить пилота к званию Героя Советского Союза и со своей стороны обещал полное содействие в «продвижении» решения о награде дальше по инстанциям.

Уже через минуту Зеленцов набирал командира 2-го иап, Грисенко оказался на месте. Он сообщил, что подвиг совершил младший лейтенант Дмитрий Зайцев. В памяти полковника сразу всплыл отмалчивавшийся пилот, которого он еще позавчера материл за обстрелянный СБ из 52-го СБАП. Через несколько часов комдив тряс руку растерянному летчику и просил рассказать, как все произошло. Тот объяснил, что упорно атаковал немецкий бомбовоз, но винтовочного калибра пулеметов И-16 не хватало, чтобы нанести вражеской машине серьезный урон. Патроны кончились, Зайцев решил таранить. Он рубанул киль бомбардировщика винтом и с удивлением обнаружил, что винт после столкновения лишь немного погнулся. Истребитель затрясло, но машина удержалась в воздухе и продолжала полет, так что младший лейтенант смог пойти на вынужденную посадку недалеко от аэродрома. А немецкому «юнкерсу» не повезло, он рухнул вниз и врезался в землю. Зеленцов хлопнул Зайцева по плечу, сообщил, что тот редкостный везунчик — за его героическим боем с земли наблюдало высокое начальство, и рекомендовал вертеть в гимнастерке дырку для ордена. Уже на следующий день представление летчика к высшему званию СССР Героя Советского Союза и высшей награде Ордена Ленина пере-

дали вверх по инстанции. 2 августа указ о его награждении был подписан Председателем Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калининым.

28.06.1941, учащийся химико-технологического техникума Марсен Михайлович Векслер, 17 лет

В эту ночь Марсен не был ни в патруле, ни на посту, ни в штабе. Секретарь Ленинского райкома комсомола Ф.Г. Павлов отобрал четверых бойцов их отряда: Илью Контора, Бориса Соловейчика, Коку Тер-Израеляна и, собственно, его самого — Марсена, чтобы те помогли ему самому и второму секретарю сжечь секретные бумаги. Павлов был в защитной форме, которую не снимал с первого дня войны. Он день и ночь проводил в райкоме, как всегда, серьезный и энергичный, только похудел, говорил осипшим голосом, а ввалившиеся глаза, воспаленные от бессонницы, смотрели так, будто видели непостижимое для остальных.

Историческая справка: После сдачи Киева Ф.Г. Павлов остался на оккупированной территории, руководил подпольной ячейкой в селе Дорогинка Фастовского района Киевской области. Дальнейшая его судьба автору неизвестна.

В семь утра снова тревога. Комсомольцы отряда на своих боевых постах. Крещатик замер, на тротуаре ни души, все в укрытиях — это работа их истребительного отряда.

После тревоги Марсен пошел домой, не столько отдохнуть, сколько поведать родных. С первого дня военной суматохи видеться удавалось редко. По дороге зашел к Верочке. Она была дома и очень обрадовалась его приходу. Иногда Векслеру казалось, что девушка любила его больше, чем он ее. Отзывчивая, ласковая, она бешено ревновала Марсена по поводу и без. Однако, несмотря на ее ревность, у них было на удивление полное взаимопонимание. Молодые люди мог-

ли часами сидеть и болтать наедине, и это не надоедало. Уже давно было решено, что, обретя полную самостоятельность и возможность обеспечить будущую семью, Марсен делает Верочке предложение.

Дома сидели недолго. Погода была замечательная, природа располагала к любви и поэзии, а война казалась чем-то далеким и ненастоящим. Влюбленные пошли в Золотоворотный садик, сели на скамейку, он обнял ее, и так, прижавшись друг к другу, они весело болтали. Война им была нипочем, молодость брала свое. Прошло часа два, прежде чем Марсен засобирался домой. Ему ужасно не хотелось оставлять это укромное местечко и милую сердцу девушку, но надо было идти.

— Прощай, Верочка.

— Почему прощай?

— Так, может, не увидимся.

Он говорил это шутя, без задней мысли, не зная, что эти слова станут последними его словами, сказанными ей.

Дома Марсена ждали мать и отец. Они начали расспрашивать о новостях, о фронтовой обстановке, хотя оба читали газеты и не пропускали ни одной сводки, зачитываемой дикторами по радио. Однако родители надеялись, что, может быть, хотя бы их сын знает что-нибудь хорошее, и потому спрашивали и спрашивали... Но, попав в теплый уют родного дома, Марсен сразу почувствовал, как много в нем накопилось усталости, сон буквально валил его с ног. Извинившись перед родителями, он лег спать и уже через пять минут провалился в забытье.

28.06.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года

Ночью из Шепетовки вернулся отправленный туда сутки назад представитель штаба фронта. Он принес радостную весть: не дожидаясь приказов, генерал-лейтенант Лукин прекратил

погрузку своих войск и бросил их к Острогу, тем самым остановив продвижение немцев.

Еще бодрее звучал доклад, поступивший от командира 8-го мк генерал-лейтенанта Д.И. Рябышева. Передовой группе корпуса, которой командовал комиссар корпуса бригадный комиссар Н.К. Попель, удалось ворваться на южные окраины Дубно и нанести большой урон тыловым частям 11-й танковой дивизии немцев. Ободренный полученной информацией, командующий фронтом отдал приказ возобновить общее наступление на Дубно и Острог силами 8-го, 9-го, 15-го, 19-го механизированных, 36-го, 37-го стрелковых и 5-го кавалерийского (14-я кавдивизия) корпусов, а также группы Лукина. К четырем часам утра оперативный отдел подготовил общий приказ, и Кирпонос подписал его. Казалось, череда неудач, преследовавших Красную Армию с начала войны, подошла к завершению.

Но затем в течение дня обстановка стала резко ухудшаться.

Поступило донесение от командующего 5-й армией. Ему не было известно положение 15-го, 27-го стрелковых и 22-го механизированного корпусов. Позже выяснилось, что они оставили Ковель и отошли за речку Стоход. 20-й тд 9-го мк с трудом удалось вырваться из окружения, в которое она попала под Дубно, и отойти в район Клевани — местечка на северо-западных подступах к Ровно. Свою 43-ю тд отвел от Дубно к Ровно и командир 19-го мк генерал-майор Н.В. Фекленко.

Группа Попеля оказалась в ловушке. Наступавшие южнее Дубно немецкие подразделения отрезали ее от основных сил 8-го мк. Пробриться к ним не получалось, связь отсутствовала. Посланный туда на самолете делегат связи назад не вернулся.

Пробриться через оборону, организованную генералом Лукиным, немцы не смогли, однако нащупали брешь южнее Шепетовки, там, где боевые порядки группы упирались в реку Икву, и их подразделения начали просачиваться в прореху.

Из Москвы поступил приказ подчинить Киевский укрепленный район (КиУР) командующему 19-й армией И.С. Коневу. Видимо, в Ставке уже не надеялись, что силам фронта удастся сдержать немцев и не пустить их к столице Украины. Самому же Коневу

предписывалось за 29 и 30 июня подготовить оборону по линии Горностайполь — Макаров — Фастов — Белая Церковь — Триполье. Сражавшимся в окружении у границы 87-й и 124-й стрелковым дивизиям Ставка разрешила закопать и уничтожить все тяжелое вооружение, затем пробираться лесами на восток.

Поздно вечером в Тарнополь из 8-го мк приехали заместитель командира 12-й тд полковник Е.Д. Нестеров и ее комиссар В.В. Вилков. Когда они докладывали Ивану Христофоровичу и Пуркаеву о сложной ситуации, в которой оказался мехкорпус, в комнату вошел член Военного Совета Вашугин. Услышав об окружении группы Попеля, он мертвенно побледнел и, не дождавшись окончания доклада, вышел. Баграмян не придал этому особого значения.

29.06.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год

Эскадрилья продолжала базироваться в Василькове, постоянно находясь в полной боевой готовности, смысл которой становился все менее понятным. Каждый боевой вылет в очередной раз доказывал, что как истребитель-перехватчик И-153 окончательно устарел. Но приказ есть приказ, и летчики дежурили на аэродроме круглосуточно.

Тем не менее летчики других эскадрилий и полков дивизии дрались, появились первые сбитые вражеские бомбардировщики, были и потери. Некоторые опытные пилоты, которых было очень мало, вылетали на перехваты вражеских бомбовозов даже ночью. Вот и сейчас, стоя в темноте возле ангара, Дмитрий слышал приближающийся к аэродрому звук работающего двигателя «чайки». Самолету подсветили с земли, обозначив место приземления, и он пошел на посадку.

Пилот почему-то не выпустил шасси, и истребитель заскользил брюхом по влажной от вечерней росы траве. Послышался

треск лопающейся перкали, лопасти пропеллера погнулись. Когда мотор истребителя перестал тарыхтеть, заглушая все остальные звуки, явственно проступил гул приближающихся немецких бомбардировщиков. Из И-153 выскочил летчик и начал в панике бегать вокруг самолета, каблуками сапог разбивая мигающие на крыльях и хвосте самолета красную, зеленую и белую лампочки.

Немецкий бомбардировщик покружил где-то в темноте над аэродромом и вскоре улетел не солоно хлебавши.

Когда пилоты эскадрильи подбежали к самолету, летчик сидел на траве возле плоскости, устало опершись спиной на гладкую поверхность крашеного фюзеляжа. Он успел стянуть с головы свой летный шлем, и липкие от пота волосы неаккуратными сосульками прилипли ко лбу. Оказалось, что этот молодой летчик-лейтенант — пилот из 2-го иап их дивизии. Звали его Иван... Иван Макарович Бушин. В ночном бою он атаковал немецкие бомбардировщики, и, видимо, удачно, потому что один из них увязался за ним, и теперь ему самому пришлось убежать от навязчивого противника. При посадке он не сообразил отщелкнуть тумблер, который включал мигающие габаритные огни, и в панике «погасил» их таким варварским способом. Летчики, подбадривая и подшучивая, подняли неожиданного гостя на ноги и увели в ангар, чтобы угостить и уложить спать, а техники принялись убирать с поля разбитый самолет.

29.06.1941, старший краснофлотец, 1-й наводчик кормового орудия канонерской лодки «Верный» Петр Федорович Танана, 24 года

«Верный» медленно, но уверенно продвигался к базе. Экипаж был занят ежедневными вахтенными хлопотами и набивкой пулеметных лент. Набивной машинки не было, новенькие,

пахнущие машинным маслом тугие ленты снаряжали вручную, отчего вскоре у матросов на пальцах образовались кровавые волдыри. Кроме того, команда очищала от пушечного сала зенитные снаряды и гранаты. Когда канлодка находилась всего на полдороге между Туровым и Дорошевичами, ей повстречался отряд кораблей флотилии, который с боями отходил вниз по реке. Возглавлял его командир флотилии, контр-адмирал Д.Д. Рогачев.

Чем-то раздраженный, он пригрозил командиру «Верного» старшему лейтенанту Терехину расстрелом за то, что корабль шел замаскированным. Команда спешно посбрасывала все ветки и аккуратно разложенные на палубе пласты дерна в воду. Ровно через два часа к канлодке приблизился командирский глассер, и все тот же Рогачев приказал маскировать «Верный» заново. Экипаж растерянно переглядываясь взроптал, но приступил к работам. У моряков сложилось впечатление, что адмирал за что-то невзлюбил их командира и теперь придирается сразу ко всему экипажу.

29.06.1941, секретарь ЦК ВКП(б) Украины Никита Сергеевич Хрущев, 47 лет

Никита Сергеевич сидел, опершись локтями на стол и обхватив лысую голову руками. Он не спал прошлую ночь и почти не ел (не хотелось), но мучало его совсем не это. Положение на фронте сложилось — хуже некуда. Немецкий танковый клин узкой полосой воткнулся в порядки Юго-Западного фронта (ЮЗФ) и продвинулся всего за неделю на 180 километров, выйдя на рубеж реки Горынь на участке Гоща — Острог. Крупные областные центры Львов, Луцк и Ровно были захвачены противником. До Киева врагу оставалось всего 300 километров. Казалось бы — немало, но с такими темпами продвижения немцы могли оказаться там меньше чем через две недели. А город к обороне не готов. Укрепленный район (УР), который при-

крывал его по рубежам рек Ирпень, Сиверка и Вета, находился в законсервированном состоянии. Линию обороны по старой границе, которая опиралась на Коростенский, Новоград-Волынский, Шепетовский и Летичевский УРы, также никто не готовил. А ведь значительную часть ДОТов, составлявших основу, «скелет» этих укрепрайонов, «раскуркулили» — вывезли вооружение и оборудование в ДОТы, строившиеся вдоль новой границы.

В штабе фронта считали, что в ближайшее время Киеву опасность не угрожает. Из под Острога противник развернет свои танковые и моторизированные части, чтобы окружить и разгромить войска Красной Армии, сражающиеся южнее. А если нет? На пути к Киеву восточнее Ровно перед противником держал оборону только 19-й мехкорпус 5-й армии. Все остальные ее подразделения атаковали растянувшиеся порядки немцев с севера, создавая угрозу коммуникациям врага, но для того, чтобы перерезать их совсем, не хватало сил. Юго-восточнее же Ровно чудом, а скорее волею отдельного взятого советского генерала, дралась собранная в Шепетовке «группа Лукина». Даже представить себе было тяжело, что приходилось выдерживать ее солдатам и командирам — вся таранная сила 1-й танковой группы Клейста давила на них.

А ведь все могло быть совсем по-другому, прислушайся Жуков и Кирпонос к мнению Пуркаева, с раздражением думал Никита Сергеевич. Но они не прислушались, и теперь мы сами, по-одиночке, подставляем под вражеские удары свои самые боеспособные части — механизированные корпуса, и всего за неделю потеряли большую часть имевшейся бронетехники. За неделю! Мало огня противника, так мы еще и своим самодурством ему помогаем. Корпусной комиссар, Член Военного Совета ЮЗФ Вашугин явился вчера к нему ни живой, ни мертвый. Хрущев не встречался с ним в мирные дни: из Ленинградского военного округа на Украину Николая Николаевича перевели перед самой войной. К недавно назначенному командующему КОВО генералу Кирпоносу Вашугин относился свысока, полагая того слишком безвольным, нерешительным человеком,

который занимает не свое место. Именно поэтому, когда началась война, комиссар считал вполне допустимым и даже необходимым вмешиваться в вопросы командования. Это именно Вашугин первым, на ночном совещании 22 июня, горячо поддержал приказ Генштаба атаковать противника.

Позавчера он самовольно отправился в 8-й и 15-й мк, проследить за выполнением распоряжения о начале наступления. Приказом оно назначалось на 4:00 28 июня. Но Вашугин, возмнив себя гениальным стратегом, тут же, под угрозой немедленного расстрела, потребовал от командира 8-го мк генерал-лейтенанта Рябышева начать наступление немедленно, утром 27 июня. Тот, факт что корпус буквально за несколько часов до этого получил приказ об отступлении и две трети его сил сейчас уже было далеко, Вашугина не интересовал. Он потребовал от комиссара мехкорпуса Н.К. Попеля возглавить атаку на Дубно имеющимися силами. Остальные подразделения, по замыслу Вашугина, должны были нагнать авангард позже.

А сегодня утром Николай Николаевич пришел в кабинет Хрущева, дождался, пока они останутся наедине, и заявил, что застрелится. Хрущев удивился, спросил почему. Вашугин рассказал, как он вопреки приказу отправил в атаку треть сил 8-го мк, и теперь «группа Попеля» обречена на гибель. Хрущев наорал на Вашугина и сказал, чтобы тот не дурил, что Рябышев все равно не должен был выполнять его устные указания, имея на руках подписанный командованием ЮЗФ и всеми членами военсовета приказ. Корпусной комиссар ответил, что угрожал командованию мехкорпуса расстрелом. Окончательно взбесившийся Хрущев вскочил из-за стола, подошел к стоявшему посреди кабинета визитеру и в сердцах сказал, что раз Вашугин так надумал, то пусть стреляется. Каков же был его ужас, когда комиссар, не медля ни секунды, достал из кобуры пистолет, приставил к виску и выстрелил. Хрущев выскочил из кабинета, вызвал охрану, чтобы та немедленно подала машину и отвезла еще живого комиссара в госпиталь. Там Вашугин и умер.

В дверь постучали, вошел начальник оперуправления ЮЗФ полковник Баграмян. Кирпонос попросил его сделать корот-

кий доклад Хрущеву о действиях фронта в ближайшие дни. Обескровленные 8-й и 15-й мк было решено вытягивать из боев и отводить на восток, чтобы прикрыться ими от возможного вражеского удара с севера в тыл 6-й и 26-й армиям. Основная нагрузка по сдерживанию танкового клина противника ложилась на подразделения 5-й армии и «группу Лукина». Общее наступление на Острог, под которым сейчас шли тяжелые бои, началось на 1 июля.

Окончив доклад, Баграмян сказал, что планирует еще «доложиться» Вашугину. Никита Сергеевич помолчал, потер рукой лоб, потом сообщил полковнику, что в докладе нет никакой надобности, поскольку всего час назад комиссар застрелился прямо в этом кабинете. Тут Баграмян припомнил, что Вашугин случайно услышал доклад о критической ситуации, в которой оказалась группа Попеля, после чего заметно побледнел и быстро вышел, хотя никто не придавал этому особого значения. Никита Сергеевич успокоил полковника и порекомендовал скорее возвращаться к своим делам.

Потом он допросил адъютанта Вашугина и его водителя. Те рассказали, что после возвращения из мехкорпусов член военсовета был очень подавлен и взволнован, часто бегал в туалет. Хрущев отметил про себя, что, видимо, корпусной комиссар хотел застрелиться еще тогда, но никак не мог решиться. Между тем круг опрошенных расширялся. Люди, с которыми Вашугин разговаривал в последние нескольких часов перед визитом к Никите Сергеевичу, показали, что покойный явно находился на грани нервного срыва, несколько раз в беседах произнес: «Мы погибли!» Собрав всю эту информацию, Хрущев засел за составление шифрограммы Сталину, в которой планировал описать все произошедшее. После этого Никита Сергеевич должен был вместе со всем штабом перебраться в Проскуров. Фронт слишком близко подошел к Тарнополю. Здесь пока оставалось только оперативное управление, которому предстояло выехать на новое место лишь после того, когда там будет налажена связь. Хрущев решил, что это говорит только об одном — приграничное сражение проиграно.

Историческая справка: Проскуров — довоенное название современного украинского областного центра Хмельницкий (1954). Сначала возник как поселение Плоськиривцы в месте впадения речки Плоской в Южный Буг. Первое упоминание в документах королевской канцелярии польского короля Владислава II Ягайло датируется 1431 годом. К 5 июля 1795 года, когда все Подолье вошло в состав Российской империи, это уже был городок с названием Проскуров и с преимущественно завезенным из польской Мазовии и мазурского поозерья католическим населением (православных вырезали турки и татары).

29.06.1941, учащийся химико-технологического техникума Марсен Михайлович Векслер, 17 лет

Он не знал, долго он проспал, или нет... Юношу разбудил отец.
— К тебе пришел товарищ из райкома.

Марсен встал и вышел в столовую. Ожидавший там комсомолец сообщил, что его вызывают в райком. Марсен быстро умылся, переоделся, попрощался с родными. С началом войны, если он уходил куда бы то ни было, он взял за правило обязательно прощаться с родными — мало ли что. Когда он уходил, мать взяла его за плечи и спросила:

— Зачем тебя вызывают?

— Так. Наверное, что-нибудь спросить или сказать.

— Приходи вечером.

— Если буду свободен.

И Марсен ушел в райком. Вернуться в родной дом ему было уже не суждено.

Райком оказался битком забит комсомольцами: учениками школ и профтехучилищ, студентами, рабочими. Лица у всех были веселые и даже немного торжественные. Марсен сразу же нашел группу своих близких друзей, возглавляемую никогда не унывающим Яшей Зибельбрандом. Друзья о чем-то спорили-

ли, болтали. Когда Марсен приблизился к этой весело галдящей компании и начал здороваться, каждый посчитал своим долгом при рукопожатии отпустить в его сторону какую-нибудь едкую остроту или шутку.

Вскоре стала известна причина вызова: комсомольцев записывали добровольцами на фронт. К секретарю райкома в кабинет заходили группами по 10 человек. Марсен вошел вместе с Яковым и еще с несколькими знакомыми ребятами. За столом сидели трое: секретарь райкома Ф.Г. Павлов, 2-й секретарь — курчавая девушка и хорошо известный ребятам их друг и товарищ Борис Соловейчик. Говорил только Павлов.

— Товарищи комсомольцы! Положение тяжелое, стране нужны воины. Вы должны пойти политбойцами на фронт.

Девять комсомольцев ответили: «Если нужна будет наша жизнь — мы отдадим ее». Но в кабинете их было десять, один промолчал, а затем начал отнекиваться и приводить доводы в оправдание. Дескать никак не может пойти на фронт, он один сын у больной матери, отец занят, дядя в командировке и прочее. Поднялся галдеж. Остальные комсомольцы были до глубины души возмущены таким поведением. Все потребовали, чтобы отказник немедленно положил на стол свой комсомольский билет. Яша полушутливо-полусерьез как бы на ухо Марсену, но так, что это услышали все присутствующие, предложил тут же, за дверь, устроить трусу «темную». Павлов успокоил всех и спросил упиравшегося в последний раз: «Родина требует. Идешь на фронт?» Тот вымученно согласился.

Павлов пожал комсомольцам руки, и они вышли из кабинета. Прямо из райкома их отправили в училище связи, где происходила комплектация батальона их района. Ребята прошли через ворота и очутились в широком дворе, окаймленном высокой стеной. Дежурный провел их в здание направо, на второй этаж. Два часа, и вот уже они переодеты в военную форму, наголо острижены. Еще через 15 минут комсомольцам выдали оружие и патроны, после чего предоставили часовой перерыв.

Историческая справка: Киевское военное училище связи имени М.И. Калинина в июне 1941 года размещалось в здании дореволю-

ционного Первого Киевского Константиновского военного училища по адресу ул. Московская, 45/1. Оно просуществовало до 19 августа 1992 года. На базе ликвидированного училища был создан существующий и поныне Военный институт телекоммуникаций и информатизации НТУУ «КПИ».

Марсен оглянулся, он поразился, насколько похожими они все теперь стали, сосредоточенные и очень резко изменившиеся в этой серой однородной массе людей. Потом пригляделся, и вот уже отыскал среди одинаковых стриженных наголо солдатиков двух знакомых студентов из Театрального института, затем Коку Тер-Израеляна, Эдика, Яшу. Их было триста человек, триста юношей, горячо желавших защитить родной город.

Марсена окликнули и сообщили, что его ждет у ворот какая-то женщина. Он поспешил туда. Это была его мать, возбужденная и испуганная. Марсен расстался с ней всего четыре часа назад, но теперь она не узнавала его. Наконец она бросилась к сыну, обняла его за плечи, уткнулась головой в плечо, заплакала, поцеловала...

Четко отбивая шаг, правой рукой придерживая винтовки, батальон маршировал в полной выкладке по улицам родного Киева. С Печерска вниз на Крещатик спускается безукоризненно ровный строй. Запевала Яков Зильбербранд затягивает сакральную для каждого комсомольца песню «Прощальная»:

Дан приказ: ему — на запад,
Ей — в другую сторону...
Уходили комсомольцы
На гражданскую войну.

Народ толпится у края тротуара. Внимание всех привлекают молодые, задорные лица шагающих в строю бойцов. Многие узнают в них своих друзей, знакомых, родственников. Это взялся за оружие киевский комсомол. Прощай, любимый Киев, прощайте, кварталы Крещатика. Увидит ли вас кто-то из этих ребят еще когда-нибудь? Прощайте, девушки.

А всего сильней желаю
Я тебе, товарищ мой,
Чтоб со скорою Победой
Возвратился ты домой.

Вот минули знакомые до боли кварталы Крещатика, бойцы спустились вниз к Днепру, к мосту Евгении Бош. Вот и старый ласковый Днепр остался позади. Отстали последние провожающие, батальон приближался к Дарнице, и к настоящей войне.

Глава 3. Война приходит в город

29.06.1941, секретарь ЦК ВКП(б) Украины Никита Сергеевич Хрущев, 47 лет

Не успели еще толком разгрузить прибывшие в Проскуров штабные машины, как Хрущева позвали к телефону. Дежурный связист стоял с трубкой в руке возле аппарата ВЧ, по которому Никита Сергеевич сейчас хотел говорить меньше всего — звонил Сам. Побледневший Хрущев взял трубку и обреченно поднес ее к уху. Сталин приказал ему немедленно провести в Киеве совещание, на котором принять основные решения по подготовке города к обороне. В Москве опасались, что противник прорвется к столице Украины. Требовалось немедленно подготовиться: восстановить боеспособность ДОТов Киевского укрепрайона, довести численность их гарнизонов до штатной, подготовить несколько линий обороны — окопы, противотанковые рвы, минные поля... что угодно. Враг столицу Украины взять не должен. За его оборону оба они — Кирпонос и Хрущев — отвечают головой. Сталин спросил, хорошо ли его слышно, Никита Сергеевич ответил утвердительно. На этом Сталин закончил разговор.

Еще сильнее побелевший Хрущев набрал Киев и попросил соединить его с М.А. Бурмистенко, который с 26 июня занял пост секретаря ЦК КП(б)У. Никита Сергеевич поручил своему заму и преемнику срочно провести совещание с гла-

вами Киевских горкома, обкома и исполнительных комитетов, с командованием ЮЗФ и комендантом города. Надо было срочно утвердить план подготовки столицы республики к обороне. В это время помощники Никиты Сергеевича уже обзванивали первых лиц города, созывая их на ночное совещание, а сам он после окончания разговора засобирался в дорогу.

30.06.1941, командир особой команды штаба ЮЗФ старший лейтенант Михаил Семенович Минакер, 33 года

До войны он работал директором Киевского асфальто-толевого завода. Для бывшего воспитанника детдома, который только дожил до возраста Христа, это была очень хорошая карьера. Однако война поломала все планы, завод закрылся, поскольку теперь асфальт и толь оказались не нужны: времястроек закончилось, началось время разрушений. Впрочем, Михаил определил свою судьбу еще раньше.

Минакер находился в Москве в служебной командировке, когда из репродукторов всей стране сообщили, что Рейх напал на СССР. Уже 23 июня директор вернулся домой и подал рапорт зам. наркома строительных материалов А.Ф. Шинкареву о добровольном уходе в армию. В тот же день у него приняли завод, а на следующий день, 24 июня, военкомат Ленинского района отправил Михаила в распоряжение Начальника штаба КОВО. Здесь в течение нескольких дней собирали команду резервистов в количестве 120 человек, специалистов, большинство которых имело командирские звания. В конце концов их отправили в Тернополь в штаб ЮЗФ для пополнения его состава. Главным над командой назначили Минакера. После долгих мытарств и стояния в пробках они наконец смогли пробраться к месту назначения. Каково же было удивление, когда оказалось, что территория военной части, на которой еще совсем

недавно находился этот самый штаб, пустует — все эвакуировались в Проскуров.

В дополнение ко всем бедам, началась бомбежка. Пришлось переждать ее в укрытиях, после чего отправляться на вокзал. Но здесь творилось безумие, город эвакуировался, найти места в последних отходящих на восток эшелонах оказалось невозможно. Михаил принял решение: роте двигаться к Проскурову пешим маршем — раз есть приказ прибыть в штаб, они обязаны его выполнить.

30.06.1941, военный комендант Киева генерал-майор Михаил Львович Гориккер, 46 лет

После заседания, на котором всю ночь составлялся список мер, необходимых для обеспечения обороны Киева, Михаил Львович не находил себе места. Во исполнение директивы командующего ЮЗФ от 24 июня 1941 г. о формировании частей КиУРа, приведении его в боевую готовность и строительстве новых оборонительных рубежей — требовалось за неделю подготовить город к обороне. Но есть ли она у них, эта неделя. Из штаба фронта сообщали о множестве используемой немцами бронетехники. Эта стальная лавина катилась к Киеву, и было непонятно, чем ее останавливать.

Задача предстояла крайне сложная. Для выработки плана мероприятий вечером в республиканском ЦК партии провели совещание, на котором присутствовали командующий КОВО генерал-лейтенант В.Ф. Яковлев, бригадный комиссар Е.Е. Кащеев, секретарь республиканского ЦК И.И. Николаенко, первый секретарь горкома Т.В. Шамрыло. Вел совещание первый секретарь ЦК УССР М.А. Бурмистенко.

Решили начать боевое обучение истребительных отрядов, сформированных еще 23-25 июня городскими райкомами и партийными организациями крупных киевских предприя-

тий. В их задачу до сегодняшнего дня входила только охрана заводов, патрулирование улиц, поимка немецких диверсантов и парашютистов. Теперь специально выделенные инструкторы из числа командиров НКВД должны были заняться подготовкой отрядов к настоящим боям с танками и пехотой противника. Заводы уже перешли или переходили на выпуск военной продукции: «Большевик» ремонтировал танки, автомобили, пулеметы, прочую технику, завод № 43 — самолеты, табачная фабрика делала патроны, на паровозовагоноремонтном заводе еще 23 июня на митинге обязались за две недели собрать ополченский бронепоезд, а через неделю-две — еще один. Для вооружения бронепоездов использовали башни от трофейных польских или отечественных пулеметных танков, зенитные орудия системы Лендера, которых много осталось на складах Пинской военной флотилии, и станковые пулеметы. Верфь «Ленинская кузница» перестраивала гражданские суда и баржи в канонерские лодки и плавучие батареи в дополнение к штатным мониторам, канлодкам и бронекатерам Пинской военной флотилии.

Заводы надо было эвакуировать. Еще 26 июня в городе создали специальную комиссию по эвакуации в тыловые районы предприятий, материально-культурных ценностей и людей. Ее возглавил второй секретарь Киевского горкома партии П.П. Шапошников. Теперь от него требовали состыковывать с железнодорожниками подачу подвижного состава на заводы и их своевременную отправку. В свою очередь парторганизации предприятий отвечали за их своевременную загрузку.

Указание эвакуировать из Киева отдельные семьи ответственных работников последовало еще 28 июня. Их предупредили, что отъезд ненадолго, всего на три месяца, в Полтавскую область, поэтому брать разрешалось только детей и легкие вещи. Ответственным за отправку был назначен зам. председателя облисполкома товарищ Бердник.

Кто-то вспомнил об артиллерийских складах, расположенных в Лысогорском форте. Их нужно было срочно вывозить из

города, там еще с Гражданской войны накопилось огромное количество снарядов, бомб и вооружений — винтовок, пулеметов, артиллерии. Попадание одной бомбы — и форт, и Лысяя гора, и пол-Киева в придачу превратятся в Армагеддон. В городе еще помнили, как взлетели на воздух Зверинецкие склады. А в Лысогорском форте, по документам, на сегодняшний день взрывчатки хранилось намного больше. Страшно было и подумать, что произойдет, если она рванет.

Историческая справка: Взрыв Зверинецких пороховых складов, размещенных в старых Зверинецких укреплениях Киевской крепости XIX века, произошел 6 июня 1918 года. На них в то время хранилась значительная, если не большая, часть армейских запасов немецких оккупационных сил и армии поддерживаемого ими марионеточного правительства гетмана П.П. Скоропадского. Всего произошло 15 мощных взрывов и масса мелких, грохотало несколько часов. По воспоминаниям очевидцев, стекла в домах вылетели на 10 километров вокруг, вплоть до Львовской площади, окна распахивались сами собой, дрожала земля. Половину Печерска снесло, погибло около 10 тысяч человек (точное число жертв неизвестно).

ДОТЫ Киевского укрепрайона требовалось срочно привести в боевое состояние. Хорошо, пулеметы с бору по сосенке можно будет собрать, заказать столярам пулеметные станки тоже не проблема, благо — они деревянные. А где взять специальное оборудование: фортификационные перископы, фильтровентиляционные установки, дизель-генераторы, телефонную аппаратуру и кабели, средства противохимической защиты? Раньше все это было, но в последние годы многое вывезли в ДОТЫ на новой границе. Где взять, наконец, столько пулеметчиков? Гарнизон КиУРа по штатам мирного времени едва насчитывал десятую часть необходимого количества людей. Линию обороны нужно было срочно укрепить артиллерией. Киевский укрепрайон начали строить одним из первых, еще в далеком 1929 году, тогда никто не думал, что в будущей войне основным средством прорыва обороны станет бронетехника. Поэтому артиллерийских сооружений в КиУРе построили крайне мало, всего три орудийных полукапонира и еще 26 легких бетони-

рованных сооружений типа ТАУТ, рассчитанных на установку одного капонирного орудия каждый. Этого было явно недостаточно и в дополнение к ДОТам линию обороны решили укрепить ДЗОТами, а также закопанными в землю списанными легкими танками МС-1 и танкетками Т-37А и Т-38.

С запада, северо-запада и севера город надежно прикрывала река Ирпень и ее широкая, шириной в километр, пойма. Еще в 1933 году реку запрудили, перегородив тремя дамбами. Но в результате нескольких половодий, самое сильное из которых произошло в 1935 году, дамбы размыло. Восстановили только одну, возле самого места впадения Ирпеня в Днепр севернее Киева, в районе села Демидов. Теперь ее требовалось взорвать. Ожидалось, что вода из Ирпенского водохранилища стечет, и оно превратится в километровой ширины полосу грязи, которую ни одна бронетехника не сможет преодолеть. С пехотой же спокойно справятся пулеметные ДОТы КиУРа, цепочка которых тянется вдоль Ирпеня до самого Днепра. Южнее Белгородки Ирпень «уходил» от города, и с этого направления природные водные преграды преодолеть противнику было бы проще. Именно здесь в первую очередь требовалось усилить линию обороны инженерными сооружениями: противотанковыми рвами, эскарпами, минными полями.

В городе и пригородах на земляные работы планировалось мобилизовать все свободное гражданское население. Ответственным за это назначили секретаря Киевского горкома КП(б)У по кадрам К.Ф. Москальца. Всю оборонительную линию разбили на 9 участков и распределили между районами города. Работы на каждом участке должны были возглавить вторые секретари районов и председатели райсоветов, им предстояло доставить людей, обеспечить их инструментами, материалами и питанием. Следить за порядком выполнения работ обязали военных инженеров.

Для работ сразу потребовалось огромное количество шанцевого инструмента — 100 тысяч лопат, 50 тысяч кирок, 50 тысяч разрыхлителей, пил, топоров. Их нужно было собрать у организаций и населения города и пригородов, изготовить на заводах «Ленин-

ская кузня», им. Сталина, «Большевики» и «Арсенале». В секторах обстрелов ДОТов и ДЗОТов надо было снять лишний грунт, вырубить деревья и кустарники — десятки, сотни тысяч кубометров грунта и сотни гектаров вырубки. Вспомнили о двух траншейных экскаваторах, которые стояли без дела на заводе «Красный экскаватор». Их решили срочно пустить ход.

На линии будущей обороны вопросами возведения технических сооружений — минных полей, проволочных и электрических заграждений, — должны были заниматься отдельные саперные подразделения, поэтому на совещании приняли решение сформировать 409-й отдельный саперный батальон, 270-ю отдельную роту связи и 52-ю электротехническую роту.

На танкоопасных направлениях деревья следовало рубить так, чтобы над землей оставались торчать метровые пни — природные надолбы. На строительных комбинатах нужно было наладить производство железобетонных надолбов, легко устанавливаемых железобетонных огневых пулеметных точек — ЖБОТов. Саперному батальону предстояло натянуть десятки километров заграждений из колючей проволоки, а электротехникам — электрифицированных проволочных заграждений. Для борьбы с танками планировалось создавать и такие препятствия, как огневые валы. Они должны были представлять собой огромные длинные «скирды» горючих материалов, пропитанных легковоспламеняющимися составами, которые бойцы химрот могли поджечь при приближении вражеских танков, чтобы те, пытаясь объехать опасное препятствие, попадали на минные поля или же подставляли бы свои борта под огонь противотанковой артиллерии. Да, минные поля тоже еще предстояло создать.

Начальник инженерной службы майор М.Д. Чукарев заметил, что в его распоряжении нет нужного количества мин, в первую очередь — противопехотных. Бурмистенко пообещал, что они попробуют «выбить» мины и взрывчатку, необходимую для их изготовления, у Москвы.

Непосредственно от Гориккера требовалось заняться подготовкой третьей линии обороны, идущей по окраине Киева,

и подготовить сам город к уличным боям. Сюда входило создание баррикад, их усиление артиллерией, пулеметами и инженерными сооружениями с упором на противотанковые, распределение зон ответственности между различными ополченскими батальонами. Танкотехническое училище и так делало все, что только возможно: еще до начала войны сократили срок обучения курсантов, сделав учебный курс максимально интенсивным, с началом войны ускоренно выпустили всех, кого только можно, создали передвижной ремонтно-технический батальон и отправили на фронт. Курсанты патрулировали улицы и нередко задерживали диверсантов и предателей, которые ночью при помощи фонариков наводили вражеские бомбардировщики на цели. Иногда патрульным даже приходилось вступать в перестрелки, появились первые убитые и раненые. Теперь на курсантов и самого генерала ложилась дополнительная нагрузка.

Но главное, чем было пропитано все совещание, — это борьбой с немецкими танками. Первые дни войны породили такое распространенное явление, как танкобоязнь. В то время она существовала одновременно с автоматчикобоязнью, парашютистобоязнью и повальной шпиономанией. Но если последние явления довольно быстро сошли на нет, то танкобоязнь в той или иной форме существовала вплоть до самого конца войны. Вот и сейчас, шла ли речь о земляных работах, ДОТах, ополчении и партизанах, все сводилось к одному — необходимо выбивать у немцев танки, поставить перед ними неодолимое препятствие. Выбивать танки, уничтожать танки, останавливать танки... А кто в Киеве главный специалист по танкам? Конечно же, начальник Киевского танкотехнического училища и по совместительству комендант города Михаил Львович Гориккер. Ну что, начальник, как будем танки останавливать? Хороший такой вопрос... А кто его знает как! Гориккер мог бы ответить, что, дескать, вон сколько мехкорпусов было, и вы успеха не добились, а теперь ждете чуда от меня? Однако промолчал.

В Киеве было глубоко за полночь. Гориккер сидел на кухне в своей служебной квартире в «Доме-самолете» на улице Январского Восстания, пил третью кружку черного, крепкого до

цифирной горечи, но очень сладкого чая и думал, думал, думал. Ходил на балкон, курил там, потом возвращался, снова думал. Очнувшись от раздумий, генерал-майор обратил внимание на коробок спичек, с которым он вернулся с балкона после очередной выкуренной папиросы. Михаил Львович задумчиво покрутил его в руках, затем достал спички, зажал в кулаке, так что они образовали цилиндр, поставил кулак на стол и быстро разжал его так, что палочки с темно-коричневыми головками рассыпались, образовав аккуратный холмик. Они так играли в детстве, теперь спички надо было убирать по одной, но только аккуратно, чтобы ни на микрон не сдвинуть соседние. Если не получится, нужно начинать все снова. Игра называлась — «бирюльки». Михаил Львович убрал так несколько спичек, что лежали попроще, и уже вознамерился взяться за следующую, как вдруг замер. Три спички упали таким образом, что образовывали собой «звездочку», которую Гориккер уже однажды где-то видел. Где? И тут его осенило. Ну конечно! Это было в 1940 году на границе со Словакией. Словаки укрепляли ее, в том числе такими вот противотанковыми звездочками, которые англичане называют «чешскими ежами». Их делали из трех кусков толстого стального уголка, которые скреплялись между собой заклепками.

Гориккер принес на кухню клей, модель танка, которая у него пылилась в зале на сервантной полке (подарок курсантов), и начал клеить из спичек модели звездочек разных размеров, которые потом «обкатывал» танком. За этим занятием его и застала утром жена.

30.06.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года

Дождь зарядил еще с вечера, поэтому, когда машины, нагруженные штабным имуществом, документами и личным составом управления, тронулись в дальнюю дорогу, Баграмян подумал,

не вызовет ли это дополнительных сложностей. Сначала проблем не возникало, шоссе было вымощено камнем, поэтому до ближних подступов к Проскурову колонна добралась без проблем. Но уже на подъезде к городу дорога оказалась размытой как раз в том месте, где она вилась по склону холма вдоль глубокой лощины. Тяжелый ЗиС-101, предусмотрительно разогнанный шофером, сначала довольно резво заскочил на пологое начало подъема, а затем, когда запас скорости кончился, двигатель натужно заревел, машину начало кидать на скользкой, как масло, разжиженной водой грязи. Уже у самой вершины холма перегревшийся мотор чихнул и заглох, и машина, замерев на секунду, сначала поплыла по грязи назад, потом юзом сползла с дороги на крутой склон и, набирая скорость, покатила вниз. Побелевший шофер почти полностью обернулся на своем месте и крутил баранку, нервно кусая губы. Баграмян вцепился рукой в ручку чемодана, подумывая выскочить из машины на ходу, но водителю удалось, не столкнувшись ни с одним деревом и не дав ЗиСу опрокинуться, довести его до подножья холма. Здесь он и остановился.

Иван Христофорович высказал шоферу все, что он о нем думает, и выбрался из облепленного грязью автомобиля. Подбежал, придерживая фуражку, адъютант полковника лейтенант Бохоров. Ему тут же было поручено организовать эвакуацию машины в Проскурров. Сам Баграмян занял его место в головной машине колонны и отправился дальше в штаб — там их уже заждались.

Ехавшие вместе с основной частью штаба командиры оперативного управления успели на новом месте наладить связь с армиями. Они доложили, что уже передали отданный накануне командующим приказ: 5-й армии предстояло 1 июля из района северо-западнее Ровно атаковать прорвавшуюся в город мотомеханизированную группировку противника, вклинившуюся между 5-й и 6-й армиями. От 6-й армии требовалось прочно удерживать свои позиции, Кирпонос опасался, что немцы ударят в ее фланг, с выходом в тыл сразу 6-й, 12-й и 26-й армий. Обескровленные 4-й, 8-й и 15-й мк, а также

две стрелковые дивизии 49-го ск и одна 31-го ск выводились в резерв.

На Киевском направлении восточнее Ровно на реке Горынь оборонялись остатки 19-го мк генерала Н.В. Фекленко. Южнее в районе Шепетовки чудом продолжала держаться группа Лукина.

В середине дня из Москвы поступил приказ, полностью отменявший распоряжения, которые вечером прошлого дня Жуков лично отдавал Кирпоносу. Теперь вместо ожесточенных контратак штабу ЮЗФ предписывалось до 9 июля отойти на линию укрепрайонов, созданных на старой границе вдоль реки Збруч еще в первой половине 30-х годов. Соответственно, ставились и задачи отступавшим войскам, которым предстояло сдерживать противника арьергардными боями. Спустя неделю после ожесточенных и неудачных боев Генеральный штаб приказывал сделать то, что еще в первый день войны предлагал непосредственный начальник Баграмяна генерал-лейтенант М.А. Пуркаев. Только теперь и корпуса были сильно обескровлены, и новая линия обороны не была толком подготовлена, и инициативу у противника перехватить за все это время не удалось.

Кирпонос, который за предыдущие дни полностью удостоверился в правильности выводов своего начштаба и только из-за своей неуверенности и мягкости не отстоявший его точку зрения перед Жуковым, с воодушевлением приступил к выполнению полученных указаний.

Теперь контрудар 5-й армии и сдерживание противника 6-й армией обретали смысл — им надо было выиграть время для отхода войск фронта на новый рубеж обороны и закрепления на нем. Резерв, которым предполагалось парировать попытки прорыва фронта противником, должны были составить выводимые из боя подразделения 4-го, 8-го и 15-го мк. У них теперь вместе не набиралось и ста танков (жалкие остатки былой мощи), но других сил Кирпонос выделить не захотел или не смог.

К 21:00 после ряда совещаний с Пуркаевым и Кирпоносом оперативное управление подготовило план отхода и заготовило соответствующий приказ. В полночь он был подписан, и делегаты связи тотчас повезли его в штабы армий.

01.07.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Наконец, Ирина смогла заняться делом, которое было, как ей казалось, хоть чуть-чуть полезным. В помещении школы, находившейся рядом с библиотекой, был организован пересыльный пункт для красноармейцев, отбившихся или отставших от своих частей. По замыслу руководства библиотеки, ее сотрудники должны были организовывать для солдат выставки, проводить чтения, устраивать конкурсы. Однако очень быстро выяснилось, что тем это совершенно не нужно — бойцы хотели только спать и есть. Хотя сколь-нибудь полезными оказались лишь две девушки из восточного отдела — красноармейцы из среднеазиатских республик получили возможность перекинуться парой слов на родном языке и наконец-то объясниться с начальством.

Солдаты были плохо обмундированы и голодны, места им не хватало (какие там игры). При Ирине привезли обожженных раненых, у одного из которых начался припадок эпилепсии. После такого «зрелища» и так деморализованные недоеданием и антисанитарией бойцы совсем пали духом.

Ближе к вечеру ей немного поднял настроение вид обломков сбитого немецкого бомбардировщика, который специально провезли по Крещатику, чтобы киевляне могли на него посмотреть.

01.07.1941, начальник чугунолитейного цеха завода «Большевик» Виктор Игнатьевич Хохлов, 29 лет

Виктор работал в цеху, когда к нему подошел директор завода Валерий Петрович Курганов. Вместе с ним был какой-то военный в генеральской форме с танками в петлицах. В цеху стоял страшный грохот, услышать, что говорят гости, было решительно невозмож-

но, и троица вышла на улицу. Здесь директор познакомил Хохлова с начальником КТТУ и по совместительству комендантом Киева генерал-майором Гориккером. Тому было нужно, чтобы заводские литейщики за два дня изготовили сорок изделий нового образца.

Генерал-танкист оживился и начал объяснять сначала на пальцах, а потом на склеенной из спичек модели, которую он извлек из кармана, как должно выглядеть «изделие». По его замыслу, «звездочку», так он называл это противотанковое препятствие, образовывали три обрезка обычных железнодорожных рельсов или стальных двутавровых балок длиной по 1,9 метра каждая. Их требовалось скрепить между собой в центре под углом 90°. Он сегодня ночью набросал чертеж, с этими словами генерал извлек из кармана галифе мятый лист бумаги, на котором химическим карандашом был набросан эскиз. Он показал его Валериану Петровичу и спросил, могут ли его рабочие наладить быструю сварку или склепку таких изделий. Директор «Большевика» сделал встречное предложение, просто заливать рельсы по центру чугуном. Будучи потомственным литейщиком, Курганов ручался, что это будет наиболее скоростной вариант изготовления, хоть и не самый экономный.

Виктор подумал, почесал затылок и сказал, что его цех успеет в срок. Литейка по-любому не эвакуируется (печи не вывезешь), так что незачем отвлекаться на демонтаж оборудования. На том и ударили по рукам.

02.07.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года

Противник прорвался в районе Тарнополя. Это угрожало непосредственно штабу фронта, в связи с чем генерал Пуркаев поручил оперативному управлению разработать план обороны командного пункта на случай выхода подвижных передовых отрядов противника непосредственно к нему. Подчиненные Ива-

на Христофоровича быстро подготовили необходимые указания, предусмотрев заодно и возможность выброски вражеского десанта. К Тарнополю была выслана разведка. Начальник Генерального штаба генерал-полковник Жуков на днях предложил подумать о переносе штаба. Теперь командующий фронтом всерьез задумался над этим, но пока решил с переездом не торопиться.

Сложившаяся под Тарнополем ситуация угрожала окружением отходящим от западной границы частям 12-й, 26-й и дерущимся в районе Тарнополя подразделениям 6-й армий. Их судьба зависела от способности 49-го ск и 24-го мк задержать противника. Положение спасла контратака сильно ослабленной приграничными боями 10-й тд 15-го мк генерал-майора Огурцова. Лихим натиском его танкисты выбили противника из Тарнополя.

Это позволило отходившим войскам выскользнуть из намечавшегося мешка, но Кирпонос все равно переживал, что 12-я и 26-я армии не успеют отойти на старую линию границы вовремя. Новым утвержденным им приказом предписывалось: 5-й армии занять Коростенский укрепрайон, 6-й — Новоград-Вольнский, 26-й — Остропольский, 12-й — Летичевский. Вооружений, личного состава, оборудования и боеприпасов там не хватало, и вся надежда была на отступавшие к ним подразделения, что те успеют закрепиться, обосноваться в прочных железобетонных ДОТах и на подготовленных между ними позициях. Сосредоточенные в районе Житомира остатки 6-го стрелкового, а также 4-го и 8-го механизированных корпусов должны были прикрыть дорогу на Киев.

03.07.1941, командующий 16-й армией генерал-лейтенант Михаил Федорович Лукин, 49 лет

Пришло время уезжать из Шепетовки; сюда из Днепропетровска прибыл штаб 7-го стрелкового корпуса и его командир генерал-майор К.Л. Добросердов. Теперь ему вместо Лукина пред-

стояло сдерживать врага по линии Шепетовского УРа. Самому же Михаилу Федоровичу приказано было торопиться к своей армии в Смоленск — ситуация там с каждым днем становилась все тревожнее.

Лукин поймал себя на мысли, что ему жалко бросать уже налаженное хозяйство. Из собранных в Шепетовке командиров и рядовых были созданы мобильные моторизованные отряды численностью до батальона каждый. Им отдали грузовики из числа мобилизованных, каждый отряд усилили 15–20 танками и двумя-тремя батареями противотанковых орудий. Перед отрядами стояла задача быстро выдвигаться на нужное направление и парировать немецкий удар. Это позволяло добиваться успеха относительно малыми силами. А главное — вообще добиваться хоть чего-то, что летом 41-го в боях с сильнейшей армией мира, было невиданной удачей...

И все же в постоянных контратаках, к которым противник вынуждал наши части и благодаря которым удавалось хоть как-то ослабить ужасающее давление немцев, группа теряла людей; не так сильно, как в первый день, конечно, но чувствительно. Особенно тяжело сказывались потери командного состава. Меньше чем за неделю боев из строя выбыли почти все командиры рот, три четверти комбатов, пять комполка и один комдив. Сержантов уже назначали из рядового состава. Понимая, что долго они так не протянут, Лукин вынужденно решил от активных наступательных действий перейти к тактике танково-артиллерийских засад, которые ранее против него успешно применяли сами немцы. Результат не заставил себя долго ждать. 2 июля в 13:00 вперед пошла разведгруппа противника в составе 13 танков, 3 бронетранспортеров, 3 самоходных 7,5-см орудий и 180 человек пехоты. Танки двигались со скоростью 12–15 км/ч. Пехотинцы то заскакивали на ходу на броню и в бронетранспортеры, то спрыгивали обратно на землю. Наша танко-артиллерийская засада подпустила вражескую группу поближе и уничтожила ее.

В ночь со 2-го на 3-е тринадцать танков и одна батарея 76-мм пушек отразили ночную атаку 42 немецких танков, которые

в свою очередь поддерживали артиллерия и пехота. Группа в этом бою не понесла потерь, немцы же оставили на поле боя несколько горящих машин. Если бы с самого начала так воевать! Но советским командирам не хватало умения, а зачашую, к сожалению, и настойчивости, чтобы организовать между своими подразделениями эффективное взаимодействие. У немцев же с взаимодействием был полный порядок, поэтому они били советские войска значительно более скромными силами. И нельзя забывать о преимуществе в воздухе. Вражеские самолеты безнаказанно с утра до вечера практически висели над позициями. Редко когда удавалось скрыть перемещения наших сил от пилотов Люфтваффе. Зато немецкие удары каждый раз оказывались неожиданностью.

В штаб вошел генерал Добросердов, ровесник Лукина: усталый взгляд, густая шапка волнистых волос, два квадрата модных в то время среди советского генералитета усов «а-ля Ворошилов». Михаил Федорович быстро ввел коллегу в курс дела. Объяснил, где расположены подразделения 109-й и 213-й дивизий, где сражаются танковый полк и мобильные отряды, описал систему связи, наработанные схемы взаимодействия. Попросил по возможности скорее отправить в Смоленск то, что остается от застрывших под Шепетовкой подразделений 16-й армии. Лукин это говорил скорее для порядка, оба генерала прекрасно понимали, что выдернуть с фронта увязшую в оборонительных боях часть практически невозможно. Передав дела, Лукин засел за письмо домой, первое на этой войне:

«Дорогие Надюша и Юлечка! Сердце обливается кровью за свой народ. Армия наша дерется героически. Принимаем все меры. У нас ни у кого нет ни малейшего сомнения, что фашизм будет разбит. Не так уж он силен и страшен, как это многим кажется. Нам надо, чтобы наш тыл не был панически настроен. Временные неудачи — это еще не значит поражение. Мы все твердо уверены в успехе, верьте и вы в тылу. Вас я очень, очень люблю, в эти слова вложено все. Прощайте, мои милые, дорогие, вернее, до свидания. Крепко вас целую».

Историческая справка: Приобретенный под Шепетовкой опыт генерал Лукин успешно использует в оборонительном сражении за Смоленск. Его отступающая армия в начале октября попадет в Вяземский котел. Здесь возглавляемые генералом войска будут сражаться до последнего, оттягивая на себя значительные силы вермахта. 14 октября 1941 года тяжелораненый Лукин в бессознательном состоянии попадет в плен. Врачи ампутируют ему руку и ногу. Все дальнейшие предложения о сотрудничестве с немцами и вступлении в РОА Михаил Федорович категорически отвергнет, хотя на допросах и выскажет свое негативное отношение к сталинской политике. Несмотря на это, после освобождения Лукина из плена Сталин лично поблагодарит его за бои в Вяземском котле, генерала восстановят в звании и отправят в запас по инвалидности. Лукин проживет долгую жизнь, окруженный вниманием и заслуженным почетом.

03.07.1941, военный комендант Киева генерал-майор Михаил Львович Гориккер, 46 лет

На поле Сырецкого танкодрома царила непривычная суета. Здесь в четыре аккуратные линии, с промежутками по 2-3 метра между рядами, были выстроены противотанковые «звездочки», которые с раннего утра курсанты и солдаты гарнизона возили грузовиками с «Большевика» и устанавливали в строго определенном порядке. Невдалеке замерли два танка из числа матчасти училища — один Т-26 и один БТ-5. Их экипажи курили в ожидании возле машин.

Постепенно собирались все приглашенные на испытания: секретарь горкома Шамрыло, секретарь ЦК Украины по машиностроению Бибдыченко, завотдела ЦК по оборонпрому Ялтанский и директора трех предприятий, которым в дальнейшем предстояло изготавливать «звездочки», если их сегодня примут на вооружение: «Большевика», «Ленинской кузницы» и номер-

ного 225-го. От КТТУ кроме Гориккера были его зам., который пока руководил училищем, полковник Раевский и военинженер Колесников. Гориккер кивнул танкистам, и танки взрвали моторами.

Первым штурмовать четыре линии «звездочек» отправился Т-26. Скорость он развивал на песчаном грунте полигона маленькую, не более 25 километров в час. Танк медленно допыхтел до первой линии препятствий, наехал на одно из них, чуть приподнялся, потом сдал назад, еще раз наехал, снова сдал назад, начал осторожно теснить, сдвигая в сторону, и вдруг... заглох. Наблюдатели поспешили к танку. Когда они приблизились к замершей, пахнувшей бензиновым выхлопом и нагретой краской машине, возле нее уже сидел на корточках мехвод и что-то внимательно рассматривал в районе передней части днища. Гориккер спросил, что случилось. Танкист объяснил, что клык «звездочки» сорвал люк масляного насоса и порвал маслопровод, в результате чего масло из мотора вытекло. Михаил Львович слегка нахмурился: если заклинило двигатель, то, возможно, придется его менять, но сейчас было не до этого. На исходную выруливал второй танк.

БТ-5 не зря назывался «быстрым танком». Он стремительно набрал скорость и понесся на линии препятствий. Разогнавшись, танк проскользнул между «звездочками» первых двух рядов, чиркнул бортом по «звездочке» третьего и перелетел через четвертый, лишь слегка помяв днище. Однако даже этот дефект привел к тому, что танкисты два часа потом копались, что-то ремонтируя в трансмиссии, пока солдаты и курсанты расставляли препятствия в новом порядке.

После проведенной перестановки линии «звездочек» оказались на разном удалении друг от друга: между первой и второй было шесть метров, второй и третьей — четыре, между третьей и четвертой — три. С фронта «звездочки» разместили в шахматном порядке, чтобы у танка не было ни единой возможности преодолеть все линии, ни разу не наехав на препятствия. Вскоре БТ-5 вновь завелся, выпустил облако белесого дыма и понесся вперед. Первую линию танк проскочил, но значи-

тельно потерял в скорости, на второй и третьей он окончательно остановился и заглох. Клык одной из «звездочек» первой линии (или второй, было не понятно) застрял между гусеницей и ведущим колесом, а клык «звездочки» из третьей линии, упершись в днище носовой части танка, приподнял его над землей. Члены инспекции переглянулись, можно было запустить «изделие» в массовое производство. Официально противотанковое препятствие назвали «звездочкой Гориккера», но народная молва все переименовала по-своему, окрестив его «противотанковым ежом».

04.07.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Город наполнился запахом гари. Во всех организациях жгли архивы, по Киеву летали листы обгоревшей бумаги. Поползли слухи, что есть негласное распоряжение сжечь все подворные книги.

Кто-то еще 2 июля увидел, как командный состав НКВД грузил на грузовики свои семьи вместе с трюмо, шкапами и пианино и вывозил их из города. Началась паника. Цена железнодорожных билетов до Москвы у перекупщиков уже 3 июля с 500 рублей подскочила до 1000, а сейчас достигла 5000 рублей (это при средней зарплате в 340 рублей). Ирина испытывала ощущение, что весь город хочет уехать, а купить билеты нельзя. Места в эшелонах, которые эвакуировались на восток, распределялись по талонам, их получали только заводские администрации, квалифицированные рабочие и их семьи. Киевляне штурмовали железную дорогу и отправляющиеся вниз по Днепру суда. Крупные «шишки» и люди со связями, все эти деятели культуры, директора баз, ресторанов и магазинов, известные врачи и педагоги, юристы и барыги, находили для себя, своих семей и скарба и машины, и места в поездах. Но у подавляющего большинства киевлян таких

возможностей не было, и они беспомощно металась по городу.

Киев заполнили беженцы из западных областей, в основном женщины, старики и дети — члены семей административных работников и военных. Многие из них бежали без вещей, денег и документов, буквально в чем были. Часть матерей потеряла в дороге детей, и теперь тщетно пыталась их найти. Ирина слышала вчера, как одна из таких женщин мучительно долго и громко кричала возле 13-й школы. Иногда начинало казаться, что несчастная просто сошла с ума.

Вместе с паникой население охватила повальная шпиономания. Жители самоорганизовались и теперь хватали и отводили в участок всех, кто вызывал хоть какое-то подозрение. Одет прохожий хуже среднестатистического горожанина — в участок, одет чуть лучше — тоже в участок, «подозрительно» себя ведет — тем более.

Вечером подавленная и уставшая от всей этой наполнившей город паники и безысходности Ирина шла домой, когда ей на встречу попался стремительно несшийся на своем велосипеде соседский подросток Алеша Хирселов. Он вместе с товарищами помогал размещать беженцев в эшелонах. Ирина подумала, что эти ребята 12-16 лет сейчас выполняют работу более важную и полезную, чем большинство известных ей взрослых.

04.07.1941, ученик 13-й Киевской артиллерийской спецшколы Игорь Воровский, 21 год

Игорь и его одноклассники обновляли осыпавшийся дворик возле железобетонного входа в ДОТ, который скрывался под большим холмом, возвышавшимся у ребят за спиной. Вход был не простой, шагнув в него, ты натыкался на глухую стенку с недобро глядящей на тебя амбразурой для ручного пу-

лемета. Поэтому надо было повернуть налево, потом сделать шаг вперед, затем повернуть направо, и только тогда ты оказывался внутри длинного прохладного ведущего в темноту коридора. Дальше под девятиметровой толщиной песка и глины скрывалось метров двести запутанных бетонированных подземных узких коридоров с арочными сводами, которые или заканчивались многочисленными тупичками или дверями, за которыми — как сказал военным школьникам сопровождавший их военинженер — находились фильтровентиляционная установка, генератор, боеприпасы и другие необходимые гарнизону ДОТа устройства и снаряжение. В одной из крохотных комнаток находилось водохранилище — небольшая железная цистерна защитного цвета, смонтированная на полу. В ней был кран с вентиляем, через который набирали воду.

Самый длинный из ходов заканчивался скобтрапом, ведущим наверх в толстостенный железобетонный ДОТ, или, как его называл военинженер, оголовок с тремя разнонаправленными пулеметными амбразурами. Огнем из них можно было перекрыть значительную часть долины речки, а также мост, находившийся впереди и чуть правее. Правда, пулеметов в оголовке еще не было, только стояли массивные деревянные станки под них. Все вместе — и коридоры, и оголовок, и все эти многочисленные комнатки по правильному следовало величать «миной», а ходы — «потернами». Минами в древние времена называли подкопы, которые старинные инженеры подводили под стены вражеских крепостей, чтобы их обрушить.

Историческая справка: Речь идет о ДОТе-мине № 179 КиУРа. Развалины ее оголовка и сегодня хорошо видны с автомобильной трассы Киев — Одесса в районе села Вита-Почтовая. Общая протяженность ее ходов — 220 метров.

Один из коридоров заканчивался ведущей наверх бетонированной шахтой. В железобетон были накрепко вмурованы стальные П-образные арматурины еще одного скобтрапа, по которому можно было вскарабкаться наверх, на вершину холма. Отсюда открывался дивный вид на долину реки Вета. Ниже

виднелась гладь речушки и тысячи горожан — женщин, подростков с лопатами, — которые рыли широкий противотанковый ров. Тут же солдаты саперного батальона забивали в землю колья и натягивали на них колючую проволоку. За ее рядами новые группы гражданских копали окопы, готовили ДЗОТы, ходы сообщения, эскарпировали речные берега.

Люди где копали, там и ели, там же практически и спали. Периодически приезжал транспорт, который привозил новых людей на смену уже изрядно вымотанным бригадам землекопов, не привыкших к тяжелому физическому труду.

Когда ребята вскарабкались на вершину холма, военинженер рассказал им об этом месте много интересного. Оказалось, что на холме, насквозь пронизанном потернами, в домонгольские времена находилось древнерусское городище Звенигород, которое являлось южным форпостом Киевского княжества на ближних подступах к Киеву. Его в далеком 1240 году уничтожили монгольские полчища хана Батыея.

В плодородной долине реки Веты киевские князья организовывали сбор своих дружин, так как здесь многочисленные табуны лошадей какое-то время можно было прокормить росшей в пойме травой. Расположенное же рядом с ДОТом село Вета-Почтовая носило свое название не просто так. Уже в царские времена здесь работала станция, где в специальных конюшнях содержались почтовые лошади.

Звенигород был далеко не единственным древнерусским укреплением в окрестностях. Если идти дальше на восток в сторону Днепра, можно было увидеть разветвленную систему так называемых Змиевых валов — остатков когда-то мощной укрепленной линии, призванной уберечь Киев от набегов злых кочевников. Именно на ней обороняли город былинные богатыри. Речка Вета неглубокая, не такая топкая, как Ирпень, да и набег кочевники чаще всего делали с южной стороны, потому и укрепляли князья южные подступы к своей вотчине наиболее тщательно. Ну а в наше время по этой же почти тысячелетней (а может, и не почти) линии укреплений советские инженеры и строители возвели цепочку мощных

железобетонных ДОТов, которые ни снарядом не пробить, ни бомбой не взорвать. Военинженер сказал, что один из оголовков даже встроили прямо в Змиев вал, а вход сделали с противоположной, северной стороны. Вот и получалось, что предстоит солдатам доблестной Красной Армии воевать с фашистской нечистью на том же самом месте, где их предки когда-то останавливали полчища половцев и печенегов.

Особенно рассмешила ребят история, что всем им известная Белгородка — это, оказывается, легендарный древнерусский город-крепость Белгород, в котором у князя Владимира Ясно-Солнышко содержался гарем на 300 душ. Правда, когда он принял в Херсонесе (читай — Севастополе) христианство и женился на византийской принцессе Анне, от этого удовольствия пришлось отказаться: девушек выдавали замуж за княжеских дружинников.

Игорь и его друзья в свободное время (а у них его оказалось на удивление много) прошвырнулись на несколько километров вдоль линии обороны в сторону Днепра, чтобы посмотреть на древние валы. Везде они видели ДОТы, возле которых суетились военные школьники из других классов их школы, а также других военных школ. Они тоже занимались разгрузкой подвезивших боеприпасы и снаряжение машин, и размещением груза в ДОТах. Некоторые приводили в порядок дворики, окапывая их и укрепляя деревянными щитами, рыли окопы, землянки и ДзОТы.

Вдоль всей линии тысячи киевлян и жителей окрестных сел копали длиннющий противотанковый ров — копали, копали, копали, и конца-краю этой работе не было видно. Иногда прилетали немецкие самолеты и поливали копавших пулеметным огнем. Народ, конечно, разбежался кто куда, прятался в свежевырытых щелях, затем, когда все стихало, выбирался наружу. Убитых складывали отдельно, чтобы потом отвезти в город и похоронить, раненых — перевязывали, и работы возобновлялись. Ребятам бомбежек и обстрелов особо бояться было нечего, они могли в любой момент спрятаться внутри ДОТа и переждать налет.

Сюда, к Вете-Почтовой, они попали не сразу. В их школе мобилизовали девятые и десятые классы, по три класса с каждой параллели, всего 200–250 человек. Сперва из Киева ребят пешком отправили в военный лагерь Пирогово, где их всех зачислили в истребительные отряды, несколько разбавив общую массу военшкольников настоящими военными. Оружия им пока не дали, а отправили, тоже пешком, приводить в порядок ДОТы и патрулировать, чтобы шпионы и разведчики врага не раскрыли расположение оборонительных сооружений. Все школьники были из Киева, начальство к ним относилось по-отечески и закрывало глаза, если кто-нибудь из ребят на день-другой отлучался домой, чтобы повидаться с родителями, переночевать и дать своей матери возможность подкормить и обстирать изрядно запачкавшееся чадо.

Историческая справка: Пирогов (часто ошибочно, в том числе и местным населением, называется Пирогово) — село южнее Киева. Первое упоминание датируется 1627 годом, этот населенный пункт упоминается как село Пироговка, находящееся во владении Киево-Печерской лавры. На территории села найдены следы поселений бронзового века, жителей зарубинецкой культуры и скифов. В то время через него проходила старинная Пироговская дорога, вдоль которой во время последующих штурмов города происходили ожесточенные бои. В черту города Киева село включено в 1957 году. В наше время известно знаменитым Музеем народной архитектуры и быта Украины под открытым небом.

04.07.1941, командир особой команды штаба ЮЗФ старший лейтенант Михаил Семенович Минакер, 33 года

Путь к Проскурову был долгим и трудным. Особенно тяжелыми оказались последние 70 километров. На одной из железнодорожных станций Михаил прямо обратился к начальнику

станции с требованием отправить их по назначению, но тот лишь бессильно развел руками, сообщив, что поезда на Проскуров уже не ходят, по слухам, враг стремительно продвигается вперед и от самой станции находится всего в 15-20 километрах.

Эта новость многих из возглавляемой Минакером команды обескуражила. На марше некоторые побросали лопатки, вещмешки, оружие, боеприпасы и попытались прицепиться к вагонам проходивших мимо эшелонов. Троим это удалось, правда, они не дезертировали, а каким-то чудом доехали, как потом оказалось, до того самого Проскурова.

Прекратить паникерство удалось, только когда с двоих пойманных дезертиров, которым не удалось бежать (слишком быстро шел состав), Минакер приказал снять пояса, сорвать петлицы, лишил оружия и приказал вести впереди колонны под конвоем.

В Проскурове их ждало разочарование: штаба фронта здесь уже не было. На командном пункте Михаилу Семеновичу приказали людей не распускать, а отправляться в Киев, куда уже успело убыть все командование. К счастью, туда измученная команда отправилась уже поездом.

05.07.1941, секретарь ЦК ВКП(б) Украины Никита Сергеевич Хрущев, 47 лет

Перед Хрущевым сидела оперативная группа ЦК — шесть человек, ответственных за подготовку партизанских отрядов и подполья. Руководить ею только что назначили председателя Верховного Совета Украины Михаила Алексеевича Бурмистенко. Основная работа по созданию подпольных обкомов, горкомов, окружкомов ложилась на заведующего оргинструкторским отделом ЦК А.Н. Зленко и его заместителя Л.И. Дрожжина. Также в группу вошли В.С. Костенко, М.А. Кузнецов и М.С. Спивак. Присутствовал и зам. началь-

ника НКВД УССР полковник Т.А. Строкач. Оперативная группа тут же решила создать специальные курсы для изучения гранатного дела — нужно было выбивать у немцев танки. Бурмистенко заметил, что одних курсов мало, надо создавать партизанскую школу, которая бы готовила будущих командиров партизанских отрядов. Помочь в этом обещало руководство украинского НКВД. Школу решили развернуть на базе уже имевшихся учебных центров в Пуще-Водице и в Броварском лесу.

Историческая справка: уже 29 июня 1941 года вышла Директива Совнаркома и ЦК ВКП(б), предписывавшая партийным, профсоюзным и комсомольским организациям для борьбы с врагом формировать партизанские отряды. В постановлении говорилось: «1. Для организации подпольных коммунистических ячеек и руководства партизанским движением и диверсионной борьбой в районы, захваченные противником, должны быть направлены наиболее стойкие руководящие партийные, советские и комсомольские работники, а также преданные Советской власти беспартийные товарищи, знакомые с условиями района, в который они направляются. Засылка работников в эти районы должна быть тщательно подготовлена и хорошо законспирирована, для чего следует каждую группу (2–3–5 человек) засылаемых связывать только с одним лицом, не связывая засылаемые группы между собой. 2. В районах, находящихся под угрозой захвата противником, руководители партийных организаций должны немедленно организовать подпольные ячейки, переведя уже сейчас часть коммунистов и комсомольцев на нелегальное положение». ЦК предписывал руководителям партийных организаций лично руководить борьбой в тылу немецких войск, вдохновляя на эту борьбу собственным примером, смелостью и самоотверженностью.

Обсуждалось, что в кратчайшие сроки необходимо создать в Киеве подполье на случай, если противник все-таки ворвется в город. Личности подпольщиков не должны были вызывать подозрения у оккупационных властей, поэтому их личные дела ни в коем случае не могли попасть к врагу. Кроме того, горком должен был сформировать из коммунистов и надеж-

ных людей партизанские отряды для проведения в тылу противника диверсий.

Группа совещалась, а многие присутствующие при этом думали, не произнося вслух, что ведь еще в начале 30-х годов по всей Украине были готовы костяки партизанских отрядов и подпольных организаций, тайные склады с оружием, взрывчаткой, снаряжением, одеждой, печатными машинками и типографиями. Все это готовилось на случай оккупации Украины поляками. Но потом, когда началась борьба с «врагами народа», все это ликвидировали, зачастую — вместе с людьми. Хрущев принимал в этом процессе непосредственное и активное участие, а теперь стучал по столу и требовал восстановить им же и порушенное, да еще и в кратчайшие сроки.

Бурмистенко осторожно заметил, что в Киеве не осталось специалистов по партизанской войне, подпольной и диверсионной работе. Хрущев с готовностью пообещал вытребовать таких у Ставки, как ранее выпросил мины.

Историческая справка: Первый партизанский отряд «Победа или смерть» (на укр. «Перемога або смерть») был создан 7–8 июля. Командовал им Калинин — герой, орденоносец, старый партизан Гражданской войны. Первое дело — заброска в Житомирские леса. 10–12 июля — заброска в тыл немцам в Ирпенский лес. Второй отряд «Имени Киевского обкома комсомола» создан 20 июля. Командовать им назначили заместителя Калинина зам. зав. сельхозотдела обкома партии Билыма. Этот отряд 25 июля впервые отправили на задание в район Дубечня — Иванково.

После совещания Никита Сергеевич занялся другими вопросами. Ему доложили, как идет эвакуация семей партактива, высшего инженерного и командного состава. Выяснилось, что первый эшелон ушел еще 1 июля, второй — 2 июля, а 3 июля ушел эшелон с семьями работников облисполкома, обкома, горкома, научных работников. Составы отправлялись с запасных путей, чтобы избежать излишней огласки.

3 июля весь партактив Киева и Киевского облсовета получил военное обмундирование, оружие: пистолеты, карабины.

Части из них помимо этого выдали гранаты и ручные пулеметы.

Еще до 4 июля Никита Сергеевич подписал мандаты отдельным работникам республиканского и областных ЦК, чтобы они разъехались по Украине с целью организации уничтожения посевов, угона скота, подготовки к эвакуации сельхозтехники, в первую очередь тракторов. Ему доложили, что люди приступили к работе, но далеко не всегда (по понятным причинам) они встречают на местах понимание и содействие. Решили соответствующие мандаты выдать главам местных советов, пользующимся на местах большим доверием, нежели функционеры со стороны.

06.07.1941, военный комендант Киева генерал-майор Михаил Львович Гориккер, 46 лет

Михаил Львович стоял посреди кабинета с лицом, пунцовым от стыда и унижения. Давно его так не «песочили». Командующий фронтом, заглядывая периодически в отчет, который ему предоставила инженерная служба фронта, задавал вопросы, на которые у Михаила Львовича не было ответов. Претензий к Гориккеру была масса.

Границы трех правобережных секторов обороны Киева, которые наметил комендант, не учитывали конфигурацию улиц и путей возможного продвижения противника. Михаил Львович просто разбил город на сектора, которые прямыми линиями делили пополам многие улицы, в свою очередь извилистая улица могла несколько раз «заходить» в сектор и «выходить» из него. Войска распределялись по секторам равномерно, без учета наиболее вероятного направления движения противника — южного, не прикрытого поймой Ирпеня. Восточный сектор размещался на левом берегу Днепра и рассматривался как противодесантный, однако совершенно не учитывал

возможность форсирования немцами реки и не был к этому подготовлен.

В эшелонировании боевого порядка не имелось достаточной глубины. На улицах города были созданы всего девять узлов круговой обороны, которые не создавали достаточной жесткости, не перекрывали огнем все возможные пути продвижения противника, не имели между собой огневой и тактической связи. План боя не был отработан в деталях и носил поверхностный характер. Элементы боевого порядка оказались слабо укреплены в инженерном отношении, не эшелонированы в глубину, отсутствовала круговая оборона. Огневые средства вытягивались в линию, в то время как их надо было концентрировать на особо опасных направлениях, а некоторые сделать мобильными, чтобы вовремя перебрасывать в нужный район. Кирпонос сделал вывод, что генерал-майор Гориккер вопросами подготовки Киева к обороне практически не занимался. Основную работу выполнили партийные организации.

Хаотичное строительство баррикад рабочими различных киевских предприятий и никем не управляемыми и нормально не организованными жителями, привело к тому, что строились они чаще всего непродуманно, где попало, зачастую перегораживая проезжую часть, затрудняя транспортировку грузов и пассажиров. Делали преграды из подручных средств, из-за чего баррикады больше напоминали сооружения времен Революции 1905 года, совершенно бесполезные против артиллерии. Теперь их требовалось полностью переделать, а часть и вовсе убрать, что наверняка деморализует людей, строивших их с невероятно высоким патриотическим подъемом.

При этих словах Хрущев так посмотрел на Михаила Львовича, что у того холодок пробежал по спине. Он попытался оправдаться, что по городу повсеместно строятся новые «правильные» баррикады, налажена патрульная служба, курсанты училища под командованием капитана И. Барыбина оказывают помощь органам НКВД в вылавливании шпионов и диверсантов. Так, например, в первый же день дежурства курсант

Заморока задержал диверсанта, переодетого рыбаком. Позже выяснилось, что он является немецким агентом.

Что касается недочетов в подготовке инженерных сооружений, Гориккер заметил, что он не фортификатор, а танковый инженер. Для борьбы с танками противника он сделал все от него зависящее — киевские заводы делают противотанковые «ежи» и надолбы, в соответствии с разработанными схемами они устанавливаются на танкоопасных направлениях. Доводы Михаила Львовича командование не удовлетворили, его сняли с должности начальника киевского гарнизона и отправили обратно командовать училищем. Там требовалось срочно закончить запланированную ранее подготовку танкового полка, а само учебное заведение подготовить к эвакуации, поэтому работы хватало. Расстроенный Гориккер козырнул, развернулся через левое плечо и отправился на улицу Красных командиров, где в бывших казармах Луцкого полка размещалось его КТТУ.

06.07.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Грустная Ирина сидела на пересыльном пункте и чувствовала себя абсолютно бесполезной. Большая часть библиотекарского люда уехала в Пуще-Водицу копать окопы и противотанковые рвы. Знакомые женщины из консерватории устроились в госпиталь и теперь таскали раненых с прибывающих на вокзал эшелонов. И только она одна никому не была нужна.

В городе не утихала паника, количество толкущихся на вокзале беженцев и киевлян не уменьшалось. Появился приказ коменданта города о сдаче всех радиоприемников. Население было обязано сносить их в здание бывшего «Детского мира», что на перекрестке Прорезной и Крещатика. Как раз там, где «работал» Паниковский из такого далекого теперь, довоенно-

го «Золотого теленка». Ирина невольно улыбнулась, вспомнив радость, которую испытала после первого знакомства с книгой Ильфа и Петрова.

Но вскоре улыбка сползла с ее лица, реальность вернулась вместе со стенами изувеченных раненых, которых привезли сегодня откуда-то из-под Шепетовки. Дома женщину никто не ждал, сестра Таня вместе с дочкой Шурой уехала на левый берег Днепра на батарею к своему мужу Степану — ему вроде бы обещали место в машине для эвакуации семьи. Так что осталась Ира одна в четырех стенах.

Она вспомнила, как сегодня опять встретила соседского мальчишку Алешу Хирседова. Его сверстники 1924–1925 годов рождения только что получили повестки, обязывавшие явиться 8 числа в военкомат. Многие матери всеми правдами и неправдами пытались откупить своих чад, боясь, что их сразу же отправят на фронт, на передовую, в безжалостные схватки. Но для Алеши и его мамы даже мысль о подобном была оскорбительна. Ирину отвлек от тяжелых раздумий командир, который привел на пункт солдат, отбившихся от своих частей и задержанных заградотрядами. Особисты уже провели с ними работу, и теперь красноармейцев требовалось где-то разместить.

06.07.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год

Немцы стремительно приближались к Василькову, и среди летчиков эскадрильи все сильнее и сильнее росло чувство беспокойства за свои семьи. Что будет с ними, если немецкие танки ворвутся в беззащитный военный городок? Командование полка пошло навстречу чаяниям пилотов. Специально для эвакуации семей командного и рядового состава полка утром прямо на территорию авиагарнизона пригнали небольшой железнодорожный эшелон, состоявший из 12 красных пуль-

мановских вагонов. В перерыве между боевыми вылетами летчики, авиатехники, командиры батальона аэродромного обслуживания и другой аэродромный люд начали грузить собранный накануне нехитрый скарб, женщин, стариков и детей. Для подвоза вещей к вагонам командование выделило несколько грузовиков.

Дмитрию удалось вырваться только минут на сорок. Веру с детьми он усадил слева от входа в вагон на двух квадратных метрах старого обшарпанного пола. Женщины и дети, которым не хватило места на сиденьях, сидели на чемоданах, узлах и баулах в проходах и тамбурах. Стоял плач, крики, ругань. Кто-то громко прощался, кто-то целовался и обнимался. Многие из расстававшихся людей виделись в последний раз, хоть и не подозревали о том. Дмитрий, прижавший к себе Шурика, еще не знал, что сын простудится и умрет в дороге...

Они простились. Вера крепко обняла его, пожелала поскорее победить врага и выжить. Вскоре появился пыхтящий маневровый паровоз, зацепил вагоны и потащил их на станцию «Васильков-1». Он остановился на переезде, ожидая зеленого света семафора, и тут прилетел одинокий «юнкерс». На станции скопилось огромное количество эшелонов, и она была для вражеской авиации заманчивой целью. Немец сбросил бомбы и начал поливать станцию из пулеметов, делая все новые и новые заходы. Началась паника, люди бросились из вагонов врассыпную.

Дмитрию оставалось только скрипеть зубами; они не успевали взлететь. Пока техники заведут моторы и «чайки» взмоют вверх, этот крылатый стервятник успеет раствориться в ночи. К счастью, станцию прикрывал крупнокалиберный зенитный пулемет, явно управляемый опытным стрелком. Несколькими удачными очередями он отогнал вражеский бомбардировщик, и тому пришлось убраться. Позже Вера рассказала, что именно тогда, спасаясь в мокром от вечерней росы поле, она застудила их сынишку.

К часу ночи все вернулись в вагоны, порядок был восстановлен, и маневровый паровоз потащил поезд в Киев.

06.07.1941, секретарь ЦК ВКП(б) Украины Никита Сергеевич Хрущев, 47 лет

Никита Сергеевич стоял у распахнутого окна и смотрел на вечерний Киев и Днепр, на которые стремительно опускались сумерки. Зрелище открывалось прекрасное, но первого секретаря ЦК ВКП(б)У оно не особо радовало. Нечему было радоваться. Немцы стремительно продвигались вперед, на линии Новоград-Волынского УРа по всей его протяженности гремели бои, и точной информацией о том, что там происходит, командование не располагало. Штаб из Проскурова 3 июля временно перенесли в Житомир, потому что никаких гарантий, что враг не прорвется к городу, никто дать не мог. Затем 5 июля штабисты переехали в Киев, в капитально оборудованный подземный КП, расположенный в Святошино.

Историческая справка: Новоград-Волынский УР в 1941 году состоял из 182 пулеметных и 17 артиллерийских долговременных сооружений. Он простирался на 120 километров с севера на юг. В районе Новоград-Волынска и Гульска его обороняли разрозненные подразделения, состоявшие из постоянного гарнизона, свежей 206-й стрелковой (7-й ск) и остатков 228-й стрелковой и 109-й моторизованной дивизий (быв. группы Лукина).

Это было уникальное и дорогое сооружение. Такой глубины залегания с головой бы хватило, чтобы не бояться вражеских бомб и снарядов. Так нет же, инженерам хотелось реализовать себя, сделать задачку поинтереснее, и они засунули его под землю на 50 метров, под пльвуны, которые пришлось проходить метростроевскими методами». Там, конечно, было уютно — все залито электрическим светом, тепло, мягкие кожаные кресла, диваны и большие письменные столы, обитые черным дерматином, чернильные приборы, пепельницы... Но Хрущев не любил замкнутых помещений и вечером поехал к себе, в привычный кабинет с видом на Днепр в здании республиканского ЦК.

Историческая справка: Святошинский КП, построенный для размещения штаба ЮЗФ в условиях военного времени, возводился

в 1928–1937 годах. Длина его штолен, залегающих на глубине 46,5 метров, составляла более 285 метров. Вход на КП осуществлялся через две шахты: одна была снабжена лифтом, в другой находилась лестница. 28 июня 1941 года секретным постановлением ЦК КП(б) У комендантом КП назначили Григория Филипповича Калашникова, до этого работавшего заведующим сектором отдела кадров ЦК. У него было военное звание батальонного комиссара.

Они сегодня, конечно, многое сделали: отстранили этого медлительного нерасторопного Гориккера и создали штаб обороны Киева. Теперь за подготовку города к боям отвечал начальник штаба полковник А.Ф. Чернышев. Майора М.Д. Чукарева назначили начальником инженерной службы. От партийных органов в штаб вошли секретарь Киевского обкома партии М.П. Мишин, председатель облисполкома Т.Я. Костюк, секретари горкома Т.В. Шамрыло и К.Ф. Москалец, председатель горисполкома И.С. Шевцов. Под штаб отвели здание на улице Короленко.

Написанный Гориккером план подготовки к обороне полностью переиначили: сектора обороны в черте города разграничили в соответствии с конфигурациями улиц. Линии обороны разделили на два сектора: северный, который тянулся вдоль реки Ирпень от села Борки до Белгородки, и южный, не прикрытый Ирпенем, он тянулся от Белгородки через Ветуг-Почтовую, Лесники и упирался в Днепр.

Историческая справка: Село Борки было затоплено в послевоенные годы при строительстве Киевской ГЭС. Жене прославленного режиссера Александра Довженко Юлии Ипполитовне Солнцевой, снимавшей по одноименной автобиографической повести мужа фильм «Зачарованная Десна», разрешили сжечь это село «на камеру» для лучшего реализма съемок. Солнцева, в прошлом актриса, а потом еще и режиссер, известна ролью Аэлиты в одноименном довоенном фильме Якова Протазанова.

Назначили комендантов секторов: в северный — комбрига Д.В. Аверина, а в южный — майора С.П. Лучникова. Им было поручено контролировать ход работ по возведению на своих участках фортификационных сооружений и заниматься во-

просами размещения на позициях частей, поступивших в распоряжение комендантов.

Для обороны ДОТов КиУРа еще ко 2 июля сформировали три отдельных пулеметных батальона (опб) — 28-й, 161-й и 193-й, а для полевого заполнения позиций вне ДОТов — еще два — 1-й и 2-й. Теперь их требовалось пополнить рядовыми-резервистами, а также опытными командирами, которых старались набрать из числа отходящих к Киеву остатков гарнизонов приграничных УРов. Два артиллерийских и одно танковое училища должны были сформировать каждое по одному полку, окружные интендантские курсы — два батальона.

В состав войск южного сектора обороны зачислили еще два батальона и артдивизион 147-й стрелковой дивизии, большая часть которой сражалась где-то в районе Шепетовки. Получилось так, что к 1 июля, когда дивизию директивой Жукова перенаправили в КиУР, она еще входила в состав 7-го стрелкового корпуса генерала Добросердова, и, пока шел приказ, частично успела втянуться в бои. Теперь вернуть уже вступившие в схватку подразделения было практически невозможно, дивизия оказалась искусственно разделенной на две части.

Имелись еще силы НКВД — brave ребята: 56-й полк 4-й железнодорожной дивизии и другие отдельные ее подразделения, 4-й мотострелковый полк, 20-й Славутский погранотряд, 227-й полк конвойных войск. Железнодорожники выполняли свои задачи, охраняли мосты, станции, в боевых действиях их особо не используешь. А вот остальных — можно. Только беречь надо эти подразделения. Если простые стрелковые части могли побежать, могли оставить позиции без приказа, то эти — никогда. Людей туда изначально подбирали проверенных — такие не запаникуют, не побегут. Лишь бы хватило боеприпасов да позиции оказались надежные. 5 июля был отдан приказ — в случае оставления города последними должны отходить киевские милиционеры.

Кстати, о позициях. Новый начальник инженерной службы получил распоряжение в кратчайшие сроки исправить не-

дочеты, которые были допущены за время начальствования Гориккера. Требовалось переделать баррикады, лучше подготовить к обороне опорные пункты и т. д. Противопехотные мины, как Хрущев и обещал, начали поступать в Киев в больших количествах. Их перебрасывали транспортными самолетами.

Историческая справка: Всего в район Киева самолетами ПС-84, которые входили в Московскую авиагруппу Особого назначения, за время подготовки линий обороны было переброшено 100 тонн взрывчатки, 50 тыс. противотанковых и противопехотных мин.

Хуже было с винтовками; их не хватало. К Хрущеву приходила делегация рабочих киевской судовой «Ленинская кузня». Они просили оружие для их коммунистического батальона, а где его взять? Из складов на Лысой горе выгребли все до единого патрона. Хрущеву сказали, что, когда оттуда вывезли все боеприпасы, оказалось, что в наличии их на два эшелона больше, чем числилось по бумагам. Конфуз оказался немалый, а с другой стороны — хорошо, что больше, а не меньше.

Ополченцев вооружали винтовками, сохранившимися еще с Первой мировой, а поскольку царской России оружия в то время тоже не хватало и закупала она его где ни попадя, то и системы оказались самые разные. Помимо традиционных «мосинок» (в том числе и производства американской компании «Ремингтон») тут можно было встретить: трофейные «маузеры» (немецкого производства, бог весть какими путями попавшие сюда после Гражданской войны, польского, отобранные в 1939 году у панской Польши, и бельгийского, сделанные для литовской армии), американские «винчестеры» М95, переделанные под стандартный русский патрон 7,62x54, японские «арисаки», австро-венгерские «манлихеры», «берданки», которые, возможно, воевали еще в Болгарии с турками, «лебели» и «ли-энфилды» (также отобранные у поляков). Патроны попадались самого разного производства: немецкие, польские, французские, финские, бельгийские, голландские, японские. Пулеметы не только давали ополченцам, но и уста-

навливали в ДОТы и на городские баррикады. В Лысогорском форте помимо «максимов» и зенитных ДА для этих целей «наскребли» и «льюисы», и «шоши», и «гочкисы», и трофейные польские «браунинги»... Хрущев за сегодняшний день вспомнил массу названий, которые последний раз слышал лет двадцать назад.

Никита Сергеевич позвонил в Москву Г.М. Маленкову насчет поставки новых партий винтовок; это был единственный человек, кому Хрущев мог позвонить, не опасаясь жестокого разноса и прочих неприятных последствий. Маленков прямо сказал, что в Москве хаос, лишнего оружия нет. Даже те винтовки с просверленными патронниками, что были в распоряжении Осоавиахима, мобилизовали, привели в порядок и отправили в Ленинград. Украинским руководителям рекомендовалось организовывать розлив в бутылки легковоспламеняющейся смеси, и этими бутылками бороться с танками. Оружия больше нет. Минами украинским товарищам помогли, и на том пусть скажут спасибо. Хрущев положил трубку. Он отметил в своем блокноте, что надо завтра созвониться с парторганизациями пивных и ликероводочного заводов, чтобы там наладили производство «стеклянной артиллерии» — бутылок с зажигательной смесью, — и вновь глубоко задумался.

С завтрашнего дня начиналась эвакуация предприятий города, по этому поводу у Хрущева после заседаний с военными состоялось долгое совещание с руководителями крупнейших предприятий и заводских парторганизаций. Страшно было даже подумать, сколько потребуется вагонов и паровозов, чтобы вывезти все то, что создали в Киеве за последние двадцать лет — оборудование заводов «Арсенал», «Большевик», судоверфи, других заводов... Тысячи, десятки тысяч вагонов. А еще надо эвакуировать заводские администрации, инженеров, высококвалифицированных рабочих, их семьи. Руки опускались..

В целом, приготовления Киева к обороне выглядели солидно, но хватит ли их, чтобы остановить врага? Хватит ли

времени, чтобы закончить все работы? Сколько продержится Новоград-Волынский УР? Может, именно сейчас немцы провалили линию обороны по старой границе, которую толком-то и подготовить не успели, и сейчас враг уже на всех парах несет к Житомиру. Хрущев подошел к графину, быстро налил стакан воды и осушил залпом. Его руки дрожали от напряжения.

07.07.1941, ученик 43-й киевской школы Андрян Галябарник, 15 лет

Андрян стоял в тесном коридоре райкома комсомола своего Железнодорожного района, где формировался истребительный батальон. Когда ему выписывали школьную характеристику, то случайно в графе «возраст» вместо 15 лет поставили 17. И теперь вчерашний школьник мечтал записаться в боевое подразделение, получить настоящее оружие. Рядом толпилось множество мальчишек — его ровесников, которых собрали со всего города, чтобы отправить в глубокий тыл. Пройдет год-два-три, и они достигнут призывного возраста. Если в город войдут немцы, этот «ресурс» окажется потерян, поэтому ребят решили эвакуировать. Но Андрян и думать не хотел оставлять Киев.

«Афера» его удалась целиком и полностью. Усталый замученный секретарь райкома, под глазами у которого от хронического недосыпа образовались мешки, выдал справку-удостоверение на бланке серой грубой казенной бумаги с синей жирной печатью, объяснил, где найти командира, и кликнул следующего.

Историческая справка: В Киеве к 8 июля сформировали 13 истребительных батальонов общей численностью 3500 человек, а по области — 62 численностью 11 422 человека. Кроме батальонов в столице Украины создали 19 отрядов народного ополчения общей численностью около 29 400 человек и городской т. н. «комсомоль-

ский» истребительный полк. Он состоял из девяти рот, каждая из которых формировалась при девяти районных комитетах комсомола. Численность полка составила 1450 человек. Его командиром назначили секретаря комитета комсомола НКВД УССР И.Е. Старушенко.

Кого назначить на должности командиров, комиссаров и начальников штабов батальонов и отрядов народного ополчения, определяли райкомы и горкомы КП(б)У. Потому все эти люди были коммунистами и комсомольцами. Ополченскими формированиями, созданными при крупных киевских предприятиях, часто командовали их руководители. Например, роту добровольцев кондитерской фабрики им. К. Маркса (после войны на ней начнут производить знаменитые «киевские торты» и конфеты «Вечерний Киев», а после распада СССР ее купит компания «Рошен») возглавлял директор Н.Н. Слободской, а отряд рабочих завода имени Ф.Э. Дзержинского (он ремонтировал трамваи) — его руководитель М.Г. Авасафян.

07.07.1941, заместитель начальника киевского вокзала Константин Артемьевич Арефьев, 26 лет

Из ворот депо Киевского паровозовагоноремонтного завода имени Январского восстания 1918 г. (КПВРЗ) медленно выползала, пыхтя паром и поскрипывая броней, стальная громада бронепоезда. Арефьев с удовольствием смотрел на него. И двух недель не прошло с 23 июня, когда прошел устроенный партийной организацией Юго-Западной железной дороги митинг, и вот уже готово первое «изделие». А еще через десять дней рабочие КПВРЗ и киевского депо обещали выдать второй такой же состав. Это было грозное оружие, нередко решавшее исходы сражений в годы Первой мировой и Гражданской войн. Сейчас с появлением танков, оно, конечно, немного устарело, но все равно оставалось актуальным. Душой строитель-

ства бронепоезда стали инженер Депо им. Андреева Г.Ф. Со рокин, машинист-инструктор К.А. Ерьсько и еще целый ряд товарищей.

Забронированный котельным, некаленным железом, паровоз тянул три таким же образом защищенные бронеплощадки, в которые переделывались цельностальные угольные вагоны. На площадках размещались 4 орудийных и 24 пулеметных расчета. Пушки железнодорожникам выдали в Арсенале, это были старые 76-мм зенитные орудия Лендера с полуавтоматическим заряданием — грозное оружие для борьбы как с наземными, так и с воздушными целями. Высокая начальная скорость снаряда позволяла рассчитывать на поражение любой бронированной техники. Их устанавливали при содействии военных специалистов Киевского артучилища. Они также помогли разместить пулеметы, оснастить оборудованием командирскую башенку, установить средства связи и наблюдения. Листы стали, которыми обшили паровоз и вагоны, были получены на верфях «Ленинской кузни» при содействии лично Н.С. Хрущева.

Все эти две недели заместитель начальника политотдела Юго-Западной железной дороги Анатолий Сафронович Тихоход, которому доверили командование бронепоездом, подбирал членов экипажа. Он сразу взял к себе Константина начальником штаба, ведь тот три года отслужил в железнодорожных войсках и на работу из армии пришел совсем недавно, в ноябре 1940 года. А прежде успел побывать в Монголии в период боев на Халхин-Голе. Непосредственно в сражениях Арефьев тогда не участвовал, его назначили командиром роты по укладке ж/д полотна. И рота за 33 дня проложила 32 км дороги.

Заместителем командира бронепоезда стал бывший начальник Киевского пассажирского отделения, а теперь командир 1-го ополченского батальона железнодорожников Л.В. Василевский. Комиссаром назначили бывшего секретаря партийного комитета Киевского узла, а теперь — комиссара того же батальона С.П. Голованева.

Еще во время строительства бронепоезда, которое началось 27 июня, была создана отдельная партизанская рота, бойцы которой усиленно обучались артиллерийскому делу, автоматическому оружию, ведению уличных боев. Людей в нее набирали из числа резервистов, имевших соответствующие военные специальности. Старались брать с боевым опытом, чтобы потом меньше обучать. Вскоре команда насчитывала уже 68 человек.

Выползший полностью на свежий воздух бронепоезд остановился, выпустив пар. Машинист созорничал, дал громкий свисток, а приглашенный духовой оркестр грянул марш. Начался торжественный митинг. Костя вполуха слушал выступавших и с любопытством рассматривал бочкообразное бронирование бронеплощадок.

Минувшим утром командный состав (командиры и политруки трех бронеплощадок, а также две штатные паровозные бригады) обкатал бронепоезд, и вот теперь после торжественного митинга начали грузиться рядовые ополченцы, один за другим исчезая в сумрачной бронированной утробе.

07.07.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года

Удержаться на линии старой границы не удалось. По линии НКВД поступила информация, что в 16:00 11-я танковая дивизия противника ворвалась в Бердичев, гарнизон ведет бой. Связи со штабом 7-го корпуса, который сражался в районе восточнее Шепетовки, не имелось. Всегда сдержанный командующий фронта горестно заметил, что этот прорыв дорого обойдется, и потребовал от командующего 6-й армией срочно восстановить положение, хотя все в штабе понимали, что у командарма слишком мало сил.

Вскоре генерал-лейтенант И.Н. Музыченко доложил, что бросил на Бердичев остатки 4-го и 15-го мк. Эти скудные силы

были уже полностью обескровлены, измотаны, с самого начала войны практически ни дня не проводили без боев и маршей. Теперь к ним добавили кавалерийский полк, отдельные артиллерийские и пехотные подразделения, объединили под началом командующего 10-й тд генерал-майора С.Я. Огурцова, чьи танкисты совсем недавно отличились, на сутки отбив у немцев Тарнополь. Отныне в сводках новое сводное подразделение фигурировало как «группа Огурцова».

О случившемся прорыве доложили в Москву. Приказ Жукова был категоричен: *«Срочно восстановить положение»*. Для этого направлявшийся в Белоруссию 16-й мк перенаправили на Юго-Западный фронт. Только когда он еще прибудет? Просьбу Кирпоноса передать им еще только что выведенные из боя 6-й стрелковый и 5-й кавалерийский корпуса Ставка отклонила. Взамен было предложено начать формирование из зенитных дивизионов противотанковых подразделений.

Уже глубоко за полночь командующий и Член Военного Совета фронта Н.С. Хрущев засобирались к Бердичеву, чтобы на месте посмотреть, как обстоят дела. М.А. Пуркаев не видел в этом особого смысла, пытался отговорить их, но те были непреклонны.

08.07.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Ирина совсем пала духом — вчера закрыли библиотеку, а сегодня всех ее работников официально уволили. Уехать из города было решительно невозможно, даже если имелась справка, что ты из семьи военных. В Ботаническом саду, где организовали железнодорожные билетные кассы, постоянно толпилась куча народу, но билетов не было. Соседский мальчик Алеша Хирседов вместе с сотнями таких же подростков отправился в строю пешком порядком прочь из города на восток. Куда? Зачем? Командиры, сопровождавшие ребят, ничего несчастным матерям не сказали.

Сестра Таня все так же жила вместе с дочкой Шурочкой у мужа на батарее в Осокорках. Она смогла передать через шофера записку, в которой сообщала, что Ирине нужно завтра к вечеру обязательно приехать на батарею — Степану обещали место в грузовой машине, которая будет отправлена в тыл с семьями батарейцев. Ирина не хотела уезжать, ведь после ареста мамы в 1937 у них с Таней на всем белом свете кроме Шурочки и Степана никого не было. Женщине было очень страшно, а еще казалось постыдным бросать родной город в час, когда ему угрожает опасность, но все же она потерянно слонялась по квартире и механически собирала вещи.

08.07.1941, военком КиУРа полковой комиссар И.Ф. Евдокимов, 39 лет

Илларион Федорович задумчиво стоял в кабине лифта, поднимавшего их на поверхность из командного пункта штаба фронта. Стоявший рядом полковник Федор Сергеевич Сысов к началу войны командовал Рава-Русским укрепрайоном № 6, Евдокимов был у него комиссаром. Батальоны УРа вместе с 41-й стрелковой дивизией и отошедшим на линию обороны 91-м погранотрядом сдерживали противника пять дней. Если бы все воевали так, как они под Равой-Русской, война бы уже катилась по территории Польши. А так... Пять дней удавалось успешно обороняться, а затем подошли к концу боеприпасы, люди быстро выбывали убитыми и ранеными, и в конце концов враг, у которого на этом участке был восьмикратный численный перевес, все-таки прорвался. Гарнизоны дрались героически. Даже оказавшись в окружении, они не сдавались, но одного героизма было мало, и немцы уничтожали ДОТы один за другим.

Историческая справка: На 7 июня 1941 года в составе УРа № 6 в боевой готовности находился 91 ДОТ, численность гарнизонов которых составляла 639 человек. ДОТы были вооружены 8 орудиями

калибра 76 мм, 52 — калибра 45 мм, 181 станковым пулеметом и более чем сотней ручных пулеметов. Защитники этих маленьких бетонных крепостей произвели на немцев неизгладимое впечатление. Полковник Отто Корфес, командир 518-го пехотного полка, вспоминал в журнале «ГДР» № 2 за 1963 год: «С выносливостью и потрясающим героизмом советских солдат я столкнулся впервые в июньские дни 1941 года. Мы продвигались вперед между Равой-Русской и Львовом и натолкнулись на цепь бетонированных, вооруженных орудиями маленьких укреплений, которые упорно сопротивлялись. Когда у советских солдат не оставалось никакой возможности дальше удерживать укрепленный пункт, они подрывали его и погибали в нем сами». Генерал-полковник Франц Гальдер, начальник генерального штаба сухопутных войск, писал в своем военном дневнике 24 июня 1941 года на 3-й день войны: «Имели место случаи, когда гарнизоны ДОТов взрывали себя вместе с ДОТами, не желая сдаваться в плен».

Первоначально, после сдачи Рава-Русского УРа, отступавшим приказали занять Шепетовский УР, затем — Остропольский. Но ситуация на фронте менялась так стремительно, что в конце концов пришлось распоряжение прибыть в столицу Украины.

Они с командиром вывели в Киев все, что осталось от батальонов укрепрайона. В основном это был командный состав, штаб, курсантская школа, разведчики, связисты, другие тыловые подразделения. Почти сразу их вызвали сюда, и вот только что Сысоева назначили командовать Киевским укрепрайоном, а Евдокимова оставили при нем «комиссарить». Комфронта Кирпонос похвалил военкома и комиссара за бои на границе и попросил в кратчайшие сроки подготовить КиУР к еще более теплой встрече «незваных гостей». Для упрощения Сысоеву задачи, основные должности в его новом штабе отдавались командирам, прибывшим вместе с ним. Предыдущий командующий полковник Г.Е. Чернов и его начштаба подполковник Г.В. Лихов назначались замами, соответственно, к Сысоеву и новому начштаба подполковнику К.В. Епифанову. Они хорошо знали ситуацию, сложившуюся при подготовке линии

ДОТов к обороне, и это должно было ускорить вхождение новых людей в курс дела.

Работы предстояла масса. Требовалось полностью укомплектовать управление УРа, а лично Евдокимову — партийные и комсомольские организации. Затем следовало плотно заняться подготовкой боевых подразделений, их комплектованием, снабжением оружием, боеприпасами, снаряжением, продуктами и массой других вещей. Отдыхать не придется.

08.07.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года

Беда не приходит одна. Вскоре с тревожными сведениями из 19-го мк генерал-майора Н.В. Фекленко вернулся один из командиров оперативного управления штаба капитан Айвазов. Выяснилось, что еще вчера немецкая 13-я танковая дивизия прорвала линию Новоград-Волынского УРа в районе местечка Гульск и устремилась к шоссе, ведущему на Житомир. Полевое заполнение вместо того, чтобы принять бой, в большинстве своем разбежалось, бросив гарнизоны ДОТов на произвол судьбы. 8 июля немецкие танки и бронетранспортеры перерезали трассу, ведущую к Житомиру, восточнее Новоград-Волынского. Плохо организованная контратака 19-го мк, который пытался «запечатать» прорыв, бросив вперед 30 свежеполученных танков Т-34, а также мотопехоту и артиллерию, не увенчалась успехом. Немецкая бронетехника, не приняв боя, отошла под защиту своей противотанковой артиллерии, а та за 15 минут «наколотила» 14 «тридцатьчетверок». Дорога на Житомир и дальше до самого КиУРа оказалась полностью открыта для врага.

Поскольку между 19-м тк и командованием 6-й армии теперь находились немцы, генерал-лейтенанту Музыченко стало крайне сложно поддерживать связь с генерал-майором Фек-

ленко, так что корпус переподчинили командующему 5-й армией генерал-майору М.И. Потапову.

Наконец удалось наладить связь со штабом 7-го ск генерал-майора Добросердова, чьи войска сменили группу Лукина. И снова не обошлось без сюрпризов, оказалось, что противник еще 6 июля прорвал фронт, занял Шепетовку и выбил части корпуса из Ново-Мирополя. Теперь в оборонительной линии южнее Новоград-Волынска зияла огромная брешь. Части 147-й и 206-й дивизий вроде бы сражались на линии Остропольского УРа, но штаб корпуса точными данными не располагал. Данные о 199-й дивизии отсутствовали полностью.

Вскоре из-под Бердичева прибыли Кирпонос и Хрущев. Они убедились воочию, что прибывающие разрозненные подразделения группы Огурцова, или, как их еще называли, «группы Казатин», не способны выбить немцев из Бердичева. Когда командующий фронтом узнал о втором прорыве так и не стабилизировавшейся линии обороны в районе Гульска, то совсем пал духом. Фекленко было приказано срочно ликвидировать прорыв, но все уже понимали, что это вряд ли удастся сделать.

В Москве, узнав о прорыве, тут же приказали организовать синхронизированные встречные удары силами 5-й и 6-й армий, чтобы обрубить немецкий танковый клин. Но сил для этого уже явно не хватало, они таяли с каждым днем. Ни на Житомирском, ни на Бело-Церковском направлениях останавливать противника было просто нечем, а кроме того, во втором случае создавалась угроза выхода немецких войск в тыл отходивших южнее 12-й и 26-й армий. Это направление Кирпонос распорядился прикрыть отступившими от границы погранотрядами, но у пограничников не было тяжелого и противотанкового оружия. Долго сдерживать танковые и моторизованные немецкие части они не смогут.

В кабинет к Баграмяну заглянул дежурный командир оперуправления, попросил разрешения войти. Вместе с ним на пороге появился запыленный потный майор войск НКВД с измученным лицом и воспаленными от хронического не-

досыпа глазами. Он осипшим от жажды голосом попросил воды, и только осушив залпом большую эмалированную кружку, сообщил, что привез сообщение от начальника Житомирского гарнизона — в непосредственной близости от города замечены немецкие танки. Иван Христофорович заинтересовался, не может ли это быть пустыми слухами. Но майор подтвердил, что лично видел до двух десятков вражеских машин, и передал документы одного из убитых вражеских танкистов. Они принадлежали ефрейтору 13-й танковой дивизии вермахта.

Баграмян отвел прибывшего к начальнику штаба фронта, где тот повторил свой рассказ. Генерал Пуркаев с горечью констатировал, что путь к Киеву для немцев открыт. То, что они сегодня возьмут Житомир, больше не вызывало никаких сомнений. Баграмян предложил двинуть к Житомиру из района Коростышева находившиеся там потрепанные подразделения 6-го стрелкового корпуса. Это оказались ближайšie к месту прорыва силы, которыми располагал фронт. Начальник штаба отправился с предложением к Кирпоносу, и уже через 15 минут капитаны Ф.Э. Липис и М.М. Саракуца были отправлены командующим с приказом 6-му ск и 3-й кавалерийской дивизии (кд) срочно прибыть в Житомир и закрепиться там.

Также командующий приказал М.А. Пуркаеву срочно выехать из Святошино в штаб КиУРа, чтобы на месте узнать, как обстоят дела с подготовкой города к обороне. Как только Максим Алексеевич покинул штаб, его потребовали к прямому проводу из Москвы. Баграмяну пришлось отдуваться за своего начальника. Он сообщил о критической ситуации, сложившейся в районе Житомира. Спустя некоторое — очень недолгое — время Кирпонос получил приказ за подписью Г.К. Жукова с лаконичной формулировкой: *«Ставка приказала уничтожить противника бомбометанием с воздуха».*

Москва передала фронту 2-й воздушно-десантный корпус (вдк), который из Черниговской и Харьковской областей уже начал перебрасываться к Киеву по железной дороге. Это сообщение крайне обрадовало Кирпоноса — хоть что-то хорошее

в длинной череде сообщений о катастрофах и неудачах. Вскоре вернулся Пуркаев, и спешно разработанный план обороны города рассмотрели на Военном совете фронта.

09.07.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

К вечеру Ирина все же добралась в Осокорки. Село поразило ее своим спокойствием — умиротворяюще пели лягушки, в знойном воздухе безмятежно летала мошка. Хозяйка относилась к своим квартирантам доброжелательно, потому что Степан регулярно приносил с батареи продукты. Служба его и других зенитчиков особо не обременяла, они сидели на батарее в одних галифе, отгоняя ветками мошку, и крутили патефон. Шурочка тянулась к тете, демонстрируя новые выученные слова «ко-ко-ко» и «му-му-му», но девушке было не до этого.

Дорога вымотала Ирину, и не столько физически, сколько психологически. Сначала она заехала на Печерск в Татьянину квартиру, там надо было забрать кое-что из документов. Здесь ее неприятно удивили мордатые молодые люди, беззаботно игравшие во дворе в карты на огромные для простого советского человека деньги. В последнее время таких много повылезало из всех щелей, этих откормленных наглых спекулянтов и мошенников. Теперь, никого особо не стесняясь, они жировали на чужом горе.

Мосты через Днепр и дороги оказались забиты. На восток сплошным потоком ехали беженцы, колхозники гнали скот, вереницами шли подводы, ехали грузовики, люди волокли узлы и катили нагруженные нехитрым скарбом тачки. В обратном направлении двигались машины с солдатами, боеприпасами, амуницией, вооружением. Часто это все сбивалось в гудящие, орущие, сквернословащие, мычащие и ржущие пробки. Иногда на обочине встречались раздувшиеся на жаре, страшно воняющие, облепленные жирными зелеными мухами туши павшего скота.

09.07.1941, командир 28-го отдельного пулеметного батальона (опб) капитан Иван Евсеевич Кипаренко

Иван Евсеевич ехал на трамвае по Брест-Литовскому проспекту от штаба Киевского укрепрайона к пересыльному пункту, где после длительного пешего марша отсыпались 110 человек — все, что осталось от 1200 бойцов 140-го опб, оборонявшего Каменко-Струмиловский УР. Большую часть людей составляли курсанты учебной роты, из гарнизонов почти никто не спасся. ДОТы погибли один за другим, выжженные огнеметами, подорванные гранатами штурмовых групп, отравленные выхлопными газами бронетехники, которую немцы подгоняли под самые амбразуры. Были и ДОТы, которые сдались, но комбат о них не знал, для него гибель гарнизона — это просто обрыв, прекращение связи, а что послужило тому причиной: смерть людей, их сдача в плен или банальный осколок, перебивший провод, сообщить было некому.

Самому капитану уже пришлось не только повоевать, но и оказаться на волосок от смерти. Когда остатки батальона пробирались по немецким тылам, Кипаренко и политрук учебной роты Михаил Ефимович Лыков расстреляли из автоматов двух ехавших в машине гитлеровцев (офицера и солдата) и двух мотоциклистов сопровождения. Офицер оказался хитрым, он измазал лицо кровью своего водителя, залег у машины с «маузером» в руке и притворился мертвым. Когда солдаты вместе с командиром подбежали к легковушке, чтобы завести ее и подогнать к раненым, спрятанным неподалеку, немец попытался застрелить Ивана. Хорошо, курсант Чиквадзе вовремя заметил «восставшего из мертвых» противника и успел заколоть его штыком до того, как тот нажал на спуск.

В штабе Кипаренко приказали взять под свое начало недавно сформированный 28-й опб. Люди, которых он вывел к Киеву, образовывали костяк батальона, это должно было ускорить приведение его в боевую готовность. Капитана предупредили, что времени на подготовку очень мало.

09.07.1941, секретарь ЦК ВКП(б) Украины Никита Сергеевич Хрущев, 47 лет

Они совещались в помещении Броварского лесничества, одну из комнат которого отвели Никите Сергеевичу, и ждали, когда приедет командующий фронтом генерал Кирпонос. На Правобережной Украине сложилась крайне сложная ситуация с уничтожением посевов, производств, техники и материалов, которые нельзя было эвакуировать вглубь территории. Начиная с 3 июля, Никита Сергеевич выписал уполномоченным ЦК партиям множество мандатов. Эти люди отправлялись из Киева в регионы, которым угрожала оккупация, для контроля проведения эвакуации и уничтожения материальных ценностей. Вдогонку 7-8 июля всем секретарям райкомов и председателям райисполкомов были отправлены телеграммы, подписанные самим Хрущевым и председателем Совета народных комиссаров УССР Л.Р. Корнийцом. В них предписывалось помимо уничтожения имущества *«...из прифронтовой полосы вывести весь скот, рабочих лошадей»*.

Уже в первые же дни действия по уничтожению и эвакуации имущества начали наталкиваться на непонимание и даже сопротивление местных властей. Часто в конфликты между председателями колхозов, сельсоветов с одной стороны и селянами — с другой, вмешивались военные и командиры НКВД. Отдельных партийных активистов они задерживали до выяснения, а иногда и арестовывали, обвиняя в шпионаже и вредительстве. Встречались случаи избиения, угроз, применения оружия и даже убийства. Одному из председателей сельсовета перебили руки, а другого командир одной из отступавших частей насильно увез с собой и отпустил через несколько сотен километров. Добавляла в эту ситуацию неразберихи и вражеская пропаганда. Немцы разбрасывали над нашей территорией листовки, в которых сообщалось, что те, кто требует уничтожать посевы, технику и скот, — немецкие агенты, которых не надо слушать, а нужно ловить и сдавать

органам правопорядка. Хаос получился такой, что впору за голову взяться.

Наконец Михаил Петрович присоединился к совещанию. Долго не разглагольствовали, было решено дать разъяснение через Наркомат обороны, чтобы военные не мешали выполнять проводимые партийно-советскими органами мероприятия. Но все понимали, что разъяснения разъяснениями, а на местах в условиях бардака, вызванного отступлением армии, таким образом перебороть самовольство командиров вряд ли удастся.

10.07.1941, начальник штаба и разведки ополченского бронепоезда «литер А» Константин Артемьевич Арефьев, 26 лет

Первое боевое задание они получили в ночь на 8 июля — выдвинуться на участок Коростень — Новоград-Волынский в помощь армейскому бронепоезду 66-го железнодорожного полка войск НКВД майора М.В. Панькова, который вел бои в районе разъезда Ушица.

К месту назначения добрались без задержек и проблем, быстро отыскали военный бронепоезд. Паньков очень обрадовался прибытию нежданного подкрепления и предложил разделить участок железной дороги следующим образом: участок Коростень — Яблонец контролировал его бронепоезд, а от Яблонца до Новоград-Волынского — «литер А». Предложение было принято. Определили радиочастоту, на которой бронепоезда будут связываться между собой для координации действий, и способ резервной связи по диспетчерским проводам.

Прибыв на станцию Яблонец, Константин без промедления, используя связных, рацию и телефон начальника станции, установил связь с оборонявшимися в этом районе нашими частями. С ними оговорили способы передачи сообщений

и заявок на ведение огня. Была высажена и выдвинута на передовые позиции разведгруппа, державшая с бронепоездом постоянную связь. Возглавил ее Костя.

Утром 9 июля начался первый бой. Сначала прошла вражеская артподготовка, затем группа «мессершмиттов» обстреляла наши позиции с воздуха, ну а затем пришло время настоящей атаки. Когда противник приблизился к передовым позициям всего на 100 метров, бронепоезд вышел из укрытия и, двигаясь вдоль наступавшей цепи немецкой пехоты, открыл огонь из всех пулеметов и орудий. Немцы оказались прижатыми к земле. Воспользовавшись моментом, красноармейцы и ополченцы поднялись в штыки и погнали врага.

В этот день удалось отразить восемь таких атак. На поле боя осталось лежать до 750 вражеских трупов. Каждый раз, когда на бронепоезд обрушивался массированный артиллерийский и минометный огонь, «литер А» отходил, скрываясь за стационарными постройками, где нащупать его немецким корректировщикам было крайне сложно.

Вскоре одно из подразделений сообщило, что немцы все же сумели прорваться и перерезали дорогу в восьми километрах от Яблонца. Костя доложил о случившемся командиру, и тот приказал немедленно выдвигаться к месту прорыва. Тут же связались и сообщили о прорыве Панькову. Майор ответил, что немедленно выезжает, но ополченцы решили его не ждать.

Немцы опешили, когда в их расположение влетел на всех парах плюющийся на все стороны пулеметным огнем и картечью бронированный состав. Они попытались организовать несколько контратак, но те быстро захлебывались, подавляемые массированным огнем. Тогда на бронепоезд пошли танки. Расчеты бронепоезда оказались готовы и зарядили орудия бронебойными снарядами. Несколькими первыми выстрелами была подбита головная машина. Следом вспыхнула вторая. Уцелевшие танки поспешили выйти из зоны огня.

В этот момент со стороны Яблонца показался бронепоезд 66-го полка, теперь на противника обрушилась удвоенная огне-

вая мощь. Получив такую поддержку, наши пехотинцы оправились от недавнего поражения, контратаковали и восстановили линию фронта. Казалось, вернулись времена Гражданской, когда бронепоезд оказывался сверхоружием, легко решавшим исход любых боев.

Утром немцы подтянули подкрепления, и после мощной бомбардировки вновь на наши позиции поползли немецкие танки. На сей раз вражескую атаку отражали оба бронепоезда, их поддерживал артиллерийский дивизион, переброшенный на опасный участок ночью. Потеряв один «юнкерс» и 5 танков из 18, немецкие части снова откатились назад. Теперь, опасаясь артналета, под мерный перестук колес бронепоезд в очередной раз менял свою позицию.

10.07.1941, рядовой 2-го отдельного пулеметного батальона Федор Федорович Худяков, 36 лет

Федор лежал на спине возле большой толстой разлапистой сосны, задрав босые ноги вверх и уперев голые пятки в шершавую кору дерева. Он с наслаждением шевелил скрюченными от долгого хождения в тесной обуви пальцами, которые приятно оведал легкий ветерок. Рядом стояли орудия его сегодняшней пытки, армейские ботинки 42 размера, которые выдали позавчера. Федор носил 43-й и сказал об этом старшине, но других ботинок не имелось, а обменяться ни с кем не вышло. Ничего не поделаешь, пришлось надевать эти, предварительно «забинтовав» ноги длинными обмотками. Бывалые солдаты шутили про них: «У меня есть сапоги — восемь раз вокруг ноги».

За последние пять дней жизнь Федора кардинально изменилась. Вечером 4 июля он получил повестку, которая предписывала явиться в 5 часов утра в военкомат. Худяков долго попрощался с Аней и сыном Юрасиком, потом достал карман-

ные часы, которые в то время стоили дорого, и отдал их жене, сказав, что они ему теперь вряд ли пригодятся, а семье будет память и запас на черный день. Аня заплакала и в последний раз перед расставанием бросилась мужу на шею.

В военкомате их долго не продержали. Уже в 5:30 Федора и еще полсотни таких же, как он, резервистов построили в шеренгу по четыре, какой-то лейтенант сделал переключку, и повел их строем по бульвару Шевченко к Евбазу и дальше, в сторону «Большевика» и завода № 43. Разместили в военных казармах, которые примыкали к территории последнего. Часть зданий была разрушена бомбежками, но большинство оставались целыми. Лейтенант завел резервистов в одну из казарм и строго запретил покидать ее без особого на то разрешения.

Тут в полном неведении о том, что творится снаружи, будущие солдаты провели следующие три дня: ни газет, ни радио, ни другой связи с внешним миром у них не имелось. Кормили весьма скудно: на завтрак — суп из горохового концентрата, на обед — суп из пшеничного концентрата, на ужин — опять гороховый суп. Кроме этого, утром выдавали на целый день 600-700 граммов хлеба. Федор скучал по чаю, но им наливали только простой кипяток. Большое неудобство доставляло то, что у него не было своей ложки, а казенных в столовой, куда их водили каждый раз на прием пищи, не выдавали.

Наконец 8-го утром всех повели в баню. Одежду, которая на них была, безжалостно прожарили в специальных дезинфицирующих жаровых камерах. Настолько безжалостно, что, когда Федору вместе с рубашкой и штанами вернули кожаный ремень и ботинки, те начали рассыпаться.

Вместо «гражданки» помытым в бане резервистам наконец выдали шинели, гимнастерки, синие галифе, по два ремня — поуже, для штанов, и пошире, для гимнастерки — пилотки, исподнее, полотенца, ботинки военного образца и обмотки. Федору не повезло — шинель и галифе ему попались 1-го размера, хотя он носил 4-й, ну и ботинки оказались на размер меньше.

Но если первые два предмета своего нового гардероба ему удалось обменять на нужный размер, то с ботинками этого сделать не удалось. Федор сразу выкинул из них запасные кожаные стельки, а обмотки намотал потоньше, всего в один слой. Все равно при ходьбе пальцы ног приходилось поджимать. На коротких переходах это помогало, но длительные марши становились сущей пыткой.

9-го числа новобранцам выдали каски, противогазы, винтовки, патронташи с патронами и смертные пеналы или, как прозвали их солдаты, «смертные пакеты». Это были маленькие эбонитовые футлярчики с завинчивающейся крышечкой и бумажкой-анкетой, которую каждый должен был заполнить, спрятать в футляре и носить его при себе. В случае гибели по нему потом можно было бы установить личность погибшего. Однако среди солдат считалось плохой приметой следовать этим правилам, и многие из них носили в футлярчиках пустые незаполненные анкеты.

Федор очень беспокоился за Анечку и сына, а потому в шесть утра попросил водившего их в столовую помкомроты, по званию — старшину, отпустить его на два часа домой. Тот отнесся к просьбе с пониманием, только строго потребовал, чтобы боец как штык был в расположении в 10:00 и ни минутой позже. Худяков с готовностью согласился.

Дома никого не оказалось. Соседка, бывшая дворянка, мужа которой арестовали на второй день войны, рассказала, что уже три дня не видела ни Аню, ни Юру. Федору нужна была ложка. Эмалированную кружку он все же нашел, а вот ложек не осталось. Мужчина попросил соседку его выручить. Ольга Оскаровна, совершенно подавленная после ареста мужа, вернулась в свою комнату и вынесла дорогую серебряную ложку. Две недели назад при обыске следователи обнаружили у ее мужа большой запас царских золотых и серебряных монет. Федор удивился, почему не конфисковали столовое серебро.

Он поблагодарил соседку и поспешил к Ане на работу в Наркомздрав, где узнал, что его семью отправили катером в

Днепропетровск. Федор повеселел, у Ани там жила мама, сестра с семьей, и фронт находился далеко от этого города. Со спокойным сердцем он поспешил обратно в казарму.

Как Федор ни торопился, он все-таки на 15 минут опоздал. Какие-то командиры сказали ему, что его рота 20 минут назад пешим порядком выдвинулась в сторону Гостомеля. Нагнал он ее уже где-то за Святошино. Старшина высказал опоздавшему пару фраз, красочно описывающих с точки зрения старшины его, Федора, психологический портрет, но потом сменил гнев на милость и приказал пристраиваться к первому взводу. В этот момент над колонной появились три вражеских самолета. Они сделали круг, недвусмысленно давая понять, что собираются атаковать. Раздались команды: «Воздух! Все в поле! Ложись!» Солдаты рассыпались, кто куда, и попадали в еще некошенную пшеницу. Самолеты пронеслись над ними, строча из пулеметов, и унеслись прочь. Бомбами не сыпали — то ли их не было, то ли берегли для более солидных целей. К счастью, никто не пострадал. Бойцов собрали, построили, и рота зашагала дальше. Через три часа командиры объявили привал, и вот Федор, разувшись и по совету одного бывалого солдата задрав ноги кверху, отдыхал на травке. Но вскоре прозвучала команда строиться, и бедняга стал обреченно наматывать на многострадальные ноги постылые обмотки.

10.07.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год

Эскадрилья вылетела на штурмовку, для большинства пилотов — первую в жизни. Они были истребителями и не привыкли атаковать наземные цели. Но враг на Житомирском направлении прорвался к Киеву, наших войск на его пути практически не оставалось, и командование бросило в бой

все, что было под рукой. Дмитрий сам летал на разведку в паре со старшим лейтенантом М.С. Бубновым. Прикрываясь густой облачностью, они прошли по заданному маршруту — Киев — Житомир — Новоград-Волынский, и видели, как по этой трассе местами в три ряда двигались сотни, тысячи машин. Грузовики и легковые по асфальтовому полотну, а танки, гусеничные тягачи и бронетранспортеры — по обочине. В районе аэродрома подскока в селе Кочеров дорогу перегородили лесные завалы, тут наши немногочисленные войска вели неравный бой с врагом. Было около 17:00. Дмитрий, как старший группы, доложил командованию о результатах разведки, а уже утром в район Кочерова отправили всю эскадрилью.

Ночью под крыльями «чаек» оружейники подвесили по две фугасные 50-килограммовые бомбы ФАБ-50, по две осколочные 25-килограммовые бомбы АО-25, и рано утром все 12 истребителей эскадрильи, которые теперь переквалифицировались в штурмовики, взмыли в небо. Эскадрилью повел комэск капитан В.И. Шишкин. Бомбы предстояло сбрасывать с пикирования и без бомбардировочного прицела, который на И-153 не устанавливался. На полете к хорошо знакомому им Кочерову советские летчики увидели множество танков и грузовиков, которые, словно жуки, успели расползтись по селу и его окрестностям. Экипажи тут же или маскировали технику, или занимались другими своими делами.

«Чайки» перестроились в правый пеленг и начали пикировать вниз с высоты в тысячу метров, сбрасывая смертоносный груз. Фигурки танкистов засуетились, забежали в разные стороны. С земли в небо потянулись прерывистые нити расцветочных трассерами пулеметных очередей. Дмитрий не был уверен, что хотя бы одна из бомб угодила во вражеский танк. Да это и не удивительно — при таком уровне подготовки пилотов изначально было крайне маловероятно, что получится сколь-нибудь удачно отбомбиться. Но и их эскадрилья, несмотря на вражеский огонь, вроде бы потерь не понесла. Хотя, нет. Вот от одного из истребителей отделилась фигурка пилота и по-

неслась вниз. Вскоре над ней раскрылся парашют, а дымящая «чайка», лишенная управления, взорвалась от удара о землю. Это была машина лейтенанта Сергея Евладенко. Он пришел в часть на следующий день, доложив, что был подбит зениткой, хотя у командования эскадрилей это заявление вызвало определенные сомнения.

10.07.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года

В 11 часов из 5-й армии поступило донесение. Генерал-майор М.И. Потапов сообщил, что группа войск под командованием полковника М.И. Бланка, собранная из остатков различных частей, отступавших от границы, и оборонявшаяся в Новоград-Волынском УРе, сумела контратаковать и потеснить 298-ю пехотную дивизию противника. Группе удалось перерезать шоссе Новоград-Волынский — Житомир, по которому шло снабжение продвигавшихся к Киеву вражеских дивизий. Результаты — разгромлен один из полков 298-й пехотной дивизии, по меркам начала войны — очень весомое достижение. Однако на том добрые вести еще не закончились. Из захваченного в полковом штабе приказа стало известно, что командование группы армий «Юг» решило развернуть против сил генерал-майора М.И. Потапова основные силы 6-й армии генерал-фельдмаршала Вальтера фон Рейхенау. Это означало, что немцы не будут брать Киев с ходу, что в ближайшие дни к городу смогут прорваться разве что танковые и малочисленные моторизованные части, а ими штурмовать полевые укрепления крайне сложно. Тем самым также задерживался поворот этих самых моторизованных дивизий на юг, в тыл 6-й и отступавших южнее 12-й и 26-й армий.

Историческая справка: Полковник Михаил Ильич Бланк — герой первых месяцев войны. Участник Первой мировой, Гражданской,

Японо-Китайской и Зимней войн. На 22 июня 1941 года возглавлял штаб развернутой у границы 87-й сд. 25 июня после гибели ее командира генерал-майора Ф.Ф. Алябушева принял командование дивизией, смог вывести ее из окружения. Во время упорных боев в районе Новограда-Волынского возглавлял группу войск (группу полковника Бланка), которая смогла нанести немцам серьезный урон. Погиб с винтовкой в руках 2 сентября 1941 года в организованной им лично контратаке.

В штабе фронта надеялись, что это наступление продолжится и наконец-то удастся организовать успешные контрудары, чтобы отрезать «голову» танкового клина от его пехотного «основания». Для этого требовался не менее мощный удар силами 6-й армии с юга, из района Бердичева, навстречу «группе Бланка». Но генерал-лейтенант И.Н. Музыченко развеял все надежды. В его докладе сообщалось, что 4-му мехкорпусу в силу угрозы окружения пришлось оставить занятый накануне Чуднов и снять блокировку с участка шоссе между Новым Мирополем и Бердичевым, по которому снабжалась 11-я танковая дивизия и другие части, рвущиеся к Днепру южнее Киева. Контрудар 49-го стрелкового корпуса в попытках исправить положение удачи не принес. Мало того, под вражескими атаками стрелки сами отступили, оголив фланг 4-го мк.

Кирпонос вспылал, дескать Музыченко вечно ноет, и вместо того чтобы искать пути решения поставленных перед ним задач, каждый раз только жалуется на трудности. Пуркаев заметил, что кроме того он просит перенести линию разграничения между его армией и 5-й армией Потапова южнее, ссылаясь на сложность управления отдаленными от его штаба частями. Начальник штаба фронта сразу предупредил, что этого делать ни в коем случае нельзя, поскольку таким образом хитрый командарм хочет снять с себя обязанность по деблокированию 7-го стрелкового корпуса генерала Добросердова, большая часть сил которого оказалась в окружении в районе Нового Мирополя.

По-прежнему оставалась напряженной обстановка в районе Бердичева. Немецкую 11-ю танковую дивизию сдерживала

только малочисленная группа Огурцова, которую этот деятельный генерал-майор усилил сильно поредевшими частями 14-й кавалерийской дивизии. Командование фронта, как могло, ускоряло стягивание сил к Бердичеву. Подходившие туда силы 16-го мк с ходу направляли в бой.

Днем поступил тревожный доклад от начальника управления разведки штаба — от Житомира к Киеву двинулось порядка 300 немецких танков. Дорогу им преграждал только один батальон 132-го танкового полка 213-й мотострелковой дивизии. Других сил здесь не было. Оставалось уповать на то, что бомбардировочной и штурмовой авиации удастся задержать продвижение немцев.

Тем временем спешно укреплялся КиУР, а не успевшие в Новый Мирополь подразделения 147-й дивизии задержали в Киеве. Находившийся в окружении ее командир полковник К.И. Миронов не мог управлять этими силами, поэтому командовать ими назначили полковника Савву Калистратовича Потехина. Все выходившие из окружения к Киеву части 147-й дивизии передавались в распоряжение Потехина. Сложилась любопытная ситуация, когда у одной дивизии оказалось два командира одновременно. 206-й сд полковника С.И. Горшкова, которая также входила в 7-й ск Добросердова, удалось пробиться из окружения. Ей приказали выходить к Фастову и занимать там круговую оборону. О 199-й дивизии данных по-прежнему не имелось.

В связи с приближением немцев командующий решил перевести штаб фронта из Святошино на левый берег Днепра в Бровары. Как обычно, оперативному управлению предстояло выехать последним, когда на новом месте уже будет налажена связь.

Глава 4. Враг у ворот

11.07.1941, рядовой 2-го отдельного пулеметного батальона Федор Федорович Худяков, 36 лет

Федор не спал, ворочаясь с боку на бок в тяжелых раздумьях о семье, войне и всем случившемся за последние несколько дней. Лютовали комары, налетевшие с реки, а в желудке булькал опостылевший гороховый концентрат, которым их накормили вечером. Видимо, горох не пошел впрок, потому что где-то в полночь Худякову потребовалось в отхожее место. Он выбрался из скопления тел, спавших на шинелях, надел все снаряжение, взял винтовку и отправился искать в темноте возделенный укромный уголок.

Их привели в летний военный лагерь, чем-то похожий на обнесенный забором небольшой дачный поселок. Лагерь располагался на восточном берегу реки Ирпень возле села Монастырище. За рекой напротив находился Гостомель, небольшой пригород Киева. Бойцы не дошли до моста через реку всего метров 500. Здесь проходила линия обороны, опиравшаяся на ДОТы, плотно контролируемые огнем широкую пойму реки. Стрелково-пулеметный батальон, в который входила рота Худякова, должен был обороняться в траншеях и окопах, вырытых за линией, не давая штурмовым отрядам противника и пехоте обойти эти бетонные крепости. Первым взводом, куда попал Федор, командовал совсем юный лейтенант Середнин лет, наверное, девятнадцати-двадцати, совсем недавно окон-

чивший военное училище. Ротой командовал некто Г.Т. Кошмак, тоже лейтенант, который вряд ли был старше взводного. Худяков заметил на построении, что их рота по численности значительно больше стандартной стрелковой, в которой он служил срочную.

Размышляя об этом, Федор пробирался в темноте, пока не натолкнулся на какого-то командира. Тот, не интересуясь потребностями бойца и причиной его ночных блужданий, приказал подойти. Оказалось, что ночью удалось задержать шпиона. Командир приказал Худякову заступить на пост, и пообещал сменить его через два часа.

Похоже, о Федоре забыли, и он сторожил шпиона, спокойно дрыхнувшего на земле, до самого утра. Уже вся рота позавтракала и отправилась куда-то, а к нему все никто не подходил. Оставить же задержанного без надзора Худяков боялся. Наконец он увидел проходящего невдалеке незнакомого старшего лейтенанта и окликнул того. Федор объяснил свою ситуацию, и командир приказал вести лазутчика за собой. При свете дня Худяков смог рассмотреть его лицо. Оно было обычным, крестьянским; встретив такого человека днем на дороге, вряд ли можно было что-либо заподозрить. Но этого субчика задержали ночью в расположении воинской части, что само по себе наводило на определенные мысли. Опять же, ночью над расположением летал какой-то вражеский двухмоторный самолет, который дважды поймали в перекрестье лучей прожекторов, после чего тот наконец убрался восвояси, на немецкую территорию.

Историческая справка: Выдержка одной из сводок штаба ВВС ЮЗФ: «В районе Киева радиостанция противника передает открытым текстом на немецком языке, осуществляя наведение своей бомбардировочной авиации... Так, наши радисты приняли сообщение: "Бомбите составы в 20 км от моста. Здесь зенитная артиллерия вас не достанет"».

В конце концов незнакомый старший лейтенант и Федор довели задержанного до комендатуры лагеря и сдали в руки местной охраны. Старлей объяснил Худякову, что ему надо

выйти из лагеря направо, пройти через Горенку, потом, следуя вдоль Ирпеня, войти в село Мощун и там спросить, куда отправилась его рота.

Спрашивать никого не пришлось, Федор нагнал своихazole Мощуна. Он доложил лейтенанту Середнину о причинах отставания. Тот, как оказалось, даже не заметил отсутствия своего подчиненного и очень обрадовался, что тот не дезертировал и не потерялся. За Мощуном роте дали двухчасовой отдых, покормили гречневым концентратом с кусками мяса. Воды у Худякова была полная фляга. Он попил, стянул с себя ботинки, и, как вчера, с удовольствием задрал босые ноги на ствол ближайшего дерева.

К вечеру они приблизились к опушке леса, за которой виднелась широкая полноводная река, которую Худяков сначала даже принял за Днепр. Но это был все тот же Ирпень, сильно расширившийся к устью. Роту построили, лейтенант Кошмак приказал располагаться на ночлег и отдыхать. Работы по подготовке боевых позиций должны были начаться утром.

11.07.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год

Полк перелетал на левый берег. Три эскадрильи перевели на аэродром Савинцы, в 10 километрах южнее города Остер. Их 3-ю эскадрилью, единственную во всем полку вооруженную старыми «чайками», отправили на летную площадку Броварского авиационного полигона, хорошо знакомую Дмитрию еще со времени полетов на штурмовиках. Он летел над Киевом, над широкой гладью Днепра, и с горечью думал о стремительности, с которой немцы продвигаются вперед.

Всю предыдущую ночь они с опаской поглядывали с аэродрома в Василькове на северо-запад. Оттуда вдоль левого берега Ирпеня приближались немецкие войска. Днем виднелись

дымы, а ночью ночное украинское небо освещали отблески пожарищ.

Утром звуки канонады стали слышны совсем близко от аэродрома. На разведку тут же отправили «чайки» младших лейтенантов Власа Куприянчика и Виктора Губичева. Они не успели толком набрать высоту, как увидели, что бой идет буквально в десяти километрах от Василькова. Это отчаянно сражались брошенные на закрытие бреши курсанты училища войск НКВД. В любой момент немцы могли ворваться на летное поле.

Капитан В.И. Шишкин тут же позвонил комполка полковнику Я.В. Шипитову и доложил о сложившейся ситуации. Тот уже через несколько минут сам набрал комэска и приказал ему срочно эвакуировать эскадрилью на аэродром в Ольшанке. Забегали, засуетились командиры батальона аэродромного обслуживания. Требовалось спасти, вывезти поскорее как можно больше полкового имущества, хранившегося тут, в Василькове, на складах. А звуки боя все приближались и приближались к аэродрому. При взлете, несмотря на шум моторов, пилоты хорошо слышали, как на железнодорожной станции Васильков-1 курсанты дрались с немецкими мотоциклистами, которые врываются туда несколько раз. Из полутысячи этих ребят почти никто не уцелел.

На аэродроме в Василькове пришлось уничтожить склад с обмундированием, сжечь цистерны с бензином — огненные факелы взмыли вверх почти на 70 метров. Их было видно даже с аэродрома в Ольшанке, которая находилась в 18 километрах. Сожгли и военный городок. Дмитрий еще подумал, как вовремя им удалось отправить свои семьи. Склад с боеприпасами взлетел на воздух. Взрывная волна на какое-то мгновение сбила бушующее пламя, после чего оно запылало с новой силой.

Не успели летчики приземлиться, как перед ними поставили новое задание — разрушить мост, через который немцы перебрасывали к Василькову подкрепления. Опять «чайки» взяли бомбовую нагрузку и поднялись в воздух.

Долетели быстро, благо, цель была совсем рядом, только вот оказалась она не мостом, а мостиком длиной метров пять и шириной метра два-три. Зато немцы густо прикрыли его зенитками. Плотный огонь мешал вести прицельное бомбометание. Да и как его вести без прицелов? Они несколько раз взлетали и бомбили эту злосчастную переправу, эти три кубометра дров, но 50-килограммовые ФАБ-50 разрывались справа, слева, спереди, сзади, но никак не хотели попасть в это злосчастное дощатое недоразумение.

Кончилось тем, что немцам все-таки удалось сбить одного из них, командир звена лейтенант Костя Берая на бредущем пытался подавить вражеские зенитки, но напоролся на очередь, выпущенную из автоматического орудия. Его «чайка» врезалась в землю и исчезла в огненном шаре взрыва.

Ближе к вечеру из штаба дивизии поступила команда перевести полк с аэродрома в Ольшанке на левый берег, и теперь строй «чаек» приближался к Броварам. Дмитрий отвлекся от тяжелых размышлений и стал заводить самолет на посадку.

11.07.1941, Володя Покотило, 16 лет

Июль в этом году выдался на редкость жарким. Володя, мокрый от пота, ворочал лопату, кидая тяжелую глинистую землю вверх по уступчато-крутому скату. Их бригаде мобилизованных доверили копать идущий вдоль Ирпеня длиннющий противотанковый ров, и они работали, не покладая рук.

За последние три недели Володина молодая, еще не успевшая толком начаться жизнь поменялась столь круто и неожиданно, как он и представить себе не мог. Еще недавно Покотило жил в Киеве, учился в 50-й школе, где успел окончить 9 классов. Отец служил в Управлении начальника строительства № 81, которое возводило на новой границе Каменко-Струмиловский укрепрайон. Летом семье — маме, пятилетней сестричке и Володе — командование Управления разрешило проведать отца.

Штаб управления находился в небольшом львовском селе Мазарня-Каранская. Здесь все и разместились.

Утро 22 июня началось с массированных бомбежек, тогда Володя и увидел первых убитых на этой войне людей — жен и детей командирского состава укрепрайона. Им тогда повезло вовремя уехать, отец их пристроил на уходившую в тыл машину, а многие семьи так и остались на захваченной территории, попали в окружение, а затем — в плен. Только после войны юноше доведется узнать, что большую их часть немцы расстреляли.

Когда Покотило добрались домой, то не узнали родной город. Его бомбили практически каждый день, поэтому все окна в домах были крест-накрест заклеены полосками бумаги, витрины заложены мешками с песком. Ночью в Киеве становилось темно, хоть глаз выколи — не горел ни единый фонарь.

Их семья оказалась без средств к существованию — военная часть отца в первый же день попала в окружение, и от него не было никаких вестей. Пришлось Володе, как старшему, идти устраиваться на работу. Но к тому времени уже вышло постановление эвакуировать из Киева промышленность, поэтому найти хоть какой-то заработок оказалось нелегко, тем более вчерашнему школьнику без всякой специальности. Наконец, после нескольких дней мытарств, Володя устроился учеником токаря на музыкальный комбинат. Уже с 26 июня предприятие перешло на выпуск противотанковых и противопехотных мин. Было тяжело — однако рабочие работали не за страх, а за совесть, и давали каждый день двойную норму выработки.

Но долго поработать здесь не получилось. В первых числах июля последние станки вывезли, часть работников мобилизовали в армию, а не подлежащих призыву или эвакуировали вместе с оборудованием в тыл, или отправили на строительство оборонительной линии.

От воспоминаний Владимира отвлек раздавшийся неподалеку перестук пулеметных очередей, в который вмешивались хлесткие винтовочные выстрелы. Послышался один орудий-

ный выстрел, затем второй, взрыв снаряда. Те, кто работал на рытье противотанковых рвов, уже видели и результаты попадания бомб, и как вражеские самолеты расстреливают на бреющем полете беззащитных гражданских. Но теперь стреляли не в воздухе, а на земле, значит произошло то, чего все боялись, — немцы все-таки вышли к Киеву.

К обеду приехал командир со значками военного инженера в петлицах, который распоряжался фортификационными работами на этом участке обороны. Он о чем-то переговорил с их бригадиром и уехал дальше. Бригадир спустился вниз, взбудораженный и мокрый от обильно стекавшего по лицу пота. Всем гражданским, задействованным на строительстве линии обороны, было приказано прекратить работу и возвращаться в город.

11.07.1941, военком КиУРа полковой комиссар И.Ф. Евдокимов, 39 лет

Евдокимов подъехал на машине к опорному пункту КиУРа, прикрывающему мост в районе Брест-Литовского шоссе, и начал осторожно пробираться через густо растущий вдоль дороги лес к командному пункту. Судя по карте, он должен был находиться где-то рядом. С западной стороны доносился дробный треск немецких пулеметов и основательное прерывистое тарактение огрызающихся «максимов». Вскоре путь комиссару преградил неведь откуда взявшийся пехотинец в форме НКВД, который, угрожающе наставив винтовку с примкнутым штыком, спросил пароль. Евдокимов сказал отзыв и, хоть и не подал виду, облегченно про себя вздохнул, когда этот серьезный, не по годам собранный юноша отвел оружие в сторону, показывая, куда ехать.

Командир роты отдельного пулеметного батальона, который держал здесь оборону, доложил, что сегодня рано утром на западном берегу Ирпеня показались четыре легких танка

немцев, судя по всему, боевой дозор. Они какое-то время стояли на пригорке, потом два из них двинулись к мосту, а два открыли огонь наугад по противоположному берегу, стараясь подавить огневые точки. Саперы подорвали мост, когда вражеские гусеницы еще даже не коснулись деревянного настила. Евдокимов про себя посетовал на нетерпеливых подрывников — будь они чуть порасторопней, подорвали бы мост чуть позже, и немцы потеряли бы сразу два танка, а так враги смогли развернуться и безнаказанно отойти. Винтовки солдат полевого заполнения и казематные «максимы», открывшие огонь вдогонку, никакого вреда бронетехнике нанести, конечно, не смогли.

11.07.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Ночью Ирина впервые попала под бомбежку, было очень страшно. Хата, в которой они жили с Татьяной и Шурой, казалось, вот-вот рассыплется. Прожектора шарили своими желтоватыми лучами по ночному небу, иногда в их свете вдруг проявлялись силуэты вражеских бомбардировщиков. Те пытались разбомбить мосты, но все время промахивались. Часть бомб упала на Осокорки, одна попала в соседнюю хату и убила ее хозяина. Шура плакала, а Татьяна в ужасе потеряла над собой контроль, кричала, что она сейчас пойдет к Степану на батарею и скажет, чтобы он перестал стрелять.

А батарея, вместе с десятками других орудий и пулеметов, продолжала вести огонь. В эту ночь только она одна выпустила более 200 снарядов. Один бомбардировщик загорелся и рухнул в Днепр.

Утром стало окончательно ясно, что никаких машин для эвакуации семей комсостава зенитчикам не дадут, и Ира с Таней, опустошенные пережитым ночью, засобирались домой в Киев.

11.07.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года

Основная часть штаба переехала на новый командный пункт в Бровары после трех часов ночи, когда был подписан очередной приказ войскам, и подчиненные Ивана Христофоровича занялись его рассылкой в штабы армий. Затем, когда уже рассвело, все еще остававшаяся в Святошино группа операторов и связистов также расселась по машинам и отправилась вслед за штабом. Подземный КП с этого момента передавался командованию КиУРа.

В Бровары группа прибыла к девяти утра. Баграмян заметил тревогу на лицах встретивших его командиров и спросил, в чем дело. Оказалось, что, пока они ехали, поступило сообщение от командования КиУРа — немецкие танки вышли к Ирпеню в районе Брест-Литовского шоссе, завязался бой, немцы отошли. Собрав о стычке на линии обороны Киева всю известную информацию, взяв с собой последнюю сводку о положении дел на фронте, Баграмян поспешил с докладом к начальнику штаба. После того как генерал М.А. Пуркаев вник в ситуацию, они оба отправились к командующему фронтом.

Оказалось, что Кирпонос уже вызвал к себе командующего авиацией фронта, начальников разведки, артиллерии, инженерных войск и самого Ивана Христофоровича. Пока все вызванные собирались в большой комнате, стены которой были увешаны картами, комфронта увел Максима Алексеевича к себе в кабинет. Вскоре оба вернулись обратно вместе с Н.С. Хрущевым, секретарем ЦК КП(б)У М.А. Бурмистенко и секретарем Киевского обкома партии М.П. Мишиным. Пуркаев, стоя у карты, начал доклад об обстановке на фронте.

Он констатировал, что удержать оборону на линии укрепрайонов вдоль старой границы Юго-Западному фронту не удалось. На участке Новоград-Волынского УРа 7 июля немцы «вбили» в нашу оборону длинный узкий клин, и сегодня утром их

передовые части оказались перед Киевским укрепрайоном, то есть всего в 20 км от города. Пока перед линией обороны была обнаружена только 13-я танковая дивизия противника, однако наверняка в ближайшее время к ней добавятся и остальные дивизии 3-го моторизованного корпуса из танковой группы генерал-полковника Эвальда фон Клейста.

Немцы рвались к мостам и переправам через Днепр. Овладение ими позволило бы группе армий «Юг» установить прочную локтевую связь с группой армий «Центр», от которой сейчас «южан» отделяла широкая полоса Полесских лесов и Пинских болот. Кроме того, прорыв танковых и моторизованных частей на юг вдоль Днепра позволил бы немцам окружить не только основные силы Юго-Западного фронта, но, при удачном для противника стечении обстоятельств, и Южного. Это грозило не просто очередным поражением, но ужасающей катастрофой в масштабах всего советско-германского фронта. Поэтому требовалось обязательно удержать Киев.

Кирпонос спросил командующего авиацией фронта генерал-лейтенанта Ф.А. Астахова, что делается для выполнения задачи. Тот сообщил, что в результате утренних бомбардировок удалось загнать немецкие танки под деревья, заставив их там прятаться. Активное движение по Брест-Литовскому шоссе прекратилось, однако неизвестно, надолго ли. Командующий потребовал активнее поддерживать наши части атаками с воздуха, запретить для противника шоссе бомбардировками, начать, наконец, эффективно поражать авиацию противника прямо на аэродромах. Генерал-лейтенант в свою очередь пожаловался на нехватку самолетов. Все знали, что немцам постоянными бомбардировками наших аэродромов удалось в первые недели уничтожить значительную часть воздушных сил фронта, но Кирпонос все равно настаивал на росте активности авиации.

Следующим докладывал начальник артиллерии фронта генерал-лейтенант М.А. Парсегов. Он сообщил, что на усиление КиУРа уже отправлены Киевское артиллерийское училище и два противотанковых дивизиона. В ближайшие дни плани-

ровалось передать фронту еще четыре десятка орудий, проходящих сейчас ремонт на киевских предприятиях. Из-за потерь целого ряда складов и активных боевых действий сложилась тяжелая ситуация с боеприпасами. Транспортный коллапс на железных дорогах и действия вражеской авиации усложняли подвоз из глубины территории. Остро не хватало противотанковых снарядов. Было решено максимально задействовать киевские предприятия. Начальнику политуправления фронта бригадному комиссару А.И. Михайлову поручили составить специальное обращение Военного совета фронта с призывом не оставлять на поле боя оружие и боеприпасы — ни одного патрона врагу, ни одной винтовки!

Затем Кирпонос попросил потребовал хотя бы в общих чертах обрисовать ситуацию с подготовкой к обороне КиУРа. Начальник инженерного управления фронта генерал-майор А.Ф. Ильин-Миткевич сообщил, что, начиная с 30 июня, на первой линии обороны удалось вырыть 55 км противотанковых рвов и эскарпов, устроить проволочные заграждения, также произведена расчистка от деревьев и зарослей секторов ведения огня. На 6 километров в глубину обороны заложены ДЗОТы. От Белогородки до Виты-Почтовой и от Виты-Почтовой до Лесников вырыт тридцатикилометровый противотанковый ров, подготовлены траншеи, блиндажи и окопы. На земляных работах трудились, сменяя друг друга, порядка 150 тыс. киевлян.

Подготовлено около пятнадцати километров эскарпов вдоль Ирпеня до Брест-Литовского шоссе, пять километров — в районе Лесников. Занимались этими работами воинские части. В устьях рек Вета и Ирпень, а также вдоль противотанковых рвов заложены сотни тысяч мин, как доставленных самолетами из Москвы, так и произведенных киевскими заводами. Мины в основном с деревянными корпусами, оснастка для которых изготавливалась фабрикой имени Боженко и другими заводами, артелями города под руководством военных приемщиков. По линии фронта сооружены 750 ДЗОТов, вырыты окопы и траншеи.

Танкоопасные направления прикрыты лесными завалами, противотанковыми заграждениями, противотанковыми минными полями. Всего на подступах к Киеву заложено порядка 100 тыс. мин, но все равно их не хватает, мало колючей проволоки.

Кирпонос распорядился, чтобы для изготовления колючей проволоки и противотанковых ежей брали все, что только возможно: решетчатые ограды, рельсы, балки, трубы. В самом городе необходимо срочно возвести баррикады, установить противотанковые заграждения, пушки, пулеметные точки. На чердаках домов запасти бутылки с зажигательной смесью для бойцов истребительных отрядов, которые будут ими забрасывать сверху вражескую бронетехнику.

Подойдя к карте, Кирпонос указал на участок южнее Новоград-Волынского, где в отмеченной толстым красным карандашом линии обороны фронта зияла большая брешь, «пробитая» раздваивающейся стрелой синего цвета. Командующий заметил, что первостепенной задачей фронта на сегодня является восстановление обороны по линии укреплений на старой границе, а потому необходимо, хорошо подготовившись, возобновить контратаки 5-й и 6-й армиям под основание и во фланг немецкому танковому клину.

Штаб 26-й армии переводился на левый берег Днепра в Переяслав. Ему ставилась задача объединить все войска, выдвигаемые из глубины территории на левобережье к югу от Киева. Командованию Пинской флотилии приказывалось прикрыть кораблями мосты и переправы вниз по Днепру, чтобы не дать противнику переправиться.

Части отведенной из Львова 4-й дивизии ПВО численностью более 6 тыс. бойцов и командиров пополнили 3-ю дивизию. Их вооружение — 240 полуавтоматов калибра 37 мм, 599 76-мм орудий и 542 зенитки калибра 85 мм, пулеметы, аэростаты, прожекторные установки и другие средства ПВО — усиливали прикрытие с воздуха мостов и аэродромов. Около 60-70% личного состава и техники направлялось для обороны Киева и объектов в пределах КиУРа.

Помимо 2-го воздушно-десантного корпуса и 147-й стрелковой дивизии Кирпонос приказал передать под начало командования укрепрайона 206-ю дивизию, восстанавливающуюся после выхода из окружения в районе Фастова. Кроме этих «крох» в распоряжение КиУРа вышли остатки 132-го танкового полка (тысяча триста человек при семи танках) — осколок 213-й моторизованной дивизии, той самой, которую генерал Лукин самовольно задержал в Шепетовке. Полк безуспешно попытался задержать немецкое продвижение от Житомира к Киеву, и теперь также передавался КиУРу.

Выделенные из резерва ставки два стрелковых корпуса, каждый состоявший из двух дивизий, командующий распорядился разместить так: 27-й стрелковый корпус — северо-западнее, а 64-й стрелковый корпус — юго-западнее Киева, чтобы не позволить противнику обойти КиУР с флангов. Начальнику штаба и начальнику оперативного управления, то есть ему — Ивану Христофоровичу, предлагалось подумать и разработать предложение, как лучше использовать прибывающие на фронт свежие силы.

Особую озабоченность вызывал разрыв, образовавшийся между КиУРом и 6-й армией юго-западнее Киева. Здесь 70-километровый участок фронта прикрывали всего два мотострелковых полка и 94-й пограничный отряд. Кирпонос требовал как можно скорее пополнить и привести в порядок выведенный ранее в резерв в районе Белой Церкви потрепанный 6-й стрелковый корпус.

Когда уже все начали расходиться, командующий остановил Ивана Христофоровича и распорядился, чтобы тот, после того, как будет передана в Москву сводка и подготовлен приказ по фронту, отправился лично в КиУР и на месте посмотрел, как идет подготовка к обороне. Результаты Кирпонос приказал доложить сразу же по возвращении.

Начался очередной вражеский налет, которые с приближением фронта участились. Однако ни Баграмян, ни телеграфистки оперуправления не обращали внимания на разрывы бомб. Телеграфистки передавали сводку в Генеральный штаб.

Их ловкие нежные пальчики легко и, казалось, безмятежно порхали над клавишами аппарата Бодо, но в глазах молодых девушек Иван Христофорович видел скрытую тревогу. Правда, на этот раз обошлось, и сводку успешно передали. Следовало переходить к подготовке приказов и распоряжений армиям. Не успел Баграмян проверить подготовленные тексты, как его вызвал к себе начальник штаба.

Пуркаев был крайне расстроен. Его только что вызвала к прямому проводу Москва. В Ставке командование фронтом считали слишком нерешительным и требовали снять с Бердичевского направления подразделения 16-го мк 6-й армии, бросив их вместе с остатками 4-го мк и двумя ослабленными дивизиями 49-го ск в контратаку на тылы прорвавшихся к Бердичеву немецких частей. Это было возможно, но в таком случае возникал огромный риск, что и так измотанная сверх всякой крайности группа генерала Огурцова уже не выдержит немецкого натиска. В Москве и слышать ничего не хотели, требуя, чтобы немецкие порядки подверглись атаке подразделениями 5-й и 6-й армий немедленно, сейчас. Начальник штаба приказал, чтобы соответствующие приказы были переданы в соответствующие части как можно скорее.

У дверей он остановил Ивана Христофоровича, спросил, читал ли тот новое постановление ГКО? В соответствии с документом созданы направления: Северо-Западное, Западное и Юго-Западное, которому подчинили Юго-Западный и Южный фронты, а также Черноморский флот. Возглавить последнее направление поручено маршалу С.М. Буденному. В связи с этим Ставка Главного Командования переименовывалась в Ставку Верховного Главнокомандования. Баграмян ответил, что еще не читал. Пуркаев на минуту задумался, а после заметил, что, возможно, такое изменение структуры органов управления войсками и к лучшему. Прямой контакт с заслуженным боевым маршалом позволит фронту оперативнее принимать решения и аргументированно отстаивать свою позицию перед Москвой.

Уже в восемь часов вечера на столе у начальника штаба лежал текст новой оперативной директивы. С минимальной задержкой он был утвержден Военным советом фронта и отправлен в войска.

11.07.1941, секретарь ЦК ВКП(б) Украины Никита Сергеевич Хрущев, 47 лет

Хрущев сидел в кабинете, отведенном ему в Броварском лесничестве, обхватив руками большую лысую голову. Никогда, никогда с далекого 1919 года, когда он служил политкомиссаром при батальоне на Царицынском фронте, Никита Сергеевич не оказывался так близко от смерти. Они с Кирпоносом доигрались — 3-го июля из Проскурова переместили штаб в Житомир, 5-го — в Киев, 10-го — в Бровары. Такое быстрое «отступление» было вызвано массой объективных причин. В Житомире немцы очутились уже 8-го числа, оборонять город было решительно нечем и некем, кроме подразделений милиции и охранных войск НКВД там никаких частей не имелось.

Дальнейшее продвижение вражеских танковых колонн немного задержала авиация, даже старенькие истребители И-153 дивизии ПВО, оборонявшей Киев, летали на штурмовку и вроде бы удачно. Если бы не это, немцы бы уже 9-го приблизились к Киеву. Но авиацией танки не остановишь, и Кирпонос решил перенести штаб из подземного бетонированного командного пункта в Святошино, от которого до немцев было теперь всего километров десять, на левый берег Днепра.

В этот же день прозвенел первый звоночек. Чуть ранее Хрущев выступил с предложением: вне зависимости от состояния фронта уничтожать все ценное имущество, хлеб и скот в зоне 100–150 километров от противника. Сталин резко раскритиковал его. В специально отправленном Никите Сергеевичу послании сообщалось: «...*Такое мероприятие может деморализовать*

население, вызвать недовольство Советской властью, расстроить тыл Красной Армии и создать как в армии, так и среди населения настроения обязательного отхода вместо решимости давать отпор врагу».

А сегодня, после того как неизвестные доброты сообщили Сталину о переносе штаба фронта на новое место, от вождя пришла совсем другая телеграмма. Страшная телеграмма. Хрущев очень хорошо помнил, как в конце 30-х и после менее тревожных «звончков» люди исчезали навсегда и бесследно. А это был уже не звончек — поминальный колокол. Никита Сергеевич подошел к столу, еще раз взял покоробившуюся желтую бумагу с наклеенными на нее полосками аппарата Бодо и в который раз перечитал: *«Получены достоверные сведения, что вы все, от командующего Юго-Западным фронтом до членов Военного совета, настроены панически и намерены произвести отвод войск на левый берег Днепра. Предупреждаю вас, что, если вы сделаете хоть один шаг в сторону отвода войск на левый берег Днепра, не будете до последней возможности защищать районы УРов на правом берегу Днепра, вас всех постигнет жестокая кара как трусов и дезертиров. Председатель ГКО Сталин».*

Хрущев набрал коммутатор и потребовал соединить с Кирпоносом. Как опытный «царедворец», он хотел рекомендовать командующему поехать на Правобережье в относительно безопасное место, например — в Белую Церковь, и покомандовать фронтом оттуда. Иначе можно было не сносить головы.

Голос у Кирпоноса был подавленным. Хрущев спросил, в чем дело. Оказалось, поступили наконец сведения с южного фаса Новоград-Волынского УРа, где сражался 7-й стрелковый корпус, от которого после отъезда Лукина из Шепетовки донесения поступали кое-как, а последние несколько дней вообще не было вестей. Командующий 199-й дивизией со всем штабом дезертировал, Кирпоносу только что доложили из 3-го отдела. Комдив полковник А.Н. Алексеев бежал, бросив все делопроизводство и около 2 млн. рублей дивизионной кассы. Сейчас ко всем неприятностям только побежавших с фронта дивизий не хватало. Хрущев изложил Кирпоносу свои соображения по

поводу последней телеграммы Сталина, и Кирпонос нехотя согласился с ними.

Историческая справка: На спецсообщение Особого отдела НКВД № 4/38578 от 21 июля, в котором была описана ситуация с бегством командования 199-й дивизии, 22 июля генерал армии Г.К. Жуков наложил резолюцию: «Т. Носову, копия т. Мехлису. Немедленно арестовать командира корпуса, командира дивизии, командиров полков и судить в самом срочном порядке как изменников и трусов». 17 августа Особый отдел НКВД в спецсообщении № 41/103 утверждал, что «...Командир дивизии полковник Алексеев, заместитель командира по политчасти полковой комиссар Коржев и начальник штаба дивизии подполковник Герман арестованы и преданы суду Военного трибунала». Однако полковник Александр Николаевич Алексеев не был расстрелян, как этого можно было ожидать, и даже не был понижен в звании. Видимо, особой вины штаба дивизии в сложившейся ситуации следствие не выявило, а информация о брошенных деньгах и документации оказалась ошибочной. Как бы там ни было, вскоре полковник Алексеев очутился на должности замкомдива 146-й стрелковой дивизии, а 19 сентября возглавил ее остатки (прежний командир попал в плен). Но, видимо, этот человек родился под несчастливой звездой — уже к 26 сентября его дивизия была разгромлена, а сам командир пропал без вести.

После окончания разговора Хрущев еще несколько минут нервно ходил по кабинету, собираясь с мыслями. Затем он плюхнулся на стул, придвинул его ближе к столу, взял в руки перо и начал быстро, черкая и правя написанное, составлять ответ Сталину. Утром в Москву «полетело» сообщение следующего содержания:

«12 июля 1941 г. Строго секретно. Москва, Председателю Государственного Комитета Оборона товарищу Сталину.

На Вашу шифровку от 11 июля сего года докладываем, что сведения, которые Вы имеете о наших настроениях, якобы мы настроены панически и целим произвести отвод войск фронта на левый берег Днепра, — это ни в какой мере не отвечает действительности. Наши распоряжения и действия направлены на то, чтобы драться и удерживать правый берег Днепра, все УРы и Киев, имея основной

задачей закрыть прорыв на фронте, тем отрезать прорвавшегося противника и уничтожить его. Это наше решение, изложенное в нашем приказе войскам фронта. Это же решение известно и Генштабу из разговора по аппарату Бодо с генерал-лейтенантом товарищем Злобиным.

Противнику удалось прорваться на Житомир и Киев потому, что мы не имели резервов. Несмотря на это, мы не дали возможности противнику ворваться с налета в Киев, организовав прочную оборону Киевского УРа, использовав для этого части НКВД (два батальона), два саперных батальона, военно-хозяйственное училище, а также и артиллерийское как усиление УРовских частей. Кроме того, был сформирован мотополк, который своими действиями совместно с авиацией задерживал продвижение противника к Киевскому УРу. Для обеспечения [защиты] от воздушного десанта на восточном берегу Днепра организованы подвижные отряды из училищ и войск НКВД. Заверяем Вас, товарищ Сталин, что поставленная Вами задача будет выполнена. Хрущев, Кирпонос».

12.07.1941, ученик 13-й Киевской артиллерийской спецшколы Игорь Воровский, 21 год

Когда первая линия обороны была закончена, в подготовленные ребятами землянки заселились бойцы отдельных пулеметных батальонов, а в ДОТы начали завозить пулеметы. Военных школьников собрали обратно в Пирогово, а оттуда направили в Северный сектор обороны, в район села Горенка. Здесь было поспокойнее. Было... до сегодняшней ночи.

Их подняли по тревоге где-то в четыре утра.

Командир роты 13-й Киевской артиллерийской спецшколы сказал военным школьникам, что немцы выбросили десант, и в бой с ним вступил базировавшийся неподалеку истребительный отряд ополченцев, которому необходимо помочь. Если недель ранее оружия у ребят не было совсем, то теперь дивизиону

Игоря выдали две винтовки. Правда, сам Воровский оставался безоружным.

Тем не менее военшкольники храбро бросились вперед. В предрассветном хаотичном бою Игорь и не заметил, как вскоре обнаружил себя азартно несущимся за несколькими немцами вместе с другими ребятами. Однако прогремел взрыв, второй — десантники бросали в преследователей гранаты. Игоря что-то ударило в предплечье, он присмотрелся, ощупал онемевшее место целой рукой — на пальцах осталась липкая влага. Кровь!

Уже через несколько часов Игоря погрузили на эшелон, эвакуирующий в район Полтавы раненых солдат. На этом для него оборона Киева закончилась, а вот война... Война еще вся была впереди: лейтенантские звездочки, два ордена Красной Звезды, несколько тяжелых ранений, Белоруссия, Прибалтика, Польша, Германия... Рейхстаг.

Историческая справка: Всего под Горенкой был высажен немецкий десант численностью до 300 человек, которых уничтожили ополченцы и курсанты. По некоторым данным, в эту же ночь в районе Гнедина, села, расположенного на юго-восток от Киева на левом берегу Днепра, были высажены 27 переодетых красноармейцами диверсантов. Их нейтрализовали расположенные неподалеку подразделения НКВД.

12.07.1941, командующий 36-й иад Герой Советского Союза полковник В.В. Зеленцов, 30 лет

Ситуация на ближних подступах к КиУРу с каждым днем становилась все сложнее. Пришлось почти целиком перебазировать с правого берега на левый 43-й иап. Немецкие танки дошли до линии КиУРа, и теперь авиадивизии предстояли все более и более ожесточенные бои. Появились первые тревожные сигналы, предвестники беды. Полковнику доложили, что

над Киевом в районе Жулян сегодня... нет, уже вчера... зенитчикам удалось сбить первый вражеский истребитель. Немецкие «мессершмитты» тоже открыли свой боевой счет — в бою над Ирпенем погиб командир звена 254-го иап младший лейтенант И.Н. Ильинский, сбитый вражеским Me-109.

Историческая справка: 11 июля в штурмовке аэродрома Жуляны участвовали «мессершмитты» 3-й истребительной эскадры «Удет». Зенитчикам удалось сбить самолет унтер-офицера Г. Бейера (G. Bayer) из второй группы этого подразделения. Он стал первым вражеским летчиком-истребителем, погибшим над КиУРом.

Виктор Владимирович думал об этом, глядя на карту Киева и его окрестностей, на которой большими кругами отмечались места базирования полков и эскадрилий 36-й иад. 2-й иап уже с неделю как полностью был переведен из Брусилова в Гоголев. У 43-го иап 1-ю и 2-ю эскадрильи перекинули на аэродром Савинцы, находившийся в 10 километрах южнее городка Остер. 3-ю эскадрилью «чаек», которые теперь все чаще использовали в качестве штурмовиков, расположили на площадке Броварского авиационного полигона. 4-я эскадрилья разместилась на испытательном летном поле на Соломенке, истребители взлетали оттуда на прикрытие Святошинского командного пункта и Жулянского аэродрома. 254-й иап все так же «квартировал» в Броварах, прикрывая штаб фронта, а 255-й — в Бородянке. За первые недели войны они потеряли треть парка истребителей, из 152 самолетов довоенной численности осталось 77 И-16 (из которых 13 неисправных) и 23 — И-153 (из них 2 в ремонте).

Уже была поздняя ночь, а Зеленцов сидел и сидел в штабе, «гоняя чай», размышляя, как же ему лучше выстроить работу дивизии перед грядущим неизбежным немецким штурмом. Очень мешали отсутствие на самолетах раций и плохая работа постов ВНОС. Требовалось прикрывать Киев, стараясь все время держать в воздухе звено, а то и два. Но больше 3-4 часов висеть над городом не получалось. Возможно, действовать оперативнее позволит приближение противника?

В это время в комнату влетел дежурный командир связи. Он сообщил, что немцы отбомбились по Дарницкому железнодорожному мосту. По сообщению постов ВНОС — атаковали его двенадцать Ю-88, однако никаких повреждений нанести не смогли.

Историческая справка: Дарницкий железнодорожный мост. Создан в 1870 году по проекту и под руководством военного инженер-капитана Аманда Егоровича Струве. Это был первый в Российской Империи мост, при строительстве которого использовали кессонный способ возведения опор, и первый в Киеве цельнометаллический мост через Днепр. Его длина составляла 1,5 км. Он взрывался трижды — в 1920 году поляками, после чего его восстанавливала уже советская власть, в 1941-м — отступавшей Красной Армией, после чего его восстановили немцы, и в ноябре 1943 года — уже окончательно самими немцами. После этого на месте моста советскими саперами были возведены сначала временный низководный мост, затем в 1944 году — временный высоководный, и уже в 1949-м рядом построили капитальный арочный многопролетный Дарницкий железнодорожный мост, существующий и поныне.

После ухода дежурного Зеленцов еще долго стоял, морща лоб и задумчиво покусывая губы — было ясно, теперь немцы возьмутся за Киев всерьез.

12.07.1941, рядовой 2-го отдельного пулеметного батальона Федор Федорович Худяков, 36 лет

Утром на автомашинах подвезли вооружение — ящики с патронами, около тридцати пулеметов «максим» (правда, без пулеметных лент), четыре ротных миномета (пока без мин), ящиков сто бутылок с зажигательной смесью. Кроме того, прибыла провизия, что не могло не радовать: ящики с концентратами, мешки с крупой, солью, сахаром, мясные туши. Беспokoило

отсутствие стрелкового оружия, а также лент и мин. Даже командиры ходили с пустыми кобурами.

На построении комроты лейтенант Г.Т. Кошмак объяснил своим подчиненным, что их 1-я рота 2-го стрелково-пулеметного батальона призвана служить полевым заполнением КиУРа на его правом фланге. 2-я рота обороняется в районе Гостомеля, где они ночевали прошлой ночью, а 3-я — в районе Святошино. Фактически задача батальона — контролировать мосты через Ирпень, пресекать попытки немцев форсировать речку, а также нейтрализовывать возможные десанты. Непосредственно перед их ротой находилась дамба и Демидовский мост, названный так «в честь» расположенного на противоположном берегу одноименного села. Общая протяженность участка обороны роты — 8 километров. Федор подумал, что для их подразделения это слишком большое расстояние, хотя, с другой стороны, пойма Ирпеня казалась столь надежным препятствием, что, возможно, этого было и достаточно.

Роте предстояло расчистить от деревьев и кустарника сектор обстрела — полосу вдоль реки шириной 40–50 метров, вырыть траншеи, окопы, ходы сообщения, блиндажи. В глубине обороны на расстоянии 100 метров от передовой требовалось подготовить землянки, блиндажи и щели для хозяйственной части. Показываться на открытых пространствах, на берегу, на опушках леса, возле проходящего рядом шоссе и вообще без разрешения покидать отведенные для взводов расположения категорически запрещалось. Всех подозрительных предписывалось задерживать и приводить к начальству.

Федор после распределения по работам отправился на разгрузку машин. Вскоре каждому бойцу выдали по сотне патронов и по четыре гранаты. Бутылки с зажигательной смесью пока стояли нетронутыми. Вечером Худяков наконец сел за письмо Анечке и Юрасику в Днепропетровск, волнуясь об их судьбе. В письме, как и приказывал комроты, Федор умолчал, в каком подразделении служит, где оно находится. Лишь номер полевой почты. Только после этого волнение немного улеглось и рядовой наконец спокойно заснул.

**12.07.1941, старший краснофлотец,
1-й наводчик кормового орудия
канонерской лодки «Верный»
Петр Федорович Танана, 24 года**

«Верный» приближался к Киеву. За последние две недели экипажу пришлось много чего пережить. После разгрузки в Дорошевичах корабль спустился к устью Припяти, Рогачев перенес на него свой вымпел и сделал флагманским кораблем флотилии. Затем 4 июля он отдал приказ командиру канлодки Терехину эвакуировать маневренную базу из Дорошевичей в Наровлю. Приказ экипаж, как обычно, выполнил без промедлений. 6 июля их назначили в Березинский отряд кораблей, и 7 июля «Верный» отправился в Речицу, где этот самый отряд и располагался. Здесь комендоры канлодки несколько раз вели огонь через позиции наших войск по координатам, которые поступали от «заказчиков» — сражающихся подразделений.

Но, видимо, враг прорывался где-то южнее — часть кораблей потребовалась в районе Киева. 11 июля из состава флотилии выделили Днепровский отряд, состоявший из мониторов «Флягин», «Левачев», канлодок «Верный», «Кремль», «Каганович», «Передовой», «Смольный», «Димитров», сторожевого корабля «Пушкин», плавбазы катеров «Ударник», плавбазы «Белоруссия» и других вспомогательных судов и катеров.

В этот же день канлодка приняла настоящий бой — в районе Чернобыля немецкие бомбардировщики Ю-88 атаковали причаленные возле левого берега деревянные баржи и буксир «Ширшов». «Верный», укрывшийся под раскидистыми вербами у правого берега, активно вел зенитный огонь, однако получалось плохо. Самолеты, на которые немцы специально устанавливали сирены, пикировали на беззащитные цели с душераздирающим воем. Рвались бомбы, вверх вздымались столбы воды, пулеметные очереди хлестали по берегу, по оказавшимся в воде людям. К этой какофонии добавлялся грохот

зенитного орудия канлодки и ее пулеметов. Десять краснофлотцев с «Верного» не выдержали, бросились прочь с корабля и укрылись в прибрежных кустах.

В конце концов, невзирая на противодействие, бомбовозы смогли уничтожить и баржи, и буксир, и удалились. «Верного», несмотря на то, что он вел активный зенитный огонь, немецкие летчики не заметили. На водной глади остались плавать обломки барж и моряки с потопленного буксира, они просили о помощи. Командир отделения кочегаров старшина 2-й статьи Василий Ефимов вместе с еще несколькими добровольцами прыгнул в спешно спущенный на воду четырехвесельный ялик, однако спасатели выловили из воды только двух шкиперов. Когда их поднимали на борт, Петр обратил внимание, как на дне шлюпки плескалась красная от крови вода.

Вскоре возле канлодки показались и бежавшие члены экипажа. Было объявлено экстренное построение. Командир корабля старший лейтенант Терехин перед всей командой пригрозил трусам, что, если еще хотя бы один раз повторится подобное, он расстреляет провинившихся перед строем из корабельного пулемета.

Утром «Верный» отправился в Киев вслед за второй канлодкой, носившей название «Передовой». По пути не обошлось без происшествий. Корабль шел на всех парах, и в одном месте, где река делала крутой, практически под прямым углом, поворот влево, разорвалось кольцо штуртроса. Неуправляемый руль самопроизвольно переложился, и канлодку понесло на правый берег. К счастью, место здесь оказалось пологое, песчаное, «Верный» на полкорпуса выскочил на песчаный плес. Удар был такой силы, что в артпогребе часть снарядов выскочила из своих гнезд в стеллажах и попадала на пол. Но тот был застелен специальными матами, так что пронесло — детонации не случилось.

Терехин отреагировал молниеносно, он тут же приказал дать «полный назад», и моторист выполнил команду, как раз когда корабль настигла его собственная волна. С ее помощью «Верный» снялся с плеса, отошел на глубину и отдал якорь. На

устранение неисправности экипаж потратил всего полчаса, поэтому сейчас, когда они подходили к Киеву, рядом с «Верным» натужно «пыхтел» нагнанный ими «Передовой».

12.07.1941, военком КиУРа полковой комиссар И.Ф. Евдокимов, 39 лет

Начальник оперативного отдела фронта приехал к ним одновременно с началом авианалета. Пронзительно, не умолкая, завывала сирена. К счастью, водитель успел отогнать машину в укрытие, а полковник, сопровождаемый Илларионом Федоровичем, — нырнуть в подземный ход.

Внизу разрывы бомб не чувствовались совершенно. Командующий КиУРом полковник Ф.С. Сысоев, с перебинтованной после ранения головой, радушно принял прибывшего представителя штаба фронта, посетовав, что угодивший в него осколок не дает полноценно работать. Евдокимов и Сысоев были хорошо знакомы еще по Рава-Русскому УРу, поэтому много времени на приветствия не тратили. Баграмян объяснил, что направлен к ним командующим фронтом с целью оценить степень готовности укрепрайона к оборонительным боям.

На большом штабном столе расстелили карту, и Сысоев, водя по ней карандашом, начал рассказывать о расположении войск. План их размещения командование КиУРа готовило совместно с помощником командующего Юго-Западным фронтом по укрепленным районам генерал-майором И.Г. Советниковым. Немцы вторые сутки подряд выходили небольшими разведгруппами к реке Ирпень, пытаясь нащупать пути форсирования. С ними в перестрелки пока вступали только пулеметчики ДОТов.

Линия обороны была разбита на два сектора — Северный и Южный. В Северном, который от села Борки, расположенного на берегу Днепра, тянулся вдоль Ирпеня до Белогородки, помимо отдельных пулеметных батальонов, занявших ДОТы,

и одного пульбата, составлявшего полевое заполнение, разместили недавно прибывшую 3-ю воздушно-десантную бригаду (вдбр), 4-й полк НКВД, гаубичный артиллерийский полк (гап), окружные интендантские курсы и 2-е Киевское артиллерийское училище. Комендантом сектора был назначен комбриг Д.В. Аверин. Ему подчинялись и пульбаты, и войска полевого заполнения.

Линия Южного сектора обороны начиналась в Белогородке, проходила через Тарасовку, Юровку, Вету-Почтовую, Кременище, Мрыги и заканчивалась на болотистом, прорезанном множеством протоков берегу Днепра, южнее Киева. Здесь оборону окопов и траншей помимо пульбатов доверили 147-й сд, трем противотанковым дивизионам и 1-му артиллерийскому училищу. Сюда также выводились части 2-й вдбр, 132-го тп, окружные хозяйственные курсы, погранотряд, отдельная рота легких танков и батарея противотанковых орудий. Танковый полк фактически являлся стрелковым усиленным батальоном — в нем едва набиралась тысяча триста человек и семь легких танков, к тому же требующих ремонта.

Переданную вчера в распоряжение Сысоева 206-ю сд планировалось разместить во втором эшелоне, для контратаки прорвавшегося через линию обороны противника.

В Южном секторе возникла субординационная коллизия. В принципе все собранные здесь войска должны были подчиняться коменданту сектора майору С.П. Лучникову. Но 147-й сд, находясь на генеральской должности, командовал полковник С.К. Потехин. Как его подчинять майору? В связи с этим ответственным за организацию обороны в этом секторе, с подчинением ему всей артиллерии сектора, был назначен Савва Калистратович, а коменданту продолжали подчиняться подразделения укрепрайона. Комиссаром сектора назначили первого секретаря Сталинского райкома партии Ф.П. Остапенко.

Историческая справка: Такое разделение командования во многом предопределило последующую неразбериху первых дней штурма, несогласованность действий частей полевого заполнения, гарнизонов ДОТов и ополченцев.

После непродолжительного совещания пришло время отправиться в войска. Кроме Иллариона Федоровича с Баграмяном отправился полковник Г.Е. Чернов. Полагалось ехать командующему укрепрайоном, но полковник Сысоев после ранения был все еще слаб, поэтому «отдуться» пришлось его заместителю. Благо, тот до недавнего времени сам возглавлял КиУР и хорошо знал его конфигурацию, подъезды к ДОТам. Чернов и предложил поехать к Юровке, где располагался один из мощнейших узлов обороны «опорный пункт “Крым”». Он прикрывал Киев со стороны Васильковского шоссе, которое шло дальше на юг, к Одессе. Это направление было одним из наиболее ответственных и уязвимых. Если с запада и севера путь противнику преграждала широкая болотистая пойма реки Ирпень, то на южном направлении у КиУРа такого надежного препятствия не имелось. У реки Веты, вдоль северного берега которой был возведен южный фас укрепрайона, пойма была значительно уже и не такая топкая.

Сначала заехали на позиции противотанкового дивизиона. Артиллеристы, раздевшись по пояс, зарывались в землю, готовили для своих пушек основные и запасные позиции, блиндажи, окопы, щели. Одной из батарей командовал старший лейтенант Сергиенко. Он доложил полковникам о ходе работ. Пообщались с бойцами, те расспрашивали об обстановке на фронте, сами же в ответ заверили командиров, что врага к городу не пропустят.

На западной окраине Юровки прибывших гостей встретил командующий 147-й сд полковник С.К. Потехин. Этот пятидесятилетний человек своей чисто мужицкой хозяйственной манерой общения расположил к себе практически сразу. Он рассказал о ситуации с подготовкой к обороне, предложил проехать на позиции оставшихся в его распоряжении 600-го и 640-го стрелковых полков. Они усиленно зарывались в землю, пристреливали оружие.

После общения с Потехиным Баграмян встретился с командиром 28-го опб капитаном И.Е. Кипаренко. Совершенно седой (по его словам, с детства) командир провел их по ДОТам № 203,

204, 205, 206 и 207. ДОТ № 203 был замаскирован под сарай, снаружи было крайне сложно догадаться, что за дощатыми стенами скрывается мощная, вооруженная пулеметами маленькая бетонная крепость. А вот командный пункт командира батальона, артиллерийский наблюдательный пункт № 204 пулеметов на вооружении не имел. Там располагался коммутатор, в который сходились подземные кабели, проложенные под землей к ДОТам опорного пункта и другим коммутаторам южного сектора КиУРа. Над большой, скрытой в земле железобетонной коробкой, покоились два наблюдательных бронеколпака. В начале 30-х годов, когда строился КиУР, их тракторными волокушами доставили сюда и установили на мощной железобетонной «коробке» ДОТа.

206-й и 207-й ДОТы являлись, собственно говоря, не ДОТами, а не имевшими перекрытий железобетонными артиллерийскими позициями. В документации они назывались ТАУТами, но что эта аббревиатура означает, никто ему толком объяснить не смог. Самым интересным ДОТ, № 205, оказался даже не ДОТом, а целой подземной крепостью, чьи длинные бетонированные ходы — потерны — пронизывали весь холм, соединяя сразу пять пулеметных оголовков — фактически отдельных ДОТов. Командир гарнизона, молодой двадцатилетний лейтенант, горячо заявил, что ни он, ни гарнизон свой ДОТ не покинут.

Возвращаться в Святошино Баграмян не захотел; распрощавшись с комиссаром Евдокимовым и с полковником Черновым, он сразу от Юровка через Киев поехал в Бровары.

12.07.1941, командир 5-й воздушно-десантной бригады полковник А.И. Родимцев, 36 лет

Штаб бригады прибыл в Борисполь где-то в 16:00. Александр Ильич сразу же получил распоряжение проследовать в штаб фронта, расположенный в 30 километрах от станции в городе Бровары. Присланная машина везла его вместе с адъютантом

по забитой эвакуирующимися дороге, а Родимцев смотрел в пыльное окно и вспоминал насыщенные событиями последние два месяца своей жизни.

Александр Ильич вступил в командование бригадой 17 мая. Он успел повоевать в Испании в 1937 году, где участвовал в разгроме Итальянского экспедиционного корпуса на Гвадалахарском направлении, за что получил Звезду Героя. Затем была Военная академия имени М.В. Фрунзе, польский поход 1939 года, Зимняя война в Финляндии 1939–1940 годов. В конце концов, его произвели в полковники и назначили на должность командира воздушно-десантной бригады, входившей в 3-й воздушно-десантный корпус. Подобные соединения недавно начали формировать в Красной Армии. Неплохая карьера для тридцатилетнего командира!

Десантники много прыгали с парашютами, но Родимцева беспокоила недостаточная, по его мнению, общевойсковая подготовка. Ну, выкинут бригаду в тылу у противника, а что потом? Бойцов надо было учить тактике, стрельбе, рукопашному бою, диверсионной работе, а вместо этого комкор подполковник А.Ф. Коссенюк, чей штаб тоже располагался в Первомайске, требовал от них прыгать, прыгать и еще раз прыгать.

Александр Ильич регулярно замечал своему командиру, что хорошо бы получше подготовить десантников к боевым действиям на земле, а Коссенюк лишь твердил в ответ, что времени еще много, война не скоро — успеют. Но все говорило о том, что война близко. Для Родимцева это стало окончательно ясно, когда 18 июня в Крыму под Джанкоем они проводили очередные учения. Командиры и штабы 212-й и 6-й бригад корпуса должны были провести высадку в тылу условного противника. 5-я бригада не высаживалась, поэтому Александр Ильич и его штаб к месту высадки приехали на поезде. В тот момент, когда десантники только приземлились, в небе над районом появился разведывательный самолет с румынскими опознавательными знаками. На приличной высоте он сделал над Джанкоем несколько кругов и удалился в западном направлении. А через четыре дня началась война.

Первые две недели после начала войны бригада продолжала жить прежней размеренной жизнью, пока 9 июля подполковник Коссенюк не вызвал Родимцева в штаб. Там сообщили, что корпус из ведения Южного фронта передается в Юго-Западный, и приказано передислоцироваться в район Борисполь — Бровары. Возможно, придется оборонять столицу Украины. Первым отправлялась бригада Родимцева. Для ее погрузки требовалось три эшелона, при этом полностью все парашютное хозяйство загрузить в них не получалось. Александр Ильич договорился с командиром, что возьмет с собой половину парашютов. Тот согласился.

Первый эшелон отправили с железнодорожной станции в ночь на 11 июля, а уже с рассветом шестерки «юнкерсов», непрерывно чередуясь, с воем пикировали на железнодорожные пути, вагоны и паровозы. Скучные противоздушные средства бригады (несколько счетверенных установок крупнокалиберных пулеметов) не могли эффективно отражать их налеты, которые сопровождали ее продвижение. На всех станциях и полустанках: Адобаш, Карустино, Смела, Городище, Яготин бригаду встречали вражеские бомбы. В результате, вместо запланированных 10–12 часов соединение добиралось до пункта назначения трое суток. На своем пути десантники из открытых раздвижных дверей «теплушек» могли воочию наблюдать толпы беженцев, гурты эвакуируемого скота, брошенные и горящие сельские хаты.

В Борисполе оказалось на удивление тихо и спокойно. Родимцев оставил эшелоны с бригадой на запасных путях станции, где разгрузкой занялся его начштаба майор В.А. Борисов, а сам отправился в штаб фронта.

Здесь новоприбывшие командиры первым делом разыскали начальника оперуправления фронта полковника Баграмяна. Тот их радушно приветствовал и тут же проводил в штаб — хату, занимаемую комфронта. Генерал-лейтенант Кирпонос держался уверенно и на удивление мягко. Он во многом притушил беспокойство, тлевшее в душе Александра Ильича после трудного «путешествия» в условиях полного господства противника в воздухе.

Михаил Петрович в своей спокойной манере объяснил, что вермахт силами 1-й танковой группы вышел к наружному обводу линии обороны Киева и делает неудачные попытки ее штурма. Пехотные подразделения 6-й армии вермахта увязли во фланговых боях с нашими 5-й и 6-й армиями. Пока командование десантного корпуса добирается из Первомайска на север, бригада Родимцева будет находиться в резерве командования фронтом. Место дислокации — Иванков, небольшой населенный пункт севернее Киева. Основная задача — прикрыть переправы через речку Тетерев и дороги на Киев и Остер, в том числе быть готовыми нейтрализовать немецкие десанты.

Кирпонос сделал акцент на том, что в перспективе планирует использовать бригады десантников и по их прямому назначению. Румянцев даже посетовал про себя, что взял только половину парашютов. Однако расстраивался он недолго. Когда после Кирпоноса в разговоре с его начштаба генералом Пуркаевым Александр Ильич обмолвился, что взял только 1700 парашютов, генерал удивился и сказал, что лучше бы они взяли всю артиллерию. Александр Ильич успокоил его, что всю положенную по штату артиллерию бригада привезла с собой. Тогда Пуркаев объяснил недоумевающему десантнику — положение на фронте сейчас таково, что в тылу противника легко можно оказаться без всяких прыжков. Немцы сами обойдут, окружив при помощи фланговых ударов, и... вуаля. Родимцев нахмурился. Выходит, весь оптимизм комфронта был напускным.

13.07.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года

Из КиУРа Иван Христофорович вернулся под вечер и сразу окупнулся в работу. Теперь она не прекращалась и ночью, однако несколько часов для сна урвать все же удалось. Утром, уже на рассвете, с последней отпечатанной на машинке сводкой

в руках полковник отправился к начштаба фронта. Аdjутант сказал, что тот в свою очередь у командующего, пришлось сразу идти к Кирпоносу.

В кабинете у Михаила Петровича оказалось на редкость шумно. Комфронта, потрясая в воздухе пачкой телетайпных бланков, покоровившихся от наклеенных на них лент, орал. Источником его раздражения был командующий 6-й армией генерал-лейтенант И.Н. Музыченко. Командарм в очередной раз просил отменить приказ о наступлении — у него не хватало войск для исполнения. Даже для обороны от наседавшего противника сил оказалось маловато, и Музыченко рисковал пропустить противника в районе Бердичева, пока сам будет атаковать его западнее, пытаясь восстановить оборону по линии старой границы. И Пуркаев, и Кирпонос это хорошо понимали, но... имелся приказ Генерального штаба, его требовалось выполнять, а с таким настроением у непосредственного исполнителя все предприятие изначально обрекалось на провал.

Кирпонос заметил Баграмяна, спросил о результатах поездки в Киев. Иван Христофорович рассказал, что в Штабе обороны Киева он присутствовал при докладе ответственного за возведение оборонительных линий К.Ф. Москальца. Тот сообщил, что первую линию обороны они подготовить все-таки успели. Теперь, в соответствии с решениями, принятыми вчера в кабинете у командующего, было решено сразу приступить к подготовке 2-й и 3-й линий.

Вторую линию обороны разбили на три сектора — первый северо-западный занимал Дымерское шоссе, лес Пуще-Водицу, Куреневку, Подол. Передним краем он захватывал Киев на протяжении 19 км от Днестра в районе Вышгорода до станции Беличи включительно. Начальником сектора назначили капитана М.М. Федченко. Второй занимал центр города, прикрывая Брест-Литовское шоссе. По фронту простирался от Беличей до Никольской Борщаговки и дальше до станции Пост-Волынский, которая находилась в Октябрьском районе. Им руководил комиссар Давыдов. Левый край третьего сектора был обращен к юго-западу, он прикрывал Васильковское шоссе, Голосеево,

Чоколовку и Сталинку и тянулся на 13 км от станции Пост-Волынский до Днепра. Начальник сектора полковник Леонов. На левом берегу в Дарницком районе начали сооружать еще одну линию обороны, обращенную не на запад, а на восток. Это на случай прорыва противника к городу с той стороны и ведения боев за город в окружении. Линия прикрывала единственный левобережный район города — Дарницу и обоими своими флангами упиралась в Днепр выше и ниже по течению. Работали на ее строительстве и обустройстве только дарничане — всего около 30 тыс. человек. Копался противотанковый ров, устанавливались надолбы, возводились ДОТы и ДЗОТы.

Он также рассказал, что командующий КиУром полковник Сысоев очень слаб после ранения, и его нужно кем-то заменить. Кирпонос согласился с этим, пообещал подумать. Он приказал взять под особый контроль выход из окружения и размещение на линии обороны переданных КиУРу подразделений 147-й и 206-й дивизий, а также проследить, чтобы артиллерию обеспечили достаточным количеством бронебойных снарядов. Наконец, расстроенный и подавленный, Кирпонос отпустил собравшихся — теперь стало очевидным, что 5-й и 6-й армиям не удастся рассечь немецкий клин с двух сторон и восстановить положение на фронте.

В конце концов 6-я армия все же нанесла удар, но только оставшимися слабыми частями 4-го механизированного и 47-го стрелкового корпусов. 16-й мехкорпус, на который в штабе так сильно рассчитывали, успел втянуться в бои в районе Бердичева, и «выдернуть» его оттуда не представлялось никакой возможности.

13.07.1941, секретарь ЦК ВКП(б) Украины Никита Сергеевич Хрущев, 47 лет

Хрущеву позвонил Кирпонос и рассказал, что Святошинский КП опять бомбили сегодня утром в 7:15. Пункт дважды подвергался бомбардировке группами по 16 бомбардировщиков.

Похоже, немцы смогли нащупать, где располагается подземный командный пункт, и стремились блокировать его работу. Все-таки вовремя убрали оттуда штаб фронта.

Кирпонос также сообщил о результатах поездки Баграмяна в штаб КиУРа. Командующий укрепрайоном полковник Сысов после ранения совсем плох. Кроме того надо менять командование КиУРа, потому что из подразделения, находившегося по численности где-то между полком и дивизией, укрепрайон разросся в целую армию. Им было впору командовать не полковнику, а генералу, притом, учитывая важность диспозиции, надежному генералу.

Хрущев осторожно заметил, что Киев — очень ответственный участок фронта, здесь нельзя ошибиться. Было бы неплохо посоветоваться по этому вопросу с Москвой. Комфронта выслушал его доводы и сказал, что сейчас в тыл после разгрома в приграничных боях на переформирование отводится целый ряд механизированных корпусов, Кирпонос подумает немного и предложит какую-нибудь достойную кандидатуру.

Хрущев положил трубку и начал нервно мерить шагами свой кабинет. Враг находился всего в 20 километрах от Киева, поэтому было от чего нервничать. За окном по стеклам барабанил шумный летний ливень, яркие молнии время от времени прорезали небосвод, сотрясая окрестности раскатами грома. Наконец, прерывая раздумья, вновь пронзительно зазвонил телефон. На том конце провода Кирпонос, все время с кем-то сверяясь (по-видимому, с Баграмяном), сообщил, что у него высвобождаются командующие 4-м и 8-м механизированными корпусами генерал-майор Андрей Андреевич Власов и генерал-лейтенант Дмитрий Иванович Рябышев. Их корпуса сейчас отводят в тыл на переформирование, и генералы остаются не у дел. Оба командующих — заслуженные, боевые, хорошо показавшие себя в приграничных боях.

Историческая справка: Д.И. Рябышев начал свою службу еще во время Гражданской войны кавалеристом Первой конной армии С.М. Буденного, и так потом и возглавлял кавчасти, в том числе и дравшиеся с басмачами в Средней Азии, пока ему в 1940-м не дали

под начало 8-й мехкорпус. Власов в танкисты попал из пехоты. До 1919 года он учился на фельдшера, пока его не мобилизовали в Красную Армию. Он воевал на Северном Кавказе, в Таврии и Крыму против белых, затем против батьки Махно. В послевоенные годы дослужился до должности помощника командира 99-й дивизии, откуда осенью 1938 года его отправили советником в Китай в союзные на тот момент войска Гоминдана. Оттуда он вернулся через год, награжденный лично Чан Кайши орденом Золотого дракона и золотыми часами. Их, правда, по возвращении на Родину отобрали, а Власова отправили в свою часть уже в качестве инспектора. Здесь он быстро обнаружил, что командир 99-й дивизии уделяет слишком много времени изучению тактики вермахта, о чем незамедлительно написал рапорт. Уже в январе 1940 года Власов возглавил дивизию взамен арестованного предшественника, а в октябре того же года ее признали лучшей в округе и наградили переходящим Красным знаменем. Самого генерала отметили золотыми часами и орденом Красного Знамени взамен тех китайских наград, что отобрали ранее, а в феврале 1941 года наградили орденом Ленина. За месяц до последнего награждения его назначили командовать 4-м мехкорпусом. Если 99-я стрелковая дивизия проявила себя в приграничных боях как слаженное, спаянное подразделение, то мехкорпусу этого сделать не дали. Его дивизии, полки и батальоны командование 6-й армии раздергало на разные направления для оказания поддержки пехотным частям, где большая часть бронетехники была потеряна. Обреченный выполнять приказы выше поставленных командиров, с которыми лично он был не согласен, Власов повлиять на ситуацию не мог.

Кирпонос сказал, что он больше склоняется к кандидатуре Власова, так как тот бывший пехотинец и больше подходит для оборонительных действий, чем «кавалерист» Рябышев. Хрущев с ним согласился, однако сказал, что хочет запросить рекомендацию у Москвы. Как опытный политик, он понимал, что, если самим назначить командующего обороной, не запросив одобрения у центра, можно потом и голову потерять. Не дай бог, придется выяснять, кто виноват в сдаче столицы Украины, а коллективная ответственность уменьшала степень

персональной вины. Хрущев набрал телефон Маленкова, тот в ЦК отвечал за кадры, следовательно это был его вопрос. Никита Сергеевич спросил, какую характеристику Георгий Максимилианович может дать на Власова. Маленков отмахнулся, сказав, что у них тут в Москве бардак, никого нет, никаких личных дел быстро не найти, поэтому пусть Хрущев и «украинцы» берут всю ответственность на себя и не отвлекают по мелочам. Это, конечно, было не совсем одобрение, но с другой стороны предложение и не раскритиковали, так что Хрущев довольно кивнул и положил трубку. Затем позвонил Кирпоносу и сказал, что Власова можно вызывать в Киев.

14.07.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год

Пришел и их черед столкнуться в воздухе с немецкими хваленными истребителями Me-109, которые воевали с И-15 и И-16 еще в небе Испании. Но если тогда новейшие «ишачки» составили серьезную конкуренцию немецким самолетам, то сейчас модификациям «мессершмиттов», которые рыскали в киевском небе летом 1941 года, наши истребители сильно проигрывали. У противника было преимущество в скорости — 550 км/ч против 400 км/ч, которые можно было выжать из «чайки». Уступали наши истребители и по вооруженности (две пушки и два пулемета у немцев против наших четырех пулеметов), и по уровню подготовки пилотов. Но зато «ишаки» и «чайки» были намного более маневренными, и пилоты старались компенсировать недостаток опыта бесшабашной, а иногда просто отчаянной храбростью.

Для удобства управления эскадрилью разделили на две шерстки, которые водили поочередно: когда комэск Вася Шишкин, а когда Дмитрий. В этот раз Дмитрий в воздух не поднялся, шесть «чаек» их эскадрильи повел на штурмовку комэск.

На полдороге их перехватили вражеские истребители... и напоролись на залп «эрэсов». Младшему лейтенанту Власу Куприянчику удалось сбить один из «мессеров», а затем в небе над Киевом закрутилась смертельная карусель, в результате которой в Святошинский лес вслед за немцем рухнула «чайка», пилотируемая младшим лейтенантом Сашей Бутовым. Эскадрилья понесла вторую боевую потерю.

15.07.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года

Наконец начали прибывать первые подразделения 27-го стрелкового корпуса (ск). Сразу же ночью его командиру генерал-майору П.Д. Артеменко была поставлена боевая задача — атаковать противника с севера и перерезать основные магистрали снабжения прорвавшихся к Киеву подразделений. Встречный удар с юга планировалось нанести силами недавно сформированной группы генерал-майора Ф.Н. Матыкина, состоявшей из моторизованного и артиллерийского полков и танкового батальона.

Отправив необходимые распоряжения, Иван Христофорович тут же получил приказ явиться к начштаба фронта М.А. Пуркаеву. Лицо генерала выражало глубокую озабоченность, когда он кивком головы предложил своему подчиненному подойти к карте. Последние новости, как обычно, не радовали. Немецкие танковые и моторизованные подразделения из района Житомира повернули на юго-восток на Попельню, во фланг и тыл нашей Казатинской группировки. Требовалось срочно нанести синхронизированный удар частями 5-й, 6-й, 26-й армий и 27-го ск. 5-й кавкорпус и 6-й ск передавались 26-й армии генерал-лейтенанта Ф.Я. Костенко, чтобы он координировал их удар в общем направлении на Брусилов и Попельню.

Но с контрударом опять возникала проблема — Костенко перезвонил утром и попросил перенести время начала на-

ступления. Его штаб приказали перевести с левого берега на правый в Богуслав, и при этом Костенко должен был наладить управление 5-м кавкорпусом, к которому добавлялась группа Матыкина и один танковый полк 16-го мехкорпуса. Он не успевал наладить управление подразделениями и отдать необходимые приказы. Уже было 9:00, а от него требовали сегодня же взять Фастов и Попельню. Но штаб фронта был неумолим — наступление должно быть проведено. В результате организовать действия толком не удалось. Вместо этого сводный пограничный отряд, в составе 94-го погранотряда, 6-го и 16-го мотострелкового полков, при трех орудиях и двух легких танках, а также 6-й стрелковый корпус генерал-майора И.И. Алексеева с трудом весь день сдерживали атаки танковых и моторизованных частей 1-й танковой группы Клейста.

Лишь поздно вечером, осознав, что, несмотря на все приказы, наступление все еще не началось и сразу начаться не сможет, командующий фронтом генерал М.П. Кирпонос перенес его на утро 16 июля. Но и эта задача для 26-й армии была непосильной. Ни отряд Матыкина, ни переданный Костенко и перебрасываемый с Северного Кавказа 64-й ск двухдивизионного состава еще не успели прибыть на театр боевых действий. Последний вообще пока что находился на левом берегу Днепра, и в условиях господства в небе немецкой авиации проблема его переправы на правый берег обещала стать тяжелой задачей.

16.07.1941, начальник штаба и разведки ополченского бронепоезда «литер А» Константин Артемьевич Арефьев, 26 лет

Ночью они получили новый приказ: двигаться в район Коростеня к станции Стремигород, где немцы высадили десантную группу численностью до 250 человек, вооруженную легкой артиллерией и пулеметами. Враги пытались взять Коростень,

и требовалось срочно поддержать оборонявшие его части. Бронепоезд помчался на всех парах, а на бронеплощадках началась подготовка к бою.

В восемь часов утра они уже были на месте и с ходу открыли огонь по наступавшему неприятелю. Немцам пришлось остановить наступление, начать окапываться. Завязалась артиллерийская дуэль, в результате которой командир бронеплощадки № 3 С.М. Пономаренко прямым попаданием вывел из строя одно вражеское орудие. Второе подбил политрук В.А. Шаповалов. Однако вскоре над полем боя появились вражеские бомбардировщики, очевидно, наведенные по радио.

Артиллерийский расчет бронеплощадки № 1 Н.П. Богданова повел огонь по воздушным целям. Часть пулеметов также переключилась на бомбардировщики. Вскоре один из них задымил и рухнул вниз. Остальные самолеты, сбросив бомбы в 150–200 метрах от бронепоезда, убрались восвояси.

И опять весь огонь был переведен на вражеских десантников. Под его прикрытием в атаку пошли охранные войска и ополченцы. В короткой ожесточенной схватке вражеская группа была полностью уничтожена. На поле боя осталось 4 легких орудия, 32 пулемета, 210 автоматов, 8 ящиков гранат и 236 вражеских солдат. Еще 12 сдались в плен.

Когда все трофеи подсчитали, радист сообщил Косте, что бронепоезд отзывают в Киев. По прибытии оказалось, что рабочие КПВРЗ совместно с депо им. Андреева и заводом «Большевик» за прошедшие девять дней успели без какого-либо проекта построить еще один бронепоезд «литер Б», командиром которого назначили заместителя Тихохода — Л.В. Василевского, а комиссаром — С.П. Голованева. Заместителем командира «литера Б» стал секретарь парторганизации главного материального склада А.В. Подопригора, начальником штаба и группы разведки — бывший старший инспектор дорожного отдела приема и увольнения Д.М. Поплавский, командирами бронеплощадок — Н.А. Рябоконь и В. Харитонов. Машинистами — В.Ф. Павлий и Н.Д. Груздев. У нового бронепоезда было всего два артиллерийских расчета и 28 пулеметов в двух броне-

площадках, зато помимо групп связи, разведки, хоз.-тех. обеспечения и санитарной — он получил десантную группу.

На «литер А» вместо зам. командира назначили его — Костю, а комиссаром — В.А. Медынского.

16.07.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Ирина шла по улицам Киева. Город, казалось, опустел, но женщина знала, что это обманчивое впечатление, масса горожан не смогла уехать и в страхе сидела по домам. Работы в Киеве почти не было, денег у большинства населения осталось мало, максимум на месяц. В предвоенные годы народ жил скромно, и отложить средства на черный день смогли не многие.

Улицы в центре города перегородили глубокие противотанковые рвы, баррикады, сложенные из мешков с землей, и окопы. Землю брали тут же на клумбах, в скверах. Иногда ее не хватало. На бульваре Шевченко и в Николаевском парке землю вокруг деревьев аккуратно выбрали, и они остались стоять на земляных «фундаментах», похожих на столбы, во все стороны от которых разбегались толстые жилы корней. Копали в основном женщины, командовали ими красноармейцы. Иногда могли остановить спешащего мимо по своим делам прохожего и настойчиво предложить немного покопать. Почти никто не отказывался. Тут же устанавливались противотанковые ежи, натягивалась колючая проволока. Начавшиеся дожди показали, что земля из баррикад, просачиваясь сквозь мешковину, быстро вымывается, и баррикады разъезжаются, поэтому их со всех сторон укрепляли деревянными щитами, сколоченными на скорую руку из досок.

По старой памяти Ирина зашла в библиотеку, где уже давно не работала. Здесь она с удивлением и радостью встретила многих коллег из числа тех, кто не уехал из Киева. Ей рассказали, как неделю назад директор в панике бегал по библиотеке,

приставал ко всем с просьбой, чтобы кто-то занял его место, а потом просто оставил на рабочем столе ключи и укатил в неизвестном направлении.

Все цветы снесли вниз, в вестибюль, чтобы их было легче поливать, отчего место приобрело торжественный и загадочный вид. Кроме художеств директора, Хорошуновой поведали о предложении властей подсчитать количество вагонов, необходимых для вывоза библиотечных фондов. Число оказалось астрономическим — 1701 вагон и 200 тысяч ящиков — да-а-а-а, не такая простая задача вывезти 5 млн книг. А в ситуации тотальной эвакуации промышленности и населения — просто нереальная.

16.07.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год

Так как третья эскадрилья была вооружена тихоходными, но обладающими хорошей грузоподъемностью «чайками», ее обычно направляли на штурмовки, но вчера и сегодня им еще дополнительно поручили патрулировать небо над Киевом, чтобы вовремя перехватывать вражеские бомбардировщики. Начиная с дня «переселения» авиачасти в Бровары, немцы начали регулярно бомбить киевские мосты, стремясь их разрушить и тем блокировать переброску советских подкреплений. Этого нельзя было допустить. По одному звену или по два от каждого из полков не менее часа барражировали над городом на высоте от 3000 метров и выше, по очереди сменяя друг друга.

В этот раз шестерку «чаек» повел Дмитрий. Вскоре он заметил, что разложенный на земле из широких белых полотнищ знак Попхема сигнализирует о подходе с юга большой группы вражеских бомбардировщиков. Дмитрий развернул группу и повел на перехват. Спустя меньше минуты на высоте трех километров они увидели три девятки Ю-88 — немцы

в построении «уступом» приближались к Дарницкому и Наводницкому мостам.

Дмитрий высунул руку из кабины и знаками показал летчикам, что они атакуют противника в лобовую с пуском ракет сериями по две. Пилоты выставили переключатели пуска снарядов на двойки, включили тумблеры и приготовились к атаке. Они встретили врага где-то в районе Телички.

Историческая справка: Теличка — историческая местность, поселение и промрайон Киева. Располагается в дельте реки Лыбедь вдоль Днепра между Выдубичами, Зверинцом, Саперной слободкой и Корчеватым. Чуть ниже расположено озеро Ерик. Возникла вследствие наносов грунта водами Лыбеди. Свое название получила из-за длительного выпаса на этой территории молодняка крупного рогатого скота. Застройка Телички началась во второй половине XIX века вдоль Набережно-Печерской дороги и Военно-Кладбищенской улицы. После постройки в 1868 году дамбы Дарницкого моста изменилось основное русло Днепра, переместившееся ближе к левому берегу. Старое русло превратилось в быстро обмелевший и исчезнувший Лысогорский рукав, от которого остались Выдубицкое озеро, озеро Мыколайчик и Галерная затока, а к территории Телички присоединился остров, существовавший ранее напротив Выдубицкого монастыря.

Пуск Дмитрием первой серии снарядов стал сигналом для открытия огня остальным летчикам группы. Залп вышел крайне удачным, реактивные снаряды начали рваться среди вражеских бомбардировщиков. Один снаряд угодил прямо в «юнкерс», тот загорелся и через две-три минуты взорвался, его обломки огненным дождем посыпались в воду и на песчаные отмели. Остальные бомбовозы сбросили смертоносный груз прямо в днепровские волны, развернулись и бросились наутек. Сгоряча летчики попытались преследовать немцев, но у тихоходных «чаек» не было никаких шансов догнать удирающего без бомбовой нагрузки противника.

Когда они приземлились в Броварах, из штаба полка сообщили, что помимо сбитого над Днепром «юнкерса» наземные наблюдатели зафиксировали еще два подбитых, у одного из

которых отгорела плоскость, и он рухнул на контролируемой немцами территории.

У «чаек» тоже были повреждения: Васе Шлемину пуля на излете попала в картер мотора, у Дмитрия пуля перебила в самолете одну из несущих стальных лент, которые крест-накрест соединяли плоскости деревянного биплана. Но все благополучно приземлились на летном поле Броварского полигона.

17.07.1941, командир роты передового отряда 144-го горно-стрелкового полка 28-й горно-стрелковой дивизии младший лейтенант Дмитрий Иванович Шепеленко, 26 лет

Танки приближались к окопу, пушка уже давно молчала, и оставалось надеяться только на гранаты.

Дмитрий совсем недавно стал командиром роты. По званию младшему лейтенанту больше соответствовало командование взводом, но в мае Шепеленко все же назначили замом ротного. А затем ротного отозвали на учебу, и командование ротой перешло к заместителю. Они жили в Сочи в казармах у самого берега теплого ласкового Черного моря. Но вот грянула война, и спустя неделю поступил приказ грузиться в эшелоны. Больше недели солдат качало в душных теплушках. С приближением к фронту эшелон стал все дольше стоять на полустанках, разбитые бомбардировками пути ремонтировали, железнодорожные ветки были перегружены. Эшелоны их дивизии пропускали вне очереди, старались гнать быстрее, но под Киев они смогли прибыть только 12 июля.

Затем пешие марши, сначала через длиннючий мост через Днепр, затем по лесной дороге, пока не вышли на железную дорогу Киев — Коростень. Боев не было, только налеты вражеской авиации. Когда приблизились к Радомышлю, Шепеленко вызвали в штаб полка. Перед дивизией была поставлена задача перере-

зять Брест-Литовское шоссе, по которому снабжались части немцев, прорвавшиеся к столице Украины. Роте Дмитрия ставилась задача ночью в районе села Ставище выдвинуться к шоссе, оседлать его и удерживать до подхода основных сил. Так как имелась большая вероятность танковых атак, роте для усиления придали взвод саперов и 76-мм противотанковое орудие с расчетом.

К полуночи рота уже была возле Ставища. Им повезло, что немцы пока еще воевали «с комфортом» — ночью безмятежно спали в домах, на постелях с простынями, выставя только слабую охрану. Ни дозорных, ни секретов. Такая расслабленность противника позволила хорошо разведать подступы к селу. Оказалось, что с одной стороны дороги находятся глубокие топи, по ним бронетехнике к селу не пройти. Другую танкодоступную обочину саперы начали минировать, артиллеристы готовили для пушки основную и запасную позиции.

В 4 часа утра отряд атаковал село и застал противника врасплох. Благодаря этому горным стрелкам удалось при помощи бутылок с зажигательной смесью сжечь пять танков противника и уничтожить несколько огневых точек. Однако немцы успели вызвать подкрепление. В это время разгорелся бой в соседнем селе Небелицы. Это означало, что туда подошли основные силы полка, которые начали штурм закрепившегося там гарнизона. Значит, вскоре можно рассчитывать на подмогу роте.

Но одна контратака за другой накатывались на оборонявшихся горных стрелков. Их силы таяли с каждым часом, с каждой минутой. Вскоре замолчала пушка. Командование перебросило к ним две зенитные батареи. Зенитки сильно помогли, но противник сумел их подавить контрбатарейным огнем. Перестали отстреливаться саперы, заканчивались патроны у пулеметчиков. Опускались сумерки — это значило, что стрелки держались почти целый день — а со стороны Небеллиц по-прежнему доносился шум боя, видимо, нашим так и не удалось сломить сопротивление оборонявшегося там противника.

Шепеленко выглянул из окопа и тут же спрятался обратно, обреченно прислонившись к рыхлой песчаной стене. Танки были уже совсем близко, за ними шли бронетранспортеры с мотопе-

хотой. Выжить, наверное, уже не получится... Дмитрий закрыл глаза, вспомнил донецкие терриконы, где он работал шахтером, высокие горы Кавказа, в которых на Садонском руднике он добывал для страны свинец и серебро, приднепровское приволье родных черкасских степей и уютные проспекты Сочи. Нет, за свои двадцать шесть лет он все-таки много успел повидать.

Гул моторов уже словно навис над ним. Он привстал и бросил первую гранату.

Историческая справка: В январе 1942 года выходящий из окружения раненый (ампутирована кисть правой руки) секретарь партбюро 144-го горнострелкового полка Николай Романович Сивченко сообщил родным мл. лейтенанта Д.И. Шепеленко, что его роте удалось подбить и уничтожить 26 танков и более 100 фашистских солдат. Автор не располагает информацией о достоверности этих данных.

17.07.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года

В середине дня из разведотдела штаба фронта в оперативное управление поступила распечатка перехваченных радиопереговоров командующего 6-й немецкой армией генерала Вальтера фон Рейхенау. Он требовал от своих частей срочно уничтожить войска русских, которые перерезали основную артерию, снабжавшую прорвавшиеся к Киеву войска. Грозил всеми возможными карами, вплоть до разжалования в рядовые или даже расстрела. Это означало, что первый удар дивизий 27-го стрелкового корпуса все же, несмотря на все затруднения, оказался удачным, и корпусу удалось «одним коготком» зацепиться за Брест-Литовское шоссе. Теперь требовалось оседлать его полностью, чтобы перекрыть немцам «кислород».

К сожалению, успех вышел ограниченным, а действия не скоординированными. Сводный погранотряд и 6-й корпус с трудом сдерживали вражеские атаки танковых и моторизо-

ванных подразделений. В какой-то момент 6-му ск пришлось оставить Белую Церковь, но его командующий генерал-майор И.И. Алексеев не смирился с этим: перегруппировав силы, он контратаковал немцев и отбил город.

Ближе к вечеру начали поступать тревожные сообщения, что противник смог вклиниться в наши порядки между Белой Церковью и Винницей. 16-му мехкорпусу и группе Огурцова пришлось оставить Казатин, немцы отбросили их на юг. Также оказалась прорвана линия обороны, которую на старой границе удерживала 12-я армия. Немецкие подразделения устремились к Виннице и Жмеринке с запада. Узнав об этом, командующий Юго-Западным направлением маршал С.М. Буденный потребовал от Кирпоноса решительных действий, первым из которых считал немедленную организацию массированных авианалетов на наступающие войска противника. Кроме того, маршал пообещал тут же передать фронту три резервные дивизии, выдвигающиеся в район Черкас и Канева.

17.07.1941, начальник чугунолитейного цеха завода «Большевик» Виктор Игнатьевич Хохлов, 29 лет

Виктор шел по Правительственной площади, и его сердце учащенно билось от только что пережитого. Вчера у них в парткоме раздался звонок, и его, секретаря партийной организации одного из крупнейших киевских заводов, пригласили в ЦК партии республики. В отделе пропусков Хохлова уже ждали, выдали заранее приготовленный пропуск и препроводили в скрывавшийся за дубовой дверью большой светлый кабинет.

До сих пор Виктор не бывал в новом здании ЦК, не водилось. Для него были в новинку и ковровые дорожки на каменных лестничных маршах, в коридорах и вестибюле, и массивные перила, и удивительная лепнина на потолках, выполненная в стиле советского ампира.

В кабинете, куда его сопроводили, за письменным столом восседал председатель Верховного совета УССР и по совместительству ЦК партии Украины Михаил Алексеевич Бурмистенко. До этого Виктор видел его только на фотографиях в газетах, но там главный партийный функционер республики выглядел важно, солидно, представительно. В человеке с серым цветом лица и темными, набрякшими мешками под глазами сейчас едва угадывался тот довоенный Бурмистенко.

Михаил Алексеевич встал из-за стола, по-простому протянул Виктору руку. Из-под черных как смоль густых бровей на Хохлова пристально уставились цепкие карие глаза.

Они поздоровались, сели... и в течение следующих нескольких минут жизнь недавнего начальника чугунолитейного цеха завода «Большевик» кардинально изменилась. Он узнал, что 30 июня Бурмистенко назначили ответственным за подготовку подпольного и партизанского движения на Украине. Теперь, когда враг рвался к столице Украины и возникла реальная опасность потери Киева, требовалось в сжатые сроки создать в городе подпольные ячейки, явки, тайники с оружием, провизией и боеприпасами для будущих районных подпольных организаций. Работа предстояла гигантская по своим масштабам. Бурмистенко уже неделю жил в здании ЦК, не появляясь дома, и все равно времени катастрофически не хватало.

Для создания киевского подполья было решено мобилизовать самые надежные и перспективные кадры партийных организаций города. На Хохлова пал выбор, как на секретаря одного из самых больших предприятий Киева. Анкета Виктора была безупречна — отец, потомственный рабочий, проработавший в литейном цехе «Большевика» чуть ли не с самого дня основания завода. Сестра Александра — служащая НКВД. Лучшего заместителя секретаря основного подпольного горкома партии нельзя было и помыслить. Кроме основного создавался запасной подпольный горком, членов которого Хохлову знать было не положено. Руководить подпольем назначили Тимофея Власовича Шамрыло, второго секретаря Киевского горкома КП(б)У.

Для того чтобы у немцев не возникло лишних подозрений в лояльности бывшего партийца и начальника цеха к новой власти, Бурмистенко предложил исключить Хохлова из партии, предварительно обвинив в какой-либо халатности. В той неразберихе, которая сейчас царила на «Большевике», поводов для наказания любого из руководителей предприятия вне зависимости от его ранга можно было отыскать не один десяток. Только сейчас Виктор понял, что его ожидает — презрение друзей, непонимание и недоверие близких, позор. И тем не менее он твердо дал свое согласие. Михаил Алексеевич одобрительно пожал руку новоиспеченному подпольщику.

Историческая справка: В соответствии с директивой ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня 1941 г. и постановлением ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г. ко времени захвата вермахтом Киева в городе были созданы и оставлены для работы основной и запасной подпольные городские комитеты КП(б)У, 9 подпольных райкомов партии и 37 подпольных организаций и групп.

19.07.1941, командующий 36-й иад Герой Советского Союза полковник В.В. Зеленцов, 30 лет

Можно было смело утверждать, что воздушное сражение за Киев началось, и первые его результаты оказались не такими уж плохими. После налета на киевские мосты в ночь с 11 на 12 июля немцы повторили их в следующие два дня группами по 18-20 бомбардировщиков... и ничего не добились. Самой крупной их удачей была бомбардировка подземного командного пункта на Святошино, когда ранило нового командующего КиУРОм.

15 июля противник совершил еще один налет на город, но, потеряв два Ю-88 и один Ме-109, особого ущерба не нанес. Устаревшие «ишачки» и «чайки», конечно, были тихоходными, но в ближнем бою показали себя крайне хорошо. На виражах И-16 и И-153 «делали» любой вражеский истребитель. В этом

отношении это были уникальные самолеты. Пилоты шутили, что «чайка» разворачивается на месте, а «ишак» — вокруг телеграфного столба. Кроме того, летчики дивизии не боялись ходить на немцев в лобовые атаки, так как их прикрывали широкие «лбы» их самолетов, почти неуязвимые для вражеских пуль. А вот у «мессеров» спереди было уязвимое место — выведенные на плоскости водяной и масляный радиаторы. Такое конструкторское решение улучшало аэродинамику самолетов, увеличивало их скорость, но уменьшало живучесть. Рой пуль винтовочного калибра, выпускаемый советскими истребителями с убийственных дистанций в 50-70 метров, с большой вероятностью поражал один из радиаторов, и немецкому пилоту приходилось спешно выходить из боя... а то и падать вниз. Потом, может, немецкие конструкторы и сообразят перенести их под брюхо своих самолетов, как это сделано у «ишаков» и «чаек», а пока пилоты дивизии пользовались этим нащупанным у противника недостатком.

Правда, И-153 на перехват вражеских самолетов старались посылать реже. Вместо них чаще применялись И-16, это была их «специализация». А более устойчивые в полете бипланы «работали» в основном как штурмовики, забрасывая вражеские порядки 50- и 100-килограммовыми бомбами, поливая огнем пулеметов и штурмуя новым эффективным оружием — «эрэсами». Всего самолеты брали по восемь 82-мм снарядов, но при штурмовках вместо них могли подвесить и более крупны 132-мм.

20.07.1941, рядовой 2-го отдельного пулеметного батальона Федор Федорович Худяков, 36 лет

Федор запыхался, вспотел, но его ротный лейтенант Кошмак всякий новый раз командовал и командовал: «Кру-у-угом! Ша-го-о-ом марш! Стой! Кругом! Боец, ко мне! Кру-у-угом!»... И так несколько минут. Причиной измывательства была неприят-

ность, которая случилась с Федором позавчера. Неделю их рота занималась рытвем окопов и блиндажей, и вот, когда он копал ход сообщения, его, видимо, хватил солнечный удар. Упавшего в обморок Худякова отнесли на носилках в глубь леса на «санитарный пункт». Фельдшер вернула его в сознание, дав нюхнуть нашатырного спирта, и настояла, чтобы солдат остался на день, отлежаться. Так как землянку для санитаров еще не отрыли, лежать приходилось прямо под открытым небом. Но было тепло, поэтому никто особо не возражал.

Товарищами по несчастью Худякова оказались два сорокалетних резервиста: один инженер-химик и второй — рабочий какого-то завода. У инженера открылась язва, ему только в апреле сделали операцию на желудке. В принципе, военкомат не должен был его призывать, но там никто разбираться не стал, а в роте от грубого черного хлеба и горохового концентрата у человека начался рецидив, и он корчился теперь от невыносимой боли. Рабочему же в феврале на лесозаготовках упавшей сосной переломало обе ноги. Гипс сняли только в мае, и в июне он едва начал ходить на костылях. После двух продолжительных маршей едва сросшиеся голени не выдержали.

Через два дня прибыла главный врач батальона. Она потребовала от Кошмака тут же отправить больного с переломами в Киев на лечение, а инженеру-химику обеспечить индивидуальную диету с белым хлебом, гречневой кашей и исключительно вареным мясом. Никакого черного хлеба и горохового концентрата плюс неделя постельного режима. Что касается Федора, то она разрешила со следующего дня вернуть его в строй, но освободить от земляных работ и физических нагрузок. Лейтенант вспылил, у него вся рота была из таких вот резервистов, и кем в таком случае ему воевать? Но врач была на два звания старше, и пришлось выполнять ее распоряжения.

После обеда Федор упрямил фельдшера отпустить его во взвод, но на свою беду напоролся на Кошмака, и тот теперь гонял его, как молодого. Наконец «выпустив пар» лейтенант сме-

нил гнев на милость. Он спросил, куда направляется Худяков, и, узнав, что во взвод, окончательно потеплел. Федор понимал всю тяжесть его положения, когда приходилось командовать совершенно невоенными людьми, которые к тому же были в два раза его старше и в два раза физически хуже подготовленными, поэтому особо и не злился на лейтенанта.

Возвращаясь в расположение, Федор думал о диете, прописанной врачом инженеру-химику. С мясом в роте как раз проблем не было, как и с молоком. Колхозники сплошным потоком гнали через мост гурты эвакуируемого скота. Как-то раз из одного стада они по приказу Кошмака отобрали с десятков бычков и коров. Все, кроме дойных коров, со временем пошли на мясо. К молочным же приставили девушку-санструктора, отдав под ее начало несколько «доярок»-красноармейцев. Так в рационе их роты появилось молоко, по кружке на брата в день.

Затем из другого гурта, в котором перегонялись здоровые, жирные, задыхающиеся под жарким солнцем хряки и свиноматки, выбрали с десятков свиней. Плачущие от бессилия колхозники были готовы отдать военным хоть все стадо, все 500 голов, все равно половина уже пала в дороге. Но лейтенант посоветовал гнать его дальше в Киев. Там продовольствие точно не будет лишним.

20.07.1941, заместитель командира ополченского бронепоезда «литер А» Константин Артемьевич Арефьев, 26 лет

Костя стоял на открытой площадке бронеплощадки № 3 и наблюдал в бинокль за большим серебристым аэропланом, в гондоле под которым едва можно было различить черные фигурки немецких воздушных разведчиков. Возле старой, еще дореволюционной 76-мм пушки-зенитки Лендера суетился артиллерийский расчет. Выстрел. С непривычки после него

в ушах пронзительно зазвенело. Костя поднес к глазам бинокль, отметил, что белое облачко разрыва появилось левее и выше аэростата. Расчет снова засуетился, готовясь к следующему выстрелу.

Они вернулись на Коростенский участок дороги уже 19 июля, устранив полученные в предыдущих недельных боях повреждения и пополнив запасы провианта, воды и боеприпасов. Также ремонтники оборудовали контрольные площадки. Вчера целый день они поддерживали отступавшие в Коростенский УР войска огнем, а сегодня утром, когда «бронеполченцы» находились в районе разъезда Красноселка, разведка сообщила о появлении вражеского аэростата.

Новый выстрел, опять разрыв лег в стороне от цели. Еще выстрел, это к обстрелу присоединилось второе орудие площадки. И снова огонь повела площадка № 1.

В это время наверх поднялся связист Витя Шовкун и сообщил, что из Киева к ним на помощь вышел «литер Б». Не успел Костя обрадоваться этой новости, как вокруг послышались радостные возгласы. Он быстро посмотрел вверх — вытянувшийся в длинную прямую тряпку аэростат, все ускоряясь, падал вниз — наконец-то один из снарядов поразил цель.

21.07.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Город понемногу привыкал к военной жизни, власти занялись расследованием злоупотреблений, которые допустили различные должностные лица во время паники начала июля. Ирина неожиданно для себя устроилась на работу в университет, снова библиотекарем. Там планировали с 1 августа начать учебный год, и теперь Хорошунова разбирала и сортировала карточки. Работа ее обременяла не сильно, хватало времени и на чтение газет. В них начали сообщать о преследовании служащих, нажившихся на июльской панике. Так, расстреля-

ли двух завмагов Военторга, укравших 16 тысяч рублей. Ниже сообщалось, что немцев прочно удерживают в районе Новоград-Волынска.

Ирина отложила газету. С улицы доносились шум и гам, киевляне бегали по магазинам и скупали одежду, бытовые приборы, утварь, другие товары. У горожан появились деньги — при эвакуации заводов и массовых увольнениях многим выплатили ликвидационные суммы и компенсации за неиспользованный отпуск. У людей, живших очень скромно и потому не умевших копить, появился выбор — тратить свалившиеся на них неожиданно «богатства» или все-таки попридержаться. Большинство тратило.

Ирина почувствовала запах варенья, где-то выше на жилых этажах хозяйки готовили запасы на зиму. Это сейчас был обычный для Киева аромат — прилавки рынков ломились от овощей и ягод, и горожане, ожидая трудные времена, запасались впрок, чем могли.

21.07.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года

Он ехал по тенистой проселочной дороге, с обеих сторон окруженной высокими соснами, и не переставая думал о сложившейся на фронте обстановке.

17 июля подошедшему наконец к театру боевых действий отряду генерал-майора Ф.Н. Матыкина удалось отбить у немцев Фастов. С новой силой разгорелись бои 6-го ск за Белую Церковь. Немцы подтянули свежие силы, и корпусу пришлось снова обороняться восточнее города, куда его оттеснили. Сквозь пробитую в обороне 12-й армии брешь устремились три немецкие пехотные дивизии и около сотни танков. В результате между правым флангом 6-й армии и левым 26-й возник широкий 100-километровый разрыв, через который немецкое

командование наверняка постарается зайти во фланг и тыл 6-й и 12-й армиям, чтобы затем окружить.

Наконец Кирпонос набрался смелости и попросил у маршала Буденного разрешение на отвод этих армий к Днепру. У Семена Михайловича положение южного фланга Юго-Западного фронта также давно вызывало обеспокоенность, маршал запросил у Москвы рекомендации. Уже вечером оттуда пришла директива, предписывающая к 21 июля (то есть к сегодняшнему дню) в три дневных перехода отвести 6-ю и 12-ю армии на 60–90 километров восточнее. Одновременно от штаба фронта требовали нанести синхронизированные удары, чтобы выправить положение на линии Житомир — Казатин — Тетиев. И комфронта Кирпонос, и начштаба фронта Пуркаев понимали, что — как обычно! — сил для этого у них недостаточно, но вновь оперативное управление готовило приказы, и вновь делегаты связи развозили их по штабам армий. Снова таяли силы в напрасных, плохо подготовленных атаках и контратаках... Хотя, конечно, возникает вопрос — можно ли назвать их «напрасными»?..

Внешний результат контрударов был один, противник хоть и продвигался вперед, однако существенно медленнее, чем мог бы. Силы 6-й армии вермахта оказались скованы боями с 5-й армией (в штаб которой сейчас ехал Иван Христович), и с 27-м корпусом. Немцам приходилось держать в Житомирской области три пехотных корпуса, а вскоре понадобилось перебросить еще и четвертый — 55-й. 1-я танковая группа Клейста медленно продвигалась на юг в тыл 6-й и 12-й армий. Медленно, потому что над ней постоянно нависала угроза удара во фланг силами 26-й армии. Генерал-лейтенанту Ф.Я. Костенко было приказано наступать в юго-восточном направлении на соединение с атакующей навстречу 6-й армии генерал-лейтенанта И.Н. Музыченко, но слишком слабыми и разрозненными оказались эти удары.

64-й стрелковый корпус, на который возлагались большие надежды, таковых не оправдал. Командующий корпусом генерал-майор А.Д. Кулешов не смог организовать наступление,

его дивизии топтались на месте, солдаты часто поддавались панике и оставляли занятые позиции. В штабе начали поговаривать, что комкора надо сменить.

Произошли изменения в командовании КиУРа. Измученного ранением полковника Ф.С. Сысоева отправили в тыл поправлять здоровье. Командование над собранными в укрепрайоне силами с 5:00 19 июля принял бывший командующий 4-м мехкорпусом генерал-майор Андрей Андреевич Власов. Для быстрого налаживания работы остальные штабные должности приняли командиры штаба этого же корпуса: штаб возглавил генерал-майор Александр Алексеевич Мартьянов, а военкомом стал бригадный комиссар Георгий Николаевич Мишенев. Прежнее командование должно было как можно быстрее ввести новоприбывших в курс дела, но полностью от управления эти командиры не устранились. Они продолжали управлять действиями пулеметных батальонов, три из которых занимали ДОТы КиУРа, а два остальных составляли его полевое заполнение.

Вот наконец и командный пункт командующего 5-й армией генерал-майора М.И. Потапова, который обнаружился в двадцати километрах севернее Коростеня. От постоянного недосыпания Михаил Иванович выглядел измученным, но держался подчеркнуто бодро. Он радушно встретил представителя штаба фронта, расспросил о ситуации на других его участках, затем сообщил о своих «головных болях».

Основной проблемой, как и везде, был катастрофический недостаток сил. Однако Иван Христофорович напомнил, что в 5-й армии находится сразу три мехкорпуса, чем остальные армии похвастаться не могут. Потапов согласился с доводом, но при этом заметил, что танков в этих корпусах едва наберется 140 единиц, подавляющее большинство которых за последний месяц проехало не одну сотню километров и требует капитального ремонта. Имелась также проблема с боеприпасами, особенно с бронебойными — они очень быстро расходовались. Постоянные контратаки буквально пожирала снаряды, патроны, технику, людей. Иван Христофорович со всем этим согла-

шался и обещал по мере возможности помочь. Но оба понимали, что в условиях череды кризисов и поражений возможности эти невелики.

22.07.1941, боец истребительного батальона Железнодорожного района Андриан Галябарник, 15 лет

Андриан сидел в узком окопе, отрытом на Сырецком танкодроме. В руке он сжимал скользкую, неудобную бутылку с зажигательной смесью. К бойцу, грохоча и раскачиваясь, катился на колесах фанерный макет танка. В движение он приводился длинной веревкой, которую наматывал на барабан тарахтевший где-то позади Андриана двигатель. Вот танк приблизился, мальчишка чуть приподнялся над окопом и швырнул бутылку в макет. Та, не разбившись, гулко стукнув о фанеру, отскочила от «брони» и упала в траву. Из соседнего окопа выскочил сержант в форме НКВД.

Он остановил весь процесс, приказал оттянуть танк назад и снова начал спокойно, но настойчиво объяснять Андриану все его ошибки. Что юноша слишком рано бросил бутылку, надо подождать, когда танк проедет мимо, и бить его сзади в моторное отделение. Что привставать в окопе нельзя, сразу возрастает риск схлопотать пулю. Открываться нужно только на мгновение, на долю секунды в самый момент броска, и тут же камнем падать на дно окопа. Кроме того, Андриан не обозначил момент поджигания длинных «химических» спичек, которые были прикреплены двумя резиновыми кольцами, надетыми на стекло. Нужно было сымитировать зажигание, «теранув» по спичкам картонной теркой с нанесенным специальным составом.

Андриан поняливо кивнул, вылез из окопчика и побежал к тому месту, куда упала бутылка. В это время макет танка быстро удалялся — его тянул другой мотор, установленный на

противоположной стороне поля. Пререкаться подросток даже не думал, ведь он из обыкновенного киевского школьника превратился в бойца Комсомольского полка.

Адриан стал не просто бойцом, а «истребителем танков». Так называли юношей и девушек, которые должны были по замыслу командования встречать врага впереди всех частей в отдельно вырытых одиночных окопчиках на самых танкоопасных направлениях. В этих укрытиях им предстояло выжидать бронетехнику противника и забрасывать ее бутылками с зажигательной смесью. Противотанковых гранат РПГ-40 для юных истребителей танков у командования не нашлось, зато их с лихвой обеспечили «стеклянной артиллерией». Никто не скрывал, что шансы выжить у истребителей танков минимальные, но все равно отбоя от желающих не было.

Адриан кроме бутылок с зажигательной смесью, которые он носил в специальном грубого шитья брезентовом подсумке с перекидываемой через плечо лямкой получил еще и новенькую винтовку СВТ-40, в простонародье — «светку». Она была длиннющей, с примкнутым штыком, выше самого Гальябарника, и очень капризной — от малейшего попадания грязи или пыли затвор сразу клинило. Но Андриан был рад любому оружию, которое сразу уравнивало подростка (по его мнению) со взрослыми. Сейчас винтовка стояла дулом вверх, прислоненная к стенке окопа, а Андриан готовился в очередной раз швырнуть по танку свою стеклянную «гранату». На исходной позиции возле вновь затарахтевшего двигателя с нетерпением ожидали своей очереди остальные ребята из его отделения.

Историческая справка: В состав Комсомольского полка вошли все подготовленные на тот момент отряды истребителей танков. Всего во время обороны города было создано 23 таких отряда (в среднем в каждом до 30 человек) общей численностью 555 человек, в т. ч. 160 девушек. Бойцы проходили обучение в районе села Бровары и на танкодроме. Вооружение отрядов в основном составляли бутылки с горючей смесью.

22.07.1941, командир 1-й бронеплощадки ополченского бронепоезда «литер Б» Николай Андреевич Рябоконт, 27 лет

Они летели на всех парах. От коменданта Бородянки поступила информация, что немецкая передовая группа смогла прорваться к станции и на данный момент вела бой с немногочисленным гарнизоном. Возникла угроза, что немцам удастся перерезать пути отхода бронепоездам: кадровому 66-го железнодорожного полка НКВД и ополченскому «литеру А». Командир бронепоезда «литер Б» Л.В. Василевский приказал срочно выдвигаться из Бучи.

Их бронепоезд был не так хорошо вооружен, как «литер А» — у него было не три, а две бронеплощадки, и на них установили всего по одному орудью. Пулеметное вооружение состояло из 28 пулеметов. Зато на бронепоезде находилась десантная группа, потому численность экипажа составила 77 человек.

Бронесостав вышел из ворот депо 21 июля, и после испытаний они отправились в Бучу. Василевский решил боевую базу «литера Б» организовать именно на этой станции, чтобы не возвращаться каждый раз за углем и водой в Киев. По всей линии Киев — Коростень водоснабжение было нарушено, и подачу воды в тендер паровоза на станции пришлось организовывать своими силами. Для этого приспособили двигатель найденного здесь же трактора. И вот теперь после приготовления — впереди ждал первый бой.

Они влетели на станцию на всех парах и открыли огонь по немецким пехотинцам, просочившимся в пристанционный сад. Отдельные их группы побежали, загорелись машины, на которых прибыли «незваные гости», — одна, вторая...

В это время огонь по бронепоезду открыли артиллерийская и минометная батареи врага, машинисты отвели состав за пакгаузы, чтобы уйти из зоны прямой видимости корректировщиков. Немцы повели огонь по железнодорожным

путям и мосту, стараясь отрезать бронепоезду пути отхода. Василевский высадил снабженную рацией разведку, перед которой была поставлена задача обнаружить расположение вражеских батарей. Бронепоезд отошел в густую посадку, где экипаж стал спешно маскировать ветками, кустарником и дерном площадки и паровоз. Наконец от разведчиков поступили координаты. Расчет забегал, засуетился. Николай дал наводчику данные для первого пристрелочного снаряда. Выстрел! Разведчики корректируют данные, вносятся поправки, новый выстрел...

Контрбатарейное противостояние в этот раз осталось за бронепоездом. Они заставили замолчать вражеские батареи, противник отошел на 7 километров к югу. На поле боя остались убитые пехотинцы в серых мундирах, несколько разбитых орудий и 4 автомашины.

23.07.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Город опять наполнила паника. Причиной этому послужило Житомирское направление, появившееся в сводках вместо Новоград-Волынского. Житомир — это всего 140 километров от Киева. По радио говорили о тушении после бомбежек пожаров в Москве, а в Киеве опять, как и в первые дни июля, на улицах появился запах гари. На углу Крещатика и площади Интернационала вся мостовая была покрыта остатками горелой бумаги, воздух наполнился хлопьями серого бумажного пепла.

Родственницы Ирины Нюся и Люба отвезли на пристань имущество консерватории, в которой работали, все эти ноты, арфы, струнные и частично духовые инструменты, упакованные в ящики. Теперь они надеялись, что удастся эвакуироваться вместе с имуществом.

24.07.1941, заместитель командира ополченского бронепоезда «литер А» Константин Артемьевич Арефьев, 26 лет

Только начинало светать. Нещадно кусали комары, набухшая от утренней росы одежда липла к телу, но разведчики и Костя, хорошо замаскировавшиеся в зарослях на опушке леса, не обращали на эти трудности внимания. Они ждали начала атаки. Костя время от времени поглядывал на минутную стрелку, немолимо приближающуюся к роковой отметке, и вот наконец послышались первые взрывы гранат, автоматные очереди, во влажном воздухе далеко разнеслось по округе многоголосое «Ура!».

К 21 июля на Коростенском направлении уже действовало четыре бронепоезда — кроме бронепоезда 66-го полка НКВД майора М.В. Панькова добавился бронепоезд 56-го полка, которым командовал старший лейтенант П.К. Ищенко. Прибыл и долгожданный «литер Б».

Ночью ополченские бронепоезда прибыли на станцию Клавдиево. Здесь совместно с 73-м пограничным отрядом планировалась совместная операция по разгрому немецких частей, занявших село Козинцы. Пограничники и десантная группа бронепоездов неожиданной атакой должны были выбить противника из села на открытую местность, а бронепоезда — устроить им огневой мешок.

Константин вместе с разведчиками отправился вперед, чтобы корректировать огонь бронепоездов на местности. План сработал, внезапная атака без артподготовки перед самым рассветом оказалась для немцев полной неожиданностью. Орудиями бронепоезда в течение 10 минут была уничтожена артиллерия противника, смята его оборона. Как потом оказалось, в этот день пограничникам и ополченцам удалось уничтожить и рассеять вражескую роту, а также уничтожить штаб полка. Были захвачены ценные документы.

24.07.1941, командир гарнизона ДОТа № 131 Василий Петрович Якунин, 19 лет

Василий сидел на теплой нагретой броне большого круглого бронеколпака ДОТа, гарнизоном которого ему доверили командовать, и выводил последние буквы письма домой, в Астраханскую область, в деревню Черный Яр. Там оставались мама и сестренка, по которым юный командир очень скучал. Отец давно умер — раны, полученные на Гражданской войне, рано свели его в могилу.

Молодой человек, воодушевленный примером старшего Якунина, тоже хотел быть хозяином своей жизни. Отец — коммунист и активист — в 1927 году создал в селе первую артель по совместной обработке земли, позже переросшую в колхоз, а затем руководил животноводческой фермой. Уже в 17 лет Василий написал первое заявление в райвоенкомат с просьбой направить досрочно на учебу в военное училище. Ему отказали. Тогда он написал второе заявление, третье... И в конце концов 24 января 1940 года Якунин-младший стал курсантом.

Учеба была короткой. Уже 21 мая 1941 года начались выпускные экзамены, а 13 июня курсантам-выпускникам зачитали приказ Народного комиссара обороны СССР, согласно которому Василию присваивалось звание лейтенанта. Часть выпускников, включая Якунина, назначили для участия в высокогорном походе. 14 июня их вывезли из Майкопа в Нальчик, здесь, в горах, группу и застало известие о начале войны. Молодых лейтенантов срочно вернули обратно в Майкоп, выдали новую форму и распределили по воинским частям. Василию выпало ехать в Киевский особый военный округ.

И вот теперь он грелся на солнышке, сидя на теплой поверхности бронеколпака возле небольшого украинского села Кренище, и писал домой последнее в своей жизни письмо: *«Здравствуйте, мама и сестра Нюся! Адрес мой теперь*

такой: гор. Киев, п/я 1, литер "Е". Якунину В.П. Мама! Жду от вас писем. Если кто из товарищей пришлет мне письмо, прошу его направить по новому адресу. Напишите, кого призвали в Красную Армию? Мама! Обо мне не беспокойтесь. Дела у меня идут хорошо, мои помощники и подчиненные — хорошие воины. Пока писать много не о чем. Привет всем родным и знакомым. Ваш сын Якунин В.».

Помощник к Василию прибыл буквально только что — сержант Миша Максимов, который был старше его всего на год, в отличие от их великовозрастных подчиненных-приписников. Максимов только 20 июля вышел из окружения под Белой Церковью, и его, как радиста, направили, в 28-й опб, на усиление. Ну а уже оттуда ценного бойца перенаправили в 131-й ДОТ к Василию. Ценного, потому что Мишу призвали в армию со студенческой скамьи из Тульского механического института. В 41-м году человек с законченным средним образованием был ценным специалистом, а с незаконченным высшим — тем более. Но имелось у Максимова еще одно образование, которое в те дни ценилось особо высоко, — он участвовал в боях и умудрился выйти из них живым. Потому Якунин постоянно расспрашивал его, а тот нехотя отвечал. Нехотя, потому что ничего хорошего в тех боях Миша не видел. Он твердо знал только одно — сражение им предстоит тяжелое, враг на Киев идет страшный.

День клонился к вечеру, с речки доносились «трели» лягушек, начинали лютовать комары. Василий шлепнул одного, уже успевшего насосаться молодой лейтенантской крови, и теперь размазывал красно-серую кашицу по шее. Он рывком поднялся с бронеколпака — надо было провести вечернее построение и в очередной раз проверить боеготовность гарнизона, шестерых здоровых мужиков-резервистов, которые были старше его лет на десять каждый.

Вскоре на двуколке приехал развозчик с едой в термосах, через которого молодой лейтенант и передал письмо. Оно придет к родным Якунина через много дней, когда сам Василий давно уже будет мертвым...

24.07.1941, заместитель наркома внутренних дел УССР полковник Тимофей Амвросиевич Строкач, 38 лет

Киевляне спали беспокойным тревожным сном прифронтового города, а по ночным улицам ехала длинная колонна грузовиков. В кузовах сидели бойцы первого партизанского полка, свет луны выхватывал из темноты их силуэты. Колонна свернула на бульвар Шевченко.

Тимофей Амвросиевич ехал в одной машине с командиром полка капитаном Емельяном Карповичем Чеховым и комиссаром Иваном Григорьевичем Евминовым. Все молчали, говорить не о чем, все уже давно сказано. Их полк в тысячу сто семьдесят бойцов, все добровольцы, выдвигался в Житомирскую область. Задача — громить тылы врага, собирать ценные сведения.

Возле завода «Большевик» колонна остановилась — здесь окраина города. Строкач попрощался с Чеховым, с Евминовым. Напомнил в очередной раз, чтобы они берегли радиостанцию, потому что без нее окажутся глухонемыми — из центра не получают приказы и данные о переброске боеприпасов, и сами не смогут сообщить о своей ситуации. Последнее рукопожатие, и уже последний грузовик исчезает за поворотом. Через пять дней на участке 5-й армии эти люди должны перейти линию фронта, установившуюся в районе Белокоровичей.

Заместитель наркома стоял на пустом Брест-Литовском проспекте, задумчиво глядя вслед уехавшей колонне, а рядом в машине терпеливо ждал водитель — полковник давно эвакуировал семью, и столь поздние поездки для них двоих не были редкостью.

Тимофей Амвросиевич с 28 июня по 5 июля находился на фронте. За это время он успел побывать в Бердичеве, Проскурове, Каменец-Подольском, Шепетовке. От границы отходили погранотряды, и Строкач обеспечивал их оперативное взаимодействие с командующими армий, помогал найти транспорт, осуществлял оперативное управление.

Когда он вернулся домой, в Киев, оказалось, что жена Поля с дочкой Лялечкой успели эвакуироваться в Харьков. И ввремя, на полковника накатила волна работ, нужно было срочно организовывать формирование, подготовку истребительных отрядов и партизанских полков, первый из которых он только что отправил. Второму через несколько дней предстояла высадка в лесные массивы Черкащины. Теперь началась подготовка партизанских отрядов и диверсионных групп, так что на семью времени просто не оставалось бы.

Знакомые все время приставали с просьбами отправить их в партизанский отряд, приходилось часто им отказывать, потому что требовались люди с хорошей физической и военной подготовкой, определенными морально-психологическими качествами, а таких кандидатов было мало. Если бы Строкач мог, он формировал бы эти отряды только из пограничников, народ туда подбирался надежный, с очень подходящей подготовкой, но командование лихорадочно затыкало погранотрядами дыры в обороне, и ценнейшие, редкие кадры гибли под огнем противника, как простая пехота. А сколько пользы они могли бы принести в тылу врага!

Теперь же приходилось формировать партизанские полки и отряды из ветеранов Гражданской войны и вчерашних школьников. Что они там навоюют?.. Пограничников же хватало только на комплектование командного состава, и то не всегда. Приходилось привлекать командиров НКВД из других войск — охранных, железнодорожных, МПВО, мотострелков. Первый Киевский партизанский полк возглавил капитан погранвойск Е.К. Чехов. Комиссаром к нему пошел назначенный до этого комиссаром центрального сектора обороны КиУРА И.Г. Евминов. Еще пятьдесят человек-добровольцев набрали на совещании центрального аппарата украинского НКВД.

Формирование партизанских полков и отрядов происходило на стадионе «Динамо», в доме № 3 по Крещатику, в общежитии Института пищевой промышленности на улице Тарасовской, в средней школе № 47 на Печерске, в других местах. Бойцами небольших отрядов и групп, которые насчитывали от 150 до 200 бойцов, оказывались в основном комсомольцы и молодежь Дон-

басса, Харьковщины и Полтавщины. Полки готовили в лесных массивах Броварского района и Пуще-Водицы.

Над Броварским лесом часто кружили вражеские самолеты, но засечь присутствие здесь партизанской базы они не смогли. Да и не были, скорее всего, будущие партизаны вражеской целью — штаб фронта, вот кто был нужен немцам.

Сегодня утром Строкач вместе с представителями оперативной группы ЦК приехал на базу в Броварский лес. Был получен приказ о выдвигании полка в Житомирскую область. Вслед за ними сюда приехал и командующий Юго-Западным направлением герой Гражданской войны маршал С.М. Буденный.

Семен Михайлович «толкнул речь», напутствовал партизан добрым словом, не забыв вспомнить и о славных боях времен, когда он командовал легендарной Первой конной. Посоветовал обзаводиться лошадьми, незаменимым в партизанских условиях транспортом. Потом все вместе спели «Интернационал»... и начальство разъехалось, а Строкач остался с Чеховым и Евминовым, чтобы еще раз обсудить их действия и способы связи. Все-таки две недели — это очень мало, преступно мало для подготовки таких подразделений. Наконец полковник, к вящему удовольствию своего водителя, сел в машину и поехал домой, отсыпаться.

Историческая справка: 1-й и 2-й партизанские полки НКВД УССР немцы смогли разгромить уже к декабрю 1941 года. Капитан Е.К. Чехов погиб. Командира 2-го полка майора В.И. Щедрина немцы расстреляли в Черкассах. Подавляющее большинство партизан погибло.

**25.07.1941, рядовой 2-го взвода
1-й роты истребительного батальона
Кировского района города Киева
Владимир Николаевич Покотило, 16 лет**

Володина жизнь снова кардинально поменялась. Еще 11 июля он был школьником и копал на подступах к столице Украины противотанковые рвы, а уже на следующий день пошел

в райвоенкомат, и его зачислили в первый взвод второй роты истребительного батальона Кировского района. Сначала батальон формировался на Рыбальском полуострове на территории киевских доков, а потом их перевели в здание по улице Урбановича, 1. До Революции здесь располагалась 5-я городская гимназия, потом — средняя школа, а незадолго до войны тут открыли летную школу. С подходом немцев к Киеву ее эвакуировали в тыл, а на освободившееся место перевели ополченцев.

Из назначенных командиров большинство носило форму пограничников. Володиным взводом командовал лейтенант Галкин, соседним — лейтенант Голиков. Это были молодцеватые, подтянутые уже успевшие повоевать на границе командиры. Ротой командовал тоже пограничник, старший лейтенант Пантелеев. Первоначально истребительным батальоном командовал капитан госбезопасности Ростовцев. Но вскоре его забрали в партизанский отряд Захара Артемьевича Мацшина, который в Гражданскую войну был у Котовского начальником штаба, а теперь занимался формированием партизанского отряда. Место Ростовцева занял капитан Ходченко.

В истребительном батальоне Володя прошел военную подготовку. Обмундирование им выдали летное, оставшееся от школы, вместе с полагавшимися к нему синими пилотками. Винтовки дали австрийские, видимо, попавшие в Киев еще во время Первой мировой войны. К этим «манлихерам» полагались штыки, выполненные в виде тесаков, которые ополченцы носили на поясах в ножнах. Кроме того, бойцы получили по две гранаты «лимонки», по два кожаных подсумка с патронами, противогаз и кавалерийские шинели, называемые «буденовками», которые носились в скатанном виде через плечо.

Бойцы истребительных батальонов патрулировали город, задерживая всех подозрительных, а ночью вылавливая шпионов и диверсантов, которые карманными фонариками указывали ночным бомбардировщикам, где в городе находятся наиболее важные цели. Во время последней облавы, которую

проводил их взвод, одного из ребят шпион застрелил из пистолета. На Володю эта смерть произвела огромное впечатление, хотя он даже не знал фамилии погибшего.

27.07.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Киев притих, в трамваях часто можно было проехать сидя, настолько опустел транспорт. Ирина опять потеряла работу. Им говорили, что с 1 августа в университете начнутся занятия, а 25 июля сказали, что он эвакуируется в Уфу. Передовые предприятия города уже эвакуировали, теперь вывозили промышленность второстепенного значения. Все больше людей, которые двадцать с лишним лет назад подстраивались то под петлюровцев, то под немцев, под красных, под белых, под поляков, потом под советы, готовились к новой смене власти. Ходило много разговоров о том, что будет возрождена Самостійна Україна. Но, видимо, некоторые оживились слишком рано — 20 июля НКВД арестовало престарелую 72-х летнюю украинскую писательницу Людмилу Старицкую-Черняховскую и ее сестру Оксану, племянниц композитора Н.В. Лысенко, известных в Киеве идеологов Незалежності. Говорили о других арестах.

Ирина вместе с Таней сушила сухари, по городу ходили упорные слухи, что хлебозавод скоро прекратит печь хлеб.

28.07.1941, рабочий чугунолитейного цеха завода «Большевик» Виктор Игнатъевич Хохлов, 29 лет

В цеху жарко и душно. На улице 25 градусов жары, а здесь, возле плавильных печей, было все 40. Но люди не роптали, они знали, что враг совсем рядом с городом, за Ирпенем. На-

растала уверенность, что штурм Киева немцами — это лишь вопрос времени, а город нуждался в противотанковых «ежах», так что работали не покладая рук. Основную часть оборудования завода уже демонтировали, шла его погрузка в эшелоны, которые один за другим подавались на территорию. В других цехах заваривали пробоины в подбитых танках, перебирали двигатели и ходовые вышедших из строя грузовиков. А здесь из «нашинкованных» газорезками метровых обрезков двутавровых балок и рельсов формовщики делали «ежи» (круглосуточно работали две смены газорезчиков и три — формовщиков).

Сначала три обрезка металлопроката устанавливали под нужным углом в специальной яме, а затем засыпали песком, в котором оставалась выемка для чугунной отливки, которая скрепляла балки. Чугун наливали стальными ковшами на длинных ручках. Механизация труда была минимальная, но даже таким кустарным способом удавалась потоком «выдавать на-гора» готовую продукцию.

Виктор спиной ощущал, как люди косятся на него. Еще бы, только вчера Хохлов входил в десятку первых лиц завода, а сегодня он кто? Разнорабочий. За срыв подготовки цеха к эвакуации его выгнали из партии, лишили поста секретаря парткома и сняли с начальника цеха. Но он не подавал виду. Хохлов знал, что к середине августа завод должен быть полностью эвакуирован, и с этого времени начнется его подготовка к основной, подпольной работе. Хорошо бы, чтобы она оказалась напрасной, но успешное продвижение немцев на восток оставляло на это мало надежд.

Виктор, сцепив зубы, поднял свой тяжелый ковш, который только что опорожнил в очередную яму с «ежом», и зашагал к печи. В это время стропальщики бросились разгрести песок и цеплять готовое «изделие» к пока еще не демонтированной кран-балке, чтобы вытащить из песка и опустить в большое корыто с водой. Так ускоряли время остывания.

Руки делали свое дело, а Хохлов думал о происходившем на заводе: 20 июля 1941 года начался демонтаж станков и их

подготовка к отправке в Свердловск. Успеют ли эвакуировать завод до начала немецкого штурма? Устоит ли город? Сколько еще им отпущено времени? Оставалось лишь гадать.

Днем на «Большевике» провели митинг, на который собрали всех рабочих завода. Выступало руководство, выступали представители горкома, но самым важным оратором стал немецкий солдат-перебежчик, который в ночь с 21 на 22 июня предупредил наших пограничников о начале войны. После митинга рабочие с новыми силами взялись за работу — город нуждался в «ежах».

28.07.1941, начальник Оперативно-учебного центра Западного фронта полковник Илья Григорьевич Старинов, 40 лет

С 13 июля он работал начальником Оперативно-учебного центра Западного фронта. Так с подачи члена Военного совета фронта Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко, в недавнем прошлом — первого секретаря ЦК партии Белоруссии, назвали Школу подготовки партизан и диверсантов. Идею такой школы Илья Григорьевич вынашивал уже давно. Он встречался и с маршалом К.Е. Ворошиловым, и с заместителем наркома обороны Л.З. Мехлисом, но у тех не нашлось времени нормально выслушать его и отдать необходимые распоряжения. Понимание Старинов нашел только у Пономаренко, а уже тот «протокнул» решение у маршала С.К. Тимошенко.

Центр размещался в лесу, в бывшем пионерлагере под небольшим смоленским городком Рославлем. Не хватало элементарного — взрывчатки, детонаторов, гранат. Как хороший взрывотехник, Старинов наладил производство самодельного аммонала, железнодорожных мин собственной конструкции, других «подарков» для незваных немецких «гостей». На рассвете 17 июля поступил приказ перевести центр под Гомель,

в село Чонки — немцы захватили Смоленск и приблизились к Рославлю.

На новом месте остро встал вопрос нехватки деталей для изготовления мин. Даже банальных батареек для карманных фонариков, без которых не изготовить электродетонаторы, было не найти. В Гомеле нужных деталей не нашлось. Ближайший крупный город, в котором все это наверняка можно было бы раздобыть, это Киев, и Илья Григорьевич отправился туда. Кроме того, Старинов надеялся разыскать там партизанских командиров и специалистов-подрывников, которых хорошо знал по началу 30-х годов. Дефицит опытных кадров был полнее, чем дефицит деталей.

Война сильно преобразила город — на улицах возвышались баррикады из мешков с песком, перед некоторыми из них в земле зияли противотанковые рвы. Стекла в полосках крест-накрест наклеенной бумаги, стеклянные витрины закрыты деревянными щитами или мешками. Старинов сказал водителю, чтобы тот остановился возле дома по адресу Крещатик, 25. Там до войны проживал боец из бригады Котовского, кавалер двух боевых орденов Красного Знамени Николай Васильевич Слива. Но открывшая дверь незнакомая женщина сказала, что он уже год как уехал в Молдавию, скорее всего — в Бельцы.

К зданию республиканского ЦК партии подъехали в сумерках. На площади перед серой громадой мрачного серого дворца пусто — ни души, будто вымерло все, только в повисшей гнетущей тишине с запада явственно доносится гул артиллерийской канонады.

В отделе пропусков Старинов сказал, что прибыл к заведующему военным отделом ЦК Петру Ивановичу Захарову. Его документы долго проверяли, но пропуск выписали. Старинов зашагал по пустынной лестнице, застеленной ковровой дорожкой, и отыскал нужный кабинет. Захаров выслушал просьбу помочь с подготовкой партизан, и предложил пройти в кабинет секретаря ЦК Компартии Украины Михаила Алексеевича Бурмистенко, который был главным ответственным в вопросах подготовки партизан и подполья на Украине.

Здесь, как и у Пономаренко, вопросы решались быстро. Десять тысяч ампул серной кислоты, две тысячи батареек и лампочек для сборки мин Михаил Алексеевич пообещал завтра же выделить. По старым партизанским кадрам он попросил дать список, который в самый короткий срок должны были отработать компетентные товарищи. При замечании Захарова, что товарищи с Западного фронта приехали не с пустыми руками, а привезли образцы взрывотехники, Бурмистенко оживился и тут же предложил принести их и продемонстрировать у него в кабинете.

Старинов не на шутку напрягся. Одно дело показывать мины и зажигательные заряды на партизанской базе, и совсем другое — нести их в одно из самых важных республиканских зданий. Но секретарь ЦК УССР никаких затруднений в этом не видел. Тут же он набрал на телефоне нужный номер и предупредил кого-то, чтобы товарища, который сейчас выйдет от него, а потом вернется с двумя чемоданами, пропустили без досмотра.

Когда Старинов вернулся, в кабинете уже собралось человек пятнадцать народу: работников аппарата ЦК, секретарей обкомов. Со столов убрали все лишнее, и Бурмистенко сказал, чтобы гость не стеснялся и выкладывал смело на стол все привезенные «богатства». Следующий час Илья Григорьевич показывал принципы действия различных типов партизанских мин. Зажигательный снаряд даже активировали, предварительно поместив его в массивную каменную урну, которую несколько человек притащили из коридора.

Бурмистенко все показанное очень понравилось, и он попросил Старинова передать Пономаренко, что они просят своего белорусского коллегу «одолжить» им Илью Григорьевича хотя бы на пять дней, чтобы тот помог наладить партизанскую школу, открытую в Пуще-Водице. Взамен Бурмистенко обещал полное содействие в предоставлении группе Старинова всех необходимых расходных материалов и оказание помощи в поиске старых кадров. Лучшего исхода поездки не приходилось и желать.

28.07.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год

Напряженность воздушного противостояния в небе над Киевом возрастала с каждым днем. 21 июля над Броварами были замечены поочередно пролетевшие двухмоторный Ю-88, а затем одномоторный штурмовик Ю-87, за характерные обтекатели неубирающихся шасси прозванный «лаптежником». По всем признакам, немцы проводили фоторазведку. Обеспокоенное этими данными командование поставило эскадрилье боевую задачу — от рассвета до заката на высоте до 3000 метров непрерывно держать в воздухе восемь самолетов, вооруженных реактивными снарядами. Двое суток пилоты делали по пять и более вылетов в день, от чего вымотались и физически, и морально.

Было израсходовано огромное количество топлива и масла, самолеты изнашивались, начинали чаще ломаться, а массированного налета на Бровары все не было, только 26 июля одиночный Ю-88 сыпанул бомбами на прикрывавшую аэродром зенитную батарею и убрался восвояси. Наконец командование разрешило эскадрилье вылетать на перехват «по-зрячему» или по звонку с наблюдательного пункта дивизии. Самолеты на всякий случай совсем убрали с летного поля, спрятав под деревьями на опушке Броварского леса.

Накануне одиночный Ю-88 засек момент взлета всей эскадрильи с полной бомбовой нагрузкой — они как раз летели на штурмовку на Брест-Литовское шоссе — и был в свою очередь замечен. Стало понятно, что пора ждать незваных гостей, и они не заставили себя долго ждать. Сегодня утром сразу 27 Ю-87 усыпали их летное поле множеством мелких бомбочек, которые разбрасывали большие ротативные контейнеры. Это были просторные фанерные цилиндрические ящики, до 3 метров длиной и до 90 сантиметров в диаметре. Стягивающие их полосы в полете лопались, дверки открывались, специальное

устройство придавало контейнеру вращательный момент, и он с высоты в 2-3 километра просто усеивал пространство 2-2,5 и 10-килограммовыми осколочными и термитными бомбами.

Затем, где-то через час, сразу 36 Ю-88 нанесли удар по Броварам. Они не смогли накрыть штаб Юго-Западного фронта, потому что разведчики не выяснили его точное местоположение. Вместо этого снова горели жилые дома и постройки, гибли люди, а летчикам их эскадрильи оставалось только бессильно скрипеть зубами. Посты ВНОС опять не предупредили их вовремя о полете врага, и оставалось только беспомощно наблюдать с земли за результатами его работы. Зенитчики сбили два бомбардировщика, но отогнать их от городка так и не смогли.

28.07.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года

День убывал к ночи, когда к Ивану Христофоровичу заглянул его подчиненный, капитан Миша Саракуца. Он принес на подпись оперативную сводку и сообщил последнюю новость — прибыл новый начальник штаба фронта. О том, что Пуркаева забирают в Москву, все уже давно знали, однако никто не догадывался, что это произойдет так быстро, а самое главное, в такое тяжелое для фронта время. Теперь Максим Алексеевич просил Баграмяна зайти к нему.

Оставив попытки штурма Киева в ближайшее время, немецкое командование сконцентрировало свои удары против наших армий, воюющих на флангах, — 5-й, оборонявшейся в районе Коростенского УРа, и 26-й, которая сражалась южнее Киева.

6-я армия откатывалась на юг, штабу все сложнее удавалось поддерживать связь с ее штабом и штабом 12-й армии — между ними вклинились немецкие войска, офицерам связи приходилось облетать эту территорию, или же, рискуя жизнью, лететь над ней. Утром 25 июля командующий фронтом генерал-лей-

тенант М.П. Кирпонос обратился к командующему направлением маршалу С.М. Буденному с предложением передать обе армии в ведение Южного фронта, так как в результате отхода они теперь находятся ближе к командованию «южан» и, что важнее, к его базам снабжения. Семен Михайлович запросил Генштаб, и тот сразу одобрил это решение.

Историческая справка: 21 июля 1941 года, запись в дневнике начальника штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковника Гальдера: «До тех пор, пока 26-я русская армия, действующая южнее Киева, не будет разбита, 1-й танковой группе нельзя ставить никаких новых задач, связанных с наступлением на юг. В данной обстановке будет удовлетворительным, если ее частям удастся достигнуть Умани и осуществить тактический охват противника, отходящего перед фронтом 17-й армии». Этот замысел немецкого командования полностью удался. Ко 2 августа кольцо вокруг отступавших 6-й и 12-й армий было замкнуто, и в районе Умани (210 км южнее Киева) образовался печально известный Уманский котел. Оказавшиеся в нем части прекратили сопротивление 8 августа.

26 июля вермахт начал массированное наступление восточнее и юго-восточнее Белой Церкви, пытаясь отрезать от Днепра 5-й конный и 6-й стрелковый корпуса 26-й армии. Сильным ударам подверглись недавно прибывшие 165-я и 175-я дивизии 64-го стрелкового корпуса. Их «с колес» бросили контратаковать противника, но теперь соединения вместо атаки вынуждены были упорно обороняться, удерживая занятые рубежи.

Новый начальник штаба фронта оказался довольно молодым человеком в звании генерал-майора. Познакомились. Оказалось, что перед самой войной Василий Иванович Тупиков работал военным атташе в Третьем рейхе и с трудом сумел вырваться оттуда. Он попросил ознакомить его с ситуацией на фронте, но не прямо сейчас, а часика в четыре утра, потому что крайне устал и хотел бы выспаться с дороги. Пуркаев слушал беседу, молча укладывая в чемодан свои вещи.

Иван Христофорович, как и было условлено, пришел на доклад к новому начальнику ровно в 4:00, но тот крепко спал, широко раскинув на походной кровати свои руки. Тогда Ба-

грамян тоже решил зря времени не терять и прилег здесь же на диванчике.

Когда он проснулся, рядом грохотала бомбежка и канонада бешено отстреливающихся зенитных орудий. Стекла жалобно дребезжали, с потолка сыпалась штукатурка, пол, стены, потолок, а вместе с ним и лампа раскачивались из стороны в сторону. Невозмутимый Тупиков прохаживался взад-вперед и напевал арии из «Евгения Онегина». Его, видимо, разбудил шум бомбардировки. Работники же штаба успели привыкнуть к подобному, и часто даже взрывы не могли прервать их крепкий короткий сон.

Иван Христофорович доложил о ситуации на фронте, которая была особенно сложной у 26-й армии и 64-го стрелкового корпуса. Василий Иванович тут же приказал готовить приказ о переходе армии к обороне — время лихих контратак прошло. Приказ заканчивался словами: *«...Приказываю: разгромить врага при его попытках прорваться к Днепру и продолжать упорно удерживать занимаемый вами рубеж».*

Когда Иван Христофорович принес отпечатанный на машинке текст приказа на подпись М.П. Кирпоносу, тот познакомил Баграмяна со вторым членом Военного совета фронта, прибывшим взамен застрелившегося Н.Н. Вашугина. Им оказался старый знакомый Баграмяна по стажировке 1933 года в червонноказачьей кавалерийской дивизии дивизионный комиссар Евгений Павлович Рыков. Он тогда был совсем молодым двадцатисемилетним инструктором политотдела дивизии. Поздоровались, но времени на долгие расспросы не оставалось, приказ надо было срочно отправить в войска.

29.07.1941, начальник Генерального штаба генерал-полковник Г.К. Жуков, 44 года

Жуков, склонившись над картой, пытался совладать с волнением, которое с первым шагом в рабочий кабинет Сталина загнал куда-то глубоко в себя и которое с каждой секундой стремилось

вырваться наружу. Было отчего волноваться. После совещания в Генштабе с начальником оперативного управления генералом В.М. Злобиным и его заместителем генералом А.М. Василевским Жуков сам набрал Верховного и попросил дать возможность доложить их соображения. Иосиф Виссарионович ответил коротко: «Приходите».

Уже через несколько минут Жуков сидел в приемной, ожидая Берию, Маленкова, Мехлиса, других вызванных Сталиным членов Ставки, а теперь перед всеми этими людьми излагал мнение, которое могло дорого обойтись начальнику Генштаба. Жуков говорил о том, что, вероятнее всего, немецкое командование готовит глубокий охват войск Юго-Западного фронта, обороняющихся и отступающих в районе Житомирской, Киевской и Винницкой областей. Для этого у них есть все предпосылки. В Белоруссии немцы продвинулись практически к Гомелю, удержать который у нас сил не было. На юге танки Клейста продвинулись в районе Кременчуга в излучину Днепра. Стоит им форсировать реку и устремиться на север, а танкам Гудериана развернуться и ударить им навстречу на юг, и сразу практически все силы Юго-Западного фронта окажутся в окружении.

Сталин спросил, что же Генеральный Штаб предлагает. Жуков начал издали. Он предложил укрепить Центральный фронт, на котором сложилась наиболее тяжелая обстановка, тремя армиями, усиленными артиллерией, которые перебросить по одной с западного направления, Юго-Западного фронта и резерва Ставки. Взамен снять армии с Дальнего Востока. Мехлис возмутился, что Жуков собирается отдать Дальний Восток японцам, но Жуков проигнорировал его выпад. Он готовился сказать самое главное и самое неприятное.

Услышав предложение отвести Юго-Западный фронт за Днепр целиком. Сталин в упор уставился на Жукова, сверля недобрый взглядом. Он задал лишь один вопрос: «А как же Киев?» И Георгий Константинович ответил, что Киев необходимо сдать. Он тут же продолжил, пытаясь хоть как-то снять напряжение, что на западном направлении Генштаб предла-

гает провести контрнаступательную операцию по ликвидации «Ельнинского выступа», но Сталин уже ничего не хотел слушать. На повышенных тонах он назвал план контрударя чепухой, ведь опыт показал, что Красная Армия совершенно не умеет наступать. И вообще, Сталина сейчас это не волновало, его волновало другое — как они, хваленые советские генералы, могли додуматься сдать врагу Киев?

С трудом сдерживаемое Жуковым волнение вырвалось на свободу, кровь толчком прилила к голове. Он обиженно бросил Сталину, что раз тот считает чепухой предложения своего Начальника Генерального штаба, то пусть тогда отправляет его на фронт, где он сможет принести больше пользы. Сталин смягчился, попросил генерала не горячиться, подумать, после чего заметил, что, впрочем, они без Ленина уже семнадцать лет обходятся, а уж без него, Жукова, тем более как-нибудь справятся. В воздухе повисла тягостная пауза. Наконец Сталин отпустил Начальника Генерального штаба работать.

Какое работать? Жуков не находил себе места, понимая, что сейчас там в кабинете у Сталина решается судьба всего фронта. Наконец через полчаса его вызвали обратно. Сталин сказал, что Жукова, в соответствии с просьбой, Ставка освобождает от должности, назначая взамен маршала Б.М. Шапошникова. Опять предательское волнение вырвалось наружу. Едва справляясь с охватившей его дрожью, Георгий Константинович заинтересовался, куда же ему теперь? Он сказал, что готов командовать армией, корпусом, дивизией... полком. Верховный потеплевшим голосом снова попросил не горячиться и предложил организовать то самое Ельнинское наступление, о котором Жуков говорил в самом начале. Когда он может отправляться? Генерал ответил, что через час. Тогда Сталин сказал, что сначала надо будет сдать дела Шапошникову, ну а пока предложил попить Жукову вместе со всеми присутствующими чаю.

Дальнейшее чаепитие в основном проходило в гнетущем молчании. Говорить особо никому не хотелось.

Историческая справка: Запись в дневнике Начальника Генерального штаба сухопутных войск вермахта Франца Гальдера

от 24 июля: «Командование группы армий “Юг” планирует начало наступления 6-й армии по обе стороны Киева к Днепру в конце июля и надеется, что к этому времени 1-я танковая группа завершит выполнение стоящих перед ней задач в районе западнее Днепра и сможет форсировать Днепр у Кременчуга и Черкасс с целью последующего соединения со 2-й танковой группой в районе северо-западнее Харькова.

Пока еще не ясно, достигнем ли мы к концу июля решающего успеха против 5-й русской армии совместным наступлением войск групп армий “Юг” и “Центр” в районе западнее или непосредственно восточное Днепра».

29.07.1941, рядовой 2-го отдельного пулеметного батальона Федор Федорович Худяков, 36 лет

Жизнь наладилась. На следующий день после возвращения Худякова во взвод из медсанчасти его вызвал к себе политрук Климак. Ему нужен был человек, способный наладить регулярный выпуск «Боевого листка», причем не в единичном экземпляре, а по одному на каждый взвод и команду.

С утра Федор обходил окопы и траншеи, разносил сделанное за вчера и собирал новую информацию о жизни роты, о нуждах и проблемах бойцов, смешные или поучительные происшествия. После этого он садился в землянке политрука и аккуратными печатными буквами писал текст на специальных типографическим способом отпечатанных бланках «боевого листка», оставляя место для заголовков и карикатур. По словам Климака, его «публицистика» начала пользоваться популярностью. Все «боевые листки» он, после ознакомления с ними бойцов и командиров, отправлял в штаб батальона, откуда их нередко перенаправляли в другие роты, а наиболее удачные — в Киев в штаб КиУРа, где они демонстрировались на выставке.

И вот сегодня в роту приехало батальонное начальство — комбат Метелкин, начштаба Колибаба и военком, фамилию которого Федор не запомнил. Увидев на столе перед Худяковым незаконченные «боевые листки», военком сказал что-то вроде: так вот кто, оказывается, мастер «боевых листов». Федор решил брать быка за рога. Он попросил печатную машинку, тогда бы создание боевых листов продвигалось намного быстрее, он мог бы печатать несколько экземпляров одновременно. В ответ начштаба сказал, что они Худякова забирают к себе в штаб батальона, а Климак найдет себе другого помощника. Сборы заняли две минуты — Федор снял со стены и перекинул через одно плечо шинельную скатку, через другое противогазную и гранатную сумки, за спину закинул тощий вещмешок, а патронташ с патронами и фляга и так уже были при бойце. Вот и все сборы.

30.07.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Ирина сидела в подавленном настроении. Университет закрылся. Она пыталась получить там расчет за отработанное время и присутствовала при отвратительной и одновременно ужасной картине. Сотни, сотни преподавателей и учителей пришли за ликвидационными, которые им обязаны были выдать согласно распоряжению, пришедшему из Наркомпроса. Когда бухгалтер заявил, что ему одной этой бумаги для выдачи такой суммы недостаточно, поднялся страшный крик. Вся злость на администрацию, бросившую людей без работы, без перспектив уехать, без средств существования, излилась на несчастного бухгалтера, который быстро спрятался в своей каморке.

В библиотеку в день приходило всего по 15–35 посетителей, и перспективы с ней были тоже весьма туманны. Город потихоньку переселялся, иногда в пределах своих границ (так,

Государственный банк с правого берега переехал на левый, в Дарницю), иногда чуть дальше (мединститут перебрался в Полтаву). Библиотеку по причинам чрезмерного объема фондов и нехватки транспорта никто перевозить не собирался, ее могли только просто закрыть. Уехать из Киева стало крайне сложно — эвакуировали только детей. Можно было, конечно, купить на вокзале билет, но никто не мог гарантировать, что вы по нему уедете и тем более куда-то доедете.

Немного радовали сообщения радио — Житомирское направление упоминали не так часто, и на нем, вроде бы, даже были некоторые успехи.

31.07.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года

Немецкое командование готовилось к штурму Киева, в этом уже не оставалось никаких сомнений. С юго-западной стороны на город нацелился 29-й армейский корпус. Всего же на подступах к Киеву противник сосредоточил до 20 дивизий. В немецкие планы входило не только захватить столицу Украины, но и отрезать пути отступления 5-й армии и 27-му стрелковому корпусу. Разгромить южнее Киева 26-ю армию немцам не удалось, она упорно оборонялась, не подпуская противника к Днепру.

Севернее Белой Церкви командование вермахта сосредоточило до семи дивизий, которые перешли в наступление 30 июля. Особенно тяжелые бои выпали на долю 165-й и 175-й стрелковых дивизий 64-го стрелкового корпуса. На них вдоль шоссе Белая Церковь — Киев наступало сразу пять пехотных дивизий противника. Уже во второй половине дня заменивший 22 июля отстраненного от командования корпуса генерал-майора А.Д. Кулешова его заместитель, генерал-майор З.З. Рогозный, доложил, что атакован превосходящими силами

противника. Над передним краем постоянно «висели» большие группы вражеских бомбардировщиков. Позиции частей подверглись массированным артиллерийским и минометным обстрелам.

Ночью стало ясно, что основной удар пришелся на стык дивизий. Несколько батальонов 165-й сд оказались отрезанными от своих и теперь дрались в окружении. На Киевском направлении возник разрыв, в который устремился противник. Рогозный просил об отходе, но комфронта не давал на то разрешения. В который раз Кирпонос вызвал «на ковер» командующего фронтовой авиацией генерала Астахова и потребовал от него массированными бомбардировками и штурмовками задержать продвижение противника.

Командующему же 64-м ск было приказано, пользуясь ночной темнотой, деблокировать батальоны и дальше удерживать занимаемые позиции. Ему сообщили, что на помощь корпусу из Киева отправляются два бронепоезда, а утром удар по противнику нанесет фронтовая авиация.

31.07.1941, командующий 36-й иад Герой Советского Союза полковник В.В. Зеленцов, 30 лет

Виктор Владимирович сидел за столом и читал боевое только что доставленное из 2-го иап, донесение, когда его соединили со штабом 43-го полка. На том конце оказался его командир Яков Власович Шипитов. Он докладывал о результатах штурмовки, которую провела 3-я эскадрилья. В районе Обухова «чайки» нанесли удар по немецкой автоколонне. С первого захода комэску Шишкину удалось поджечь бензовоз, полыхнувший огненным факелом.

Вслед за ним вставшие в круг И-153 один за другим спускались вниз, атаковали противника, возвращались в круг и продолжали дальше эту зловещую карусель. Скоро на земле уже

полыхало девять факелов, а колонна скрылась в клубах пыли и дыма. Но и атакующие понесли потери, один из истребитель-бипланов задымил и пошел к земле. Пуля пробила маслобак у «чайки» командира эскадрильи. Он смог протянуть прочь от места атаки 15 километров, но до территории, занятой нашими войсками, дотянуть не смог.

Летчики наблюдали сверху, как самолет выпустил шасси и успешно приземлился на зеленый луг. Но это видел и противник — дорога, по которой продвигались его войска, находилась всего в полукилometре от места приземления. Эскадрилья построилась над местом приземления в круг. Самолет командира звена младшего лейтенанта Власа Куприянчика нырнул вниз и тоже пошел на посадку рядом с «чайкой» командира. Тот бросился от своего биплана к севшему И-153.

В это время со стороны дороги появился грузовик с немецкими солдатами в кузове. Один из истребителей тут же вышел из круга и обрушил на машину ливень пуль винтовочного калибра. Фигуры в мышиноного цвета мундирах сыпанули в разные стороны, залегая среди высокой травы. Грузовик остановился. В это время «чайка» Куприянчика, принявшая командира, тяжело пробежалась по полю и взмыла в небо. «Похудевшая» на один самолет эскадрилья направилась за Днепр на свой аэродром, где вскоре и приземлилась.

Но это был не последний подвиг, совершенный в полку в этот день. С гордостью в голосе Шипитов доложил, что сегодня лейтенант Чичико Кайсарович Бенделиани совершил первый за историю 43-го иап таран. Во время очередного воздушного боя он атаковал немецкий истребитель Me-109 со стороны задней полусферы, но, когда нажал на гашетку, оказалось, что боеприпасы у его И-16 закончились. Тогда он, не раздумывая, пошел на таран, и плоскостью самолета срезал «фрицу» хвостовое оперение. Немецкий истребитель сорвался в пике. И-16 тоже был сильно поврежден, и Бенделиани пришлось выброситься с парашютом, к счастью успешно. Бой происходил на нашей территории, поэтому пилот уже был на аэродроме.

Зеленцов попросил не задерживать с подготовкой документов на награждение. Люди работали на износ, надо было хоть чем-то их подбодрить и поощрить.

Положив трубку, он только и мог тяжело вздохнуть — они потеряли еще два самолета... хорошо, без пилотов. Но такими темпами скоро не на чем будет воевать. На 29 июля у соединения оставалось 54 И-16, из которых 12 были в ремонте и 18 И-153, с 3 машинами, ждавшими запчастей. Теперь их стало еще меньше. Недавно, правда, из расформированных полков им передали еще 8 МиГ-3, однако из них 3 самолета также требовали ремонта, а пилоты только начинали их осваивать.

31.07.1941, нападающий и капитан футбольной команды «Динамо» (Киев) Константин Васильевич Щегоцкий, 30 лет

На стадионе «Динамо» непроизвольно сложился своеобразный штаб, в который входил заместитель председателя Украинского совета клуба «Динамо» подполковник Павел Бурдуков, эвакуировавшийся в Киев директор стадиона «Динамо» во Львове и бывший игрок киевского «Залдора», изредка выступавший и за «Динамо», Исаак Ячменников, легкоатлет Наум Макарон и Константин. Они помогали эвакуироваться семьям футболистов, проводили в Москву вместе с семьей и тренера М.П. Бутусова. «Штаб» распоряжался имуществом клуба, взял под свой контроль магазин «Динамо» на Крещатике, помогал снаряжением, одеждой, инвентарем работникам, которые отправлялись в партизанские и диверсионные отряды.

Историческая справка: Спортивный клуб «Динамо» от самого времени его создания курировал Наркомат внутренних дел СССР, так же, как клуб «ЦДКА» (позже «ЦСКА») — Наркомат обороны, «СКА» — Наркомат ВВС, а «Локомотив» — Наркомат путей сообщения. Подавляющее большинство спортсменов и функционеров клуба носили воинские звания НКВД. Порядок этот сохранялся и по-

сле окончания войны. Так, например, легендарный тренер команды «Динамо» (Киев) и сборной СССР Валерий Васильевич Лобановский до распада СССР имел звание капитана МВД (после распада в 2000-м стараниями министра внутренних дел Украины Юрия Кравченко ему присвоили звание полковника). Знаменитый нападающий «Динамо» (Киев) Олег Блохин — майор МВД СССР в отставке, хотя обычно выше капитана спортсменам звания в СССР не давали. Исключение сделали только для него, а также легендарных хоккеистов ЦСКА — Валерия Харламова и Владислава Третьяка.

Бурдуков обращался к начальнику НКВД города Киева Льву Моисеевичу Варнавскому с предложением эвакуировать и спортсменов, которых не призвали в армию, но тот к его мнению не прислушался.

Как-то на стадион заглянул зам. начальника НКВД УССР и председатель Украинского совета клуба «Динамо» полковник Т.А. Строкач. Константин и остальные рассказали о деятельности штаба, о помощи, которую они оказывали партизанским отрядам. Тимофей Амвросиевич приказал им заняться спортивной базой «Динамо», на которой оставалось большое количество спортивного инвентаря. Им требовалось как-то распорядиться. Самое ценное — эвакуировать баржей по Днепру, причем делать это надо было срочно — враг вот-вот мог прорваться к побережью и прервать сообщение по реке. Остальное имущество можно попытаться с толком использовать в городе. В общежитии при стадионе еще продолжали жить футболисты из Западной Украины — М. Матыас, А. Скоцень, К. Гурский, А. Горинштейн, Т. Газда, Т. Едынак. Некоторые из них — с женами. Их также требовалось срочно посадить на баржу и эвакуировать, тем более что настроение у них было совершенно не просоветское.

Историческая справка: Эти игроки были переведены в Киев из западно-украинских команд в 1940/41 году по инициативе украинских функционеров НКВД. Интересно сложились их судьбы. После того как эвакуированных сплывили на барже вниз по Днепру до Днепрпетровска, они жили там до прихода немцев, после чего часть игроков ушла на запад, вернулась во Львов и долгое время играла там

в разных командах и лигах. Так, Александр Скоцень играл за «Украину» (Львов), после войны эмигрировал в Австрию, затем во Францию и окончательно осел в Канаде. Ромуальд Газда (под именем Романа) вместе со Скоцением играл в оккупации за команду «Украина» (Львов). После войны остался во Львове. В 1944–1945 гг. играл за «Динамо» (Львов), а в 1946–1949 гг. — за «Спартак» (Львов). Впоследствии стал известным рефери, судьей всесоюзной категории. Михал Матыяс под немцами играл за польские команды Львова. После войны уехал в Польшу. Тренировал сборную Польской Народной республики (ПНР) на олимпийских играх 1952 года. Казимеж Гурский эвакуировался. Служил в Войске Польском. После войны опять играл за польские клубы, стал тренером сборной ПНР по футболу, занял с нею 3-е место на чемпионате мира в ФРГ в 1974 году, обыграв Бразилию, 1-е место на Олимпиаде в Мюнхене в 1972 году и 2-е место на Олимпиаде в Монреале в 1976 году. Тадеуш Едынак — служил в Войске Польском и после войны выбрал военную карьеру. Абрам Горинштейн, несостоявшийся вратарь киевского «Динамо», эмигрировал в Канаду, реализовал себя в коммерции, заработав миллионы на выпуске мясных консервов.

Поставленными задачами занялись Константин и Ячменников, которого все по старой футбольной традиции звали просто Ячиком. Они пристроили футболистов с семьями на баржу и помчались на спортивную базу. Когда двери склада спортивного инвентаря распахнулись перед ними, руки у Кости и Ячика опустились. Одних ящичков было несколько тысяч. Кроме того, они насчитали около трех тысяч пар лыж. Устроенные вдоль стен полки-стеллажи ломились от мячей, различных сеток, прочего спортивного инвентаря. Что же со всем этим делать?..

Предприимчивый Ячик быстро сообразил, кому может пригодиться часть этих богатств. Прямо с базы они перезвонили коменданту города и предложили прислать машины за многочисленными ящиками с волейбольными, гандбольными, футбольными сетками, которые можно было легко переделать в маскировочные сети. Комендант поблагодарил за помощь, уже через час пришли машины с грузчиками, которым футболисты помогли грузить ящики в кузов. Одну машину с води-

телем комендант оставил в их распоряжении, и до вечера они успели все вывезти и погрузить на баржу.

Поздно вечером полковник Т.А. Строкач снова заехал к ним. Бурдуков доложил о выполнении задания, после чего Константин спросил, можно ли его зачислить в какую-нибудь часть, потому что военкоматы из города уже эвакуировали. Его заявление с просьбой назначить инспектором по физической подготовке партизанских отрядов осталась без ответа, и Щегоцкий завис между «небом и землей». Полковник пообещал разобраться и помочь.

31.07.1941, рядовой 2-го взвода 1-й роты истребительного батальона Кировского района города Киева Владимир Николаевич Покотило, 16 лет

Смеркалось. Подошла Володина очередь идти в караул. Он стоял на часах под высоким, быстро темневшим небом Киева, с наслаждением вдыхая терпкий июльский воздух, и время от времени с тревогой прислушивался к далекой канонаде, приближающейся к столице Украины с юга.

Немцы подходили к городу с той стороны, где его не прикрывал Ирпень со своей надежной болотистой поймой. Очевидно, именно в связи с этим их батальон перебросили с Печерска на Зверинéцкие высоты, где инженерно-саперными батальонами уже были подготовлены добротные сделанные большие ДзОТы. Они протянулись длинной цепочкой от озера, которое блестело зеркальной гладью на правом фланге почти до самого Дарницкого железнодорожного моста. В ДзОТах были установлены спаренные пулеметы с воздушным охлаждением. Самый большой из них возглавлял цепочку и располагался на склоне холма над самым озером. Гарнизон составлял 28 человек.

Историческая справка: Спаренные установки пулемета ДА — Дегтярева авиационный, использовались на самолетах Р-5 и У-2, на

бомбардировщиках ТБ-3 и в качестве зениток. В Киеве перед войной оказалось значительное их количество, поэтому ими вооружили часть ДОТов КиУРа, часть ДЗОТов, некоторые возведенные на городских улицах баррикады.

Вторым по счету оказался ДЗОТ, в котором находился Володя. Дальше по склону холма, нависавшему над проложенной внизу железнодорожной веткой, располагались еще четыре. Они были намного меньше первого и вмещали по одному пулеметному расчету, состоявшему из пяти человек. Каждый день четверо солдат из каждого гарнизона несли караульную службу, чтобы никто не мог подобраться к ДЗОТам незамеченным. Дежурили по очереди, сменяясь каждые три часа, за чем строго следили сержанты — командиры расчетов. С момента перевода на Зверинец батальон переподчинили командованию южного сектора обороны КиУРа. Они занимали третью его линию и фактически находились в резерве.

На холме справа от Володи стояла недостроенная церковь. Он знал, что ее начали строить еще до революции, когда в 1916 году на Зверинецком кладбище начали хоронить солдат Первой мировой войны, умерших от ран в киевских госпиталях. Тут хотели создать посвященный им мемориал, но Революция и последовавшая затем Гражданская война так и не дали осуществиться планам. Памятью о них осталась недостроенная церковь, видя которую, лейтенант Галкин каждый раз сокрушался, что она может послужить для вражеских корректировщиков отличным ориентиром.

Историческая справка: Недостроенная Никольская церковь (1916 г., архитекторы П. Фетисов и В. Рыков) на новом Братском кладбище участников Первой мировой войны. Кладбище давно ликвидировано, а в перестроенном храме находится один из корпусов Института проблем прочности НАН Украины.

Между религиозным недостроем и ДЗОТом пролегла пыльная грунтовая дорога, по которой раз в день к гарнизонам приезжала полторка с полевой кухней.

Историческая справка: В то время эта городская транспортная артерия называлась Военной дорогой (от располагавшихся вдоль нее

саперных лагерей). После войны ее переименовали в Островетянское шоссе, а с 1957 года стали называть улицей Киквидзе. 20 декабря 2016 года в связи с декоммунизацией ее в очередной раз переименовали в честь Михаила Львовича Бойчука — репрессированного в 1937 году украинского художника.

Кухня привозила горячий обед и сухпай на завтрак и ужин. После раздачи ополченцам приходилось каждый раз карабкаться на кручу к своим ДЗОТам. Кухня останавливалась внизу, под холмом у капустного поля, которое простиралось практически вплитык к железнодорожным путям, за которыми начинался Буслаевский сад. Молодые ополченцы уже не раз наведывались туда, набивая карманы и пилотки недозрелыми яблоками и кисло-сладкими абрикосами.

01.08.1941, военком КиУРа полковой комиссар И.Ф. Евдокимов, 39 лет

Грохот канонады приближался к позициям КиУРа с каждым часом. Утром командир 193-го опб капитан Утробин доложил, что бой наших отступающих частей уже можно наблюдать с его НП, и Илларион Федорович выехал в батальон. Здесь ему довелось увидеть, как одно из орудий, как потом выяснилось, 632-го полка 175-й стрелковой дивизии, прикрывало мост через реку Ирпень.

Оно подбило вражеский танк, рассеяло шрапнелью следовавшую за ним пехоту. Немцам уже удалось переправиться на левый берег реки, а орудие все еще вело огонь, давая возможность стрелкам отойти и закрепиться. Командир батареи отправил к орудию ездовых, но те запоздали. Орудийную позицию накрыло вражеским огнем. У орудия остался один наводчик. Он продолжал вести огонь, однако новый разрыв сбил с ног и его. Иллариону Федоровичу в бинокль было видно, как раненый наводчик ползал среди погибших товарищей, собирая ручные гранаты. В это время на позицию выскочили

передовые немецкие пехотинцы, они бросились к раненому артиллеристу... и наступавших взрывом раскидало в стороны. Благодаря этому ездové успели развернуть упряжку и галопом понеслись к своим.

Позже у вышедших на позиции КиУРа уцелевших артиллеристов Илларион Федорович смог выяснить, что героя звали И.П. Федюнин.

01.08.1941, начальник Оперативно-учебного центра Западного фронта полковник Илья Григорьевич Старинов, 41 год

Через два дня после приезда из Киева Илья Григорьевич засобира́лся обратно. Лампочки, батареекы, ампулы, химреактивы и прочее, затребованное по списку, благодаря Бурмистенко ему выдали уже на следующий день. Тогда же он занес Михаилу Алексеевичу список тех партизан, кого помнил по началу 30-х. Бурмистенко обещал сделать все от него зависящее, и в то же время просил не забыть их и помочь со школой. Пономаренко новую поездку в столицу Украины одобрил, и вот в Киев из Гомеля засобира́лась целая делегация. Старинов взял с собой четырех инструкторов, в том числе и водителя Володю Шлегера.

Прямо с дороги они попали на совещание командования двух киевских, одного харьковского и одного донецкого партизанских отрядов. Чтобы не откладывать дело в долгий ящик, Илья Григорьевич тут же организовал в фойе небольшую импровизированную выставку, где показал все возможности диверсионных средств борьбы, которыми они располагали на то время, и которые сами украинские товарищи могли собрать из подручных средств. Объяснениям Старинова и инструкторов сопровождали артиллерийская канонада за окном, взрывы снарядов и бомб, гул двигателей самолетов, стрекот авиационных пулеметов и пушек. На их же фоне проходило

и последующее обсуждение тактики действий партизанских отрядов и их взаимодействия.

Вечером поехали в Пущу-Водицу, в партизанскую школу. Занятия в ней должны были начаться со следующего дня.

01.08.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год

Комэску Васе Шишкину последнее время не везло. Когда они в районе Глевахи в очередной раз штурмовали колонны подбирившегося с южной стороны к Киеву противника, он получил ранение в ногу. Пуля по касательной к кости вошла в районе таза и, пробив навывлет мякоть, вышла почти под коленом. Но капитан не оставил эскадрилью, санитары обработали рану, Шишкин немного отлежался и вскоре, прихрамывая, опять заковылял к своему самолету, чтобы вести эскадрилью на новую штурмовку. И таких пилотов в их дивизии в то время было много... подавляющее большинство.

01.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года

Положение на южном участке фронта ухудшалось с каждым часом, хотя, казалось бы, хуже уже некуда. К утру 165-ю дивизию оттеснили на северо-восток, прижав к Днепру. Опасаясь удара в открытый фланг, 175-я дивизия полковника С.М. Гловацкого начала отходить к КиУРу вдоль Васильковского шоссе. Восточнее отступала группа генерал-майора Ф.Н. Матыкина.

1 августа к 71-й и 95-й пехотным дивизиям вермахта, наступавшим на этом направлении, добавились новые силы — 44-я пехотная и 99-я легкая пехотная дивизии.

Не менее ожесточенные бои происходили в воздухе. Ивану Христофоровичу пришлось выехать на северо-западный фас КиУРа, и здесь он стал свидетелем атаки не менее пятидесяти немецких бомбардировщиков небольшой группой наших истребителей. Уже через пару минут несколько бензиновых костров чадили на земле. Остальные бомбовозы, в панике сбросив свой смертоносный груз, повернули восвояси.

Историческая справка: В воспоминаниях маршала И.Х. Баграмяна упоминается 16 сбитых в этом бою самолетов. Автор не располагает данными о правдоподобности этого числа, но известно, что бой вели истребители 254-го полка Героя Советского Союза майора П.М. Петрова 36-й иад.

Машина продолжила свою дорогу в Бровары, в штаб фронта, и вот уже новая схватка, теперь над киевскими мостами через Днепр. Группу бомбардировщиков на этот раз прикрывали истребители Ме-109. Группа истребителей вклинилась в немецкий строй и, маневрируя между тяжелыми двухмоторными машинами, начала их расстреливать практически в упор. Истребители Люфтваффе бросились на выручку, но их связало боем звено «МиГов». Обладая меньшей скоростью и худшей вооруженностью, летчики отчаянно бросали свои машины в лобовые атаки. И в конце концов эта тактика возымела свое действие: не выдержав напряжения схватки, немецкие самолеты вышли из боя.

Из поездки Баграмян привез в Бровары последние полученные в Штабе обороны Киева данные о готовности города к обороне. В соответствии с планом обороны, утвержденным на бюро горкома 17 июля, к моменту подхода противника к 1-й линии обороны киевляне успели подготовить 2-ю и 3-ю линии. Первая линия проходила в 20 км от Киева, вторая — в 3 км, третья — по населенным окраинам города.

По фронту 2-й линии протяженностью 38 км было вырыто 25 км противотанкового рва, заминировано 8 км танкопро-

ходимой местности, устроено 5 км эскарпов с установлением проволочных заграждений, подготовлено 700 ДзОТов. Глубина второй линии составила 3–5 км. Под оборонительные узлы были приспособлены отдельные кирпичные строения на окраине города. После окончания линии ее заняли ополченцы. В гарнизон строительного батальона и ополченцев входило до 30 тысяч человек.

Была и четвертая линия, это узлы сопротивления в городе. В городе подготовили 10 таких пунктов, созданных с таким расчетом, чтобы они могли драться в полном окружении. По плану в узлы сопротивления отходили ополченцы, выбитые с 3-й линии обороны.

Войска КиУРа располагались следующим образом. Оборона Северного сектора от Днепра до Белгородки обеспечивалась силами 3-й вдбр, 4-го мсп НКВД, 161-го и 193-го опб, 2-го спб, 2-го Киевского артиллерийского училища и 377-го гап. В резерве оставались окружные интендантские курсы.

Южный сектор от Белгородки до Днепра обороняли 600-й и 640-й полки 147-й сд, 28-й опб, 1-е Киевское артиллерийское училище, 344-й гап, 45-й, 538-й и 555-й иптад. В резерве находился 1-й спб.

Оборона второй полосы, которая начиналась в районе города Вышгород и шла в направлении Пуща-Водица — Беличи — Никольская Борщаговка — Пост-Волынский — Чоколовка — Голосеевский лес, обеспечивалась 206-й сд, а на участке от станции Пост-Волынский до Корчеватого — 2-й вдбр.

Третья оборонительная полоса войсками временно не занималась.

План обороны города разрабатывал начальник инженерной службы Штаба обороны города майор М.Д. Чукарев вместе с начальником инженерного полка КиУРа полковником А.И. Голдовичем.

На левом берегу, в районе Дарницы, готовящуюся левобережную линию обороны по рубежу сел Калиновка, Рожевка, Красиловка занял 227-й полк войск НКВД майора Т.И. Вагина, усиленный артиллерийским дивизионом и саперной ротой

57-го полка 4-й дивизии НКВД. Здесь спешно готовились окопы, ДОТы, ДЗОТы, минные поля, противотанковые рвы.

Подготовленную линию обороны в Дарнице заняли дивизионная школа и подразделения 4-й дивизии НКВД, 34-й отдельный и сводный батальоны, а предмостовые укрепления днепровских мостов и переправ — подразделения 56-го полка 4-й дивизии НКВД полковника Ф.М. Мажирина.

Сводный батальон под командованием старшего лейтенанта Н.В. Бондарева в составе двух стрелковых, одной минометной и одной пулеметной рот занял оборону на участке Старая Дарница — «Шелкострой».

Подразделения 57-го полка 4-й дивизии НКВД размещались в районе Киево-Печерской лавры. Также непосредственно в городе находились ополченские батальоны, охранявшие баррикады, подготовленные узлы обороны и патрулировавшие улицы. К уличным боям готовилась и городская милиция.

В самом городе в резерве коменданта КиУРа находились сводный полк, 132-й танковый полк (1000 человек без танков), мотоциклетный батальон, отдельная рота танков Т-28, 20-й Славуцкий погранотряд, два сводных батальона НКВД, собранные из эвакуированных из западных областей командиров районных и городских отделов НКВД, а также командного состава и слушателей Киевских курсов управления исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД.

Историческая справка: Комиссаром 4-го батальона особого назначения войск НКВД, состоявшего в основном из слушателей Киевских курсов, стал бывший заместитель начальника курсов Александр Николаевич Сабуров — впоследствии командир одного из крупнейших партизанских соединений Украины, Герой Советского Союза. После прорыва из окружения в сентябре 1941 года из его батальона уцелело только шесть человек. В октябре он возглавил отряд из четырех бойцов и пяти командиров, который быстро разросся в соединение.

Всего на позициях КиУРа в это время насчитывалось около 40 тысяч бойцов, 29 танков, 288 артиллерийских орудий, 148 минометов.

Когда уже поздно вечером Баграмян вернулся в Бровары, ему сообщили последние новости. От заместителя начальника переправ Центрального участка полковника И.В. Казнова поступила информация, что в 13:10 немецкая дальнобойная артиллерия обстреляла самую южную понтонную переправу, наведенную в районе Жукова острова, и Дарницкий железнодорожный мост. Некоторые снаряды легли от переправы на расстоянии 30 метров. Это был первый тревожный звоночек. Второй — по непроверенным данным отдельными группами немцы просачивались вдоль самого Днепра через многочисленные протоки и рукава, стараясь пробраться во фланг и тыл оборонявшимся здесь войскам. Если информация подтвердится, то это может значить только одно — генеральный штурм города близко. Быть может, он начнется уже завтра.

Глава 5. Штурм

02.08.1941, секретарь ЦК ВКП(б) Украины Никита Сергеевич Хрущев, 47 лет

Они ехали вместе с Кирпоносом в Святошин, в штаб КиУРа. Начался генеральный штурм Киева, и нужно было на месте выяснить ситуацию. Опять же, «доброхоты» потом доложат в Москву, что командующий и Никита Сергеевич не засиживаются в штабе, не боятся выезжать ближе к фронту.

Трясаясь в машине, Никита Сергеевич думал о секретном сообщении, позавчера присланном ему главой НКВД УССР В. Сергиенко. Только за неделю с 21 по 28 июля по Киеву арестовали 671 человека антисоветского и подозрительного элемента. Понятно, что в основном это результат прослушки, с приближением немцев к городу все обиженные властью — националисты, раскулаченные, бывшие ростовщики и предприниматели — ослабились и начали трепать языками. Но ведь были среди них и диверсанты, и шпионы. Жаль, Сергиенко не сообщает, сколько именно таких. А сколько не пойманных, которые, возможно, скажут еще свое слово. Хрущев незаметно покачал головой.

Вскоре они прибыли в Святошин. Сначала встретились с начальником штаба генерал-майором А.А. Мартьяновым, который у Власова заведовал штабом, еще когда они оба служили в 4-м мехкорпусе. Мартьянов понравился Хрущеву своим деловым подходом и основательностью. Вскоре приехал и сам генерал Власов и доложил обстановку, так же обстоятельно и подробно.

Кирпонос предложил всем вместе проехаться в Голосеевский лес, там расположился штаб 64-го стрелкового корпуса, сформированного в Северо-Кавказском военном округе. С середины июля его дивизии воевали в составе 26-й армии генерал-лейтенанта Ф.Я. Костенко, принимали участие в неудачном контрнаступлении в районе Фастова и Белой Церкви. Затем отходили в сторону Киева, и вот теперь сконцентрировались на подступах к нему.

Солдаты корпуса в боях показали себя плохо, часто поддавались панике, легко отступали. Хрущеву и раньше приходилось выезжать в него, «песочить» военный трибунал, требовать, чтобы принимались соответствующие жесткие меры. За порядками частей корпуса развернули заградительные отряды, возвращавшие в строй дезертиров. Имели место и суды на передовой. Приговоры часто приводились в исполнение тут же, на поле боя. В конце концов, 22 июля с подачи Никиты Сергеевича на место комкора генерал-майора А.Д. Кулешова назначили другого командующего, генерал-майора З.З. Рогозного, а прежнего отправили заместителем по тылу в недавно созданную 38-ю армию.

Когда генералы вместе с Хрущевым приехали в Голосеевский лес, немцы уже обстреливали его из артиллерии и бомбили с воздуха. Но командира корпуса это, казалось, мало беспокоило. Он сидел на каком-то полевом стуле за столом, укрытым кумачом красного цвета. На кумаче лежала карта, стоял телефон, рядом со столом в земле была выкопана щель. Доклад о сложившейся обстановке проходил под аккомпанемент пулеметных очередей и артиллерийских взрывов. Хрущев украдкой посмотрел на комкора, как он переносит опасность. Тот внешне оставался спокоен, его нервозность выдавала только вырезанная из орешника трость, которой Рогозный похлопывал себя по голенищу сапога. В конце концов он предложил укрыться от шальных осколков в щели. Здесь Рогозный и закончил свой обстоятельный доклад. Кирпонос и Хрущев пожелали ему успехов и двинулись обратно в Бровары.

02.08.1941, командир гарнизона ДОТа № 131 Василий Петрович Якунин, 19 лет

Ну, собственно, и все. Выжить уже вряд ли получится. Все началось три дня назад, в последний день июля. До этого, 29 и 30 числа, гул канонады приближался к линии обороны Киева, но снаряды на нее пока не сыпались. Иногда пролетали отдельные группы самолетов, и немецких, и наших, в небе завязывались воздушные бои. Даже утром 31-го все было еще почти спокойно, в ДОТ заглянул старший политрук батальона М.И. Сафонов. Он сказал, что вскоре наверняка придется принять бой, и отправился дальше от ДОТа к ДОТу проверять готовность людей, подбадривать их.

Политрук оказался прав. Уже во второй половине дня в секторе обстрела появились артиллеристы отступающей советской части, которых попытались атаковать наседавшие немцы. Якунин отдал приказ открыть огонь. Тем самым он демаскировал ДОТ, но требовалось помочь своим. Огонь по противнику открыл и соседний ДОТ.

Ну, а сегодня случилось непоправимое, немцы нащупали слабинку левее места, где держал оборону гарнизон Якунина, и, продвигаясь вдоль дороги, ведущей к Киеву, прорвали линию обороны. Они быстро оказались в Кренище и блокировали ДОТ со всех сторон. Полевое заполнение после массовой обработки траншей и окопов сначала авиацией, а затем артиллерией, минометами и каким-то неизвестным оружием, снаряды которого дико выли в полете, драпануло назад, оставив в траншеях убитых и тяжелораненых. Пятеро солдат, которые не побежали вместе со всеми, попросились в ДОТ к гарнизону, потому что держать оборону снаружи уже не было никакого смысла.

Немцы не пошли сразу на штурм. Они методично и безнаказанно обстреливали амбразуры издали из противотанковой пушки, прячась на всякий случай за ее стальным щитом. Якунин, чтобы положить врагов как много больше, решил

пойти на хитрость. Он выкинул белый флаг, а когда немцы подошли совсем близко, лично скопил их огнем пулемета. Он понимал, что теперь-то их в плен точно не возьмут, но они с Мишей, его политруком, еще накануне и так решили не сдаваться.

«Выковырять» гарнизон из ДОТа было сложно. Двухэтажную толстостенную «неубиваемую» железобетонную коробку, скрытую под землей, венчал небольшой бронеколпак метра два в диаметре, амбразуры которого простреливали окружающую территорию на 360°. В его крыше не было ни вентиляционных отверстий, ни обсадной трубы под перископ, через которую немецкие штурмовики могли бы залить бензин или бросить внутрь гранату. С большинством гарнизонов советских ДОТов они именно так и разбирались. Здесь же пришлось действовать по-другому. Саперы подогнали к бронеколпаку невесть откуда взявшийся у них огнеметный танк, против которого «макси-мы» были бессильны.

Он поливал ДОТ огнем так долго, что практически выжег в бронеколпаке весь кислород. Языки пламени выбивались сквозь щели между бронезаслонками и стальными рамами амбразур, стало тяжело дышать. Якунин приказал гарнизону спуститься вниз и быть готовым при первой возможности броситься вверх к пулеметам, когда вражеские огнеметы перестанут работать. Не судьба.

Немцы успели установить снаружи на одну из бронезаслонок заряд взрывчатки и вышибли ее взрывом. Через амбразуру они забросили вовнутрь несколько гранат и дымовых шашек, теперь подняться наверх нечего было и думать. Сидящие внизу расслышали над головами какую-то суету, устроенную немцами, непонятные крики... и тут раздался страшный взрыв.

Заряд взрывчатки пробил стальную переборку между этажами, оглушая и убивая маленький гарнизон. Снаружи «фрицы» из штурмовой группы подорвали сначала входную решетку, затем бронированную дверь и добились тех немногих, кто еще оставался живым.

02.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года

Начавшийся рано утром гул канонады, к ночи почти сошел на нет. Иван Христофорович вышел наружу, чтобы подышать свежим воздухом, и, глядя на алеющий закат, подумал о сложившемся тяжелом положении. Ведь совсем недалеко от него, в каких-то тридцати-сорока километрах, сегодня целый день умирали люди, и сейчас там в постепенно окутывающей земную поверхность темноте все готовится к тому, чтобы новые тысячи не пережили завтрашний день.

Новости из Киева поступали неутешительные. Противник начал штурм укрепрайона, пытаясь ворваться в него «на плечах» наших отступавших войск. Для корректировки огня в районе Ходосовки немцы подняли в воздух два аэростата, один из которых удалось сбить, а второй загорелся и улетел. Использовались воздушные корректировщики и в районе Козина. Здесь немецкие солдаты просочились вдоль прибрежных днепровских протоков и рукавов и блокировали несколько ДОТов, но части группы Матыкина смогли к вечеру отбить противника и деблокировать огневые точки.

Удалось немцам вклиниться и на других участках. От Власова поступила сводка, в которой прямо указывалось: «ДОТы № 183, 101, 104 блокированы; 126-й, 127-й ДОТы — уничтожены. Ворвавшийся противник в районе Вита-Почтовая отброшен и положение восстановлено». Утром начальник оперотдела КиУРа подполковник Д.Х. Черниенко доложил, что в районе Лесников (как раз в районе уничтоженных ДОТов) в атаке участвовали три танка и две бронемшины. Правда, он сообщал о том, что противник отброшен с большими потерями, но тогда кто уничтожил ДОТы? Еще шесть танков были замечены южнее Виты-Почтовой, один из них удалось подбить. Севернее этого села смог просочиться взвод немецких пехотинцев, его рассеяли и отбросили.

Силы 64-го стрелкового корпуса разделились: левый фланг 175-й дивизии немцам удалось выдавить в КиУР, а правым она еще пыталась отбить Боярку, но, скорее всего, — не отобьет, следовательно, наши силы там тоже оттеснят в укрепрайон. От 165-й дивизии долго не было вестей, а затем выяснилось, что она прижата к Днепру, и теперь стоял вопрос о необходимости ее эвакуации на левый берег. Вообще, части 64-го ск продемонстрировали крайне низкую стойкость. Были случаи, когда целые подразделения бросали фронт и без приказа отступали. Гораздо более эффективной показала себя группа генерала Матыкина (и это несмотря на то, что значительную ее часть сформировали из бывших эков) и 16-й мотострелковый полк (мсп) НКВД, которые прикрывали левый фланг корпуса. Огрызаясь и контратакуя, эти части постепенно отступали на север к Киеву и теперь прикрыли фланг КиУРа в районе хутора Мрыги. Вопрос только, насколько прочно. Эти люди уже две недели находились в постоянных боях и понесли большие потери. Для оперативности управления командование 175-й дивизией, группой Матыкина и остатками 16-го мсп передали Власову.

В целом можно было сказать, что фронт пока держится, но опасно трещит по швам.

Иван Христофорович кинул прощальный взгляд на закат, надо было возвращаться к работе. Сейчас начнут поступать боевые донесения из армий, пора готовить сводку за прошедший день.

02.08.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Ирина писала дневник, сидя за столом в своей комнатухе и тревожно прислушиваясь к доносившимся снаружи звукам. Сегодня стрелять начали с 4 часов утра. Артиллерийская канонада доносилась в центр с южного направления. На Житнем

рынке царило смятение. Между выстрелами хозяйки выскакивали из подвалов и бомбоубежищ, бросались к таким же выскочившим торговкам, рвали друг у друга продукты и тут же разбегались, испуганные новыми выстрелами.

Вражеские самолеты летали днем и ночью, сбрасывая бомбы, поливая пулеметными очередями жилые кварталы. Мальчишки во дворе нашли несколько разрывных пуль, и теперь те, совершенно не опасные, переходили из рук в руки, пока жители Андреевского спуска с опаской и любопытством их рассматривали. Сегодня пули не нашли себе цели, а что случится завтра?

Ирина вышла на балкон. Внизу лежал темный и безмолвный Подол, люди стремились попасть домой к половине одиннадцатого, и после город замирал до рассвета. Только на перекрестках из репродукторов доносились звуки радио. А после полуночи установившуюся мертвую тишину временами нарушал гул ночных бомбардировщиков, и тогда небо яркими скальпелями прорезали лучи прожекторов, а разрывы зенитных снарядов старались поразить зловещие двухмоторные силуэты, которые нет-нет да выхватывались из ночной черноты неестественным электрическим светом.

Ирина бросила взгляд в другую сторону улицы. Там безмолвной серой громадой возвышалась Андреевская церковь. Женщина в который раз порадовалась, что купола, в отличие от большинства киевских храмов, не позолоченные, а темно-зеленые, иначе бы их так же замазали красно-бурой масляной краской, чтобы не отсвечивали под ярким солнцем или в свете прожекторов.

Ирина еще раз опасно прислушалась: нет, гула авиамоторов не было слышно. А если бы и было — наши летят самолеты или чужие? Киевляне быстро научились разбираться в тонкостях звучания авиационных двигателей.

Половинка луны бледно освещала пустые улицы, и в ее мертвенном свете зловеще белели полоски бумаги, крест-накрест наклеенные на всех оконных стеклах. Ирина бросила прощальный взгляд на ночной город и пошла спать.

03.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года

Стало очевидно, что основной удар противник наносит на южном участке КиУРа от Веты-Почтовой до Днепра силами четырех пехотных дивизий — 44-й, 71-й, 95-й и легкой 99-й. Возможно, присутствовала и какая-то моторизованная часть, потому что в боях немцы использовали артиллерийские танки и бронетранспортеры, которые ни пехотным, ни тем более легким пехотным дивизиям по немецкому штату не полагались. Также штурмуящим КиУР частям явно были приданы какие-то артиллерийские подразделения усиления — обнаружались воронки от снарядов особо крупных калибров: 305, 355 и даже 420 мм.

Историческая справка: Приданные 29-му армейскому корпусу 6-й армии вермахта дивизионы включали: 64-й тяжелый мортирный — две батареи 30,5-см мортир и одну 35,5-см, 800-й тяжелый — шесть батарей, из них одну 35,5-см мортир, две батареи 42,0-см мортир, 815-й тяжелый — три батареи по две 305-мм мортиры и др.

Противник атаковал наши порядки в районе Веты-Почтовой, Ходосовки и Мрыг. Хутор несколько раз переходил из рук в руки, для усиления туда перебросили один батальон 2-й воздушно-десантной бригады. В целом пока боевые действия больше походили на прощупывания немцами советского переднего края. А может, враги откажутся от генерального штурма, не зря же они активизировались на флангах — севернее и южнее КиУРа?

На севере от Киева немцы нанесли удар в нащупанный ими ранее стык 5-й армии и 27-го стрелкового корпуса. В полосе наступления им удалось создать почти тройное превосходство в силах. Наш передний край перед атаками активно «обрабатывался» бомбами, снарядами и минами. Но благодаря грамотному командованию и хорошей подготовке линии обороны противник достиг успеха лишь на отдельных участках.

Командующий и новый начальник штаба опасались, что немцы постараются форсировать Днепр южнее Киева, в районе Черкасс. Для более оперативного управления стянутыми в этот район войсками было решено создать 38-ю армию, командовать которой, по аналогии с КиУРОм, назначили сразу готовый штаб 8-го механизированного корпуса генерал-лейтенанта Д.И. Рябышева. Личный состав и командирские кадры среднего звена корпуса отправили на переформирование.

04.08.1941, заместитель командира ополченского бронепоезда «литер А» Константин Артемьевич Арефьев, 26 лет

Бронепоезд летел на всех парах, следом за ним поспевал «литер Б». Их вернули к Киеву 1 августа — немцы вплотную придвинулись к городу. Командование со дня на день ожидало начала генеральной штурма... и не ошиблось. Накануне из Боярки выбили подразделение нашей отступавшей стрелковой дивизии, и теперь нужно было уничтожить склады боеприпасов, которые, по данным разведки, туда подтянули немцы, готовясь к новому наступлению.

О складах с боеприпасами сообщила разведчица бронепоезда «литер Б» Таня Диденко. Вместе со своей подружкой Олей Гаркавец она перед самой войной окончила техническую железнодорожную школу, получив специальность помощника машиниста. Девушки смогли убедить Тихохода взять их на бронепоезд медсестрами. Но в результате обе стали неплохими пулеметчицами, а иногда отправлялись в разведку под видом местных жительниц, взяв кошелки и одевшись попроще.

Ночью из Кременище, где находились бронированные составы, в соседнюю Боярку выпало идти Тане. Ей удалось пройти незамеченной мимо скопления вражеских поездов и составов с горючим, разведать, где находятся склады, и незамеченной вернуться через линию фронта. После анализа полученных

сведений было решено провести на Боярку налет силами ополченских бронепоездов.

Железные махины ворвались на станцию к рассвету. Бронеплощадки открыли массированный огонь, сдерживая немецкую охрану, а в это время десантники с «литера Б» и саперы минировали склады и вагоны. Из Боярки уходили в свете поднявшегося над станцией пожараща, под аккомпанемент рвущихся в вагонах и на складах снарядов и патронов. Дерзкий налет прошел удачно.

Далеко от Боярки бронепоезда не отходили, остановились рядом в Тарасовке — противник начал наступление в районе Юровки, Веты-Почтовой и Гатного. От оборонявшихся там частей поступали заявки на артиллерийскую поддержку, которые бронепоезда весь день и выполняли.

04.08.1941, командир огневого взвода 344-го артиллерийского гаубичного полка 147-й стрелковой дивизии лейтенант Константин Иванович Односум

Бой начался стремительно, немцы, бравирова своей храбростью, пытаясь подавить волю обороняющихся, пошли в атаку в полный рост, но затем остановились, залегли. Они не ожидали такого бешеного отпора, какой оказали им солдаты 147-й дивизии, но больше всего противнику досаждал ДОТ, стоявший на въезде в Вету-Почтовую со стороны Киева. В тылу у него находилось старое сельское кладбище.

Историческая справка: Село в те времена называлось Ветой-Почтовой. Вета означает то же самое, что и Вече. Предполагается, что в домонгольский период в пойме реки Вета, на которой стоит село, выпасали коней собиравшихся в поход витязей. По этой же причине расположенный неподалеку рукав Днепра называется Коньком. В воспоминаниях речь идет о ДОТе № 180 КиУРа. Его повреждения позволяют реконструировать ход штурма этого опорного пункта

обороны: подошедшие вплотную немцы подорвали заряд в одной из амбразур ДОТа. Установив с тыльной стороны ДОТа на кладбище противотанковую пушку, они обстреливали вход, прикрытый штурмовой решеткой, после чего саперы вскрыли ее, наложили заряд на бронированную дверь входа в ДОТ и подорвали ее. Боевое донесение 71-й пехотной дивизии вермахта описывает штурм так: «Две штурмовые группы 3-й моторизованной роты 171-го саперного батальона были приданы 2-й и 3-й ротам 191-го пехотного полка на участке 1-го батальона 191-го пехотного полка, наступавшего левее 194-го пехотного полка... Около 13 ч 20 мин при помощи... средств штурма [3-килограммовые заряды, удлиненные заряды и дымовые шашки] был захвачен 5-амбразурный ДОТ, расположенный около кладбища в Почтовой, особенно тяжело было к нему приблизиться. Было захвачено 9 пленных. По показаниям пленных, в ДОТе осталось 6 погибших. Проверкой было установлено, что внутреннюю дверь больше невозможно открыть. Вкопанный неподалеку танк был обезврежен при помощи ручных гранат».

В это время с фланга, со стороны Днепра раздался ужасный звук, похожий на рев разъяренного осла — открыло огонь какое-то неизвестное немецкое оружие. На гаубичные позиции обрушились большие тяжелые снаряды, летящие так медленно, что их полет можно было увидеть невооруженным глазом. Солдаты не выдержали и побежали. Они отходили под сильным обстрелом, где ползком, где перебежками, а когда добрались до поля, на котором колосилась высокая спелая рожь, побежали в открытую, только слегка пригибаясь. Тут их настигла минометная мина. Бежавшему рядом бойцу осколок угодил в живот, а Односуму — в левую ногу.

Немецкие пехотинцы обнаружили их через несколько часов, когда густой цепью прочесали поле. В Вете-Почтовой, куда всех согнали, оказалось человек десять, большинство которых оказалось с ранениями. На двоих было страшно смотреть, одежда на них обгорела, кожа свисала ключьями, лица были обожженными и опухшими. Раскрывать глаза и рты эти несчастные не могли. Они были из гарнизона ДОТа, державшегося до последней возможности.

Историческая справка: Боевое донесение 71-й пехотной дивизии вермахта о штурме еще одного ДОТа: «две штурмовые группы... под командованием лейтенанта Куни и фельдфебеля Есковиц... сначала с помощью килограммового заряда и ручных гранат с тыла атаковали трехамбразурный ДОТ, расположенный в небольшом леске на расстоянии около 900 метров юго-восточнее моста в Почтовой. Атака была успешной, и из дота вышли 12 русских. Однако поскольку вскоре из ДОТа вновь был открыт огонь, штурмовая группа снова атаковала его около 8 часов 15 минут и с помощью трех килограммов зарядов и дымовых шашек вывела его из боя. При этом были захвачены еще 13 пленных».

04.08.1941, рядовой 2-го взвода 1-й роты истребительного батальона Кировского района города Киева Владимир Михайлович Покотило, 17 лет

Володя сидел в своем окопчике и прислушивался к свисту снарядов, которые во множестве пролетали над его головой и разрывались где-то далеко за спиной в городе.

Позавчера в связи с начавшимся штурмом города их со Зверинецких высот перебросили сюда, на Лысую гору. Здесь когда-то очень давно, еще при царе, был возведен форт с высокими земляными валами, пронизанными потернами — длинными сквозными широкими сводчатыми проходами, выложенными кирпичом. Подступы к валам прикрывали глубокие рвы.

Историческая справка: Лысая гора — это историческая местность в современном Печерском районе города Киева. По легенде, здесь находилось капище древних славянских богов, и здесь же Владимир Святой после крещения Руси казнил многих ярых приверженцев старой веры. Долгое время гора считалась местом регулярных сборов ведьм, колдунов и прочей нечисти. С учетом исторического прошлого возвышенности, считать так у местного населения были все основания. В наше время гора является традиционным местом

сбора разного толка неоязычников, сатанистов, толкиенистов и велосипедистов. Во второй половине XIX века царское правительство выкупило гору у Печерского монастыря (монахи использовали ее под пасеку), и здесь в 1872 году был заложен форт, спроектированный по последнему слову фортификационной науки героем обороны Севастополя генералом Эдуардом Ивановичем Тотлебенем. После взрыва в 1918 году Зверинецких складов для хранения боеприпасов и вооружений различные власти Киева (а власть в городе за время Гражданской войны менялась 14 раз) стали использовать окончательно устаревший Лысогорский форт. В этом качестве он дослужил до самого начала войны.

Сначала взводу определили место на вершине одного из гребней горы. Место было живописное — далеко внизу у самого склона блестело небольшое озерцо. Голосеевский лес виден как на ладони. Прямо возвышалась Багринова гора, дальше — Китаевская, в стороне виднелись Голосеевские высоты. Гребень был неприступным для врага, вздумай тот брать его приступом, но и для защитников оказался крайне неудобным, чтобы копать здесь окопы, а потом еще и жить в них.

Вскоре это стало понятно и командованию их роты. Не успел Володя толком окопаться, как поступила команда сменить позицию. Новое место оказалось не намного удобнее старого. Это была вершина высокого пятиметрового пирамидального земляного вала, который с трех сторон, буквой «П», окружал пакгауз № 21 — большое складское здание с толстыми стенами. Молодые любопытные ополченцы наведались внутрь. В середине они обнаружили прочные, добротные сделанные деревянные стеллажи с ярлыками, на которых было указано, что здесь ранее хранилось.

Оказалось, что до войны в Лысогорском форте находился большой оружейный склад. Это стало понятно по содержанию надписей на ярлыках. Ребята об этом не знали, что неудивительно. Вся территория форта была обнесена двухметровыми по высоте проволочными ограждениями, к большей части которых подводился ток, по периметру возвышались дозорные вышки, извилистый подъезд перегораживали массивные во-

рота с караульной будочкой. Между проволочными ограждениями бегали сторожевые овчарки на специальной привязи. Но к появлению здесь ополченцев все оружие и боеприпасы со складов вывезли, охрану и собачек убрали, и теперь в проволочных заграждениях зияли проходы, прорезанные юными солдатами по приказу их начальства.

Впереди в 30–40 метрах от окопчика, который Володя вскоре выкопал и обустроил, находились заросли деревьев и кустарника. Поэтому ему приходилось все время внимательно следить за обстановкой, чтобы никто не смог подобраться незамеченным. Рядом окопался еще один боец из их взвода, с которым они время от времени от нечего делать переговаривались.

Как раз вчера у Покотило был День рождения, ему исполнилось семнадцать лет, и от этого на душе было тоскливо. Вдали гремела канонада, долетали звуки сражения, разыгравшегося на первой линии их сектора обороны, снаряды свистели над головой, и было страшно за свою жизнь. Юноша видел, как немецкие самолеты бомбили мосты, но все время промахивались. Вела по ним огонь и дальнобойная вражеская артиллерия, и тоже безрезультатно. Высокие столбы воды от разрывов мощных снарядов выбрасывались вверх, не причиняя никакого вреда. А по мостам все шли и шли на восток сплошным потоком люди, скот, подводы, ехали машины с эвакуируемыми, неслись товарняки и санитарные поезда.

В это время совсем рядом с окопом Володи разорвался мощный снаряд, выпущенный дальнобойной немецкой пушкой. Но парень этого не видел, не слышал и даже не понял, что с ним такое произошло. Взрывной волной Володю выбросило из окопа и швырнуло вниз с пятиметровой высоты, больно ударив о землю. Он пришел в себя через несколько минут и, пошатываясь, вскарабкался обратно к себе в окоп.

После этого случая юношу долго мучили головная боль и бессонница, но он об этом никому не рассказывал. Тогда многие раненые и контуженые оставались в строю, считая это вполне нормальным.

04.08.1941, секретарь ЦК ВКП(б) Украины Никита Сергеевич Хрущев, 47 лет

От них на свой командный пункт только что улетел командующий Юго-Западным направлением маршал С.М. Буденный, оставив после себя неоднозначные ощущения. Маршал приехал вчера невеселый и настроенный требовать от комфронта держать линию обороны до последнего. В разговоре один на один он рассказал Никите Сергеевичу, что Западный фронт получил жесточайший удар в первые же дни войны. Воспользовавшись ротозейством командования, Люфтваффе уничтожило большую часть авиации прямо на аэродромах. В Белоруссии два танковых клина противника проникли глубоко за порядки прифронтовых частей, не давая создать перед ними устойчивую линию обороны. Сталин отправил туда маршала Г.И. Кулика, чтобы он помог навести порядок, но тот пропал, словно в воду канул. Хрущев сказал, что жалко Кулика, видимо, он погиб. Буденный посмотрел на него неодобрительно, почти раздраженно, и посоветовал Кулика не жалеть. Хрущев понял, что в Ставке Кулика считают предателем, и мысленно присвистнул от удивления.

Солнце клонилось к вечеру, и Буденный спросил, где они будут отдыхать. В окрестностях Броваров, где размещался штаб фронта, было топко, выкопанные блиндажи и землянки сразу же заполняла вода. Хрущев обычно отдыхал в палатке, в которой на землю было набросано сено. Семен Михайлович, конечно, удивился таким спартанским условиям, но выбирать особо не приходилось.

Их разбудили бомбившие Бровары немецкие бомбовозы. Зенитки вели огонь, но сбитых вражеских самолетов в небе не наблюдалось. Когда бомбежка закончилась, Хрущев наскочил на командующего авиацией Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта Ф.А. Астахова, требуя объяснений, почему штаб не прикрывают наши истребители, почему нет сбитых немецких самолетов. Тот доложил, что столько-то самолетов было сбито.

Никита Сергеевич не поверил ему, спросил, почему не видел сбитых. Астахов ответил, что вражеские самолеты упали за Днепром на правом берегу, но слова его прозвучали неубедительно. Хрущев заявил, что так можно назвать любое число сбитых самолетов, все равно никто не проверит.

Зачем приезжал Буденный, Хрущев так до конца и не понял. Маршал заслушал доклад комфронтом генерал-лейтенанта М.П. Кирпоноса и затем выказал ему недовольство тем, что под Киевом они только обороняются, хотя у них вполне достаточно сил для контрнаступления. Почему в бой не вводятся новые подкрепления? Кирпонос возразил, что они бросили на врага 2-ю воздушно-десантную бригаду и один батальон 3-й бригады. Вступили в бой ополченцы Киева и два их бронепоезда. Буденный напомнил, что под Киевом есть еще части 206-й стрелковой дивизии и бригады 3-го воздушно-десантного корпуса. Почему в бой не вводятся они? Почему удары наносятся не одним мощным кулаком, а идут по очереди, вразброс? Комфронта оправдывался, что 206-ю сд они вывели в резерв, так как других резервов у фронта здесь больше нет, а части десантного корпуса только начинают прибывать. Маршала эти оправдания не устроили, но он больше к Кирпоносу со своими острыми вопросами не приставал.

Затем последовал обед, обильно сдобренный коньяком, после чего — доклад начальника оперуправления фронта полковника И.Х. Баграмяна. Он произвел на окружающих тяжелейшее впечатление. Баграмян четко доложил об обстановке, но Буденному доклад не понравился. Маршал насел на докладчика с вопросами, полковник отвечал, но, судя по багровевшему лицу Семена Михайловича, ответы устраивали его все меньше и меньше. Вскоре Буденный не выдержал: «Что же у вас такое? Вы не знаете своих войск!» Баграмян защищался: «Как не знаю, я же вам доложил, товарищ маршал». Голос Буденного от волнения стал писклявым: «Вот я слушаю Вас, смотрю на Вас и считаю — расстрелять Вас надо. Расстрелять за такое дело». Баграмян мертвенно побледнел: «Зачем же, Семен Михайлович, меня расстреливать? Если я не гожусь начальником

оперативного отдела, Вы дайте мне дивизию. Я полковник, могу командовать дивизией. А какая польза от того, что меня расстреляют?» Но легендарный маршал не унимался, в грубой форме, с криком, начал «уговаривать» Баграмяна согласиться на расстрел, от чего тот все сильнее бледнел и упорно отказывался. Длилась эта некрасивая перепалка довольно долго, пока наконец Буденный не утомился.

Вскоре, так и не поехав в части, Семен Михайлович укатил на аэродром. Хрущев проводил его и с облегчением вздохнул. Но в голове его продолжали роиться мысли, вызванные услышанным от маршала.

04.08.1941, командующий 36-й иад Герой Советского Союза полковник В.В. Зеленцов, 30 лет

Виктор Владимирович вышел из прохладного полуподвального помещения своего штаба, чтобы немного прогуляться по Подолу, отдохнуть от напряженного дня. Людей на улицах было мало. Вдали, не утихая, шумела канонада. Там каждую минуту лилась кровь, умирали солдаты. А здесь редкие вечерние прохожие спешили по домам, с Житнего рынка расходились запоздалые торговки. Зеленцов брел по тротуару, гоня от себя мысли о сложившемся в небе над Киевом положении, о том нервном напряжении, в котором пребывали в последнее время и он, и его подчиненные. Но думать о чем-либо другом не получалось.

Воздушные бои над Киевом становились с каждым днем все яростнее и ожесточеннее. На земле с южной стороны противнику удалось прорвать первую линию обороны КиУРа, и его пехота продвигалась вперед, нацеливаясь на захват Голосеевских высот и Лысой горы. С этих господствующих возвышенностей немецкие наводчики могли бы эффективно корректировать огонь своей дальнобойной артиллерии по киевским

мостам — артериям, снабжавшим город. Немецкие самолеты поддерживали это наступление с воздуха. Командующий авиацией фронта генерал-лейтенант Ф.А. Астахов лично поставил дивизии задачу: не допустить уничтожения мостов, не дать противнику захватить господствующее положение в воздухе над Киевом. И пилоты 36-й иад работали на износ, чтобы количеством вылетов и собственной храбростью компенсировать малое количество самолетов, оставшихся в дивизии, их недостаточные боевые качества, а также собственную неопытность.

В 43-м иап оставалось всего 34 машины: на аэродроме Савино, где базировались 1-я и 2-я эскадрильи, — 20 самолетов И-16, в 4-й эскадрилье, взлетающей с летного поля на Соломенке для прикрытия КП КиУРа, — 6 «ишаков» и на аэродроме-полигоне в Броварах — 8 «чаек» 3-й эскадрильи. Во 2-м полку дела обстояли не лучше. В 254-м и 255-м иап, в которых и самолетов, и опытных летчиков изначально было поменьше, — и того хуже. Но дивизия сражалась, и сражалась отчаянно.

1 августа взлетевшая с аэродрома Савино шестерка 1-й эскадрильи 43-го иап перехватила две девятки бомбардировщиков «хейнкель» He-111. Те шли бомбить киевские мосты. Истребителей прикрытия с ними почему-то не было, и немцы тут же поплатились за эту оплошность. Первой же атакой истребители капитана Д.Г. Зинкина, ст. лейтенанта Е.П. Мельникова, лейтенанта Ч.К. Бенделиани, мл. лейтенантов С.Ф. Зайцева, Л.И. Борисова и Я.Д. Мамки разбили аккуратный строй противника и заставили немцев сбросить бомбы куда попало. В последовавшей короткой свалке оказалось сбито сразу шесть вражеских «бомбовозов».

2 августа утром, в 8:40, шестерка И-16 из 2-й эскадрильи 43-го полка завязала бой с крупной группой вражеских бомбардировщиков, летящих к киевским мостам. Завидев советские самолеты, бомбардировщики сомкнули строй, пытаясь максимально уплотнить огонь своих оборонительных вооружений. На помощь им откуда-то сверху свалилась пятерка истребителей сопровождения Me-109 — немцы учли вчерашнюю ошибку. Советские летчики разделились — капитан Алексей

Михайлович Филиппов повел своих двух ведомых в атаку на бомбардировщики. Звено же младшего лейтенанта Сергея Фомича Зайцева связало боем «мессершмитты». Схватка длилась по летным меркам долго — полчаса. Не дойдя до мостов, бомбовозы высыпали смертоносный груз в Днепр и на пустынный берег, после чего бросились наутек. Часть задания оказалась выполнена, и капитан Филиппов повел свою тройку на выручку звену Зайцева. В результате немцы не досчитались двух истребителей, которые записали на свой счет мл. лейтенанты С.Ф. Зайцев и А.М. Остроухов.

На рассвете 3 августа девять пикирующих бомбардировщиков Ю-87 под прикрытием двенадцати Ме-109 сделали налет на штаб Юго-Западного фронта в Броварах. Противник явно «зауважал» своих визави из 36-й иад, «мессеров» на прикрытии отправлялось все больше. На перехват немцев с расположенного в Броварах бывшего авиационного полигона на своих устаревших бипланах И-153 взлетело звено мл. лейтенанта В.Г. Куприянчика. Не обращая внимания на прикрытия, советские пилоты атаковали Ю-87. Командир звена метким огнем сбил два вражеских «лапотника» и подбил третий. Противник, не приняв боя, потянул на юго-запад.

В тот же день в 15:50 в районе самого южного и близкого к немцам Дарницкого железнодорожного моста на высоте 2200 метров произошла очередная ожесточенная схватка. На этот раз капитан А.М. Филиппов вел семерку «ишаков», которые схлестнулись с вылетевшими на «зачистку» воздушного пространства пятнадцатью «мессерами». Несмотря на более чем двукратное превосходство противника, капитан повел свою группу в атаку.

В небе завязалась ожесточенная схватка, где у советских истребителей главными козырями стали невероятная маневренность самолетов и отчаянная храбрость.

В горячке боя Ме-109 опытного немецкого аса Курта Сохацки, у которого на боевом счету за предыдущие компании и первые дни этой «накопилось» 39 побед, атаковал сзади один из И-16. Когда-то в Испании в 1936 году немецкие пилоты-ле-

гионеры из группы «Кондор», воевавшие на стороне генерала Франко, прозвали эти юркие истребители «рата» — «крыса». Теперь немецкие пилоты вновь вспомнили это название. Одну из «рат» они зажали сразу втроем. Обстреливаемый истребитель неожиданно и поступил, как крыса, когда она, загнанная в угол от безысходности, бросается на врага, кем бы он ни был. Развернувшись практически на месте, И-16, который пилотировал мл. лейтенант Алексей Михайлович Остроухов, пошел в лобовую атаку на самолет немецкого аса, поливая его огнем из всех своих четырех пулеметов. Никто из пилотов не отвернул. Они столкнулись плоскостями, обломки которых отлетели в разные стороны, и самолеты, сорвавшись в штопор, начали падать вниз с километровой высоты. Немец успел покинуть свою машину и выпрыгнуть с парашютом. На земле его уже ждали наши солдаты, которые тут же взяли Сохацки в плен, навсегда прервав его победную серию, закончившуюся этим последним, 40-м (по немецким данным) самолетом. Наш же пилот свой И-16 покинуть не сумел...

Кроме Me-109 немецкого аса группа Филиппова завалила еще три «мессера». По одной победе на свой счет записали капитан А.М. Филиппов, мл. лейтенанты Л.И. Борисов и В.К. Иванов.

Но самое жестокое сражение произошло сегодня. В 6:53 налет на Бровары на высоте 2500 метров провели 20 бомбардировщиков He-111, 15 пикировщиков Ю-87 и 12 истребителей прикрытия Me-109. На их перехват в почти полном составе подняли 2-й истребительный полк, возглавляемый его командиром полковником А.И. Грисенко. Следом, тоже практически в полном составе, с аэродромов в Броварах и Савино взлетел 43-й иап, который повел в бой только что принявший полк у уехавшего на учебу полковника Я.В. Шипитова майор Никита Тимофеевич Сюсюкалов.

Этот бой длился примерно час прямо над головами командиров штаба фронта, в том числе и командующего ВВС генерала Ф.А. Астахова. Немецкие самолеты один за другим падали на землю. Всего в этом бою наши летчики сбили 13 самолетов противника: 2-й иап — 7, 43-й иап — 6. В 43-м полку потерь не

было, а 2-й потерял два самолета. Погиб один летчик, трое были ранены. Затем в течение дня еще два И-16 не вернулись с боевых заданий. На земле от бомб противника погибло около 40 гражданских и военных, немцы разбомбили местную тюрьму.

Самой результативной оказалась пятерка из 2-й эскадрильи 43-го иап, которую повел в бой мл. лейтенант С.Ф. Зайцев. На крутых виражах два Ме-109 сбил лично командир группы. Третий истребитель противника записал на свой счет мл. лейтенант Л.И. Борисов, а четвертый как групповую победу засчитали мл. лейтенантам А.Н. Мукомолу, В.К. Иванову и Г.А. Костину.

Зеленцов вернулся в штаб, там возле кабинета его уже караулил дежурный офицер связи. Новости были обескураживающие. В 20:10 37 пикирующих бомбардировщиков Ю-87 под прикрытием «мессершмиттов» бомбили Дарницу. Были жертвы и разрушения. Опять «проспали» посты ВНОС, опять истребители не смогли перехватить противника. Виктор Владимирович нахмурился, предстояло выслушать от командования не самые приятные слова и снова думать, где разместить своих наблюдателей, чтобы больше не допускать подобного.

04.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года

В этот день оперативную сводку оперотдел КиУРа дать не смог, пришлось обойтись телефонограммами, которых за минувшие часы из Святошинского КП было отправлено много. Последняя пришла в полночь, и ничего хорошего она не обещала.

Еще в час ночи или в два все было спокойно — наши части прочесывали лес севернее Веты-Почтовой, куда ранее смогли просочиться отдельные небольшие немецкие подразделения. Но уже в 7:00 на этом участке обороны началась активная артподготовка, а затем вдоль проходившего через село Васильковского шоссе в атаку пошло до полка пехоты при под-

держке артиллерийских танков и артиллерии. Из четырех прорвавшихся машин подбить удалось только одну. Еще один усиленный полк атаковал наши позиции в районе Юровка, с направлением на Вету-Почтовую. Полевое заполнение, не выдержав артиллерийских и минометных обстрелов, на отдельных участках бросило оборону, обрекая гарнизоны ДОТов на блокировку, бои в окружении и верную смерть. Поступило еще одно шокирующее сообщение, что гарнизон одного из ДОТов, пять человек — командир и четыре солдата, сдался в плен.

В районе Веты-Почтовой оборона просто рассыпалась, солдаты бежали в панике, и их смогли остановить только пятью километрами севернее в районе хутора Чабаны. По непроверенным данным, виновным в этом был какой-то лейтенант, адъютант, крикнувший солдатам, что получен приказ об отступлении. Под массированным обстрелом противника неорганизованное отступление превратилось в бегство. В последнем донесении из штаба Власова сообщили, что уже в 14:00 командование КиУРа бросило для стабилизации фронта в атаку свой последний в южном секторе обороны резерв — 132-й танковый полк, подчинив его командующему 147-й стрелковой дивизии генерал-майору С.К. Понеделину... Баграмян горько усмехнулся, танковый... одно название... 1300 человек пехоты. Что ими комдив 147-й сможет сделать? В лучшем случае остановить вражеское наступление. А надо контратаковать, отбросить его, восстановить положение.

Например, отряд генерал-майора Ф.Н. Матыкина, умело контратакуя противника совместно с 16-м мотострелковым полком НКВД, так и не дал тому перейти в наступление. Если бы все наши генералы умели так воевать.

В соответствии с приказом комфронта для содействия войскам КиУРа Пинская военная флотилия образовала Киевский отряд речных кораблей, в который вошли канлодки «Кремль», «Каганович», «Димитров», монитор «Флягин», бронекатер «Н-15», сторожевые катера «С-1» и «С-2». Они должны были поддерживать огнем наши части, сражавшиеся в непосредственной близости от берега Днепра. После ряда замечаний, сделанных маршалом

С.И. Буденным, также было решено подготовить к введению в бой 206-ю стрелковую дивизию. После тяжелых июльских боев и окружения в районе Мирополя ее отвели на линию КиУРа, дали людям прийти в себя, привели в порядок вооружение, пополнили людьми. Теперь пришло время вновь вводить ее в дело.

Историческая справка: После войны командующий 206-й сд Сергей Ильич Горшков вспоминал: «Киев мне дал 50 человек медсестер-комсомолок. Больше я от него ничего не получал, да мне и не нужно было... Взял я только 1200 человек из житомирской тюрьмы, которая эвакуировалась из Житомира — ее охрана разбежалась. Один из осужденных взял ее в свои руки, вооружил брошенным оружием и дрался между Киевом и Житомиром. Бил немцев, пока разведка 206-й сд не привела их в дивизию. Дрались осужденные геройски, и судимость с них мною была снята».

05.08.1941, стрелок 28-го отдельного пулеметного батальона рядовой Адам Пиусович Красовский, 34 года

Немцы появились с тыла, откуда их никто не ждал. Весь день бой гремел на фланге, слышались «перебранки» неторопливых «максимов» с частящими немецкими пулеметами. Заунывные залпы каких-то странных немецких орудий и гром канонады наших дальнобойных пушек в ответ. И вот, немцы появились на улочках Юровка, находившейся в тылу их ДОТа № 203. Он был замаскирован под сарай, «клуню» по-украински. Именно поэтому противник не сразу обнаружил, откуда для него исходит опасность.

Обнаружив в селе солдат в мышинового цвета мундирах, лейтенант Черемушкин не растерялся, он приказал пулеметчикам снять часть «максимов» со станков и следовать за ним. Расторопный помощник коменданта, сержант Федор Кондратьевич Клопот, с которым 2-м номером побегал боец Яцук из Белой Церкви, и Адам с политбойцом, коммунистом Панасюком, сняли пулеметы, траншеей выдвинулись к улице и открыли

огонь. Послышались крики вражеских солдат, противник поджег ближайшую к пулеметчикам хату и, маскируясь дымом, усилил пулеметный и минометный огонь.

Лейтенант вскрикнул: «Ой, сюда!» Клопот бросился к нему. Оказалось, что разрывная пуля попала Черемушкину в бедро. Сержант перевязал раненого и принял командование на себя. Он приказал Адаму, как самому широкоплечему и сильному, доставить раненого в ДОТ 205, находившийся по соседству в холме. Оставшиеся прильнули к пулеметам.

На поддороге Красовскому встретился боец, посланный лейтенантом Ветровым, командиром соседнего гарнизона, на разведку. Он помог Адаму донести Черемушкина, уже начинавшего терять сознание, до входа в ДОТ, тот находился в ложбинке, образованной складками холма, углубленный в землю с малюсеньким двориком, отчего заметить укрепление было довольно-таки сложно.

Весь день со стороны ДОТа, где оборонялись его товарищи, доносилась пулеметная стрельба, разрывы минометных мин и гранат. Затем была новая вспышка стрельбы, и затем все стихло. Только изредка доносились отдельные выстрелы с короткими очередями да взмывали в ночное небо часто запускаемые немецкими дозорными осветительные ракеты, долго потом спускавшиеся вниз на прикрепленных к ним парашютиках.

Красовского, после того как он с еще одним бойцом доставил лейтенанта на ближайший медицинский пункт, лейтенант Ветров определил дежурить у амбразуры входного блока ДОТа 205. Дело близилось к утру, очень хотелось спать, но сон как рукой сняло, когда вдруг Красовский услышал снаружи голос сержанта Клопота: «Красовский! Ты тут? Живой?»

Он вздрогнул, выскочил наружу. Оказалось, что днем Ветров по телефонной связи упросил Клопота оставить Адама у себя, так как в гарнизоне 205-го был серьезный некомплект бойцов. Тогда сержант возражать не стал и сейчас своего мнения не поменял. Он рассказал, как их гарнизон отбил пять вражеских атак, как ближе к вечеру противнику удалось оттеснить их внутрь ДОТа и полностью заблокировать там. Как ночью нем-

цы стучали в стальную дверь, угрожая взорвать ее и требуя сдачи, но им никто не отвечал — гарнизон готовился к новой схватке. В кромешной темноте бойцы с гранатами в руках бросились на прорыв, который сложился на редкость удачно. Только раненого красноармейца Тихонова гитлеровцам удалось взять в плен. Однако начавшийся артобстрел испугал их, немцы разбежались, и Тихонову удалось выползти к своим, но об этом Красовскому станет известно значительно позже. Клопот пожелал лейтенанту Ветрову и Адаму удачи, после чего гарнизон ДОТа № 203 растворился в предрассветном сумраке. Занималось грозное утро 5 августа 1941 года.

05.08.1941, командующий 36-й иад Герой Советского Союза полковник В.В. Зеленцов, 30 лет

Обстановка оставалась сложной. Вечером Зеленцов поднялся на крышу гостиницы «Киев», где располагался наблюдательный пункт дивизии. Полковник любовался вечерними видами города и нет-нет да и поглядывал на юг, где гремела канонада и не затихал бой.

Подбежавший дежурный командир доложил, что в районе южного фаса обороны три И-16 из 2-го иап завязали бой с парой «мессеров», после чего к противнику на выручку поспешило еще одно звено. Тут же на выручку была брошена дежурная пятерка «ишаков» командира 4-й эскадрильи 43-го иап капитана Дмитрия Григорьевича Зинкина, взлетевшая с аэродрома, расположенного на Соломенке. За время их подлета к месту схватки подтянулись еще шесть Ме-109. Последовавший затем воздушный бой длился почти час.

Виктор Владимирович узнал подробности боя уже у себя в штабе, когда спустился туда, надышавшись на крыше гостиницы пряным августовским воздухом. 43-й иап опять понес потери, погиб заместитель командира эскадрильи лейтенант

Юрий Юрченко. Авиатор не заметил пару «мессеров», которая, используя преимущество в высоте, атаковала сверху. Но немцам отомстили с лихвой. Одного за другим они потеряли три истребителя и ушли курсом на запад. Отличились мл. лейтенанты Сергей Зайцев и Яков Мамка.

Самолеты эскадрильи приземлились на Соломенском аэродроме, который вскоре подвергся артобстрелу. Никто не погиб, были ранены только два техника и шофер, да еще два И-16 получили небольшие легкоустраняемые повреждения. Но обстрел этот означал, что немцы нащупали полковой аэродром ближнего подскока, и потому следовало срочно убирать оттуда и пилотов, и мат. часть, и технический персонал вместе с охраной.

Подумав немного, Зеленцов набрал Сюсюкалова и приказал, чтобы тот забрал эскадрилью на левый берег, в Савино, и тут же ее расформировал. Ну что это за эскадрилья — 5 самолетов? От майора Зеленцов потребовал завтра же предоставить ему данные по личному составу, чтобы потом решить, каких пилотов из 4-й получат 1-я и 2-я эскадрильи. Возникал вопрос по капитану Зинкину, но сейчас личный состав выбывал настолько стремительно, что высвобождение должности комэска было только вопросом времени. Вот только недавно во время штурмовки вражеских войск в районе Глевахи ранение в ногу получил командир 3-й эскадрильи капитан В.И. Шишкин. Он продолжал летать, но сколько так выдержит? А не ляжет в госпиталь он, так другого убьют или ранят. Зеленцов про себя удивился, как спокойно он сейчас воспринимал мысль о возможной гибели своего подчиненного, которая еще полтора месяца назад стала бы трагедией.

05.08.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Семь часов вечера. Ирина сидела за письменным столом и писала, а руки ее ходили ходуном от страха. Перед ней на столе лежал еще теплый осколок бомбы, сантиметров десяти в дли-

ну. Железюку нашли под ее окном. Если бы Хорошунова стояла в момент падения там, ее бы уже не было. Канонада и сейчас продолжалась, зенитки только начинали утихать, Ирина писала больше для самоуспокоения, чтобы чем-то себя занять, потому что просто так сидеть и ждать смерти было гораздо страшнее.

Налеты на Киев осуществлялись регулярно, пунктуальные немцы бомбили город с семи до восьми вечера и с семи до восьми утра. Летали они круглый день и даже ночью, но самые массированные бомбардировки и, соответственно, самая активная стрельба зенитных орудий, происходили именно в это время.

По радио просигналили отбой и сообщили, что по Киеву отбомбились четыре самолета. Вчера в это время их было тридцать два, позавчера — тридцать семь. Вся тревога заняла 35 минут, но какими же длинными каждый раз кажутся эти проклятые минуты ужаса.

05.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года

Ситуация усложнялась с каждым часом. Противник теснил и продавливал наши порядки, концентрируя силы, а потом грамотно организованной атакой делал рывок вперед, закреплялся и начинал подготовку к новому броску. Одновременно, пока на одних участках враг только выискивал слабинку в наших порядках, на других он пробивался вперед. Самая трудная ситуация сложилась в районе хутора Чабаны. Удерживавший его 132-й танковый полк был обескровлен, потерял до 800 человек и представлял теперь скорее неполный батальон. Подразделения 147-й дивизии, державшиеся здесь, тоже были крайне малочисленны. В ход уже пошел последний дивизионный резерв — комендантский взвод. Для укрепления этого участка

обороны Власов автомашинами перебросил туда один батальон 2-й воздушно-десантной бригады.

Еще один батальон таким же способом отправили ближе к Днепру на участке южнее Хотова. Сводный батальон 32-го мотострелкового полка НКВД при поддержке пяти танков контратаковал противника в районе Гатного с общим направлением на Вету-Почтовую, но успеха не добился. Зато противник к 19:00 смог оттеснить десантников с мотострелками и подошел к Гатному и Хотову.

Вдобавок была потеряна Юровка, которую заняла немецкая 44-я пехотная дивизия. 728-й полк 175-й стрелковой дивизии сражался с ее подразделениями на северных окраинах Тарасовки и Юровки, то контратакуя, то вновь откатываясь назад, но добиться успеха не смог.

Группа Матыкина пока еще держалась в районе Лесников и севернее хутора Мрыги, но при такой интенсивности боев без резервов долго она продержаться не могла. А взять их на сегодня было неоткуда. Власов и так уже пошел на ослабление обороны центрального сектора и перебросил один батальон 3-й воздушно-десантной бригады в район совхоза Теремки, откуда его легко можно было бы отправить к Чабанам, Хотову или Гатному, в зависимости от того, где немцы ударят вновь. Но больше резервов не оставалось.

Историческая справка: Теремки в наше время являются южной окраиной города Киева со стороны Одесской трассы. Первое упоминание — в Ипатьевской летописи — датируется 1150 годом. Местность называется урочищем Теремец под Киевом. Есть упоминания XVII столетия как о собственности Киевских митрополитов. До 1867 года хутор Теремки принадлежал Софийскому монастырю, затем находился в городской собственности. Массовая застройка Теремков (Теремки-I, Кибцентр) началась благодаря переносу сюда с проспекта Науки Института кибернетики НАН Украины академика В.М. Глушкова. Первыми жителями массива стали научные сотрудники института.

В штабе фронта это понимали, а потому решили передать под командование генерал-майору А.А. Власову 3-й воздушно-

десантный корпус, состоявший из 5-й, 6-й и 212-й бригад. Им было приказано начать выдвижение в Киев. 206-я стрелковая дивизия полковника С.И. Горшкова уже заняла позиции во втором эшелоне обороны на линии хутор Берковцы — Святошин — Петропавловская Борщаговка — Мышеловка и ждала приказа о переходе в наступление. На эту же линию было приказано начать выдвижение 212-й воздушно-десантной бригаде.

Сражение в воздухе по ожесточенности не уступало наземным действиям. Из управления ПВО фронта доложили, что в течение дня вражеская авиация бомбила села Тарасовку и Крюковщину силами до 15 Ю-88, и село Бровары силами 5 Ю-88. В результате воздушных боев мы потеряли один И-16 и один аэростат заграждения. Летчикам и зенитчикам удалось сбить 2 Ме-109, 2 Хе-126, 1 Ю-88 и один аэростат наблюдения. Двух вражеских наблюдателей, покинувших его с парашютами, истребители расстреляли в воздухе.

06.08.1941, начальник Оперативно-учебного центра Западного фронта полковник Илья Григорьевич Старинов, 41 год

Занятия в школе шли полным ходом. В мастерских будущие партизаны учились изготавливать и снаряжать мины, а в полях — устанавливать их на железнодорожных путях и шоссейных дорогах. Инструкторы работали на износ, занятия шли по 12 часов в сутки. Илья Григорьевич хорошо знал Пущу-Водицу по довоенной жизни, так что хорошо понимал, на каких участках дорог здесь лучше делать засады и проводить диверсии, какими маршрутами организовывать выходы на объекты и отходы. Ученики материал схватывали на лету, большинство имело среднее и высшее образование, а главное — все они горели желанием как можно скорее научиться.

Но пришло время уезжать, ждали «ученики» в Белоруссии. Напоследок Старинов опять заехал на Правительственную

площадь в знакомое здание республиканского ЦК партии. Бурмистенко радушно встретил гостя, еще раз обсудили вопросы взаимодействия подполья и партизан. Михаил Алексеевич поблагодарил Старинова за оказанную помощь и тут же расстроил его, сообщив, что по спискам никого из партизанских командиров разыскать не удалось. Стали прощаться.

Уже пожимая руку, Бурмистенко спросил, правда ли, что один из инструкторов, шофер Старинова, во время занятий сжег кислотой сапоги. Илья Григорьевич подтвердил, что так и есть. Дело в том, что спешка и хроническое недосыпание давали о себе знать. Володя Шлегер один раз взялся провести урок по изготовлению аммонала и действительно пролил серную кислоту на себя. Кроме старых ботинок с обмотками другой обуви заменить сапоги не нашлось. Торжествуяще Бурмистенко нагнулся и вытащил из-под стола пару новеньких хромовых сапог. Удачнее подарка нельзя было и придумать.

06.08.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го истребительного авиационного полка (иап) старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год

Воздушные схватки над Киевом продолжались каждый день. Эскадрилье приходилось биться с новейшими немецкими истребителями... и оказалось, что «чайка» в умелых руках может стать крайне опасной для этой хваленной немецкой техники, пилотируемой немецкими асами.

Дмитрий повел эскадрилью штурмовать немецкие позиции на участке фронта севернее Жулян. Здесь они вплотную приблизились к Соломенскому аэродрому, на котором еще недавно базировалась 4-я эскадрилья их полка. Немцы как раз атаковали окопы, в которых отстреливались наши солдаты, когда «чайки» накрыли наступавших сначала «эрэсами», а затем

еще пару раз прошлись пулеметами. Поддержанная с воздуха, наша пехота поднялась в контратаку.

В этот момент и появились Ме-109, которые, в свою очередь, начали поливать пулеметными очередями и снарядами атакующих красноармейцев. Дмитрий бросил свое звено в атаку. Вслед за ним на сближение с немцами пошли и остальные пилоты.

Но вражеских асов появление старых деревянных бипланов особо не испугало, и напрасно. Бросаясь в лобовые атаки, постоянно уходя от огня противника, пилоты «чаек» навязали немцам маневренный бой, в результате которого вскоре один из «мессершмиттов» задымил и пошел на вынужденную посадку на Жулянский аэродром. Судя по замершему винту, у него заклинило двигатель. Здесь неудачливого немецкого аса уже ждали «гостеприимные» руки аэродромной охраны.

06.08.1941, секретарь ЦК ВКП(б) Украины Никита Сергеевич Хрущев, 47 лет

Никита Сергеевич занимался чтением отчета по проведению эвакуации киевских предприятий, когда его позвали к телефону. Звонили из приемной Сталина.

Хрущев с замиранием сердца ждал, когда в трубке раздастся знакомый немного хрипловатый голос, говорящий с легким грузинским акцентом, и думал, чего ждать от звонка. Падут ли на секретаря все кары небесные за критическую ситуацию, сложившуюся с обороной Киева, или же речь пойдет о чем-то другом.

Вскоре в трубке раздался голос Иосифа Виссарионовича и развеял все сомнения. Речь шла о создании штаба Юго-Западного направления, который размещался в районе Полтавы. Командующим туда назначили маршала С.М. Буденного. В его задачу входила координация действий Юго-Западного и Южного фронтов, ситуация на которых с каждым днем складывалась все драматичнее.

Сталин сказал, что Семен Михайлович в Полтаве совсем один, и ему крайне необходима помощь опытного человека, каковым в Москве считали Никиту Сергеевича. Поэтому Ставка утвердила Хрущева на должность члена военного совета Главного командования Юго-Западного направления.

Хрущев тут же предложил на свое место в штабе Юго-Западного фронта секретаря ЦК компартии Украины М.А. Бурмистенко. Тот занимался организацией на территории УССР партизанского и подпольного движения и на должность члена Военного Совета фронта подходил целиком и полностью. Да и Хрущеву стало бы проще решать из Полтавы вопросы с хорошо знакомым и проверенным товарищем.

Сталин согласился с его доводами и распорядился срочно вызвать Бурмистенко в Бровары, передать ему дела и немедленно выезжать к Буденному в Полтаву.

Штаб Юго-Западного фронта находился всего в 27 километрах от Киева, поэтому Михаил Алексеевич прибыл довольно быстро. Никита Сергеевич рассказал ему, что звонил Сталин и что вождь не против, чтобы Бурмистенко заместил его, Хрущева, в то время как сам Хрущев должен отправляться в штаб Юго-Западного направления. Так что предстояло Михаилу Алексеевичу немедленно, не ожидая приказа, который подпишут позже, принимать дела. После этого оба первым делом отправились к комфронта генералу М.П. Кирпоносу. Хрущев еще пошутил, что Бурмистенко будет проще наладить взаимопонимание с командующим, потому что они тезки, оба — Мишки.

06.08.1941, нападающий и капитан футбольной команды «Динамо» (Киев) Константин Васильевич Щегоцкий, 30 лет

На следующий день после отправки баржи Константин получил письменный приказ прибыть в Никольскую слободку к руководству 4-го отряда военизированной пожарной охраны

НКВД для прохождения службы в качестве инструктора военно-физической подготовки. В тот же день на стадион заглянул какой-то боец, который нашел Константина и передал записку от вратаря команды Коли Трусевича. Тот просил прислать ему «чего-нибудь вкусенького» в госпиталь, потому что ходить пока не может. Трусевич записался добровольцем в один из первых сформированных тут же на стадионе партизанских отрядов, и его ранило, когда Николай ходил в разведку. Константин пригласил бойца поесть вместе с ними, а весь штаб сбился с ног в поисках деликатесов для Коли, которые в прифронтовом городе, страдавшем от перебоев со снабжением, найти было крайне сложно.

А сегодня Трусевич пришел на стадион сам, худющий, хромающий, но при этом чуть ли не сгибающийся под тяжестью различного оружия, которого он на себя повешал. Константину было очень грустно смотреть на это. Хотелось, чтобы Коля посбрасывал с себя пулеметные ленты, винтовку, гранаты, кинжал, лопатку, надел форму, вратарские перчатки, а он — Костя Щегоцкий — снова побежал в атаку на ворота соперника, и все стало, как раньше. Но, к сожалению, это было невозможно. И выйдут ли они теперь вообще когда-либо вместе на поле, один бог ведает.

Когда все динамовские обедали вместе, Константин спросил у Трусевича, зачем он пришел на стадион, если ранен. Тот отшутился, что ранение всего лишь в ногу и не серьезное, а у них тут столько вкусного, что грех было не прийти. Все рассмеялись, а Ячик открыл шкаф, набитый разной снедью, и сказал, чтобы Николай забирал столько, сколько сможет унести, для себя и для своих боевых товарищей. «Штаб» нагрузил динамовского вратаря пакетами с едой, а Константин вышел вместе с ним за ворота стадиона. На прощание друзья обнялись. Бывший нападающий долго провожал своего голкипера взглядом. Щегоцкий не знал, что уже больше никогда его не увидит.

Историческая справка: Николай Александрович Трусевич — родился 22 ноября 1909 года в Одессе, где играл за местный «Пищевик» и за «Динамо» (Одесса), из которого в 1936 году его перевели

в команду «Динамо» (Киев). Вратарь, участник победных международных матчей сборных УССР против парижской команды Red Star Oultrique (1935) и СССР против сборной Турции 1936 года. В 1937-м защищал динамовские ворота в игре со сборной Басконии, совершившей в 1937 году турне по СССР (команда «Динамо» (Киев) тогда проиграла 1:3). Остался в оккупированном немцами Киеве. Здесь стал капитаном и вратарем сборной команды киевских футболистов «Старт». Цикл матчей «Старта» против команд различных немецких подразделений и украинских националистов послужил основой для легенды о «Матче смерти». Был арестован и заключен в Сырецком концентрационном лагере. Убит вместе с другими игроками «Динамо» (Киев) и команды «Старт» Иваном Кузьменко и Алексеем Клименко.

06.08.1941, старший краснофлотец, 1-й наводчик кормового орудия канонерской лодки «Верный» Петр Федорович Танана, 24 года

«Верный» вел огонь из орудий главного калибра. Корпус сотрясаясь от выстрелов, заряжающие, как заведенные, подавали в полубашни тяжелые снаряды, но полуголохший Петр этого не замечал. Он автоматически корректировал наводку в соответствии с данными, которые выкрикивал ему командир орудия старшина 2-й статьи Миша Борисочкин, и ждал следующих приказаний. Расчет работал как единый слаженный механизм — сказывались долгие месяцы учений и тренировок.

Воевать оказалось тяжело, но все равно сейчас было лучше, чем прежде, когда «Верный» числился флагманским кораблем. Петр с досадой вспоминал то время, когда канлодка не участвовала в боевых действиях и адмирал Рогачев часто навещался к ним на борт. Причиной тому была самая мощная во всей флотилии рация, установленная у них в радиорубке. Она не выключалась ни днем, ни ночью, принимая и отправляя ра-

диограммы штабу фронта, армиям, дивизиям и даже в Москву. Радисты валились с ног от постоянного напряжения и недосыпания, но продолжали работать. Однако там, где выдерживали люди, не всегда выдерживала техника — вскоре от беспрерывной работы в рации сторела радиолампа. Разъяренный контр-адмирал набросился на Терехина с угрозами. Самыми «ласковыми» его словами были «расстреляю... измена... предательство». Но, к счастью, в тот раз все угрозами и закончилось.

Экипаж опасался за своего командира, которого и любил, и уважал, но иногда бояться за жизни приходилось и рядовым морякам. Получил свою «порцию» «адмиральской ласки» и Петр. Как-то раз он стоял ночную вахту и обнаружил, что свет одного из иллюминаторов ярко отражается на водной глади. Существовал строгий приказ по светомаскировке корабля, поэтому Петр перевесился через натянутые вдоль борта леера и постучал в иллюминатор, потребовав зашторить его. Ему никто не ответил и требования не выполнил, хотя было понятно, что в каюте кто-то есть. Петр еще раз настойчиво постучал в стекло и повторил сказанное. Тут на палубу выскочил Рогачев, на ходу рвущий из кобуры пистолет с воплем: «Кто сказал: "Закрой иллюминатор!"?»

А в бою все было намного проще. Корабли флотилии расположились в районе Канева, Черкасс, Триполья, сдерживая огнем напор вражеских сил, рвущихся к переправам через Днепр. 2 августа в час ночи на «Верный» прибыло высшее командование Юго-Западного направления. Когда оно поднималось на глиссере вверх по Днепру, в районе Триполья командиров обстреляли с берега немецкие автоматчики.

Присутствовавший на совещании командир БЧ-2 лейтенант А.В. Жигалов потом дословно пересказал своим комендорам слова командования. Горячившийся Буденный сказал: «Пока через мой труп не переступит немецкий солдат, на левом берегу Днепра немцев не будет, а Киев был советским и будет. Сделаем второй Царицын!» Хрущев оценивал ситуацию реалистичней. Он наставлял Рогачева, чьи корабли на тот момент часто оказывались едва ли не единственной артиллерией, кото-

рой фронт мог поддержать свои отступавшие к Днепру южнее Киева войска: «Помощи вам не будет, держитесь, сколько можете, а потом отходите». Командование всерьез рассматривало возможность сдачи Киева и отвод флотилии вниз по Днепру.

И вот сегодня их бросили в бой. Немцы двигались к реке в районе Ржищев — Триполье, вражеская мотопехота ворвалась в Щучинку. Переброшенная в этот район канлодка «Кремль» уже три дня вела по немцам огонь. «Верный» стал у левого берега рядом с ней, скрывшись под густыми прибрежными зарослями ивняка. На правом берегу тотчас же организовали НП, который возглавил командир их БЧ, лейтенант А.В. Жигалов. Моряки выкопали окопы, щели, выставили буссоли. Жигалов по телефону сообщал координаты, которые командиры орудий передавали наводчикам, после чего также по телефону поступали результаты стрельб и новые данные.

К вечеру на «Верный» на катере прибыл командир сражавшейся в районе Щучинки 41-й дивизии. Пользуясь тем, что звание у него было значительно выше, чем у Терехина, он в яростном возбуждении набросился на старшего лейтенанта с упреками и угрозами, обвиняя, что тот, избегая опасного правого берега, вел огонь от более удаленного — левого. Пришлось объяснять заслуженному командиру азы артиллерии, что крутизна высокого правого берега не позволяет вести огонь вблизи от него. Логичные доводы успокоили генерала, он отправился назад к катеру, но, пока садился в него, умудрился свалиться в воду. Тогда всем окончательно стало ясно, что комдив банально пьян.

06.08.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Ночь. У Ирины страшно разболелась голова, и она не могла уснуть. Ни звука не слышно, только далекая частая канонада нарушает тишину. Она теперь не умолкает, меняется только интенсивность. Орудийные залпы доносятся от Святошино,

от Жулян, от Пирогова, со стороны Голосеево. Раньше патрули ходили по улицам, скверам, паркам... одним словом, везде, в основном вечером. Теперь же везде и всюду натыкаешься на них и днем. Патрульные останавливают, проверяют у прохожих мужчин военные билеты, отлавливая дезертиров.

Окопы в центре города рыть перестали. Те, которые не успели закончить, так и остались. Снова пропали продукты, новых в магазины почти не завозили, а прежние запасы жители размели. Если в каком-то из магазинов появлялась хоть какая-то провизия, налетевшие словно саранча хозяйки тут же ее расхватывали. На полках витрин сиротливо лежали только сигареты, крабы, китайские фисташки да стояли бутылки советского шампанского. Большая часть киевлян с утра до вечера занималась поисками заработка и пропитания, и все это происходило на фоне постоянно играющего на улице радио. Из множества репродукторов, расположенных в самых людных местах, неслись звуки эстрадных песен и, иногда, классической музыки, прерываемые сводками Совинформбюро и рассказами о зверствах фашистов на оккупированных территориях.

Город продолжал эвакуироваться. В райсоветах стояли огромные очереди за пропусками, уехал исполком. Однако автобусы, приготовленные для эвакуации ЦК Партии Украины, по-прежнему стояли возле его серой громады пустыми. В центре Киева ютились беженцы из прифронтовых районов и пригородов: с Демиевки, Соломенки, Китаево и Пирогово.

Днем заглянул Танин муж Степан. Он сдал батарею и ждал перевода в новую часть. Глядя остекленевшими глазами на клеенку кухонного стола, с забытой чашечкой чая в руке он потухшим голосом рассказывал о страшных воздушных боях в небе над Дарницей и Броварами. О том, как вчера возле их батареи упал наш истребитель. Летчик хотел выпрыгнуть с парашютом, но не смог дернуть за кольцо обгоревшей рукой и разбился насмерть. В его нагрудном кармане вместе с партбилетом лежало письмо жены и их семейное фото с двумя детьми. А ведь они еще не знают о его смерти, для них он еще живой. Допив чай, Степан ушел по своим делам, но подавлен-

ность, охватившая его, казалось, частично осталась здесь, на Андреевском, и передалась Ирине.

Она выглянула наружу. Луна заливала город ярким светом. Можно было легко, словно днем, рассмотреть стрелки наручных часов или лица жителей Андреевского спуска, которые, задрав головы, смотрели вверх. Там лучи прожекторов пытались нащупать одинокий немецкий самолет. В небе вспыхнуло несколько разрывов зенитных снарядов; судя по звуку, самолет начал удаляться.

Кто-то из жителей задал риторический вопрос, стоит ли уже идти ложиться спать. Но ему никто не ответил. Вскоре все разошлись по домам, а издали продолжали доноситься пугающие звуки канонады дальнобойных орудий.

06.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года

Немцы перешли в атаку в 17:00 после сильной артиллерийской и минометной подготовки. Им удалось полностью овладеть Гатным, юго-восточной окраиной Чабанов и южной окраиной Хотова. Остатки 132-го танкового полка и потрепанный батальон 2-й воздушно-десантной бригады отошли к юго-западной окраине села. 71-я пехотная дивизия немцев смогла продвигаться ближе к Киеву, захватив хутор Теремки. Опущку Голосеевского леса на восточной окраине хутора наша 147-я стрелковая дивизия отстояла в ожесточенной рукопашной схватке. 175-я дивизия сдала Тарасовку.

По донесению КиУРа, только за период с 3 по 5 августа части потеряли ранеными и убитыми:

- 600-й полк 147-й сд — до 1000 человек;
- 640-й полк 147-й сд — до 300 человек;
- 132-й танковый полк — до 700 человек;
- 2-я воздушно-десантная бригада — до 200 человек.

Для ликвидации прорыва в 19:30 силами одного батальона 206-й сд из района Жулян в направлении на Гатное и еще одним в направлении на Чабаны была проведена контратака. В результате Гатное удалось отбить. Теперь перед частями ставилась задача, используя темноту, контратаковать противника, отбросить его от Чабанов и Хотова и отбить Вету-Почтовую.

07.08.1941, спецкорреспондент газеты «Красная Звезда» капитан Сергей Терентьевич Сапиго, 30 лет

Их разбудил снаряд, разорвавшийся рядом с гостиницей. До этого жизнь московских журналистов протекала более-менее размеренно. Отель был незаполненный, значительная часть из ста его номеров пустовала, а потому ничто не мешало столичным борзописцам облюбовать себе шикарные номера на третьем этаже. Из всего персонала гостиницы остались только шесть человек: заместитель директора, пожилая солидная женщина-администратор Анна Холод, распоряжавшаяся всем этим хозяйством, инвалид-швейцар и три телефонистки гостиничного коммутатора, который и был самым притягательным для журналистов сервисом отеля — они нуждались в устойчивой связи с редакциями.

Историческая справка: Четырехэтажный корпус киевского отеля «Континенталь» был возведен в конце XIX века вместе с целым комплексом других зданий Николаевской улицы (современной улицы архитектора Городецкого), появившейся на месте сада Меринга. В гостинице останавливались многие знаменитости: певицы Федор Шаляпин и Леонид Собинов, артисты Вера Комиссаржевская и Всеволод Мейерхольд, поэты Константин Бальмонт и Осип Мандельштам, кинозвезда Макс Линдер, шахматист Михаил Чигорин. В 1906 году Шаляпину пришлось из «Континенталья» перебираться по карнизу и водосточной трубе на крышу и чердак соседнего здания — легендарного киевского «Гиппо-Паласа» — крупнейшего на то

время в Европе цирка с двумя тысячами зрительских мест. Федору Ивановичу предстояло петь здесь вечером в спектакле, но толпа почитателей заполонила узкую улочку и заблокировала все входы и выходы наружу. Пришлось пробираться в гримерку вот таким «экстравагантным» способом.

Утром их будила по телефону дежурная телефонистка, журналисты спускались в широкий холл, пили чай, желали друг другу хорошего дня и отправлялись по всему Юго-Западному фронту, раскинувшемуся на 300 километров на северо-запад и юг от Киева. «Краснозвездинцы» Боря Лапин и Захар Хацревин — умницы, авторы целого ряда книг и публикаций, знатоки восточных языков, работали в паре еще с Халхин-Гола и постоянно ездили вдвоем на своей камуфлированной «эмке». Второй парой оказались Борис Абрамов и Яков Сиславский. Напарником Сергея был Саша Шуэр, с которым они за прошедшие дни сильно сдружились и также везде разъезжали только вдвоем. В работе к корреспондентам помогали фотокоры — Виктор Темин и Абрам Слуцкий.

Журналистская бригада «Комсомолки» жила победнее, Михаил Котов и Владимир Лясковский ездили на фронт в кузове фронтовой полуторки, которую им помог раздобыть их третий недавно приехавший из Москвы коллега. 23 июля, когда Сергей в первый раз увидел нового присланного «Комсомолкой» в Киев журналиста он не поверил своим глазам. Это был, пожалуй, самый популярный в стране писатель — Аркадий Гайдар. Его произведения печатались в центральных газетах и журналах, книги издавались огромными тиражами. Их раскупали и зачитывали до дыр. По его произведениям и сценариям снимались фильмы. В узком журналистском кругу вскоре поняли, что таким образом Гайдар решил попасть на фронт. Его, контуженного и комиссованного из армии по здоровью после Гражданской, не хотели брать ни на какие военные должности, и тогда он поехал на войну в качестве журналиста.

Миша и Володя рассказывали, как уже на следующий день после приезда писателя в Киев их журналистская бригада поехала в 306-й полк 62-й стрелковой дивизии 5-й армии генерала

Потапова, которая сдерживала немцев на севере Житомирщины в районе Коростенского укрепрайона. Аркадий Петрович рассказывал, что в детстве он воевал в этих местах.

Сами они остались собирать информацию в штабе полка, а Гайдар поехал на передовую в один из батальонов. Он уговорил комбата капитана Ивана Николаевича Прудникова разрешить ему вместе с разведгруппой пойти в поиск за языком. Тот долго сопротивлялся, но в конце концов вынужден был уступить известному писателю. Группа вернулась только под утро. Разведчики доставили немецкого унтера и раненого командира группы Бобошко. Большую часть пути комиссованный Гайдар нес Бобошко на себе. Разведчики потом признались, что языка взяли в основном благодаря советам Аркадия Петровича.

Второй раз они поехали в этот же полк 1-го августа. Гайдар опять отправился к знакомому комбату и вместе с его батальоном оказался в районе поселка Чоповичи в окружении. Немцы начали массированное наступление на Коростень и Малин, не давая нашим войскам перебросить резервы к Киеву, где начался генеральный штурм. И в этот раз Гайдар не упустил возможности взять в руки оружие. Ночью батальон бросился на прорыв, Гайдар шел в атаку рядом с капитаном Прудниковым, стреляя с рук на ходу, ему удалось захватить немецкий автомат и плащ-палатку. Когда рядом с комбатом разорвалась минометная мина, корреспондент нес на себе контуженного, пока они не вышли из окружения. Гайдар потом, смеясь, рассказывал, как трофейный плащ чуть не погубил его. Когда Прудников пришел в себя, то решил, что попал в плен, и потянул из кобуры пистолет. Только фраза «Не надо, Ваня, не стреляй. Здесь и без тебя много стреляют», остановила его.

Все эти истории, а также множество других новостей и событий каждый вечер обсуждались в гостинице среди собравшихся здесь журналистов, фотографов, писателей и кинодокументалистов. Они музицировали, пели песни, читали сочиняемые ими самими на злобу дня стихи и памфлеты, делились фронтовыми впечатлениями. Из этих незаурядных людей в «Континентале» сложился своеобразный стихийный

литературный клуб, притягивающий и местных деятелей культуры. Его «члены» не подозревали, что всего лишь каких-то 22–23 года назад именно здесь собирался другой литературный кружок, включавший в себя, пожалуй, лучших представителей интеллигенции, которых когда-либо видел Киев.

Историческая справка: В 1918–1919 годах в подвале «Континенталя» в литературном кафе собирался знаменитый клуб «ХЛАМ» (Художники, Литераторы, Артисты, Музыканты), в котором можно было встретить О.Э. Мандельштама (он здесь познакомился со своей женой Надеждой Яковлевной Мандельштам), И.Г. Эренбурга, А.Т. Аверченко, К.Г. Паустовского, М.А. Булгакова, Ю.А. Хайта. Самой главной достопримечательностью этого кафе была надпись на фронтоне: «Войдя сюда, сними шляпу, может быть, здесь сидит Маяковский». Именно об этом клубе Михаил Булгаков, обыграв его название, позднее написал в Белой Гвардии: «В Киеве открылся... величественный, до белого утра гремящий тарелками, клуб “Прах” (поэты-режиссеры-артисты-художники) на Николаевской улице».

Газету «Известия» в Киеве представляли Михаил Сувинский, Виктор Полторацкий, Иосиф Осипов, Константин Тараданкин и старый опытный фоторепортер Николай Макарович Петров. У «известинцев» с жившим здесь же в гостинице вспыльчивым по характеру «правдистом» Яковом Цветовым началось негласное соревнование. Если кому-либо из них удавалось первыми связаться с Москвой, тот «вспыхивал» и потом долго вычитывал дежурную телефонистку гостиничного коммутатора: «Я — “Правда”! Почему вы соединили с Москвой “Известия”? Меня надо соединять в первую очередь!..»

Теперь этот размеренный порядок жизни нарушился первыми залетевшими в центр города снарядами. Один за другим вся гостиничная «богема» проснулась, оделась и собралась в холле. После скудного завтрака журналисты выбрались на улицу. Здесь они обнаружили, что одним из осколков разорвавшегося неподалеку снаряда повреждена вывеска отеля — отбита буква «Т», которая теперь валялась на земле среди крошева битого стекла и осколков кирпича. Гайдар печальным взглядом посмотрел на мостовую, наклонился, поднял с земли стекляш-

ку с золотистой буквой и в этой напряженной, предутренней тишине вдруг произнес:

Немаловажная деталь —

Снаряд попал в «Континенталь».

Попал в гостиницу со свистом,

Куда податься журналистам?

Журналисты посмеялись над удачным экспромтом и разъехались — как обычно, предстояло много работы.

07.08.1941, командир гарнизона ДОТа (предположительно № 156) КиУРА старшина И.С. Бондаренко

В темном мраке полузаваленного ДОТа ничего не видно. Передвигаться можно только на ощупь, благо ДОТ маленький, казематы крохотные — не заблудишься. Взрыв нового снаряда, стены ДОТа трясутся. От кислой гари сгоревшего аммонала першит в горле. Новое попадание. Интересно, сколько им еще осталось жить?

Связная прибыла к ним из села еще 6 августа и сообщила, что утром там видели двух немецких разведчиков-мотоциклистов. В ночь с 6-го на 7-е никто в ДОТе не спал, все готовились отражать нападение. Бойцы заняли выносные стрелковые ячейки, открытые возле ДОТа и соединенные с ним ходами сообщений. ДОТ их оказался построен таким образом, что простреливал достаточно узкие сектора и оставлял широкие мертвые зоны. Чтобы исправить ситуацию, гарнизон подготовил эти позиции. Но даже с ними возможности держать круговую оборону у бойцов не имелось — земляная насыпь, проходившая от северной амбразуры на запад, все равно обеспечивала атакующим безопасный проход к ДОТу.

Историческая справка: ДОТ № 156 представлял собой пулеметный капонир типа М2 с двумя пулеметными амбразурами, смотрящими в противоположные стороны, и амбразурой обороны входа. На

вооружении у него находилось два станковых пулемета — «максим» и ДС, и один ручной, скорее всего ДП.

Тем не менее они внимательно всматривались в темноту и прислушивались к доносившимся из леса звукам шагов, шепоту и треску веток. Иногда у часовых сдавали нервы, и тогда ночь прорезал звук пулеметной очереди или треск выстреливаемой в темноту пачки винтовочных патронов. Напряженности добавляло то, что ночь выпала темная и туманная.

С рассветом дозорные заметили, что на запад от ДОТа немцы почти не скрываясь начали устанавливать пушки и минометы. Бондаренко решил доложить об этом командиру роты, но телефон молчал. С донесением отправили Ивана Глухова.

Когда туман рассеялся, стали отчетливо видны стволы направленных прямо на ДОТ орудий. В это время с той стороны, куда ушел Глухов, послышалась автоматная и винтовочная пальба, которая быстро смолкла. Видимо, Иван напоролся на засаду, но идти ему на выручку было некому.

Тогда Бондаренко решил опередить немцев и открыл по батарее огонь из установленного в ДОТе станкового пулемета ДС. Немцы попрыгали. Некоторые из них пытались сначала пробраться обратно к пушкам, но меткий огонь пулеметов, которые вытащили в наружные стрелковые ячейки, каждый раз отбивал у них это желание. В ДОТе остался только пулеметчик Калимулин, он вел наблюдение из амбразуры, обращенной на север. Все остальные собрались в траншее на южной стороне ДОТа.

Историческая справка: Пулемет ДС-39 — 7,62-мм станковый пулемет конструкции В.А. Дегтярева образца 1939 года. Принят на вооружение 22 сентября 1939 года. За время производства с 1939 по 1941 год выпущено 10 345 единиц. Так как вооружений при подготовке КиУРа к боям не хватало, ДОТы вооружали пулеметами всех систем, которые удавалось найти, но основным оставался «максим» образца 1910/30 года.

В воздухе появился «костыль» — вражеский самолет-разведчик, который сделал над ДОТом несколько кругов, а затем на позиции обрушились мины и снаряды. Гарнизон тут же укрылся в надежной железобетонной коробке.

Историческая справка: Хеншель Hs-126 — одномоторный цельнометаллический моноплан-парасоль с неубирающимся шасси. Использовался вермахтом в качестве самолета-корректировщика и ближнего разведчика. Бойцы РККА прозвали его «костылем» за внешний вид и за то, что он, как правило, являлся предвестником скорого обстрела или бомбежки. Ненавидели его так же, как и другой распространенный у немцев самолет-разведчик «Фокке-Вульф» Фв-189, прозванный за свою двухбалочную конструкцию — «рамой».

Как только обстрел прекратился, они вновь выскочили в траншею с пулеметами, еще два бойца тащили диски и ленты с патронами. Так повторялось несколько раз. Разрывами позасыпало стрелковые ячейки, завалило ходы сообщений. Но и после этого немцы никак не могли подобраться к ДОТу.

В полдень по ним отбомбились три бомбардировщика. От близких разрывов бомб и снарядов стало невозможно дышать, в воздухе стояла устойчивая гарь сторевшей взрывчатки. Фонари «летучая мышь» потухли, и приходилось все в ДОТе искать на ощупь.

Историческая справка: «Летучая мышь» — это перевод торговой марки «Fledermaus». Так называлась немецкая фирма, которая в XIX веке создала крайне удачную конструкцию ветрозащитного керосинового фонаря. В результате в Российской Империи так стали называть практически все ветрозащитные керосиновые фонари, как сейчас памперсами называют все подгузники, в том числе других торговых марок.

Воспользовавшись моментом и плохой видимостью, подкравшиеся немецкие солдаты забросали ДОТ дымовыми шашками и гранатами. Пулеметы срывало с креплений, из-за дыма перед амбразурами ничего не было видно. Пулеметчика Калимулина убило, северную амбразуру пришлось закрыть бронезаслонкой. Немцы взобрались на крышу ДОТа и обнаружили там обсадную трубу под перископ. Недолго думая, они решили бросить в нее гранату, не зная, что труба уже давно забита деревянной пробкой и подперта дубовым бревном. В результате осколки и взрывная волна пошли обратно вверх и, видимо, кто-то из немцев получил увечья, потому что снаружи послышались

вопли. Несколько гранат влетело через южную амбразуру, но их удалось вышвырнуть наружу, благо, время срабатывания у немецких «колотушек» было намного дольше, чем у наших РГД.

Тогда штурмующие подперли входные двери в ДОТ двумя толстыми бревнами и начали засыпать вход и амбразуры щебнем, которого после строительства почему-то много валялось вокруг. С внешним миром ДОТ теперь соединяла только узкая щель, куда едва можно было просунуть ствол пулемета или винтовки.

Историческая справка: Узкая щель это продух — конструкционное отверстие, оставляемое во входном тупике ДОТов для того, чтобы взрывная волна не давила на входную дверь и амбразуры обороны входа, а уходила через дверной проем внешнего входа и продух наружу.

Немцы потребовали сдачи, но гарнизон сдаваться не собирался. Два оставшихся солдата-приписника из Житомирской области просили их отпустить, рассказывали, что у них дома по двое, по трое детей, но их желания никто учитывать не собирался. Бондаренко закрыл бронированную дверь на засов и приготовился к худшему. Было уже около 17:00, дело шло к вечеру, стрельба прекратилась. Позже уже выяснилось, что немцы в это время подкатывали орудия на прямую наводку, чтобы огнем через узкую оставшуюся щель продуха заставить гарнизон сдаться.

Новый взрыв, видимо, опять не попали. Интересно, с какого раза попадут. Но не успел он еще об этом подумать, как после нового взрыва Бондаренко швырнуло и сильно ударило о стену. Он удивился, что не потерял сознание, ведь шмякнуло его довольно сильно, из раны на голове потекла кровь. Семенов достал индивидуальный пакет и разорвал его, чтобы перевязать командира. В голове еще успела мелькнуть мысль, что в сложившейся ситуации это лишнее, когда удар по затылку окончательно погрузил его в небытие.

Когда Бондаренко уже лежал снаружи, и сознание начало понемногу к нему возвращаться, он услышал, как немец допрашивает сдавшихся житомирских, чье это тело они выволокли из ДОТа — комиссара или командира. Те отвечали, что командира.

07.08.1941, житель села Козин Вася Бондаренко, 14 лет

Крысу в селе знали все. А вот откуда их односельчанин Михаил Губенко получил свою кличку, не знал никто. Спрашивать же боялись, потому что человек Крыса был плохой и злопамятный, от того и друзей у него не было. Старожилы говаривали, что в Первую Империалистическую войну Крыса служил в армии, попал в немецкий плен, из которого вернулся уже после Революции.

Был он на всю округу первейший рыбак, потому что сызмальства изучил множество затонов и протоков, которыми изобилует Днепр южнее Киева. Хорошо знал, какая рыба там водится, на какую наживку и снасть ее ловчее всего изловить и в какую пору года. С этого знания и кормился Крыса, пропадая на реке от лета до зимы и от зимы до лета, а также содержал жену и сына — Васиного ровесника.

Когда начались бои, жители из Козина не эвакуировались, а занимались своими делами или отсиживались по погребам, пока в их хатах жили новые хозяева в мундирах мышинного цвета. Те селяне, подводы которых вместе с возницами привлекали к перевозке грузов к Мрыгам и дальше, ближе к Киеву, рассказывали, что линия обороны, которую весь июль готовили севернее их села, была сильно заминирована, а потому «дачный» ДОТ, расположенный в излучине речки Кончи, немцы взять никак не могли. Он своим огнем контролировал и высоту, на которой находился, и проходившую мимо дорогу, чем создавал немцам немалые проблемы.

Но было у этого ДОТа одно уязвимое место — высокий песчаный и обрывистый берег, под которым протекала речка — днепровская протока. Простреливать пространство внизу ДОТ не мог, немцы быстро это сообразили и стали искать, кто бы их мог провести. Вскоре им удалось найти такого человека, им оказался Крыса, который в плену неплохо выучил немецкий язык.

Ночью в несколько ходок Крыса на своей лодчонке переvez в тыл к ДОТу немецкую десантную группу, которая смогла незаметно подкрасться и в ожесточенном бою захватить гарнизон. Оставшихся в живых нескольких солдат — грязных, потных, с запыленными измученными лицами — немцы под конвоем утром привели в село. Вася видел затравленные взгляды обреченно бредущих солдат. Их загнали на территорию старого лесничества, где, за огорожей из колючей проволоки потом и оставили сидеть под охраной. На следующий день солдат куда-то увезли, а по селу поползли слухи, что солдаты в «дачном» ДОТе были закрыты своими же командирами на большой навесной замок и что у них было мало патронов.

Пользоваться дорогой-каменкой немцы по-прежнему не могли, она была как-то хитроумно заминирована. Когда при разминировании погибло сразу несколько саперов, немцы плюнули и просто погнали по дороге группу очередных пленных, накопившихся в старом лесничестве. В результате множество их погибло, но дорогу и кювет захватчики таким образом от мин очистили и направили по дороге в сторону Киева солдат и грузы. В сторону же от дороги никто заходить не рисковал, потому что там разминирование никто не проводил.

Историческая справка: Михаил Губенко погиб осенью 1942 года. Он прятал в плавнях подлежащего уgonу в Германию сына, попал под устроенную полицией облаву, и был случайно убит. В селе решили, что это Крысе воздалось за предательство. Хоронили его одни родственники.

07.08.1941, командир гарнизона ДОТа № 157 КиУРа младший лейтенант Захарченко

Они сражались в окружении уже несколько часов. Дело было «табак», все шло к тому, что ночью, когда закончатся патроны и обороняться дальше не останется никакого смысла, надо будет пробиваться к своим на Новоселки или Теремки.

Его позвали к аппарату, комендант соседнего ДОТа сообщил, что немцы их штурмуют. Они поджигают какое-то образующее едкий дым вещество, от которого не спасают даже противогазы.

Из амбразуры, сквозь которую просматривался блокированный ДОТ, было видно, что он действительно окутан дымом. Сержант Богатырев доложил, что видел, как немецкие саперы возились на крыше ДОТа возле обсадной трубы перископа, по-видимому, разрывая обсыпку и производя какие-то работы, после чего и повалил этот странный дым.

Через 4 часа соседний гарнизон перестал выходить на связь. Стало понятно, что ночью обязательно нужно идти на прорыв.

07.08.1941, разведчик мотороты 212-го бронеразведывательного батальона 175-й сд старшина Иван Кузьмич Малько

Батальону приказали выдвигаться к Юровке. С занимаемых в тылу позиций, они строем где-то с километр шагали к фронту, пока не подошли к какому-то ДОТу. Здесь личный состав спрятался в открытых заранее щелях и окопах, а комбат вместе со своим начштаба «нырнул» в ДОТ. Прошло около часа, прежде чем они появились обратно, после чего комбат приказал занять оборону слева от ДОТа на поле, заросшем пшеницей, и заночевать.

Ночь прошла без происшествий, утро тоже. Иван лежал в окопе вместе с командирами танковой роты и бронероты, когда в пшенице послышался громкий шорох — кто-то полз в сторону их окопа. Все затихли, притаились. Вскоре показался ползущий, он был без пилотки, дочерна загорелый, а потому сильно походивший на итальянца, но форма советская. Бойцы окликнули человека, спросили, кто он, на что тот ответил, что лейтенант, командир удерживающего впереди оборону батальона.

Лейтенант сполз в окоп, затем спустился его связной, который, как оказалось, следовал позади, готовый подстраховать автоматным огнем. Прибывшие попросили напиться. После того как они почти опорожнили флягу Ивана, лейтенант рассказал, что получил приказ занять Юровку, но так как штыков в батальоне осталось крайне мало, он решил просить подкреплений. Его тут же повели к комбату, а Иван остался вместе со связным.

Совещание командиров закончилось тем, что комбат решил на усиление соседей выделить мотороту, танковая рота и бронерота должны были следовать во втором эшелоне наступления. Иван вместе со своей ротой пополз по-пластунски вслед за лейтенантом и его связным вперед и начал окапываться где-то в ста метрах за позициями, которые занимал сильно поредевший передовой батальон. Когда свечерело, молодой комбат закричал: «Впере-е-е-д! В бога-мать!..» Были там и еще какие-то соленые слова, но Иван их уже не расслышал. Пулеметчики открыли в сторону противника бешеный огонь, и передовой батальон пошел в наступление.

Тем временем Иван подбежал к командиру бронероты Янчуку и сказал, что хорошо бы пойти к наступающим и сказать, что позади у них второй эшелон, подкрепление, все ж веселей идти в атаку. Тот согласился с этим, и Иван побежал вперед.

Он спустился с высоты в ложину, справа по бугру наступала их моторота, левее — батальон, который они поддерживали. Иван подбежал к бойцам и командирам, крикнул, чтобы они смелее шли в атаку, что за ними в наступление идут еще танковая и бронерота их батальона. В ответ ему сказали, чтобы тогда танки и броневики шли вперед. Пришлось сообщить, что роты в пешем строю, так как всю бронетехнику батальон потерял еще при отступлении в боях под Кожуховкой.

Иван побежал назад к своему подразделению, когда началась канонада. Немцы открыли огонь из всех видов оружия: пушек, минометов, пулеметов и автоматов. Иван сбежал вниз, под косогор, и в спешке, срывая ногти, штык-ножом и руками начал копать себе окоп, и вовремя. Не успел он в нем укрыть-

ся и замаскироваться, как в считанных метрах начали рваться снаряды. Адская канонада длилась часа два... а затем батальон соседей и их моторота ворвались в Юровку.

Иван пробрался к Янчуку и доложил, что живой и что ему удалось передать передовым ротам, что их поддержат. К утру бой затих, бойцы отдыхали и готовились к новому дню.

На рассвете Иван опять подошел к Янчуку и сказал, что сбегает на высоту и глянет — много ли там осталось лежать бойцов их роты. К его удивлению, несмотря на ураганный огонь, солдат погибло не так много. Он уже возвращался, когда наткнулся на 70 бойцов мотороты, втихомолку уходящих с позиций. Иван бросился к ним, спросил куда? Те ответили, что за боеприпасами. Иван взорвался, солдаты явно дезертировали и при этом вразли.

Он тут же побежал к Янчуку и доложил ему о происшествии, тот отправил Ивана к комбату. Иван побежал к ДОТу, спустился в него... Комбат долго матерился, но делать было нечего, и он приказал отходить всем на прежние позиции. Далеко бежать не пришлось, оставившая свои позиции рота как раз собралась возле ДОТа. Бойцы стояли в полный рост, не маскируясь. Озверевший от их спокойствия и недалекости Иван успел только крикнуть, чтобы они занимали прежние позиции, когда на ДОТ и возле него посыпались осколочно-фугасные снаряды.

Прямым попаданием дезертировавшую роту раскидало в разные стороны. Земля взметнулась к небу, закричали раненые. Ивана швырнуло в сторону, сорвало пилотку, ртом и носом пошла кровь. Он силился поползти и соскользнуть в еще дымящуюся воронку, но совсем лишился сил и потерял сознание.

Иван очнулся через несколько минут, обнаружив, что все-таки лежит в воронке. Над ним со свистом пролетали снаряды. Солдат несколько раз попытался встать, но каждый раз падал без сил. Тогда он пополз вверх.

Увидев его, комбат крикнул, чтобы отводил людей. Иван снова попытался встать и опять упал. К нему подбежал связной, помог подняться, держа под руку, повел вниз.

Сержанты собирали людей и отводили назад по косо-ру, пока батальон не дошел до Крюковщины. Сделали привал. Обессиленный Иван повалился на землю и тут же уснул. Уже сквозь сон он слышал, как связной, лежа на земле, копал окоп.

Через два часа — подъем, комбат вызвал Ивана к себе, но тот никак не мог подняться. Опять ему на выручку пришел связной. Батальон молча двинулся вперед, подошел врач, осмотрел Ивана, дал какое-то лекарство, и сразу стало легче.

Они прошли километра три, впереди виднелась крыша какого-то сарая. Комбат приказал окопаться, но не успели еще солдаты достать лопатки, как на их позиции посыпались сотни мин. Бойцы бросились врассыпную, чтобы спрятаться в густой пшенице близлежащего поля. Послышались крики, обвиняющие майора в том, что он специально подвел всех под огонь.

Комбат подошел к Ивану, сказал, чтобы собирал людей, что они только его послушают. Разведчик долго бродил по прогалинам пшеничного поля, зовя и собирая ребят, всех, кто уцелел, кого еще не убило. На это ушло где-то час времени. К ночи они смогли окопаться на новом рубеже.

07.08.1941, командующий 36-й иад Герой Советского Союза полковник В.В. Зеленцов, 30 лет

Он поднялся на дивизионный наблюдательный пункт на крыше гостиницы: небо затянула сплошная свинцовая пелена, разыгравшаяся непогода исключала возможность воздушных боев и ночных налетов на город. Частям можно было отдохнуть, а отдых дивизии и полкам требовался, как воздух.

К этому времени в полках оставалось по 15-30 исправных боевых машин, а летчиков в полтора — два раза больше, поэтому летали они все светлое время практически без осмотра самолетов. Технический состав едва успевал заправлять маши-

ны горючим, а вооруженцы — перезаряжать пулеметы и подвешивать бомбы и «эрэсы».

Полковник закурил, поглядывая в южную сторону, откуда доносился гул орудийной канонады, и, быстро, буквально в несколько затяжек прикончив папиросу, заторопился вниз — начал накрапывать дождь.

07.08.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

На улице лил проливной дождь, шквальный ветер рвал и терзал деревья, а Ирина радовалась такой погоде, как в детстве не радовалась летнему солнышку и теплу. Ливень и буря — это значит, что сегодня ночью можно спокойно спать, что не будет бомбежек, не будет лучей прожекторов и разрывов зенитных снарядов, и этого ни с чем не сравнимого ужасного шелеста осколков, осыпающихся вниз.

Было десять часов вечера. Она только зашла домой. Когда возвращалась, пересекла бывшую Софийскую площадь (сейчас та называлась площадью Красных героев Перекопа), там было пусто, неуютно, только серой громадой возвышался памятник Богдану Хмельницкому, осаживающему своего вечно непокорного коня.

Сегодня не удалось достать хлеба, в магазинах продавали только варенье и фисташки. Ирина отослала паспорт матери своей двоюродной сестре Любе ценным письмом. Ее удивило, что почта работала и принимала различные заказы, не были доступны только услуги авиапочты.

В городе эвакуирующиеся и закрывающиеся учреждения раздавали желающим разный скарб: пишущие машинки, арифмометры, всякий инвентарь. Ходили слухи, что на швейной и трикотажной фабриках часть продукции раздали рабочим. Но людей уже эвакуировали мало, большинство оставалось в Киеве. Оставшееся без работы и денег большинство.

Буря снаружи расходилась не на шутку, рвала оконные рамы, ломала ветки деревьев. Ирина нырнула под уютный теплый плед и взяла с журнального столика «Войну и мир» Л.Н. Толстого, которую накануне затеяла перечитывать. Нужная страница была заложена прошлогодней открыткой. Как раз на ней Лев Николаевич писал о том, что летом 1812 года были часты бури без дождя, только сухой пыльный ветер. Ирина погрузилась в чтение.

07.08.1941, командир 5-й воздушно-десантной бригады полковник А.И. Родимцев, 36 лет

Было холодно, ветер рвал листву, лил дождь. Десантники, как могли, спасались под деревьями парка от падающей с неба воды и сырости. А все началось с того, что ближе к полудню в штабе бригады раздался телефонный звонок. Из Броваров звонил начальник оперуправления штаба фронта полковник И.Х. Баграмян. Он передал приказ, в соответствии с которым весь 3-й корпус подчиняли штабу КиУРа, поэтому 5-й бригаде предписывалось подняться по тревоге и отправиться с «насиженных» под Иванковом мест напрямиком на Крещатик, а Родимцеву — к генералу А.А. Власову за получением боевого приказа.

Положив трубку, Александр Ильич тут же вызвал своего начальника штаба майора В.А. Борисова и отдал ему распоряжение командовать выдвигением. Машин хватало только на переброску артиллерии и двух батальонов. Остальным двум батальонам и бригадной школе курсантов предстояло выдвигаться пешим порядком. Сам же Александр Ильич вместе с комиссаром бригады Ф.Ф. Чернышевым отправился на Святошинский подземный командный пункт. Здесь генерал А.А. Власов отдал им приказ войти в оперативное подчинение к командиру 147-й стрелковой дивизии полковнику С.К. Потехину.

Дело уже шло к полуночи, и было решено сначала разыскать штаб бригады, а потом уже думать о том, как получить при-

казания о дальнейших действиях. Долго искать не пришлось, оказалось, что и штаб, и вся бригада расположились в большом парке, раскинувшемся совсем рядом с заводом «Большевик». Майор В.А. Борисов доложил, что на Крещатике слишком тесно и есть большой риск попасть под авианалет противника. Поэтому он решил разместить все подразделения здесь.

Историческая справка: Решение о создании на 58 десятинах малодоходного фруктового сада Киевского общества садоводства нового парка имени А.С. Пушкина было принято Киевской городской думой в 1899 году во время празднования столетия великого русского поэта и писателя. Инициатором выступил глава садовой комиссии при думе С.В. Ромишовский. Парк разбивался по проекту главного садовника города И. Жуковского. Посадочный материал решили вырастить из саженцев тут же в парке. В 1900 году неравнодушные граждане города и солдаты 129-го Бессарабского полка, чьи летние лагеря располагались неподалеку на улице Керосинной, высадили в рассаднике площадью 2 десятины 100 000 ростков. Ждать, пока вырастут эти деревья, не стали. Праздник торжественной закладки парка состоялся 19 октября 1902 года — в заблаговременно подготовленные ямы 1000 учеников из 53 городских училищ высадила 2000 саженцев, пожертвованных городу известными садовыми обществами Кристера и Вессера. До 1907 года высадили 31 тысячу деревьев. Особенностью было то, что их высаживали группами одного вида, от чего деревья разрослись в рощи. В 1936 году к парку прирезали еще 8 гектаров земли.

Устроили совет, спланировав последующие действия бригады. В результате начштаба получил приказ утром организовать выдачу людям сухпая на одни сутки, а также всех видов вооружений и боеприпасов по норме, после чего устроить проверку экипировки солдат и командиров. За это время Александр Ильич планировал успеть вместе с начальниками оперативного отдела и отдела разведки бригады капитанами И.А. Самчуком и А.Г. Питерских разыскать штаб 147-й дивизии. На том и решили.

Было глубоко за полночь. Александр Ильич вышел из штабной палатки на прохладный влажный ночной воздух. Пахло приближающейся осенью. Он прошелся по аллее парка, под-

свечивая себе фонариком, луч которого выхватывал из темноты мокрый гравий, черные от влаги стволы деревьев и рассеивался, смешиваясь с ночной темнотой. На плечо с тихим шорохом лег большой кленовый лист. Полковник снял его, разгладил, всмотрелся в крупные, четко выделяющиеся прожилки. От листа повеяло чем-то теплым, домашним, чем-то из детства. В голову полезли воспоминания, мысли о семье... Нет, надо возвращаться назад, ложиться спать. Завтра будет тяжелый день... а может, и последний день в его жизни.

07.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года

Утром в 4:00 части южного сектора КиУРа перешли в наступление на фронте Шарковщина, Новоселки, Лесники и к 9:00 овладели рубежом 1 км сев. Юровка, Гатное, южная окраина Новоселок, центр Хотова, северная окраина Лесников. Противник встретил их массированным артиллерийским и минометным огнем. На передний край посыпались бомбы, наши малочисленные истребители не успевали перехватывать налеты вражеской авиации.

Дождавшись, пока атака выдохнется, противник сам повел контрнаступление, введя в бой свежую 299-ю пехотную дивизию. Немцам удалось захватить северную окраину Гатного, рощу южнее Теремков, занять Хотов и Новоселки, развилку южнее Пирогова.

В 15:00 для восстановления положения командование КиУРа ввело новые резервы: сводный батальон 206-й сд, батальон интендантских курсов, переброшенный с Северного фаса обороны, 1-й батальон и курсантскую школу 6-й воздушно-десантной бригады (вдбр) полковника В.Г. Жолудева.

Батальон 206-й сд смог выйти на северную окраину Гатного, остановив продвижение противника, но дальше не продвинул-

ся. Десантники остановили врага на южной окраине леса южнее Теремков. Батальоны 2-й вдбр с остатками 132-го танкового полка (около 30 человек) и 32-го мотострелкового полка НКВД закрепились северо-западнее Новоселок. Остатки 600-го стрелкового полка 147-й дивизии (230–300 чел.) закрепились на высоте восточнее Хотова.

Только отряд генерал-майора Матыкина продолжал прочно удерживать свои позиции севернее Мрыг. В район Голосеевского леса на случай вражеского прорыва спешно перебрасывалось сразу семь ополченских батальонов численностью по 1000–1200 человек. В распоряжении К.Ф. Москальца, назначенного Штабом обороны Киева ответственным за ополченцев, было 50 бортовых ЗиСов, каждый из которых брал по 30 человек. Таким образом, за один рейс перебрасывалось сразу 1500 человек.

В 17:00 вражескому обстрелу подвергся штаб КиУРа, в результате чего ранения получили семь командиров и два бойца. Среди раненых оказались начальник артиллерии КиУРа генерал-майор Степанов, начальник штаба артиллерии подполковник Васильев, военком КиУРа полковой комиссар Евдокимов.

08.08.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год

Эскадрилья получила очередное задание — атаковать прорвавшиеся войска противника в Голосеевском лесу. Особняком стояла задача уничтожить их наблюдательный пункт, который предположительно располагался на крыше Ветеринарного института. Для выполнения последнего задания под крыльями «чаек» Дмитрия и Михаила Бубнова оружейники подвесили по восемь «эрэсов». Остальные самолеты эскадрильи несли бомбовую нагрузку.

Цель они обнаружили быстро, да и как ее было не обнаружить, если этот район им был хорошо известен по довоенным

временам. Сколько встреч и свиданий было проведено под этими деревьями, на этих тропинках возле озер и тенистых рощ, которые теперь уродовались артиллерийскими и минометными разрывами. Немецкие солдаты довольно быстро приближались к окопам полного профиля, в которых оборонялись наши солдаты и ополченцы. «Чайки» перестроились в правый пеленг и, пикируя с высоты 800 метров, сбросили бомбы. На втором заходе они обрушили на залегших немецких пехотинцев ливень свинца.

Тем временем Дмитрий рыскал взглядом по крыше Ветеринарного института и рядом с ним, высматривая хоть что-нибудь, схожее с наблюдательным пунктом. Ничего... Впрочем, какие-то люди в темно-серых мундирах на крыше здания все же замечались, и Дмитрий с Мишей, поставив переключатель на серию пуска по два, сделали четыре захода на цель.

За последнее время они хорошо освоили это эффективное оружие, все шестнадцать «эрэсов» попали в крышу здания, от которой в разные стороны полетели куски кровли. Вскоре здание запылало. Потом оно ещё долго дымило и горело, служа летчикам хорошим ориентиром.

Не успели они вернуться в Бровары, как с левого берега по недавно «обработанным» их эскадрильей вражеским позициям открыла огонь наша дальнобойная артиллерия. От ее огня земля на аэродроме ходила ходуном, а в землянках между бревен наката сыпался серый песок. Крупнокалиберные осколочные снаряды перепаживали землю в радиусе 50 метров. Оставшиеся после них воронки затем хорошо просматривались с воздуха.

08.08.1941, старший адъютант генерал-майора Ф.Н. Матыкина сержант сверхсрочной службы Дмитрий Степанович Анохин, 24 года

Им с генералом постоянно везло. Везло с самого начала, еще с 4-го Струмиловского укрепрайона, куда Филипп Николаевич приехал комендантом аккурат перед самой войной — 10 июня.

Держались они там неделю, пока не был получен приказ на отступление. Тогда прорваться на восток смогла едва ли десятая часть батальонов, и то в основном командный состав да школы курсантов, многие с ранениями. Его самого 30 июня под Золочевым садануло осколком, но он остался в строю.

Потом 9 июля их отправили в Бровары формировать новую часть. Одна машина-полуторка да 5 человек, включая самого Анохина, вот и весь штаб. На второй день штаб передислоцировали на Шелкострой, в Дарницю, и там уже пошло формирование. Отряд получил название «особого», потому что в качестве пехоты им дали... эков, уголовников из Киева, Броваров, Полтавы, Прилук, Лубнов. Чтобы сцементировать этот прямо скажем не самый надежный контингент, командовать отделениями, взводами и ротами назначили командиров НКВД. Затем начали поступать танки с экипажами. Кроме того, для усиления отряду передали целый артиллерийский полк — 205-й.

К 16 июля у их генерала под началом уже было 2500 штыков, шесть пушек-«сорокапяток», 82-мм минометы, грузовики Газ-АА — считай, полноценный пехотный полк. В артиллерийском полку на вооружении состояло 30 76-мм орудий и одно 45-мм. В сводный танковый батальон танки поступали с рембазы № 7, которая располагалась здесь же, в Дарнице, потому и получился он разношерстным: 40 машин разных марок, из которых 10 огнеметных Т-26 без зарядки и одна «тридцатьчетверка». Остальные — Т-26 да «бэтэшки».

Уже 15-го их двинули под Фастов останавливать наступление немцев. 18-го числа втянулись в бои, так до сей поры из них и не выходили. Зеки показали себя неплохими бойцами. Попадались, конечно, среди них и трусы, и перебежчики, и дезертиры, и паникеры, но большинство воевало честно. Вот только таял отряд с каждым днем — и чем дальше, тем быстрее. Очень много было раненых, немалое число погибло. Дай бог, восьмая часть осталась в строю. Но и у фрицев отряд крови попил немало, и бронетехники уничтожил тоже порядком.

В тех боях Дмитрию довелось отличиться. Они со штабом находились в Фастовце, а основные силы отряда — на три-

надцать километров западнее, в Фастове. Накануне из штаба армии был получен приказ развивать наступление в сторону Сквиры. Однако немцы успешно контратаковали их во фланг, намереваясь отрезать и уничтожить штаб. Дорога, связывавшая село с Фастовом уже находилась под артиллерийским и минометным обстрелом. Еще немного, и противник бы ее совсем перерезал. Надо было срочно доставить приказ частям, развернуть их и контратаковать противника, пока не поздно, иначе наши сами бы зашли в приготовленный для них немцами «мешок». Генерал послал Анохина, и тот помчался что есть мочи, до пола выжимая педаль газа и до упора выкручивая руль, когда приходилось объезжать воронки, оставшиеся от мин и снарядов.

Вот и сейчас Дмитрий вез командира, неся от Мрыг в штаб 147-й дивизии, который находился где-то в конце Голосеевского леса, уже почти в черте города. Они мчались по дороге, по обе стороны мелькали густые лесные заросли, и вдруг совершенно неожиданно для себя они влетели в колонну гужевого транспорта. Дмитрий хотел крикнуть, чтобы им дали проезд, и только тут заметил, что ездовые одеты в немецкую форму. Никто не ожидал встретить здесь противника, никто не сообщил, что фронт прорван и немцы уже в Мышеловке, ведь еще вчера они были под Новоселками. Но враги тоже растерялись, увидев непонятную легковушку. Это-то их и спасло. Выжав педаль до пола, Дмитрий дал задний ход и помчался прочь от опасного места, сзади защелкали винтовочные выстрелы.

Он не почувствовал, как его ногу и руку ожгло пулями. Он гнал что есть мочи к Вете Литовской, где их отряд занимал оборону. Но вскоре двигатель чихнул и заглох. Дмитрий успел, круто завернув руль, загнать машину подальше от дороги в кусты и прислушался. Погони вроде не было. Осмотрелись, генерал получил ранение в обе ноги и идти не мог. Они перевязали раны, взяли планшет, оружие. Дмитрий взвалил генерала себе на плечи и потащил. Филипп Николаевич был, конечно, мужик крепкий, здоровый, но и тащить тут было недалеко — всего километр. Лес простреливался, приходилось часто залегать, пе-

режидая обстрел, а то и чтобы просто отдышаться. Но в конце концов им удалось выбраться к своим, и уже вечером они оба оказались в госпитале.

08.08.1941, политрук 1-й роты отдельного разведбатальона Киевского комсомольского полка Марсен Михайлович Векслер, 17 лет

Они лежали на железнодорожной насыпи уже почти час. Солнце нещадно жгло. От мокрой, пропитанной водой за прошедшую дождливую ночь земли парило. Нещадно кусали комары, однако на кровососов никто не обращал внимания. Ребята всматривались в пространство между насыпью и придорожными зарослями. Ждали.

После того как 29 июня их отряд прошел маршем с Печерска до Дарницы, казалось, миновала целая вечность. Из недавних учеников и студентов сформировали отделения, взводы, роты. Их — 400 комсомольцев-добровольцев Ленинского района — теперь называли 5-м батальоном Киевского комсомольского полка. Командный состав назначили из кадровых командиров. 4-й взвод Марсена возглавил лейтенант Бабаев. Вооружили их автоматами ППД, раздали гранаты. Им объяснили, что их основная задача — борьба с десантом, потому и вооружение они получили такое же, как и у десантников.

В Дарнице они надолго не задержались, буквально через несколько дней батальон перебросили в Борисполь, где они и приняли свое первое боевое крещение. 4 августа стали свидетелями масштабного воздушного боя. Казалось, в небе над Борисполем с обеих сторон сошлись сотни самолетов. То и дело из их смертельной круговерти, прорезаемой трескотней пулеметов и автоматических пушек, отрывались отдельные самолеты и, дымя, устремлялись к земле. Один из вражеских бомбардировщиков рухнул в лес, расположенный совсем рядом с батальоном. Лейтенант Бабаев тут же собрал наиболее надежных

и храбрых ребят из своего взвода, они прыгнули в приданную батальону полуторку и стремглав помчались к месту падения.

Выживших вражеских летчиков обнаружили довольно быстро. Те пытались отстреливаться, но вскоре у них закончились патроны. Врагам скрутили за спину руки, посадили в полуторку, под присмотр ехавших здесь же в кузове ребят-комсомольцев, и повезли в Борисполь, где и сдали, кому положено.

В тот же день ночью батальон вернули обратно в Киев. Перед самой отправкой, когда командиры уже были готовы отдать команду «по машинам», к ним приехали представители 99-й стрелковой дивизии. Это была дивизия, слава которой тогда гремела на весь Советский Союз. Сформированная в 1923 году из легендарного 130-го Богунского стрелкового полка, она единственная в июне 1941 года смогла отбить у немцев крупный советский город — Перемышль и удерживала его вместе с пограничниками и железнодорожными частями НКВД неделю, пока не пришел приказ отступить. Два сержанта и один красноармеец рассказали о боях, о том, как им удавалось сдерживать фрица, и передали взбодрившимся ребятам привет от бойцов и командиров 99-й дивизии, после чего пожелали удачи. Через несколько минут они уже ехали в Киев.

Ночной город, казалось, почти не изменился, только суровой стали улицы, успевшие ошетиниться баррикадами с пулеметами, колючей проволокой, противотанковыми ежами и рвами. Из кузова машины были видны дежурившие у ворот подворотен девушки и женщины. Марсен вспомнил о Верочке. Ему хотелось окликнуть, позвать одну из этих дежурных, но этого делать было нельзя, и он только молча трясся на жесткой лавке, когда грузовик ехал по брусчатой мостовой. Один из ребят, сидящий между Марсеном и Яшей, тихонько так, чтобы было слышно только им двоим, напевал:

Вот солдаты идут, четко шаг отбивая,
Они песни поют, жар в груди разжигая.
А красотки стоят, нежно ручками машут,
Их глазки горят, и сердца стучат, о любви говорят.

Их бросили в первый бой в районе Сельскохозяйственного института, где немцы высадили десант. После этого боестолкновения происходили каждый день. Как правило, батальон находился во втором эшелоне, так что чаще приходилось иметь дело с немецкими разведгруппами, которые на мотоциклах просачивались в наш тыл. Против этих фрицев ребята придумали действенное средство. С приближением мотоциклистов они натягивали между деревьями через дорогу проволоку. Налетев на нее, передовые разведчики падали. Остальных, кого успевали, уничтожали огнем своих ППД, выживших старались взять в плен.

Вскоре немцы прорвались к Гатному, Жулянам, в Голосеевский лес, и начались тяжелейшие бои, в эпицентре которых вскоре оказался и 5-й батальон Марсена. Из их компашки военная «карьерка» быстрее всех пошла в гору у Яши Зильбербранда. В первых же боях ему и ребятам его отделения удалось подбить вражеский танк, с которого Зильбербранд потом снял танковый пулемет — единственный пулемет во всем их батальоне. Тут же его отделение превратилось в пулеметное, и Яша из рядового бойца преобразился в командира пулеметного отделения. Вот только не на свою ли беду?

Историческая справка: штурмовавшему Киев 29-му армейскому корпусу, в этот период был придан 244-й дивизион самоходных орудий, у которого на вооружении по штату находилось три батареи по шесть 75-мм САУ StuG III, всего 18 машин. В соответствии с отчетом о результатах штурма на 13 августа немцами указана потеря только двух САУ.

К 8-му числу они стали называться отдельным разведбатом. Дождливый ранним утром их отправили в район Жулян, где часть и попала в окружение. Видимо, кто-то сообщил немцам, что у них в тылу находится батальон «комиссаров», который в предыдущие дни доставил им столько хлопот, и враги стянули достаточно сил, чтобы окружить его.

С противником они столкнулись во время продвижения вперед. Марсен уже успел «дослужиться» до политрука 1-й роты и находился возле комбата и их комроты. Рядом

оказался и Яша. Огонь по батальону немцы открыли, когда он перевалил через железнодорожную насыпь. Бойцы сразу понесли большие потери. Осколком мины их командир роты оторвало нижнюю челюсть. Марсен ужом пополз на место падения мины и увидел, как одному из ребят следующей миной оторвало обе ноги. Он скончался тут же, корчась в жутких конвульсиях. Еще крик! Еще стон: «Умираю!» Новый крик, погиб комбат, вместо него командование принял начальник штаба, капитан по званию.

Пули свистели над головой, мины одну за другой выхватывали новые жертвы из их рядов, а бойцы оказались бессильны что-либо сделать. Ребята пытались отстреливаться, но что можно сделать автоматами против минометов и пулеметов? Не выдержав, Марсен подполз к комбату: «Товарищ капитан, я подниму свою роту! Разрешите!» После ранения комроты Марсен остался в ней старшим, за оставшихся 30 человек в ответе теперь был он. 30 человек из 140 ребят, которые были в роте изначально. Чем лежать и бессмысленно умирать, он лучше поведет их в атаку — если уж умирать, то с музыкой.

Но капитан молчит. Капитан выжидает. Капитан думает. Умирать, бросившись грудью на кинжальный пулеметный огонь, — не велика польза. По его глазам видно, у капитана в голове созрело решение: «Стой! Сейчас вместе прорвемся. Зильбербранд, будете со своим отделением прикрывать прорыв. Выдвинетесь вперед!»

Яша попрощался только глазами. За последние дни они все настолько хорошо узнали друг друга, что им стали не нужны слова. Он бросил в Марсена сорванный где-то по дороге огурец. Последний взгляд, последняя улыбка без слов. Все понятно, он сказал: «Я готов, ребята. Прощайте».

Пятерка пулеметчиков поползла вперед, обустроивать под огневую точку одну из воронок. Теперь можно отступать, теперь батальон знает, что тыл у него надежно прикрыт.

Дождь усилился, они сбросили шинели, намокшие от дождя и сковывавшие движения. Ползком по одному начали пробираться к линии железнодорожного полотна. А сзади сквозь раз-

рывы доносился треск немецких автоматов и пулеметов, стали слышны очереди из трофейного пулемета. Это Яша со своими четырьмя друзьями прикрывал их отход. Из множества немецких пулеметов они, ребята с Крещатика, всегда могли определить тот, который управлялся их другом. Это чувство, которое словами Марсен не смог бы объяснить.

Молча, ползком, с винтовками в левой руке, остатки батальона перевалили обратно через насыпь железной дороги. Здесь тоже фрицы, но теперь они не прячутся в окопах и их меньше. По ним бьет осколочными наша расположенная в передовых порядках противотанковая артиллерия. Ребята бросились в атаку, вся накопленная за утро ярость за погибших друзей, за собственное недавнее бессилие, обрушилась на врага. Немцев били прикладами, кололи штыками, расстреливали в упор. Это были уже не вчерашние школьники с Крещатика, в бой пошли воины, защищающие свой родной город, готовые уничтожать захватчиков, покусившихся на жизни их родных. Вскоре батальон уничтожил всех фрицев, кто попался по эту сторону насыпи, всех до единого. Кольцо пробито, и ребята довольны, хоть и попали под огонь собственной артиллерии.

И вот батальон отошел дальше в тыл, а они с Эдиком остались на насыпи поджидать Якова с ребятами. Уже прошло около часа, Марсен, уже теряющий надежду, бросил очередной взгляд на ту сторону насыпи и оживился. Он увидел, как в канаве под самым железнодорожным полотном ползли ребята. Марсен локтем толкнул Эдика. Тот сначала не понял, потом присмотрелся и, от радости на глазах меняясь в лице, тут же выскочил на насыпь и, как очумелый, стал махать рукой. Марсен силой повалил его на землю, над ними засвистели пули.

Ребята ползли медленно. Разжиженный на дне канавы мокрый чернозем затруднял движение. Кроме того, лишенный станка, танковый пулемет совсем не предназначался для того, чтобы вместе с ним ползали по грязи по-пластунски. Его бы по-хорошему надо было бросить, но недавно в частях зачитали приказ самого Сталина — «Оружие не бросать». Да Марсен бы

и сам на месте Яши его не бросил. Как можно бросить единственный в их батальоне пулемет?

Расстояние от них до пулеметчиков все меньше, до подъема на насыпь оставалось всего-то метров пять, но тут пулемет за что-то зацепился... и Яша со своим отделением стал прекрасной мишенью для немцев. Вот легли три мины слева. Может быть, случайно? Проклятый пулемет! Вот три мины справа. Все.

Марсен закрыл глаза, по его щекам ручьями текли слезы. Эдик спрятал лицо в прижатых к земле руках. Впереди, на том месте, где были люди, знакомые им с самого раннего детства, поднялся столб дыма и грязи. Новая серия взрывов, уже совсем близко от них. Марсена швырнуло в сторону, и он потерял сознание.

...Когда очнулся, все кругом шумело. Эдик лежал рядом, голова у него была в крови, их порядком присыпало. Марсен, пошатываясь, встал, надел через плечо свою и Эдика винтовки. Он попытался поднять и Эдика, но тот не мог держаться на ногах, и они поползли на четвереньках. Когда таким образом преодолели сотню метров, отдалившись от ужасного места, Эдик снова потерял сознание. Марсен потащил его спиной вперед, поддерживая под руки.

Часа через полтора их подобрали какие-то бойцы — кавказцы. Эдика отправили в госпиталь, а Марсен пошел искать своих. До места расположения батальона оставалось километров пять. Он ужасно устал, ноги отказывались идти по дороге, проложенной вдоль рельсов. Тут со стороны Киева показался самолет. Он летел низко, и когда пронесся у Марсена над самой головой, тот успел разглядеть кресты на крыльях и фюзеляже. Летчик высунулся из кабины и погрозил ему кулаком. Тогда, несмотря на сильную усталость, Марсен снял винтовку и несколько раз выстрелил. Пилот это заметил, видимо, не все пули прошли мимо.

Самолет зашел на вираж и вторично пролетел над Марсеном, на этот раз строча из всех своих пулеметов. Да только напрасно, наглая цель успела укрыться в окопе, который случайно попался ей на глаза. Фриц минут пятнадцать кружился над

окопом, поливая его огнем, да так ни с чем и улетел. Когда он скрылся из виду, Марсен пошел дальше.

Его догнала вагонетка, нагруженная инструментами, которую толкали четыре железнодорожника. Вид у Марсена, очевидно, был неважный, он был мокрый, весь перепачканный в грязи, чужой крови и едва переставлял ноги. Один из железнодорожников предложил ему сесть в вагонетку, остальные помогли забраться. Так на этой вагонетке Марсен и въехал в Святошин, на окраину которого перевели их обескровленный батальон. Поблагодарив железнодорожников, он пошел дальше искать свою часть.

По дороге Марсену встречался разный военный и гражданский люд, многие останавливались и смотрели на него, как на чучело, долго провожая глазами. Две попавшиеся навстречу девушки тоже остановились, одна из них подбежала, схватив его за плечи: «Марсик! Это ты?! Что с тобой? Откуда ты?» Это была студентка из их техникума, из такого теперь далекого, дремучего довоенного прошлого. У Марсена было до того неважное состояние, что он долго не отвечал. Девушки подхватили его под руки и помогли дойти до места расположения батальона. Через несколько минут он уже растянулся под столом в хате, на шинелях, из которых ребята сделали ему постель. Марсен забылся глубоким тяжелым сном, лишенным сновидений.

08.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года

Дождь и ненастье не остановили вражеское наступление, казалось, оно, наоборот, стало развиваться еще стремительнее, подпитанное осадками. Давал о себе знать ввод немцами в бой свежей 299-й пехотной дивизии.

С этого дня КиУР преобразовали в новую 37-ю армию, которую возглавил генерал-майор А.А. Власов. КиУРом теперь

официально назывались только пять пулеметных батальонов, оборонявшие ДОТы и подступы к ним, как это, собственно, и было до войны. Из-за вчерашнего артиллерийского обстрела штаб армии со Святошинского КП перевели в здание на улице Артема, 25. Для усиления 37-й армии передали 284-ю и 295-ю стрелковые дивизии, 3-й воздушно-десантный корпус в составе трех бригад, уже начавших прибывать, 2-й отряд моряков Пинской флотилии, отряды народного ополчения Киева. Благодаря этим мерам, силы, оборонявшие город, доводились до численности в 86 тыс. бойцов и командиров.

Ночью новый командарм отдал свой первый боевой приказ: частям предписывалось наступать с целью восстановления рубежа по линии Юровка — Мрыги. Главная роль здесь отводилась 206-й дивизии, наносившей удар в направлении на Гатное и Чабаны. Начало атаки было назначено на 5:00. Но вместо восстановления положения получился кардинально противоположный результат.

Подразделения 71-й пехотной дивизии вермахта, отбив все наши атаки в районе Новоселок, сами перешли в наступление и к концу дня достигли Совских прудов, расположенных в северной части Голосеевского леса, захватили Мышеловку, Китаево. Дальше на север к Лысой горе их не пустил батальон ополченцев Кагановичского района под командованием Синельникова. Первая рота попала под концентрированный пулеметно-минометный огонь, однако остальные ополченцы смогли зайти с флангов и огнем станковых пулеметов отбросили противника назад. Для восстановления положения в район Голосеево началась передислокация 212-й воздушно-десантной бригады. Ей придали бронетанковый полк, еще 8 июля сформированный из командиров, политработников, преподавателей и курсантов Киевского танкотехнического училища под командованием бывшего начальника тактического цикла подполковника И.М. Логановского. Туда же сейчас перебрасывалась и 5-я воздушно-десантная бригада.

299-я пехотная дивизия немцев, после отражения атак нашей 206-й стрелковой дивизии и приданных ей подразделе-

ний, сама атаковала Жуляны и заняла восточную часть села. Один немецкий батальон наши части смогли окружить и блокировать в селе, и тот сражался в окружении.

Отряд генерал-майора Ф.Н. Матькина, несмотря на то, что его командир был ранен, грамотными контратаками, совместно с частями НКВД, сорвал наступление 95-й пехотной дивизии на Пирогов. Немцы понесли серьезные потери.

По-прежнему бесплодными оставались попытки 175-й стрелковой дивизии выбить противника из Юровки и Гатного. 2-й батальон 3-й воздушно-десантной бригады, также сражавшийся под Гатным, понес тяжелые потери.

Самое паршивое, что противнику удалось захватить Голосеевские высоты и стоящие здесь корпуса сельхозинститута. С наблюдательных пунктов, размещенных на их крышах, немцы теперь могли свободно корректировать огонь своей дальноточной артиллерии по киевским мостам. Это грозило затруднением снабжения Киева.

Иван Христофорович докладывал командующему фронтом о боевой ситуации в войсках, когда М.П. Кирпоноса вызвали к аппарату Бодо — на проводе был Сталин. Генерал хмурился с каждым метром прочитанной бумажной ленты, где отпечатывались задаваемые главнокомандующим сложные вопросы: *«До нас дошли сведения, что фронт решил с легким сердцем сдать Киев врагу, якобы ввиду недостатка частей, способных отстоять Киев. Верно ли это?»* Комфронта тут же попросил «отстучать» ответ, что Ставку информировали неверно, что фронт делает все от него зависящее, но в его распоряжении мало резервов. Иосиф Виссарионович предложил высвободить часть сил из состава 26-й армии и перебросить их в Киев, изыскать резервы на месте, подключить ополчение, но держать город. Когда Сталин, видимо, решил, что командующий Юго-Западным фронтом достаточно глубоко прочувствовал всю возложенную на него ответственность, он уже мягче закончил диалог: *«Комитет Обороны и Ставка очень просят вас принять все возможные и невозможные меры для защиты Киева».*

Глава 6. За древний Киев

08.08.1941, командир 5-й воздушно-десантной бригады полковник А.И. Родимцев, 36 лет

Разбудил десантников сверлящий свист авиабомб, которые вражеские бомбардировщики сбрасывали на город где-то рядом с парком. Замаскированная неподалеку зенитная батарея вела по ним огонь. Вдалеке слышался гул канонады — противник обстреливал Киев.

Как и планировалось, пока батальон принимал сухпай, боеприпасы и вооружения, Родимцев вместе со своими двумя капитанами — начальниками отделов, отправился на розыск командира 147-й стрелковой дивизии, которому их подчинили. Полковника Савву Калистратовича Потехина вместе со всем его штабом они обнаружили в одном из многочисленных киевских парков на юго-западной окраине столицы Украины. Потехин обрадовался прибытию десантников и сразу перешел к описанию обстановки. Дела у его дивизии, сказать честно, шли не очень хорошо. За последние полтора дня упорных боев его подразделения потеряли до четверти наличного состава, который и прежде был далек от штатной численности.

На их участке противник вел наступление двумя пехотными дивизиями. У немцев, в отличие от нас, имелось хорошее взаимодействие с авиацией, артиллерией, минометными батареями. Сегодня вдобавок ко всем напастям появились вражеские огнеметчики, из-за чего в какой-то момент одно

из подразделений дрогнуло и побежало, его с трудом удалось остановить, развернуть и заставить контратаковать.

Самое плохое — противник захватил несколько зданий Сельскохозяйственного института, расположенных на Голосевских высотах, с которых хорошо просматривался Дарницкий железнодорожный мост. Теперь немцы могли обстреливать его не как раньше — вслепую, а по указаниям корректировщиков. Высоты требовалось срочно отбить. Вот эта задача и поручалась десантникам.

Командиры выехали на возвышенность на краю леса, с которой театр будущих боевых действий бригады просматривался наилучшим образом. Александр Ильич решил, что именно здесь он и расположит свой командный пункт. Потехин согласился с его решением и сказал, что пришлет сюда командира артиллерийской группы, состоящей из двух артполков, которые будут поддерживать наступление бригады. Через него же будет осуществляться и связь с кораблями Пинской флотилии, что скрывались в протоках в районе Жукова острова и оттуда поддерживали наши части огнем по заявкам, поступавшим с берега. Слева от батальонов Родимцева в наступление должны были перейти подразделения 2-й воздушно-десантной бригады, которая уже несколько дней воевала с немцами и была изрядно потрепана. Соседом справа было одно из подразделений 147-й дивизии.

Александр Ильич оставил капитана Питерских заниматься обустройством КП, а сам отправился в центр города к двум батальонам, командирам которых надо было поставить боевую задачу. Первые колонны он встретил возле Оперного театра, неподалеку от пересечения улицы Ленина с Крещатиком.

В когда-то спокойном зеленом городе на каждом шагу чувствовалось дыхание войны. Стекла во всех окнах были крест-накрест заклеены белыми полосками бумаги. Витрины магазинов на Крещатике заложены мешками с песком или закрыты большими деревянными щитами. На перекрестке бульвара Шевченко возле памятника Ленину сна-

рядом снесло вершину тополя, и он высился теперь обезглавленным калекой. Угол пятиэтажного дома обрушился от прямого попадания авиабомбы. На изогнутых, торчащих из изломанного бетона арматуринах сиротливо висела детская коляска.

Город словно замер. На широкой улице, носившей название Красноармейской, не было видно прохожих, и мерный четкий шаг колонн, впечатанный в мокрые булыжники мостовой, гулким эхом отражался меж сумрачных стен домов.

К обеду батальоны сосредоточились на южной окраине Киева, где приступили к подготовке временных позиций. Александр Ильич вместе с комбатами и их начальниками штабов отправился на свой КП для рекогносцировки. Здесь стараниями разведывательно-самокатной роты уже были подготовлены полноценные траншеи полного профиля, блиндаж, натянута маскировочная сеть, сколочен широкий стол, на котором можно было расстелить большую карту. Подчиненные капитана Питерских потрудились на славу.

С началом работы немцы открыли по высотке огонь, но не прицельный, а так, скорее беспокоящий. Необстрелянные еще командиры-десантники старались не пасовать перед Родимцевым, который свою Звезду Героя получил в Испании в жестких боях с итальянскими фашистами, и, как и он, снарядам не кланялись.

Атаку назначили на 21:15 после десятиминутной артиллерийской подготовки, то есть предстоял крайне сложный ночной бой в лесу. А тем, кому предстояло брать здания Лесотехнического техникума и общежитий сельхозинститута, — ночной бой в условиях города. Наверняка будут рукопашные схватки, а потому командирам и политработникам надо было психологически подготовить бойцов к подобным испытаниям.

За полчаса до начала артобстрела майор Борисов начал нервно посматривать на часы, чуть ли не каждую минуту общая взволнованным голосом текущее время. Наконец, когда он в очередной раз поднес левую руку к глазам и сообщил, что

сейчас 21 час 04 минуты, к небу взвились три красные ракеты, и где-то в тылу грянули первые залпы артиллерийских батарей.

В вечернем сумраке было видно, как среди деревьев встает на дыбы земля, швыряя вверх вырванные с корнем или переломленные пополам деревья. Когда артналет закончился, в атаку пошли десантники. Лес словно ожил, застрекотали укрытые вражеские пулеметы, но, к радости Александра Ильича, их оказалось немного. У десантников своих станковых пулеметов не было, поэтому врагу отвечали только ручные Дегтяревы да автоматные очереди. Вскоре покатилося раскатистое, далеко разносившееся во влажной вечерней темноте «Ур-ра!». Кажется, все развивалось более-менее хорошо...

08.08.1941, боец истребительного батальона Железнодорожного района Андриан Галябарник, 15 лет

Было уже что-то около восьми вечера. Андриан сидел в землянке и временами поглядывал через бойницу на пустынную вечернюю улицу, которая отсюда далеко просматривалась. В первые дни штурма он рвался в бой, подростку хотелось идти в героическую атаку, ползти с бутылками с зажигательной смесью наперерез немецким танкам. А в результате приходилось сидеть и скучать в землянке, вырытой на знакомой с детства Пост-Волынской улице. В ней были сделаны бойницы для ведения огня, хранились бутылки с зажигательной смесью, патроны. Такая же землянка, принадлежавшая их взводу, находилась и на улице Урицкого. В землянках были нары, на которых спал один из ополченцев, в то время как второй дежурил. Сейчас была очередь Адриана дежурить. Проезжую часть возле каждой землянки перегородили противотанковыми «ежами», сложенными из мешков с землей баррикадами,

колючей проволокой. От Соломенской площади до железнодорожного вокзала находилось пять таких опорных пунктов, так что прорвись немцы сюда, им все равно не удалось бы сразу выйти к путям.

Но пока что немцы к их опорному пункту не проникали. Бои, судя по канонаде и перестрелкам, шли в районе Жулян, Красного трактира, Голосеевских высот и Мышеловки. Поэтому Адриану ничего не оставалось, как сторожить опостылевшую землянку да чистить свою винтовку СВТ, которую все называли просто «светкой». Она была очень длинной и, как все девчонки, очень капризной. Стоило внутрь затворной коробки попасть крупине песка или земли, как затвор клинило, и чтобы возобновить стрельбу, винтовку приходилось разбирать, чистить и собирать заново. Именно поэтому Андриан постоянно обматывал затвор выпрошенной у мамы чистой тряпочкой, любовно перевязанной холщовой веревочкой, завязанной на бантик, чтобы оружие можно было быстро привести в боевое состояние. Зато у «светки» имелось огромное преимущество перед менее привередливыми дореволюционными трехлинейками — она была автоматической, и в магазин входило не пять патронов, как в пачках к «мосинкам», а десять. Можно было сразу, не перезаряжаясь и не дергая затвор, который так и норовит перекосяться, убить десять врагов, если, конечно, метко стрелять.

От этих мыслей Андриана отвлек подбежавший взводный с тревожной вестью. Немецкие мотоциклисты прорвались к Байковому кладбищу, и их истребительному отряду, а также роте подошедших десантников, вооруженных автоматами ППД, приказано их уничтожить. Андриан с готовностью схватил свою холщовую сумку с тремя зажигательными бутылками, винтовку, и вприпрыжку побежал вслед за десятками таких же, как он, юношей и мальчишек, спешивших к месту построения.

По Соломенской улице через Протасов яр они быстро добежали до кладбища. Тут уже всюю шел бой. Мотоциклисты пытались прорваться вниз по крутой Байковой улице,

но были остановлены и теперь залегли меж могил, яростно отстреливаясь. Мотоцикл не танк, попасть в него бутылкой, да еще и под вражеским массированным огнем, да еще и в темноте, было делом немислимым и напрасным. Ликвидировать надо было седоков, а их машины забрать в качестве трофеев.

И тут кто-то из десантников предложил попробовать подбросить одну из бутылок вверх, запалив предварительно тряпку, обернутую вокруг ее горлышка. Ополченец, юный безусый паренек, с готовностью выполнил просьбу. Бутылка ярким факелом взвилась над немцами, десантник дал короткую очередь из своего автомата, и дождь огненных брызг посыпался сверху на головы захватчиков. Кто-то из немцев вскочил, не выдержав боли, и тут же рухнул, прошитый пулями. В следующие несколько минут бутылки яркими факелами одна за другой начали взмывать в воздух, выхватывая из спустившейся на кладбище темноты зловещие надгробные кресты. Часть бутылок падала на землю, не разбившись, часть разбивалась о могилы, зажигая их и освещая это фантазмагорическое поле боя зловещими факелами. Но часть пламенным салютом орошала спины непрошенных гостей, и они один за другим гибли, добавляя еще смерти в это царство мертвых.

Наконец немцы не выдержали и бросились наутек. Но улочка уходила круто вверх, мотоциклам требовалось дополнительное время, чтобы набрать скорость, и многие вражеские разведчики получили не одну пулю в спину, пока тщетно пытались разогнаться. Бой закончился. Адриан был счастлив. Наконец-то случилось то, чего он так давно желал — поучаствовать в настоящем бою с врагами. В победном бою.

Уже ближе к полуночи стало известно, что другая разведгруппа немцев прорвалась к Соломенскому аэродрому, с ними в бой вступила другая рота их батальона, усиленная десанниками. И здесь противник вынужден был отступить, бросив два станковых пулемета и орудие, которые он ранее захватил у нас же.

**08.08.1941, рядовой 2-го взвода
1-й роты истребительного батальона
Кировского района города Киева
Владимир Николаевич Покотило, 17 лет**

Они осторожно, на полусогнутых, приближались к расположению своего батальона. Его включили в состав 147-й стрелковой дивизии, обескровленной постоянными боями, и перевели в Голосеевский лес.

Володю впервые взяли на задание, и вот теперь они — пятеро разведчиков их разведгруппы — живые и невредимые и с богатым «уловом» возвращались из поиска. С собой они волокли двух связанных по рукам немцев с кляпами во рту, те уныло плелись впереди, понукаемые тычками в спину и чуть пониже ее.

За прошедшие десять дней в батальоне произошли кардинальные изменения. Часть личного состава и командиров забрали в формирующийся партизанский отряд, а часть направили на формирование разведгрупп. В одну из них взяли и Володю. Командир этой группы старшина Тесельмон раньше был старшиной в их 2-й роте и, хорошо зная бойкого молодого паренька, решил взять его к себе. Группа состояла из пятерых разведчиков. Кроме Володи, оказавшегося самым младшим, в нее зачислили еще рядовых Должикова, Клиндука и Турчинского.

Более опытные товарищи натаскивали недавнего школьника, обучали азам «пластунской» науки и первое время в «поиски» не брали, давая время пообвыкнуться, притереться. Тем временем первый штурм Киева вошел в свою самую драматичную фазу, немцам к 7-8 августа удалось захватить Жуляны, Мышеловку, Китаево. Отдельные передовые вражеские группы противника прорвались на Сталинку, к Байковому кладбищу, троллейбусному парку.

Володя толкал перед собой немца и все думал о событии, которое поразило его накануне. Он никак не мог забыть сошедшего с ума солдата, которого видел сегодня утром и который

даже сейчас, после всех пережитых опасностей, не шел у него из головы. На Лысой горе в одном из бывших складских помещений находился какой-то прифронтовой медсанбат. Рядом с ним располагалась водонапорная колонка, из которой бойцы их роты обычно набирали воду.

В это время где-то между Мышеловкой и Лысой горой закончилась рукопашная схватка, и к медсанбату прерывистой вереницей потянулись десятки, если не сотни, раненых. Шли они уставшие, измученные, и по одному, и по два, и по три, и небольшими группами, и первым делом направлялись к чугунной колонке, чтобы напиться и ополоснуть лицо. Ополченцы, не сговариваясь, пропускали их без очереди.

На одного Володя обратил внимание сразу. Он казался странным. Поражал сумасшедший взгляд, уставленный в одну точку. Этот солдат еще издали начал смотреть, как из крана колонки течет струя воды, и больше не отрывал от нее своих глаз. Подойдя, он какое-то время стоял неподвижно, молча наблюдая, а затем вдруг дико закричал, рухнул на землю и стал, извиваясь змеей, биться в страшных судорогах. Тут же на крик из санчасти выбежали медсестры, принесли носилки. На них несчастного солдатика, продолжавшего кричать и дико извиваться, занесли в медсанбат. На всех это ужасное зрелище произвело гнетущее впечатление.

В эти дни со взводом произошел любопытный случай. 3-м отделением командовал колоритный сержант Паша Григоруку. Был он молодой, 1920 года рождения, и совершенно «бедовый» парень, способный на самый отчаянный риск. До войны Паша работал шофером, в то время это была крайне уважаемая профессия, что не могло не добавлять ему авторитета. Крепко скроенный, среднего роста, с хорошим голосом, он был душой любой компании. Часто бойцы собирались вокруг Григоруку, и тот мог позволить себе спеть пару-тройку махновских песен. Особенно он любил «...Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить. С нашим атаманом не приходится тужить...». Вышестоящие командиры несколько раз делали Григоруку замечания, но он не обращал на это внимания, и ему все сходило с рук. Види-

мо, понимали опытные пограничники, что такая «в меру бедность» в боевых условиях может сослужить хорошую службу.

В критический момент сражения за Киев, когда немцы ворвались в здания сельхозинститута, что на Голосеевских высотах, командир роты направил Пашу в соседнее подразделение, располагавшееся в Голосеевском лесу, для налаживания связи. Здесь его и пленили, на свою беду, два немецких разведчика. Однако бесшабашный сержант не растерялся, усыпив бдительность самодовольных немцев, он их каким-то чудом уколошил и вернулся в роту, как ни в чем не бывало, с двумя «шмайссерами» на плече и другими трофеями, которыми были набиты его карманы и связанный мешком трофейный китель.

Историческая справка: Хуго Шмайссер не был конструктором самых распространенных в вермахте пистолетов-пулеметов MP 38 и MP 40. На самом деле ему принадлежал лишь патент на магазин, использованный в конструкции этого оружия, и характерной формы приемник для него с защелкой в виде кнопки. Тем не менее фронтовики их называли «шмайссерами». Возможно, ошибка перекочевала в советские инструкции и наставления по трофейному оружию из западной литературы по стрелковому оружию, где все немецкие пистолеты-пулеметы того времени получили общее название «система Шмайссера». Есть и вторая версия возникновения названия — на фронт могли попасть идентичные магазинам MP 38 и MP 40 магазины от не пошедшего в крупную серию MP 41, на которых стояла надпись M.P.41 Patent Schmeisser.

Вскоре началось контрнаступление наших войск. Его поддерживали огнем корабли Пинской флотилии, которые стреляли откуда-то из протоков и заводов Жукова острова и острова Водников. А один раз со своих позиций на Лысой горе ополченцы наблюдали, как по тупиковой железнодорожной ветке, которая тянулась вдоль восточного склона горы на юг к Мышеловке, выскочил бронепоезд ополченцев-железнодорожников. Он дал из всех своих орудий несколько залпов и, не дожидаясь ответного огня вражеской артиллерии, укатил обратно.

По мере возможности поддерживала пехоту и авиация. Стрекозистые «чайки» деловито, мотались над вражескими по-

зициями, осыпая бомбами, или же наносили удары невиданными огненными снарядами, оставляющими в воздухе долго потом не рассеивающийся белый дымный след.

Вскоре пришло и Володино время отправиться в разведку, и первый же выход, как видим, оказался крайне удачным. Они ползком добрались к траншее, где их должны были ждать. На окрик часового Тесельмон сказал отзыв, и они сползли вниз, передав предварительно в заботливые руки встречавших своих обескураженных пленников. Те вскоре показали, что утром здесь начнется вражеское наступление.

09.08.1941, заместитель командира ополченского бронепоезда «литер А» Константин Артемьевич Арефьев, 26 лет

Состав шел на самом малом ходу, чтобы перестуком колес раньше времени не выдать свое приближение. Весь день шел дождь, а потому и ночь, и утро выдались холодными, сырыми, зато плотная пелена облаков закрывала луну — это было на руку. На востоке только-только начинало светать, они все-таки слишком долго возились с ремонтом путей, но ничего — должны успеть.

До сегодняшнего... нет, уже до вчерашнего дня... с 5 по 8 августа оба ополченских бронепоезда курсировали на участке Пост-Волынский — Жуляны, выполняя заявки передовых частей на артиллерийскую поддержку. К 7 августа по их подсчетам только орудиями «литера А» по врагу было выпущено более 3000 снарядов. Но вечером из Штаба обороны сообщили о захвате противником Жулян и о том, что со станции не успели эвакуировать несколько вагонов имущества местного военного аэродрома. Немцы пока еще наверняка не разобрались, что за ценный груз попал им в руки, но скоро им это станет известно, и тогда они или отгонят вагоны в свой тыл, или уничтожат.

Решение напрашивалось само собой, требовалось организовать неожиданный налет, прицепить вагоны к бронепоезду

и вытянуть их на свою сторону. Оставалось перейти от решения к делу. С этим проблем у командира «литера А» не было, они уже проделывали подобное в районе Новоград-Волынского на станции Рыхальской. Операцию решили провести ночью. Задействовать можно было только один состав, так как «литер Б» получил другую задачу и отбыл в район Киев-Московского. Ночная разведка установила, что немцы успели снять четыре звена рельсов и разобрали небольшой мост, ведущий к Жулянам, значит, путь надо будет восстанавливать. На борт приняли бригаду путейцев и роту бойцов из батальона ополченцев-железнодорожников.

На ремонт путей и моста ушло несколько часов, и вот бронепоезд уже неспешно приближался, практически крался, к вражеским позициям. Наконец командир А.С. Тихоход дал машинистам новую команду, и бронепоезд стал быстро набирать ход.

Было около четырех часов утра, когда «литер А» ворвался на станцию и открыл ураганный огонь из всех видов оружия. Пулеметный огонь и картечь просто смели редкие очаги сопротивления. Ополченцы быстро прицепили к контрольной платформе готовый состав с аэродромным имуществом, и бронепаровоз под аккомпанемент пулеметных очередей и залпов орудий начал сдавать назад, набирая ход. Уже через несколько минут они доставили вагоны на станцию Пост-Волынский, где отцепили трофей и отправились обратно, чтобы поддержать огнем наше контрнаступление, намеченное на утро.

09.08.1941, командир 5-й воздушно-десантной бригады полковник А.И. Родимцев, 36 лет

Ночью, когда по всему фронту гремел бой, командир разведчиков капитан Питерских привел к Родимцеву пожилого человека, похожего на заслуженного рабочего, и его шестна-

дцатилетнюю маленькую бойкую круглолицую племянницу — Машеньку. Александр Ильич с удивлением узнал, что пришли они из поселка Мышеловка, захваченного немцами. Зная в округе все перелески, канавки и ложбинки, эти двое пробрались по заросшей густым терновником канаве, отчего их руки и лица были расцарапаны, а одежда изодрана в клочья.

Историческая справка: Мышеловка — дореволюционный рабочий поселок, а с 1923 года — район города Киева. Расположен между Голосеевскими высотами, Китаевской и Багриновой горами. Впервые упоминается в 1618 году как селение Мишáловка или Мешáловка. Предполагается, что причиной тому послужила местная мельница, на которой смешивали различные виды зерна. С конца XVIII века фигурирует под названием «Мышаловка», но местное население использовало название Мишáловка вплоть до XX века. По состоянию на 1900 год здесь проживало 716 жителей, которые зарабатывали на жизнь тем, что нанимались рабочими на различные предприятия города (в основном расположенные неподалеку кирпичные заводы), развозили подводами кирпич и обрабатывали небольшие земельные участки.

Кирилл Андреевич Соловей, так звали старого рабочего, рассказал, что жил большую часть жизни на окраине Мышеловки и много лет проработал на местном Корчеватском кирпичном заводе. Они с племянницей сразу, как немцы захватили их поселок, решили пробираться к своим. Но не идти же с пустыми руками. Как раз в это время в наступление на врага, рвущегося к Киеву с юга, перешли первые воздушно-десантные батальоны. Немцы забеспокоились, засуетились, начали стягивать из Голосеевского леса и от сельхозинститута к Мышеловке свои артиллерийские подразделения и машины с боеприпасами. Вот расположение этих гаубичных и минометных батарей, а также номера частей, занявших их поселок, Маша с ее дядей и указали на карте.

Девушку дядя взял с собой, потому что оставлять ее на захваченной немцами территории одну было опасно и решительно не с кем. Мать у нее давно умерла, а отец перед самой войной уехал к родственникам в село, и от него давно не было никаких вестей. Родимцев приказал капитану Питерских за-

няться судьбой новоприбывших — накормить, напоить, переодеть, дать выспаться, а сам поспешил в штаб к командиру поддерживающей наступление артиллерийской группы, чтобы вместе определить время артналетов. Теперь были досконально известны номера частей немецкого 29-го армейского корпуса, воевавших с ними в районе Мышеловки. Это были полки 71-й и 95-й пехотных дивизий вермахта.

К утру вырисовалась общая ситуация. 1-й батальон, которым командовал капитан И.К. Симкин, очистил Голосеевский лес от противника на глубину 2-3 километра и отбил первое из входивших в комплекс сельхозинститута зданий на Голосеевских высотах. Одно из немецких подразделений, в панике решив, что окружено, открыло огонь по своим же позициям, чем во многом помогло десантникам. 4-й батальон наступал правее. Он натолкнулся на хорошо организованную оборону немцев, поэтому большими успехами похвастаться не мог.

Появились первые пленные, для допроса которых потребовался квалифицированный переводчик. Комиссар бригады Ф.Ф. Чернышев, как оказалось, это предусмотрел. Из истребительного батальона, находившегося в резерве где-то на левом берегу, в районе Броварского леса, он привел интеллигентного молодого человека, который оказался кандидатом наук, сотрудником Академии наук УССР. Звали его Митрофан Пасечник.

Историческая справка: Митрофан Васильевич Пасечник — родился 17 июня 1912 года в селе Жирковка Полтавской области. В 1931 году окончил физико-математический факультет Полтавского института социального воспитания. Вместе с 5-й вдбр воевал от Киева до Сталинграда. Войну закончил в Вене. В 1932-1940 и 1946-1970 гг. работал в Институте физики АН УССР (в 1949-1965 гг. — возглавлял его). Инициатор создания (1970 год) и первый директор Института ядерных исследований АН УССР, которым руководил до самой своей смерти в 1996 году. Доктор физико-математических наук, профессор, академик АН УССР с 1961 года. Один из создателей ядерного оружия и атомной промышленности СССР.

Не откладывая дела в долгий карман, приступили к допросу первого пленного — здорового немецкого пехотинца по

фамилии Мюллер. Он ничего особо интересного рассказать не мог, только номер части и то, что был крайне напуган и в бегстве потерял свое оружие.

Допрос второго пленного — молодого надменного обер-лейтенанта, одновременно и обескуражил, и повеселил. Обескуражила его уверенность в победе немецкого оружия. С учетом что прошло всего полтора месяца войны, а враг уже был у ворот Киева, во многом его слова звучали убедительно. Веселость же вызвало сообщение, что русские, потеряв всю авиацию, пошли на последние меры и безжалостно бросили в атаку свой последний резерв — «безлошадных» летчиков и курсантов летных училищ. Дело в том, что значки в петлицах у десантников были в форме пропеллера, такие же, как у летчиков. И петлицы такие же — голубые. Немец, кстати, сносно говоривший по-русски, соглашался, что дрались эти войска, конечно, отчаянно, но их явно немного, а потому дни Сталина и остальных большевиков сочтены.

Отсмеявшись, Родимцев с нескрываемым удовольствием сообщил противнику, что дрался он этой ночью не с летчиками, а с десантниками — тоже в некотором роде элитой Красной Армии, только не того характера. Пришло время обескураживаться обер-лейтенанту. Он поинтересовался, много ли у «русских» таких солдат. Ответ, что много, заставил пленного «арийца» задуматься.

После допроса поодиночке всех пленных построили, рядом с их понурой шеренгой установили пропагандистскую радиостановку, вещавшую на вражеские окопы. Через постоянно переводившего Пасечника Александр Ильич сообщил немцам, что воюют против них не летчики, а десантники, и что расстреливать их, как они все того опасаются, их не будут. Тут же немцам было предложено рассказать обо всем этом их товарищам по ту сторону фронта. Но в августе 1941 года немецкие солдаты еще слишком сильно верили в непобедимость германского оружия, поэтому к установке никто из пленных не подошел.

К полудню на НП приехал командир корпуса подполковник А.Ф. Коссенюк, бодрый и воодушевленный первыми успешны-

ми днями наступления. Он шутил, удивлялся, как необстрелянная крылатая пехота смогла утереть нос опытным войкам вермахта, обращался к Родимцеву по имени. Очень сетовал, что командиры не берегут себя и лезут в бой вперед подчиненных. В двух участвовавших в ночной атаке батальонах 5-й бригады в 1-м были ранены командир и комиссар, а комиссар 4-го батальона — А.С. Попов — убит. Под конец беседы подполковник распорядился составить список отличившихся в бою и сказал, что за ним задержки не будет он подпишет наградные листы в самом ближайшем времени. Они оба еще не знали, что комкор не сможет выполнить свое обещание. Через несколько часов в районе Жулян Коссенюк будет убит осколком прямо в сердце.

09.08.1941, командир 1-й бронеплощадки ополченского бронепоезда «литер Б» Николай Андреевич Рябокоть, 27 лет

Они прибыли на станцию Киев-Московский 8 августа — оборонявшимся в Голосеевском лесу батальонам ополченцев требовалась артиллерийская поддержка. Василевский повел «литер Б» вдоль Днепра по хорошо известной ему Германовской ветке. Вскоре проехали Германовский мост. Возле него в протоке притаился один из кораблей Днепровского отряда Пинской военной флотилии, замаскированный ветками и дерном, от чего издали он казался маленьким островком. Возле него высокими десятиметровыми столбами вздымались белые фонтаны воды, поднятые разрывами вражеских снарядов.

Историческая справка: Газета «Киевлянин» от 23 сентября 1913 года: «Вчера в 11 1/2 час. утра в усадьбе Китаевской пустыни состоялось торжество открытия работы по постройке Германовской железнодорожной ветви, сооружаемой в числе других ветвей, проходящих по Киевской губернии, обществом железнодорожных ветвей. Германовская ветвь, начинаясь у станц. Киев I Пассажирский Юго-Западных железных дорог, пройдет через Демиевку — Кита-

ев — Козин — Триполье и Обухов и подойдет к местечку Германовка, с ответвлением от мест. Обухова до Григоровского сахарного завода. Общее протяжение ветви — 65 верст...».

Бронепоезд тоже был замаскирован кустарником. Они проскочили через мост и остановились. На землю сошла разведгруппа, состоявшая из заместителя командира Алексея Васильевича Подопригоры, начальника штаба и разведки Дмитрия Марковича Поплавского и парторга Григория Филипповича Сорокина. В задачу группы входило налаживание связи с нашими обороняющимися впереди частями и изучение возможности подъезда.

Вдоль ветки в тыл двигалось много отходивших из Голосеевского леса раненых. У кого-то были забинтованы руки, у кого-то ноги, головы, кого-то несли на носилках. Разведчикам удалось установить связь со сражавшимся на этом участке полком 147-й стрелковой дивизии. Выяснилось, что противником захвачены не только села Пирогов, Мышеловка, но и часть Жукова острова. Немцы закрепились в районе строительства № 1, где захватили громаднейший железобетонный тоннель. Вражеские подразделения успели «обжить» его и соорудить различные укрепления из стройматериалов, в большом количестве остававшихся на строительстве. В штабе дивизии рассчитывали на батальоны 5-й воздушно-десантной бригады, которые прибыли в ее распоряжение и должны были вечером перейти в наступление.

Историческая справка: Строительство № 1 Наркомата путей сообщения — это проект двух подземных железнодорожных тоннелей севернее и южнее Киева, сооружение которых началось в 1938 году. Предполагалось, что они позволят снизить зависимость города от мостов и сделают его менее уязвимым в случае их потери. Строительство планировалось завершить за шесть лет, но помешала война. В результате в наши дни в районе Оболони, Осокорков и Жукова острова можно увидеть следы этого гигантского недостроя — гигантские железобетонные кессоны и 800-метровый участок тоннеля, уходящий в районе Жукова острова под землю.

Техническое состояние Германовской ветки в принципе не позволяло бронепоезду пройти по ней дальше. Она была

проложена из старых сварных рельсов, которые могли просто не выдержать нагрузки. Но командование бронепоезда после непродолжительного совещания решило рискнуть.

Рано утром, набрав давление в паровозных котлах, бронепоезд тронулся с места и медленно пошел на сближение с противником, как бы пробуя прочность пути. На бронеплощадке все замерли, с напряжением прислушиваясь к редкому перестуку колес. Но старые рельсы «держали» нагрузку, бронепоезд медленно, но настойчиво полз вперед, а затем резко, до предела увеличил скорость.

Долго оставаться незамеченными у них не получилось, враг открыл шквальный огонь из всех видов оружия. Состав буквально засыпали мины и снаряды. Бронеплощадки повели ответный огонь. Загорелась контрольная площадка и ветки деревьев, которыми маскировался «литер Б». Появились первые раненые. В горячке боя пулеметчик Шевченко забрался на незащищенную крышу площадки и с криками: «Нет, не пройдешь, не пройдешь, нет, не пройдешь», открыл бешеный огонь из запасного пулемета, оказавшись у немцев на виду. Его силой затащили назад.

Несмотря ни на что бронепоезд продолжал огонь, и это начало давать свои результаты, сопротивление противника слабело и вскоре совсем прекратилось. Кто из немцев не успел отступить, был уничтожен. Трофейная команда отправилась собирать оружие и документы. В сумке у одного из убитых немецких офицеров помимо всего прочего была найдена пачка заготовленных чистых бланков с надписью «Убит при взятии Киева». Это немало позабавило команду, хотя победа далась нелегко — тяжелые ранения получили до десяти членов экипажа, в том числе и разведчица Таня Диденко. Был тяжело ранен и командир Леонид Владиславович Василевский. Вместо него командование принял комиссар Степан Петрович Голованев, а комиссаром стал бывший секретарь парткома строительства № 1 Василий Васильевич Финогенов. Сам «литер Б» теперь требовал основательного ремонта, так что после недолгой передышки бронепоезд отправился в депо.

Историческая справка: Л.В. Василевский погиб в 1942 году при бомбежке железнодорожной станции Цыганская Южной железной дороги, будучи военным железнодорожником — начальником отдела УВВР-3 (аббр. управление военно-восстановительных работ).

09.08.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Вчера весь день по Крещатику шли, тряслись в крытых повозках и ехали на грузовиках войска. Сегодня всю ночь и утро так стреляли, что никто не спал, а потом по местному радио передали, чтобы все киевляне собрали необходимые вещи и были готовы. К чему, не уточнялось. Ирина собрала свой нехитрый скарб и теперь сидела, ожидая в любой момент стука в дверь.

И он раздался, однако пришедшие два стеснительных молодых парня-ополченца только выясняли, есть в квартире балкон или нет. Вскоре они ушли. Ирина, измученная ожиданием, вышла на Андреевский спуск. Здесь какие-то молодые люди устанавливали противотанковые ежи.

Глазеющая на это соседка рассказала последний слух, что вроде бы ночью взорвут телеграф и дом, в котором они живут, а жителям предложат уйти в сад.

09.08.1941, старший краснофлотец, 1-й наводчик кормового орудия канонерской лодки «Верный» Петр Федорович Танана, 24 года

«Верный» на всех парах спускался вниз по Днепру. По кораблю была объявлена готовность № 2, при которой все находились на своих боевых постах, и Петр, сидя у кормового орудия, внимательно всматривался в берег, все чаще и чаще замечая знако-

мые места — канлодка приближалась к его родному Каневу. Все попытки немцев прорваться на левый берег в районе Ржищева-Триполье провалились. Их раздражение росло все сильнее, самолеты сначала охотились за отдельными кораблями, после — за одиночными моряками и конниками. Петр сам видел, как вражеский истребитель гонял одного, пытаясь хлестнуть скачущего во весь мах наездника пулеметными очередями. Накануне целый эскадрон ночью переплыл Днепр и перерезал немцев, беспечно спавших в одном из прибрежных сел, после чего на рассвете ретировался обратно. Фрицы лютовали, да только сделать ничего не могли. Свой основной удар они перенесли южнее, в район Канева, где правый и левый берега соединяли один железнодорожный и два понтонных моста.

У Канева уже находились мониторы «Жемчужный» и «Ростовцев» (последний пришел с Дуная), канонерки «Передовой» и «Смольный». Теперь к ним спешил присоединиться и «Верный». Еще до рассвета в темноте корабль поднял якорь и на малом ходу, чтобы не будить «фрицев», пошел вниз.

Не обошлось без «приключений». В районе Селища на левом берегу они заметили три фигуры в одном исподнем, на котором темнели пятна, видимо, кровь. Двое стояли на коленях и постоянно звали на помощь: «Товарищи, спасите! Товарищи, спасите!» И так раз за разом, без остановки. Видимо накануне здесь переправлялась какая-то отступавшая часть, этих раненых оставили, они смогли форсировать реку на подручных средствах, а вот уйти с берега дальше сил уже не хватило.

Командир корабля старший лейтенант А.Ф. Терехин посоветовался о чем-то с командиром БЧ-2 лейтенантом А.В. Жигаловым, после чего последовала команда: «Дежурный, главстаршину Ивченко ко мне!» Серега Ивченко был замом Жигалова, командиром отделения комендоров, и обычно всеми морпеховскими вылазками руководил он. На воду спустили «слона» — небольшой тихоходный, но очень устойчивый и мощный буксирный катер. Тот потихоньку «попыхтел» в сторону белых фигур, но на полпути с правого берега по нему открыли плотный пулеметный и минометный огонь. Терехин прика-

зал «слону» пока возвращаться, а Жигалову — подавить огонь противника.

Комендоры думали, что им прикажут наводиться по вспышкам, которые хорошо были видны на вражеской стороне Днепра, но опытный лейтенант отдал совсем другой приказ. Оба орудия главного калибра открыли огонь по церковной колокольне, которая возвышалась посреди Селища. С трех залпов «Верный» снес ей половину купола, и огонь прекратился.

Пока вспоминалось недавно пережитое, показался Канев. Маленький городок прошли быстро, Петр успел рассмотреть только крышу родного дома. А вот земляку, 1-му наводчику носового орудия Сереже Руденко, было сейчас, наверное, совсем не по себе — дом его стоял у самой воды, и Петр хорошо рассмотрел отца Сергея, который что-то делал во дворе.

Перед железнодорожным мостом «Верный» гудками попросил разрешение на проход, и ему тут же разрешили идти без остановки. А вот возле понтонных переправ вышла заминка, канлодке пришлось сделать три круга, и только на четвертом понтоны развели, а корабль спустился ниже и встал на якорь на траверзе высокой могилы Т.Г. Шевченко. Но вскоре команду побеспокоили, с флагмана им приказали подняться чуть выше по течению и встать на якорь в районе горы Бухановка, неподалеку от канлодки «Смольный».

Тут же на самую высокую гору городка Гончариха с «Верного» отправили наблюдателей. В районах Довжика и Винарской долины наблюдатели вскоре обнаружили скопления живой силы противника. Комендоры открыли беглый огонь по полученным координатам. Тянущиеся к небу столбы дыма от горевшей техники были видны даже с кораблей. Получившие «по мордасам» немцы отступили к селу Пекари.

После окончания стрельбы первым к командиру с просьбой хотя бы о двухчасовой увольнительной на берег потянулся Руденко, за ним — Петр, а потом и третий их служивший на «Верном» земляк. Терехин был не против, при условии, что моряки проведуют родных по очереди. Кроме того, требовалось узнать у флагмана, как долго планируется стоянка. Но

все надежды пошли прахом. Не успели отправить запрос, как пришел приказ: «Дивизиону кораблей в составе канлодки «Передовой», монитора «Жемчужный», канлодки «Верный» и двух катеров-тральщиков приготовиться к боевому походу. Через 30 минут доложить о готовности». Вскоре от командующего Днепровским отрядом флотилии каперанга И.Л. Кравца пришло разъяснение: немцы сходу захватили мост Крюков-Кременчуг, несколько танков ворвалось на левый берег. Надо было прорваться вниз и помочь нашим частям ликвидировать прорыв.

09.08.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год

Они получили приказ разбомбить вражескую батарею, которая вела огонь с северной опушки Боярского леса. Была очередь Дмитрия вести эскадрилью. В предрассветной мгле под аккомпанемент морозящего дождика с подвешенными на консолях бомбами восемь «чаек» взмыли в небо.

Вверху уже посветлело, а внизу еще лежала темнота, в которой хорошо виднелись вспышки артиллерийских залпов. Внизу на Жулянском аэродроме и в районе Поста-Волынского от разрывов снарядов вставала дыбом земля. Возле Дарницкого и Наводницкого мостов из глади Днепра тут и там поднимались высокие столбы воды и обрушались обратно. Один раз Дмитрию довелось увидеть, как шальной снаряд столкнулся в воздухе с краснозвездным истребителем, и тот мгновенно исчез в огненном шаре взрыва. От этих мыслей у летчика по спине пробежал предательский холодок, и он непроизвольно поежился.

Ориентируясь по длинным рыжим черточкам вспышек, они довольно быстро обнаружили свою цель. На бомбометание заходили на высоте 1500 метров. Накренив свой самолет вправо, Дмитрий тем самым показал эскадрилье, что они перестраиваются в правый пеленг. Дальше пилоты действовали как единая

слаженная команда. Соблюдая интервалы, «чайки» зашли на цель с запада и, завалившись на левое крыло, одна за другой начали пикировать вниз. Бомбы ФАБ-50 отрывались от плоскостей на высоте 500 метров, а на 200 летчики выводили свои самолеты из пике, набирали высоту, затем снова пикировали.

Внизу раздался оглушительный взрыв, совсем не похожий на детонацию авиабомбы. Видимо, одна из «фугасок» «нашла» склад боеприпасов.

Новые заходы, бомбы уже закончились, истребители начали поливать артиллерийские позиции из пулеметов: четыре 7,62-мм ШКАСа, в каждом по 480 патронов, — хорошая «добавка» к «фугаскам». Дмитрий заметил, что одна из «чаек» слишком низко, практически над самой землей, носится и гоняет по опушке немецких солдат. Некоторые из них уже упали замертво.

Тем временем огонь с земли заметно нарастал. Казалось, каждый пулемет, каждый автомат, каждая винтовка были подняты вверх и стреляли по ним. На шестом заходе Дмитрий заметил, как одна из «чаек» на выходе из атаки вдруг взмыла вертикально вверх, затем на высоте 400 метров свалилась на левое крыло и, отвесно спикировав, врезалась в землю. Полыхнул сдетонировавший от удара бензин.

Это была третья боевая потеря эскадрильи — погиб Влас Куприяничик, еще совсем недавно спасший их комэска Васю Шишкина. Всего несколько дней назад Дмитрий спорил с ним, пытался урезонить, что нельзя постоянно рисковать и опускаться при штурмовке так низко. Но молодой горячий пилот его не послушал.

09.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года

Вечернее наступление 5-й воздушно-десантной бригады (вдбр) оказалось удачным, она смогла выбить немцев с зани-

маемых ими позиций в Голосеевском лесу и закрепиться на Голосеевских высотах. Приказом № 2, отданным в час ночи, командование 37-й армии распорядилось частям южного сектора КиУРа начать новую атаку в 6:00. В бой вводилась свежая бригада 3-го воздушно-десантного корпуса — 212-я. 175-й стрелковой дивизии (сд) предстояло наступать правым флангом на Юровку, а левым, совместно с 206-й, на Гатное. Часть 206-й сд и батальоны 212-й вдбр должны были освободить Жуляны. 5-й вдбр предстояло очистить от немцев Голосеевский лес, освободить хутор Красный Трактир, Мышеловку и продвигаться в направлении Новоселки, Хотов, западная окраина села Лесники при поддержке остатков 147-й дивизии и ополченских батальонов.

Но стремительного наступления не получилось. Подразделениям с трудом удалось выйти на южные окраины Жулян. Бои шли в Юровке, Гатном, в районе Мышеловки и Китаево. Поступали сообщения о больших потерях — в 147-й дивизии только за 7-8 августа выбыло 35% личного состава. В результате, несмотря на ввод в дело резервов, наступление захлебнулось.

Командование армии запросило помощи у ополченцев, и те в дополнение к уже имеющимся 7 батальонам перебросили в южный сектор обороны еще 8, в том числе по одному от Кировского, Сталинского, Молотовского и Ленинского районов. Переброской руководил лично секретарь горкома К.Ф. Москалец. На легковой машине впереди колонны из 25 бортовых ЗиСов, которые за раз могли перебросить 750 человек, он приезжал в расположение частей, которым придавались ополченцы. В один из таких рейсов колонна попала под пулеметный обстрел. Погибло 4 человека, еще 7 получили ранения.

Выслушав вечерний доклад о положении дел под Киевом, новый начальник штаба генерал-майор В.И. Тупиков приказал Ивану Христофоровичу съездить в штаб 37-й армии, на месте разобраться с ситуацией и, если будет нужно, помочь.

В штабе на улице Артема кипела работа. Генерала Власова на месте не оказалось, поэтому встретил гостя начальник

штаба армии генерал-майор А.А. Мартьянов. Представившись, Иван Христофорович попросил, чтобы тот более обстоятельно ввел его в курс дел, объяснив, что слишком скудные сообщения последней сводки не устроили командование фронта.

Александр Алексеевич с готовностью сообщил последние данные, которыми на текущий момент владел его штаб. Он отметил успех 5-й вдбр, которой удалось полностью очистить от противника Голосеевские высоты. Неплохо проявили себя и остальные бригады. Иван Христофорович заметил, что командование беспокоят слишком большие потери среди десантников. Батальоны за два дня участия в боях потеряли до половины своей численности и больше.

Прибывшие вместе со своим начальником командиры оперативного управления штаба фронта проинспектировали работу отделов штаба армии, проверили, как налажена связь с подразделениями, дали свои рекомендации. Для командиров, под началом которых еще недавно был всего лишь корпус, это было большим подспорьем. В это же время Иван Христофорович изучал боевые приказы, подготовленные штабом для подразделений 37-й армии. В Бровары они выехали уже глубокой ночью, пожелав коллегам удачи в планируемом на завтра новом наступлении.

10.08.1941, командир 5-й воздушно-десантной бригады полковник А.И. Родимцев, 36 лет

На КП «материализовался» радостный и бодрый комиссар бригады Ф.Ф. Чернышев. От него Родимцев узнал подробности ранения командира 1-го батальона капитана И.К. Симкина. Тот шел в наступление в районе зданий сельхозинститута вместе со своими бойцами. Бой вышел упорный, дело дошло до рукопашной. Сначала немцы дрогнули и побежали, удалось захватить первое здание. Но с рассветом противник получил подкрепление и начал контратаковать.

В горячке боя Илья Кузьмич с удивлением обнаружил среди своих солдат маленькую смуглую скуластую девчущку. Это оказалась Маша Боровиченко, только накануне вместе с дядей пробравшаяся в расположение бригады через линию фронта. Вместо того чтобы отправляться в тыл, она пошла простой санитаркой в 1-й батальон и уже успела вытащить из-под огня троих раненых десантников. 37-летнему капитану стало жалко девчущку-подростка, которую могли просто так за здорово живешь убить в этой кровавой мясорубке, и он приказал ей отправляться на санитарный пункт. Хоть пункт и располагался всего в 200 метрах от передовой, но все равно там было немного безопаснее.

Однако упрямая девчонка не захотела выполнять приказ, Симкин несколько минут спустя обнаружил ее перевязывавшей руку одному из пулеметчиков. Из-за ремня у юной упертой санитарки торчал трофейный пистолет, который кто-то из десантников подарил ей в минуты затишья. Солдаты, проникшиеся уважением к Маше за бесшабашную храбрость, как-то все разом, не стовариваясь, начали опекать ее. Они не запомнили фамилию «Боровиченко», зато им в память врезалось смешное название родного поселка девчущки, поэтому практически сразу к ней «прилипло» прозвище — «Машенька из Мышеловки». Как потом оказалось — навсегда.

Историческая справка: Мария Сергеевна Боровиченко — родилась 21 октября 1925 года. Вместе с 5-й вдбр прошла через бои под Киевом. 5 сентября 1941 года в бою под Конотопом спасла жизни более 20 бойцов. В критический момент на высоте у реки Сейм она помогла 1-му номеру установить пулемет, и сама сражалась 2-м номером. Огонь этого пулемета решил исход боя. Летом 1942 года в бою у села Гутрово из трофейного автомата уничтожила четверых немцев. В боях за Сталинград лично уничтожила немецкого снайпера, убившего ее жениха. Погибла 14 июля 1943 года у деревни Орловка Курской области во время сражения на Курской дуге. Ее убил попавший прямо в сердце осколок гранаты, которой она подбила вражеский танк, пытавшийся раздавить ее саму и раненого лейтенанта Корниенко. Званием Героя Советского Союза награждена посмертно 6 мая 1965 года.

Симкин хотел наорать на Машу, отправить в тыл силой, но в горячке боя отвлекся, а вскоре... вскоре эта девочка спасла ему жизнь. Он был тяжело ранен, почти потерял сознание и сквозь седую пелену, застывшую глаза, успел увидеть, как к нему на помощь спешит маленькая юркая санитарка. С другой стороны подбирались трое немецких солдат. Машу они опасной не посчитали и заплатились за это. Когда вражеские пехотинцы подобралась совсем близко, девушка выхватила из-за пояса пистолет и несколькими выстрелами в упор уложила двоих из них. Третий успел отскочить в сторону, укрыться за кучей битого кирпича. Там его накрыл гранатой один из подоспевших десантников. Благодаря случившемуся, уже к концу дня вся бригада знала о героической санитарке из Мышеловки.

Комиссар с упоением рассказывал о Маше, о других героях этого дня, а Александра Ильича мучила мысль о потерях. Вместо раненых капитана И.К. Симкина и комиссара И.С. Хавкина он направил в 1-й батальон капитана И.А. Самчука и старшего политрука Г.Я. Марченко. Комиссар ждал от них первых донесений о ситуации в районе сельхозинститута и переживал, что если комсостав будет выходить из строя такими темпами, то скоро батальонами будет некому командовать.

Родимцев отправился в тыл корпуса, где ему сообщили, что в особом отделе сидит женщина-«кукушка». «Кукушками» после Зимней войны с Финляндией начали называть вражеских снайперов. По фронту ходили легенды, что немцы при отступлении начали приковывать к деревьям своих проштрафившихся стрелков, чтобы те пальбой в тылу сеяли панику. Им выдавали бутылку коньяка, сухпай, патроны и оставляли на произвол судьбы. Немецкие автоматчики и стрелки действительно частенько оказывались в нашем тылу, но это, как правило, были или разведгруппы, или оставшие от своих отдельные пехотинцы, или специально оставленные противником при отступлении стрелки. Никаких прикованных к деревьям «кукушек» в Голосеевском лесу не оказалось.

По словам же молоденького незнакомого Александру Ильичу лейтенанта, они были, и одну из них даже удалось задержать. «Кукушка» оказалась женщиной — украинской националисткой. Ее уже пытались допрашивать, но она упорно молчала и только показывала кукиши.

Историческая справка: Из оперативной сводки к 6:00 11 августа 1941 года штаба 37-й армии: «...противник оказывает упорное сопротивление, используя отдельные строения, деревья, куда сажает автоматчиков, действующих в тылу наших частей, отмечены группы пр-ка, переодетые в женскую одежду. <...> ВЫВОДЫ: Задача, поставленная частям, не выполнена — причины: а) Утомленность частей предыдущими боями. б) Большой некомплект комсостава и бойцов. в) Умелое использование пр-ком отдельных домов в качестве блокгаузов и леса для ведения боя, что препятствует продвижению вперед».

Родимцев связался с начальником особого отдела Тарасенко и попросил привести задержанную к нему. Вскоре за столом в большой хате, которую Родимцев временно занимал, сидела маленькая, хрупкая, бледная блондинка лет тридцати пяти, с растрепанными волосами, постриженными «под скобку». Глаза ее странно косили, казалось, она избегает встречаться с кем-либо взглядом. Одета она была в разорванный и грязный больничный халат. При задержании у женщины в руках обнаружили немецкий автомат, который один из двух бойцов, доставивших «кукушку», положил рядом с ней на стол.

Тарасенко ходившие в частях слухи, что в их руки попала немецкая лазутчица, не разделял. По его мнению, это была пациентка из психиатрической лечебницы, которая находилась в районе Феофании. По донесениям разведки и слухам, немцы ее пациентов расстреляли, но отдельным больным удалось спастись. Скорее всего, эта женщина была из их числа. Когда в лесу ее пытались задержать, она не остановилась, а только побежала в сторону города еще быстрее, выкрикивая при этом одно и то же какое-то непонятное слово. На поведение матерого вражеского диверсанта это никак не походило.

Историческая справка: До Революции в Теофании (в некоторых ист. — Теофании) — местности, располагающейся между Теремками, Голосеево, Пироговом и Хотовом, находился Свято-Пантелеймоновский монастырь. При советской власти его национализировали, и перед самой войной в здании бывшего монастырского общежития разместили филиал Психиатрической больницы имени академика И.П. Павлова. Его пациентов по какой-то причине не успели эвакуировать, и немцы их расстреляли. В соответствии с идеологией нацистов в новом мировом порядке душевнобольным, как и целым народам... и даже расам, место не предусматривалось.

Александр Ильич попросил Тарасенко задержанную отпустить, а лучше всего — передать врачам, и распорядился впредь, чтобы не сеять панику, слухи о прикованных к деревьям «кукушках» пресекать.

10.08.1941, политрук 1-й роты отдельного разведбатальона Киевского комсомольского полка Марсен Михайлович Векслер, 17 лет

После всего пережитого накануне Марсен проспал до середины дня 9-го августа. Погода наладилась, выглянуло солнышко. Он умылся и вышел во двор дома, в котором расположился батальон. Хотя, батальоном их подразделение теперь можно было назвать только с огромной натяжкой — оставшихся ребят едва хватило бы на два взвода. До вечера Векслер отъедался, приводил в порядок одежду и амуницию, а вечером поступил новый приказ. Под началом Марсена в немецкий тыл отправлялась разведгруппа численностью в шесть человек. Требовалось выявить месторасположение и количество немецких танков. Они попрощались с друзьями, молча пожали им руки и сели в кузов полуторки, которая довезла их до края нашей обороны. Дальше были фрицы.

В темноте пробирались медленно, не зажигая огней, больше рассчитывая на память, чем на глаза. В Гатное удалось проник-

нуть только с рассветом. С огорода, где они залегли, хорошо было видно штук пять танков и автомашины. Стояла невыносимая жара, гимнастерки намокли от пота, донимали слепни, но ребята почти не шевелились, боясь себя обнаружить. Весь день в один двухэтажный домик входили и выходили немецкие офицеры, это наверняка был какой-то штаб.

Когда стемнело и у немцев все подуспокоилось, начали готовиться. Решили разделиться: Марсен с двумя ребятами должны были закидать гранатами штаб, а остальным троим выпало подорвать танки и машины. Выбираться обратно в батальон договорились по отдельности.

Часовой прохаживался по аллее около дома, совсем рядом с огородом. Марсен бесшумно подкрался к краю, между аллеей и огородом, загороженному деревьями. Выждав момент, когда немец пройдет мимо, он набросился на него сзади. Все закончилось очень быстро, часовой не успел даже крикнуть, только дергался и обильно пускал изо рта слюну. Когда он затих, Марсен осторожно опустил его на землю и кивком головы дал знак остальным. 12 противотанковых гранат с разных сторон начали залетать в окна дома. Взрывы были очень сильные, дом почти весь завалился. Над головами разведчиков взрывная волна швырнула осколки битого стекла и кирпича, поднялась стрельба.

Не дожидаясь, пока фрицы опомнятся, они бросились наутек. Линию фронта ребята пересекли совсем не там, где их поджидала машина, а с другого края, ближе к аэродрому. Вечерело. Усталые, голодные, они подходили к Святошино. Здесь оказалось, что батальон ушел на передовую и занял окопы где-то на юго-западной окраине села. Марсен спросил, вернулась ли вторая группа разведчиков, но никто ничего сказать не мог. Удачливые разведчики передали в штаб дивизии полученные сведения и отправились есть и отсыпаться. Вскоре вернется вторая группа, и тогда они все вместе отправятся к батальону... Но ни утром, ни на следующий день, ни когда-либо после никто ребят из второй группы не видел. Скорее всего, они погибли.

10.08.1941, заместитель командира 1-го батальона 5-й воздушно-десантной бригады старший лейтенант Михаил Семенович Минакер, 33 года

Темноту Голосеевского леса наполняли грохот взрывов, свист мин и какофония перестрелки. Они ворвались в Мышеловку и теперь в любой момент ждали, что немцы попытаются отбить ее обратно. Патронов осталось едва-едва, гранаты тоже подходили к концу. Артиллерию и минометы еще только предстояло подтянуть. Успеют ли?

После прибытия в Киев возглавляемой Минакером команды он предоставил список личного состава в штаб фронта. Вскоре всех их распределили по различным отделам и управлениям, а Михаил решил отправиться добровольцем на фронт, чтобы воевать, а не отсиживаться в тылу. Он написал на имя командующего М.П. Кирпоноса рапорт с просьбой о переводе в действующую часть. Передал генералу рапорт непосредственный начальник Минакера — начальник штаба фронта М.А. Пуркаев.

К десанникам в бригаду Михаила прислали 15 июля вместе с еще 14 командирами и солдатами пополнения, старшим над которыми вновь назначили его. Минакер прибыл в Иванов, где находился штаб, доложил начальнику 4-й части лейтенанту Шапошникову о своем прибытии. Затем с прибывшими побеседовал командир бригады А.И. Родимцев. Комбриг попросил построить команду, справился, не сдрейфят ли они, если завтра придется прыгать с парашютами. На что Михаил ответил, что они знали, куда идут, и любое задание выполнят.

Родимцев оказался на редкость располагавшим к себе человеком. Сидя на траве, он расспрашивал у сосредоточившегося вокруг пополнения, кто кем работал, что умеет. Михаила определили замом по тылу в 1-й батальон, к капитану И.К. Симикину.

Не прошло и месяца, как их перебросили обратно в родной и до боли знакомый Киев, израненный вражескими снарядами, с улицами, перегороженными рвами и баррикадами.

В первый же день боев за Сельскохозяйственный институт ранило и капитана И.К. Симкина, и батальонного комиссара И.С. Хавкина. Тогда Михаилу, практически гражданскому человеку, пришлось по собственной инициативе брать на себя командование. Связи со штабом не было, и он решил выполнять полученный накануне из штаба бригады приказ — штурмом взять Мышеловку.

Здесь в лесу они выдержали тяжелейший бой, а затем неожиданной атакой в ночи выбили противника из Мышеловки. Без артподготовки и поддержки авиации, под осветительными ракетами и сильным огнем вражеской артиллерии десантники пошли в атаку. Из всего батальона, который до начала боев насчитывал около 300 человек, в поселок ворвались 33, из которых пятеро — командиры. Застигнутые врасплох, немцы решили, что их атакует крупная часть, и в панике оставили поселок, бросив технику, боеприпасы, разное имущество. Сколько здесь было нужных вещей, которым вполне нашлось бы применение в скудном батальонном быту. Как рачительный хозяйственник, Михаил это прекрасно понимал, но сейчас было не до снабжения, в любой момент противник мог организовать контратаку.

Связи со штабом бригады по-прежнему не было, попросить быстро подкреплений не представлялось возможным. Чтобы хоть как-то решить вопрос с боеприпасами и оружием для вооруженных только пистолетами командиров, Михаил отправил две группы солдат по пять человек обратно в тыл, в лес, где осталось немало раненых и убитых десантников. С них снимали винтовки, автоматы и ручные гранаты. Из винтовок было приказано брать только карабины, так как автоматические СВТ оказались капризными и после первого же падения на землю напрочь отказывались стрелять. В штаб бригады направили связного, чтобы он сообщил о достигнутом успехе и передал просьбу о подкреплениях.

Шум голосов отвлек Михаила от тяжелых раздумий, вернулась первая группа, нагруженная патронами, гранатами и карабинами. Гранаты РГД-5 десантники тут же принялись крепить в связки по четыре, используя срезанные с поваленных столбов телефонные провода. Такие кустарные «изделия» они между собой называли «карманными батареями» и считали крайне эффективными в ближнем бою.

10.08.1941, командующий 36-й иад Герой Советского Союза полковник В.В. Зеленцов, 30 лет

Ситуация в дивизии с материальной частью стала просто катастрофической. Зеленцову доложили, что в полках осталось всего 47 самолетов, из которых 27 неисправны. Стремительно выбывали из строя летчики. Вот и сегодняшний день принес тяжелую утрату — в воздушном бою погиб опытнейший пилот, герой Халхин-Гола, командир 2-й эскадрильи 43-го иап Алексей Михайлович Филиппов.

Девятка И-16 сопровождала бомбардировщики, когда в 11:20 в районе Будаевка — Вета-Почтовая их атаковали 11 Ме-109. «Ишачки» связали вражеские истребители боем, в то время как СБ сбрасывали свой смертоносный груз на немецкие позиции. В результате наши летчики сбили три вражеских самолета и сберегли в целости все бомбардировщики... а вот комэска не уберегли.

Зеленцову перезвонили из штаба фронта, на проводе был восторженный начальник оперативного управления полковник И.Х. Баграмян. Оказалось, он стал очевидцем другого воздушного боя, когда лейтенант В.Г. Карелин из 3-й эскадрильи 2-го иап в одиночку бросился на 7 напавших на него Ме-109. Он сражался с такой яростью, что сбил сразу 2 истребителя противника. Остальные вражеские самолеты отвернули назад.

Историческая справка: Боевые отчеты группы III/JG52, воевавшей 10-го августа над Киевом, подтверждают гибель одного из

ветеранов части обер-фельдфебеля В. Фернсебнера (W. Fernsebner), который успел одержать семь побед. Других истребителей непосредственно над городом немцы в этот день не теряли.

10.08.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Сегодня целый день не стреляли, но, как только Ирина села за свой дневник, стрельба возобновилась. Когда канонады не было, лица киевлян словно светились изнутри, но с ее началом — темнели от тревоги и переживаний.

Росло число беженцев с южных окраин города. Магазины закрывались, мясо с прилавков пропало полностью. Раньше, когда через Днепр на восток гнали эвакуированный скот, его было в изобилии — забивали павших животных. А теперь иногда появлялись то хлеб, то мука, то крупы, то жиры. Ирине сегодня шесть часов пришлось стоять за сахаром. На базаре продукты продавались втридорога, и то только когда канонада ослабевала, вот как сегодня.

Ходили слухи, что у некоторых запасливых горожан квартиры ломаются от продуктов. Но Ирина и ее знакомые не были такими предусмотрительными. Гением запасливости из всех Ирининых знакомых оказалась соседка Тамара Иосифовна. Она сделала мешки из старых чулок, и теперь в одном хранилась соль, во втором — горох и в третьем — пшено.

10.08.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год

Эпицентр боев переместился в район днепровских мостов. Их эскадрилья позвенно барражировала над Киевом, и Панов как

раз находился в воздухе, когда полотнища Попхема, разложенные на земле в районе моста Евгении Бош, указали на приближение противника с юга.

Сердце заколотилось быстрее, во рту от волнения пересохло, но Дмитрий повел звено навстречу врагу. Не прошло и минуты, как они заметили три летящих в боевом порядке одна за другой девятки двухмоторных Ю-88. Яркое летнее солнце слепило глаза и мешало точно определить дистанцию. Дмитрий перещелкнул тумблер переключателя пуска снарядов на двойку. С дистанции в три километра он начал с интервалом в полторы секунды нажимать кнопку электропуска — «эрэсы» попарно отрывались от плоскостей и, оставляя в небе инверсионные следы, потянулись вперед к вражеским бомбардировщикам. Открыли огонь и остальные «чайки».

Черные разрывы «эрэсов» вспухли перед вражескими самолетами, за ними и посреди их строя. Но бомбардировщики упорно продолжали лететь прежним курсом, не ломая строй, хотя два из них явно задымили. Наконец немцы все-таки дали слабину и освободились от бомбовой нагрузки над Теличкой, так и не долетев до цели. С земли по ним ударила зенитная артиллерия, поставив плотный заградительный огонь. Бомбардировщики сделали правый разворот и пошли на запад, а Дмитрий неосмотрительно повел звено следом за ними. Неосмотрительно, потому что огонь с земли еще не прекратился, и один из снарядов разорвался прямо среди их строя.

Осколок пробил масляный бак, горячее масло, разбрызгиваемое потоками воздуха, попало в кабину, обжигая лицо и заляпав очки. Уже через 20 секунд маслбак опустел, мотор стал быстро нагреваться, температура достигла предела, и в какой-то момент пропеллер замер — все, двигатель заклинило.

В непривычной наступившей тишине стали слышны заглушаемые раньше ревом мотора звуки — поскрипывания плоскостей и завывание ветра в ленточных расчалках. Дмитрий стащил с головы измазанные моторным маслом летные очки, и с высоты 300 метров начал планировать в сторону аэродрома, хотя с каждой минутой становилось понятно, что до посадоч-

ной полосы высоты не хватит. Когда до земли уже оставалось не более ста метров, а до аэродрома — километра два с половиной, Дмитрий понял, что нужно идти «на вынужденную».

Ему повезло, он посадил свою «чайку» на длинную песчаную дюну, где не оказалось пней и вырубки, которыми изобиловали окраины Броваров. Здесь рос только кустарник, который, спружинив, сперва немного подкинул самолет. Он пролетел еще метров 25, затем кустарник вновь заскрежетал под днищем фюзеляжа, гася скорость. Уже в самом конце пробега одно из крыльев уперлось в старый пенёк, самолет развернуло, он проехал еще метров 50 хвостом вперед и, наконец, остановился.

Дмитрию повезло отделаться несколькими ссадинами, синяками и несильными ожогами. Он отбежал от дымящегося самолета в сторону и стал ждать. «Чайка» так и не загорелась, а уже через полчаса с аэродрома приехала машина и забрала его. Самолет же отправили в ремонт.

10.08.1941, командир 206-й стрелковой дивизии полковник Сергей Ильич Горшков, 38 лет

Илью хоронили в Пушкинском парке под старыми деревьями, посаженными еще до Революции. На долгие речи времени не было, утром предстояло наступление. В ночной темноте отрыли могилу, опустили тело, в темноте же дали последний залп.

А ведь еще недавно, в три часа дня 7 августа, им вместе пришлось возглавить рукопашную, когда дивизии наконец удалось ворваться на окраину Жулян. Правда ненадолго, затем их снова отбросили.

А уже сегодня вечером военком дивизии полковой комиссар Илья Федотович Октябрьский погиб. Погиб не на передовой, а практически в тылу. Они за три дня боев сильно измотались, и Октябрьский предложил поехать на КП в селе Борщаговка,

чтобы привести себя в порядок. Они умылись, поели, и в это время немцы начали обстрел из дальноточной артиллерии. Снаряды стали рваться неподалеку от их дома. Решили укрыться в отрытом во дворе блиндаже. И вот, когда Илюша вышел из дома и зашел в следующий двор, там разорвался снаряд. Большой осколок рассек и каску, и голову военкома. Смерть наступила мгновенно.

Историческая справка: Жена Ильи Федотовича Мария Васильевна Октябрьская, получив похоронку на мужа, продала все свои вещи и ценности, оплатила постройку танка Т-34 «Боевая подруга» и стала его механиком-водителем. Распоряжение о зачислении ее в танкисты отдал лично И.В. Сталин. 18 ноября 1943 г. ее танк уничтожил пушку и около 50 вражеских солдат. Его подбили, Мария Васильевна получила ранение, но двое суток, отстреливаясь, оставалась в танке, пока машину не эвакуировали. 18 января 1944 года в бою возле станции Крынки Витебской области она танком раздавила 3 пулеметные точки и до 20 солдат и офицеров противника. Снарядом у танка «Боевая подруга» разбило левый ленивец. Мария Васильевна принялась устранять повреждение под огнем противника, но осколок разорвавшейся поблизости мины смертельно ранил ее в глаз. Умерла Мария в смоленском госпитале 15 марта 1944 года. 2 августа 1944 года ей посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

10.08.1941, стрелок 28-го отдельного пулеметного батальона рядовой Адам Пиусович Красовский, 34 года

В эту ночь время тянулось удивительно долго. Его жизни угрожала смертельная опасность, а Красовский, бессильный что-либо сделать, вынужден был сидеть сиднем возле открытой амбразуры и пялиться час за часом на расположенную всего в паре метров обшитую свежим тесом стенку входного дворика. Прошедшие дни оказались наполнены событиями, которых

другому бы человеку хватило на полжизни, а он их пережил за неделю. Переживет ли следующие?

Штурм начался утром 4 августа. Накопив силы, немцы обрушили на позиции оборонявшегося севернее их ДОТа стрелкового полка артиллерийский шквал. Затем в атаку пошла пехота и выбила наших солдат с их позиций. Полк этот набрали где-то на Кавказе, в его составе было много горцев, едва говорящих по-русски. До того как попасть под Киев, он успел повоевать где-то в районе Фастова, где растерял чуть ли не половину своего состава. Понятное дело, что солдаты были деморализованы, и наша авиация, которой практически не было видно в небе, а также артиллерия, поддержки от которой наши солдаты тоже особо не ощущали, не добавляли им оптимизма.

Лейтенант Ветров, несмотря на юный возраст (ему было всего 22 года), оказался командиром суровым и упрямым. Немцев его гарнизон встретил дружным пулеметным огнем. ДзОТ, прикрывавший подходы ко входу в ДОТ, они держали до последнего, пока минометными обстрелами их не загнали за железобетонный блок входа. Прodelанная в железобетоне амбразура в упор смотрела на того, кто попытался бы войти внутрь. Несколько немцев постоянно контролировали вход, их перекрикивания иногда слышались внутри.

То, что Красовский увидел в 205-м ДОТе, когда сюда прибыл, совсем не походило на их 203-й ДОТ, гарнизоном которого командовал лейтенант Черемушкин. 203-й был одноэтажной железобетонной коробкой с тремя амбразурами под пулеметы «максим» и амбразурой обороны входа под ручной ДП. А тут ходы изрыли холм вдоль и поперек. Вдоль стен проходов, многочисленных тупичков и закутков, размещалась масса подвешенных коек. Для них в специальных шкафах хранились постельные принадлежности. Здесь можно было разместить если не роту, то уж взвод точно. В каплевидной, вытянутой в сторону Туровой долины части холма по периметру размещались пять оголовков: четыре одноамбразурных и один на две амбразуры. В этом, последнем оголовке как правило находился лейтенант, наблюдавший за происходящим снаружи.

Он приказывал — когда открыть заслонки и начинать стрелять, когда закрыть, когда швырнуть наружу через амбразуру «лимонку». Им очень повезло, что ДОТ был старым, несовершенным. Строители не установили ни системы вентиляции, ни перископов в оголовках. В какой-то момент немецкие солдаты взобрались на крышу двухамбразурного оголовка ДОТа и оказались перед дилеммой — что им делать. Кумулятивных зарядов не имелось, в то время это еще была малораспространенная в подрывном деле новинка. Подорванный на крыше штатный 3-килограммовый заряд никакого урона бункеру нанести не мог, а подобраться к амбразурам не давал бдительный гарнизон.

Немецкий артиллерийский танк намеревался подавить амбразуры, но подъехать вплотную к оголовкам ему мешала топкая низина: слишком велик риск забуксовать, сесть на грунт. Огонь, который велся с расстояния где-то в сто метров, результатов не дал. Фрицам удалось только заклинить одну бронезаслонку, защищавшую амбразуру от пуль и осколков. Ночью, когда немецкие пехотинцы разошлись по сельским хатам, солдаты гарнизона выбрались через соседнюю амбразуру и расклинили поврежденную заслонку, вернув в рабочее состояние.

Немцы использовали и авиацию. По специально выложенным на вершине холма знакам бомбардировщики скинули несколько бомб... и ничего не добились, 9-метровая толща грунта и железобетонные своды выдержали попадания, а оголовки ДОТа были слишком мелкой для авиации целью, чтобы в нее попасть. Не помог и обстрел крупнокалиберной дальнобойной артиллерией.

Воды в ДОТе хватало, ее оказалось даже слишком много. Из-за расположения у самой реки укрепление подтапливало. Внутри была установлена обычная пожарная помпа, которую приходилось регулярно пускать в ход, чтобы откачать скапливавшуюся воду. А вот с едой начались проблемы. В июле, пока первые поступившие сюда бойцы готовились к обороне — устанавливали пулеметы, пристреливали их, набивали

множество лент патронами, — они успели съесть большую часть продуктов из неприкосновенного запаса. С кормежкой было плохо, вот и не выдержали. Тем более что лейтенанта Ветрова и политбойца Рыбакова прислали в гарнизон совсем недавно, незадолго до начала боев, и солдаты долгое время были предоставлены сами себе. А с началом осады они хлебнули горя, одному бойцу на сутки давали сперва по два сухаря, по трехсотграммовой банке рыбных консервов и по госточке сахара. Через три-четыре дня пайку урезали, теперь одна банка консервов приходилась на четверых. Курева же не стало вовсе.

Возникла еще одна проблема. Гарнизон численностью 16 человек в основном комплектовался бойцами, призванными из Яготинского, Драбовского и Уманского районов Киевской области. «Яготинцы» и «драбовцы» сражались ничего, надежно, а вот «уманцы» чуть ли не в самом начале собрались дать драпа. Им ничего не стоило сговориться между собой, они все были из одного села. Но Ветров это предвидел, и у входа всегда дежурили самые надежные бойцы. Там, где дежурили парами, «уманских» оставляли вместе с ребятами из других районов.

За первый же день боев хорошо замаскированный ДОТ нанес немцам большой урон. Они попытались ударить во фланг нашим войскам через долину, которую ДОТ контролировал своим огнем, и нарвались на кинжальный огонь пулеметов. Потом, когда Ветров еще застрелил двух немецких парламентаров, попытки сдать врагу прекратились совсем. «Уманские» были не дураки и понимали, за убийство переговорщиков немцы уничтожат любого из гарнизона ДОТа, стоит только попасться им в руки. Враги не станут особо разбираться, с какой именно целью ты сбежал.

У каждого оголовка и у пулеметчика амбразуры входа имелась телефонная связь с остальными. После того как немцы захватили 203-й ДОТ и расположенный с другой стороны Юровка командный НП, связь с остальными ДОТами пропала. Ночью бойцы жгли бумагу в амбразурах, развернутых в сто-

рону наших войск, пытаясь таким образом просигналить, что они еще живы, еще держатся.

Внутри было проведено освещение, но дизельный движок, дававший питание лампочкам, остался снаружи в ДЗОТе, поэтому теперь приходилось обходиться тремя керосиновыми фонарями да лучинами, наколотыми из досок разбитых патронных ящичков. Из них же разжигали небольшие костерки и грели воду для чая. В такие моменты в ДЗОТе невозможно было находиться, дым выедал глаза и заходил во все щели. От пороховой гари и копоти чадящих фитилей гимнастерки и лица бойцов гарнизона насквозь прокоптились и почернели. За прошедшие четыре дня они все стали больше похожими на шахтеров, чем на пулеметчиков.

В этих тяжелых условиях политбоец Рыбаков оказался на редкость незаменимым человеком. У него в ДЗОТе был баян, и он развлекал гарнизон различными песнями, которых знал великое множество. Особенно ему нравилось исполнять «Раскинулось море широко», которая после исполнения Леонидом Утесовым стала очень популярна по всей стране.

Красовского сменил боец Опалько. Лицо его было на удивление радостным. Адам спросил, отчего это он такой веселый. Оказалось, что к ним по противотанковому рву наконец-то пробралась группа разведчиков из батальона. Лейтенант попросил Опалько передать, чтобы Красовский подошел к нему, вроде как в группе сержант из ДОТа, в котором Красовский был прежде.

Адам набрел на лейтенанта и разведчиков, когда командир группы лейтенант Андрей Жуковец уговаривал «Жору» оставить ДОТ и вывести гарнизон к своим. Соответствующий приказ комбат Кипаренко уже отдал. Оказалось, что Жуковец и Ветров одно время вместе учились в Киевском пехотном училище, были друзьями, поэтому звали друг друга по имени. Ветров горячился, отказывался, говорил, что ДОТ не оставит и только просил помочь с провизией, гранатами и патронами. Среди четверых разведчиков, наблюдавших за перепалкой лейтенантов, Красовский заметил сержанта Клопота. Тот весело подмигнул недавнему подчиненному.

Времени оставалось мало, поэтому Жуковцу пришлось согласиться с доводами Ветрова. Договорились, что следующей ночью в ДОТ проведут связь, постараются помочь с провизией, хотя ползком ее много не пронести.

10.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года

На рассвете 37-я армия опять перешла в наступление. Потери свежих 212-й и 5-й вдбр составляли до 30%, однако они все равно продолжили двигаться вперед. 175-я сд отбила Тарасовку, но дальше продвинуться не могла. 206-я сд прочно застряла на северной окраине Гатного.

212-я вдбр вышла в центр Жулян, 5-я вдбр смогла взять наконец Мышеловку. На другом участке фронта немцы прорвались к штабу 6-й вдбр. Их уничтожили силами командования бригады и подразделений 2-го батальона, которые командир батальона капитан С.И. Галанов лично повел в атаку. Сам капитан погиб. Вместо него командование принял начальник штаба капитан Б.В. Смолин. Командующий 6-й вдбр полковник В.Г. Жолудев получил в этом бою ранение, но остался в строю.

Обстановка сложилась настолько тяжелая, что в какой-то момент пришлось бросить в атаку отдельные подразделения 4-й дивизии НКВД по охране железнодорожных сооружений, 75-й, 76-й и 77-й строительно-путевые и 31-й мостовой железнодорожные батальоны. Самые напряженные бои велись в районе Мышеловки. Фактически в эти дни решался вопрос, выстоит Киев или нет. В отдельных подразделениях людей практически не осталось: в полках 147-й числилось по 150–200 штыков, в 3-й вдбр — 375, в отряде Матыкина — менее 300. Сильные потери понесла 2-я вдбр, 206-я сд, ополченские батальоны, прочие подразделения.

Командующий юго-западным направлением маршал С.М. Буденный передал фронту из своего резерва 284-ю сд, командир которой полковник Геннадий Петрович Панков с группой офицеров своего штаба прибыл на командный пункт 37-й армии. Порядки дивизии развернулись во втором эшелоне на рубеже Совки, Лесной институт, Мышеловка. Ночью ее планировалось бросить в атаку на Жуляны, которые уже несколько раз переходили из рук в руки.

Историческая справка: Запись в дневнике Начальника Генерального штаба сухопутных войск вермахта Франца Гальдера от 11 августа: «...6-я армия понесла большие потери. Армия ежедневно теряет до 1600 человек, из них в среднем 380 убитыми. Производится эвакуация раненых».

11.08.1941, старший краснофлотец, 1-й наводчик кормового орудия канонерской лодки «Верный» Петр Федорович Танана, 24 года

Над Днепром стояла кромешная тьма, в которой едва угадывались силуэты кораблей дивизиона. Они отправились вниз по Днепру от Канева вчера во второй половине дня и успели добраться только до правобережного села Тарасовки, которое лежало чуть выше хутора Вороновки. Корабли причалили к левому берегу возле расположенной здесь водяной мельницы.

Буксиры-тральщики, приданные дивизиону, обладали ходом намного меньшим, чем канлодки, поэтому было принято решение взять их на буксир. По пути не обошлось без происшествий, одно из которых закончилось трагедией. Сначала из-за выявленной неисправности штуртреса «Верный» и назначенный для буксирования им тральщик задержались, после чего пришлось ускориться. Затем случилась беда. Экипаж тральщика допустил большую ошибку — чтобы рулевым не дежурить за штурвалом, буксирный конец сделали коротким и закрепи-

ли на носовом кнехте крест-накрест. Вся команда тральщика грелась на солнышке, дежурил только пулеметчик, расположившийся в зенитной пулеметной башенке. Когда «Верный» на полном ходу входил в очередной крутой изгиб фарватера, тральщик сделал «оверкиль» и моментально затонул. Спаслась вся его команда, кроме дежурного пулеметчика. Концы обрубили, тральщик бросили — надо было догонять ушедшие вперед корабли дивизиона. Так что к концу дня, когда «Верный» все-таки нагнал остальные корабли, настроение в экипаже царило подавленное.

Оставшийся второй тральщик командир канонерской лодки «Передовой», которую назначили флагманом дивизиона, капитан-лейтенант А.З. Павлов отправил к Кременчугу, чтобы тот разведал обстановку. Больше этот корабль никто никогда не видел.

Вскоре вернулась отправленная в Тарасовку разведка. Она состояла из команды затонувшего тральщика и нескольких добровольцев, среди которых был и командир отделения комендоров «Верного» главстаршина Сергей Ивченко. Разведчики доложили, что немцев в селе немного, всего человек 30. Ивченко вызвался возглавить ночную атаку и выбить немцев из села, и Павлов загорелся этим предложением. Он решил высадить все тот же десант в 12 человек в тылу у немцев, поддержать их с кораблей огнем, а затем двигаться к Кременчугу. Терехин был против, справедливо полагая, что где сейчас 30 немцев, через час вполне может стать 330, но флагман к его мнению не прислушался, и теперь дивизион готовился к высадке.

Хозяин водяной мельницы вел себя очень подозрительно, при виде спустившихся на берег командиров он сразу засобирался домой в село. Командир «Верного» старший лейтенант Терехин предложил Павлову на всякий случай задержать мельника, но Павлов не прислушался к его совету, и хозяин ушел. В час ночи вражеский ночной бомбардировщик сбросил вдоль левого берега шесть крупных бомб, но вреда дивизиону не причинил, так как корабли стояли чуть ниже мельницы, а бомбы легли чуть выше.

Всю ночь готовились к высадке, десант разместили на мониторе «Жемчужин». Возглавляя колонну, он должен был пройти один километр в сторону, высадить морских пехотинцев у хутора Вороновки и вернуться обратно на фарватер, не ломая строй. В 3:30 сначала на «Жемчужине», затем — на «Передовом» загремели цепи поднимаемых якорей... и у хутора Вороновка ожил весь выдававшийся выступом в Днепр берег. За ночь немцы устроили там окопы, подтянули минометы и орудия, закрепились на чердаках домов. На монитор обрушился шквал огня. Командир «Жемчужина» старший лейтенант П.В. Визольмирский не растерялся и, не дожидаясь команды с флагмана, за 40–50 метров от берега отвернул в сторону и вернулся обратно на фарватер.

Тем временем «Верный» также выбрал якорь и вышел на фарватер в кильватер «Передовому». От того не поступало команды на открытие огня, что взбесило Терехина. «Верный» и семафором, и по радио запрашивал флагман: «Почему молчим? Почему не командуем?», но Павлов молчал, и немцы, не теряя времени, пристрелялись по монитору. Петр хорошо видел, как у того вышла из строя одна машина и рули. Потерявший управление «Жемчужин» медленно понесло течением вниз по фарватеру. Тогда немцы перенесли весь огонь на «Передовой». Через 10 минут на нем вспыхнул пожар, в утренние сумерки поднялось большое облако сухого пара из перебитого паропровода, корабль потерял управление.

Терехин, отбросив всякие условности, уже орал в жестяной рупор благим матом, покрывая старшего по званию отборной руганью и требуя приказ на открытие огня, но тот продолжал упорно молчать. Тогда командир «Верного», наплевав на субординацию, приказал командиру БЧ-2 лейтенанту А.В. Жигалову подавить немецкие огневые точки, а рулевому — идти на ручку к «Передовому». Там наконец тоже открыли огонь. Заговорили орудия и на «Жемчужине».

В это время вражеский снаряд сбил шпиль, и якорная цепь вытравилась за борт. Ход корабля застопорился. Тогда на бак бросился боцман старшина 2-й статьи Леонид Щербина, он на-

чал крепить цепь, когда очередной залп дали орудия основного калибра, и боцмана пороховыми газами выбросило за борт. Но опытный моряк, словно кошка, вскарабкался обратно на палубу по якорной цепи и закончил начатое. Якорь выбрали, и «Верный» двинулся вперед, догонять флагман.

В это время на юте вражеские пули пробили баллоны дымовой аппаратуры, и над водной гладью повисли клубы дыма, заслонившие от наводчиков цели на берегу. И снова команду выручил боцман, он бросился к корме и вышвырнул пробитые баллоны за борт. Корабельные орудия снова заговорили.

Тем временем «Верный» приблизился к «Жемчужину», Щербина бросил на палубу монитора концы, которые матросы быстро закрепили на кнехтах, и канлодка с израненным обездвиженным кораблем на буксире отправилась к безопасному левому берегу. Затем таким же «макаром» удалось вывести из-под вражеского огня и «Передовой». По приказу Павлова все оставшиеся корабли дивизиона разместили у обрывистого участка берега под раскидистыми деревьями. Команды спешно замаскировали корабли. Стало ясно, что приказ прорваться к Кременчугу дивизиону выполнить не удастся.

11.08.1941, командир саперной роты 1047-го стрелкового полка 284-й стрелковой дивизии лейтенант Дмитрий Иванович Головкин, 19 лет

Дима шел по подворью Жулянского совхоза, усеянного немецкими трупами. Все они были или в одном нижнем белье, или наполовину раздетые. Фрицы не ожидали внезапной ночной атаки, которая застала их врасплох, и поплатились за свою легкомысленность. Ну что ж, тем хуже для них.

Это был всего второй день лейтенанта Димы Головкина в боях. Хотя нет, третий. По дороге сюда, в Киев, на станции Ромодан их эшелон бомбили вражеские бомбардировщики. Это

тоже можно считать боевым днем. А так, они прибыли в Киев только вчера в 16:00, и сразу с колес их послали в бой.

Выгружались они где-то между Киевским железнодорожным вокзалом и Днепром, но где именно — Дима не знал, в Киеве он оказался первый раз в жизни. Стоял летний теплый солнечный день, и когда их эшелон проезжал по мосту, Дима как зачарованный смотрел на величественную панораму Днепровских круч и Печерской Лавры. Правда, сначала его удивило, что купола церквей не блестят золотом на солнце, а покрашены какой-то бурой краской. Вскоре лейтенант сообразил, что это сделано в целях светомаскировки.

Из эшелона высаживались под обстрелом — справа была наша артиллерия, слева — вражеская. Сверху с ужасающим воем проносились снаряды, а бойцы выгружали лошадей, амуницию, строили свои роты.

Им определили позиции во второй линии обороны по южной границе Совок — окраинного района Киева, который еще совсем недавно был пригородным поселком. Где-то в 1,5-2 километрах уже гремел бой, а воины обживали окопы, траншеи и землянки. Ночью полк пошел в наступление, в результате чего им удалось на несколько километров отбросить противника от Киева. Судя по канонаде и звуку пулеметных очередей, у соседей дела тоже шли неплохо.

11.08.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год

Дождавшись, чтобы после недавнего аварийного приземления лицо пришло в более-менее приличное состояние, Дмитрий отправился «в гости» к зенитчикам, которым он был обязан своим нечаянным «приключением». С порога «наехав» на командира дивизиона, «приземлившего» позавчера его «чайку», военком предупредил, что в случае еще хотя бы одного обстрела

их самолетов, которые сложно спутать с немецким, они «спутают» позиции зенитчиков с вражескими и «ошибочно» протюжат их своими «эрэсами». Командир попался понятливый и гостеприимный, а потому, довольный проделанной работой, Дмитрий поехал обратно в Бровары со спокойной душой.

День выдался насыщенным. Сначала Вася Шишкин повел их на штурмовку колонны противника в районе Веты-Почтовой. Они выскочили на врага на малой высоте, сразу же накрыли его «эрэсами» и подожгли 14 машин. Солдаты, хорошо заметные сверху, горохом посыпались наружу, залегли в кюветах, укрылись под деревьями. «Чайки» еще долго кружили над ними, поливая из всех своих пулеметов. Но тут на выручку вражеским пехотинцам пришли истребители Люфтваффе. В этих боях эскадрилье впервые довелось познакомиться с новой тактикой противника.

Немцы патрулировали киевское небо четверками. Вызванные по радио с земли, они старались незаметно затесаться в строй наших самолетов, быстро сбить один или два, используя преимущество в пушечном вооружении, и тут же «отскочить» в сторону. Второй вариант — на малой высоте подкрасться снизу, используя свою маскировочную окраску, и атаковать с нижней задней полусферы. Еще один способ — «мессер» набирал высоту с превышением на 1000 метров над нашей барражировавшей группой, затем подбирался ближе, маскируясь облаками, разгонял машину и на полном газу «ударял» по нашему истребителю, после чего опять исчезал в облаках.

Но в этот раз вражеским перехватчикам не повезло, их вовремя заметили, и эскадрилья навязала противнику маневренный бой, в котором у «чаек» перед «мессершмиттами» имелось значительное преимущество. Кроме того, у наших был еще один большой плюс — лучший обзор. Пилота Me-109 сзади прикрывала высокая бронеспинка, а спереди, по бокам и сверху — надежное бронестекло, но они же и затрудняли наблюдение за полем боя. Устаревшие же И-153 и И-16 снабжались только маленьким плексигласовым козырьком, верти головой куда хочешь. Старший лейтенант К.И. Берая и младший лейтенант

П.С. Киктенко вовремя заметили пристроившийся к одной из «чаек» «мессер», подловили его на развороте и, по очереди атакуя, подожгли. Объятый пламенем вражеский самолет отправился к земле, а эскадрилья — к себе на аэродром.

Вечером, где-то в 18:00–18:25, Дмитрий повел четверку «чаек» еще на одну штурмовку. Их прикрывала пятерка «ишачков». Пролетев над Лысой горой, они быстро обнаружили цель: 11 крытых тентом машин, наверняка перевозивших боеприпасы. Колонну сопровождали две танкетки со спаренными пулеметами на башнях. Старший лейтенант В.И. Шлемин и младший лейтенант Н.Н. Новожилов залпами «эрэсов» заставили зенитчиков умолкнуть, после чего «чайки» уже спокойней смогли отстреляться по грузовикам. Шесть раз они заходили на штурмовку и смогли поджечь семь машин, две из которых взорвались.

С земли все равно продолжали огрызаться, один из 23-мм зенитных снарядов пробил днище «чайки» лейтенанта В.И. Шлемина и разорвался в кабине, изранив осколками ноги. Младшему лейтенанту Н.И. Бондареву повезло меньше, его самолет рухнул на землю. Это стала четвертая боевая потеря их эскадрильи. Затем прямо в районе штурмовки их атаковала шестерка Me-109, но сегодня у «мессеров» был неудачный день. Потеряв два самолета, они ретировались, а наши истребители потянулись на свои аэродромы.

11.08.1941, командир 5-й воздушно-десантной бригады полковник А.И. Родимцев, 36 лет

Три дня бессонных напряженных боев давали о себе знать. Постоянно хотелось спать, но для Александра Ильича это сейчас была непозволительная роскошь. Ситуация на участке фронта, где они оборонялась, все это время оставалась крайне тяжелой. Генерал Власов вернул из своего резерва 3-й батальон бригады, чтобы контратаковать прорвавшегося было против-

ника и отбросить его назад. В армейском резерве оставался еще последний, 2-й батальон. Особенно большие потери наносили постоянные минометные обстрелы. Немцы компенсировали нехватку артиллерии большим количеством минометов, которые засыпали минами наши позиции, как только противнику удавалось засечь расположение огневых точек. Второй по назойливости и результативности была немецкая авиация, которая, несмотря на все старания наших отчаянных летчиков-истребителей, постоянно висела над передним краем.

В штабную землянку заглянул начальник разведки капитан А.Г. Питерских. Попросил разрешения зайти.

Вслед за ним внутрь протиснулся пообжившийся в бригаде разведчик, переводчик и кандидат наук Митрофан Пасечник. Перед собой он толкал извалявшегося в песке «фрица» с запекшейся на голове кровью. Оказывается, эти двое ночью прокрались к передовым позициям немцев и практически выдернули одного из них прямо из окопа. Не откладывая в долгий ящик, тут же провели допрос. Оказалось, что на утро на их участке противник назначил большое наступление. Для этого немцы подтянули 299-ю пехотную дивизию. Предварять его должна была мощная артиллерийская подготовка.

Родимцев связался с командиром 147-й стрелковой дивизии. К полковнику Потехину уже поступила информация, что противник собирается наступать, поэтому он приказал десанникам готовиться к обороне и глубже зарываться в землю. Для усиления Потехин пообещал прислать взвод 45-миллиметровых пушек.

Так как наступление ожидалось вдоль двух дорог, ведущих к Киеву от Хотова и от Пирогова, большую часть противотанковых и прочих огневых средств решили сосредоточить в местах пересечения этих транспортных артерий линией фронта. Оборону строили в два эшелона. На Пироговском направлении во вторую линию траншей и ДЗОТов отвели изрядно потрепанный 1-й батальон капитана И.А. Самчука, который два дня не выходил из непрерывного боя. В районе сельхозинститута он передал свои позиции 1045-му полку только что прибывшей в

Киев свежей 284-й дивизии. Его усилили двумя приданными бригаде ранее 76-мм пушками. На Хотовском во второй эшелон направили бригадную школу командиров, которую поддерживали 45-мм противотанковые орудия, положенные по штату. Главный удар противника Родимцев ждал именно здесь и не прогадал.

Возникал вопрос: что делать с 4-м батальоном, занимавшим давно разведанную немцами передовую линию обороны. Было ясно, что предваряющая вражеское наступление артподготовка неминуемо обрушится на нее, и бригада, без того истекающая кровью, понесет значительные потери, еще не войдя в соприкосновение с противником.

Родимцев стоял над картой, исчерченной синими и красными линиями, затертой ластиком в районе большого зеленого пятна Голосеевского, и морщился, представляя, как завтра ему опять будут доносить о больших потерях. Начштаба майор В.А. Борисов замер в ожидании дальнейших приказаний. Наконец решение окончательно созрело в голове Александра Ильича. Он повернулся к майору и приказал в ночь на 11-е скрытно отвести 4-й батальон за позиции школы курсантов и 1-го батальона, чтобы во время артподготовки противник «молотил» по пустым траншеям. С одной стороны, за сдачу позиций без боя начальство по головке не погладит. С другой, потерять, еще не начав воевать, полбатальона, это значит заранее поставить себя в невыгодное положение. Борисов, все хорошо понимавший, только кинул на Родимцева быстрый, испытующий взгляд, приложил к темно-синей пилотке руку, сказал «Есть!» и исчез за входом штабной землянки. Он отправился к начальнику бригадной школы курсантов старшему лейтенанту Г.Я. Михайлову. Участок обороны Михайлова после отвода 4-го батальона становился наиболее опасным и ответственным. Начштаба хотел лично проследить, что подготовка позиций будет выполнена должным образом.

3-й батальон разместили уступом справа за бригадной школой, чтобы ударить по немцам, если те обойдут курсантов и зайдут к ним с тыла.

11.08.1941, рядовой 2-го отдельного пулеметного батальона Федор Федорович Худяков, 36 лет

Федор быстро обжился на новом месте. В штабе батальона, базировавшегося в Мостыще, в том самом летнем военном лагере, где их рота ночевала по дороге к Демидовскому мосту, Худякова определили служить в качестве батальонного писаря. Сначала здесь была маленькая ординарная пишущая машинка с поломанными буквами. Но буквально через пару дней из города привезли роскошный новый «Ундервуд» на полный разворот.

Историческая справка: Село Мостыще — с 1972 года район города Гостомеля на правом берегу Ирпеня, историческая местность. Основано монахами католического бенедиктинского монастыря. Названо так в честь моста через Ирпень, за проезд по которому монахи собирали мостовой сбор. В 1651 году в соответствии с универсалом Богдана Хмельницкого было передано православному Братскому монастырю. Фигурирует в описании Киевской округи 1686 года как пустое местечко, принадлежащее Печерскому монастырю, при этом упоминается мост через Ирпень, на котором «собирают мостовое на Киев, казацкого сотника Саввы Туптала».

Батальон начал нести первые потери. Немцы захватили Гостомель и вышли к мосту, который прикрывала 2-я рота. С западного берега начался артиллерийский обстрел наших позиций, появились первые раненые и убитые. Когда наши войска оставляли Гостомель, они подорвали на местном аэродроме емкости с авиационным бензином (видно, вывезти его не представлялось возможным). Полыхавшее зарево можно было наблюдать прямо из штаба. 1-я рота, из которой Федора забрали две недели назад, тоже успела повоевать, отбив несколько немецких попыток переправиться через Ирпень по Демидовскому мосту. В боевых донесениях, которые перепечатывал Худяков, указывалось, что погибло несколько человек, десятки оказались ранены.

Несколько дней назад в распоряжение батальона переброшили партизанский отряд. Это было человек шестьсот-семьсот, набранных Республиканским комитетом партии: мужчины, женщины, старики, юноши, все в гражданском. Батальон обязали обеспечить партизан питанием, но комбату они не подчинялись. Только их командир регулярно приходил на совещания в штаб.

Вскоре командир батальона майор Метелев заболел, и, пока его не было, военком батальона решил отличиться, организовав рейд на вражескую территорию. Для этого из бойцов 1-й и 2-й рот и сорока партизан был сформирован ударный отряд общей численностью в 200 человек. Командовать им назначили бывшего ротного Федора лейтенанта Г.Т. Кошмака. Задача ставилась — провести разведку боем на направлении в сторону Гостомеля и дальше за него, к Ворзелю и Клавдиево.

Этой ночью отряд по Гостомельскому мосту перешел на вражескую территорию и углубился в нее, однако ему не повезло. Проводник, видимо, оказался предателем, в районе села Козинцы он вывел наших солдат прямо на немецкую засаду. С чердаков двух хат открыли огонь немецкие пулеметчики, но командир отряда не растерялся и решительным броском передового взвода захватил дома. Тогда немцы начали минометный обстрел. В результате полегло пятнадцать солдат и командиров, в том числе и Кошмак, которому, по рассказам, прямым попаданием мины в живот выворотило все внутренности, и его друг лейтенант С.Б. Дауев. Еще человек сорок оказалось ранено.

Потерь противника никто не знал, да и не мог знать — отряд спешно отступил. Но военком браво отрапортовал наверх, что вылазка удалась — отряд уничтожил аж до 200 человек гитлеровцев. Начштаба в рапорте написал полностью противоположное, но в результате никто наказан не был. Киев переживал первый жестокий штурм, люди погибали сотнями, тысячами. Канонада, долетавшая до Монастырища с юга, не затихала ни на минуту. Что уж тут какие-то пятнадцать погибших...

Федору, несмотря на былые обиды, было жаль молодого, не успевшего толком пожить лейтенанта.

11.08.1941, командир 5-й воздушно-десантной бригады полковник А.И. Родимцев, 36 лет

На рассвете в стороне от траншей десантников группами по 10-12 самолетов в сторону центра города и к мостам потянулись первые немецкие бомбардировщики. Похоже, пленный не соврал, и враг действительно наметил на сегодня решающее наступление. Родимцев со своего КП наблюдал в бинокль за передовыми позициями противника.

Начавшийся через 10 минут артиллерийский обстрел не оставлял никаких сомнений — по нашему переднему краю «работали» вражеские гаубицы, пушки, минометы. Александр Ильич торжествовал, сотни снарядов где-то там перемешивали с землей и щепками позиции, а людей на них не было. Тысячи своих чертовых рейхсмарок фрицы тратили впустую. Но, видимо, боеприпасов у противника для массированных артподготовок уже не хватало, и вскоре на дороге со стороны Хотова появилось несколько артиллерийских танков и бронемшины с десантом автоматчиков. Колонна шла на предельной скорости в пыли и дыму прямо на хорошо замаскированные позиции курсантов, ведя хаотический огонь. На броне одного из танков был закреплен флаг со свастикой.

Огонь по нашему переднему краю, с которого ночью скрытно отвели 4-й батальон, продолжался, пока вражеские танки не приблизились к нему вплотную. Приданные курсантам пушки молчали. Немцы приближались к позициям все ближе и ближе. Родимцев начал волноваться, отчего молчат противотанкисты, если им давно уже надо было открыть огонь? Он потребовал от телефониста, чтобы тот срочно соединил с начальником штаба Борисовым, который так до сих пор и оставался у курсантов. Но вскоре неопределенность закончилась.

Когда до вражеской бронетехники оставалось буквально двести метров, по ней в упор грянул залп. Швейными машинками застрекотали пулеметы и автоматы, ставя послед-

ние «стежки» на судьбах очутившихся под огнем врагов. В эту стрекотню и хлесткие хаотичные выстрелы винтовок своеобразный четкий ритм вносили размеренные залпы «сорокапяток».

Один за другим замирали подбитые бронетранспортеры и танки, мотопехота вместе с экипажами горохом сыпалась вниз и металась, тщетно пытаясь найти укрытие. Родимцев насчитал семь замерших у позиций курсантов бронемашин. Остальные машины, пытаясь, выходили из боя. Десантников на их броне уже не оставалось.

Телефонист позвал Александра Ильича к аппарату, на том конце провода был командир бригадной школы курсантов старший лейтенант Г.Я. Михайлов. Взволнованным радостным голосом он доложил, что потери составили только трое убитых и девять раненых. Из-за интенсивного боя вскоре могли возникнуть проблемы с боеприпасами, требовалось обеспечить подвоз.

Родимцев похвалил курсантов за выдержку и пожурил для порядка за то, что так долго не открывали огня. Чтобы в следующий раз не зазнались, не перегнули палку и не подпустили противника слишком близко. Поскольку атаки на этом направлении могли повториться, для усиления он выслал курсантам группу автоматчиков с ручным пулеметом.

На левом фланге бригады на Пироговском направлении 1-й батальон отбил все немецкие атаки. Капитан Самчук доложил, что прорваться за передний край удалось только отдельным группам врага, которые уничтожались нашими контратаками.

Часть этих групп объединилась и попыталась ударить в тыл курсантам, уже успевшим к тому времени отразить атаку бронетехники противника. Но десантники перегруппировались и в результате окружили атакующих. Те начали спешно окапываться и постоянно выходить по радиации в эфир, прямым текстом без всяких шифровок прося помощи. Не дождалось. Спешно организованная немецкая атака, поддержанная пятью

легкими танками, была отбита пулеметами и огнем «сорока-пяток».

Позже те из этой группы, кто уцелел, на допросах единодушно показали, что, если бы сегодняшнее наступление удалось, они бы все получили по «железному кресту». А в случае отказа идти вперед им грозил расстрел.

Один из пленных, некий ефрейтор Иоахим Занге, был особенно подавлен. Командиру школы курсантов старшему лейтенанту Михайлову он рассказал, что является опытным солдатом, членом НСДАП и сыном крупного помещика. Он успел повоевать в Польше, Франции, Норвегии, лично убил много солдат противника. А его взяла в плен какая-то... «рус девка»!

То, что несчастный ефрейтор поведал далее, вскоре стало известно всей бригаде и, само собой, почти сразу по «сарафанному радио» дошло до Родимцева. Героиней рассказа оказалась Машенька из Мышеловки. Она успела перевязать шестерых десантников, двух из которых, тяжело раненных, дотащила до дороги, где их забрали другие санитары. Схватка уже почти затихла, когда Маша увидела, как два немца, последние из еще не сдавшихся, подняли руки вверх и пошли навстречу нашим солдатам. Те даже выбежали из-за деревьев, как вдруг плеткой хлестнули два винтовочных выстрела. Оба немца замертво рухнули в траву, десантники успели юркнуть обратно в укрытие. Девушка заметила пень, из-за которого стреляли. Она оббежала его по краю поляны, подобрала по дороге автомат, прежний хозяин которого валялся рядом мертвый, и стала осторожно подкрадываться к затаившемуся «снайперу». Каски на нем не было, видимо, потерял во время боя. Вскоре немец услышал сзади чьи-то шаги, обернулся, вскинул пистолет, который держал наготове, однако нажать на спусковой крючок уже не успел — Маша ударом приклада автомата выбила оружие из рук неудачливого вояки. Тот только и смог, что растерянно прошипеть: «Рус... девка?»

11.08.1941, старший краснофлотец, 1-й наводчик кормового орудия канонерской лодки «Верный» Петр Федорович Танана, 24 года

«Верный» шел вверх по Днепру к Черкассам. Расчеты держали затворы орудий открытыми, чтобы стволы и казенники быстрее остывали и можно было начать чистку. За время утреннего боя орудия сильно перегрелись, шаровая окраска стореда до грунтового сурика.

На устроенном после неудачной схватки совместном совещании командиров дивизиона, капитан-лейтенант А.З. Павлов решил отправить единственный исправный корабль обратно к Каневу, а двум поврежденным — оставаться на месте, поддерживая наши войска огнем, пока хватит снарядов. Терехин предложил организовать буксировку «Жемчужина» и «Передовой», но Павлов отказался, считая, что ремонтная бригада уже в пути, и лучше дождаться ее, отремонтироваться на месте и затем уже в исправном состоянии попробовать пробиваться к Кременчугу.

Историческая справка: После ухода канонерской лодки «Верный» обстановка возле монитора «Жемчужин» и канонерской лодки «Передовой» обострилась. Аварийная партия к кораблям так и не добралась. Вся команда, кроме комендоров, укрылась в окопах на левом берегу. Корабли выпустили по врагу весь имевшийся боезапас, затем по приказу капитан-лейтенанта А.З. Павлова команды сожгли их. Сгоревшие корабли сели на грунт, а команды пешком отправились в Золотоношу, откуда их машинами переправили в Киев.

По кораблю была объявлена готовность № 2, то есть все находились на своих боевых местах. Завтрак экипажу выдали сухпаем: печеньем и маслом, так как, по словам кока, кастрюли вражеские пули и осколки превратили в терки. Пока моряки насыщались, вдали показался причаленный у левого берега пароход-буксир с названием «Н.С. Хрущев», который длинным

толстым буксировочным канатом был соединен с баржей, наполненной бензином. С буксира усиленно семафорили флажками. Командир корабля старший лейтенант А.Ф. Терехин сначала не придавал этому особого значения, но, когда «Верный» подошел ближе, капитан буксира начал кричать в рупор: «Пойди к борту, расскажу положение».

Канлодка подошла, не швартуясь, к гражданскому судну, и пожилой капитан описал старлею ситуацию. Час назад он шел вверх по Днепру в районе деревни Бужин, и там его с правого берега обстреляли и попытались вынудить пристать и сдаться. Пароходу удалось развернуться и спуститься немного вниз по реке, но теперь капитан не знал, что ему делать. Терехин предложил капитану подняться вверх по течению вместе с ним, но тот опасался, что военные моряки со своим быстрым ходом бросят его при первой опасности. Тогда старлей настойчиво предложил старпому «Н.С. Хрущева», видному рослому мужику лет 40–45, перейти на «Верный», чтобы точно показать место, где пароход и баржа подверглись обстрелу. Тому ничего другого не оставалось, как подчиниться.

Началась подготовка канлодки к бою. Мешки с песком, закрывающие экипаж от осколков и пуль, перенесли к левому борту. На вахту заступила свежая смена кочегаров. Командир вызвал к себе в рубку военфельдшера Г.К. Тищенко-Мищенко и приказал тому выдать из судовых запасов всем, кто находится на открытых постах, спирт-ректификат. Тот долго не соглашался, но командир настоял на своем. Распределением спиртного занялся старшина фингруппы А.В. Рудой. Петру и всем остальным наводчикам главного калибра, как постоянно находящимся в полубашнях, спирт не полагался и не достался, а вот расчет старенькой 76,2-мм пушки Лендера и заряжающие смогли «заправиться». Это во многом предопределило исход последовавшего затем боя.

На полпути к Бужину старший радист корабля старшина 2-й статьи Ваня Глушко принял крайне подозрительную радиограмму, отправленную открытым текстом якобы штабом

флотилии: «Канонерской лодке «Верный» следовать в Черкассы. По пути в деревне Бужин принять на борт роту красной пехоты». Во флотилии радиogramмы никогда открытым текстом не передавались. Также никогда не использовалось выражение «красная пехота». Терехину было понятно, что это сообщение — немецкая дезинформация и по кораблю была объявлена боевая готовность № 1. Петр внимательно всматривался в берег и был готов в любой момент услышать команду «Огонь!».

«Н.С. Хрущев» не поспевал за «Верным», и тому приходилось периодически сбавлять ход. Кочегары так разогрели топки, что время от времени срабатывали предохранительные клапаны, стравливавшие излишний пар в воздух. Вскоре внимательные глаза моряков заметили в 5-6 километрах у правого берега на плесе шестерых купальщиков, принадлежность которых издали определить было сложно. При виде корабля и парохода с баржей они быстро оделись и очистили берег. Нервы у команды были натянуты до предела.

Берег у самого села загромождала наша сторевшая техника: грузовики, тракторы, подводы. Это говорило о том, что наши части отступили с правобережья и оно полностью контролируется врагом. Тут Петр увидел причаленную к берегу выкрашенную красной краской плавучую пристань с надписью «Канев», и ему стало не по себе. Рядом с пристанью стояли нагруженные доверху какими-то большими черными тюками шлюпки.

Терехин решил спровоцировать противника на открытие огня и приказал пулеметчику, краснофлотцу Петру Бондаренко, поступившему на корабль из приписного состава, дать очередь из ручного ДП поверх шлюпок. Тут же ожил весь берег. Огонь вели и из-за шлюпок, и с высокого берега. Немцы хорошо приготовились к встрече «Верного», но ход у того был быстрый, потому большая часть попаданий пришлась на кормовую часть, в которой находилась полубашня Петра.

Первым залпом комендоры корабля разнесли в щепки шлюпки, заставив утихнуть тех, кто укрывался за ними.

Затем искать на берегу свои жертвы начала корабельная шрапнель. Немецкие артиллеристы тоже били метко. Один из первых снарядов угодил в лобовую 80-мм бронеплиту кормовой полубашни. Башня качнулась, отчего валявшиеся на палубе стреляные латунные гильзы покатались и намертво заклинили поворотный механизм. Дело в том, что еще в самом начале войны моряков строго обязали собирать и сдавать по описи стреляные артиллерийские и винтовочные гильзы. Узнав о происшедшем, Терехин приказал выбросить все гильзы за борт. Тут же к полубашне бросился боцман Щербина в кожаных рукавицах. Гильзы полетели за корму, было видно, как они ложатся на чистое песчаное дно.

Только справились с одной бедой, случилась другая — 2-й заряжающий Тимофей Пивень замешкался и попал под откат орудия. Тяжелый казенник двинул его в грудь так, что моряк кубарем покатался по палубе. Егохватило только на то, чтобы еще раз зарядить орудие, а после заряжающий скорчился от боли. Его отправили в санитарную каюту, и 1-й заряжающий Ваня Тарковский остался один.

Орудие продолжало вести огонь, но вот расчет понес очередную потерю. Немецкий фугас разорвался, ударив в лобовой щит кормовой полубашни. Шальной осколок попал через амбразуру 1-го наводчика, и, срикошетив от стенки, впился в грудь 2-му наводчику Боре Садовскому. В горячке боя он сначала не заметил произошедшего, но затем внезапно побелел и стал валиться на свой штурвал горизонтального наведения. Петр увидел, как кровь у Бори потекла на палубу через ботинок, и он приказал ему отправляться в санчасть.

Новый снаряд попал в кормовой 500-кг шпиль и разнес его на куски, осталась только часть основания, удержанная двумя болтами, и пробоина в палубе над кормовым кубриком, площадью 2 на 1,5 м. Еще один снаряд угодил в лобовой щит полубашни. Он не пробил ее, но вывел из строя все приборы наведения и полуавтомат клинового затвора. Теперь экстракцию гильзы также приходилось проводить

вручную, что добавило работы Тарковскому. Он и так уже валился с ног, едва успевая подносить тяжелые 30-кг заряды к 102-мм пушке.

Еще несколько минут боя, и шальная пуля из крупнокалиберного пулемета попала в откатную часть орудия, оставив заусеницу, которая не давала орудию сделать полный откат и открыть затвор. Пока Петр дрожащими руками в спешке искал молоток и зубило, в полубашню заскочил везде успевающий боцман. Не пойми откуда взявшимся в его руках рашпилем он в несколько широких взмахов счесал заусеницу. Устранив неполадку, героический боцман встал к штурвалу горизонтального наведения, кормовое орудие заговорило вновь. Вскоре совершенно измордованный Тарковский, обессиленный, рухнул на палубу внутри полубашни, и тогда боцман Щербина подменил его. Чуть отдышавшись, заряжающий вернулся в строй.

А тем временем весь остальной экипаж продолжал вести бой. Огнем два раза с флагштока сбивало флаг, и каждый раз моряки водружали его на место. И шлюпку, и двухместный «тузик» смело со шлюпбалок напроць. От «четверки» остался лишь кусок форштевня. Наполовину снесло каюту механика, разворотило камбуз, но для живучести корабля все эти повреждения не представляли угрозы.

Хоть и не прикрытая бронещитом, продолжала огонь 76,2-мм старушка-зенитка. Установщик дистанционных трубок рулевой Коля Мышляев, который по тревоге приписывался к зенитке, наострился делать свою работу, лежа за мешками с песком. Но вражеская пуля нашла его и здесь, впившись в бедро. Однако зенитка продолжала вести огонь. Берег был так густо усыпан противником, что практически каждый выстрел находил себе жертвы. Вышел из строя зуб-выбрасыватель, расчет перешел на ручную экстракцию, при этом скорострельность зенитки не уменьшилась — это давал свои результаты «животворящий» спирт-ректификат.

На мостике, не останавливаясь, вели огонь пулеметчики. Бронирование боевой рубки составляло всего 20 мм, но, ви-

димо, в этот день провидение берегло команду «Верного». За время боя пулеметчику Бондаренко, который как заведенный строчил из своего ДП, две вражеские пули угодили в каску, оставив только вмятины. Третья попала точно по центру каски и пробила металл, но оставшейся энергии у нее хватило только, чтобы распороть кожу над бровью пулеметчика, сбив каску на затылок. После боя Терехин забрал каску к себе в сейф, объявив, что передаст ее командованию как самое яркое подтверждение пользы ношения нашими бойцами защитных стальных шлемов.

Наконец стрелка на циферблате прицела у Петра задрожала, побежала по кругу и остановилась на отметке «дробь». Это означало, что стрельбу следует прекратить, но расчетам оставаться на местах. Тарковский замертво упал на палубу. Испугавшись, Петр побежал в санчасть за фельдшером. Тот осмотрел обездвиженного заряжающего, который, казалось, даже перестал дышать, и успокоил окружающих, что это он просто находится в крайней степени физического истощения и скоро придет в себя. Неудивительно, за время боя орудие выпустило 195 снарядов. Тищенко-Мищенко оказался прав, спустя какое-то время заряжающий зашевелился и поднялся с палубы, но при этом его шатало, словно пьяного, хотя никто из расчета не получил ни капли спиртного.

Изрытое воронками побережье безмолствовало, только одна немецкая батарея, состоявшая из трех тяжелых орудий, расположенных у деревни на высотке рядом с маяком, продолжала вести по «Верному» огонь. Водяные столбы от попавших в реку вражеских снарядов вставали то справа, то слева по курсу корабля, постепенно загоняя его в классическую артиллерийскую вилку. Но на мостике переключивали руль то в одну, то в другую сторону, не давая немецким наводчикам пристреляться. В полубашню нырнул начальствующий над комендорами лейтенант Жигалов — он упросил Терехина дать ему возможность лично расправиться с назойливой батареей. Из носового орудия вести огонь было неудобно, поэтому командир БЧ-2 поспешил на ют в кормовую полубашню. Он приказал

Петру подавать снаряды, а сам встал за штурвалы наведения. «Верный» застопорил ход. Разрывы вражеских снарядов, пущенных с упреждением на ход корабля, легли далеко впереди по курсу, а вот первый же выпущенный Жигаловым снаряд лег аккуратно возле маяка. Лейтенант приказал: «Три беглыми!» Раскаленное 102-мм орудие одно за другим выплюнуло три 17,5-кг смертоносных осколочных фугаса... и над рекой окончательно установилась оглушительная тишина.

Долгий двухчасовой бой наконец-то закончился. От орудия несло горелой краской. На палубе постанывал обессиленный Тарковский. На берегу догорала разбитая немецкая техника, Петр только больших подбитых бронетранспортеров насчитал 15 штук.

В это время от левого берега отвалил и стремительно понесся наперерез «Верному» полуглиссер из числа захваченных у поляков в 1939 году. У Петра все оборвалось в груди, неужели немцы смогли форсировать Днепр. Он развернул башню в сторону приближающегося катера, навел орудие, сопровождая цель стволом с необходимым упреждением, и стал ждать команды «Огонь!». На глиссере заметили угрозу, сбавили ход и начали сигналить. На мостике сначала не могли понять, в чем дело, потом кто-то обернулся, глянул на ют и ахнул, увидев наведенное без команды орудие главного калибра. Тогда Терехин поднял ко рту рупор, и все напряжение недавнего боя, накопившееся в нем, излилось на Петра потоком отборного соленого военно-морского мата. Только тогда наводчик заметил над глиссером флаг, означавший какое-то высокое начальство флотилии, и успокоился, совершенно не обидевшись на командира.

На глиссере оказался прокурор военного трибунала ПВФ бригадный комиссар Кулаков. Он поднялся на палубу по спущенному переднему трапу. Командир «Верного», приложив руку к козырьку, попытался начать доклад, но комиссар оборвал его на полуслове: «Не надо докладывать, я все видел, вы настоящие герои. Садись и составляй обстоятельные списки, представляй людей к наградам».

**11.08.1941, заместитель командира
1-го батальона 5-й воздушно-десантной
бригады старший лейтенант
Михаил Семенович Минакер, 33 года**

Комбатство Михаила оказалось недолгим. Его небольшой отряд смог отбросить немцев, окопавшихся всего в 150 метрах от места, где закрепились десантники, к Красному Трактиру. Сказала свое веское слово «карманная артиллерия». Когда во вражеской траншее начали рваться связанные проводом ручные гранаты, немцы выскочили из нее и побежали. Они панически боялись ночного боя и рукопашной, и потому легко уступили горстке бойцов. К утру крошечному отряду удалось наладить связь, а затем прибыли новый комбат и комиссар, и Михаил смог снова вернуться к своим тыловым обязанностям. Когда он в штабе бригады доложил полковнику Родимцеву, что Мышеловка освобождена 1-м батальоном, тот не поверил, потому что был уверен, что подразделение погибло.

Историческая справка: Красный Трактир — историческая местность Киева. Первое упоминание как «трактир городской» датируется 1799 годом. На карте Киевицины 60-х годов XIX века указан как «Красный трактир митрополитанский» (рядом находилась митрополичья засека, а слово «красный» в старые времена было синонимом слову «красивый»). В конце XIX — начале XX веков являлся казенным хутором, насчитывавшим до 16 дворов. В послереволюционное время использовались названия: Красный Трактир, Красный кабак, Красное село. В конце 40-х годов прекратил свое существование, когда на его месте началось строительство республиканской выставки достижений народного хозяйства (ВДНХ), которая под названием Выставочного центра пребывает там и по сию пору.

В Мышеловке батальон не задержался. Его пополнили и двинули в наступление с общим направлением на Красный Трактир. Немцы, не выдерживая напора десантников, отступали, прикрываясь боевыми заслонами, которые превращали каждое отдельно стоящее строение в подобие блокауза. Так-

же «фрицы» оставляли так называемых «кукушек», которые, прячась за деревьями, вели по нашим солдатам прицельный огонь, стараясь посеять панику. Пока этих стрелков пытались обнаружить и нейтрализовать, поливая наугад окрестности огнем, те старались незаметно уйти, но далеко не всем и не всегда это удавалось.

Здесь Михаил впервые увидел, как работает медслужба их бригады. При наступлении десантники потеряли много людей ранеными, он специально вернулся, чтобы обеспечить их эвакуацию, когда увидел санитарную полуторку, несущуюся по дороге, невзирая на частые разрывы минометных мин.

Рядом с шофером сидел сам начальник медслужбы бригады военврач 2-го ранга И.И. Охлобыстин. Он помог погрузить раненых в кузов. Пока занимались этим, шофер успел рассказать, что по дороге их санитарную машину обстреляли «кукушки», и пришлось отстреливаться. В деревянных бортах машины в подтверждение его слов виднелись свежие следы попадания пуль.

Историческая справка: Иван Иванович Охлобыстин — отец известного российского сценариста и актера Ивана Охлобыстина — за бои в августе-сентябре 1941 года он был награжден Орденом Красного Знамени.

12.08.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Канонада совсем утихла, и практически перестали бомбить. С утра над Киевом появилось несколько немецких самолетов, зенитки постреляли по ним, и вновь все успокоилось. У людей сразу поднялось настроение. Ходили слухи, что немцы было захватили Сельскохозяйственный и Ветеринарный институты и даже прорвались через Голосеево на мотоциклах и с минометами на Демеевку, к фабрике Карла Маркса, даже на Байковое кладбище. Однако прорвавшихся окружили и уничтожили,

а верхний этаж ветинститута наши самолеты забросали зажигательными бомбами, теперь институты горят.

Раненых везли сотнями, легких отправляли в Центральную поликлинику, оборудованную под госпиталь, а тяжелых — на Пушкинскую.

Население день-деньской занималось добычей пропитания и зарабатыванием средств к существованию. Продажу продуктов начинали с 6:00, а к 10:00 покупатели уже все разметали, и продавцы оставались скучать за пустыми прилавками. За хлебом приходилось занимать очередь с 4:00 утра, а то и раньше. Озверевшие обыватели вперед не пропускали ни женщин, ни стариков, ни детей. Тех, кто пытался пролезть без очереди, беспощадно били. Киевляне злились, толкались, ругались и дрались. Интеллигентная публика, вроде Ирины, чаще всего оставалась ни с чем. Если начиналась бомбежка, очередь, словно тараканы, разбегалась и пряталась в разные стороны, а после окончания тревоги неразбериха только добавляла озлобленности.

Слухи о том, что хлебозавод прекратит выпечку хлеба, не подтвердились. Он, наоборот, даже увеличил ее, но хлеба все равно не хватало, так как горожане взялись массово сушить сухари. Кроме того, много хлеба начали покупать военные, которых нагнали полный город. Их бивуаки заняли все парки. Николаевский парк перед Университетом тоже заняла какая-то часть. Солдаты вытоптали всю траву, от чего парк преобразился до неузнаваемости.

12.08.1941, спецкорреспондент газеты «Красная Звезда» капитан Сергей Терентьевич Сапиго, 30 лет

Сергей и его друг Саша Шуэр сидели на грубо сколоченной лавке в штабе командира 28-го отдельного пулеметного батальона Ивана Евсеевича Кипаренко и слушали полный тра-

гических подробностей рассказ о боях, в которых батальон потерял, в основном пропавшими без вести, больше половины своего состава. Капитан аж светился изнутри. Еще бы, его батальон и его самого почтили вниманием журналисты центрального печатного органа Красной Армии, а это значит, что уже через несколько дней фамилии капитана и его подчиненных станут известны практически всей стране. Но журналисты привыкли к такому внимательному отношению к своим персонам, а потому не обращали на это особого внимания.

Сергею не сиделось, он ерзал на лавке и краем глаза поглядывал на телефониста, который, пока тщетно, вызывал гарнизон 205-го ДОТа. История, о которой им с Сашей посчастливилось узнать, «пахла» нешуточным, практически уникальным интервью. Оказалось, что среди ДОТов КиУРа есть целые подземные крепости со многими сотнями метров ходов, множеством пулеметов, установленных в бетонных бункерах. И вот одна из таких крепостей уже неделю бьется с врагом практически в полном окружении без подвоза продуктов и боеприпасов. И самое главное, к ней буквально вчера проложили телефонный провод, теперь можно было взять интервью у командира подразделения... геройского подразделения! Кому еще выпадала такая удача?

Капитан с сильным украинским акцентом что-то там продолжал бубнить, а Сергей не слушал его, напряженно глядя на телефониста. Наконец на том конце провода ответили, капитан взял трубку, предупредил своего подчиненного, лейтенанта Ветрова, что сейчас с ним будут говорить из газеты «Красная Звезда», и после этого передал трубку журналистам. Далее последовал диалог, который после без купюр продиктовали по телефону в редакцию:

«— Здравствуйте, товарищ лейтенант. С вами говорят корреспонденты “Красной Звезды”.

— Здравствуйте, товарищи.

— Сколько дней вы находились в окружении?

— Сегодня минуло пять суток.

— Расскажите об обстановке.

— Враг не прекращает попыток атаковать ДОТ. За эти дни мы уже отбили несколько атак. Наиболее сильная атака состоялась в первый день окружения. Враг подошел к ДОТу с двух сторон. Подпустив фашистов на близкую дистанцию, мы открыли пулеметный огонь, от которого немцы понесли большие потери. Несколько часов они подбирали убитых и раненых. Потерпев неудачу, фашисты выслали лазутчиков, которые предложили нам сдаться. Двух лазутчиков я лично пристрелил из винтовки. Тогда немцы повели по ДОТу артиллерийский огонь прямой наводкой. До сих пор не прекращается артиллерийская стрельба. За все время немцам удалось вывести из строя только одну амбразуру, и ту мы быстро отремонтировали. С тыла фашисты ведут пулеметный огонь по двери ДОТа, бросают гранаты. Древесно-земляное укрытие у входа разрушено. Прямым попаданием в ДОТ оглушены три бойца, но они не вышли из строя.

— Как чувствует себя гарнизон ДОТа?

— Настроение у всех твердое. Будем драться до последнего патрона и ДОТ не сдадим. А вообще-то у нас весело. В гарнизоне есть замечательный запевала пулеметчик Нетунский. Сегодня мы пели хором «Раскинулось море широко». Но мы немного изменили песню. Слова «Товарищ, не в силах я вахту держать» мы переделали так: «Товарищи, в силах мы вахту держать»... Вчера по инициативе заместителя политрука Рыбакова был выпущен гарнизонный «Боевой листок».

— Расскажите о его содержании.

— Я вам прочитаю несколько строк из статьи «ДОТ не сдадим»: «Мы окружены врагом, мы внешне оторваны ото всех, но внутренне чувствуем неразрывную связь со всем близким нам, дорогим. Верим в победу над врагом и ДОТ не сдадим. Будем биться до конца». Скажу от себя лично, что боеприпасов у нас хватит надолго.

— Как же у вас обстоит дело с питанием?

— С питанием мы тоже протянем. Сейчас экономим продовольствие, каждый получает по одному сухарю в день.

— Кто особенно отличился при обороне ДОТа?

— У нас не оказалось колеблющихся и маловеров. Все хорошо выполняют свой долг перед Родиной и дерутся с врагом так, как учит нарком обороны товарищ Сталин.

— До свидания, товарищ лейтенант. Передайте привет гарнизону от редакции “Красной Звезды”.

— Большое спасибо. Гарнизон выполнит свою задачу до конца».

12.08.1941, командир 5-й воздушно-десантной бригады полковник А.И. Родимцев, 36 лет

Александр Ильич сидел в штабной землянке на нарах, которые сколотили умелые руки разведчиков из роты капитана Питерских, и тер ладонями усталое лицо. День выдался тяжелым, как и все эти дни боев. Он начался бомбардировками позиций бригады. Родимцев еще по Испании помнил тактику немецких бомбардировщиков, когда те выстраивали в небе круг, из которого один за другим самолеты пикировали вниз почти до самой земли, сбрасывая свой смертоносный груз и «поливая» окопы огнем из пулеметов и пушек. Наших истребителей видно не было, поэтому одна группа вражеских бомбовозов спокойно сменялась другой, и они так в течение получаса беспрерывно «висели» над передним краем. Самолеты наконец убрались на свои аэродромы, и началась непродолжительная артподготовка. А затем в атаку снова, как и вчера, пошли вражеская пехота и бронетехника.

1-й и 4-й батальоны были обескровлены предыдущими боями, и возникало сомнение, смогут ли они выдержать очередной накат немецких сил. В ротах, начавших воевать вечером 8 августа, людей оставалось от половины до трети. Во второй линии в резерве, конечно, оставались еще 2-й и 3-й батальоны, но Родимцев приберегал их для наступления, в которое бригада должна была перейти со дня на день. С КП было хорошо видно, как пулеметчики выставляли на бруствер пулеметы, ар-

тиллеристы выкатывали из укрытий свои «сорокапятки». Открыли огонь автоматические винтовки, к ним присоединился размеренный перестук пулеметных очередей, заработали пушки... и вот уже немецкие цепи где залегли, а где и навсегда вросли в землю. Задымился и завертелся на одном месте танк. Следом за ним загорелся второй. Какой-то бронетранспортер попытался объехать застывшую бронированную машину, но съехал в канаву, да там и застрял.

Немецкий офицер, размахивая пистолетом, пытался гнать вперед замешкавшихся пехотинцев, но чья-то меткая пуля швырнула его на землю. Теперь чувству самосохранения, дававшему о себе знать, ничто не мешало взять верх, и солдаты в мышинных мундирах пустились наутек. Очередная атака противника была отбита. Только перед позициями курсантов немцы оставили в этот день убитыми до четырехсот человек.

В землянку заглянул капитан Питерских. Он доложил, что, по полученным разведданным, немцы перед позициями 1-го батальона переходят к обороне — роют окопы и ставят проволочные заграждения, минируют местность. Александр Ильич позвал телефониста и попросил соединить его со штабом 147-й дивизии.

Полковник Потехин обрадовался услышанному и приказал, чтобы десантники готовились к наступлению. Пришло время вводить в бой два остававшихся в резерве батальона.

12.08.1941, рядовой 1-го стрелкового батальона 1045-го стрелкового полка 284-й стрелковой дивизии Никифор Иванович Безверхий, 30 лет

Никифор Иванович сидел на дне окопа и курил самокрутку. За последние три дня он устал так, как, наверное, никогда не уставал за всю свою жизнь. Его мобилизовали как резервиста

из родной Каменки и отправили в Ромны, где неподалеку от городка в лесу формировался их полк. В конце июля часть перебросили в Овруч. Их батальон занял оборону в лесу за городом в районе лесничества, но затем в спешном порядке полк погрузили обратно в вагоны, и уже 8 августа они оказались в Киеве.

Солдат расположили в одном из самых живописных мест города — в ботаническом саду имени Фомина. Никифор Иванович никогда не видывал такой красоты и не подозревал, что она бывает. В центре Киева в живописном овраге, раскинувшемся сразу за большим темно-красным зданием университета, ему открылся сказочный парк с замшелыми валунами, большими оранжереями, аккуратными дорожками, диковинными растениями, которых досель не доводилось встречать.

Где-то совсем рядом вела огонь гаубичная батарея, а бойцы среди всей этой красоты ели, передевались, приводили себя в порядок. Затем их вывели из парка, построили в колонну, и солдаты отправились вниз по бульвару Шевченко к Бессарабскому рынку, а оттуда — направо по улицам Красноармейской и Большой Васильковской до Сталинки. Здесь, в месте, где Большая Васильковская делала плавный поворот под 90°, их полк и начал окапываться. Тут и заночевали. Немцы обстреливали позиции из пулеметов и минометов. Бойцы изредка отвечали винтовочным огнем. Иногда в ответ по вражеским огневым точкам огрызались наши пулеметчики и артиллерия. А утром 9 августа полк пошел в атаку, и началась одна сплошная кровавая каша.

Историческая справка: Сталинка — довоенный Сталинский район Киева. Сегодня больше распространено его дореволюционное название — Демиевка. Так называлось присоединенное в сентябре 1918-го года к Киеву находившееся на этом месте село. Центр современной Демиевки — Демиевская площадь, на которой в наше время расположен Центральный автовокзал, одноименный рынок, быв. кондитерская фабрика имени К. Маркса (современная компания «Рошен»).

Здесь же возвышается главный корпус Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского.

В первый день их батальон дошел до общежития, находившегося по левой стороне дороги, вдоль которой они наступали. Возле него вповалку лежало множество трупов наших солдат. Какой-то хитрый фриц залез в канализационный люк и, периодически приподнимая крышку, вел из этого своего укрытия автоматный огонь. Многих собравшихся на изгибе асфальтной дороги наших солдат он таким образом скосил. Но и сам вскоре оказался убит.

Потом были бои в Голосеевском лесу. Немцев поддерживали артиллерия, авиация, пулеметы и минометы... особенно минометы. У наших же частей с поддержкой было все очень плохо. Плохо было и с разведкой. Стрелки подымались в атаку с криками «Ура!», «За Сталина!», бросались вперед и тут же напарывались сначала на губительный огонь пулеметов, которые скашивали первые ряды атакующих, а затем минометы добивали тех, кто успел залечь. Батальон нес страшные потери.

А здесь, в Китаево, возле Института садоводства, их батальон лег практически полностью. Им приказали взять Китай-гору, на которой закрепились немцы, и они полезли вверх практически на четвереньках на неподавленные огневые точки. Тут же бойцов накрыло автоматным, пулеметным и минометным огнем. В результате из всего батальона уцелело 16 человек.

Никифор Иванович сделал последнюю затяжку, табак в самокрутке кончился. Он еще раз попытался затянуться, в надежде, что где-то там в недрах любовно скрученной бумажной трубки еще осталась крупинка ароматного терпкого блаженства, но все было напрасно. Выбросив уже ненужный раскисший от слюны клочок бумаги, солдат укрылся шинелью и попытался заснуть, отгоняя от себя тяжелые мысли. Подходило время его дежурства и надо было выспаться, ведь завтра наверняка снова отправят в бой.

12.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года

С вводом в действие 284-й стрелковой дивизии (сд) сопротивление немцев наконец-то было сломлено. Удалось занять Гатное, отряд Матыкина и 284-я сд окончательно овладели Мышеловкой. В районе Юровка бойцы 175-й дивизии деблокировали ДОТ № 205, который оборонял гарнизон лейтенанта Ветрова. 5-я и 6-я вдбр, освободив Красный Трактир, вели бои в районе Хотова и Новоселок, а подразделения 284-й и 147-й сд пытались выбить врага из Пирогова. 206-я сд освободила Теремки. По показаниям пленных, командование немецкого 29-го пехотного корпуса, атаковавшего Киев, отдало приказ об отводе своих передовых подразделений, видимо, для выравнивания фронта и уплотнения своих порядков.

Историческая справка: 12 августа 1941 года вышла Директива Гитлера № 34, дополнение к которой гласило: «Наступление на Киев приостановить. Как только позволят возможности подвоза боеприпасов, город должен быть разрушен бомбардировкой с воздуха».

Командование 37-й армии решило часть своих сил, а именно 147-ю сд, 5-ю и 6-ю вдбр, вывести в армейский резерв в районе Хотова и совхоза Феофания. Все эти новости омрачала ситуация, сложившаяся южнее Юго-Западного фронта. В районе Умани вермахту удалось окружить и разгромить сразу две армии, еще недавно подчинявшиеся М.П. Кирпоносу: 6-ю генерал-лейтенанта И.Н. Музыченко и 12-ю генерал-майора П.Г. Понеделина. Нужно было срочно прикрывать войсками, которых не хватало, левобережье Днепра, чтобы препятствовать его форсированию.

Когда Иван Христофорович окончил доклад командующему фронтом М.П. Кирпоносу и начальнику штаба В.И. Тупикову, те, почему-то улыбаясь, переглянулись. Баграмян смотрел на них, не понимая, чему можно радоваться в такой тяжелый момент. Наконец, не затягивая чрезмерно интригу, Михаил

Петрович пожал Баграмяну руку и поздравил с присвоением звания генерал-майора. Он так и сказал, что в полку советских генералов прибыло. Василий Иванович также присоединился к поздравлениям и заметил, что, как только позволят обстоятельства, это дело надо будет обмыть.

13.08.1941, рядовой 2-го взвода 1-й роты истребительного батальона Кировского района города Киева Владимир Николаевич Покотило, 17 лет

Он несся во весь дух, тяжело дыша. Казалось, что бежать мешают все, и тяжелая неуклюжая винтовка, и неудобные, с каждым шагом словно тяжелеющие яловые сапоги. А сзади слышалось тарыхтение пулемета, громкие винтовочные выстрелы и хлопотливый, словно работают сразу несколько швейных машинок, стрекот автоматных очередей. Пули свистели над головой, справа, слева, а он несся, словно сдавал самую важную в своей жизни «стометровку». На самом деле так оно и было. Один точный выстрел, и молодая, едва начавшаяся жизнь закончится. Послышался нарастающий свист приближающейся минометной мины. Володя рухнул на землю и прикрыл голову руками. Мина разорвалась метрах в пятнадцати от него, боец вскочил и припустил еще быстрее. Вот наконец и спасительный лес. Володя рухнул в густую траву и, прикрытый ею, быстро пополз за ближайший кустарник.

За последние дни Володя несколько раз ходил со своими товарищами из группы старшины Тесельмона в разведку, и каждый раз все заканчивалось более-менее хорошо. Но сегодня им не повезло. Группе приказали разведать позиции противника в селе Пирогов — южном пригороде Киева. Они отправились рано утром прямо вдоль дороги, ведущей из Киева в это самое трижды проклятое село. Стояла глубокая утренняя тишина, страшно пугающая тем, что только накануне здесь шел тяже-

лый кровопролитный бой. Разведчики спустились в придорожный кювет и с опаской приблизились к ближайшим жилым строениям.

Чтобы избежать засады, они решили зайти не в крайнюю, а в третью слева от дороги хату. Должикова старшина направил в сад, в который выходила часть окон. К дверям направились Тесельмон и Володя. С фасада их прикрывали Клиндук и Турчинский. Неожиданно открылась дверь и навстречу разведчикам на порог вышла хозяйка хаты. От неожиданности и испуга она окаменела. Тесельмон, еле шевеля губами, не произнес, а практически обозначил вопрос: «Немцы есть?» Женщина только мертвецки побледнела, по всему ее виду было понятно, что есть.

Тогда старшина отодвинул хозяйку в сторону, проник в коридор и сильным ударом ноги распахнул дверь в комнату. Из-за его плеча Володя увидел стоявшего посреди комнаты здорового немца, который головой едва не касался потолка. Увидев разведчиков, он тут же, не мешкая, «щучкой» выпрыгнул в окно, высадив его вместе с рамой. От такой скорости врага Должиков на какую-то секунду растерялся, и немцу вполне хватило этого времени, чтобы быстро исчезнуть за деревьями растущего рядом сада.

И тогда Должиков допустил страшную ошибку, которая стоила ему жизни. Он выстрелил. Один-единственный выстрел вдогонку неуловимому немцу, и с противоположной стороны дороги тут же по дому открыл огонь немецкий пулемет. Пригибаясь, Тесельмон, а следом за ним и остальные разведчики выскочили из Пирогова по кювету. Но дальше, чтобы добраться до спасительного леса, надо было преодолеть двести метров открытого пространства. Они стали последними для Тесельмона, Должикова и Клиндуга. Кроме Володи, еще только Турчинский смог добежать до деревьев и заползти за те же заросли кустов. Отдышавшись, они отправились обратно. На следующий день выживших включили в другую разведывательную группу.

**13.08.1941, рядовой 1-го стрелкового
батальона 1045-го стрелкового
полка 284-й стрелковой дивизии
Никифор Иванович Безверхий, 30 лет**

Они лежали недалеко друг от друга, чтобы не терять из виду, 30 или 40 человек — все, что осталось от тех 300, что пошли в атаку утром. Стоял туман, поэтому от опушки леса, где накапливался их батальон, до оврага, в котором были немцы, добежали с небольшими потерями, но вот потом...

Немцы подождали, пока они доберутся до оврага, и ударили по опушке леса из массы орудий и минометов, отсекая им путь к отступлению и возможность поддержки резервами. В овраге была рукопашная, потом они под шквальным огнем карабкались из него наверх по противоположному южному склону. Немцы не выдержали напора и отступили, а они продолжали их атаковать, еще не понимая, что от батальона осталось едва ли десятая часть и поддержку ему никто не оказывает — все остальные силы так и остались на опушке.

Преследуя немцев, ворвались на западную окраину Пирогова, окопались, и вовремя, потому что началась контратака. Все в грязи, в крови, в изодранной одежде, в ботинках с серыми от грязи и пыли обмотками, со стороны они наверняка производили страшное впечатление. Но в тот момент их это не волновало. Им очень не хватало автоматического оружия, гранат, поэтому все старались раздобыть трофейные автоматы или винтовки, считали и долго выверяли каждый выстрел. В конце концов подмога пришла, но батальон опять выбили почти полностью. Уже потом, в госпитале, Безверхий подсчитал, что за последние дни в общей сложности участвовал почти в полусотне таких атак, которые почти всегда заканчивались одним и тем же — большую часть людей теряли ранеными и убитыми.

14.08.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Ирина опять склонилась над дневником. Вечерело, было полдесятого, зенитки только-только закончили стрелять. Вчера целый день была тишина, и вот, пожалуйста.

Настроение у нее было приподнятое. Совсем неожиданно она получила работу. Сегодня Ирина случайно зашла в библиотеку, и как раз в то время, когда ее уже хотели разыскивать. Ф.М. Чекалов, исполнявший обязанности директора библиотеки, порекомендовал ее в Академии на должность заведующего магазином Академкниги, и кандидатуру Ирины утвердили. Она сомневалась, справится ли, но ей выдали ключи и сказали прийти завтра по указанному адресу принимать «хозяйство». Магазин стоял совершенно заброшенным и забытым, полтора месяца его никто не открывал и даже не заглядывал.

Когда Ирина, усталая и довольная, возвращалась домой, она осознала, как тяжело нынче в Киеве получить работу. По дороге ей встретилось человек двадцать знакомых, которые просили устроить их кем угодно и куда угодно, лишь бы работать и получать зарплату.

14.08.1941, командир 5-й воздушно-десантной бригады полковник А.И. Родимцев, 36 лет

Александр Ильич кемарил, лежа на лавке прямо в блиндаже штаба, когда дежурный телефонист осторожно потряс его за плечо. Заспанными глазами Родимцев посмотрел на него, тот, словно в оправдание, кивнул в сторону аппарата. Телефонист сказал, что полковника срочно вызывает из 4-го батальона начштаба бригады майор Борисов. Вроде бы там потеряли сразу целую роту. Сон как рукой сняло. Родимцев почти в один прыжок подскочил к телефону, рывком подхватил со стола трубку.

На том конце немного взволнованный, но, как всегда, деловитый голос Борисова стал излагать суть произошедшего. После артиллерийской подготовки группа немцев человек в 30–40 подняла руки и направилась в сторону наших позиций с явным намерением сдаваться. Командир батальона капитан А.Г. Никифоров, только недавно переведенный с должности адъютанта командира 212-й воздушно-десантной бригады, тут же поднял ближайшую к немцам роту в атаку. Однако когда солдаты приблизились к сдающимся, с флангов и по десанникам, и по немецким солдатам, стоящим с поднятыми руками, ударили пулеметы. Так как огонь велся практически в упор, а местность была открытая, спастись удалось немногим. Все последующие атаки на этом участке ни к каким результатам не привели. Рота погибла практически полностью, а сам капитан получил тяжелое ранение.

С начала боев бригада понесла большие потери — 145 человек командного и политического состава и 1164 рядовых бойца, треть численности. Оставшиеся в строю были вымотаны неделями тяжелых боев и морально, и физически.

14.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ генерал-майор И.Х. Баграмян, 43 года

Войска 37-й армии продвигались вперед, на юг, но крайне медленно. 175-ю стрелковую дивизию (сд) 13 августа вновь отбросили от Юровка, и она вела бои на рубеже Белогородка — южная окраина Тарасовки — северная окраина Юровка. 206-я стрелковая дивизия уперлась в Чабаны, где немецкие подразделения успешно отбивались, используя отдельные захваченные ими ДОТы КиУРа.

147-я сд и 6-я вдбр вышли на восточные и южные окраины Новоселицы, 5-я вдбр, преодолевая упорное сопротивление противника, который периодически контратаковал десантни-

ков, к исходу дня заняла рубеж дорог Хотов, совхоз Феофания, хутор Феофания.

284-я сд медленно продвигалась вперед и заняла лес юго-западнее Пирогова. Правее обескровленная 2-я вдбр занимала Мышеловку и северные окраины Пирогова.

Во втором эшелоне расположилась недавно прибывшая свежая 295-я стрелковая дивизия. Туда же отвели ополченцев, которые потеряли до 10% убитыми, но не всех. Часть влили в обескровленные боями регулярные части. Штаб 37-й армии готовил новое наступление, планируя выровнять фронт по 1-й линии обороны КиУРа.

15.08.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Утром Ирина была возле магазина. Пришел представитель от Академкниги, они вместе отперли дверь и вошли. В магазине царил страшный беспорядок, книги почему-то грудями лежали на полу, и их уже успела немного припорошить серая пыль. Никакой инвентаризации, как ожидала Ирина, и подписания каких-то бухгалтерских документов не последовало. Представитель просто сказал ей, чтобы она расставила все, навела порядок и начинала работать, после чего ушел. Ирина все-таки попросила его организовать со временем переучет.

Она целый день возилась с книгами, разбирая их и расставляя на полках по тематикам. Здесь были роскошные антикварные книги, только сильно переоцененные. С началом войны только продукты и товары первой необходимости страшно подскочили в цене, все остальное очень сильно потеряло в стоимости.

Большая часть ассортимента была издана Академией наук, хотя попадались и книги Института Богомольца, и даже очень интересный труд Татьяны Сергеевны Пассек о трипольской культуре, изданный Институтом истории. Никакой описи

Ирина не обнаружила, поэтому переучет проводить не имелось возможности. Надо было заново все составлять.

Погода стояла хорошая — теплая и солнечная, на улице весело щебетали птицы, самолеты не летали. На базарах торговки всю торговали зеленью и вишнями, а Ирина занималась любимым делом — перебирала книги. Она была счастлива.

15.08.1941, заместитель командира ополченского бронепоезда «литер А» Константин Артемьевич Арефьев, 26 лет

Костю вызвали в политотдел управления Юго-Западной железной дороги. Арефьев думал, что ему хотят объявить благодарность — после эвакуации авиационного имущества из Жулян экипаж «литера А» провернул похожую операцию на станции Пост-Волынской. Только имущество они в этот раз эвакуировали несколько другое: три вагона с моторами и несколько вагонов с котлами, военными кухнями и др. Трудность заключалась в том, что на данном пути все стрелки переводились путем автоблокировок, а линия немцами, захватившими станцию, была обесточена. Потребовалось много времени, чтобы вручную разобрать все замки и каждую стрелку перевести вручную. Но группа, которую возглавил Костя, с этой задачей справилась. Бронепоезд влетел на станцию, поливая окрестности пулеметными очередями и шрапнелью. В считанные минуты вагоны зацепили и вытащили на нашу сторону.

Однако Костя ошибся. В кабинете, где его встретили парторг ЮЗЖД Смирнов и секретарь ЦК Украины по транспорту А.С. Николаенко, без обиняков и хождений вокруг да около Косте как коммунисту предложили остаться в подполье в случае, если Киев будет сдан. Арефьев тут же согласился, попросив, чтобы дали адреса явочных квартир подпольщиков его группы, снабдили документами.

Все это он получит через несколько дней. В справке, выданной Косте, его личность предстанет в самом неприглядном свете, что наверняка позволит захватчикам считать его человеком, крайне обиженным на советскую власть.

15.08.1941, командир 5-й воздушно-десантной бригады полковник А.И. Родимцев, 36 лет

Наступление 14 августа началось почти в полдень. Сначала в 11:20 загрохотала десятками стволов артиллерийская подготовка. Немцы не ожидали такого сюрприза, они были уверены, что русские слишком измотаны предыдущими двумя неделями тяжелых боев и не способны на новые наступления. Их оборонительные позиции еще не были толком подготовлены, и поэтому, когда десантники пошли в атаку, вражеские пехотинцы сопротивлялись недолго и бросились бежать. В окопах и траншеях осталось множество саперных лопаток и другого шанцевого инструмента. В результате десанникам бригады удалось ворваться на северо-западную опушку леса совхоза, расположенного в Феофании.

Уже четыре дня противник отступал от Киева, выравнивая фронт, огрызаясь контратаками и прикрываясь небольшими заслонами из автоматчиков, которые вели огонь из засад. Бригада несла чувствительные потери, но медленно и уверенно все эти четыре дня продвигалась вперед в общем направлении на село Новоселки.

Поздно вечером Родимцев заехал на КП 147-й дивизии. Полковник Потехин был радушен и весел как никогда. К удивлению Александра Ильича, он с ходу поздравил его и, вдоволь насладившись вызванной растерянностью, сразу же пояснил. Оказывается, в расположение дивизии прибыл дивизион артиллерийских установок совершенно новой, неведомой ранее системы колоссальной разрушительной силы. При ведении огня снаряды этих установок производили страшный шум,

поэтому требовалось предупредить десантников, чтобы они знали — огонь будет вестись по немцам и бойцам ничего не угрожает.

Ночью, когда отброшенный назад противник уже начал окапываться, дивизион дал первый залп. Его результаты превзошли все самые смелые ожидания. В лесу среди деревьев словно разверзся кратер вулкана. Даже предупрежденные десантники были в смятении от зрелища огненных стрел, со страшным ревом несущихся через их головы на позиции неприятеля. Что уж говорить о самих немцах, для которых неожиданное наступление русских вдруг закончилось настоящим адом.

Десантники и обескровленные подразделения 147-й дивизии вновь, в который раз перешли в наступление и наконец-то смогли окончательно вышвырнуть врага из Голосеевского леса. Но далеко их погнать не получилось — чтобы прорвать вторую линию вражеской обороны, людей в батальонах оставалось слишком мало. Десантники начали окапываться на отбитых у противника позициях.

15.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ генерал-майор И.Х. Баграмян, 43 года

Наступление войск 37-й армии выдохлось. 175-я и 206-я стрелковые дивизии (сд) вновь вышли на северные и западные окраины Юровка, северную окраину Веты-Почтовой, но дальше продвинуться уже не могли. Противник продолжал удерживать Юровку, Хотов, Вету Литовскую. Бои шли в Чабанах и на подступах к Пирогову.

Части оказались обескровлены. 206-я сд потеряла около 75% активных штыков, 147-я сд — еще больше. Воздушно-десантные бригады «похудели» на треть, их личный состав был измотан боями.

Командование решило остановить наступление. В 22:30 по 37-й армии был отдан приказ на переход к обороне рубежа Тарасовка, восточные и северные окраины Юровка, Чабаны, Новоселицы, Пирогов. Приказывалось произвести инженерные работы по оборудованию окопов полного профиля, завалов, проволочных заграждений, оборудованию НП и КП, артиллерийских позиций.

16.08.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Город был полон самых невероятных слухов. Говорили, что тяжелые бои гремят от Черного моря до Ледовитого океана, что из Василькова никак не могут выбить немцев, а Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре эвакуируют.

В Киеве стояла тихая штилевая погода, дым из труб КРЭС, которая находилась на Рыбальском острове, поднимался отвесно вверх. Улицы окутала страшная липкая жара, в которой, казалось, не летели, а плыли самолеты... бесконечные самолеты. Но разрывов бомб сегодня почти не было слышно. Женщины во дворе все время убегали из сада со своим вышиванием в парадное, а потом возвращались обратно.

Магазин все более приобретал достойный вид, Ирине помогали в нем подруги. Женщины, присланные из Академкниги, заканчивали переучет.

16.08.1941, политрук 1-й роты отдельного разведбатальона Киевского комсомольского полка Марсен Михайлович Векслер, 17 лет

Где-то в полдень его вызвал к себе командир и дал задание. Марсен взял 10 человек, они сели в машину и поехали в сторону Жулян.

Мимо мелькали места недавних боев. Саперы рыли могилы, кругом лежали трупы людей и лошадей, валялось оружие, подбитые грузовики, пушки, танки, разваленные хаты, многие из них еще тлели и дымились. Машина довезла их до того места, где всего неделю назад батальон попал в окружение. Но тогда было ранее утро, шел дождь, и они с трудом только по отдельным ориентирам смогли опознать эту местность.

Ребята пошли по знакомой ложбине вдоль железной дороги. Вот и минометная воронка. Она широкая и глубокая — сюда попало сразу несколько мин. Там лежали тела убитых товарищей, но... 8 августа был сильный дождь, затем стояла жара. Трупы почернели, распухли, начали разлагаться. От трупного сладковатого смрада першило в горле, накатывали позывы к рвоте. Узнать кого-то было просто невозможно, и ребята, преодолевая отвращение, начали обшаривать карманы убитых.

Они собрали погибших, тех оказалось более двадцати. Тела сложили у минометной воронки, в это время Марсена позвали. В трехстах метрах от того места, где он стоял, двое из его группы возились еще над одним трупом, их лица выражал ужас. Оказалось, что этот «труп» не труп — он еще жив. Это был тяжелораненый живой человек, который не мог двигаться и не был похож на человека. Он лежал на этом месте несколько дней, распух, почернел, но зеркальце, приставленное к его рту, покрылось едва заметной испариной.

Раненого положили на машину и отправили в тыл, после чего Марсен вернулся к тому месту, где находились погибшие. Ребята расширили воронку, выровняли дно, превратив ее в братскую могилу. Все молчали. Им удалось найти и тело комбата, который погиб тогда же, 8 августа. Теперь его замещал начальник штаба.

Когда машина вернулась, они молча загрузили покойного комбата в кузов. Остальных ребят похоронная команда уложила в могилу и выстроилась кругом. Марсен сказал короткую речь, вытащил из кобуры наган. Девять винтовок поднялись в воздух. Короткий хлесткий залп разрезал тишину, и они начали зарывать яму. На кирпиче — оставленном ими единственным

памятнике, оставленном ими, химическим карандашом кто-то из ребят написал: «Вы были достойными носителями традиций Киевского комсомола, славные потомки трипольских героев». Затем кирпич уложили сверху на могилу и присыпали землей.

Вечером в Святошино прошли похороны командира их батальона, от которого за десять дней боев осталось всего 20 человек. С последним словом выступил комиссар, затем — Марсен. От имени комсомольцев он попрощался с «батей», дал клятву, что дело, за которое боролся и погиб комбат, за которое погибли их боевые товарищи, будет доведено до конца.

17.08.1941, заместитель командира ополченского бронепоезда «литер А» Константин Артемьевич Арефьев, 26 лет

Костя осторожно выглянул из-за укрытия и посмотрел в бинокль на расположение батареи. Немцы занимались своими обычными утренними хлопотами — кто-то умывался, кто-то брился, кто-то зашивал в одежде прореху. Он глянул на часы, с минуты на минуту бронепоезд должен был начать обстрел. Свист снарядов, разрывы. Наконец-то!

Их с началом спада накала боев 12 августа перебросили обратно на железнодорожную ветку Киев — Тетерев. По особому заданию ЦК КП(б)У за линию фронта забрасывались партизанские отряды, и «литер А» перевез в тыл противника около 700 человек.

16 августа, когда бронепоезд возвращался с задания, его обстреляли на перегоне Тетерев — Спартак. Вспышки выстрелов дали возможность засечь местонахождение батареи врага. Под покровом ночи Костя с группой разведчиков пробрался в тыл немецкой батареи и уточнил ее расположение. Теперь, когда немцы были заняты делом, вели с бронепоездом дуэль, настал их черед действовать. Разведчики дали своим радиосигнал, чтобы те прекратили огонь и сменили дислокацию, разобрали заранее подготовленные связки гранат и, тихонько подкрав-

шись к минометчикам, батарея которых лупила в белый свет, как в копеечку, забросали противника гранатами.

Все, можно было ехать дальше.

17.08.1941, рядовой 2-го взвода 1-й роты истребительного батальона Кировского района города Киева Владимир Николаевич Покотило, 17 лет

Прошло всего десять дней, а Володя уже чувствовал себя бывалым солдатом. Чего только не пришлось ему пережить за эти дни, например психические атаки немцев, которых сметал огонь комендоров с кораблей Пинской флотилии и артиллеристов ополченских бронепоездов. Были случаи переодевания немецких солдат в женскую одежду. А один раз фрицы собрали толпу женщин, стариков и детей и погнали их прямо перед собой, безнаказанно ведя огонь из-за спин. Кто-то падал на землю, пытаясь таким образом избежать смерти, но таких немцы сразу убивали. Кто-то кричал в отчаянии: «Не жалейте нас, стреляйте гадов!» Кончилось тем, что ополченцы бросились врукопашную, и пленных в этот день никто не брал.

Наступление их батальона на Пирогов закончилось штыковой атакой, после которой, солдаты обеих сторон откатились на исходные позиции и начали окапываться. В результате посреди не очень широкого поля остались лежать 200–250 трупов, которые под жарким августовским солнцем быстро посинели и разбухли. Сначала это беспокоило не сильно, но уже на следующий день над полем стоял густой смрад разлагающейся плоти, от которого першило в горле и выворачивало пищевод наизнанку.

С нашей стороны на уборку трупов направили гражданское население, но немцы открыли по этим людям огонь. Немного спасало, что ветер дул в сторону немцев, но все равно солдатам, углублявшим свои окопы и рывшим ходы сообщения,

приходилось смачивать разные тряпки водой и обматывать ими лица, чтобы хоть чуть-чуть облегчить свое положение. Похоже, у немцев ситуация была не лучше. По крайней мере, когда Владимира и еще нескольких бойцов с вилами в руках вместо винтовок, с подводами и возницами отправили на поле, по ним с той стороны уже никто не стрелял.

От солдат перед этой операцией на построении потребовали собирать у погибших документы, и они честно пытались это делать, но разложение тел достигло уже такой степени, а вид обезображенных гниением лиц был настолько ужасен, что вскоре бросили эту затею. Вонь стояла такая, что несчастных людей рвало до зелени, до полного изнеможения. Но все равно они продолжали по двое — по трое подхватывать трупы на вилы и укладывали: немцев на одни подводы, своих — на другие. Наконец остался только один здоровенный немец, которого все старались обойти стороной.

Огромный, синий, раздувшийся, он полусидел-полустоял, потому что упасть ему не давала винтовка, штык которой вошел мертвецу в живот, а приклад уперся в землю. От предсмертной боли его лицо обезобразил звериный оскал. Когда он один остался на поле, два бойца подошли к нему сзади, повалили вилами на землю и закинули на подводу. Все это происходило на виду у немцев, которые все видели, но никто огонь не открывал. В этот день Володя понял, что на войне существуют неписанные законы, не зафиксированные ни в одном уставе ни одной страны, но, как ни странно, действующие, потому что диктовались они самой жизнью.

17.08.1941, старший краснофлотец, 1-й наводчик кормового орудия канонерской лодки «Верный» Петр Федорович Танана, 24 года

На Днепр опустилась ночная темнота. Петр внимательно всматривался в правый берег, где-то там находился родной Канев,

знакомые с детства места, родительский дом... и немцы. После тяжелого боя у Бужина прошла неделя. За это время «Верный» сначала поднялся к Черкассам, где первым делом они отправили в госпиталь раненых. Сопровождавший их боцман Леонид Щербина, узнав, что в соседней палате тут лечат сбитого немецкого летчика, бросился к нему и чуть не задушил. От уже посиневшего фрица его оттащил сам главврач.

14 августа в газете Пинской флотилии вышла большая статья, описавшая героический подвиг «Верного» и его экипажа, в которой сообщалось, что к наградам представлены девять членов команды. Затем на канлодку пожаловали журналисты — Александр Твардовский и Виктор Полторацкий. Они поговорили с командиром корабля Терехиным, с командирами БЧ, и 15 августа большую статью о Бужинском бое, которой отвели целую третью полосу, опубликовали уже в печатном органе фронта — газете «Красная Армия».

Старший лейтенант Терехин сутки не выходил из своей каюты, составляя боевое донесение о бое и заполняя бланки о представлении наиболее отличившихся членов экипажа к наградам. Петра собирались наградить орденом «Красного Знамени», а его командир лейтенант Жигалов и боцман Щербина должны были получить по «Красной Звезде».

На рассвете объявили команду «поднять якорь», и «Верный» пошел дальше вверх по Днепру, к Каневу, к основным силам Днепровского отряда флотилии. На канлодке в одной из кают разместился начштаба отряда капитан 3-го ранга К.И. Оляндер. К городу подошли днем и сначала хотели встать на стоянку на 7 км южнее Канева, возле села Пекари напротив Княжей горы, но не успели они отдать якорь, как с горы застрочил пулемет, а затем противник начал обстреливать корабль из минометов. Пристреляться немцам не дали, с первыми разрывами мин «Верный» дал полный ход и ушел в плену морозящего дождя и подымавшегося от воды тумана в направлении затона у Бубновой стороны.

В затоне собрались все находившиеся южнее Канева корабли и транспорты флотилии. Они ждали темноты и гото-

вились к прорыву мимо взорванного нашими отступавшими частями Каневского железнодорожного моста. Проблема состояла в том, что судоходный пролет перегородила обрушившаяся в воду стальная ферма. Лейтенант Жигалов подошел к Петру и спросил его как местного жителя, возможен ли проход под правым, ближним к левому берегу, свободным пролетом. Ответ, что это вряд ли возможно, лейтенанта расстроил.

Тем временем начштаба Днепровского отряда кораблей капитан 3-го ранга К.И. Оляндер лично сходил к мосту на глиссере, промерил глубины, и тут выяснилось, что Петр ошибся — проход возможен. Дело в том, что река успела нанести на упавшую в воду ферму массу досок, бревен, какого-то плавучего мусора. Образовалась своеобразная запруда, которая привела к подъему уровня воды в ранее несудоходных пролетах. Кроме того, несколько последних дней не переставая лили дожди, и уровень воды в реке поднялся. Пройти через правый пролет стало возможным, нужно было идти по фарватеру до перегородженного пролета, возле него брать правее, чтобы пройти через свободный пролет, а затем за мостом сразу поворачивать налево, чтобы вернуться на фарватер. Лица у моряков повеселели.

Первыми вышли из затона тральщик и глиссер. Ровно в 21:35 подняли якоря флагман отряда монитор «Левачев», буксирный пароход «Москва», затем монитор «Ростовцев», канлодка «Смольный», другие суда и корабли. «Верный» замыкал боевой порядок второй колонны, за ним в кильватер выстраивалась плавбаза «Федерация» и третья колонна, состоящая из трех катеров, а также плавбазы «Белоруссия». Корабли шли без огней, горели одни красные кильватерные фонари, видимые только находящимся сзади. На них и нужно было ориентироваться при следовании выстроившихся колонн к мосту. Дистанцию между кораблями приказали держать в кабельтов, открывать без приказа огонь строго-настрого запрещалось.

Петр всматривался в берег. По силуэтам кораблей лениво и неприцельно постреливали пулеметы, особого вреда этот огонь принести не мог. Но когда головные корабли приблизи-

лись к мосту, с Еврейского и Исковщанского кладбищ открыли прицельный огонь сразу две батареи. Один из снарядов угодил в борт монитору «Ростовцеву». Его понесло к левому берегу, начался пожар. С «Верного» запросили: «Требуется ли помощь?» С монитора ответили: «Пожар ликвидировали. Одну машину отремонтировали. Есть жертвы. Помощь не требуется». Заметив результаты обстрела, два следовавших за их канлодкой парохода-плавбазы развернулись и ушли обратно в затон, из которого вышли несколько минут назад. Моряки с удивлением проводили их кильватерные огни взглядами — это было прямое невыполнение приказа, дезертирство, которое грозило капитанам судов расстрелом. Командир отряда послал вдогонку глиссер, чтобы узнать причину отхода, но в районе Пекаревского луга он попал под перекрестный огонь и загорелся.

Тем временем по вспышкам вражеских батарей открыла огонь прикрывавшая проход отряда наша артиллерия. Завязалась артиллерийская дуэль, в которой немецким пушкарям уже не было дела до преодолевающих опасный участок кораблей. Но здесь и без вражеского огня хватало проблем. Один из катеров течением прижало к железобетонному быку моста. Вытащить его не было никакой возможности. Команду, прыгнувшую в воду, спасли, а вот катер затонул.

За мостом села на банку канлодка «Смольный». Корабль попытаться сойти с мели самостоятельно, от чего поднялся сильный шум. Вражеская батарея, расположенная среди могил Еврейского кладбища, открыла по нему огонь, ориентируясь на звук. С флагмана семафором приказали «Верному» помочь «Смольному». Корабль сдал к банке кормой, боцман Щербина подал на «Смольный» бросательный конец, и затем выбрал буксировочный трос. На третьем рывке он лопнул, а застрявшая канлодка не сдвинулась с места ни на сантиметр. Снова завели трос, на этот раз со «Смольного», он оказался значительно толще, и с третьего рывка наконец удалось снять корабль с мели. «Верный» пропустил его вперед и занял свое место в кильватерной колонне.

На подходе к селу Григоровка с правого берега ударили минометы. Носовая зенитка монитора «Левачев» выпустила в их сторону три серии по три выстрела трассирующими снарядами. Тут же вражескую батарею накрыл огонь наших левобережных артиллерийских батарей, прикрывавших отход кораблей.

18.08.1941, командир 5-й воздушно-десантной бригады полковник А.И. Родимцев, 36 лет

С вечера 15-го, после успешной артподготовки при участии реактивных минометов, бригаде удалось вырваться на опушку леса северо-западнее Феофании. Затем поступил приказ генерала А.А. Власова переходить к обороне, и десантники начали закапываться в землю. Позиции перед траншеями и окопами минировались, натягивалась колючая проволока. Немцы по ту сторону фронта занимались тем же самым. Пришло время активных разведывательных действий, и капитан Питерских «не вылезил» с «передка». Он часто лично ходил в разведку за «языками», то с младшим политруком С.Н. Ржечуком, то с переводчиком М.В. Пасечником, то с двумя-тремя отобранными им бойцами. Родимцев не видел капитана уже больше суток и начал не на шутку беспокоиться, и, как оказалось, не зря.

Запищал зуммер телефонного аппарата, телефонист снял трубку. Александр Ильич, не разбирая слов, услышал искаженную мембраной речь. Телефонист по мере того, как ему что-то на том конце провода говорили, бледнел и менялся в лице, потом опустил руку с трубкой вниз, повернулся к полковнику и виноватым дрогнувшим голосом сказал, что начальник разведки... капитан Питерских... погиб.

Родимцев бросился к аппарату, перехватил трубку, спросил, как это случилось. На том конце провода оказался командир 1-го батальона капитан И.А. Самчук. Он доложил, что возвращавшихся из «поиска» разведчиков заметили и накрыли минометным огнем. Капитан Питерских погиб, сраженный

осколком. Александр Ильич тяжело опустился на грубо сколоченный стул, ему еще не верилось, что своего товарища, любимчика всей бригады, храбреца и весельчака Алексея Питерских он уже никогда не увидит живым. Родимцев привык к смертям за эти такие долгие десять дней, да он и раньше встречался со смертью в Испании, в Карелии. Но эта потеря оказалась для него особенно тяжелой. Сколько их еще будет, таких потерь в этой войне?

18.08.1941, политрук 1-й роты отдельного разведбатальона Киевского комсомольского полка Марсен Михайлович Векслер, 17 лет

Он очнулся уже в Киеве, в госпитале. В голове шумело, тело будто налилось свинцом. Над ним склонились женские лица, что-то знакомое показалось в одном из них, но политрук не мог сообразить, что именно. Склонившиеся девушки, как рыбы, открывали рты, но не было слышно ни звука. Марсену это показалось смешным, и он улыбнулся.

Одна из девушек скривилась, из глаз у нее полились слезы, она положила голову к Марсену на грудь. Почему такие знакомые лица? Когда-то он встречался с этими людьми, но когда-то... очень давно. Где он видел их? Что-то кружилось в памяти, но в голове шумело, и Векслер никак не мог собрать свои мысли воедино. Наконец он вспоминал, это же Валя Николюк, его соседка. Они ушли солдатами на фронт, а их девушки, милые, нежные девушки — медсестрами в госпиталь. Еще в детстве они вместе играли во дворе... Глаза болели от резкого света, веки закрылись сами собой.

Он вспомнил, как его разбудили еще в 4 часа утра, вызывал командир батальона. После похорон у всех на душе будто лежал тяжелый камень, появилась какая-то апатия. Командир дал задание, приказано было немедленно отправляться в разведку. Они втроем сели в машину, которая отвезла их к передовой.

Все делалось автоматически. Уже рассвело, когда они отошли от наших позиций километра на два. Казалось, они смогли незаметно преодолеть линию фронта, как вдруг немцы открыли автоматный огонь. Разведчики залегли.

Новая очередь, Марсену прострелили ногу, еще одна пуля ужалила в руку. Они сползли в обнаружившуюся рядом воронку. Ему перевязали ногу и руку, боли Векслер не чувствовал и был до странного спокоен. Ему стало безразлично, будет ли бить кровь или не будет идти совсем.

Вскоре разведчиков обложили со всех сторон и начали поливать автоматным огнем. Ребята заняли круговую оборону и, не отвечая на выстрелы, тихо ждали. Эта игра продолжалась довольно долго. Наконец они увидели приближающихся к ним фрицев. Автоматы упирались в живот, враги шли в полный рост. Расстояние оставалось уже совсем небольшое, когда один из них крикнул: «Русь! Сдавайся!» Кто-то из ребят громко, трехэтажно выругался, и разведчики открыли огонь из своих ППД. Одни фрицы, мертвые, начали валиться на землю, другие, живые, бросились бежать. Около часа осажденных не трогали, а затем вокруг начали ложиться мины, над головой полетели осколки. Марсен едва успел подумать, что рано или поздно в их воронку попадут, как его взрывной волной подбросило высоко вверх и он потерял сознание.

Векслер попытался открыть глаза, но веки совсем не слушались его, и боец, мысленно махнув рукой, провалился в глубокий сон.

19.08.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Стояла чудесная летняя погода. Людей на улицах было не меньше, чем в мирное время. Ирина сидела в магазине и через витрину наблюдала, как киевляне спешили по своим делам. Наконец закончилось безумство с очередями за хлебом,

его теперь относительно хватало и можно было купить буханку почти в любое время. На базаре торговли продавали массу овощей и фруктов. На многочисленных клумбах города зацвели цветы.

19.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ генерал-майор И.Х. Баграмян, 43 года

Фронт в районе Киева замер и практически не двигался. Только в районе Чабанов наши части смогли добиться каких-то успехов местного значения, отбив более удобные для обороны строения. Немцы тоже не наступали, ведя только беспокоящие артиллерийские обстрелы наших позиций. Зато они активизировались севернее, усилив давление на 5-ю армию.

16 августа в штабе фронта стало известно, что главнокомандующий направления маршал С.М. Буденный обратился в Ставку за разрешением отвести 5-ю армию и 27-й стрелковый корпус на левый берег Днепра. Свою просьбу он обосновывал нерациональностью дальнейшей обороны Коростенского УРа, так как Ставка отказалась от идеи флангового удара по 6-й армии противника из района Овруча. Зато в случае отвода этих подразделений за реку можно было вывести в резерв две-три дивизии и приступить к переформированию семи танковых и моторизованных дивизий.

Отвод назрел еще и потому, что соседний Центральный фронт вел бой уже на подступах к рубежу Брянск — Унеча. Во второй половине августа немцы форсировали здесь верховья Днепра и глубоко продвинулись вперед, опасно нависая над правым флангом Юго-Западного фронта. В любой момент можно было ожидать, что силы группы армий «Центр» развернутся на юг и ударят в тыл и фланг 5-й армии из Белоруссии и Брянской области. А свежих сил, чтобы парировать такое наступление, у фронта уже не было. Их даже не хватало, чтобы сделать оборону под Киевом более устойчивой.

Ставка согласилась с этими доводами через два дня. Иван Христофорович как раз возвращался от Кирпоноса и Тупикова, которые поставили свои подписи под приказом об отводе 5-й армии и 27-го стрелкового корпуса на левый берег Днепра. Фронт теперь должен был удерживать оборону по левобережью Днепра от Лоева (севернее Киева) до Переволочной (юго-восточнее Кременчуга). На правобережье удерживался только КИУР.

Историческая справка: Запись в дневнике Начальника Генерального штаба сухопутных войск вермахта Франца Гальдера от 18 августа: «Киев будет превращен “в пепел и развалины” (указание Гитлера). Половину этой работы предстоит проделать авиации. Для той части работы, которая отводится артиллерии, достаточно девяти эшелонов с боеприпасами для мортир и 7,5 эшелонов со снарядами для тяжелых полевых гаубиц. Далее он [Генерал артиллерии Бранд] предлагает использовать здесь вместо сверхтяжелой немецкой артиллерии, которая имеет указание экономить снаряды для проведения операции «Изабелла», французские 150-мм тяжелые полевые гаубицы, имеющие дальность стрельбы 11 900 м (их дальность стрельбы больше, чем дальность стрельбы немецких тяжелых полевых гаубиц), французские мортиры калибра 210 мм, имеющие дальность стрельбы 10 800 м (их дальность стрельбы меньше, чем у немецких тяжелых мортир). Он предлагает использовать для этой операции три дивизиона тяжелой артиллерии. Я считаю необходимым использовать пять дивизионов тяжелой артиллерии».

**20.08.1941, старший краснофлотец,
1-й наводчик кормового орудия канонерской
лодки «Верный» Петр Федорович Танана,
24 года**

Рассветало. Кильватерная колонна подходила к Триполью. До этого после Каневского прорыва отряд день провел в Переяславском затоне, где скопилось значительное количество

гражданских судов, которые также надо было провести в Киев. Постоянно ждали налета вражеской авиации, зенитчики кораблей находились в полной боевой готовности. К счастью, только раз появилась «рама», но ее обстреляли, пока она находилась вдалеке, и немецкие летчики предпочли ретироваться.

Команду донимали комары, которых тут водилось огромное множество. Кровососы оказались страшно охочи до горячей матросской крови, поэтому команду «Поднять якорь» все восприняли с большим облегчением.

Через прицельную трубку Петр видел, как немцы бегали по Триполью и ловили кур. У моряков чесались руки, но приказ на открытие огня им так и не дали, и колонна в тишине проследовала к Киеву. В районе первого наплавного моста, переброшенного к Слободке, отряд встретили канонерская лодка «Димитров» и катер-тральщик СКА «С-2». Прибывшие корабли, стоя в кильватерной колонне, ждали разрешения на вход в гавань Рыбальского полуострова, но разрешения почему-то долго не давали. Тем временем из района Корчеватого открыла огонь вражеская батарея, нащупывая колонну отряда. Замыкающим стоял «Верный», снаряды ближе всего ложились к нему, и командир корабля А.Ф. Терехин запросил командование на открытие огня. Командование, как обычно, отмолчалось, и тогда старший лейтенант решил открыть огонь самостоятельно. Командир БЧ-2 лейтенант А.В. Жигалов лично рассчитал установки на целик и на прицел. Дали первый залп, после которого были внесены небольшие поправки, затем канлодка дала орудиями главного калибра пять залпов подряд. Вражеский огонь прекратился.

В это время на мачте Службы наблюдения и связи вверх взвился флаг «Добро», сигнализируя разрешение на вход в порт. Корабли начали выбирать якоря и трогаться вперед, как вдруг с берега, уже из черты города, которую контролировали наши войска, ударили орудия и пулеметы. Корабли остановились, на флагмане взвились флаги расцветивания, означающие «Мы свои!», пускали цветные ракеты, сигналили Службе — огонь продолжался.

В кораблях отряда появились первые пробоины, наверняка были убитые и раненые. У монитора «Ростовцев» повредили машину, и его начало сносить течением, к нему поспешили катера, которые взяли его на буксир и потащили вперед. Вскоре «дружественный огонь» должен был добраться и до «Верного». Тогда Терехин не выдержал и приказал открыть огонь по расстреливающей корабли батарее. Особо целиться не пришлось, огонь вели прямой наводкой. Вслед за «Верным» огонь открыли и остальные корабли. Наконец командир отряда капитан 1-го ранга И.Л. Кравец сориентировался и приказал тральщику поставить дымовую завесу. Под ее прикрытием отряд пошел к гавани. «Вражеская» батарея еще успела выпустить вдогонку «Верному» три снаряда, когда он проходил под мостом, но, к счастью, они не причинили вреда ни канлодке, ни мосту.

В гавани корабли заняли стоянки в соответствии с указанными местами. Мониторы отряда получили несколько пробоин, на одном сбили трубу, из ее обрубка по палубе стлался черный дым. На берег начали сносить носилки с убитыми и ранеными. Чтобы не деморализовать экипажи, всех, кто не нес на палубе вахту, отправили в кубрики.

Когда «Верный» грузился углем, к Терехину подошел флагманский артиллерист штаба ПВФ капитан-лейтенант В.А. Семенов. Петр был вахтенным и находился рядом, потому услышал последовавший затем разговор. «А по кому вы стреляли?» — спросил капитан-лейтенант. Терехин заметно побледнел, но, не меняясь в лице, уверенно ответил: «По фашистам!» «А по вам кто стрелял?» «Как кто? Фашисты!» «Нет, по своим вы стреляли. А свои — по вам. Помощника начштаба флотилии Борисова уже расстреляли, так как он не связался со штабом фронта. А по фронту полетели слухи, что фашистская эскадра спустилась по Дунаю, прошла Черным морем в Днепр и идет брать Киев с юга, и будто бы у эскадры белые флаги». Вымпелы кораблей за лето действительно сильно вылиняли и издалека казались белыми. Лицо Терехина цветом стало схожим с ними, ведь это он первым без приказа открыл огонь по своим.

20.08.1941, военком КиУРа полковой комиссар И.Ф. Евдокимов, 39 лет

В последние дни у Иллариона Федоровича было много работы — за время прошедших боев многие бойцы отдельных пулеметных батальонов (опб) проявили себя с лучшей стороны, и их принимали в кандидаты или члены партии. В гарнизонах ДОТов проводились партсобрания, особо отличившихся привозили в штаб КиУРа, как это было с защитниками 205-го ДОТа, прославившегося не то что по всему фронту, по всей стране. Но были и другие герои.

В 3-й роте 28-го обп служил старшина роты Петраченко. Этот старшина был неутомим, неустрашим и хитер на всякие выдумки. Как-то он подобрал и принес в свой ДОТ выброшенные кем-то пустые бумажные мешки из-под сухарей. Для гарнизонов оставалось большой проблемой выявить огневые точки противника, который их хорошо маскировал. Вот Петраченко и смастерил из мешков чучела, которые разместил в ложном ДЗОТе. Утром, заметив плохо замаскированную новую «огневую точку» противника, немцы открыли по ней ураганный огонь из минометов и пулеметов. Это помогло в скором времени выявить их расположение и подавить огнем. Находчивого старшину приняли в кандидаты партии.

В 193-м опб служил один уже пожилой шахтер сорока восьми лет. Он оказался непревзойденным разведчиком. Бывали случаи, когда он приводил по два «языка» за день, и нередко с трофеями: с автоматами и важными документами. Он очень интересно их добывал. Днем бывший шахтер выходил на берег реки Ирпень, где располагалась их рота, и, замаскировавшись в кустах, часами лежал, наблюдая за противоположным берегом. Он замечал движение солдат и офицеров, вычисляя месторасположение вражеского штаба или наблюдательного пункта.

С наступлением сумерек разведчик пробирался на вражеский берег и снова вел наблюдение, стараясь узнать пароли

врага. Этот шахтер воевал еще в Первую Империалистическую войну и хлебнул немало горя, когда попал к немцам в плен, но зато он неплохо выучил немецкий язык. Узнав пароль и заметив тропу, по которой ходят немецкие солдаты, он ждал, пока массовое движение по берегу прекратится, после чего начинал охоту за языком. Выждав удачный момент, разведчик выходил на ту сторону, по которой ходят немцы, и, если встречный фриц спрашивал пароль, храбрец отвечал и требовал с него отзыва. Так, подойдя к фрицу, разведчик хватал его (а у шахтеров руки сильные) и без лишнего шума тащил в кусты, приводил к реке и вместе с жертвой плыл на свой берег. Когда фриц приходил в себя, то уже оказывался в плену. За короткое время этот отважный боец привел около десятка «языков», за что был представлен к награждению орденом Ленина.

Хорошо сражались и стрелки 1-го и 2-го стрелково-пулеметных батальонов, роты которых располагались между ДОТах и составляли так называемое полевое заполнение. Это были усиленные батальоны, в составе которых имелось по 6 рот, минометные батареи и пушки, поставленные на пятитонные машины ЗиС-105.

Но, конечно, гарнизон 205-го ДОТа в этом ряду героев стоял особняком. Больше всего на его устойчивость и готовность драться повлиял старый шахтер и коммунист из луганских шахт, а после мобилизации — политбоец Иван Павлович Рыбаков. Не будь Рыбакова, вряд ли удалось бы молодому горячему двадцатидвухлетнему лейтенанту Ветрову удержать гарнизон в своей власти.

После деблокирования ДОТа правая рука Иллариона Федоровича, ответственный секретарь партийной комиссии КиУРа старший политрук К.Ф. Стороженко несколько раз отправлялся туда. Кандидатами в члены партии приняли семерых бойцов ДОТа, а в члены — лейтенанта Г.К. Ветрова. Привозил он туда и подарки, подготовленные и переданные в штаб КиУРа киевлянами. Приезжал к ДОТу и сам Евдокимов. Окрестности ДОТа производили ужасное впечатление. Ему сказали, что в радиусе

100–150 метров насчитали свыше 1600 воронок от разорвавшихся снарядов, мин и бомб.

Илларион Федорович сделал неосторожное движение и вздрогнул от боли, последствия ранения еще давали о себе знать. На КП спустился возбужденный Стороженко. Оказалось, что получили ранения командующий КиУРОм полковник Г.Е. Чернов и начальник штаба подполковник Г.В. Лихов. Их тут же отправили на машине в госпиталь. Вечером Евдокимову, временно принявшему на себя командование, сообщили, что на замену придут полковник Григорий Никитич Иванов — бывший комендант Коростенского УРа, и бывший начштаба Владимир-Волынского УРа майор Михаил Александрович Королицкий.

21.08.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год

Он отсыпался после очередного вылета, когда в блиндаж кто-то заскочил, растормошил Дмитрия за плечо, громко крикнул, что вернулся Ваня Фадеев, и выскочил наружу. Панов спросонья не понял, ни кто его разбудил, ни что случилось, но, услышав снаружи громкие радостные многоголосые выкрики, быстро намотал портянки, сунул отдохнувшие за время сна ноги в сапоги и вышел наружу.

Тесной гурьбой пилоты окружили какую-то одетую в живописные лохмотья фигуру. Пилоты тискали ее, хлопали по плечам, жали руки. Когда Дмитрий подошел ближе, он узнал в оборванном, изможденном новоприбывшем младшего лейтенанта Ивана Васильевича Фадеева, пилота их эскадрильи, сбитого несколько дней назад во время одной из штурмовок.

Им приказали тогда атаковать вражеские колонны на участке прорезки между Радомышлем и Иванковым. Эскадрилья

повезло, на узкой грунтовке, с двух сторон огороженной высокими деревьями, обнаружили около сотни груженных грузовиков. Машины остановились, солдаты в панике разбежались и спрятались под деревьями, а самолеты начали делать заход за заходом, поджигая машины сначала реактивными снарядами, а затем пулеметными очередями.

Им сразу же удалось поджечь три машины с боеприпасами, которые, как правило, перевозились в тентованных грузовиках. Они разлетелись на множество усыпавших окрестности горящих обломков. Затем загорелись еще восемь машин. Младшие лейтенанты Ваня Фадеев и Миша Деркач уничтожили сразу по две, последним взорвав бензовоз. Уже ближе к концу штурмовки немцы опомнились и открыли заградительный огонь. Реактивные снаряды у эскадрильи закончились, пришло время уходить.

Сначала казалось, что и в этот раз обошлось без потерь, но затем стало заметно, что не все в порядке с машиной у Вани Фадеева. Винт у его «чайки» перестал вращаться, и летчик был вынужден садиться на контролируемой противником территории. Иван рассказал, что снарядом зенитки заклинило двигатель. Он сел на брюхо недалеко от Днепра и тут же укрылся в лесу. Ночью ему удалось пробраться в село, находившееся на самом берегу. Здесь Фадеев попросил переправить его на тот берег одного местного жителя.

Дядька оказался редким жмотом. В обмен он выторговал себе обмундирование летчика вместе с сапогами, часами и всеми бывшими при нем деньгами, а того взамен одел в тряпье, которое его цепной пес до этого использовал в будке в качестве подстилки. Двое суток Фадеев прятался у этого куркуля на огороде под грудой какого-то хлама, и только на третий день ночью дядька переправил его на левый берег. Уже через несколько часов Иван оказался на своем аэродроме. Тут же геройского летчика до отвала накормили в столовой и послали отсыпаться, а уже на следующее утро он отправился в очередной боевой вылет.

Глава 7. Конец обороны

22.08.1941, стрелок 28-го отдельного пулеметного батальона рядовой Адам Пиусович Красовский, 34 года

Адам сидел на завалинке, которую они сколотили возле землянки, и наслаждался самокруткой, туго набитой ароматной махоркой. Взамен дней, наполненных темнотой, голодом и ощущением заброшенности и ненужности, пришло время сытости, комфорта и славы. 13 августа наши войска отбили окраину Юровка, на которой находился ДОТ, потом немцы их отбросили обратно. Но через два дня наши войска снова деблокировали ДОТ и больше уже назад не откатывались. Активные боевые действия закончились, войска замерли на занятых ими позициях, зарылись в землю, отгородились друг от друга минными полями и рядами колючей проволоки. Только изредка раздавалась беспокоящая стрельба да ночью зависали в небе осветительные ракеты.

В ДОТе снова появился свет, его давал небольшой движок. Дня через три-четыре после освобождения бойцам дали возможность наконец-то сходить в баню и постираться. Сначала по ведущей от ДОТа в тыл балке пошла первая группа из восьми человек, которую повел сержант Квартич. Вторую группу, куда попали одни «уманские», сопровождал лично лейтенант Ветров. Ему нужно было заскочить в штаб батальона, поэтому обратно из бани он солдат отправил самих.

Вечером Ветров перезвонил из штаба и спросил Квартича, вернулись ли «уманские»? Тот ответил, что нет. Начался переполох. Оставшихся бойцов гарнизона направили на прочесывание местности, однако найти беглецов так и не удалось, они ушли, прихватив с собой и оружие. За подобное лейтенанту полагался серьезный нагоняй, но после публикации в «Красной Звезде» Ветрову это ЧП сошло с рук, а то не сносить бы ему головы.

Они купались в лучах славы. От благодарных киевлян трижды присылали подарки, в каждом из которых были конфеты, большая коробка печенья, носовые платки, брусок туалетного мыла, три пары носков, бритвенный прибор и бутылка вина. Сержантов Музыченко и Квартича приняли в партию и специально возили фотографировать в город. Взамен дезертировавших «уманских» прислали других бойцов, нормальных ребят.

От умиротворенных мыслей Адама отвлек сержант Квартич, из местной киевской газеты приехали журналист и фотограф. Они хотели сделать фотографию героического гарнизона и опубликовать ее в газете. Лейтенант звал фотографироваться. Адам вскочил, быстро погасил недокуренную самокрутку, спрятал окурочек между бревнами наката и, на ходу застегивая верхнюю пуговицу гимнастерки, поспешил за сержантом.

22.08.1941, командир 1-й бронеплощадки ополченного бронепоезда «литер Б» Николай Андреевич Рябоконт, 27 лет

Их опять перебросили на линию Киев — Тетерев. По полученным данным, в район Немешаево проникло разведывательное подразделение немцев, и ополченцы получили задание его уничтожить. Спешившаяся разведка под командованием начальника штаба Д.М. Поплавского обнаружила немцев

в селе Дубрава-Ленинская, выяснила расположение огневых средств.

По плану операция начиналась в полночь. Подтянулся «литер А». Кроме десантной группы с «литера Б» в ночной атаке должна была принять участие рота ополченцев из батальона железнодорожников, им выпало наступать слева, и партизаны — эти подходили к противнику справа. В центре действовал взвод, который возглавил Николай. Нужно было максимально приблизиться к противнику и ждать сигнала наступления, чтобы потом фронтальной и фланговыми атаками уничтожить его. Подкрасться ополченцам и партизанам удалось без проблем, но сигнала все не было, а затем один из бронепоездов почему-то произвел незапланированный выстрел. Он послужил причиной стрельбы у немцев, которую те повели во все стороны из всех видов оружия. Из минометов стреляли шахматным порядком по площадям. Николай вынужденно повел свой взвод на дальнейшее сближение, чтобы избежать потерь — один из бойцов, Ляшенко, уже успел получить ранение. В результате они подкрались настолько близко, что слышали немецкую речь.

С рассветом выяснилось, что перед ополченцами не десант и не разведка, а боевая немецкая часть со всеми положенными ей по штату тяжелыми вооружениями и танками. Часть танков находилась в заранее подготовленных капонирах. Бронепоезда открыли огонь, под прикрытием которого отряды отошли к Немешаево. В результате боя по данным ополченцев противник потерял нескольких танков, 3 миномета, 2 орудия, 400 солдат, другую технику. Немцы же ночью с самолета разбросали листовки, что ими уничтожен большой партизанский отряд.

Историческая справка: Из боевого донесения: «...Утром 22.8.41 144-й гсп 28-й гсд, занимая позиции фронтом на юго-запад в районе Немешаево, что под ж.-д. ст. Ворзель, отбил атаку подразделений 417-го пп 168-й пд и батальона СС из бригады СС "Лейбштандарт Адольф Гитлер". В результате рукопашной схватки враг отступил.

Нашим пехотинцам оказал помощь бронепоезд. Захвачено 5 плен-ных, из них 2 эсэсовца».

Бронепоезд вернулся в Бучу на свое первое место базирования, установив по дороге, что немцы из района Рубежовки обстреливают перегон Буча — Ворзель. Оказалось, что они заняли западную часть села. Противник накапливался в строениях расположенного неподалеку колхоза «Большевик». Обе бронеплощадки повели массированный обстрел колхоза, в котором начались пожары. Немцы повели ответный обстрел, у них отлично была поставлена звуковая разведка. Уже через минуту-две после первых наших выстрелов возле бронепоезда начала дыбом вставать земля, сначала спереди, потом — сзади. Немецкие артиллеристы пытались взять бронепоезд в «вилку», и каждый раз только подвижность позволяла «литеру Б» избежать попаданий.

Бронепоезд радушно встретили дежурные по станции Буча. Экипаж заправил паровоз водой, загрузил тендер углем. Людей «заправлять» планировали в Ворзеле, там в привокзальном ресторане для них приготовили обед, но поесть в этот день противник не дал. Когда во второй половине дня они подъехали к станции, начался обстрел, и экипажу пришлось бежать в сторону бронепоезда, который стоял за выходными стрелками в сторону Бучи. По пути движения команды в 10–15 метрах ложились мины и заставляли их каждый раз пригибаться и падать, вжимаясь в спасительную землю, и так 3–5 минут, пока команда не заняла свои места. «Литер Б» вышел на огневой рубеж и, маневрируя, повел огонь.

22.08.1941, командующий 36-й иад Герой Советского Союза полковник В.В. Зеленцов, 30 лет

Из-за потерь в летчиках и в материальной части дивизия претерпела изменения. 21 августа первую эскадрилью

43-го иап в составе 9 самолетов по приказу командующего ВВС фронта переподчинили командующему ВВС 5-й армии. Летчики капитана Д.Г. Зинкина перебазировались на Чернобильский аэродром, откуда они должны были взлетать на прикрытие днепровских переправ, по которым в период с 21 по 31 августа армия должна была перебраться на левый берег.

20 августа забрали в тыл для переформирования остатки 255-го иап. Часть летчиков полка перед убытием передали в 254-й иап, а немногие оставшиеся самолеты достались 2-му и 254-му полкам. 22 августа из 254-го в 43-й полк также передали последнюю эскадрилью И-16 прямо вместе с летчиками. Большая их часть до войны и так служила в 43-м иап, пока в апреле сорок первого года их не передали в 254-й при его формировании. Теперь же всех «безлошадных» отправили на переформирование в тыл, а пилоты, обеспеченные самолетами, «зависли» между небом и землей, вроде как они и числились в 254-м, а летали в 43-м иап. Возглавил эту смешанную группу капитан Василий Ильич Сорокин, в этот же день назначенный на должность заместителя командира 43-го полка по летной подготовке.

Таким образом у 36-й иад из четырех полков осталось только два, в каждом из которых числилось всего по две эскадрильи вместо положенных четырех. Зато укомплектованы они теперь были только проверенными опытными летчиками с огромным опытом боев, и самолетов на них на всех пока более-менее хватало.

Историческая справка: По данным начальника полуправления Юго-Западного фронта: «С начала войны по 20 августа частями противовоздушной обороны г. Киева было сбито 106 самолетов противника, из них: истребительной авиацией – 82 самолета, зенитной артиллерией – 24; подбито 11 самолетов». По данным штаба ВВС ЮЗФ, истребителями 36-й иад до 21 августа было выполнено 6856 вылетов и до 20 сентября главным образом в окрестностях Киева сбито 134 вражеских самолета, что составляло две трети уничтоженных здесь неприятельских машин».

23.08.1941, наводчик 76-мм полковой пушки 2-го дивизиона 357-го артиллерийского полка 171-й стрелковой дивизии красноармеец Бригада

Он понимал, что все, это конец. Автоматчики обошли сзади, исчез последний шанс уйти в лес. На дороге догорали два танка, все остальные орудия их дивизиона молчали. Похоже, все погибли и он остался последним.

Все началось утром, когда их командиру приказали перебросить орудия на дорогу Иванков — Горностайполь, чтобы перекрыть немцам путь к мосту через Днепр. Основные части их дивизии отходили к другой переправе, наведенной в районе Сухолучья.

Никто не ожидал, что немцы бросят на прорыв столько бронетехники и пехоты. На 1-ю батарею полезло сразу 10 танков. В чистом поле, где противника видно далеко, у нее было бы больше шансов. А на лесной дороге, где деревья загораживают сектора обстрела со всех сторон, без поддержки пехоты у артиллеристов шансов не оставалось.

Когда немцы, расправившись с 1-й батареей, двинулись дальше, к их позициям, его расчет успел подбить еще один танк, но разорвавшиеся снаряды выкосили практически всех артиллеристов и зажгли хату, стоявшую за их орудием. Он остался один. Искры сыпались на него сверху, а он продолжал стрелять. Автоматные очереди слышались справа и слева, а он продолжал стрелять. Вот еще один танк задымил.

Контуженый, ничего не сообщающий Бригада подошел к ящикам с боеприпасами... снаряды кончились. Перекрикивания немецких пехотинцев слышались все ближе. Он встал во весь свой рост, погрозил приближавшимся врагам кулаком и, развернувшись, шагнул в пылающую хату. Увидев подобное, немцы опешили и остановились. Никогда до и вряд ли когда после они видели подобное.

Со стороны за всем происходящим наблюдал раненый боец. Это он потом рассказал о произошедшем и назвал фамилию героя. Больше о погибшем не известно ничего.

23.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ генерал-майор И.Х. Баграмян, 43 года

Был уже вечер, когда дежурный связист попросил Ивана Христофоровича подойти к телефонному аппарату. Звонил командир саперного подразделения, защищавшего Окуниновский мост. Из его слов выходило, что немцы вышли к мосту и прорываются на левый берег. Он, видимо, хотел запросить разрешение на подрыв переправы. Когда Баграмян взял трубку в руки, командир-сапер, как положено по уставу, начал представляться, и тут внезапно разговор прервался.

Историческая справка: Окуниновский мост, который также назывался Печкинским (в немецких источниках «мост через Днепр в районе Горностайполя») — соединял правый и левый берег Днепра в ста километрах севернее Киева. Сейчас здесь находится Киевское водохранилище, воды которого затопили село Окуниново, находившееся в районе моста на левом берегу. На правом располагается урочище Печки. Три мостовых пролета были стальными, ферменными с деревянным настилом, остальная часть — цельнодеревянная, свайные опоры — железобетонные. Длина Окуниновского моста достигала 2500 м, а грузоподъемность — 16 т.

Но с Окуниново помимо телефонной была еще и телеграфная связь. Связист на том конце провода начал отбивать «морзянкой» первые слова, но вскоре вышла из строя и эта линия. Сообщение принято не было. Все последующие попытки связаться результата не дали.

Иван Христофорович поспешил к начальнику охраны войскового тыла ЮЗФ полковник В.Т. Рогатину. Тот, обеспокоен-

ный услышанным, тут же бросился связываться с командиром 4-й дивизии войск НКВД по охране железнодорожных сооружений полковником Ф.М. Мажириным, чей гарнизон охранял мост.

23.08.1941, командир 4-й дивизии войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений полковник Федор Максимович Мажирин, 37 лет

Федора Максимовича вызвали к телефону, звонили из штаба фронта. На том конце провода оказался начальник охраны войскового тыла ЮЗФ полковник В.Т. Рогатин. Он сообщил, что командир взвода саперов, ответственный за подрыв Окуниновского моста, только что выходил с ними на связь и сообщил, что вроде бы немцы вышли к мосту и пытаются его захватить. Рогатин попросил Мажирина проверить по своим каналам, так это или нет, и срочно выслать на место оперативную группу, которая смогла бы быстро разобраться в происходящем. Федор Максимович заверил его, что обязательно все проверит, группу вышлет, после чего сразу же выйдет на связь.

Попытки связаться с гарнизоном лейтенанта Мартыненко, который охранял мост, результатов не дали. Ближайший к нему гарнизон, охранявший мост через Десну в районе реки Остер, сообщил, что со стороны Окуниново и Печек доносится артиллерийская канонада и пулеметная стрельба. Мажирин тут же связался с командиром 56-го полка подполковником Т.П. Жеребцовым и потребовал, чтобы тот срочно выехал к гарнизону и выяснил, что там происходит.

Пока Мажирин разговаривал по телефону, к связистам зашел военком дивизии полковой комиссар П.М. Ефимов. Павел Михайлович тактично дослушал, пока Мажирин закончит отдавать приказание, после чего сказал, что поедет вместе с Жеребцовым. Дело было слишком серьезным, нужно было, чтобы

присутствовал кто-то из штаба дивизии. Возможно, окажется, что где-то допустили ошибку подчиненные комполка, и он захочет прикрыть своих. В присутствии комиссара дивизии у него это не получится. Мажирин только кивнул, и попросил телефониста связать его со штабом фронта.

23.08.1941, старший краснофлотец, 1-й наводчик кормового орудия канонерской лодки «Верный» Петр Федорович Танана, 24 года

Три последних дня «Верный» ремонтировался в гавани. Подошла плавучая мастерская, и сварщики принялись заделывать пробоину в палубе, восстанавливать каюту главного механика, камбуз и другие надстройки. Взамен разбитых «тузика» и шлюпки были получены два четырехвесельных яла. Прибыли и рабочие, чтобы отремонтировать кормовое орудие, при котором Петр был наводчиком.

Из гидравлического компрессора слили веретенное масло, таями сделали принудительный откат, после чего механизм запираения клина встал на место. Командир во все время ремонта находился у себя в каюте, заполняя многочисленные ведомости расходования боеприпасов, составляя подробные боевые донесения, наградные листы на отличившихся членов экипажа и массу прочих документов.

Затем на корабль завезли патроны и снаряды, которые команда долго грузила в артиллерийские погреба и набивала в пулеметные ленты. Но боеприпасов было больше, чем требовалось самой канлодке, значит, она должна была доставить их другим кораблям. Кок принимал продукты, питьевую воду и кастрюли, «Верный» готовился к новому походу. Днем поступил приказ идти вверх по Днепру. Когда дошли до села Печки, радист принял новое сообщение: *«Припятский отряд блокирован выше Печкинского моста, не хватает боезапаса и про-*

довольствия. Канонерской лодке «Верный» днем 24.08.1941 идти на вырубку Припятского отряда».

В это время солдаты высаженного на берег боевого охранения, привели высокого, всего извалявшегося в грязи красноармейца с винтовкой. Резервист, еще недавно — школьный учитель, призванный в армию в самом начале войны, рассказал, как немецкие танки и бронетранспортеры ворвались на мост и как почти вся их рота охраны сдалась в плен, а орудия и пулеметы достались целыми и невредимыми немцам. Весь день он пролежал в трясине возле моста и только ночью отправился искать своих. Солдат рассказал, что видел, как немцы вдобавок к трофейным орудиям установили еще и свои. К переправе отправили шестерых разведчиков под началом незаменимого главстаршины С.И. Ивченко.

Подтверждение о правдивости слов резервиста экипаж получил очень скоро. Еще днем инженер-механик «Верного» воентехник 2-го ранга Ф.С. Осетров упробил Терехина дать разрешение на замену разбитых плит в гребных колесах новыми. Когда кочегары застучали молотками, на их звук со стороны моста открыли огонь сразу несколько орудий. Вернувшаяся разведка подтвердила: в Окуниново большая группировка противника, а возле моста — масса вражеской техники. Работы пришлось срочно свернуть, канлодку отшвартовали от левого берега и перегнали к более высокому правому. В сложившейся ситуации возможность выполнения приказа командования становилась весьма сомнительной.

24.08.1941, командир 1-й бронеплощадки ополченского бронепоезда «литер Б» Николай Андреевич Рябоконт, 27 лет

У них на бронепоезде произошли изменения — с поста командира 2-й бронеплощадки командовать новым бронепоездом «литер В» ушел Н.П. Богданов. Новый бронесостав построили

совместно Дарницкое паровозное депо и Дарницкий вагоно-ремонтный завод (ДВРЗ). Бронеплощадки и орудийные башни готовили рабочие ДВРЗ. Его оборудование уже эвакуировали, поэтому большинство работ мастера, а оставалось их всего 35 человек, проводили практически вручную. Когда металл для двух больших башен с трудом выгнули, оказалось, что нет кислорода для сварки. Специально за ним в Конотоп на местный ВРЗ отправили паровоз и два вагона. Линия Бахмач — Конотоп уже была под вражеским обстрелом, но этому импровизированному составу удалось без происшествий проскочить опасный участок и доставить тяжелые баллоны в Дарницу. Паровоз «Ов» обшивали броней на заводе «Большевик». Новый бронепоезд официально называли «литер В», а неофициально — «Дарничанин».

Всего на подготовку бронепоезда ушло десять суток. Его вооружили двумя орудиями, расположенными в больших круглых башнях, вращающихся на 270°. В стенах бронеплощадок разместили бойницы на 32 спаренных пулемета, получалось 64 ствола. Была еще счетверенная зенитная установка, два миномета, пулеметы Дегтярева, винтовки, пистолеты. Все вооружение экипаж получил со складов Пинской военной флотилии.

Команда составила 57 человек, которых набрали из ополченских батальонов железнодорожников. Богданов отправился готовить «литер В» и свою команду к первой боевой операции, а «литер Б», заправившись водой и углем, пополнив боеприпасы, вернулся обратно в район поселка Ирпень. На этом участке оборонялся 72-й погранотряд, с командованием которого Голованев быстро наладил взаимодействие. Для координации к ним на бронеплощадку «подсадили» двух пограничников.

Погранотряд обеспечивал заброску через Ирпень трех групп подрывников и подпольщиков, а в задачу артиллерийских расчетов бронеплощадок входило обеспечение их перехода через линию фронта «шумом» и артиллерийской поддержкой. Еще и суток не прошло, как пограничники приняли

от подпольщиков по радию первые разведанные и координаты целей.

Разведчики сообщили, что в поселке Ирпень противник накапливается в районе школы, там же расположен и штаб. Особенно экипаж повеселило сообщение, что на комендатуре расклеены объявления немецкого командования о выплате большой денежной премии и солидного надела земли за выдачу командира бронепоезда Василевского. Где-то он сейчас, Леонид Владиславович.

Артплощадки сделали пристрелочные выстрелы, подкорректировали наводку, после чего открыли бешеную стрельбу. Вскоре с командирского мостика поступил приказ прекратить огонь, и бронепоезд сменил позицию. По радию было получено сообщение, что из всех выпущенных снарядов в школу угодила только одна. Зато накрыло расположенную неподалеку вражескую батарею, пулеметное гнездо, а также прямым попаданием снаряда разметало полевую кухню вместе со всем ее содержимым.

24.08.1941, командир 4-й дивизии войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений полковник Федор Максимович Мажирин, 37 лет

К полудню ситуация прояснилась. Перед Мажириным стоял лейтенант С.Г. Угляренко, который только что вывел к Киеву остатки гарнизона 56-го полка, охранявшего мост через Тетерев. Немцам нужно было проехать через него, чтобы добраться к Окуниновскому мосту. Лейтенант доложил, что гарнизон сдерживал немцев 20 часов, уничтожив до 120 солдат противника, после чего поджег мост и отступил. Мажирин не знал, доверять его словам или нет. Если бы мост сгорел, немцы не смогли бы так быстро прорваться к Днепру и захватить переправу, что было бы катастрофой.

Значит, или Угляренко поджег мост, да тот не успел сгореть, или же лейтенант вообще ему врал. С этим предстояло еще разобраться.

Сейчас важнее было другое: немцы действительно прорвались на левый берег силами подвижной группы 11-й танковой дивизии. Пять регулировщиков — единственные солдаты, уцелевшие из всего гарнизона Окуниновского моста, рассказали историю его захвата немцами.

Гарнизон командовал лейтенант Мартыненко, ему помогал политрук Губин. Всего вместе с ними в отряде было 92 человека плюс один дивизион зенитной артиллерии. Немцы провели воздушную разведку и на захват моста отправили 50 танков, которые сопровождала пехота, перевозимая в грузовиках. Танки без опознавательных знаков увязались за пятью отступавшими нашими грузовиками. Первыми их приближение заметил противотанковый дозор, дежуривший на западном берегу в одном километре от моста.

Основная часть гарнизона жила на восточном берегу в окопах и траншеях на хорошо подготовленных позициях. Мартыненко услышал разрывы гранат, выстрелы танковых пушек и приказал приготовиться к бою. В это время на мост выскочило несколько танков: три сразу проскочили на левый берег, пять отправились утюжить окопы и позиции зенитчиков, один танк встал на мосту и начал подавлять огневые точки гарнизона и позиции зениток. Одновременно зенитчиков атаковали пикирующие бомбардировщики.

Взвод саперов, обязанный подорвать мост, который давно был готов к подрыву, почему-то этого не выполнил. Зенитчики ничего поделаться с немецкими танками не смогли. Бой длился 2-3 часа, гарнизон погиб почти полностью, а немцы к 18:00 взяли мост под свой контроль и стали спешно переправлять на восточный берег Днепра свои силы, закрепляя успех.

Нужно было срочно звонить в штаб фронта и докладывать.

24.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ генерал-майор И.Х. Баграмян, 43 года

О том, что немцы прорвались на левый берег Днепра и захватили там плацдарм, Кирпоносу доложили, когда Иван Христофорович находился у него в кабинете. Обычно сдержанный Михаил Петрович в этот раз в ярости стучал кулаком по столу, прямо по разложенной на нем карте, и возмущался, как можно было вообще такое допустить.

Ни в чем не повинный начальник штаба фронта Василий Иванович Тупиков доложил, что связь со штабом отступавшего в это время к Днепру 27-го стрелкового корпуса отсутствует. Это его дивизии должны были отходить за Днепр по Окуниновскому мосту. С ним сейчас пытались связаться, минуя штаб 37-й армии, которой 22 августа переподчинили корпус, чтобы перенаправить на переправы, находившиеся севернее Горностайполя. Непосредственно под Остер из Броваров в спешном порядке отправили два инженерно-саперных батальона с большими запасами противотанковых мин. Но этого было недостаточно, поэтому тут же приняли решение перебросить на новый рубеж обороны Киева, который теперь проходил по Десне, 212-ю воздушно-десантную бригаду, 41-й понтонный батальон, роту 64-го полка НКВД, отряд 91-го погранполка, маршевый батальон 172-го запасного полка вместе с 217-м артиллерийским полком и 114-м артиллерийским дивизионом. Командовать этой сводной группой поручили командиру 3-го воздушно-десантного корпуса генерал-майору Глазунову. Этого было достаточно, чтобы организовать оборону, но крайне мало, чтобы ликвидировать вражеский плацдарм.

Кирпонос обернулся к Ивану Христофоровичу и приказал срочно связаться с генералом Власовым. От командующего 37-й армией следовало потребовать немедленной организации контрудара, чтобы сбросить танки и пехоту противника с ле-

вого берега в Днепр. Тут же его соединили с контр-адмиралом Д.Д. Рогачевым. От него Кирпонос потребовал немедленно, не считаясь ни с какими потерями, уничтожить мост и пресечь любые попытки немцев перебросить на плацдарм подкрепления. Тот же приказ спустя минуту был отдан командующему ВВС Юго-Западного фронта генерал-лейтенанту авиации Федору Алексеевичу Астахову.

Баграмяна соединили с Власовым, генерал заверил, что делает все возможное.

Чтобы разобраться в произошедшем, в район Окуниново отправили начальника ПВО штаба фронта майора В.А. Пеньковского. Он вернулся несколько часов спустя мрачнее тучи. Оказалось, что из двух зенитных артиллерийских дивизионов, которые обороняли переправу, накануне один генерал Власов почему-то снял и перебросил на другой участок. То есть вместо того чтобы усилить гарнизон НКВД противотанковыми орудиями, командующий 37-й армией, наоборот, ослабил его. Не перебросил он туда и роту пехоты, позиции для которой: траншеи, эскарпы, окопы, ДЗОТы и блиндажи местные жители давно подготовили.

Но это еще было полбеды. У зенитчиков не оказалось броневой снарядов, и они вели огонь по танкам... шрапнелью!!! То есть гарнизон изначально был обречен. Танки раздавили батареи на правом берегу и понеслись на мост. Горстка артиллеристов взвода управления, из противотанковых средств вооруженная только бутылками с зажигательной смесью, подожгла два танка и погибла полностью.

Командир взвода саперов, не получив разрешения на подрыв моста, сам его взорвать не решился. Где теперь он сам и его подчиненные, выяснить не удалось. Скорее всего, погибли вместе со всем остальным гарнизоном.

Тем временем ситуация развивалась стремительно. Поступили сообщения от контр-адмирала Д.Д. Рогачева, командующего Пинской флотилией (моряки ночью перебросили к мосту через Десну роту пехоты), и от командира 4-й железнодорожной дивизии НКВД полковника Ф.М. Мажирина. Немецкая

группа прорыва, основной ударной силой которой были танки 11-й танковой дивизии генерал-лейтенанта Гюнтера Ангерна, и которой командовал он сам, решила еще раз попытать удачу и с ходу захватить мост через Десну в районе Остра. Выехавшие ночью на двух грузовиках командир 56-го полка НКВД подполковник Жеребцов, военком Ефимов и два отделения стрелков пересекли Десну как раз по этому мосту и где-то в 8:00 за селом Карпиловка столкнулись нос к носу с немецкой танковой колонной. В скоротечном бою противник потерял несколько мотоциклистов и один танк подбитым, а бойцы НКВД — 8 человек, среди которых оказались и командир полка с военкомом дивизии.

Отряд отступил, а вражеская колонна двинулась к Остру, но здесь заставить охрану врасплох у немцев уже не получилось. Гарнизон лейтенанта НКВД Свиридова совместно с морскими пехотинцами майора В.Н. Добржинского и дивизионом зенитной артиллерии устроили засаду и открыли по немцам огонь. Немецкие солдаты, ехавшие на велосипедах следом за мотоциклистами и танками, понесли тяжелые потери. Потерял противник и часть бронетехники.

В начавшемся переполохе боевое охранение из 14 краснофлотцев под началом главстаршины Сорокина, вооруженных бутылками с зажигательной смесью, смогло зажечь несколько танков. Мажирин докладывал, что защитники моста уничтожили до двух рот пехоты противника и подбили около 9 танков. Моряки докладывали о 2–3. Генерал-лейтенант Ангерн получил тяжелое ранение. У бойцов НКВД в бою погибло пять красноармейцев и два средних командира, три бойца получили ранения. Моряки потеряли 14 человек убитыми, 27 ранеными, из которых 12 — тяжело. Трое (раненые, которых не удалось эвакуировать) пропали без вести.

Немцы хотели повторить атаку, но советские саперы подорвали мост, и смысл в ней пропал. Бойцы НКВД и моряки дождались ночи и только тогда переправились на восточный берег Десны.

24.08.1941, командующий 36-й иад Герой Советского Союза полковник В.В. Зеленцов

Зеленцову перезвонили из 43-го полка. На том конце провода был комполка майор Т.Н. Сюсюкалов. Он сообщил, что немцы прорвались за Днепр в районе Окуниновского моста. Командующий авиацией фронта генерал-лейтенант Ф.А. Астахов напрямую, «через голову» комдива и его собственную, лично приехал на аэродром в Броварах, благо штаб фронта находился всего в паре километров от него, и поставил задачу перед командиром 2-й эскадрильи полка старшим лейтенантом Василием Шишкиным, которая там базировалась. Много слов генерал не говорил: «Вывести из строя мост! Любой ценой... О выполнении задания доложить лично!»

Перезвонив из Броваров, командир 2-й эскадрильи капитан В.И. Шишкин доложил, что четыре самолета готовы к вылету, и просил разрешения на взлет. Само собой, разрешение он тут же получил.

24.08.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год

Под крыльями четырех самолетов навесили по две бомбы ФАБ-50. На штурмовку полетели самые опытные летчики: сам комэск, его заместитель старший лейтенант М.С. Бубнов, Дмитрий и командир звена младший лейтенант И.В. Фадеев.

«Чайки» подошли к цели на высоте 200 метров с последующим набором высоты до 1100. На мост они заходили с востока, с разрывом между самолетами в 600 метров, что позволяло лучше прицелиться. Осколки зенитных снарядов чиркали по

фюзеляжам самолетов, прошивали перкалевые плоскости и, не задев никаких важных агрегатов, улетали в небо. «Чайки» упорно приближались к цели.

Первым сорвался в пикирование комэск Шишкин. Он положил бомбы точно посреди моста, проделав в его настиле большие дыры. Следом спикировал Панов, ориентируясь на следы первых попаданий, за ним — Бубнов и Фадеев. Практически все бомбы поразили цель, от чего один центральный деревянный пролет провалился. Были повреждены и деревянные сваи, державшие мост на высоте 15 метров над уровнем воды. Об этом доложил самолет-разведчик, отправленный сразу вслед за «чайками».

Но нанесенных повреждений было явно недостаточно. Саперы у немцев работали хорошо, буквально через несколько часов они восстановили разрушенный пролет, и движение по мосту возобновилось. На следующую штурмовку отправили четверку И-153, состав которой почти не отличался от первого (младшего лейтенанта Фадеева заменил военком 43-го полка батальонный комиссар Г.С. Щербаков), и два последних штурмовика Ил-2 из 74-го штурмового авиационного полка.

24.08.1941, командир звена 74-го штурмового авиационного полка 16-й авиационной дивизии лейтенант С.И. Колыбин, 29 лет

Они взлетели с аэродрома в 17:15. Приказ был сжечь Окуниновский мост горючей смесью. Для этого под фюзеляжами машин подвесили массивные ЖАПы — жидкостные авиационные приборы, рассчитанные на 200 литров горючей смеси каждый. От аэродрома возле черниговского села Хибаловка, где базировался их полк, до моста по прямой было

всего 100 километров, так что лететь пришлось недолго. Шли на бреющем, чтобы немецким истребителям, чувствовавшим себя в украинском небе хозяевами, было сложнее их обнаружить.

Ил-2 ведомого младшего лейтенанта Василия Олейника летел буквально крылом к крылу. Так они без приключений и добрались до городка Остер, где к группе присоединилась четверка «чаек», также направленная для штурмовки.

Историческая справка: Старший лейтенант Олейник Василий Яковлевич 1917 года рождения. Пилот Ил-2 74-го шап, не вернулся с задания 26.10.1942 года.

Внизу появилась Карпиловка, до моста оставались считанные километры. Сергей знаками показал Олейнику, чтобы тот отстал и взял чуть повыше. Высота метров 25, если что, прыгать нет никакого смысла — парашют не раскроется. Вот и изгиб Днепра, блестящего в вечернем солнце. Вот и мост, по нему сплошным потоком идет пехота, едут повозки, грузовики и танки. Зенитные батареи, пулеметы, немецкие пехотинцы... казалось, весь мост открыл огонь по его самолету. Толчок, в мотор угодил снаряд зенитки. Кабина наполнилась едким дымом. Все, прыгать нельзя, сесть — это верный плен, значит надо выполнять задание до конца.

Сергей нажал кнопку сброса, но он уже не успел увидеть, что огнесмесь, растянувшуюся лентой, ветром снесло в воду. Надо было забрать чуть под ветер, и тогда бы атака удалась. Зато это видел Вася Олейник, который тут же сделал поправку по курсу и накрыл сразу несколько пролетов моста, вместе со всем идущим, едущим и прущим по нему. Это видели пилоты И-153, которые следом «обработали» мост «эрэсами» и огнем пулеметов. Пехота в панике прыгала в воду, на мосту началась давка, бардак. Но Сергей уже этого не видел. Его объятая огнем машина летела над колонной, растянувшейся на ведущей к мосту дороге. Он направил свой самолет прямо на нее. Удар...

24.08.1941, военный комиссар 2-й эскадрильи 43-го иап 36-й иад Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год

К вечеру они опять получили приказ лететь бомбить Окуниновский мост. В этот раз вести группу выпало Дмитрию. Летели всей эскадрильей. «Чайки» подлетели к мосту, когда на него как раз вползала длиннющая змея немецкой колонны. Самолеты выстроились в круг и начали раз за разом утюжить противника «эрэсами» и огнем пулеметов. Солдаты в панике прыгали воду, загорелись девять машин. С берега по самолетам ударили зенитки.

Вскоре реактивные снаряды закончились, и эскадрилья еще несколько раз прошла над прибрежными деревьями, под кронами которых укрывалась рассеянная пехота. Наконец пришло время возвращаться на аэродром. В этом бою они потеряли еще один самолет и пилота, погиб ведомый самого Дмитрия, совсем молодой летчик-черкес, имя которого он спустя какое-то время даже не мог вспомнить.

24.08.1941, старший краснофлотец, 1-й наводчик кормового орудия канонерской лодки «Верный» Петр Федорович Танана, 24 года

Всю ночь командир «Верного» пытался доказать контр-адмиралу Рогачеву, что прорываться под Окуниновским мостом днем равносильно самоубийству. Но тот упорно настаивал на своем, в Киеве не верили, что мост захвачен немцами. Когда же командование осознало весь ужас произошедшего, был получен категорический приказ: *«Любой ценой разрушить захваченную фашистами Окуниновскую переправу. Выполнение доложить».*

Затемно, где-то в 3:30, «Верный» снялся с якоря и на самом малом не пошел — пополз вверх по реке. На расстоянии в 3–4 километра южнее моста рулевые поставили канлодку под углом 35–40° по направлению к нему, чтобы огонь могли вести все корабельные орудия. С мостика поступили данные наведения, пока еще свежий заряжающий лихо вкатил снаряд в казенник. Выстрел!.. И сильнейший нокаутирующий удар казенником в грудь вышвырнул Петра из полубашни. Он выпал бы за борт, если бы не повис на леерах. Носовое орудие сделало еще два выстрела, после чего канлодка с правым поворотом пошла на ночную стоянку под высоким правым берегом в том месте, где деревья густо нависали над водой, скрывая корабль от назойливых глаз немецких самолетов.

Начали разбираться с орудием. Оказалось, что во время ремонта, сделанного впопыхах, рабочие оружейники залили в компрессор недостаточное количество веретенного масла. Накатники не выдержали 13-тонной отдачи, но, к счастью, из строя не вышли. Расчет орудия своими силами устранил неполадку, о чем тут же доложили на мостик, и «Верный» снова отправился к мосту, встал к нему под углом левым бортом и открыл огонь. С палубы было видно, как над мостом появились наши самолеты, сбросили бомбы, не причинив переправе особого видимого вреда, и удалились.

Корабль вел огонь по второй от левого берега опоре. От моста отлетали доски, на опоре показалась черная точка глубокой выбоины, из машин и бронетранспортеров образовалась пробка. Несколько снарядов нашли себе жертвы в этом столпотворении. Но тут в небе над «Верным» появилась «рама», которая, обнаружив цель, тут же скрылась. Сигнальщики доложили «Воздух!», с мостика передали команду «Дробь!», и канлодка спешно ушла под левый берег.

Из укрытия было хорошо видно, как наведенные «рамой» бомбардировщики кружили над местом недавней огневой позиции канлодки, тщетно пытаясь ее обнаружить. Вместо боевого корабля они разбомбили гражданский пароход, который буксировал две баржи пиломатериалов. Первые же бомбы на-

крыли баржи, капитан буксира не растерялся, приказал рубить трос и выбросил пароход на мель, после чего команда покинула судно. Наконец вражеские стервятники удалились, и «Верный» снова приступил к обстрелу моста.

В окуляр прицела Петр фиксировал прямые попадания в цели. Вновь появились наши истребители-бипланы, после их налета мост загорелся, по его настилу заметались люди с ведрами. Командир старший лейтенант А.Ф. Терехин, наблюдая за происходящим в бинокль, приказал лейтенанту А.В. Жигалову так громко, что услышали и в полубашнях: «По фашистским пожарникам шрапнелью, беглым, огонь!» «Пожарники» разбежались, спешивший с правого берега мотоцикл развернулся посреди моста и заторопился обратно.

Расчеты возобновили огонь по самому мосту, и вскоре невооруженным глазом стало заметно, как одна из его ферм сползла с опоры. На правом берегу образовалась пробка из вражеской техники, наводчики получили новые целеуказания, и вскоре с той стороны в небо пополз жирный черный столб дыма. В воздухе снова появились самолеты, и Терехин поспешил отвести «Верного» под спасительные прибрежные заросли ивняка. Канлодка успела пройти значительное расстояние, прежде чем команда смогла рассмотреть, что это не вражеские, а наши самолеты вновь заходят на бомбардировку вражеской переправы.

24.08.1941, командующий 2-й танковой группой вермахта генерал-полковник Хайнц Вильгельм Гудериан, 53 года

Он летел обратно на фронт в препаршивейшем настроении, его поездка в Ставку Гитлера полностью провалилась.

Еще вчера причин для расстройства не было. Очередное наступление группы развивалось вполне приличными темпами — 21 августа 24-й танковый корпус (тк) захватил Косто-

бобр, 47-й тк — Почеп. При таких скоростях полностью выполнить план «Барбаросса» они, наверное, уже не успевали, но захватить Москву до осенней распутицы представлялось вполне посильной задачей. 22 августа он перенес свой штаб в Шумячи, поближе к фронту, чтобы не утратить оперативность управления войсками при дальнейшем наступлении на восток. На 23-е в штабе группы армий «Центр» было назначено совещание, которое, как он предполагал, определит дальнейшие действия танковых и пехотных корпусов в наступлении на Москву, но очень сильно ошибся.

Подозрения в том, что его готовятся развернуть на юг, в тыл Юго-Западному фронту русских, появились тогда же, 22-го, когда в 19:00 его запросили из штаба группы армий, не может ли он перебросить часть своих войск на левый фланг 2-й армии генерал-полковника Максимилиана фон Вейхса. Ее планировали развернуть на юг для нанесения совместно с 6-й армией группы армий «Юг» генерал-фельдмаршала Вальтера фон Рейхенау синхронного удара во фланг и тыл Киевской группировке русских.

Он ответил в своей категоричной манере, что не только не может, но и считает такую переброску ошибкой, а дробление сил своей группы — преступлением. Но Гудериану сообщили, что как минимум одну из моторизованных дивизий все-таки придется выделить, потому что на это получен прямой приказ. Одна дивизия — это не вся группа, и даже не корпус, и поэтому, хоть у него на душе и оставался легкий налет недовольства, но, пока он летел в штаб группы армий в Борисов, в целом настроение было приподнятое.

Испортилось оно, когда прибывший к ним из Мауэрвальда начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Франц Гальдер сообщил, что Гитлер полностью отказался от дальнейшего выполнения плана «Барбаросса». Он отказался наступать на Ленинград и Москву, и ближайшей основной задачей сил Восточного фронта видит захват Украины и Крыма. Ссутулившаяся фигура Гальдера и его взгляд свидетельствовали о переживаемом потрясении. Это его план

дальнейшего развития наступления на Москву потерпел полный крах, и Гальдер считал (а Хайнц полностью разделял его мнение), что своим решением Гитлер подверг всю кампанию неоправданному риску.

Гудериан выступил перед участниками совещания, обратив их внимание на усталость частей (24-й тк с начала войны вообще не выходил из боев), изношенность техники и отвратительное состояние дорожной сети в европейской части России, которое ухудшалось с каждым километром продвижения на восток. Они рисковали отложить взятие Москвы на зимний период, а к зиме вермахт готов не был, как и к затягиванию боевых действий.

Командование группы армий «Центр» разделяло мнение героя кампании во Франции, их «Быстроходного Хайнца». Фельдмаршал фон Бок предложил ему слетать в Мауэрвальд вместе с генерал-полковником Гальдером и там, в ставке Верховного командования сухопутных войск вермахта, изложить Гитлеру свои доводы. Может быть, фюрер прислушается хотя бы к доводам своего самого успешного генерала.

Они вылетели где-то после 20:00 и вскоре приземлились на аэродроме в Летцене (Луганы) в восточной Пруссии. Первым его принял главнокомандующий сухопутными силами фельдмаршал фон Браухич. Он мнение Гальдера и фон Бока не разделял и прямолинейно, без экивоков, запретил даже упоминать в присутствии Гитлера вопрос о наступлении на Москву. Вспылив, Хайнц ответил, что не лучше ли ему тогда просто сразу прямо отсюда отправиться на фронт, если его мнение ничего не значит? Фельдмаршал сделал вид, что не заметил этой вспышки гнева, и приказал доложить фюреру о ситуации во 2-й танковой группе, повторив при этом свой запрет на упоминание Москвы.

Но не таков был «Хайнц-ураган», чтобы беспрекословно выполнять приказы, которые он считал идиотскими. В конце концов, не наплюй он в свое время на окрики командования и попытки его остановить, не было бы чуда на Сомме, которое завершилось для чванливых британцев Дюнкерской ка-

гастрофой. Если бы Гитлер тогда не остановил своим личным приказом его дивизии, они бы намотали на гусеницы британский экспедиционный корпус, смешали бы его с прибрежным песком, и острова можно было бы брать голыми руками. Теперь история повторялась, только в гораздо больших масштабах, и последствия могли стать для Германии катастрофическими.

Он все же построил доклад так, что Гитлер сам спросил о Москве и разрешил изложить свои доводы. Войска были настроены наступать на Москву, и, захватив ее, они сломали бы у русского народа волю к сопротивлению. После взятия Москвы захватить Украину, Крым, Ленинград... да что угодно, будет намного проще, чем до. Расстояние от Рославля, где находятся его войска, до Лохвицы — 450 километров. Если его танки, не вступая в бои, даже просто проедут это расстояние, им всем потом потребуется ремонт, а экипажам — длительный отдых. Но главное — потом наступит ужасная русская распутица, а следом ударит ужасный русский мороз. И что тогда делать?

Гитлер дал ему выговориться и ни разу не перебил. Но затем, по тому как вождь германской нации начал излагать свои доводы, Хайнц понял, что фюрера он не переубедил и не сможет переубедить. Гитлер ставил во главу угла экономические соображения, он так и сказал: «Мои генералы ничего не понимают в военной экономике». Он не хотел осознавать, что важнее сломать волю врага к сопротивлению, чем его оружие. Гитлер закончил свою речь приказом немедленно перейти в наступление на Киев.

Дослушав монолог диктатора, Хайнц тогда предложил не дробить его группу, а нанести удар всеми подчиненными ему войсками, чтобы как можно быстрее закончить разгром противника и высвободить танковые корпуса для последующего удара на Москву. С этими доводами Гитлер согласился и пообещал учесть. Гудериан не знал, что еще до его доклада фюреру был подписан приказ, предписывавший командованию группы армий «Центр» оказать содействие группе армий «Юг» в окружении киевской группировки противника.

Уже было далеко за полночь, когда Хайнц вернулся в отведенную ему квартиру. Утром он отправился к начальнику генерального штаба и сообщил о результатах своего доклада. Узнав, что вместо поворота на юг одной дивизии или корпуса, туда будет направлена вся 2-я танковая группа, Гальдер взорвался. Вместо того чтобы попытаться исправить ситуацию, твердолобый танкист только усугубил ее. Он тут же связался по телефону с фон Браухичем и в грубых тонах сообщил командующему группы армий «Центр» все, что он думает о его подчиненных. Хайнц покинул кабинет Гальдера в состоянии крайней степени раздражения.

В Борисове ему вручили приказ 25 августа развернуть всю свою танковую группу на юг, и теперь он летел в Шумячи в отвратительном настроении и с очень нехорошими предчувствиями.

Историческая справка: Выдержки из приказа Гитлера от 21 августа: «Предложение ОКХ от 18 августа о развитии операций в направлении на Москву не соответствует моим планам.

Приказываю:

...2. Исключительно благоприятная оперативная обстановка, которая сложилась благодаря достижению нами линии Гомель — Почеп, должна быть использована для того, чтобы немедленно предпринять операцию, которая должна быть осуществлена смежными флангами групп армий «Юг» и «Центр». Целью этой операции должно явиться не простое вытеснение 5-й армии русских за линию Днепра только силами нашей 6-й армии, а полное уничтожение противника до того, как он достигнет линии р. Десна — Конопот — р. Сула. Это даст возможность группе армий «Юг» занять плацдарм на восточном берегу Днепра в районе среднего течения, а своим левым флангом во взаимодействии с группой армий «Центр» развить наступление на Ростов, Харьков.

3. Группа армий «Центр» должна, не считаясь с дальнейшими планами, выделить для осуществления указанной операции столько сил, сколько потребуется для уничтожения 5-й армии русских, оставляя себе небольшие силы, необходимые для отражения атак противника на центральном участке фронта...»

**25.08.1941, рядовой 2-го взвода
1-й роты истребительного батальона
Кировского района города Киева
Владимир Николаевич Покотило, 17 лет**

Фронт стабилизировался, и уже больше недели истребительный батальон, окопавшийся на опушке Голосеевского леса к северо-западу от Пирогова, отдыхал, приводил себя в порядок и укреплял оборону. Стояли последние жаркие дни августа, часто хотелось пить, а единственный в округе колодец, как назло, оказался как раз на нейтральной полосе, равноудаленный как от немецких траншей, так и от траншей ополченцев.

Наши солдаты, и Володя тоже, ходили к нему по очереди по двое, вместе с оружием и различными емкостями выбирались на открытую местность и шли по абсолютно голому полю на виду у немцев. Те точно таким же образом ходили за водой, и никто огня по водоносам не открывал, хотя пространство возле колодца было давно обеими сторонами отлично пристреляно. Идя за водой, Володе приходилось очень сильно приближаться к немецким траншеям, и он даже несколько раз смог разглядеть лица вражеских солдат, с любопытством выглядывающие из-за бруствера. Опять сработало неписаное правило войны, но этому уже никто не удивлялся.

Если немецкие и наши солдаты появлялись у колодца почти одновременно, тогда те, что были ближе, набирали воду первыми, а вторая пара терпеливо дожидалась в сторонке, не доходя метров сто.

Все это закончилось, когда их траншеи посетил комиссар 147-й стрелковой дивизии Ф.И. Бабенко. Он что-то обсуждал с командиром батальона, когда увидел двух наших солдат, не спеша бредущих за водой. Бабенко вытянул свой указательный палец и удивленно спросил у комбата, что это такое. Тот, находя происходящее вполне обычным и будничным, пояснил, что это батальон снабжается водой. После такого объяснения дивизи-

онный комиссар закричал так, что его наверняка было слышно и в немецких траншеях. Он чуть ли не обвинил ополченцев в братании с врагом, потребовал немедленно прекратить этот бардак, грозя командирам трибуналом. Чем закончилась эта история, Володя так и не узнал, потому что вечером того же дня их сняли с этого участка обороны и перебросили на другой.

25.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ генерал-майор И.Х. Баграмян, 43 года

Помещения в Броварах опустели, почти весь штаб фронта уехал на новое место в Прилуки, оттуда было удобнее координировать действия войск против угрозы, которая теперь нависла с севера. В Броварах пока осталось только оперативное управление, которое сильно зависело от связи и которое быстро перевести с одного места на другое было сложно. Оно оперативно принимало информацию с фронта, а для этого требовалась связь, связь и еще раз связь. Когда ее еще наладят там, в Прилуках?

Тем временем поступавшие от частей и подразделений фронта сводки становились все тревожнее. Вчера в 22:35 на Окуниновском плацдарме противник, используя бронетехнику, попытался форсировать Десну в районе Моровска. Ему это не удалось. Резервные инженерно-саперные батальоны, отправленные еще днем из Броваров, успели в районе Остра переправиться через Десну, взорвать все мосты в междуречье Днестра и Десны и заминировать дорогу от Окуниново на Остер. Этим они на время задержали продвижение противника. По крайней мере, воздушная разведка до сих пор не смогла засечь перемещения вражеских колонн по этой дороге. Видимо, после ряда неудач в стремлении прорваться с плацдарма на юг немцы решили поднакопить сил, укрываясь в прибрежных лесах, а потом повторить попытку.

Почему медлит Власов? Сейчас самое время снять с линии КиУРа несколько дивизий, одним рывком ударить по противнику и сбросить этот чертов плацдарм в Днепр. Вместо этого командующий 37-й армии присылает к Остру какие-то крохи, которыми можно только укрепить оборону, но не решить всей проблемы. Понятно, что противник захватил Гостомель и пытается ворваться в Ирпень. Эти городки лежат западнее линии КиУРа, и было изначально ясно, что рано или поздно придется их отдать. Но ведь и ежу понятно, что активность на линии обороны города призвана оттягивать наши части на себя, в то время как основное наступление будет здесь, на плацдарме.

Еще несколько часов, немцы закопаются, подготовят капитальные позиции, и будет поздно выкуривать их с левого берега. Если уже не поздно.

Тревожная информация поступала из штаба Центрального фронта. Немцы превосходящими силами начали наступление вдоль линии железной дороги Гомель — Щорс — Бахмач. Если окажется, что это не отвлекающий маневр, если окажется, что Гудериан все-таки повернул свои танки на юг, значит, Юго-Западному фронту угрожает то, чего все они так боялись, — глубокий охват с севера и востока с последующим окружением. Если Клейсту и Штюльпнагелю удастся форсировать Днепр в районе Черкасс, Кременчуга или Днепропетровска, то катастрофа может случиться буквально в течение нескольких недель.

25.08.1941, старший краснофлотец, 1-й наводчик кормового орудия канонерской лодки «Верный» Петр Федорович Танана, 24 года

«Верный» спускался вниз по течению. Вечером вчерашнего дня командир БЧ-2 лейтенант А.В. Жигалов подошел к Петру и сказал, чтобы он обязательно поспал, потому что вечером наводчикам предстоит ответственная работа. Спать он пошел

в кормовой артиллерийский погреб, где свалился от усталости на сдвинутые маты и уснул. В погребе было уютно, прохладно, от снарядов слегка несло эфиром, но этот запах для комендоров был привычным. Разбудил Петра грохот матросских ботинок по палубе, гулко отдававшийся вниз. В погреб ввалился погребной «Сашка киевский», а за ним и второй. Они сказали, что «Верный» спускается на 7 километров ниже к Сухолучью, разбивать там вражескую переправу. На корабль на катере прибыл какой-то саперный майор, требовал и ругался на командира. Сашка панически боялся в случае, если корабль начнет тонуть, оказаться наглухо задраенным в погребе. Их положено было задраивать во время ведения боя, чтобы не залетела шальная мина. Погребные, испытующе глядя Петру в глаза, просили не забыть их, если что, и открыть люк. Он пообещал, что не забудет.

Снаружи уже было позднее утро. Петр занял свое место у орудия и доложил о готовности на мостик. Вскоре Жигалов лично подошел на ют, он обрадовался, потому что, когда 1-й наводчик кормового орудия не появился по тревоге, он уже начал думать невесть что.

До полубашни долетали фразы, которыми на повышенных тонах обменивались командир корабля старший лейтенант А.Ф. Терехин и саперный майор, одетый в подозрительно новую, с иголочки, форму. Он несколько раз повторил фразу: «Я представитель Красной Армии и прошу подчинения». Терехин же объяснял ему, что в районе Сухолучья Днепр узкий, канлодке там спрятаться абсолютно негде, а значит, она совершенно гарантированно будет уничтожена вражескими бомбардировщиками, которые устроили на нее форменную охоту. Но майор настаивал на своем. Терехин попытался схитрить, заявив, что он не может выполнить приказ сухопутного офицера без согласования со штабом флотилии. Но тут совершенно некстати вмешался не оставлявший «Верный» с 16 августа начштаба Днепровского отряда кораблей капитан 3-го ранга К.И. Оляндер. Он сказал: «Я штаб, я разрешаю»... и у Терехина опустились плечи.

Он козырнул, обреченно развернулся через левое плечо и отправился к себе в каюту. Буквально через минуту он появился на палубе в кожаном форменном реглане, который надевал только, когда предстояло особо опасное дело. Взбежав на мостик, он оттуда сверху обратился к Жигалову: «Прощайте! Объяви всем — пусть прощаются, идем на верную гибель!»

Оляндер и пришлый майор в действия забывшего всякую субординацию Терехина не вмешивались, они предпочли благоразумно скрыться в бронированной рубке. На мостике остались только командир, лейтенант Жигалов и сигнальщик — старшина 2-й статьи Гаврила Ворона. «Верный» поднял якорь и медленно тронулся с места.

Было около 8:30. Корабль не успел пройти и половины пути, как в небе появились 9 двухмоторных немецких бомбардировщиков. Было такое ощущение, что они знали о скором появлении канлодки. Зенитчики открыли огонь, им удалось зажечь один бомбардировщик и сбить второй, но вскоре от перегрева у 76,2-мм зенитки отказал экстрактор. Расчету приходилось извлекать гильзы вручную, что крайне снизило темп стрельбы.

Прошло полчаса, и вот уже новая девятка стервятников навалилась на идущий практически по прямой корабль. Они зашли тройками сразу с трех сторон. Наиболее удачливой оказалась группа, атаковавшая с носа: первая бомба угодила в правый подкрылок мостика, где хранились гранаты и стрелковое оружие, вторая взорвалась в носовом артиллерийском кубрике. Что-то подсказало Петру, что нужно срочно развернуть орудие поперек корпуса, что он тут же и проделал. В этот момент разорвалась третья бомба, угодившая в капитанский мостик. К счастью для расчета кормового орудия, взрывную волну и осколки приняла на себя броня полубашни, но остальному экипажу повезло меньше. Взорвался паровой котел. Замкнуло электровонки, корабль содрогался от сигналов боевой тревоги. На палубе начали рваться зенитные снаряды.

Петра взрывной волной третьего попадания ударило о противоположную стенку полубашни, и он на какое-то время потерял сознание, а когда пришел в себя, на палубе уже царил сущий ад.

Командир «Верного» погиб на мостике сразу. Пулеметчиков выкинуло за борт. Из этой четверки выжил только один — Иван Гавриленко, его тяжело ранило. Пробковые пояса не дали телам утонуть, и они поплыли вниз по течению. Убитый рулевой Иван Макаренко так и повис на штурвале. При взрыве котла погиб трюмный машинист Дима Меркулов и химист Миша Пешков. Электрику Боре Кузерину оторвало руку и ногу, боцману Леониду Силычу Щербине оторвало левую ногу, она держалась только на лоскуте кожи, старпому Ф.В. Варфоломееву оторвало левую руку. Командир носового орудия Александр Рогов был убит наповал осколком в спину, он не сообразил развернуть полубашню.

Из рубки, пошатываясь, вывалился инженерный майор. Поминая по матушке и корабль, и команду, он бросился в свой полуглиссер и отвалил в сторону правого берега, к Сухолучью. Очевидцы потом рассказывали, что на берегу его ждал отряд охраны человек в пятнадцать, но сам Петр этого не видел.

Из трюма начали выбираться на палубу члены экипажа, многие обожженные паром. По правому борту к полубашне, пошатываясь, подошел лейтенант Жигалов. Из его разорванного в районе живота кителя сочилась темно-красная, почти черная кровь. Комендоры подхватили своего теряющего сознание командира, предложили перевязать, но он отказался, сказав, что перевяжут на «Ростовцеве». Монитор вызвали из Киева в поддержку «Верному», но он сгодился только для того, чтобы выловить из реки тела пулеметчиков и принять на борт раненых. Командир БЧ-2 попросил снять с него ремень с пистолетом ТТ и отдал Петру в качестве подарка, считая, что ему пистолет больше не пригодится.

Когда раненых Жигалова, Щербину, Варфоломеева и других погрузили в шлюпку, прибывшую за ними с «Ростовцева»,

Петр вспомнил о погребных и их просьбе. Он отдраил люк, и те пулей вылетели на палубу, перепуганные, но живые и невредимые. Прозвучала команда «Спасаться!», и моряки начали один за другим прыгать за борт. На палубе остались обожженные военфельдшер Г.К. Тищенко-Мищенко и пулеметчик Ваня Гавриленко — они оба не умели плавать. Петр и машинист Бондаренко вспомнили о них, когда уже доплыли до берега. Моряки отдышались, сняли обувь, мокрую одежду и поплыли обратно к «Верному». Сначала они сняли фельдшера, затем переправили Гавриленко.

Отбомбившиеся немецкие самолеты не оставляли экипаж в покое, они носились на бреющем над канлодкой и поливали ее из пулеметов. Те немногие, кто смог доплыть до берега со своими винтовками, вели ответный огонь, но тщетно. Наконец бомбардировщики улетели.

Убитых похоронили тут же на берегу в братской могиле. Когда закончили насыпать могильный холмик и отправили раненых с попутным грузовиком в Киев, оказалось, что шустрое местное население уже начало стягиваться на лодках к «Верному», желая пожить в хранившемся на нем добром. Комиссар старший политрук К.И. Трутнев приказал Петру и еще семерым матросам охранять «Верного», а сам, также получивший ожоги, отправился на «Ростовцев».

Корабль окончательно сел на грунт где-то в 14:00 совсем близко к правому берегу, на котором вот-вот могли появиться немцы. Оставаться дольше на борту становилось опасно. Моряки переплыли на небольшой поросший густым лозняком островок и устроили здесь совещание. Половина из них была коммунистами, вторая — комсомольцами. В случае пленения им всем грозила смерть, поэтому порешили переправляться на левый берег и по нему пробираться в Киев. У левого берега они рассмотрели заброшенные баржи и белое пятно спасательной шлюпки ОСВОДа. Самый старший из образовавшегося отряда, Иван Коптелов, сплавал и перегнал ее к острову. К всеобщей радости, в ней обнаружилось три весла. Когда моряки уже почти достигли безопасного бере-

га, по ним с правого открыли огонь из пулемета, но моряки успели причалить, быстро вытащили ял на берег и укрыли в ближайшей лощине.

Зрелище они собой представляли жалкое — почти все были раздеты, многие разуты. Из оружия на восемь человек только один ТТ, подаренный Петру лейтенантом Жигаловым, старенький «наган» и винтовка. Ее счастливым обладателем был машинист Ваня Алехин. Босой, в шинели на голое тело и брезентовых штанах от робы, с винтовкой через плечо, он представлял собой живописное зрелище.

25.08.1941, военный комиссар 2-й эскадрильи 43-го иап 36-й иад Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год

Он с трудом выбрался из раскалившейся на солнце «чайки» и тяжело опустился возле шасси на пыльную траву. Из-под кожаного летного шлема, потяжелевшего от влаги, на лоб стекал едкий пот, норовя попасть в глаза. Он стянул шлем и бросил на колени. Гимнастерка тоже была мокрая, хоть выжимай.

Последние самолеты эскадрильи еще садились, заруливали на стоянку, и из них так же тяжело выбирались, устало опускались на траву или шли куда-то, пошатываясь, остальные пилоты. Эскадрилья была вымотана постоянными боями свыше всякой меры. Самолеты и летчики практически не отдыхали. Первые ремонтировались ночью, а вторые спали и отдыхали прямо здесь же, на летном поле. Сюда же привозили еду.

Как комиссар, Дмитрий пытался поддерживать в своих товарищах боевой дух, но делать это становилось все сложнее. Он увидел приближающегося адъютанта эскадрильи Лешу Романова. Тот шел и плакал, как-то по-ребячьи вытирая с лица

слезы, смешавшиеся с потом. Его можно было понять, сегодня Романов потерял своего лучшего друга.

Дело было так. В 14:00 они вылетели на штурмовку вражеской колонны, приближавшуюся, по данным разведки, к Киеву с южной стороны. Разведчики не подвели. «Чайки» вышли прямо на цель — сорок автомашин, которые перевозили минометную батарею и расчеты.

Сначала все шло хорошо — местность открытая, цели видны как на ладони. Штурмуй не хочу. Первым заходом И-153 обстреляли из пулеметов пехоту, сидящую в кузовах, чтобы водители в панике побросали свои машины и те остановились. На втором заходе от плоскостей «чаек» начали отделяться «эрэсы» и с громким воем, оставляя за собой инверсионный след, понеслись вниз. Два грузовика вспыхнули сразу, от залпа, пущенного первым звеном, которому никто не мешал. Затем ситуация усложнилась. Немцы очухались, зашевелились. Часть из них бросилась к машинам и установила на кабины крупнокалиберные пулеметы. Вверх понеслись снопы огненных трасс.

Тем не менее истребители, как обычно, не обращая на это внимания, закончили штурмовку и потянулись обратно. Однако у машины младшего лейтенанта Коли Новожилова с самолетом что-то было явно не в порядке. Он пошел на вынужденную, не дотянув до своей территории всего чуть-чуть. В результате его «чайка» села на нейтральной полосе в сотне метров от наших окопов.

Самолеты эскадрильи стали в круг, поливая немецкие позиции пулеметным огнем. Оттуда стреляли по самолету. Вскоре к обстрелу присоединились минометы. Разрывы начали ложиться в 20-30 метрах от «чайки». Счет пошел на секунды, вскоре немцы пристреляются, и тогда Коля вряд ли сможет уйти живым.

Выручила артиллерия. Видимо, по наводке пехотного командира она открыла огонь по позициям немецких минометчиков и передовым вражеским траншеям. Поле боя застелило

дымом пороховой гари и пыли, сквозь которую пилоты увидели, как Коля выскочил из-под разбитого биплана и, прихрамывая, побежал к нашим позициям. Он бежал, спотыкался, падал, вставал, снова бежал... Наконец Коля рухнул в передовой окоп, после чего комэск Шишкин разорвал круг, и повел эскадрилью «домой».

Подавленные летчики постепенно «сползлись» к импровизированному месту отдыха — наскоро сколоченному столику с лавочками, где они задумчиво курили, обменивались впечатлениями боя, обсуждали возможную судьбу Коли. Леша Романов, друг Новожилова, сидел и молчал. Он оживился, только когда к пилотам подошел комэск. При его появлении все повскакивали со своих мест, вопросительно глядя на командира. Тот успокаивающе улыбнулся. С Новожиловым все было более-менее хорошо. Его ранило, тяжело, но не смертельно. Колю определили в госпиталь и, скорее всего, повезут на лечение в тыл. Ну а им предстояло летать дальше и сражаться... сражаться, пока хватит сил. Летчики непроизвольно посмотрели на летное поле, там техники заканчивали устанавливать на направляющие очередные «эрэсы».

Романов взял небольшую гармошку, хранившуюся у них в эскадрилье, уселся возле землянки, заиграл и невесело затынул: «Синенький скромный платочек падал с опущенных плеч» и заплакал, как ребенок. Шишкин подозвал Дмитрия и, поглядывая издали на Лешу, сказал своему военкому, что ребята измотаны и подавлены. Надо их как-то развеселить. Ведь ездят же по фронту концертные бригады, вот бы привезти к ним одну такую. Дмитрий присвистнул: где их искать, те бригады, они же не дураки лезть в такое пекло, какое из себя сейчас представляет Киев. Зато в самом городе, который вот он, рядом, полно театров, филармоний, консерваторий, в которых сидят голодные артисты. Пообещай покормить, так они тебе кого хочешь развеселят. На том и порешили, завтра Дмитрий отправлялся в Киев договариваться с артистами.

25.08.1941, рядовой 2-го отдельного пулеметного батальона Федор Федорович Худяков, 36 лет

Ситуация перед фасом обороны батальона сильно изменилась. Немцы перебросили сюда с южного направления 44-ю пехотную дивизию. Федор знал это, потому что их разведчикам удалось захватить несколько пленных. 24-25 августа немцы занимались тем, что вытесняли из села Демидово, раскинувшегося на противоположном берегу Ирпеня, подразделения 28-й горнострелковой дивизии, которая держала там оборону. Не помогли даже наши танки, которые там были. 25-го числа немцы сунулись и на охраняемый 1-й ротой мост... и чуть не захватили его.

Дело было так. Соседи не поставили в известность командира роты о ситуации, сложившейся у них. Поэтому, когда по Дымерскому шоссе в сторону Киева «рванули» десятка два немецких мотоциклистов, для стрелков это оказалось полной неожиданностью.

Немцы сбили жидковатое боевое охранение, окопавшееся на левом берегу, и бросились на мост. Крайние ближайšie к мосту окопы 1-го взвода были полуразрушены утренней бомбежкой, и в них находилось всего несколько бойцов, в том числе и рядовой Нилва — бывший киевский парикмахер, который даже срочную не служил и до недавнего времени не умел толком обращаться с оружием. Еще когда Федор был в роте, его поразило, с каким усердием совершенно гражданский человек стремился изучить винтовку, пулемет, миномет.

На противоположной от окопов стороне находился ДОТ, гарнизон которого командиру 1-й роты не подчинялся и при виде противника в панике разбежался, хотя огнем его пулеметов можно было спокойно перекрошить всех мотоциклистов.

Понимая это, Нилва в виду противника под автоматным и пулеметным огнем бросился в ДОТ и, невредимый, скрылся

в его бетонной утробе. Уже через несколько секунд один из пулеметов ожил, заплывал огнем, на землю полетело несколько мотоциклистов, их машины создали пробку. В результате через мост проскочило лишь несколько мотоциклистов, с которыми потом разобрались где-то там, в тылу, те, кому положено было разбраться. Фактически Нилва в одиночку отбил атаку врага. В этот день он стал героем батальона. Федор с удовольствием печатал представление на него к ордену Красной Звезды с описанием подвига, которое подписал их комбат. К сожалению, вскоре ситуация резко изменилась, события замелькали пестрым калейдоскопом, и вряд ли впоследствии герой-парикмахер смог получить свой орден.

25.08.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Ирина сидела дома у раскрытого окна и писала в дневник. На город опустилась невероятная безлунная ночная темнота, при выключенном свете нельзя было разглядеть собственной руки. В этой кромешной тьме звезды на небе сияли особенно ярко. Им подсвечивали с земли фосфоресцирующие блуждающие глаза кошек. Во дворе какие-то соседки тихо переговаривались, но через открытое окно долетали только обрывки фраз, и казалось сложно понять, о чем они говорят.

Настроение у женщины снова было подавленное, по радио передали, что начались бои на Днепропетровском направлении, значит, немцев не остановили, значит, они по-прежнему продвигаются вперед. В Киеве полностью исчезли продукты, снова появились очереди за хлебом, правда, его пока хватало на всех желающих. Сильно подскочили цены на рынке, пришлось бы голодать, но очень выручали столовые. В столовой Кучуба (Комиссии по улучшению быта учащихся) можно было пообедать за 2 рубля.

Ирина уже четыре дня торговала, в этом ей помогали подруги Нюся и Галя. Книжки, на удивление, брали неплохо, в день удавалось наторговать на 150 и больше рублей. Чаще всего спрашивали книжки по медицине и классиков. Некоторые покупали полные собрания сочинений стоимостью иногда свыше 100 рублей. Школьники покупали учебники. Недавно вышло распоряжение готовиться к началу нового учебного года с 1 сентября, но сегодня, как сказали в Академии, поступил приказ из Наробраза до особого распоряжения направлений учителям на учебу не выдавать и учебы не начинать. По слухам, связано это было с тем, что, по данным нашей разведки, немцы согнали под Киев множество войск и готовились к новому штурму города. Все знали, что Сталин приказал, несмотря ни на что, город врагу не сдавать. В связи с этим по Киеву продолжалась мобилизация киевлян на рытье окопов, но первоначальный подъем спал и теперь далеко не все соглашались добровольно и бесплатно работать на благо Родины.

Обстановка же ничего плохого не предвещала, канонада утихла, самолеты почти не летали. Сегодня пролетел один, но разрывов бомб слышно не было. Когда Ирина писала об этом в дневнике, в районе Телички слышались неясные выстрелы и сверкнули огоньки дальних разрывов. Но они были так плохо слышны и вспыхивали так далеко, что особого страха не внушали.

26.08.1941, военком дивизиона сторожевых кораблей (СКР) Пинской военной флотилии (ПВФ) батальонный комиссар Константин Дмитриевич Дюков, 47 лет

Он плыл в темноте, изнемогая от усталости. Хоть ему и удалось, когда рядом было бревно, стянуть с себя китель, но набравшие воды брюки и тельник с каждой секундой все сильнее тяну-

ли вниз. Если бы не оставшийся у него обломок спасательного круга, Дюков бы уже давно утонул.

До войны Константин Дмитриевич работал начальником всей санитарной авиации УССР. За двадцать мирных лет, прошедших с Гражданской войны, жизнь наладилась, живи да радуйся. Но грянула новая война, 25 июля его мобилизовали и назначили в Пинскую военную флотилию военкомом дивизиона сторожевых кораблей. Для бывшего моряка Революционного Черноморского флота, успевшего в 1919 году побывать военкомом Днепровской военной флотилии, в этом назначении не было ничего удивительного.

В сторожевики на верфях «Ленинской кузни» переделали мобилизованные колесные буксирные пароходы. На их баках и ютах установили орудия: на одних открыто, без полубашен, по два 76,2-мм полевых орудия обр. 1902 года, на других — в полубашнях по два 76,2-мм / 55 клб универсальные артиллерийские установки 34-К, на третьих — открыто по одной 75-мм дореволюционной пушке Кане. На мостиках смонтировали по две зенитные однопушечные установки М-1. 6-мм противопульной броней защищались только артпогреб и боевая рубка.

Флагманом отряда стал СКР «Большевик», переделанный из бывшего буксира заказа СБ-20, который в 1934 году спустили на воду на все тех же киевских верфях. Ход у него был не быстрый — всего 15 км/ч, а, говоря по-морскому, чуть более 8 узлов. Но в качестве плавучей самоходной батареи он и другие сторожевики дивизиона немало проблем доставили врагу на Припяти, где корабли поддерживали огнем наши отступающие войска, а также прикрывали переправы.

К 20-м числам августа дивизион был вынужден отступить вниз по Припяти на Днепр. Вечером 25 августа командованием отрядов было приказано к 23:00 25.08.1941 г. прибыть на сборный пункт в районе 9 км севернее Печкинского моста и по сигналу «ЗАРЯ» в 24:00 25.08.1941 пойти на прорыв.

К тому времени из-за передачи части сторожевиков другим отрядам ПВФ, воевавшим на Десне и выше по Днепру, дивизион уже давно стал не таким однородным. В его составе ока-

зались монитор «Флягин», канонерские лодки «Димитров» и «Кремль». К образовавшейся бригаде для прорыва присоединили два тральщика для буксировки барж с боеприпасами и продуктами и госпитальное судно «Каманин».

В 22:30 команда притаившегося под высоким правым берегом сторожевика услышала, как буквально в 300 метрах от них остановилась немецкая пехотная часть и подъехали танки. Однако враги не заметили корабль, помимо обрыва их еще разделяло озеро и ночная темнота. Кроме того, поднялся шторм, хорошо маскировавший звуки. Время шло, а корабли и суда не подходили, тогда командование бригадой прорыва решило спуститься вниз и по дороге собрать все корабли, которые в соответствии с приказом должны были подняться к «Большевику» перед прорывом. Ближе к полуночи к сторожевику причалил катер начальника штаба ПВФ капитана 2-го ранга Г.И. Брахтмана, который дал устное распоряжение начинать прорыв в том составе, который есть. Перед прорывом командир дивизиона ст. лейтенант Э.А. Жаховский и большая часть штаба сошла на левый берег. Из командования бригадой на борту «Большевика» остался только Константин Дмитриевич и еще несколько человек.

О том, что накануне в районе Окуниново немцы успели форсировать Днепр и закрепиться на левом берегу, на корабле узнали, только когда по нему с обоих берегов открыли огонь из пушек, минометов и стрелкового оружия. «Большевик» повел ответный огонь. Но комендоры, не защищенные башнями, были быстро выведены из строя пулеметным огнем. Краснофлотцы, пытавшиеся выскочить из трюмных люков к орудиям, тут же падали, сраженные пулями. Константин Дмитриевич вместе с командиром сторожевика лейтенантом В.В. Коноваленко наблюдал это через амбразуры бронерубки.

Первый вражеский снаряд попал в паровой котел, пар стравило через пробоину, прекратилась его подача на рулевую лебедку, и корабль, потеряв управление, врезался в один из торчащих чуть выше моста из воды больших бетонных ледо-

ломов. Второй снаряд попал в кормовой трюм, где укрывалась часть команды и санчасть. Третий угодил под боевую рубку, где в трюме хранились дымовые шашки. Едкий дым повалил в рубку, на палубу и окутал весь корабль. Константин Дмитриевич и лейтенант Коноваленко вывалились на палубу. Теряя сознание, военком бригады слышал, как Владимир Васильевич громовым голосом гаркнул: «Газы!» Уже в полубреду он вытащил из сумки противогаз, но кто-то пробежавший мимо него вырвал спасительную резиновую маску из руки и растворился в дыму. Задыхаясь, кашляя и содрогаясь от приступов рвоты, Константин Дмитриевич сполз по трапу на палубу, пробрался к борту, замаскированному густым рядом прислоненной к леерам лозы, и вместе с ней рухнул за борт. Течением его снесло к гребному колесу, где уже укрывались связист дивизиона техник-интендант 2-го ранга Ю.Н. Коляда и командир БЧ-2 лейтенант И.Ф. Канивец.

Коляда помог военному взобраться на колесо, а оттуда на палубу. Здесь Константин Дмитриевич увидел командира сторожевика лейтенанта Коноваленка, лежащего на палубе и громко стонущего. Комиссар корабля старший политрук Кашпарюк с наганом в руке и бессмысленными выпученными глазами на закопченном лице стоял, шатаясь, и громко кричал: «Дайте пару!» Множество раненых матросов лежали на палубе впремешку с убитыми, крики и стоны раненых слились в одну страшную какофонию. Военфельдшер Ш.И. Улановский лежал здесь же, раненный в обе ноги.

Рассвело, дым рассеялся. Часть раненых за это время успели погрузить в шлюпку и отправить вниз по течению. Ее и всех в ней находившихся немцы расстреляли с берега из пулеметов. Снова начался артиллерийский обстрел, и корабль загорелся. Рядом у одного из быков моста также горел врезавшийся в него СКР «Река». Ниже моста горел застрявший на отмели СКР «Парижская Коммуна». Огонь приближался к артиллерийским погребам, и лейтенант Коноваленко крикнул экипажу прыгать за борт и спастись вниз по течению вплавь. В живых из всей команды осталось едва человек 20, которые

и бросились за борт. Командир корабля успел сунуть в руки угоревшему Константину Дмитриевичу спасательный круг и столкнул его вниз.

В воде они плыли всего на расстоянии метров пяти друг от друга. С берега по морьякам открыли пулеметный огонь. У одного из матросов от попадания крупнокалиберной пули или снаряда голова просто разлетелась на куски. Часть краснофлотцев утонула. Набухшая одежда начала тянуть на дно и Константина Дмитриевича. Коноваленко крикнул ему, чтобы он сбросил верхнюю одежду. Если бы не половинка спасательного круга, оставшаяся в его руках, и проплывавшее мимо бревно, вряд ли бы удалось расстегнуть застывавшие в петлях пуговицы кителя. Он бы и дальше плыл, схватившись рукой за бревно, но немецкие пулеметчики несколько раз прошили очередью эту заметную цель, и бревно пришлось бросить, далеко отнырнув от него в сторону.

Константин Дмитриевич наглотался воды, его постоянно рвало, он чувствовал, что вскоре утонет. Похоже, лейтенант Коноваленко тоже выбился из сил. Немцы сконцентрировали огонь по плывшему впереди военному кораблю старшему политруку Кашпарюку. Он нырнул, спасаясь от пулеметных очередей, и больше уже не выныривал.

Впереди из утренних сумерек возник небольшой речной островок, густо поросший различной растительностью. Коноваленко предложил плыть к нему. Когда они выбрались на прибрежную отмель, Константин Дмитриевич хотел подняться на ноги, но егохватило только на то, чтобы приподняться на обессиленных руках, и тут же рухнуть обратно лицом в мокрый песок. Когда он во второй раз приподнял свою голову, то уперся взглядом прямо в немецкие солдатские сапоги, возвышавшиеся перед ним. Грубый голос сказал на ломаном русском: «Старая русь, марш!» Его переправили на правый берег, где он увидел еще человек пятьдесят моряков и офицеров с погибших кораблей.

Историческая справка: Во время 1-го Окуниновского прорыва смогли прорваться госпитальное судно «Каманин», мониторы

«Флягин» и «Левачев», канонерская лодка «Кремль», сторожевик «Пушкин». Погибли сгоревшие сторожевики «Большевик», «Река», «Парижская Коммуна», затонувшие канонерская лодка «Димитров», тральщик ТЩ «№ 1» и две несамоходные баржи. Вернулись, не прорвавшись, сторожевики «Водопьянов» и «Рулевой», плавбазы «Неман» и «Березина», минный заградитель «Пина», тральщик ТЩ «№ 2», сторожевые катера «С-1» и «С-2». Часть не прорвавшихся кораблей сгорела утром 26 августа на траверзе села Домантово в результате боя с 543-м дивизионом штурмовых орудий вермахта, вооруженного САУ StuG-III. Остальные были сожжены своими же экипажами. 2-й Окуниновский прорыв происходил в ночь на 31 августа — прорывался Березинский отряд и два корабля Припятского отряда. Из 13 кораблей до Киева дошли только четыре. Возле Окуниновского моста погибли канлодка «Трудовой», сторожевик «Техник», сторожевой катер «С-1», бронекатер «№ 204», плавбаза «Ударник» и пароход «Ф. Энгельс». Монитор «Житомир» смог прорваться под мостом, но сунулся в несудоходную в тот год протоку у с. Чернин, прочно сел на мель и был подорван экипажем. Монитор «Бобруйск» также прошел, но несколько попаданий 37-мм снарядов вывели из строя два двигателя, и его также подорвали. До Киева через 12 часов после прорыва дошли только монитор «Витебск», сторожевой катер «С-2» и бронекатера «№ 202» и «№ 203».

26.08.1941, начальник разведывательного отдела артиллерии штаба Юго-Западного фронта полковник Георгий Семенович Надысев, 40 лет

Батарея готовилась к бою, заряжающие, держа по двое длинные тяжелые 130-мм снаряды, устанавливали их на направляющие, а Георгий Семенович с удовольствием наблюдал это, стоя в стороне.

Вчера начальник артиллерии фронта генерал-лейтенант М.А. Парсегов вызвал его к себе и поручил принять участие

во вводе в бой прибывшей из Москвы 9-й батареи, состоявшей из шести реактивных минометов БМ-13. Надо было на месте понаблюдать за работой этого нового оружия и подумать над выработкой тактики его применения. Георгий Семенович с радостью согласился.

Выяснив в разведотделе штаба фронта последние добытые данные о расположении немецких войск на Окуниновском плацдарме, Надысев вместе с батареей отправился в район Остра. Для пущей безопасности (ни одна машина ни в коем случае не должна была попасть в руки противника) огонь решили вести из-за боевых порядков 3-го воздушно-десантного корпуса, который держал оборону в одном километре от Десны напротив села Карпиловка. Его перебросили сюда, сняв с линии КиУРа. Кроме 5-й, 6-й и 212-й бригад корпуса с фронта сняли 2-ю и 3-ю бригады 2-го воздушно-десантного корпуса — штаб фронта спешно пытался выстроить новую линию обороны вдоль Десны. С севера во фланг фронта напирала подразделения группы армий «Центр»: 2-я армия фон Вейхса и 2-й танковый корпус Гудериана.

Командир корпуса генерал-майор В.А. Глазунов, очень заинтригованный прибытием на фронт нового оружия, захотел попристутствовать. Георгий Семенович не мог отказать. Они вместе заняли наблюдательный пункт на берегу реки. В это время к селу подошла какая-то крупная немецкая часть. В стереотрубу хорошо было видно, как задымились кухни, солдаты бросились по дворам ловить кур, слышались женские вопли, стрельба.

Глазунов заметил, что хорошо было бы нанести удар прямо сейчас. Надысев сказал, что в таком случае село будет гарантированно уничтожено, погибнет много ни в чем не повинных людей. И тут немцы, словно услышав их разговор, всей толпой высыпали к небольшому озерцу, расположившемуся тут же рядом на окраине села. Надо было действовать оперативно. Быстрая, но тщательная подготовка данных для стрельбы, которые Георгий Семенович тут же передал на батарею, несколько минут томительного ожидания, и вот уже

рокошет грохот залпа, над позициями батареи поднялось облако дыма пополам с пылью. В течение нескольких секунд один за другим с истошным воем реактивные снаряды взмыли из-за Десны огненными стрелами и понеслись в сторону противника.

Десятки разрывов почти мгновенно покрыли берег озера и водную гладь. Купавшихся и отдохавших на берегу немецких солдат и офицеров смело огненным смерчем. В живых остались единицы.

Ободренные успехом, Глазунов и Надысев тут же решили нанести следующий удар, хотя это и было строжайше запрещено инструкциями. В сухую погоду пыль от залпа поднималась вверх на высоту до 100 метров, демаскируя батарею. Но впавшие в азарт командиры решили рискнуть. Пока батарейцы перезаряжали свои реактивные минометы, они выбрали очередную цель на соседнем участке, где было отмечено большое скопление пехоты и танков противника. Быстрая подготовка необходимых расчетов, новая передача данных по телефону, и вот всего через 20 минут после первого залпа уже новые огненные стрелы понеслись с восточного берега Десны, неся врагу смерть и разрушения. Глядя в стереотрубы на мечущихся в панике врагов, Глазунов только щелкал от удовольствия языком да приговаривал: «Вот это дали так дали!»

Однако медлить было нельзя, противник господствовал в небе, в любой момент могли налететь вражеские самолеты. Батарея быстро подготовилась к маршу и покинула позицию, скрывшись под густыми приднепровскими зарослями деревьев. Буквально через несколько минут над местом, где стояли реактивные минометы, пронеслись истребители Ме-109. Но они опоздали. Позже взятые десанниками пленные подтвердили, что на этом участке вермахт понес огромные потери. Два батарейных залпа БМ-13, 128 мощных реактивных зарядов сделали то, что не смогли бы и два артиллерийских дивизиона 122-миллиметровых гаубиц.

Тем не менее в штабе Георгий Семенович получил сильный нагоняй. Больше он инструкций не нарушал. Георгий понимал, что им повезло: окажись Люфтваффе порасторопней — и гореть батарее синим пламенем после первого же боевого задания.

26.08.1941, командир звена 74-го штурмового авиационного полка 16-й авиационной дивизии лейтенант С.И. Колыбин, 29 лет

Он очнулся от страшной боли. Казалось, тело пропустили через молотилку и в нем не осталось ни одной целой кости. Он открыл глаза и сквозь полупрозрачную пелену смог разглядеть склонившиеся над ним фигуры в матросских тельняшках. Свои!

Заплетающимся языком Сергей спросил, где он. Моряки объяснили, что все они находятся в плену. Когда их гнали в лагерь, они обнаружили Сергея в кустах, куда его, видимо, выбросило взрывом. Мост в очередной раз бомбила наша авиация, немцам было не до пленных, и они укрыли Сергея в середине колонны. Краснофлотцы были из числа экипажей затонувших кораблей Пинской флотилии, которые неудачно пытались прорваться под Окуниновским мостом в ночь с 25 на 26 августа. Выходило, что Сергей пролежал в кустах без сознания почти двое суток.

Временный концентрационный лагерь немцы организовали всего в нескольких километрах от моста — в Страхолесье. Так что морякам тащить раненого летчика далеко не пришлось. Здесь он и пришел в сознание. Узнав о его подвиге, пленные, как могли, поддерживали Сергея, отрывая от себя последние крохи еды. Кто давал лишнюю ложку баланды, кто — кусок хлеба. Кто выручил одеждой.

27.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ генерал-майор И.Х. Баграмян, 43 года

Силами 44-й пехотной дивизии (пд) немцы попытались внезапным ударом вдоль берега Днепра прорвать оборону в северном секторе КиУРа, и это у них почти получилось. Как потом выяснилось, уже 22 августа 44-ю пд Рейхенау переподчинил своему 34-му армейскому корпусу (ак), после чего из района Юровка и Тарасовки ее перебросили на участок хутор Синяк — село Демидов. 24–25 августа она успешно вела бои за Демидов, неудачно обороняемый подразделениями 28-й горно-стрелковой дивизии (гсд), в распоряжении которой было даже несколько уцелевших тяжелых танков. Но не помогли и они.

25 августа передовая разведгруппа немцев сунулась на мост через Ирпень, носивший название Демидовский, и не захватила его только по счастливой случайности. После того как нападение удалось отбить, мост тут же взорвали. Немцы предприняли еще несколько попыток форсировать реку силами разведгрупп, но они каждый раз пресекались огнем ДОТов. Судя по всему, основной целью немцев был захват на Днепре нашей понтонной переправы Лютеж — Сваромье, чтобы образовать на левом берегу Днепра новый плацдарм для последующего наступления на Киев с северо-востока.

Эти их предположения вскоре подтвердились. Вечером 25-го поступили сообщения разведки об усиленном движении вражеских обозов и артиллерии на участке Гостомель — Демидово. В Раковке устанавливались батареи и концентрировалось до роты пехоты. Еще две роты расположились на хуторе Синяк. В районе села Казаровичи сосредоточилось до полка пехоты противника с артиллерией и танками. В районе Мостища мелкие группы производили разведку переднего края обороны 28-й гсд.

Для усиления обороны на этот участок перебросили 144-й стрелковый полк с одной гаубичной и двумя минометными батареями и кавалерийский эскадрон.

Потом уже выяснилось, что 134-й пехотный полк (пп) немцев должен был форсировать Ирпень у хутора Синяк, захватить Гуту-Межигорскую и южную окраину села Лютеж. Основной удар наносил 131-й пп. Ему предстояло форсировать Ирпень у Демидова и взять восточную окраину Лютежа. 44-й разведбатальон 44-й пд производил отвлекающий удар с форсированием Ирпеня левее 131-го пп в районе с. Казаровичи у места впадения Ирпеня в Днепр. Для развития успеха в глубине обороны немцев к переходу в наступление готовилась моторизованная группа 55-го ак численностью до батальона. Одновременно с захватом переправы в Лютеже, вторая вражеская моторизованная группа должна была нанести удар по нашей обороне с Окуниновского плацдарма. Немцы планировали, что она сможет прорваться в районе Остра и облегчит задачу захвата плацдарма у Сваромье.

Но в этот раз вражеский план не сработал. Противник начал свое наступление 26 августа в 4:30, и у него сразу все пошло не так. Отвлекающий удар 44-го разведбатальона в составе двух рот и батареи ПТО действительно сбил наши части с толку. Немцы удачно форсировали Ирпень в том месте, где наши ДОТы были значительно удалены от него, и создалось впечатление, что основное наступление они развивают именно здесь. Но на этом все немецкие удачи и закончились.

Вражеские саперы не смогли подобраться к нашим ДОТам, полевое заполнение прочно удерживало линию обороны. У 134-го пп возникли большие проблемы с форсированием реки у хутора Синяк, берега Ирпеня после слива водохранилища оказались крайне топкими. Тем не менее 1-я его рота смогла преодолеть это препятствие, однако попала под массированный пулеметный огонь ДОТов и залегла, прижатая огнем к земле. Ее связь с западным берегом прервалась.

131-й пп столкнулся с такими же проблемами, он практически полностью потерял передовую роту, из которой только убитыми выбыло 20 человек. Две роты 44-го разведывательного батальона, наносившие отвлекающий удар, попали под массированный фланговый огонь. В это время командование 44-й пехотной дивизии узнало, что наши понтонеры свернули переправу Лютеж — Сваромье. Наступление потеряло всякий смысл, основную задачу — захват переправы немцы уже выполнить не могли. В 21:00 переправившимся ротам был отдан приказ вернуться обратно. 27 августа к огневой поддержке войск северного сектора КиУРа присоединились прорвавшиеся накануне под Окуниновским мостом мониторы «Левачев», «Флягин» и «Смоленск».

**27.08.1941, рядовой 2-го взвода
1-й роты истребительного батальона
Кировского района города Киева
Владимир Николаевич Покотило, 17 лет**

По распоряжению командования батальон перебросили к селу Вета Литовская для укрепления этого участка обороны. Вскоре поступил приказ копать противотанковый ров в районе старого русла Днепра. Его рыли под безоблачным голубым небом на светло-желтом песке, на фоне которого они для истребителей противника были словно на ладони. За немцами задержки не стало. Вражеские самолеты периодически заходили со стороны солнца и проносились вдоль рва, поливая всех и вся из своих пулеметов. Спрятаться было негде, и батальон постоянно нес потери.

Историческая справка: На момент написания книги этот пригород Киева носит название Чапаевка в честь героя Гражданской войны В.И. Чапаева. Первые известные поселения на территории села датируются эпохой неолита. Оно располагается между Пироговым, Конча-Заспую, Днепром и Жуковым островом. Село было

основано монахами Выдубицкого монастыря и с 1602 года известно как Вета Литовская. Точная причина такого названия неизвестна, но предполагается, что оно связано с эпохой литовского господства. Со временем село перешло в собственность Киево-Печерской лавры, а позже, в середине XIX века, — в государственную. Еще в первой половине XIX века существовали Старая и Новая Веты Литовские, которые позже срослись в один населенный пункт.

Кто-то пытался отстреливаться из винтовок, бесполезно. Неожиданно на выручку ополченцам пришла наша авиация. Маленькие «ишачки» свалились на истребители противника откуда-то сверху и тут же один сбили. Все наблюдавшие за боем с земли встретили это с ликованием. Скорость у наших самолетов была явно недостаточной, но они уверенно пошли в ближний бой, который немцы не приняли, прыснув в разные стороны на больших скоростях.

29.08.1941, военный комиссар 2-й эскадрильи 43-го иап 36-й иад Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год

Дмитрий ехал в кабине полуторки и чувствовал, как постепенно засыпает. Полный желудок, выпитые «сто грамм» и позднее время делали свое дело. Сквозь полузакрытые веки он смотрел на дорогу, заливаемую морозящим дождем, на вырастающие из темноты очертания мокрого моста, к которому они приближались. Время шло к четверем, небо на востоке уже подернулось первыми отблесками рассвета, а они только возвращались из Броваров в Киев. Нет, все-таки он молодец. Сегодня... точнее, уже вчера... он как комиссар эскадрильи полностью выполнил свою «боевую» задачу. Поднял летчикам настроение так, что в ближайшее время врагу не поздоровится.

А началось все с того, что на следующий день после ранения Коли Новожилова, как и было договорено с комэском Шиш-

киным, он отправился в Киев. Здесь с дирекцией Киевского театра юного зрителя (ТЮЗа) он договорился, что через два дня приедет на полуторке за десятью (ровно десятью, ни одним человеком больше) актерами, которые к тому времени должны подготовить большую развлекательную программу для «героических сталинских соколов, защищающих столицу Украины от фашистских гадов». За выступление Дмитрий обещал накормить актеров и дать им с собой продуктов. Сулил не забыть и дирекцию. Ввиду полной не востребоваемости труппы (под бомбежками и обстрелами киевлянам было не до театров) и ее очень голодного существования договорились быстро.

Вчера в оговоренное время Дмитрий, как и обещал, приехал в центр города на улицу Карла Маркса, где в здании бывшей оперетты Ливского и располагался ТЮЗ.

Историческая справка: Улица Карла Маркса, примыкавшая к Крещатику, до 1919 года называлась Николаевской в честь императора Николая II. Она возникла в 1895 году, когда были распланированы и застроены бывшие сад и усадьба Фридриха Меринга, профессора частной терапии Киевского Императорского университета святого Владимира (до Революции район Крещатика был далеко не центром города). Улицу быстро застроили зданиями, спроектированными такими известными киевскими архитекторами, как Эдуард Брадтман, Мартин Клуг, Георгий Шлейфер и Владислав Городецкий. Именем последнего назвали улицу в 1996 году. Здесь, во дворе между двумя доходными домами № 4 и № 6, принадлежавшими генералу В.И. Баскакову, в 1911 году была устроена крытая площадка для катания на роликовых коньках — «Скетинг-Ринг». В 1912 году ее арендовал известный российский антрепренер М.П. Ливский (Ливенсон), у которого было несколько гастролировавших по всей Империи опереточных трупп. Впервые он посетил Киев в 1909 году со своей петербургской труппой. В 1910-м — привозил одесскую, после чего, видимо, решил обзавестись в городе собственной «площадкой». В 1915 году его дело настолько окрепло, что он переоборудовал бывший «Скетинг-Ринг» в театр, который после Революции был национализирован.

У входа в театр, рядом со статуями пионеров, стоящими на бетонных кубах, грузовик поджидало человек двадцать артистов. Когда они вознамерились все вместе забраться в кузов, Дмитрий этому категорически воспротивился, сказав, что больше десяти человек машина взять не может... и не возьмет. После долгих споров и пререканий артисты наконец смирились со своей участью, и десять счастливицков под суровым взглядом неуступчивого военкома вскарабкались в кузов. После чего он с подножки запрыгнул на сиденье, с лязгом хлопнул дверью и сказал водителю ехать.

По дороге не обошлось без приключений, машина попала под обстрел, но, слава богу, к вечеру все в целости и сохранности добрались до Бровар. Каково же было удивление Дмитрия, когда уже здесь, на аэродроме, он обнаружил, что актеров гораздо больше десяти — пока машина трогалась с места, в кузов успели забраться все, кого он встретил у входа в ТЮЗ. Командиру комендатуры капитану Беликову пришлось срочно заняться организацией дополнительных десяти порций для «сверхнормативных» гостей, а комэск Шишкин распорядился выдать трехдневную норму водки, которую потом предстояло списать на ужины пилотов.

Сначала планировалось кормить отдельно артистов, отдельно — летчиков с техниками. Но потом все наплевали на тесноту, нехватку посуды и табуретов и организовали общий вечер, освещаемый светом свечей и импровизированных ламп-коптилок, сделанных из артиллерийских гильз. Столовая наполнилась шумом, смехом и гамом. В небольшом свободном пространстве, не занятом столами, актеры пели, плясали, читали стихи, разыгрывали небольшие скетчи. Концерт шел до трех часов ночи и произвел на летный состав неизгладимое впечатление.

Именно поэтому с лица засыпающего под мерное покачивание полуторки и шум колес военкома Панова в этот момент и не сходила довольная улыбка. Все-таки он неплохой комиссар.

29.08.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Ирина работала в магазине. Дела шли хорошо, часто приходили врачи, смотрели жадными глазами на книги, но денег у них было мало, поэтому покупали самое необходимое или вообще ничего не брали. По-прежнему приходили дети, покупали учебники. Занятия 1 сентября не начнутся, их перенесли, но так происходило по всей УССР. В Харькове вот перенесли начало учебного года на 15 сентября.

Заходили и военные. Вчера заглянул солдат, попросил какую-то книгу, чтобы в ней не было войны. Он рассказал, что часто так бывает, когда сидишь в окопе и нечем заняться. Единственное, он не был уверен, что успеет дочитать до конца, ведь могут в любой момент убить. Он приехал с фронта, который находился всего в 30-40 километрах от Киева.

Второй солдат попросил «роман» и рассказал, что кроме беллетристики рядовым больше ничего читать не разрешают. Он набрал книг Салтыкова-Щедрина, Чехова и Немировича-Данченко.

Настроение сегодня было подавленное, по радио передали, что немцы взяли Днепропетровск. Одни слухи утверждали, что Красная Армия его практически не обороняла, другие — что отступила с ожесточенными боями. По Киеву ходили слухи и о том, что приказ о сдаче столицы Украины тоже отдан, но Ирина этому отказывалась верить. Тем более что она была на митинге, на котором присутствовал сам Бажан, и там говорилось, что город никто врагу не отдаст.

Печали добавлял и вчерашний скандал, разразившийся у них с Таней дома. Несколько дней назад приехал Степан, чтобы получить новое назначение. Он требовал от Татьяны, чтобы она поехала вместе с ним, куда бы его ни послали, а Шуру оставила на попечение Ирины. Таня плакала. Шуручка, видя мамыны слезы, тоже ревела навзрыд. Наконец вчера стало известно,

что Степан останется в Киеве, и все страсти сразу улеглись. Но упадническое настроение Таниного мужа, которое и было основной причиной всех семейных скандалов, никуда не улетучилось.

С улицы донесся шум ругани, рядом с магазином Академкниги находилась кондитерская, где иногда продавали патоку и тыквенное повидло — единственные доступные для киевлян в это тяжелое время деликатесы. Люди, стоявшие за ними, занимали весь тротуар. Но это еще ничто по сравнению с тем, что творилось перед вновь открывшимся магазином Военторга. К нему прикрепили весь комсостав расположенных в Киеве частей, и теперь очередь туда, извиваясь и петляя, занимала все окрестные тротуары.

29.08.1941, боец роты флотского полуэкипажа Пинской военной флотилии старший краснофлотец Петр Федорович Танана, 24 года

Петр бежал вперед с винтовкой наперевес и, как и сотни его товарищей, заглушая страх, что есть силы кричал «Ура!». За последние несколько дней ему пришлось многое пережить. После гибели «Верного» он и семь его товарищей больше двух дней добирались до Киева пешком, преодолев 80 километров. На одном лесном лугу возле села Троещины голодные и оборванные моряки наткнулись на партизан — трех мужчин и одну женщину. Они были вооружены винтовками польского образца и ехали на пароконной повозке, нагруженной кипами одеял, колбасой, хлебом, ящиками с водкой. Помочь с продуктами эти люди отказались, с подозрением отнесясь к странным «воякам». Моряки подумывали силой забрать часть продуктов, но тогда кровопролития избежать бы не удалось — партизаны попались в возрасте, опытные, рук с оружия они не убирали.

Пришлось топтать голодными дальше до самого флотского полуэкипажа.

Историческая справка: Флотский полуэкипаж Пинской военной флотилии располагался на Красной площади, которая и до советского периода, и после носила название Контрактовой — она является одной из самых старых в городе. Штаб Пинской флотилии находился в здании бывших торговых рядов. Их первый этаж построили в 1899 году, а второй — пять лет спустя. Третий этаж достроили уже в послевоенное время, в 1953 году, для того чтобы разместить здесь Киевское высшее военно-морское политическое училище. Теперь в этом здании находится корпус № 3 Национального университета «Киево-Могилянская академия». Казармы флотского полуэкипажа, скорее всего, находились в здании, построенном на месте взорванного в 1933 году главного храма Киево-Братского Богоявленского монастыря — Богоявленского собора, строительство которого в 1693 году профинансировал украинский гетман Иван Мазепа.

Здесь уже находились выжившие члены экипажа «Верного», которые прибыли в Киев на машине и на мониторе «Ростовцев». Они рассказали, что командующий флотилией контр-адмирал Д.Д. Рогачев встретил их руганью, заявил, что они не хотят воевать. А ведь Петр хорошо помнил, как их покойный командир выпрашивал у адмирала хотя бы одну скорострельную 45-мм зенитную пушку, на что тот ответил, дескать надо уметь воевать и старым оружием.

Новоприбывших моряков поставили на довольствие и уже через два дня на маленьком 14-местном автобусе отправили в Остер в отряд флотского полуэкипажа, которым командовал майор Добржинский. В небе господствовала вражеская авиация, водитель автобуса трижды загонял свой транспорт под кроны деревьев, спасаясь от барражирующих в небе «мессеров».

Историческая справка: Всеволод Николаевич Добржинский, 1900 года рождения, уроженец города С.-Петербурга, из рабочей семьи. Участник Гражданской войны. В прошлом — командир НКВД,

деобилизованный из органов в 1937 году по здоровью. Директор киевского завода «Метиз». С началом войны шесть раз пытался пройти медкомиссию и наконец был призван на должность командира флотского полужкипажа Днепровского отряда Пинской флотилии. С 24 августа командовал отрядом первоначальной численностью в 82 человека. Это его моряки совместно с гарнизоном охраны моста через Десну лейтенанта НКВД Свиридова остановили продвижение группы генерала Ангерна и тяжело ранили его самого. В тот же день при выводе отряда за Десну был контужен, после чего сильно хромал, но остался в строю. К 10 сентября его отряд за счет постоянных пополнений разросся до размеров батальона. Погиб в бою 18 сентября 1941 года.

Вскоре они прибыли в штаб отряда, который располагался на берегу Десны в санатории, отсюда их почти сразу бросили в бой. Моряки на правом берегу Десны прикрывали переправу, по которой переправлялись войска, старавшиеся уничтожить вражеский Окуниновский плацдарм. Накануне немцы моряков потеснили, и вот теперь наши бежали в атаку, пытаясь отбить потерянное.

Не выдержав боя, противник отошел, и Петр спрыгнул в спасительную траншею. Он успел сделать несколько выстрелов по отходящим фигуркам солдат в мышинового цвета мундирах. Вскоре появилось время отдышаться, осмотреться. Петр кинул взгляд вправо и влево по траншее, быстро заполнявшейся моряками в черных бушлатах и зеленого защитного цвета касках. На дне в нескольких шагах от него лежало тело моряка. Танана подумал, что это убили или ранили кого-то из атаковавших вместе с ним. Но, присмотревшись, понял, что этот человек, скорее всего, погиб вчера. Лицо убитого показалось знакомым. Вскоре Петр опознал в нем старшину 2-й статьи Головина, бывшего командира комендоров в объединенной школе флотилии. Его и других раненых в прошлом бою краснофлотцев немцы добились штыками. В этот момент Петр понял, что пленных он брать не будет.

30.08.1941, командир саперной роты 1047-го стрелкового полка 284-й стрелковой дивизии лейтенант Дмитрий Иванович Головкин, 19 лет

Дима лежал прямо на земле на дне траншеи и пытался, не вставая, размять спину, которая затекла от долгого пребывания в скрюченном положении. Сколько же они копают? Он прикинул: работы ведутся с 28-го, то есть сегодня уже третий день. Да, время летит быстро.

А все началось с того, что в ночь с 25-го на 26-е их полк с участка обороны в районе Жулян перекинули на участок, тянувшийся от берега Днепра напротив Жукова острова до Пирогова и южной опушки Голосеевского леса. Они здесь сменили какую-то часть НКВД. Выполняя свою работу, Дима отправился в батальон, оборонявшийся в Пирогове, чтобы на месте оценить, какие саперные работы по минированию и установке малозаметных препятствий и фугасов здесь необходимо провести.

Наблюдая с КП батальона в бинокль передний край, Дима понимал, что полку тут позиция досталась не самая выигрышная. Траншеи батальона располагались на открытой местности, и немцы могли легко их обстреливать с расположенной южнее и контролируемой ими вытянувшейся с запада на восток высоты, которая по форме напоминала старинный высокий вал. Траншеи правофланговой роты были всего в 60-70 метрах от его вершины. В той части высоты, где она нависала над дорогой Пирогов — Киев, противник организовал прочный узел обороны, напоминавший скорее систему блокгаузов. Он состоял из трех больших пятиамбразурных ДзОТов, находившихся на разных уровнях друг над другом и контролировавших огнем все подходы к высоте на 360°. Гарнизон такого опорного пункта должен был составлять минимум человек 40.

Немцам даже не требовалось кидать гранаты, достаточно было выбрасывать их на склон, чтобы те затем скатывались

в лежащую внизу траншею. Враги так периодически и делали, от чего рота постоянно теряла людей. Батальон уже несколько раз пытался атаковать эту высоту, но каждый раз неудачно и с большими потерями.

Комбат ждал от саперов помощи, все понимали, что без уничтожения этого опорного пункта взять высоту не получится. Но как он, 19-летний лейтенант, мог помочь батальону, Дима пока не знал. Он попросил провести его в эту самую многострадальную роту, возможно, удастся что-нибудь придумать, находясь непосредственно на месте.

Здесь, наблюдая вражеские ДЗОТы практически в упор, Дима заметил небольшую траншею, которая располагалась на нейтральной полосе между позициями роты и вражескими блокгаузами параллельно высоте (то есть немцами вдоль она не просматривалась). Попросив комбата по ротному телефонному аппарату прикрыть его выдвижение огнем, с первыми разрывами снарядов добросовестный лейтенант пополз к этой траншее и вскоре целый и невредимый спустился в нее. Теперь до немецкого блокгауза было всего ничего — 20 метров. Решение напрашивалось само собой. Нужно было подвести под ДЗОТы минную галерею, заложить туда большой заряд взрывчатки, минимум в тонну весом, после чего разом подорвать весь опорный пункт и тут же идти в атаку, пока враг не опомнился.

В тот же день Дима изложил свою идею командиру батальона. Тот горячо ее поддержал, и командиру полка они уже докладывали вместе. На следующий день было получено «добро», и Дима взялся за дело. Он отобрал из своей роты пятерых наиболее храбрых, с его точки зрения, саперов. Вместе они заготовили разборные рамы из деревянных брусков, чтобы крепить своды галереи. Ее решили сделать шириной в полметра, а высотой — в 1,3.

На позиции выдвинулись ночью и тут же в абсолютной темноте принялись копать. Дима договорился с комбатом, чтобы в эту ночь батальон беспокоил немцев пулеметным и винтовочным огнем. Это было необходимо для маскировки шума,

производимого земляными работами, пока те происходили близко от поверхности.

Для скорости работали попарно: двое копают, двое отдыхают, двое охраняют на случай, если немцы сделают вылазку. Смена длилась час. Из инструментов имелись только две саперные лопатки и ведро, оббитое ветошью, чтобы ни в коем случае предательский лязг их не выдал. Вынутый грунт высыпали тут же и быстро столкнулись с проблемой, что дальше его сыпать уже некуда, иначе сверху станет заметно, что траншею кто-то закапывает. По этой же причине нельзя было высыпать землю на склон. Выход оставался ровно один — уменьшить высоту галереи. Они потихоньку растряхивали грунт на полу забоя, и вскоре пробираться вперед под землей получалось только на четвереньках. Выбираться же с полным ведром приходилось задом, поскольку развернуться с ним в узкой галерее было практически невозможно. От этого работать стало невероятно сложно, поэтому пришлось длительность смены сократить до получаса. Но дело спорилось, до немцев оставались считанные метры.

Дима посмотрел на часы, их 30 минут отдыха истекли. Он перевернулся на живот, приподнялся и, пригибаясь, почти на четвереньках, побрел к своему напарнику ефрейтору Тлеукану Магзумову, чтобы заступить на охрану их измельчавшей траншеи.

31.08.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Шел дождь, хотя весь день светило яркое солнце. В Киеве сложилась странная закономерность — как дождь, так сразу стреляют. Хотя, может, Ирине это так казалось, но со стороны Сталинки сегодня громыхало целый день. И при всем при этом в Киеве ширятся упорные слухи, что больше штурма не будет, немцы зарываются в землю и переходят к позиционной войне.

Город же продолжал жить своей жизнью. Повсюду расклеены афиши, что 4 сентября Киевский цирк открывает новый сезон. Через неделю должны начаться занятия в школах. Работы в Киеве было все меньше, масса безработных, но никто с голоду пока не умирал, люди как-то умудрялись выживать. Стволы деревьев, бордюры и дорожную разметку опять покрасили белой краской, чтобы войскам в ночной темноте, когда не горит ни один фонарь, было проще ездить по пустынным киевским улицам. В корпусе Университета разместили девушек-дружинниц, некоторые из них были одеты в военную форму. Они работали в госпиталях, сортировочных пунктах и считались мобилизованными.

В магазине дела пошли в гору, покупатели заходили постоянно. Спрашивали художественную литературу, в основном классиков, а также книги по медицине — они становились все востребованней. Солдаты покупали помногу, не считая денег. У большинства из них настроение было ровное или даже приподнятое. Хотя, бывало, постоит один, полистает грустно книгу-другую и, тяжело вздохнув, уйдет, ничего не купив. А сегодня молодой командир-артиллерист приобрел собрание сочинений Л.Н. Толстого. Ему не надо, как пехотинцам, таскать книги на себе, может себе такое позволить.

Ирине было очень тяжело отказывать людям, приносящим книгу на продажу, а делать это приходилось постоянно. В академии ей установили жесткую норму на покупку поддержанных книг и постоянно ругали, когда она нет-нет да и нарушала ее. Ругать ругают, а сами убегают, с досадой подумала она. Вчера ей стало известно, что все институты академии эвакуируются, остаются только библиотеки и магазин.

Тут Ирина вспомнила, что ей кто-то сказал, что в Киеве сейчас находится московский поэт Александр Безыменский и планируется его передача на радио. Надо будет как-то заранее узнать, когда ее будут передавать, подумала она.

Историческая справка: Александр Безыменский — один из главных критиков творчества М.А. Булгакова (кстати, жившего в молодости в Киеве неподалеку от Ирины, на Андреевском спуске) и

Б.Л. Пастернака. Существуют веские причины подозревать, что под видом Ивана Бездомного в романе «Мастер и Маргарита» выведен именно А.И. Безыменский. Его пафосные стихи были в основном посвящены Коммунистической партии, Ленинскому комсомолу, Ленину, поэтому на сегодня самым популярным его произведением остается только перевод французской песенки «Все хорошо, прекрасная маркиза».

На Андреевском спуске было темно, угрожающе серели рогатки, опутанные колючей проволокой. Где-то внизу в парадном дежурили военные, появившиеся совсем недавно. Они теперь обычно тихо спрашивали: «Кто идет?», а как-то раз ночью, часов около трех, создали переполох. Окликнули какого-то прохожего, а тот, вместо того чтобы остановиться, побежал. Тогда военные перегородили рогатками Андреевский, чего никогда раньше не делали, и теперь дотошно проверяли всех поздних пешеходов.

Ночная темень полностью поглотила город, Ирина тяжело вздохнула, последний раз глянула за окно на засыпающий без единого огонька Киев и тоже пошла спать.

31.08.1941, военный комиссар 2-й эскадрильи 43-го иап 36-й иад Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год

Они продолжали делать налеты в район Окуниново и Остра. Наши части предпринимали отчаянные попытки уничтожить вражеский плацдарм, но все усилия разбивались о грамотную вражескую оборону.

Эскадрилья вылетела вечером, вести ее выпало Дмитрию. Им повезло застать на марше до сорока пушек на конной тяге. Самолеты старшего лейтенанта Васи Шлемина и лейтенанта Миши Деркача обрушились на прикрывавшие дорогу зенитные батареи. Остальные «чайки», развернувшись вдоль узкой лесной дороги, усеяли ее разрывами «эрэсов». Затем они сдела-

ли еще несколько заходов, поливая все живое внизу пулеметными очередями. Больше всего досталось лошадям, их трупы густо усеяли дорогу.

На выходе обнаружилось, что одного истребителя не хватает. Дмитрий сначала с горечью подумал, что они потеряли очередного своего товарища — не хватало «чайки» младшего лейтенанта Сергея Евладенко. Но вскоре «пропажа» нашлась, его самолет зачем-то барражировал на малой высоте далеко в стороне от боя.

После приземления в эскадрилье сложилась критическая ситуация. Это уже был не первый случай, когда товарищи замечали за Евладенко беспричинный выход из боя. В воздушной схватке такой ненадежный летчик — угроза остальным пилотам. Дело папахивало самосудом. Дмитрию с трудом удалось не допустить драки и кровопролития. Версия Евладенко, что его подвел мотор, после проведенной тут же проверки не подтвердилась — мотор работал исправно. Кто-то из пилотов пригрозил лично сбить труса, если подобное повторится. Дмитрий отстранил провинившегося от полетов и отправил в штаб полка. Оттуда Евладенко уже не вернулся, его перевели в 1-ю эскадрилью.

Историческая справка: Сергей Сергеевич Евладенко 1914 года рождения — на 17 мая 1942 года в воздушных боях сбил два самолета Ме-109 лично и по одному Ме-109 и Хе-126 в группе. 15 июля 1944 года не вернулся из боевого задания в районе города Золочев Львовской области. Награжден двумя орденами Красного Знамени.

31.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ генерал-майор И.Х. Баграмян

Ситуация на северном участке обороны становилась все более угрожающей. Немцы надвигались на Чернигов, в тыл занимавшим вдоль Днепра оборону дивизиям 5-й армии. Сам

город был практически стерт с лица земли массированными налетами авиации, начавшимися 23 августа. Командующему 5-й армии генерал-майору М.И. Потапову приказали загнуть свой правый фланг обороны, а именно — 31-й стрелковый корпус (ск). К северу от Чернигова выдвинуть 15-й ск, но все это были полумеры. Чтобы сдержать удар 2-й армии вермахта, этих войск было явно недостаточно. Для оказания Потапову помощи и оценки ситуации на месте Кирпонос приказал выехать в 5-ю армию Ивану Христофоровичу и члену военного совета М.А. Бурмистенко, прихватив с собой группу командиров штаба фронта.

С командирами из штаба армии встретились рано утром чуть Южнее Чернигова, у моста через Десну. В бледном мареве над городом вверх поднимались густые черные столбы дыма. Немцы бомбили Чернигов, стараясь сорвать подход к линии фронта наших подкреплений.

Пока штабные машины ехали через Чернигов, очередная группа немецких бомбардировщиков под прикрытием «мессершмиттов» начала бомбежку жилых кварталов. Им на перехват бросилась группа наших истребителей, завязался воздушный бой.

Штаб Потапова находился за городом в лесу. Он доложил обстановку, сообщил, что на левом фланге его части совместно с 37-й армией упорно пытаются ликвидировать Окуниновский плацдарм, а на правом сдерживают наступление 2-й армии противника на Чернигов, для чего он снял с обороны на Днестре два полка 45-й стрелковой дивизии (сд). Но этого мало, чтобы контратаковать, нужны подкрепления. Приданная армии 204-я воздушно-десантная бригада пока не прибыла. Также Потапов просил танки и авиационную поддержку.

От штаба вновь поехали через Чернигов и стали свидетелями бомбардировки железнодорожной станции. Здесь прямо под бомбами выгружались подкрепления, переброшенные из-под Сум.

Вскоре они прибыли в штаб 15-го стрелкового корпуса, которым командовал полковник М.И. Бланк. В непродолжительном докладе он заверил, что корпус отстоит город.

Историческая справка: Полковник М.И. Бланк погиб два дня спустя, 2 сентября 1941 года. 9 сентября немцы вошли в Чернигов.

Узнав все, что от них требовал Кирпонос, командиры штаба фронта отправились обратно в Прилуки.

01.09.1941, военный комиссар 2-й эскадрильи 43-го иап 36-й иад Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год

В одну из штурмовок в районе тысячу раз уже проклятого ими Окуниновского моста эскадрилья оказалась километров на десять южнее Окуниново. Им каждый раз при атаках приходилось менять тактику, чтобы усыплять бдительность многочисленных зенитчиков, согнанных немцами к переправе: изменять направление, менять боевое построение, маневрировать на вертикалях и горизонталях. Они уже возвращались, когда Дмитрий заметил на вражеском берегу большое скопление грузовиков, перевозивших понтоны.

По прилете он сообщил об увиденном в штаб дивизии. Там не поверили и потребовали организовать повторную разведку. Так толком и не отдохнув, Дмитрию и зам. комэска ст. лейтенанту Мише Бубнову (они дружили еще с боев в Китае) пришлось опять садиться за штурвал. Разведка результатов не дала, немцы, не будь дураками, рассредоточили и замаскировали понтоны в прибрежном лесу.

Историческая справка: Начиная с октября 1937 года в Китай начали прибывать советские самолеты, летчики и техники, которые с ноября 1937 по 1940 год участвовали в Японско-китайской войне 1937–1945 годов на стороне Китая. К середине февраля 1939 года в Китай прибыли 712 добровольцев — пилотов и техников.

Следом полетела пара ст. лейтенант Вася Шлемин и лейтенант Миша Деркач. Они тоже ничего не обнаружили. Из штаба донимали расспросами, но летчики и так сделали все, что могли. В заявлениях командования появились опасные нотки, уж не ошибся ли военком Панов, или, того хуже, не пытается ли он ввести в заблуждение. На счастье Дмитрия, специально оборудованный самолет-разведчик СБ смог засечь понтоны, правда, 60-ю километрами севернее. Но это уже не играло особого значения. Выяснилось, что угроза наведения немцами еще одной переправы через Днепр реальна.

Летчикам приказали расстрелять понтоны, но в указанном месте цель вновь обнаружить не смогли. Видимо, немцы опять их куда-то перебросили. Тогда, ориентируясь по многочисленным следам шин, оставленным на песке, они, как ищейки, выследили часть машин и понтонов в небольшом леске и накрыли их «эрэсами». Семь понтонов гарантированно уничтожили, но где прятались остальные, было непонятно.

Наконец первого сентября, воспользовавшись достигшей восьми баллов облачностью, удалось разорвать уже готовую понтонную переправу, по которой как раз переправлялись танки. Три или четыре из них канули в Днепр. Повреждения получили самолеты лейтенантов А.Н. Романова и П.С. Киктенко, но техники быстро вернули их в строй.

01.09.1941, кинооператор Центральной студии документальных фильмов Абрам Наумович Козаков, 38 лет

Они возвращались с Аркадием в гостиницу. Подготовка к поездке на фронт была окончена, завтра они выезжают на передовую в район реки Ирпень, надо было выспаться и вечером выдвигаться, все необходимые пропуска они получили. Нет, все-таки здорово, что он скооперировался в этой своей поездке с Гайдаром. Перед тем открывались любые двери. Вопросы,

которые другие решали бы сутками, если бы вообще могли решить, для Гайдара сами собой «устаканивались» в минуту. Здорово, когда у тебя есть такой товарищ.

Им оставалось идти каких-то две-три минуты, когда до-рогу преградил пьяный сержант. Он стоял посреди мостовой и держал в руке взведенный «наган», который наводил то на одного, то на другого пешехода и глумливо ухмылялся. Прохожие пугались и старались обойти опасного пьянчугу десятой стороной. Среди них были и военные, но они торопились проскочить мимо, стараясь не замечать дебошира. Кому охота получить пулю от какого-то поехавшего мозгами дурака?

Но не таким был Гайдар. Он пошел прямо на сержанта с таким видом, будто ничего из ряда вон выходящего не происходит, будто он каждый день прогуливается под дулом взведенного «нагана», наслаждаясь свежим воздухом и летним теплом. Сержант перестал ухмыляться. Прохожие замерли. У Гайдара был трофейный «парабеллум», он мог бы легко застрелить дурака, но вместо этого просто шел вперед безоружный, спокойный и невозмутимый. Сержант стал кричать, чтобы тот остановился, что он начнет стрелять. Гайдар не обращал на эти крики никакого внимания. Когда до дебошира оставалось метра два-три, он стремительно бросился на него, сильным ударом вышиб револьвер из нетвердых рук и сбил возмутителя спокойствия с ног. Пока тот приходил в себя, Гайдар подобрал чужой пистолет с брусчатки, положил в карман галифе, и они, как ни в чем ни бывало, продолжили свой прерванный путь к гостинице.

02.09.1941, командующий 36-й иад Герой Советского Союза полковник В.В. Зеленцов, 31 год

Пришло сообщение о новом таране, совершенном пилотом их дивизии, — в боях над Окуниновским плацдармом заместитель командира 1-й эскадрильи 43-го иап мл. лейте-

нант Сергей Зайцев дважды таранил бомбардировщик Ю-88 и сбил его, причем его И-153 «чайка» осталась в воздухе. Но при посадке на вынужденную истребитель скапотировал, пилот погиб.

Это был очень хороший боевой летчик, за время сражения за Киев его звено сбilo 14 самолетов противника, из которых лично он уничтожил шесть. Виктор Владимирович решил, что Зайцева надо будет непременно представить к званию Героя.

Историческая справка: Сергея Зайцева, в отличие от его однофамильца из 2-го иап Дмитрия Зайцева, наградили только орденом Ленина... посмертно.

02.09.1941, командир саперной роты 1047-го стрелкового полка 284-й стрелковой дивизии лейтенант Дмитрий Иванович Головкин, 19 лет

Ну вот и все, их героическая шестерка пробиралась прочь от опостылевшей траншеи, в которой они прожили пятеро суток. Особенно сложно стало в последние дни, стала остро ощущаться нехватка воздуха. Забой освещался маленьким самодельным керосиновым фонарем, который коптил, выжигал кислород и наполнял воздух запахом копоти. Но без освещения было никак нельзя. В результате два раза у саперов происходили обмороки. Одного из бойцов, после того как он потерял сознание, пришлось освободить от очередной смены, чтобы тот полностью пришел в себя.

Но вот 1 сентября Дима и Магзумов, находясь под землей, услышали какие-то неясные звуки. Они прислушались, это были голоса галдящих в блокгаузе немцев. Саперы приступили к подготовке минной камеры, куда предстояло заложить тол. Ночь прошла в напряженной работе. Они перетаскивали и заложили в камеру 1260 кг взрывчатки, провели к самому

батальонному КП провода электроподрыва, после забили камеру землей, чтобы взрывная волна пошла вверх, а не через минную галерею вбок. Параллельно они вывели из камеры в забой зажигательную трубку 15-сантиметрового бикфордова шнура — резервный вариант инициирования взрыва.

Начало артподготовки дивизионной артиллерии назначили на 17:00. Ей предстояло ввести немцев в заблуждение и не дать стянуть к месту атаки резервы. Сигналом начала наступления был подрыв минного заряда. Окопчик с электрической подрывной машинкой Димины шестерка выкопала накануне прямо возле батальонного КП. Там постоянно находился охранявший ее боец.

Артиллерийская канонада началась в срок и длилась несколько часов. Дима со своими саперами прибыл к командирскому батальона, когда стало почти темно. Здесь уже находились полковой и дивизионный инженеры. Под их напряженными взглядами Дима полез в окоп, прикрепил провода к клеммам машинки. Дивизионный инженер скомандовал: «Огонь!» Дима быстро крутанул рукоятку машинки... взрыва нет. Сделал еще одну попытку, еще раз. Ничего не изменилось.

Дивизионный инженер сурово посмотрел на Дмитрия: «Огневой есть?» Тот кивнул: «Есть!» Дивизионный инженер скомандовал: «Давай!»

Дима сорвался с места и, не маскируясь, побежал ко входу в минную галерею. Немцы не стреляли, только рвались на трижды проклятой высоте свои же снаряды, осколки которых со свистом рассекали воздух. Но вот и ставшая уже родной полузасыпанная траншея. Дима практически «щучкой» влетел в нее, в полной темноте ужом пополз вперед, пока не уперся головой в мягкую земляную пробку, которую они с Магзумовым сделали накануне. Он достал спички, несколько раз чиркнув по коробке, зажег одну. Вот и зажигательная трубка. 15 секунд! У него всего 15 секунд, чтобы быстро проползти под землей на четвереньках 22 метра, выскочить из траншеи и убежать как можно дальше, чтобы не настигла мощнейшая взрывная волна.

С трудом, извиваясь и выворачиваясь, Дима развернулся в узком и низком проходе диаметром всего в полметра. После чего он зажег еще одну спичку, воспламенил ею бикфордов шнур и бросился к выходу. Следующие секунды показались ему вечностью. Он уже был возле самого выхода из галереи, когда его нога оказалась в петле ремешка от «нагана». Тем не менее он практически на одной ноге выскочил из траншеи и то ли побежал, то ли поскакал вниз, когда взрывная волна настигла его, швырнула вперед, покатила кубарем и забросила в болотце, находившееся у самого подножия высоты.

Через несколько секунд сквозь не проходящий звон в ушах Дима услышал многоголосое «Ура!». Он выбрался из тины, отряхнулся, вытащил наган и, шатаясь, бросился вслед за бегущими наверх солдатами.

Уже на рассвете, когда подсчитали потери, оказалось, что благодаря усилиям героической шестерки саперов батальон потерял в этой атаке всего лишь одного солдата убитым и нескольких ранеными, а проклятая высота была наконец взята.

02.09.1941, кинооператор Центральной студии документальных фильмов Абрам Наумович Козаков, 38 лет

К фронту они поехали на «эмке» киногоруппы. Правда, ее крышу недавно прошила пулеметная очередь, выпущенная с какого-то шального «мессера», поэтому машина привлекала внимание. А тут новая напасть, на бульваре Шевченко они столкнулись с грузовиком, сильно помяли крыло и дверцу. Пришлось, по совету Гайдара, ехать в Голосеево. Там на окраине неподалеку от леса находился заброшенный гараж одного из киевских таксопарков.

Возле гаража стелился сладковатый дым. В безлюдном помещении среди массы брошенных и неисправных такси они

быстро нашли нужного им «донора», сняли и переставили на свою «эмку» крыло и дверцу. Среди какофонии канонады и артиллерийских разрывов было странно слышать такие мирные удары молота по железу. Вскоре Гайдар с шофером закончили работу, и они поехали в Святошин.

На минном поле, устроенном на пустыре у Киевской киностудии, лежала подорвавшаяся на mine корова, которую свеживали какие-то смельчаки. В самом Святошине у самой дороги лежал неподвижно мертвый четырехлетний ребенок, его маленькое неокрепшее тельце было густо усыпано пылью.

Корреспонденты приехали на какую-то дачу, на которой допрашивали здорового пленного эсэсовца. Он с невозмутимым видом курил «Казбек», папиросой его угостил командир, ведущий допрос, и разглагольствовал о превосходстве немецкого оружия. Гайдар разозлился. Он заметил допрашивавшим, что если бы те поменьше угощали всякую мразь папиросами и не миндальничали бы с ней, то она, эта мразь, вела бы себя более уважительно.

От Святошина они поехали к Ирпеню. На подъезде к реке машина уперлась в противотанковый завал, образованный нагромождением огромных сосен. Водитель свернул в лес, и вскоре они оказались возле штаба державшей здесь оборону воинской части. Ее командир поделился своей проблемой, ему совершенно не было известно, какие подразделения противника находились на том берегу, какова их численность, где они расположены. Немцы на западном берегу Ирпеня наставили множество сторожевых постов, днем нечего было и думать устраивать разведку, а ночные поиски ничего не давали.

Гайдар, скрепя сердце, предложил подключить к этому вопросу двух знакомых школьников — брата и сестру Сашу и Марину. Аркадия постоянно привлекали к общению с киевскими тимуровцами, выступлениям перед детьми в кинотеатре «Спартак» и на радио. Вот во время одного из таких мероприятий он и столкнулся с этими детьми, оказавшимися

в большом городе без родителей и средств к существованию. Их мать осталась в городке на территории, захваченной немцами. Идея была следующая: разведгруппа, с которой собирался идти и сам Гайдар, доставит детей домой к матери. Саша и Марина будут высматривать расположение немецких войск и в условленном месте оставлять разведдонесения, которые разведчики станут затем забирать.

Детей к заброске Аркадий готовил сам. Объяснял, как с наименьшим риском добыть сведения, запомнить увиденное, записать на бумаге, чтобы это не вызывало подозрений. Группа отправилась ночью. Марина через реку перебралась спокойно, а вот Саша, как только ступил в воду, тут же запаниковал, испугался. Аркадий начал его успокаивать, хотел взять на плечи и понести, но тут мальчика взяла гордость и он спокойно пошел рядом. Вскоре дети были дома, а разведгруппа отправилась дальше.

Когда, уже утром, Гайдар, довольный и жизнерадостный, сидел в машине, которая везла их в Киев, он со смехом рассказывал, как один из разведчиков преждевременно выдернул у гранаты чеку. Бедолаге потом пришлось час ползать в тылу у немцев с зажатой в руке «лимонкой» на боевом взводе. Хорошо, что группа обнаружила стоянку немецких мотоциклистов, которых они закидали гранатами, а то пришлось бы так и обратно через Ирпень перебираться. Вскоре Гайдар описал этот случай в новом очерке «Ракеты и гранаты». Последнем очерке, напечатанном при его жизни.

03.09.1941, военный комиссар 2-й эскадрильи 43-го иап 36-й иад Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год

Их в очередной раз оправили в район Окуниново. «Чайкам» навесили под плоскостями по две фугаски ФАБ-50, и они вылетели всей эскадрилей, чтобы разбомбить километрах

в пяти южнее села вражескую батарею. На штурмовку отправился весь полк — «ишаки» 1-й эскадрильи обеспечивали прикрытие.

Взлетели и направились к аэродрому в Савинцах, где к ним присоединились И-16. Вести эскадрилью на этот раз выпало опять Дмитрию. С левым креном он зашел на цель, скользнув вниз, сбросил бомбы и, выровняв машину на высоте 200 метров, еще успел полоснуть по мечущимся внизу фрицам из пулеметов. Когда оглянулся, оказалось, что за ним следует только его ведомый. Эскадрилью атаковала восьмерка «мессеров», и «чайки», сбросив бомбы куда попало, втянулись в маневренный воздушный бой. У немцев подошла вторая восьмерка истребителей, приближалась третья.

Дмитрий начал набирать высоту, когда с задней полусферы в фюзеляж его самолета угодил зенитный снаряд. Ощущение было такое, будто кто-то со всего маху ударил оглоблей по голове. «Чайка» клюнула носом, но продолжала упорно набирать высоту, она поднялась над землей уже где-то метров на шестьсот. Кабина наполнилась сизым дымом. Сорванная с креплений бронеспинка подалась вперед, отчего стало трудно управлять самолетом. Дмитрий уперся ногами в пол, а руками — в приборную доску и нечеловеческим усилием отжал бронеспинку назад, после чего выровнял «чайку». Теперь управлять стало полегче.

Ему повезло, самолет слушался штурвала — осколки не повредили тяги. Возгорания тоже не было. Дмитрий осмотрелся, воздушный бой бушевал километрах в трех от него. Сам же он летел вдоль реки, над водной гладью. Подташнивало, голова плохо соображала, все было словно в тумане. Летчик собрался с силами и повел самолет к Савинцам.

Пролетая над штабом полка на высоте 50 метров, он чуть покачал крыльями, приветствуя штабную братию, и решил долететь до Броваров — ему уже стало значительно лучше. Дмитрий сначала не понял, почему после посадки к нему побежали почти все, кто находился на аэродроме, почему такое тревожное лицо у его техника, но когда обернулся и глянул на

фюзеляж своей «чайки», то ему все сразу стало ясно. Взрывом «раздело» гаргрот, ошметки обшивки кусками свисали по обеим сторонам фюзеляжа в задней части, обнажая шпангоуты и стрингеры.

Самолет приземлился нормально, но пока Дмитрий вырубал на стоянку, силовые элементы фюзеляжа не выдержали нагрузки и «чайка» практически разломилась пополам сразу за бронеспинкой. При осмотре выяснилось, что летчику очень сильно повезло — тяга руля высоты, представлявшая собой длинную четырехметровую трубу, едва держалась на одном сантиметре не разорванного до конца металла. Миллиметр в сторону, и управление было бы потеряно. На малой высоте, в полубомбочном состоянии Дмитрий не успел бы оставить самолет.

«Чайку» отправили в ремонт, а летчик пошел в медпункт, где санитарка Аня спичкой с тампоном вымакала скопившуюся в носу и ухе кровь, продезинфицировала их, заткнула ваткой. Дмитрий отправился спать, чтобы уже на следующий день снова подняться в воздух.

05.09.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ генерал-майор И.Х. Баграмян, 43 года

Иван Христофорович наблюдал в бинокль за разворачивавшейся перед ним масштабной панорамой контрнаступления. Со старого кургана открывался отличный вид на соседние возвышенности и вражеский плацдарм, который предстояло атаковать стрелковым батальонам. Наши батареи начали артиллерийский обстрел, немецкие им пока не отвечали. Серии разрывов легли впереди, пыль и дым закрыли горизонт.

Показались вражеские самолеты. Они закружили над батареями, сбрасывая свой смертоносный груз на артиллерийские

позиции, им отвечал нестройный разрозненный хор зениток и пулеметов — это все, что наши части могли сегодня противопоставить вражеской авиации. Орудия продолжали вести огонь и под вражеской бомбежкой, но все тише и тише. Наверняка артиллеристы понесли большие потери.

Наконец в атаку пошла пехота. Маленькие, издалека кажущиеся серыми, фигурки настойчиво полезли на высоту, перевалили через гребень, полезли на следующую. Послышался треск винтовочных выстрелов и пулеметных очередей, а затем высоту просто накрыла серия разрывов. Прошло немного времени, и на нее выползло десятка два вражеских танков. Фигурки наших солдат бежали, отстреливаясь. Командир 304-й стрелковой дивизии заметил, что так заканчивается каждая их атака, а у дивизии нет ни одного танка. Иван Христофорович тут же перезвонил командиру 38-й армии генерал-майору Н.В. Фекленко и попросил отменить приказ об атаках на вражеский плацдарм, без танков и поддержки авиации это бессмысленное дело.

Немцы их переиграли. Переиграли так, что теперь Киев, вероятно, все же придется сдать. До недавнего времени боевые действия на южном участке Юго-Западного фронта велись только в районе Черкасс. Здесь 17-й армии вермахта удалось высадить десант и закрепиться на большом днепровском острове Кролевец. С 25 августа развернулось нештучное противостояние, призванное помешать противнику форсировать Днепр. Командующий 38-й армией генерал Фекленко стянул к Черкассам три дивизии из семи находившихся в его распоряжении. А немцы нанесли удар значительно южнее, в районе Кременчуга, силами скрытно переброшенных из-под Днепропетровска и Запорожья подразделений 1-й танковой группы Клейста. 1 сентября им удалось форсировать Днепр. Фекленко сначала не придавал этому особого значения, а теперь уже было поздно. Немцы успели расширить плацдарм, перебросить туда, помимо пехотных, моторизованные и танковые части, теперь у фронта просто не было сил, чтобы ликвидировать еще и эту опасность.

Утром 4 сентября маршал С.М. Буденный поставил перед командованием фронта вопрос ребром — немцев нужно сбросить с левого берега Днепра. Кирпонос приказал Ивану Христофоровичу вызвать к нему начальника артиллерии М.А. Парсегова, начальника автобронетанкового управления В.Т. Вольского и заместителя начальника штаба ВВС В.М. Лозового-Шевченко и собираться в дорогу. Он отправлял их в штаб к Фекленко.

Фекленко мог лишь констатировать: немцы его перехитрили. Они выбрали самое слабое место в его обороне по левому берегу Днепра — междуречье Псела и Ворсклы. Здесь на фронте в 54 километра держала оборону всего одна стрелковая дивизия. На участке форсирования вражеским двум дивизиям противостоял стрелковый полк, на который противник бросил всю находившуюся в его распоряжении бомбардировочную авиацию.

В первые часы и дни сбросить немцев в Днепр оказалось нечем, поблизости не имелось никаких резервов, все они были стянуты в район Черкасс. Когда же сюда смогли подойти подразделения 300-й сд и 34-й кавалерийской дивизии, уже было поздно. Немцы отеснили их, используя численное преимущество и танки. На сегодня, по данным разведки, на плацдарме уже находилось до пяти дивизий противника.

На следующий день командиры — представители штаба разъехались по различным дивизиям, расположенным в районе вражеского плацдарма, чтобы лучше понять сложившуюся ситуацию. Иван Христофоровичу выпало ехать в 304-ю сд генерал-майора Н.П. Пухова. Когда их машина еще только подъезжала к кургану, на котором находился КП дивизии, ударила вражеская артиллерия. Баграмян начал взбираться вверх, когда обстрел уже закончился, ему встретились солдаты, которые несли на плащ-палатке окровавленного полковника, это был тяжелораненый начальник артиллерии дивизии.

Пухов рассказал, что его дивизии за три дня удалось продвинуться всего на 2-3 километра. Он предложил представи-

телю штаба самому понаблюдать за очередной контратакой. Зрелище это глубоко поразило Ивана Христофоровича. Он понял, что сбить вражеский плацдарм они не смогут, а значит, как только противник полностью переправит сюда свои танковые и механизированные дивизии, те двинутся к северу, на соединение с Гудерианом. Неделя, максимум две — и войска Юго-Западного фронта окажутся в мешке, и теперь это не остановить.

06.09.1941, военком 2-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год

Утром разведка донесла, что немцы снова наладили переправы в районе разрушенного Окуниновского моста. Требовалось все начинать по новой. На штурмовку вылетела их эскадрилья в составе пяти «чаек», которые пилотировали комэск В.И. Шишкин, его зам — М.С. Бубнов, адъютант комэска В.И. Шлемин, Дмитрий и командир звена И.В. Фадеев.

Квинтэссенцией немецкого порядка оказалась работа транспорта вермахта. Четко и организованно соблюдая равные дистанции по понтонам шли машины. На берегу ожидали своей очереди другие грузовики, танки, пушки, пехота.

С земли с приближением самолетов ударили десятки орудий, сотни пулеметов и винтовок. «Чайки» выбрали цель — скопившийся перед переправой немецкий полк. Дорога к переправе здесь проходила по дну глубокого оврага, из которого некуда было скрыться. Войска оказались в естественной ловушке, по которой «чайки» одна за другой выпускали огненные стрелы своих «эрэсов» и затем поливали огнем всех своих четырех пулеметов ШКАС.

Атака прошла удачно, но на обратном пути летчики обратили внимание, что самолет Васи Шлемина ведет себя как-то странно. Комэск приблизился к нему, голова пилота была за-

кинута за бронеспинку кабины и свисала на левый борт самолета. Ему пытались показать, чтобы он снижался и шел на вынужденную, но летчик уже не подавал признаков жизни. В какой-то момент его «чайка» ускорилась с резким снижением метров на 900, затем пролетела полтора километра на бреющем. После этого она взмыла на 600 метров, полностью потеряв скорость, сорвалась в крутое пики и, врезавшись в землю, исчезла в огненном шаре взрыва. Окуниновский плацдарм взял с дивизии еще одну свою кровавую жертву. Всего в боях за этот проклятый клочок земли они потеряли 11 «ишаков» и «чаек» вместе с пилотами.

В тот же день 2-я эскадрилья 43-го полка смогла поквитаться за погибшего товарища. Разведка донесла, что в районе Чернобыля немцы наладили переправу через Днепр, используя четыре захваченных больших грузовых баржи. Когда на землю уже опускались сумерки, на задание вылетели четыре пилота во главе с комэском Шишкиным. Немцы не ожидали, что почти в полной темноте их может кто-то атаковать с воздуха — две полные баржи находились на середине реки, а две как раз грузились, когда над ними появились четыре «чайки». Никакой зенитной артиллерией прикрыть переправу противник не успел или не посчитал нужным.

Пилоты не спешили. Они расчетливо, наработав за последние две недели большой опыт ведения огня «эрэсами», легли в правый пеленг с севера на юг и один за другим открыли огонь сериями по два снаряда, выбирая цели по мере их поражения. Первые пары, выпущенные комэском и Дмитрием, легли точно по центру первой баржи, от чего та тут же разломилась напополам и затонула. Вторые две пары серий легли по второй барже, и она тоже пошла ко дну. Остальные два пилота «обработали» баржи, причаленные к берегу, с которых в спешке разбегались те, кто успел на них погрузиться. Огненные «эрэсы» и трассеры пулеметных очередей ярко рассекали темный вечерний воздух, но рассмотреть результаты атаки было уже невозможно.

«Чайки» сделали еще несколько заходов, поливая огнем пулеметов сотни голов барахтавшихся в воде немцев, которые не утонули вместе с баржами и пытались добраться до берега вплавь.

07.09.1941, рядовой 2-го отдельного пулеметного батальона Федор Федорович Худяков, 36 лет

Федор попал в переplet, он шел пьяный по территории военного городка, чувствуя, что стремительно пьянеет дальше и, если в ближайшие несколько минут не добредет до своей койки, свалится на землю.

С 5 сентября начали выдавать наркомовские «100 грамм». Непьющего Федора такой подход возмутил. В армии еще совсем недавно проводилась массовая пропаганда, что немцы специально напаивают своих солдат перед атакой. А теперь получалось, что Сталин пошел по такому же пути? Водку начали привозить перед обедом, но Худяков отказывался от своей пайки, и так как передавать кому-то другому ее запрещалось, водка уезжала обратно. И вот об этом узнал военком и вызвал писаря к себе. Худяков зашел в комнатушку, которую тот занимал, и обнаружил его абсолютно пьяным.

После неудачной вылазки, в которой погиб лейтенант Кошмак, военкома в батальоне невзлюбили. Поговаривали, что он спутался с одной врачихой и они частенько подолгу пропадали в лесу. Но Федор сплетням этим не верил и увидеть своего непосредственного начальника в свинском состоянии не ожидал.

А у того тем временем возникла к своему подчиненному очень большая претензия. Он осведомился у Худякова, читал ли он приказ Сталина о «ста граммах». Тот ответил утвердительно. Тогда военком, шатаясь, подошел к тумбочке, достал оттуда полный стакан водки и потребовал, чтобы Федор его выпил.

Понимая, что с вышестоящим командиром, да еще и пьяным, лучше не связываться, Худяков, морщась, водку выпил. Тогда военком утвердительно кивнул, еще раз, пошатываясь, «обратился» к разверстой утробе тумбочки и извлек оттуда маленький, размером со спичечный коробок, кусочек хлеба. Федор закусил, сдержанно поблагодарив начальника.

Военком в ответ потребовал, чтобы писарь не выпендривался, а пил, как все, с чем Худяков с готовностью согласился, после чего и был отпущен. По дороге знакомые спрашивали его, что случилось, отчего Федора пошатывает. Он в ответ рассказывал, как военком заставил его выпить залпом сразу стакан, но сочувствия в собеседниках он не находил. В ответ знакомые смеялись и шутили, что было бы здорово, если бы военком заставлял так делать каждого. Наконец Худяков добрал до своих нар и упал на них, обессиленный. До конца дня он уже ничем больше заниматься не мог.

08.09.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Ирина сидела в магазине; после перенесенной болезни, из-за которой пришлось несколько дней провести в постели, ее слегка морозило. Первую неделю сентября в городе было практически тихо, только откуда-то издали доносились артиллерийские залпы, и то их можно было услышать лишь из отдельных районов города. Редко стали летать вражеские самолеты, так же редко стреляли зенитки.

Сегодня во всех школах Киева начались занятия. Ирина видела, как утром школьники со своими потертыми ранцами, нарядные и счастливые, шли на занятия. В школьных буфетах учащимся даже давали сливочное масло, о котором подавляющее большинство киевлян уже успело забыть. Вместе с обычными школами открылись и десятилетки, и специальные школы. В здании старинного оперного театра начал работать музыкально-драмати-

ческий театр, сегодня он должен был дать первое представление. Организовывался военный драматический театр.

А с продуктами в городе становилось все хуже и хуже. В магазинах пусто, часто не было даже продавцов. Если вдруг в магазинах на Крещатике к вечеру выкладывали на прилавки колбасу, или мясные полуфабрикаты, или холодное, начиналось смертоубийство. Люди толпились в очередях по три-четыре часа и часто в результате расходились ни с чем. Хлеба по карточкам раздавали всего по 600 граммов в одни руки, не больше, и только оставшийся потом продавали желающим. Люди в основном питались в столовых, где еще сохранились довоенные цены, и хлеба хватало.

А вот на рынке цены взлетели до небес, зато тут можно было купить и овощи, и фрукты, и молоко, и масло, творог, яйца (не было только жиров). Но стоило это все баснословных денег. Однако у киевлян их, как правило, не было, поэтому процветала меновая торговля. Сметливые селяне, пользуясь затруднением, в которое попали горожане, выкручивали им руки. Одно яйцо они меняли на целую буханку хлеба. По слухам, в сложившейся ситуации виновато кольцо, в которое немцы пытались взять город. К нему из тыла оставались только две дороги — через Нежин и через Полтаву. Если фашисты их перережут, в Киев придет настоящий голод. Ирина поежилась от этой мысли, ее пробрал озноб, и она лучше укуталась в теплый платок, наброшенный на худенькие плечи.

**08.09.1941, рядовой 2-го взвода
1-й роты истребительного батальона
Кировского района города Киева
Владимир Николаевич Покотило, 17 лет**

Володя шел по пыльной обочине одной из центральных улиц Миргорода. Он искал хоть какой-то госпиталь, но никто, кого он ни спрашивал, не знал ни о каких госпиталях поблизости.

Раненая и контуженая голова разболелась, болела продырявленная осколком челюсть, саднило горло. Он присел на какое-то поваленное взрывом авиабомбы дерево.

Его ранило 1 сентября, когда их разведгруппу отправили прощупать позиции противника. Но ситуация на фронте к тому времени стала уже совсем не такой, как в середине августа. Немцы выстроили сплошную линию обороны: выкопали глубокие траншеи, построили мощные ДЗОТы, заминировали подступы к ним, натянули колючую проволоку, наладили дозорную службу.

Их обнаружили довольно быстро и накрыли плотным автомато-пулеметным огнем, а затем еще и минометным. Володю ранило осколками в голову, челюсть и горло. Снова дала себя знать старая контузия, и его отправили на санитарном поезде в тыл. На железнодорожной станции Ромодан санитарный поезд разбомбили. Володе, раненому, изнемогающему от жажды, под палящим солнцем, от которого трескался даже асфальт, пришлось пройти 25 километров. И вот теперь, совершенно измотанный и обессиленный, он не мог найти хоть какую-нибудь самую захудалую санчасть, в которой могли бы помочь.

Рядом на отдых расположилось саперное подразделение. К Володе подсел какой-то старшина-сапер, спросил, откуда он родом и почему сидит здесь один. Володя рассказал о своей беде, старшина подозвал ротного, и вскоре судьба парня решилась. Солдаты оказались из 401-го отдельного саперного батальона. Володю направили в его медсанчасть.

09.09.1941, боец роты флотского полуэкипажа Пинской военной флотилии старший краснофлотец Петр Федорович Танана, 24 года

От санатория, в котором размещался штаб отряда, оборону 4-й взвод Петра занимал ниже по течению Десны, ближе к селу Карпиловка. Под жилье моряки облюбовали себе большой ка-

питательный кирпичный погреб. В санаторий за пищей и «наркомовскими 100 граммами» по очереди отправлялись по два краснофлотца.

Боевые действия против Окуниновского плацдарма противника не прекращались ни на день, поэтому, когда сегодня утром со стороны штаба послышалась пулеметная стрельба, моряки не придали этому особого значения. Насторожились они, лишь когда массированному артналету подвергся Остер, а обычной атаки после этого не последовало. В город отправили связного Петра Бондаренко, но он не вернулся, и штабные связные также во взвод не прибыли. Солнце клонилось к вечеру, близилось время ужина. Надо было идти за едой и водкой, но дорога к санаторию постоянно обстреливалась, и рисковать добровольцев не было. Тогда вызвались сходить Петр и кочегар с «Верного», старшина 2-й статьи Василий Ефимов. Они пошутили, что водки никому не дадут, взяли два бачка, бутылку и литровую флягу под спиртное, сняли штыки, чтобы не потерять по дороге (они цеплялись за ветки), и отправились в путь.

Когда моряки подошли к штабу, то обнаружили, что ворота санатория распахнуты настежь, а по двору бродят пьяные немцы и поливают из автоматов окрестные кусты. Тут к Петру и Василию присоединился прятавшийся рядом Жора Крыжановский, котельный машинист с «Верного», которого после гибели канлодки перевели на сторожевик «Пушкин». Немцы заметили подозрительное шевеление и открыли прицельный огонь. Пришлось морякам, побросав уже ненужные бачки и бутылки, спешно отходить. Вскоре им встретилась местная жительница, которая рассказала, что моряки отошли часа два назад в сторону леса за речку Остер. Боевая тройка поспешила туда же, и вскоре ей удалось остановить полуторку, в которой ехали саперы, им приказали подорвать деревянный мостик через Остер. Они охотно подбросили морячков до опушки леса на окраине Остерского аэродрома, где отряд майора Добржинского готовил новые позиции.

Здесь выяснилось, что немцы форсировали Десну в семи километрах восточнее Остра и атаковали город с северо-востока. Держать здесь оборону дальше не было смысла, и подразделениям, державшимся в районе города, разрешили отступить южнее.

Пока копали стрелковые ячейки, Жора Крыжановский рассказал товарищам историю, как сегодня погиб сторожевик «Пушкин». Последние дней десять он поддерживал сражающиеся против немецкого плацдарма войска огнем двух своих 76-мм пушек. До сих пор ему удавалось избегать попаданий вражеских снарядов и бомб, но сегодня утром не повезло — сел на мель, причем так капитально, что самостоятельно сняться с нее не смог, а стянуть его другим судном не представлялось возможным — немцы открыли по сторожевику сильный артиллерийский и минометный огонь. Командир, во избежание потерь, приказал экипажу сойти на берег.

Команда спряталась в прибрежных зарослях, наблюдая, как постепенно стихает вражеский обстрел. Тогда комендоры прыгнули в воду, поднялись на борт «Пушкина» и, стоя возле орудий в одних трусах, открыли огонь. Немцы возобновили стрельбу, и тогда комендоры прыгнули в воду и присоединились к команде. Когда огонь стих, они вновь перебрались на сторожевик и снова открыли огонь, а потом вновь вернулись на берег. Они проделали этот фокус несколько раз, пока в артпогребах не закончились снаряды. Тогда экипаж поджег свой корабль и присоединился к отряду майора Добржинского.

10.09.1941, военком 2-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год

Общее ухудшение со снабжением добралось и до их эскадрильи. Начало не хватать топлива для полетов, стало хуже с пи-

танием. Летчиков теперь кормили в основном кашей с небольшим кусочком мяса, что для людей, постоянно испытывающих высокие перегрузки, было недостаточно. Усилились бомбардировки и артобстрелы Киева, а они зачастую были вынуждены сидеть на аэродроме. К счастью, вчера и сегодня моросил дождь, в небе висела низкая облачность, вражеских налетов не ожидалось.

В середине дня затрещал телефон, звонили из штаба дивизии. Капитан Мельник сообщил, что над центром Киева совершенно безнаказанно летает тяжелый немецкий бомбардировщик. Дмитрий решил вылететь на перехват сам вместе с ведомым.

Они развернулись над Печерском — по сообщению из штаба, немецкий самолет видели в районе недавно отстроенного здания Верховного Совета УССР. Но здесь они никого не обнаружили. Их звено сделало еще несколько кругов, и тут неожиданно для себя на встречных курсах пересеклось с внезапно вынырнувшим из облаков большим двухмоторным «Дорнье-215».

Дмитрий хорошо рассмотрел в большой застекленной штурманской кабине, которую пилоты в шутку называли «Моссель-промом», удивленные лица немецких пилотов. Встреча была такой неожиданной, что ни истребители, ни стрелки бомбардировщика не успели на нее среагировать — огонь никто не открыл. «Чайки» пошли на новый заход, и когда в облачной пелене снова рассмотрели хвостовое оперение, украшенное крестами, атаковали, открыв огонь по двигателям. Дав газ, «дорнье» нырнул в облачность.

Дмитрий уже подумал, что они его больше не увидят, когда минут через семь силуэт бомбардировщика вновь возник из белой пелены. Они шли встречными курсами под углом 90°, немецкие пилоты не успели отвернуть свою большую неповоротливую машину в сторону, и «дорнье» буквально вошел в поток пуль, выпущенный «чайками». Один из двигателей задымился, и бомбардировщик опять скрылся в облачности. Больше летчики его не видели.

11.09.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ генерал-майор И.Х. Баграмян, 43 года

Командующий фронтом генерал-лейтенант М.П. Кирпонос попросил у Ставки разрешение отвести 5-ю армию полностью за Десну еще 7 сентября. Положительный ответ пришел 9 сентября, но уже было поздно — пользуясь отсутствием плотной обороны, немцы смогли форсировать эту реку в нескольких местах и создали на ее южном берегу несколько плацдармов. 5-я армия фактически оказалась в полуокружении: с запада — Днепр, с юга — войска 6-й армии вермахта, с севера и востока — 2-й.

Утром 10 сентября, контратаковав массированными силами на узком участке фронта, танки Гудериана смогли прорвать оборону 40-й армии между Батуриным и Конотопом и устремились к Ромнам. Здесь на исходе 10 сентября они соединились со сброшенным накануне воздушным десантом.

Надо было срочно отводить оборонявшие КиУР войска, на подготовленный заранее по реке Псел рубеж. В ночь с 10 на 11 сентября в Москву из Прилук ушла телеграмма с соответствующим запросом.

Тем временем в штабе фронта занялись вопросом «латания дыр». Особенно уделили внимание ситуации в районе Остра. Если не укрепить здесь оборону, противник ударит с севера в тыл 37-й армии и просто не даст ей переправиться на левый берег. Для предупреждения этой ситуации решили перебросить из КиУРа к Десне 147-ю стрелковую дивизию полковника С.К. Потехина, моторизованный батальон дивизии НКВД и два только что сформированных партизанских отряда. Крохи, но резервов в этом районе больше не было. Начштаба Тупиков заметил: «Это все равно что лопатой заделывать брешь в Днепровской плотине».

Часа в два ночи Кирпоноса попросили к аппарату Бодо. На том конце провода находился начальник Генерального штаба

маршал Б.М. Шапошников. Он сообщил, что Ставка требует держать фронт, и дал свои рекомендации по ликвидации вражеских прорывов. Не желая мириться с подобной ситуацией, Кирпонос связался с командующим Юго-Западным направлением С.М. Буденным и попросил его поддержки. Надо было разъяснить маршалу Шапошникову, что, когда немецкие 1-я и 2-я танковые группы, удержав продвижение которых нечем, соединятся в тылу сражающихся по Днепру войск, в окружение попадут десятки дивизий, сотни тысяч людей, масса вооружений и имущества.

Полностью разделявший эти доводы Семен Михайлович тут же направил в Генштаб телеграмму, что «...в создавшейся обстановке необходимо разрешить общий отход фронта на тыловой рубеж».

Буденный связался с Кирпоносом, спросил, как он планирует снабжать обороняющие Киев войска. Тот ответил, что по южной ветке. Буденный заметил, что прекрасно знает — северную ветку через Конотоп враг уже перерезал. Что штаб фронта будет делать, если окажется блокированной и дорога, ведущая через Полтаву? Ответ и так понятен, оставалась только транспортная авиация, но ее возможностей явно недостаточно, чтобы полностью закрыть потребность в боеприпасах. Экономить же патроны и снаряды в условиях ожесточенных боев в окружении не получится.

Вечером 11 сентября Кирпоноса к аппарату Бодо вызвал уже сам Сталин. Главком поставил условие, что отвод войск из Киева возможен, но только в том случае, если немедленно за счет сил 37-й армии или других войск будет создана мощная группировка, способная совместно с Брянским фронтом генерал-лейтенанта А.И. Еременко остановить Гудериана. Для поддержки их действий Ставка была готова выделить девять десятых всей авиации. На реке Псел требовалось создать полноценную линию обороны, прикрыв ее с севера и запада от вражеских ударов мощными артиллерийскими группировками и разместив на этом рубеже пять-шесть дивизий.

Сталин предупредил, что только после организации мощного контрудара по Гудериану и создания надежного оборонительного рубежа по реке Псел можно начать эвакуацию войск из Киева. При этом нужно было тщательно подготовить взрыв мостов, не оставить врагу ни одного плавсредства, и, закрепившись по Пселу, *«...перестать наконец заниматься исканием рубежей для отступления, а искать пути для сопротивления»*.

Кирпоноса и Бурмистенко последние слова не на шутку напугали. Кирпонос тут же приказал передать, что у них и в мыслях не было просить об отводе войск, что они только просят резервы для увеличившейся по протяженности линии фронта. Начальник штаба генерал-майор В.И. Тупиков схватился за голову.

В ответ из Москвы процитировали содержание телеграмм Кирпоноса и Буденного с просьбами о разрешении на отвод войск. Сталин еще раз повторил свои требования и завершил сеанс связи безапелляционным приказом: *«...Киева не оставлять и мостов не взрывать без особого разрешения Ставки. До свидания»*.

Разволновавшийся Кирпонос, вытирая вспотевший лоб, практически выбежал из аппаратной.

13.09.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Ирина работала в магазине. Пришли покупатели, два командира. Они выбирали книги и все удивлялись, как спокойны киевляне. Во всех прифронтовых городах, через которые им довелось проехать за последние дни, царили паника и растерянность. А здесь люди трудились и жили, будто фронт в сотнях километров от них. Ирина горько подумала, видели бы они ее родной город в первую неделю июля. Вскоре командиры ушли, а Ирина плюхнулась на стул и предалась горьким раздумьям. Сегодня передали, что взят Чернигов, это означало, что

бутылочное горлышко на востоке сузилось еще сильнее, а враг все продвигается и продвигается на восток и в любой момент может повернуть на юг и отрезать Киев от «большой земли». Эвакуировавшиеся знакомые писали, что бомбили Харьков. Держалась Одесса, держались и они. Хотя со стороны Сталинки постоянно доносились звуки орудийной канонады, а ночью можно было увидеть и вспышки.

В Киеве, когда ездили машины, трамваи и троллейбусы, было шумно по-старому. Когда же транспорт исчезал с улиц, город становился полупустым, будто притихшим. Люди собирались в 19:00 под радиорепродукторами, чтобы послушать последнюю сводку Совинформбюро. Но в последнее время немцы начали включать глушилки, радио булькало, кашляло, и из какофонии этих звуков было решительно ничего не разобрать. Плохие новости передавали в 18:00, в 7:00 давали утреннюю сводку, в 19:00 ее повторяли. Московские передачи повторяли в 14:00.

Хлеба по-прежнему было вдоволь, а вот других продуктов не имелось, цены на рынках росли и росли, конца-краю этому росту не предвиделось. Работы в городе осталось очень мало, а у кого она была, те часто работали только половину рабочего дня, так как полную загрузку им обеспечить уже не могли. Ирине было очень тяжело по нескольку раз на дню отказывать знакомым и не очень знакомым людям, которые в отчаянии метались по городу, пытаясь отыскать хоть какую-то работу, хоть какое-то пропитание. Хорошо хоть в открывшихся школах детишек кормили обильно и питательно.

Эвакуация фактически закончилась, Академические институты покинули город, но остались музеи, библиотеки, ботанический сад и ее, Иринин, магазин. Она стала заправским продавцом. Если раньше процесс упаковки книг в оберточную бумагу вызывал у нее тихую панику, то теперь она проделывала эту процедуру быстро и лихо, словно всю жизнь только этим и занималась. Покупателей в магазин заглядывало уже немного, но средний выторг в 150–200 рублей они обеспечивали.

13.09.1941, рядовой 1-го стрелкового батальона 1045-го стрелкового полка 284-й стрелковой дивизии Никифор Иванович Безверхий, 30 лет

Их товарняк стоял на путях в Полтаве уже второй день. Вперед пропускали эшелоны с эвакуируемым оборудованием, санпоезда, а они терпеливо ждали своей очереди. Кто-то из ходячих уже наладил контакт с местными торговками, и те из раненых, кто сохранил еще хоть какой-то нерастраченный скарб, вроде часов или трофейных швейцарских ножииков, сейчас выменивал на них молоко, хлеб и картошку.

В одну из очередных яростных атак Никифора Ивановича ранило, и его сразу повезли в госпиталь, располагавшийся в Мариининском дворце. Рассказывали, что здесь ранее жила сам царь с семейством в дни его приезда в Киев, и раненые с интересом рассматривали диковинную лепнину, покрытую облезшей шпатлевкой, а также высокие стрельчатые оконные рамы.

Историческая справка: Мариининский дворец — историческое двухэтажное здание, расположенное на правом берегу Днепра в одноименном парке. К дворцу примыкает здание Верховной Рады. Сам он является парадной резиденцией Президента Украины. Дворец в стиле барокко заложен при императрице Елизавете I в 1744 году по проекту придворного архитектора Бартоломео Растрелли и окончен в 1752 году. Из царствующих особ в нем первой останавливалась Екатерина II. Изначально дворец назывался Царским. Современное название получил в 1870 году после реконструкции (он сгорел в 1819 году) в честь императрицы Марии Александровны, жены Александра II.

Во дворце Никифору сделали операцию, наложили гипс и отправили в госпиталь, который размещался в одной из дарницких школ, а потом в какой-то лесной госпиталь, размещавшийся в Бортническом лесу. Уже была слышна приближавшаяся с севера канонада, когда их всех погрузили в то-

варняк и отправили на восток, в Полтаву, где они успешно и застряли.

13.09.1941, командир 1-й бронеплощадки ополченского бронепоезда «литер Б» Николай Андреевич Рябокони, 27 лет

Николай стоял на артиллерийской площадке, глядя под успокаивающий перестук колес по сторонам. Мимо пролетали поля и лесопосадки. Они на всех парах спешили к месту возможного вражеского прорыва. Следом за ними следовал «литер В».

На Ирпенском участке установилось затишье, и их бронепоезд перебросили на отрезок дороги Киев — Нежин. «Литер Б» прибыл на станцию Заворичи. Здесь разведка вовремя смогла выяснить, что сразу за станцией возле железнодорожного полотна немцы замаскировали артиллерийскую и минометную батареи. На бронеплощадках все пришло в боевую готовность.

Едва они выехали за посадку, растущую за станцией, наблюдатель Голосков передал по внутренней голосовой связи: «Вижу слева в 500 метрах батареи противника». Николай начал судорожно соображать, на какой взрыватель ставить снаряды. Если установить дистанционную трубку на шрапнель, то для пристрелки потребуется много времени и снарядов, а их надо беречь. Он отдал команду вести огонь картечью. Первый же выстрел показал, что «начинка» снарядов разлетается веером и зарывается в землю, не долетая до цели. Подняли ствол. Это дало положительный результат, картечь накрыла вражескую артбатарею, немецкая орудийная прислуга начала разбегаться. Многие из вражеских артиллеристов попадали на землю и уже не встали. Николай отдал команду перейти на беглый огонь.

В это время орудие 2-й бронеплощадки, которым командовал А.С. Кржешевский, расстреляло минометную батарею.

Путь оказался свободен. В этом бою бронепоезд почти не понес потерь, только был ранен в обе руки один из пулеметчиков.

«Литер Б» ускорил ход, торопясь на станцию Кобыжча, со стороны которой доносились звуки ожесточенного боя. Здесь наши части держали оборону против немцев, наступавших от Нежина на Бобровицу.

Когда бронепоезд начал обстрел села, из укрытий, устроенных на его территории, появились танки противника, которые повели наступление в сторону «литера Б», с ходу открыв огонь. Бронеплощадки и наша полевая артиллерия перенацелились на вражескую бронетехнику. Вот на месте второго во вражеской колонне танка поднялся столб дыма. Он завертелся на месте и встал. Остальные быстро повернули обратно в село и скрылись за хатами. Только один танк вырвался вперед. Приблизившись к бронесоставу на 500 метров, он выскочил на бугорок, выстрелил и уже собрался развернуться, чтобы спуститься назад вниз, как его «нашел» снаряд, выпущенный одной из бронеплощадок. Танк замер на месте, загорелся. Экипаж выбрался наружу, но пулеметчики его расстреляли.

В это время разведчики отбили колхозное стадо скота и пригнали его на станцию Бобровица. К ночи бронепоезд тоже отошел туда и спрятался под сенью деревьев, укрываясь от авиации.

Ночь прошла спокойно. Погода стояла ясная, теплая, личный состав бронепоезда с восходом солнца уже был в боевой готовности. Старшина Штофмахер и его помощник Ляшенко варили обед, в котле кипел, лаская обоняние ополченцев, наваристый борщ. Часть экипажа стояла у котла с котелками наготове. Однако в этот раз отобедать не пришлось.

Около 13:00 разведка сообщила о движении в сторону станции Бобровица механизированного подразделения противника. Почти в то же время к бронепоезду прибежал дежурный по станции, без фуражки, растрепанный и кричащий: «Немцы на станции!». По бронепоезду прошла команда: «Приготовиться к бою». Все заняли свои места в соответствии с боевым расписанием, и бронепоезд двинулся в сторону Нежина.

«Литер Б» укрывала от наблюдателей противника густая посадка высоких тополей. Бронепоезд прошел станционное здание и остановился на переезде дороги, по которой двигалось подразделение немцев. Несколько человек, видимо, разведчики, подъезжали к привокзальной площади на велосипедах. Основная же колонна только начинала спускаться в долину с горки, на которой виднелся ее «хвост». Немцы ехали беспечно, совершенно не подозревая, что на них уже наводятся орудия и десятки пулеметов. Все, затаив дыхание, ждали команды. Когда противник приблизился на 300–400 метров, Голованев отдал команду: «Огонь!» Первый же залп оказался точным. В разные стороны полетели солдаты, мотоциклы, велосипеды, на них наезжали и валялись на землю следующие мотоциклисты и самокатчики. После второго залпа колонна начала торопливо спешиваться и занимать оборону.

Огнем пулеметов противника прижали к земле и парализовали. В это время на правый фланг бронепоезда подоспела стрелковая часть, которая быстрым ударом закончила разгром противника. Его уничтожили, из нескольких десятков немецких разведчиков ушли только двое.

Во время боя командир бронепоезда Голованев получил ранение в обе руки, его перевязали. Было взято в плен 25 солдат и 2 немецких офицера, много оружия, пулеметов, 200 велосипедов и мотоциклов, которые после вывезли в Киев. Из допроса пленного офицера установили, что разгромленный мотовелобатальон входил в ударную группу 2-й немецкой армии. У части было задание захватить станции Бобровица, Заворичи, пересечь линию ж/д, избегая боев пробраться в тыл и захватить Яготин, укрепиться там и ждать прибытия танковой колонны и пехоты, следующих южнее Бобровицы.

А сегодня к нашим прибыло подкрепление — бронепоезд «литер В». Как раз выяснилось, что от Козельца с целью обойти Бобровицу с юго-запада движутся части, стремящиеся перерезать железную дорогу на участке 70-го километра между Бобровицей и Заворичами. Бронепоезда спешно перебрасывались туда.

14.09.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ генерал-майор И.Х. Баграмян, 43 года

12 сентября из штаба фронта в 38-ю армию пришел приказ атаки на вражеский плацдарм прекратить. В связи с этим находиться здесь дальше ни Ивану Христофоровичу, ни прочим командирам из прибывшей неделю назад группы не оставалось никакой необходимости. Они связались с штабом направления и попросили разрешения у его начальника генерал-майора А.П. Покровского отбыть в Прилуки. Дело в том, что, раздраженный заступничеством Буденного за командование Юго-Западного фронта, которое то хотело оставлять Киев, то отказывалось от своих слов, Сталин снял Семена Михайловича с занимаемой должности, заменив маршалом С.К. Тимошенко. Пока последний еще не прибыл, его обязанности временно исполнял Покровский. Поздно вечером пришел ответ: генерал разрешения не дал, приказав оставаться на месте и оказывать дальнейшее содействие командованию 38-й армии.

Иван Христофорович решил в данном вопросе поупорствовать и посредством аппарата Морзе связался с начальником штаба ЮЗФ, чьим непосредственным подчиненным являлся. Связь Бодо была недоступна. Генерал-майор В.И. Тупиков пообещал посодействовать. Уже утром 13-го разрешение было получено.

Выехали. До Решетиловки дороги были забиты обозами и отступающими частями. Вскоре выяснилось, что все дороги к Прилукам немцы уже перехватили. Об этом Иван Христофорович сообщил в штаб направления, и оттуда поступил приказ до особого распоряжения остаться в Решетиловке, занимаясь наведением порядка и организацией обороны.

На окраине поселка обнаружился штаб 38-й армии. Его начальник генерал-майор Виталий Николаевич Символоков, старый знакомый Ивана Христофоровича по Академии им. Фрунзе, в общих чертах обрисовал ситуацию. Часть сил

армии вышла из окружения в этот район вместе со штабом. Им повезло, что немцы плохо охраняли недавно захваченный мост через Псел и удалось отбить его неожиданной ночной атакой. Если бы не это, пришлось бы форсировать реку, а это привело бы к большим потерям.

Обсудив вопросы налаживания обороны на этом участке, Иван Христофорович запросил у уже прибывшего в Полтаву маршала С.К. Тимошенко разрешение прибыть в штаб направления и тут же получил его. Здесь Баграмяна ознакомили с последними сводками. Дела обстояли хуже некуда. Пока удерживали позиции лишь силы 37-й армии, оборонявшей Киев, и державшаяся южнее по левому берегу Днепра 26-я армия. Правофланговые 5-я, 21-я и 40-я армии и левофланговая 38-я отступали. Сплошного фронта на их участках не имелось, и противник использовал это, сокрушая нашу оборону глубокими прорывами и фланговыми ударами.

Ивану Христофоровичу показали последнее донесение Кирпоноса. Оно заканчивалось словами: *«Фронт перешел к боям в условиях окружения и полного пересечения коммуникаций. Переносу командный пункт в Киев как единственный пункт, откуда имеется возможность управления войсками. Прошу подготовить необходимые мероприятия по снабжению армий фронта огнеприпасами при помощи авиатранспорта».*

14.09.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Ирина сидела в магазине подавленная. Только что от нее ушли посетители, молодые солдаты, которые рассказали, как они получили разрешение съездить в Харьков и не смогли выехать — все дороги оказались перерезаны немцами. Нежин уже взят, в Ромнах и в Прилуках паника, туда приближаются вражеские танки. Дороги Полтавщины, как когда-то в июле в Киеве, были забиты машинами с эвакуирующимися.

Посетители ушли, а Ирина глазами, полными слез, смотрела на спешащих из школы школьников, на вечную очередь за патокой в кондитерскую, на суетящийся по своим делам киевский люд. Что станет теперь со всеми ними?

Гул канонады, целый день доносившийся со стороны Сталинки и становившийся то приглушенней, когда ездил автомобили, то сильнее, когда они утихали, внезапно стал особенно громким. Послышался грохот близкого разрыва, и толпившиеся на тротуаре люди бросились врассыпную. С Крещатика народ бежал вверх по улице Ленина. Позже выяснилось, что возле Бессарабского рынка разорвался один или несколько снарядов.

15.09.1941, боец 2-го сухопутного отряда Пинской военной флотилии старший краснофлотец Петр Федорович Танана, 24 года

Петр сидел в траншее и высыпал из противогазной сумки на расстеленный на земле чехол от саперной лопатки крошившийся хлеб, перемешавшийся с крупинками махорки Прилукской табачной фабрики. Хлеб и махорку моряки получили накануне. Всю ночь во флотском полуэкипаже им не давали спать, дергали на получение то противоипритных пакетов, то противогазов, то патронов. Сонные краснофлотцы стояли в очереди, забирали положенное, отправлялись в казарму, но не успевали заснуть, как их вновь поднимали на новую выдачу.

Путь в Киев на Красную площадь с опушки леса на границе Остерского аэродрома был долгим и сложным. В ночь с 9 на 10 сентября голодные и злые моряки майора Добржинского копали окопы, а их носы щекотал запах яичницы, доносившийся со стороны вражеских позиций. Командир, увешанный гранатами, вооруженный винтовкой и пистолетом, обходил

своих подчиненных, как мог подбадривал, и от этого на душе становилось легче. Следующий день прошел спокойно, немцы не атаквали, а ночью к отряду на грузовой машине, доставившей провизию, боеприпасы и бочку спирта, смог прорваться комиссар. Он был в стельку пьян и бахвалился, что смог пробиться и доставить продукты.

Утром началась дележка, которую проводил главстаршина под командой комиссара. Последним пайку получал 4-й взвод, в котором служил Петр. Когда последний краснофлотец получил причитающиеся ему продукты и спирт, Добржинский заскочил в кузов. Моряки услышали, как он матерно кроет и комиссара, и старшину. Оказалось, что в кузове еще осталась груда сосисок и хлеба, которые комиссар отложил для штаба. Майор приказал начать раздел продуктов снова, и вмиг протрезвевшему комиссару не оставалось ничего другого, как выполнять.

Спускаясь с машины, Добржинский обратил внимание, что у недавно прибывшего младшего лейтенанта, командовавшего взводом Петра, не положенная ему по уставу офицерская фуражка, а старшинская «мичманка». После непродолжительного допроса выяснилось, что он махнул головой убором с другом Петра, Жорой Крыжановским. И так доведенный продуктами махинациями комиссара отряда до крайнего градуса кипения, командир приказал после окончательной раздачи продуктов построить взвод в лесу на поляне. Когда молоденький, еще необстрелянный младший лейтенант выполнил приказ, Добржинский подошел к нему, отобрал пистолет и приказал сделать пять шагов вперед. Юноша побледнел, взвод, понимая, что это означает, двинулся к командирам и плотно обступил их. Моряки всматривались в невозмутимое лицо майора, не веря, что их храбрый командир может просто так за пустяковину расстрелять проштрафившегося младшего лейтенанта, практически мальчишку. И все с облегчением вздохнули, когда Добржинский приказал «Кругом!». Он вернул взводному пистолет и сказал, чтобы он больше не повторял своей ошибки, форма — это достоинство командира. Не на шутку

перепугавшийся младший лейтенант полностью со всем согласился.

Во второй половине дня немцы, видимо, все-таки решили добить отряд. Они сначала долго молотили по опушке леса артиллерией и минометами, после чего в атаку пошли до 40 автоматчиков. Наступали они как раз на позиции их 4-го взвода, о чем взводный тут же доложил командиру. Тот прислал свой резерв — взвод охраны порта. Он относился к флотилии, но его бойцы носили армейскую форму и подчинялись своим командирам. У них на вооружении был один пулемет «максим», два ручных ДП, у командиров — ППШ. Бой затянулся до ночи.

Когда стемнело, Добржинский отобрал группу из 25 человек, которой предстояло контратаковать наседавших немцев. Командовать ею он назначил младшего лейтенанта из караульного взвода, вооруженного ППШ, и главстаршину с ДП. Петру запомнилось, что оба они были одеты в плащ-палатки. Лейтенант приказал сходить с косогора тихо-тихо, и только уже внизу, когда начнется атака, что есть силы кричать.

Немцы постоянно вели огонь трассирующими пулями и не заметили возникшей у них на фланге угрозы. Заслышав громкое «Ура!», они бросились назад, к траншеям, отрытым нами же частями еще в период обороны Остра. Отряд не добежал до них метров 30–40, когда по нему открыли страшную пальбу из пулеметов и автоматов. На открытом луку от полного уничтожения моряков спасла только заросшая кустарником канава, обнаружившаяся слева от наступавших. На исходную позицию из отряда не вернулись 12 человек, включая младшего лейтенанта, о чем главстаршина и доложил Добржинскому. Тот приказал о случившемся молчать, чтобы не деморализовать и так сильно упавших духом моряков.

Каждую ночь майор просил штаб вывести вверенный ему отряд из мешка, в котором тот очутился, и каждый раз получал отрицательный ответ. Привезенные комиссаром продукты и спирт быстро закончились. Кроме того, моряки были одеты в летнее, а ночи стояли холодные. Некоторые краснофлотцы са-

мовольно уходили из окопов, чтобы полежать на крыше штабной землянки, потому что им казалось, что там теплее. Сказывались на настроениях и постоянное недосыпание, и нервное напряжение.

Тогда Добржинский решился. Еще до рассвета он начал снимать с обороны людей и строить в цепь с дистанцией в пять метров. Он приказал краснофлотцам отходить полубегом с винтовками наперевес. Если их будут спрашивать, куда отходят, отвечать, что в тыл противника, выполнять боевую задачу.

Они не успели пройти по чистому полю и трех километров, как от каких-то двух недостроенных строений к ним наперерез бросились два политрука с пистолетами в руках и с криками: «Куда! Назад! Матросы... Драпаете!» Часть краснофлотцев остановилась, говоря то, что приказал майор. Прибывали новые и новые моряки, которые недоброжелательными голодными глазами смотрели на сытых политруков, и те, в какой-то момент не выдержав, быстро завели свою легковую машину и уехали.

Моряки двинулись дальше, но вскоре нерешительно остановились — по дороге, пыля, приближалась колонна грузовых машин. Все командиры отряда находились в арьергарде, и никто не знал, что делать дальше. Но вскоре оказалось, что это Добржинский накануне вызвал автотранспорт флотилии, который перевез моряков в большое село Семиполки. Здесь их ждали хлеб, чай, масло и множество желтых слив, бери не хочу. К концу дня в несколько рейсов грузовики свезли в село весь отряд. Командир построил его, сделали переключку. Глядя на сильно поредевшие за последние дни шеренги, Добржинский только покачивал головой, печально приговаривая: «Войско мое, войско» — дорого заплатили моряки-днепровцы за Окуниновский плацдарм.

Вскоре грузовики с краснофлотцами двинулись в сторону Киева. Буквально через пятнадцать минут после отъезда немецкая авиация отбомбилась по селу — видимо, где-то рядом находились немецкие шпионы с передатчиком.

Возле моста через Днепр пришлось долго ждать, пока пройдут эвакуируемые с правого берега колонны транспорта. Наконец добрались на Подол, на Красную площадь, во флотский полуэкипаж. Моряков отмыли, переодели. Через несколько дней прибыли еще восемь человек, оставленных Добржинским в качестве боевого охранения, прикрывать отход отряда. Они сильно истощали. Из-за того, что пришлось питаться сырой морковкой и буряками, эта восьмерка начала страдать расстройством желудка. На ноги ее поставило только вино, которое предприимчивые краснофлотцы повадились покупать у торговок на Житном рынке, пробираясь туда сквозь потайные лазы в заборе. Жизнь наладилась, но ненадолго. Из отряда майора Добржинского и выживших моряков погибших кораблей флотилии сформировали два сухопутных отряда 4-взводного состава. Первый, который возглавил Добржинский, 14 сентября отправили куда-то на границу с Черниговской областью, сдерживать наступающие немецкие войска. Петр же попал во второй отряд, который возглавил капитан-лейтенант И.Ф. Гальченко. 4-м взводом Петра назначили командовать какого-то вечно испуганного курсанта танкотехнического училища.

Их сначала затемно перебросили на Голосеевские высоты к Сельскохозяйственному институту. Только передние машины остановились, как начался артиллерийский обстрел — видимо, немцы открыли огонь, ориентируясь на звук грузовиков. Возле их машины разорвался снаряд, затем еще два. Погиб один краснофлотец и два оказались ранеными. Тут же последовала команда рассыпаться по лесу и занять оборону. Вскоре четвертый взвод перекинули сюда, к поселку Мышеловка. В самом поселке были немцы, а моряки заняли траншеи на подступах к нему. В яру возле села им открылась страшная картина — открытые здесь блиндажи были завалены окровавленной обувью и гимнастерками, кусками ампутированных гниющих человеческих тел, испятнанными кровью и гноем марлей, ватой и бинтами. По-видимому, в блиндажах раньше находилась какая-то передовая медицинская часть.

Молодая поросль кленов и ясеней вокруг была, как косой, срезана осколками. Моряки принялись обживать старые траншеи и готовиться к новым тяжелым боям.

16.09.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Началось. Вчера, в понедельник, еще все казалось спокойно. У Ирины был выходной, и она целый день занималась распиловкой дров и получением карточек. Минимальный набор продуктов им теперь должны были выдавать по карточкам. А сегодня...

Вчера стреляли целый день, но это было еще терпимо. А сегодня с 5:45 началась настоящая канонада. Стреляли настолько сильно и близко, что в окнах задрожали стекла, казалось, снаряды разрываются совсем рядом. Опять летали вражеские бомбардировщики, от которых люди порядком отвыкли.

Нюся не знала, пускать дочь Галку в школу или нет, но наконец пустила... а потом сто раз об этом пожалела. Неподалеку от школы разорвался снаряд. Взрывной волной выбило стекла, Гале порезало руку. Мальчишки, хоть учителя и запрещали, убежали на улицу Саксаганского смотреть на последствия взрыва.

Кроме этого, снаряды рвались в Лавре, на Печерске, на Лукьяновке, на улице Рогнединской, на Госпитальной, возле дома 35, что по Пушкинской, и особенно много на Сталинке и на Соломенке. По слухам, немцы били из Пирогова, пытаются нащупать наши батареи, которые вели по ним огонь из Николаевского парка и Ботсада. Туда постоянно подвозили снаряды и запрещали ходить пешеходам. Жители соседних домов разбежались кто куда. Нюся тоже сняла свежевystиранное мокрое белье и приехала со своей квартиры на Саксаганского к Ирине. Она сказала, что будет стирать и сушить белье у нее.

Новости поступали одна обескураживающее другой. Вчера сообщили, что пал Кременчуг, хотя, по слухам, немцы взяли его еще 9-го. Взяты Лубны и Прилуки. Вечером Татьяне знакомые принесли печальную весть, что погибла ее подруга Лида Банина, служившая в штабе одной из частей. Снаряд разорвался во дворе здания, как раз когда она перебежала через него. Нашли только голову. Из семи человек, служивших во время конфликта на озере Ханко вместе с Таней в Хабаровске, погибли уже двое. Шокированная, она ходила и потерянно спрашивала, кто же будет следующим.

Ирина, получавшая последние новости от покупателей-военных, знала — ничего хорошего их не ждет, и всех до сих пор не покинувших Киев тоже. Город в кольце, и вырваться из него практически невозможно. Особенно тоскливо становилось, когда сквозь звуки канонады и близких разрывов из репродукторов, натяканных по всему городу, доносились звучащие теперь нелепо звуки классической музыки или стихи. Вот и сейчас под аккомпанемент взрывов передавали «Письмо Татьяны» из оперы «Евгений Онегин» — полный сюрреализм.

С утра все небо было затянуто серой пеленой, а теперь, к вечеру, ничто не загораживало багровое солнце, угрожающе прорывающееся за горизонт и подсвечивающее кроваво-алым светом стекла домов. Казалось, что оно словно предвещает городу отблески новых гигантских пожаров и реки крови.

16.09.1941, военком 2-й эскадрильи 43-го иап 36-й иад старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год

Ситуация стала критической, пилоты эскадрильи несколько раз вылетали на разведку и видели, что с севера вражеские войска уже вплотную приблизились к Броварам и Борисполю. В районе Киева практически не осталось аэродромов, которые не подвергались бы вражеским обстрелам. 1-я эскадрилья ка-

питана Е.П. Мельника и штаб полка после прорыва немцев в районе Остра были вынуждены перебраться на Святошинский аэродром. Однако он вскоре подвергся вражескому обстрелу, и пришлось перебираться в Яготин.

На их аэродроме все было более-менее тихо, самолетов оставалось мало, их тщательно укрывали и маскировали, да и летали последнее время редко, в основном на разведку. Но после каждого вылета лица пилотов становились все мрачнее, летчики видели, как по дорогам в районе Конотопа, Нежина, Бахмача, Лохвицы движутся вражеские танковые колонны, как затягивается вокруг Киева смертельная удавка.

Особенно остро они почувствовали всю критичность ситуации, когда сегодня утром обнаружили, что 22 солдата-резервиста, приписанные к аэродрому для подвоза боеприпасов, набивки пулеметных лент, охраны самолетов и землянок и разных других хозяйственных работ, дезертировали. От беглецов осталась только воткнутая в крышу их землянки палка с наколотым на нее листком бумаги, на котором химическим карандашом кто-то лаконично написал по-украински: «Шишкину и Панову. Мы пишли». О происшествии доложили в штаб полка и принялись тянуть дальше нелегкую лямку боевых будней. Дополнительная нагрузка легла на плечи техников, мотористов и оружейников.

17.09.1941, командующий 36-й иад Герой Советского Союза полковник В.В. Зеленцов, 30 лет

Он понимал, что сражение за Киев они проиграли. Основные силы фронта попали в окружение, и теперь оставалось только вопросом времени, когда немцы захлопнут этот капкан окончательно.

Уже практически не осталось аэродромов, которые немцы не обстреливали бы из своей артиллерии. Спасала только ма-

скировка, благодаря этому 2-ю эскадрилью «чаек» 43-го иап на полигонном аэродроме в Броварах немцы до сих пор, похоже, не засекли. А вот 1-й повезло меньше. 8 сентября после прорыва в районе Остра передовые части немцев подошли настолько близко к аэродрому в Савинцах, что на следующий день И-16, взлетающие на боевое задание, на первом же развороте обстреляли зенитки. Эскадрилье пришлось уходить с аэродрома буквально на бегу. 9 сентября ее временно перевели в Семиполки, а 10-го — на аэродром в Старый Быков, где до 13-го летчики штурмовали войска группы армий «Центр», наступавшие в районах Носовки и Бобровицы. 13 сентября немцы подошли вплотную и к этому летному полю, и эскадрилью перевели на аэродром в Яготин, где она базировалась до 15 сентября.

15-го же в 13:45 в километре севернее аэродрома появились четыре немецких танка, легковая автомашина и пехота с минометами. Начался обстрел. Технический персонал и аэродромная обслуга заняли оборону, что позволило перебросить все самолеты в Святошино. Все, кроме одного неисправного И-16, который пришлось сжечь.

16 сентября всеми исправными самолетами полк штурмовал прорвавшиеся войска противника на подходах к Дарнице. В этот день погиб очередной пилот, мл. лейтенант Владимир Георгиевич Целуйко, его сбили вражеские зенитки. Летчиков и самолетов в полках и так осталось мало, а тут...

Сегодня утром, 17 сентября, немцы наконец засекли пребывание на аэродроме в Святошино наших истребителей и в 10:00 сделали на него артналет. В 12:00 обстрел повторился, к счастью, потеря эскадрилья не понесла, но ее опять надо было переводить. Куда? Он подошел к карте, постоял, внимательно посмотрел на оставшиеся в их распоряжении летные поля, отмеченные флажками. Немцы активнее всего наступали с севера и с востока. В Киеве они знали расположение всех аэродромов, и ничего не стоило блокировать любой из них обстрелами и бомбежками. Оставался юг. Здесь в ста километрах от Киева в районе Драбова находилось летное поле, от которого

немцы еще пока находились на относительном удалении. Зеленцов распорядился перевести 1-ю эскадрилью 43-го полка и 2-й полк туда.

17.09.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Посетителей сегодня было совсем немного. С утра раздавалась страшная канонада, которая, правда, к 8:00 поутихла, но выстрелы доносились целый день. Ирина сидела за прилавком подавленная. Только что вышел один из покупателей, он сказал, что хочет посмотреть на смелого продавца, продающего книги под огнем фашистов. Этот человек рассказал, что один из снарядов разорвался в ограде Софийского собора.

В город стекались люди и организации, не успевшие проскочить Лубны и Прилуки — вернулись Облздрав и Облсобез. С полдороги вернули раненых, в одной детской больнице возле Зоологического сада их скопилось более полутора тысяч человек. Возвращались обратно машины с продуктами, машины со снарядами. Возможно, именно поэтому сегодня в магазинах на прилавки «выкинули» масло. Началось столпотворение — очереди, давка. С продуктами стало совсем плохо, пайку для неработающих гражданских урезали до 300 граммов, для работающих — до 500.

Что-то странное происходило с радио, сегодня утром в 6:00 обычная утренняя передача началась с лозунга на немецком языке: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Затем послышался голос диктора, не привычного, а какого-то другого. Затем Москва опровергла немецкое заявление, что вермахт еще 3 сентября захватил Брянск, а, наоборот, сообщило, что он отброшен и понес большие потери. Вдруг на полуслове радио замолкло и больше уже не оживало. Новости больше получить было неоткуда — из газет выходила только «Пролетарська правда», клише которой готовилось в Киеве. Московские издания пропали.

В школы сегодня дети не пошли, вчера еще в классах было по 4–5 человек, а сегодня родители своих детей на уроки уже не пустили.

Неподалеку разорвался снаряд, Ирина поежилась от страха, задрбезжали стекла, задрожали руки. Она отметила про себя, что уже час не было ни одного покупателя. А очередь за маслом стояла, люди в упорной решительности приобрести вожденный кус окончательно перестали дорожить жизнью. Ее коллеги из библиотеки не такие смелые. Библиотека расположена на бульваре Тараса Шевченко, совсем близко от Николаевского парка. Женщины боятся, что, пока немцы будут нащупывать расположенную там батарею, они могут угодить и в их здание. Ирина решила, что если еще час покупатели будут идти так же «жидко», она сходит, подбодрит библиотечных коллег.

18.09.1941, командир 1-й бронеплощадки ополченского бронепоезда «литер Б» Николай Андреевич Рябоконт, 27 лет

После боев в районе Кабыжчи и Бобровицы «литер Б» в очередной раз вернулся для ремонта на КПВРЗ. С окончанием работ в состав загрузили новую порцию боеприпасов, угля, паровоз принял воду и в соответствии с приказом командования отправился на станцию Пост-Волынский. Противник возобновил боевые действия на близких подступах к Киеву, и оборонявшимся здесь частям вновь требовалась артиллерийская поддержка.

«Литер Б» перебрасывали из одного района города в другой. То он прорывался к станции Жуляны и наносил удары по вражеской пехоте и технике. То выезжал на прикрытие Дарницкого ж/д моста. Несколько раз состав сам попадал под обстрел. Ситуация усложнялась с каждым часом, снаряды противника

уже рвались в полукилометре от станции Киев-Московский. Район действия бронепоезда с каждым часом сжимался.

Историческая справка: Второй штурм Киева немецкими войсками начался в 8:00 16 сентября после 20-минутной артподготовки. В южном секторе наступали 75-я, 95-я пехотные (пд) и 99-я легкая пехотная (лпд) дивизии при поддержке 299-й пд. В первый день они захватили Чабаны, Новоселки, Теремки, но взять село Пирогово и поселок Мышеловка им не удалось. 17-го числа ожесточенные бои развернулись в районе Голосеевских прудов, Мышеловки, наши части продолжали обороняться на Жуковом острове.

К 16:00 17 сентября 1941 года состав вернулся на Пост-Волынский и вел огонь отсюда, затем к 20:00 они отправились на центральный вокзал. Вечером немцы начали обстреливать пригородные районы, и на улицах стало совсем безлюдно. В сумерках под мерный перестук колес бронесостав не спеша полз по пустому, темному, словно вымершему городу.

На станции Киев-Пассажирский только несколько дежурных честно выполняли свои обязанности, отправляя подвижной состав и грузы в Дарницу. В гордом одиночестве бронепоезд замер у одного из безлюдных перронов вокзала. Выставили охранение. «Литер Б» в городе оставался один, остальные бронепоезда собрались на левом берегу.

Обстрел усилился. Снаряды начали рваться в районе КПВРЗ, ТЭЦ и улицы Коминтерна. Затем, уже когда стало совсем темно, канонада почти стихла.

Команда бронепоезда находилась на местах в ожидании новых распоряжений командования. Где-то около двух часов ночи поступил приказ следовать в Дарницу, но не коротким путем через Дарницкий мост, а круглым — через Пост-Волынский, Борщаговку, Петровку, Петровский мост.

Путь, хоть и близкий, выдался сложным и опасным. Через Пост-Волынский пронеслись с боем, на всех парах, строча во все стороны из пулеметов и сыпля картечью. В Дарницу прибыли только к 9:00.

18.09.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ генерал-майор И.Х. Баграмян, 43 года

Утром 16 сентября его вызвали к главкому направления. Помимо маршала С.К. Тимошенко в кабинете находился и член Военного совета направления Н.С. Хрущев. Семен Константинович вкратце описал обстановку. Немецкие войска находились всего в двадцати-тридцати километрах от штаба фронта. В любой момент управление войсками могло нарушиться. В район городов Ромны и Лубны стягивались войска, которыми планировалось пробить брешь в пока еще непрочной немецкой удавке, чтобы очутившиеся в котле войска могли бы прорваться. Разрешение на их вывод маршал планировал получить в ближайшие часы у Сталина.

Иван Христофорович обратился с просьбой обеспечить его вылет в штаб фронта самолетом. Тимошенко задумался, потом попросил по прилете сообщить генерал-лейтенанту М.П. Кирпоносу устный приказ: *«...оставив Киевский укрепленный район и прикрывшись небольшими силами по Днепру, незамедлительно начать отвод главных сил на тыловой оборонительный рубеж. Основная задача — при содействии наших резервов разгромить противника, вышедшего на тылы войск фронта, и в последующем перейти к обороне по реке Псел...»*.

Из-за непогоды вылететь смогли только на следующий день. Ивана Христофоровича усадили в закрытой прозрачным плексигласовым колпаком пулеметной башенке скоростного бомбардировщика, который взял разбег и взлетел в хмурое предрассветное небо. Какое-то время их сопровождали два истребителя, которые вскоре после пересечения линии фронта свернули в сторону. Почти тотчас же над горизонтом появились черные точки. Неужели вражеские перехватчики? Командир экипажа майор Павел Филиппович Симонов выжал

из машины всю возможную скорость, упорно ведя ее на запад... И им повезло — враги не заметили.

При заходе на посадку на аэродроме в Гребенке по ним почему-то открыли огонь наши же зенитки. Перестали стрелять, только когда штурман выпустил серию ракет, означавших: «Я — свой!» Еще не остановились винты, как к ним подбежал капитан с голубыми петлицами. Он был блее мела. Оказалось, что взлетная полоса была заминирована и трагедия не произошла только чудом. Летчика звали капитан Артемьев, он являлся представителем командования ВВС фронта. Взяв у него машину, Иван Христофорович отправился на розыски штаба фронта.

Тот отыскался на хуторе Верхояровка, севернее Пирятина. Генерал Тупиков стиснул «блудного Баграмяна» в объятиях. Разговорились. Оказалось, что над их начштаба сгустились нешуточные тучи. Василий Иванович по собственной инициативе составил для Генерального штаба подробный отчет о состоянии дел на фронте и аргументированное предложение об отводе войск на восток. Кирпонос его подписать категорически отказался, и телеграмма в Москву ушла только за подписью Тупикова. На следующий день из генштаба пришел грозный ответ, обвиняющий Василия Ивановича в паникерстве. Дело приняло серьезный оборот, отчего он порядком подупал духом, однако новость, что маршал Тимошенко дал устный приказ на отход, приободрила.

Тут же на машине отправились к командующему фронтом, тот расположился в роще в нескольких километрах от штаба. Немецкое наступление вынудило перенести командование из Прилук в Пирятин, а не в Киев, потому что к моменту переезда оказалось, что пробиться туда уже невозможно.

Дороги снова оказались забиты какими-то тыловыми частями, беженцами, эвакуируемыми учреждениями. Хоть до цели поездки было рукой подать, но из-за сплошного потока машин, подвод и людей ехали очень долго. Уже наступил вечер, когда они попали к командующему фронтом.

В кабинете у Кирпоноса находились члены Верховного совета фронта М.А. Бурмистенко и Е.П. Рыков. Услышав, что командующий направлением дал разрешение на отход, Михаил Петрович попросил у Баграмяна письменный приказ. Узнав, что тот был отдан устно, Кирпонос ответил, что ничего не может поделаться. Единственное, что они могли сделать, это отправить в Ставку радиограмму с запросом, что делать в связи с распоряжением Тимошенко.

Историческая справка: Текст радиотелеграммы, отправленной штабом ЮЗФ в Генеральный штаб 18.09.1941 г.: «Главком Тимошенко через заместителя начальника штаба фронта передал устное указание: основная задача — вывод армий фронта на реку Псел с разгромом подвижных групп противника в направлениях на Ромны, Лубны. Оставить минимум сил для прикрытия Днепра и Киева. Письменные директивы главкома совершенно не дают указаний об отходе на реку Псел и разрешают взять из Киевского УРа только часть сил. Налицо противоречие. Что выполнять? Считаю, что вывод войск фронта на реку Псел правилен. При этом условии необходимо оставить полностью Киевский укрепленный район, Киев и реку Днепр. Срочно просим Ваших указаний».

Ночью Ставка разрешила оставить Киев и переправить войска на левый берег Днепра, при этом маршал Б.М. Шапошников ничего не сказал о выводе сил фронта на тыловые рубежи. На созванном экстренном совещании с отводом войск вынужден был согласиться даже упорствовавший до этого Бурмистенко. Тупиков тут же на карте набросал план отступления и поручил Ивану Христофоровичу подготовить соответствующие боевые приказы для командующих армий. Но если с 5-й, 26-й и 40-й армиями связь еще была, то в 21-ю к генерал-лейтенанту В.И. Кузнецову и в 37-ю к генерал-майору А.А. Власову пришлось отправить порученцев. В Киев на машинах двумя разными дорогами отправили сразу двух командиров, ни один из которых в результате не добрался. Связаться со штабом генерала Власова удалось только через Москву, на что было потрачено еще несколько часов драгоценного времени.

18.09.1941, командир 4-й дивизии войск НКВД по охране железнодорожных сооружений полковник Федор Максимович Мажирин, 37 лет

Около часа ночи Федора Максимовича вызвал к себе нарком внутренних дел УССР комиссар ГБ 3-го ранга В.Т. Сергиенко. Василий Тимофеевич был очень возбужден и сразу приступил к делу. Он сообщил полковнику, что получен приказ Киев сдать. Немцы далеко на востоке в районе Лохвицы замкнули вокруг сил Юго-Западного фронта кольцо, и оборонять столицу Украины больше не оставалось никакого смысла. В связи с этим Мажирин назначался комендантом города. Под его командование передавались все военные части НКВД, милиции и истребительные отряды. Ему приказывалось обеспечить переправу на левый берег всех отходящих частей, после чего мосты предстояло взорвать. Сергиенко сделал акцент на том, что полковник теперь головой отвечает за то, чтобы ни один немец не перешел по мостам на другой берег Днепра. Мажирину оставалось только взять под козырек, развернуться через левое плечо и отправиться выполнять приказание.

Федор Максимович поехал в штаб 37-й армии, которой подчинили находившиеся на подступах к городу и в самом Киеве подразделения 4-й дивизии. Генерал-майор А.А. Власов поставил его в известность, что 284-я стрелковая полковника Г.П. Панкова и его, Мажирина, 4-я войск НКВД дивизии вместе со всеми приданными частями должны будут прикрыть отступающие из Киева войска. Это означало, что в следующие дни предстоит череда тяжелых схваток. Нет боя сложнее, чем арьергардный.

Приехав к себе в штаб, Федор Максимович первым делом связался с командиром переданного ему в первых числах августа под начало 227-го отдельного полка конвойных войск НКВД майором Т.И. Вагиным. Тимофею Ивановичу приходилось туго,

его батальоны с 15 сентября вели бои с прорывающимися со стороны Чернигова немецкими подразделениями на линии Красиловка — Калиновка — Рожевка. В предыдущие недели, когда шло ожесточенное сражение за Киев, полк готовил капитальные оборонительные позиции, собираясь отразить наступление врага с севера и северо-востока. И вот онигодились. В первый день боев полку удалось разгромить вражеский мотополк, захватить его знамя. Немцы потеряли до сотни солдат, 10 мотоциклов, два автомобиля, много автоматов и пулеметов. Приданные стрелкам НКВД саперы, батареи 45-мм орудий, отряды ополченцев, пулеметные роты помогли прочно приккрыть шоссе Киев — Чернигов. Однако на сколько хватит этих сил?

Вагин, громко и четко рапортуя в трубку, дал понять, что подчиненные его воюют геройски, но в силу значительного численного преимущества противника, которое нарастает с каждым часом, надолго их не хватит. С утра 17 сентября немцы предприняли психическую атаку, наступали во весь рост, пьяные, с криками «Рус, сдавайся!». Против бойцов НКВД такие финты не проходят. Врага подпустили на дистанцию в 300–400 метров и начали косить пулеметным и винтовочным огнем. Те из немцев, кто остался в живых, спешно ретировались.

Сегодня же утром вдоль железной дороги Нежин — Киев, которую обороняла 3-я рота 227-го полка, немцы бросили значительно превосходящие силы пехоты, поддерживаемые танками. Сначала стрелки успешно отбивали атаки вражеской пехоты, но затем вперед поползла вражеская бронетехника, и стало совсем тяжело. Первый танк поджег заместитель политрука Сокольский. Его примеру последовали другие бойцы. Мажирин попросил Вагина держаться и положил трубку.

Надо было приступить к вопросу уничтожения мостов. Федор Максимович вызвал к себе начальника инженерной службы дивизии. Вместе они внимательно обсудили порядок минирования и подрыва всех пяти находившихся в черте города переправ.

Историческая справка: отрывок из «Доклада штаба Юго-Западного фронта начальнику штаба главного командования Юго-За-

падного направления о состоянии охраны и обороны переправ через р. Днепр на 20 июля 1941 г.»

«...Переправа № 6 у Воскресенской сл. — ж.-д. мост им. Петровского. Мост подготовлен для пропуска танков и механического транспорта. Охрана 100 чел. 56 ждп. Вооружена: два станковых пулемета, три ручных пулемета, 2000 гранат, 85 активных винтовок. Комендант — капитан Гондельбер.

Переправа № 7 у Никольской слободы состоит из двух мостов:

а) мост Евгения Бош — охрана 100 чел. 56 ждп. Вооружены: два станковых пулемета, три ручных пулемета, 85 активных винтовок, 200 гранат;

б) мост Русановский — охрана 60 чел. 56 ждп. Вооружение: два станковых пулемета, мототанкер и мотолодка. Начальник охраны — командир 2 б-на 56 ждп. Комендант — полковник Кузмин — 17 понтонного полка.

Переправа № 8 у Предмостной, мощный понтонный мост. Охрана — рота понтонеров 1 понт. полка. Комендант — подполковник Федоров — 17 понт. полка.

Переправа № 9 — наводницкий мост. Охрана моста 80 человек 56 ждп. Вооружение: 2 станк. пулемета, 3 ручн. пулемета, 60 активных винтовок, 180 гранат, одна мотолодка.

Комендант — ст. лейтенант Ивницкий от 17 понт. полка.

Переправа № 10 — дарницкий ж.-д. мост, приспособлен для движения механического транспорта. Охрана 100 человек 56 ждп. Вооружение: два станк. пулемета, три ручн. пулемета, 35 активных винтовок, 260 гранат. Начальник охраны моста — нач. штаба 2 батальона 56 ждп. Комендант — майор Тихонов — Инжуправления.

Районы переправ 6, 7, 8, 9, 10 имеют окопы для круговой обороны частей охраны».

Помимо мостов саперам дивизии в штабе армии поручили уничтожить несколько важных промышленных объектов: КРЭС (Киевскую районную электростанцию) на Рыбальском полуострове, телеграф и радиоцентр. Армейские саперы их заминировать не успевали.

Вечером, когда вопросы выделения людей, взрывчатки, проводов и взрывателей были решены, Мажирина вновь свя-

зали с Вагиным. Ситуация полка значительно ухудшилась. 3-я рота полегла практически полностью, продержавшись шесть часов. В остальных подразделениях, в том числе у ополченцев, были большие потери. Мажирин сказал Вагину, что надо продержаться еще день, после чего полку будет необходимо отойти на юг в сторону Дарницы. Вагин только мрачно ответил: «Есть!» Что ему оставалось делать? Два его батальона, от которых осталось по две роты, командование 37-й армии перевело под свое оперативное управление. Еще один батальон по приказу Мажирина усиливал оборону железнодорожного Петровского моста, пересекавшего Днепр севернее Киева в районе Оболони. Майора фактически отстранили от управления своим полком.

18.09.1941, заместитель командира ополченского бронепоезда «литер А» Константин Артемьевич Арефьев, 26 лет

17 сентября перед экипажем «литера А» поставили задачу прибыть в Яготин, чтобы поддержать оборонявшийся здесь стрелковый полк. Бронепаровоз после недавних боев находился в ремонте, поэтому состав тянула обычная «щука».

Историческая справка: «Щуками» называли паровозы модели «Щ».

Они прибыли по месту назначения уже к 11:00. В так называемом «полку» оставалось всего около 50 усталых, голодных и деморализованных бойцов. Боеприпасы у них подходили к концу, и командир этого немногочисленного войска слезно просил его выручить. С бронепоезда сняли и отдали стрелкам один станковый и пять ручных пулеметов. В 6 километрах от Яготина находился главный артиллерийский склад (ГАС), на котором хранилось порядка 100 вагонов боеприпасов, поэтому командир бронепоезда, не раздумывая, приказал сгрузить бойцам весь имевшийся излишний запас патронов (восемь ящиков) и гранат. «Литер А» отошел в укрытие.

Когда противник снова пошел в атаку, бронепоезд неожиданно атаковал с фланга. Немцы откатились, завязалась артиллерийская дуэль, Тихоход приказал отогнать бронепоезд на 400 метров от станции, на которую вскоре посыпались вражеские снаряды.

Когда артобстрел утих, Костя взял двух бойцов и отправился к станции, но не успели они пройти и 200 метров, как заметили шнырявшие меж станционных построек два вражеских танка. Пришлось бежать что есть духу обратно к бронепоезду. На подножки заскакивали уже на ходу, танки преследовали бронепоезд, и тот быстро набирал ход, чтобы скорее оторваться — незабронированный паровоз, а вместе с ним и весь состав врагу было легко обездвижить.

Расчеты на ходу вели огонь по танкам, те стреляли в ответ. Прямым попаданием вражеского снаряда заклинило одну из орудийных башен, получила пробоину бронеплощадка № 1, термитным снарядом была подожжена контрольная площадка, груженная ящиками с боеприпасами, которые экипаж успел набрать на ГАСе. Пожар угрожал взрывом.

Бронепоезд спешно отвели за ж/д мост, переброшенный через речку Супой, остановились в выемке. Выскочив из-за поворота, бронепоезд столкнулся (правда, не сильно) со спешившим ему на выручку бронепоездом 66-го полка ж/д войск НКВД. Раздумывать было некогда. Командир бронеплощадки В.А. Лункевич и политрук В.К. Мышенко вместе со своим экипажем бросились на пылающую платформу и разгрузили еще не объятые пламенем 20 ящиков с боеприпасами. В это время помощники машиниста Л.Ф. Баран и Б.Н. Залуцкий отцепили контрольную площадку с горящими ящиками. Машинист И.Д. Крамар оттолкнул ее в сторону станции Яготин. Через несколько минут окрестности потряс грохот взорвавшихся в отдалении боеприпасов.

По дороге к Киеву за Березанью в соответствии с приказом экипаж подорвал нефтехранилище, в котором хранилось несколько сотен тонн топлива.

Вечером бронепоезд прибыл на станцию Киев-1 пассажирский. Командир объявил личному составу за спасение бронепоезда благодарность. Помянули очередную потерю, в бою за станцию Яготин героически погиб командир отделения связи И.И. Котлярчук.

В этот день бронепоезд должен был стать на ремонт, но из-за усложнившейся ситуации рабочие и экипаж лишь кое-как привели во вращательное движение башню. «Литер А» получил новое задание — вместе с еще четырьмя бронепоездами выйти на станцию Дарница и прикрыть отход наших войск. Приказ был — продержаться хотя бы 15–20 часов.

18.09.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Начиная с этого дня калейдоскоп событий закрутился со страшной скоростью. Через город на левый берег потянулись колонны отступающих частей, армия превращалась в одну большую деморализованную спешащую покинуть Киев толпу. Киевляне смотрели, и ничего, кроме ужаса и горечи, в их сердцах это зрелище не вызывало. Ирина закрыла магазин и поспешила в админздание Академии наук, чтобы спросить, что ей делать. Когда она проходила мимо гастронома, женщину поразило, что люди из очереди за подсолнечным маслом не расходились, хотя обстрел был жестокий как никогда. Покупатели жались к стене, непроизвольно при каждом разрыве снаряда втягивали головы в плечи, но упорно продолжали стоять в длиннющей тянущейся до телеграфа веренице. Это выглядело дико.

В Академии оказалось, что уполномоченный Президиума Корчагин ушел из города вместе с ополченским батальоном, а оставшийся вместо него Навроцкий сказал ей, что не имеет морального права заставлять своего работника торговать в магазине под обстрелом.

Ирина вышла на улицу, бульвар Тараса Шевченко был забит отступающими войсками. По дороге назад в магазин, который надо было запереть теперь уже на все засовы, она заглянула в библиотеку. Там все плакали, стучали в окошко кассира, требовали скорее выдать деньги, так как дома их ждали дети. Вокруг рвались снаряды, и всем было очень страшно. Делать здесь было решительно нечего, и Ирина поспешила в магазин.

Тут ее уже ждала соседка Леля, перепуганная и постоянно рыдающая. Оказалось, что несколько снарядов упали недалеко от их дома, и Леля побежала к Ирине, так как больше не к кому и некуда. Девушки наконец заперли магазин и поспешили домой на Андреевский.

Жильцы толклись под лестничными пролетами и в квартирах нижних этажей где, как им казалось, было безопасней. Остаток дня девушки вместе с сестрой Ирины Таней перетаскивали вещи из своего флигеля к Леле. Полы застелили тюфяками, заняв все подвалы. Детей уложили спать в сараях, прикрытых от обстрелов домом. Управились засветло. Все это действие, сопровождаемое усиливающейся канонадой и грохотом близких разрывов, происходило в какофонии истошных воплей женщин и детей.

К разрывам снарядов добавлялся гром взрываемых отступающими войсками зданий и сооружений. Водокачку подорвали еще утром, и Киев остался полностью без воды. Затем начали взрываться швейная фабрика имени Свердлова, железнодорожный вокзал, товарные станции, ТЭЦ. Вслед за взрывами начались пожары, а ветер, как нарочно, усиливался, и пламя бушевало вовсю, норовя перекинуться на близстоящие дома. Тушить пожар было нечем, воды в пожарных гидрантах не осталось. В шесть часов вечера на Подоле взлетели на воздух штаб Пинской флотилии и клуб водников. Теперь казалось, что горит весь Подол.

Ветер нагнал черные свинцовые тучи, которые перемешивались с черными густыми дымами, и весь этот черный «коктейль» заслонял луну и звезды. Но в городе от огня пожарищ было светло как днем. Никто из жителей дома не спал, все ожи-

дали, что каждую минуту в дом может угодить снаряд или на него перекинется пламя. Правда, к ночи канонада утихла, но взрывы подрываемых по городу саперами зарядов продолжались до утра. Все с вожделием ждали рассвета, надеясь на скорую развязку.

18.09.1941, нападающий и капитан футбольной команды «Динамо» (Киев) Константин Васильевич Щегоцкий, 30 лет

С начала августа Константин начал служить в военизированной пожарной охране. Служба особо не нравилась, но что поделать — приказы не обсуждаются. Единственной отдушиной было только то, что полковник Т.А. Строкач приказал ему поддерживать контакт с «динамовским штабом». Поэтому, как только появлялась возможность, Константин ехал на стадион. Начальство, в полном составе болевшее за «Динамо», шло легендарному нападающему навстречу, поэтому проблем с отлучками и попутками не было.

Вот и сегодня утром он с легким трепетом в душе прошел через до боли знакомую колоннаду, поднялся вверх к воротам на стадион и дальше в «штаб». Ему все очень обрадовались, но лица оставались напряженными, и Константин спросил, что произошло. Оказалось, что получен приказ сдать город. Внутри все опустилось.

Они достали мячи и, чтобы попрощаться напоследок с любимым стадионом, вышли с Ячиком на поле. Минут десять попасовали на зеленом газоне, посидели на трибуне, вспоминая дорогих сердцу товарищей. На дворе стоял теплый сентябрь, «бабье лето», самое футбольное время, а им вместо того, чтобы выходить под одобрительный гул болельщиков на поле, предстояло уезжать из любимого города. И, возможно, навсегда.

На Левый берег, обратно в Никольскую слободку, Константин отправился пешком.

18.09.1941, рядовой 2-го отдельного пулеметного батальона Федор Федорович Худяков, 36 лет

На всем протяжении фронта еще ночью началась канонада, но силы батальона были так редко разбросаны, что он нес только случайные потери. Были участки, где на расстоянии 150–200 метров не было ни одного солдата. Прервалась связь с 1-й ротой, и туда отправили двух связистов, но они все не возвращались. В шесть утра отправили еще двоих. Уже рассвело, было 8:00, а ни от первой, ни от второй пары солдат ни слуху ни духу.

В это время от соседа слева, 28-го горнострелкового полка, верхом на лошади прискакал вестовой. Он передал, что полк получил из штаба армии приказ сниматься, оставлять Гостомельский мост и отступать через Днепр в Дарницу. Колибаба, продолжавший командовать батальоном, потребовал письменное подтверждение, но у вестового его не было.

К 10:00 в батальон из штаба армии обычно приезжал офицер связи, но сегодня он все не появлялся. Наконец, когда время перевалило уже за полдень, где-то в 13:00, приехал офицер и привез приказ. В соответствии с ним батальону предписывалось в 3:00 начать незаметный отход с занимаемых позиций. То есть десять часов уже были потеряны. Батальону предстояло проследовать к шоссе через хутор Яблоньки на Новые Петровцы, оттуда — на Куреневку, Подол, к мосту Евгении Бош, и на левом берегу остановиться в Кухмистерской слободке, где ждать, пока все части перейдут на левый берег. После этого батальону предстояло обороняться в Дарнице, прикрывая общее отступление.

Штаб снялся с насиженных мест быстро, потому что комбат еще утром приказал готовиться и паковать вещи. С ротами было сложнее, точнее, с 1-й ротой. Связи с ней так и не было. Только несколько часов спустя выяснилось, что к тому времени она уже практически полностью полегла в неравной рукопашной схватке. Батальону так и не подвезли пулеметных лент и минометных мин, поэтому, когда немцы перешли утром

в наступление, все, чем им могли ответить бойцы батальона, это ружейным огнем, гранатами, бутылками с зажигательной смесью да отчаянной штыковой атакой против первых высадившихся на берег пехотинцев противника. С началом штыковой комроты сказал ротному повару, чтобы тот срочно эвакуировал свое хозяйство в тыл. Тот сначала не послушался, но когда увидел, что враг берет верх, хлестнул коней и понесся что есть мочи на своей кухне к Киеву, пока в районе Новых Петровцев не попал в пробку. Тут Федор и встретил этого своего старого знакомого и охранявших кухню солдат.

Еды в кухне не было, перепуганный повар даже не успел сварить для погибшей роты завтрак, поэтому пришлось всем жевать всухомятку хлеб.

Пробка к Киеву тянулась огромная, с самой разнообразной техникой, тут были и пушки, буксируемые грузовиками и тракторами, и подводы, и двуколки, и легковушки. В Киеве к этому сплошному потоку людей, техники и лошадей присоединился гражданский транспорт — пожарные машины, машины скорой помощи, автобусы и многие другие. Федор вместе с остальными писарями штаба ехал в кузове бортовой машины их 2-го стрелково-пулеметного батальона. Рядом с водителем на месте пассажира сидел второй помначштаба по оперативной части лейтенант Гончар. Вскоре этой разношерстной эвакуирующейся из города транспортной рекой их вынесло на Подол. Оказалось, что отступать предстоит по самому северному железнодорожному мосту им. Петровского. Там саперы как раз делали насыпь для въезда и застилали досками шпалы.

Пробка ждала часов десять, пока движение не возобновилось уже в темноте, где-то после 22:00. По насыпи прошел санитарный поезд. За ним второй. Паровозы шли медленно, перестук колес почти не был слышен. Федор подумал, что, если налетят вражеские бомбардировщики, придется несладко. Однако над мостом постоянно барражировали три советских истребителя, и это вселяло в переправлявшихся некоторую надежду.

Наконец тронулся и их штабной грузовик. Он медленно въехал на импровизированную насыпь в сплошном потоке

таких же грузовиков и других машин. Они ехали без включенных фар и медленно, чтобы не съехать с брошенных на шпалы досок. Многие, покидая родной город, плакали. Ведь еще недавно все так было хорошо, оборона казалась прочной и надежной, газетные статьи и сообщения по радио вселяли уверенность в силу советского оружия и в завтрашний день. А тут — такой ужас.

Вскоре мост закончился и машина съехала на шоссе. Но и здесь стояла сплошная пробка. Пришлось ждать до полуночи, пропуская едущие навстречу машины с понтонами. Видимо, командование собиралось навести еще одну переправу, чтобы эвакуировать с Подола и Куреневки максимальное количество людей и техники.

Федор, ожидая, пока колонна вновь двинется вперед, отошел в сторону и наткнулся на писаря из их тыловой службы. У того оказалась с собой фляга на 0,7 литра, полная водки. Писарь со странной фамилией Отц относился к Худякову с некоторым пиететом и с радостью угостил. Федор сначала засомневался, стоит ли, найдет ли потом свою машину. Но затем плюнул и, не в силах на трезвую переносить окружающий кошмар, сразу залпом заглотнул граммов двести.

Машину свою он потом все-таки нашел и уже до самого утра, пока не приехали в Дарницу, преодолев за пять часов десять километров, никуда из нее не вылезал, примостившись возле борта.

18.09.1941, боец 2-го сухопутного отряда Пинской военной флотилии старший краснофлотец Петр Федорович Танана, 24 года

Поредевший взвод сидел в траншеях, прикрывавших улицу Демиевка. Немцы практически полностью захватили Голосеевский лес и теперь рвались к Сталинке. Под Мышеловкой

моряков почти сразу окружили, и пришлось прорываться к сельхозинституту, прокладывая себе путь штыками и гранатами. 4-й взвод оборонялся у самого здания. Его позиции активно обстреливались, но спасало то, что у немцев почему-то разрывался только один снаряд из четырех-пяти. Вскоре отряд перебросили сюда, на опушку леса. Траншеи были подготовлены давно, так что моряки просто их заняли. Слева от взвода находились 2-й и 3-й взводы. Справа — небольшой отряд ополченцев заводов «Большевик» и «Ленинская кузня». Чуть левее и сзади — малочисленный отряд городской милиции.

Они здесь находились уже несколько дней. Немцы не знали, какие незначительные силы им противостоят, поэтому до сих пор ограничивались только обстрелом. Однако несколько часов назад позиции подверглись мощнейшей бомбардировке. Ранение в голову получил комиссар отряда, который вместе с матросами находился в траншеях. Его отправили в тыл. За время бомбежки исчез, словно растворился, командир взвода — курсант-танкист. Тогда командование на себя принял Петр. Так как от штаба отряда не было никаких известий, он отправил на его поиски своего друга и земляка, бывшего командора зенитки «Верного» Сережу Руденко.

Пришел представитель от ополченцев, они просили принять их в команду. Петр возражать не стал. Вскоре с таким же предложением появился представитель и от милиционеров. Но Петр им сказал, чтобы искали свое командование.

Найдя штаб, вскоре вернулся Руденко с яичницей, котелком вина и приказом отходить к строениям. Моряки и ополченцы подкрепились, выпили вина, после чего немного осмелели. Немцы держали улицу под постоянным обстрелом, пули высекали из булыжной мостовой искры. Но бойцы где по-пластунски, где перебежками перебрались на ту сторону улицы и отошли к конфетной фабрике, где и заняли оборону.

К вечеру немцы поняли, что перед ними находятся мизерные силы, и двинули на позиции защитников города само-

ходки с десантом на броню. Фабрику не переставая бомбили вражеские самолеты. Звуки смешались в сплошную какофонию — разрывы танковых снарядов, бомб, пулеметные очереди, хлесткие выстрелы винтовок, треск горящей фабрики. Милиционеры сорвались с места и растаяли между зданиями. Головные самоходки уже входили в город. Петр оглянулся по сторонам, моряки еще держались. Но тут что-то сильно ударило его с левой стороны в макушку и боец провалился в беспмятство.

Историческая справка: 18 сентября 99-я лпд вела бои в северной части Голосеевского леса. Отвлекающие действия 299-й пд также с этого момента переросли в наступление, ей удалось захватить Гатное. 99-я лпд и 75-я пд застряли в районе Голосеевского леса, натолкнувшись на ожесточенную оборону. 95-я пд, начавшая наступление в полдень, смогла вплотную приблизиться к Лысогорскому форту. На Жуковом острове подавить сопротивление ей не удалось, и командование 29-го армейского корпуса перебросило туда словацкую моторизованную дивизию. Утром началось наступление в северном секторе КиУРа, передовой отряд 296-й пд смог прорваться в районе Казаровичей и захватил Лютеж.

19.09.1941, военком КиУРа полковой комиссар И.Ф. Евдокимов, 39 лет

После неудачного для немцев штурма Киева жизнь опять входила в свое привычное русло. Оставшиеся в распоряжении КиУРа ДОТы удерживались гарнизонами, их даже пытались улучшать. Так, на заводах города — «Большевик» и «Ленинской кузне» — были изготовлены приборы, позволявшие теперь поднимать и опускать перископ в ДОТ. Изготовили их настолько быстро, что удивило видавшее виды командование укрепрайона. Заводы выделили инженеров и мастеров, которые приехали и установили эти механизмы во всех ДОТах.

В штабе на улице Артема была установлена рация взамен разбитой при обстреле штаба на Святошино. Всего их теперь работало три, одна из которых — в Пуще-Водице.

После окончания штурма было проведено совещание о целесообразности хранения в ДОТах резерва общим числом в 13 млн патронов. С санкции штаба армии до 50% патронов вывезли в тыл, где они были замаскированы и закопаны.

Но затишье оказалось недолгим, вскоре начала нарастать напряженность, участились вражеские обстрелы. 25-26 августа немцы предприняли попытку прорваться на северном фесе КиУРа. Больше всего досталось ДОТу, простреливавшему подходы к остаткам подорванного саперами Демидовского моста через реку Ирпень. Вокруг него снарядами практически скосило все деревья. Некоторые снаряды не разорвались и лежали на месте падения, наполовину и более зарывшись в землю. Вызванные саперы при разборке боеприпасов нашли в них табак, конфеты и записки: «Чем можем — тем и поможем». Как было позже установлено, эти снаряды изготавливались в Чехии на заводах «Шкода».

Наступления на фесе КиУРа у немцев не удались, зато они преуспели в районе Окуниново, в Черниговской, Сумской и Полтавской областях. В городе начали усиленно готовиться к новому штурму. 10-11 сентября от населения насильно очистили Петропавловскую Борщаговку, Николаевскую Борщаговку, Софиевскую Борщаговку, Жуляны и Голосеево. Жители сопротивлялись, особенно не хотели выезжать селяне из первых двух сел. Но законы военного времени неумолимы, вместе со всем скарбом, детьми и скотиной их эвакуировали в Барышевский район. Для этого использовалось порядка 60 машин.

Поступил приказ взорвать Святошинский КП. Требовалось завалить верхнюю часть, а внутреннюю не взрывать.

Историческая справка: Несмотря на приказ, при отступлении советские войска КП не подорвали, и у немецких инженеров была возможность подробно его исследовать, а результаты изложить в «Рапорте о русской системе укреплений» от 1942 года.

При отступлении из Киева немецкие саперы оказались более исполнительными, чем их советские коллеги, — КП они подорвали, и его затопили грунтовые воды. Все послевоенные попытки откачать воду и восстановить Святошинский КП успехом не увенчались. В связи с этим входы в командный пункт забетонировали и засыпали, а на месте его наземных сооружений возвели здание школы № 140.

Наконец ночью поступил приказ ДОТы, оборудование и вооружения, которые невозможно вывезти своими силами, уничтожить и отступить на левый берег, в Дарницу.

19.09.1941, стрелок 28-го отдельного пулеметного батальона рядовой Адам Пиусович Красовский, 34 года

Ночью к ним прибыл секретарь партийной комиссии КиУРа старший политрук К.Ф. Стороженко. Пришел приказ на отход. Гарнизону предписывалось уничтожить все имущество, которое невозможно вывезти, и выдвигаться к месту сбора. Но командир гарнизона лейтенант Г.К. Ветров категорически отказался его выполнять. Не помогал ни прямой приказ командира батальона, ни угрозы применения наказания.

В конце концов прибыл Стороженко и начал увещевать лейтенанта, лицо которого словно окаменело. Ему долго объясняли, что, если гарнизон окажется в окружении один, уже не удастся, как в прошлый раз, долго держать оборону. Если раньше поддерживали огнем соседи, то теперь немцы без труда смогут или отравить гарнизон газами, или просто выморить голодом, защитники ничего не смогут сделать и погибнут зря.

Наконец нехотя Ветров согласился. Сорок минут они вели огонь, показывая противнику, что гарнизон на месте, что готов сражаться. Затем быстро сняли пулеметы и установили их на колесные станки, загрузили на двуколки патроны. Деревянное

оборудование сожгли. Подрывать ДОТ было нечем, так что его потерны и амбразуры остались нетронутыми.

Вскоре в предрассветных сумерках гарнизон уже пешим строем двигался к месту сбора всего батальона.

19.09.1941, командир 4-й дивизии войск НКВД по охране железнодорожных сооружений полковник Федор Максимович Мажирин, 37 лет

Денек выдался на удивление солнечный и теплый. Над Днепром синело голубое бездонное небо. Но людям, находившимся под ним, было не до этих сентябрьских красот. С утра на юго-западных окраинах города начала нарастать канонада. Немцы поняли, что русские сдают город, и теперь штурмовали позиции боевых заслонов, стараясь прорваться к мостам.

Первым саперы подорвали самый южный, Дарницкий железнодорожный мост. Поток людей, подвод и машин, сплошным потоком стекавший к нему, перенаправили к Наводницкому мосту. Отвечавший за его подрыв военинженер 3-го ранга А.А. Финкельштейн ждал до последнего мгновения, давая возможность переправиться к своим как можно большей части ополченцев, которые отступали последними, и задержавшихся на берегу солдат. Уже в бой вступил отряд понтонного полка, оборонявший предмостовое укрепление, уже вражеские мотоциклисты вылетели на берег и открыли огонь по отступавшим... Шли минуты.

Наконец в небо взвились ракеты, настил моста запылал. Среди не успевших переправиться людей началась паника. Многие из них прыгали в воду. Беснующиеся лошади вставляли на дыбы. Последние защитники предмостового укрепления бежали по горящим доскам, вслед за ними бросились немецкие автоматчики. Саперы выждали, пока последние наши

бойцы добегают до левого берега, и подорвали толовые шашки. Взрывом мост сбросило с быков вниз.

Следующим взлетел на воздух самый северный железно-дорожный мост — имени Петровского. Последними рухнули в днепровские воды ажурные стальные фермы моста имени Евгении Бош. Понтонные переправы просто демонтировали, эвакуировав понтоны в глубину левобережья.

Историческая справка: Мост Евгении Бош изначально назывался Николаевским цепным мостом, он был построен в 1853 году из стальных конструкций, изготовленных в Великобритании, в Бирмингеме, по проекту английского инженера ирландского происхождения Чарлза Виньоля. Утвердил проект 30 августа (11 сентября) 1848 года сам император Николай I, в честь которого мост и был назван. Серебряная модель этого сооружения выставлялась на Всемирной выставке 1851 года в Хрустальном дворце в Лондоне. Возводили сооружение на месте старинной переправы через Днепр. Мост простоял до 1920 года, претерпев реконструкцию 1898 года, во время которой разводную секцию заменили стационарной, высоту пролетов увеличили, а фарватер реки углубили. 6 мая 1920 года Киев захватили польские войска, однако продержались они в столице Украины недолго. Уже 10 июня поляки оставили город, подорвав накануне 9 июня цепи, удерживавшие всю конструкцию, от чего она разрушилась, целыми остались только быки. Приказ на подрыв отдал командующему 3-й армией генерал Эдвард Рыдз-Смиглы, верховный главнокомандующий польской армии в войне 1939 года, который бросил ее на произвол судьбы уже на 17-й день войны. В 1925 году на уцелевших быках по проекту инженера Евгения Оскаровича Патона построили новый мост. Его называли в честь застрелившейся в январе того же года революционерки Евгении Бош.

Одновременно с мостами начали уничтожаться объекты в городе — КРЭС, водокачка, телеграф, радиоцентр, железнодорожный вокзал и многие другие. Один за другим подрывались оставшиеся корабли Днепровского отряда Пинской военной флотилии. Небо заволочло дымом пожарищ. С левого берега казалось, что горит весь Подол. Уцелевшие защитники предместовых укреплений из 57-го полка, 34-го и 81-го отдельных

батальонов по охране промышленных объектов пересекали Днепр на лодках. Прикрывая отход армии, они потеряли до двух рот.

В 16:00 Федор Максимович отдал приказание, чтобы дивизия начинала отступать в сторону Борисполя в следующем порядке — штаб дивизии, 57-й полк, 81-й отдельный батальон, 227-й конвойный полк, 34-й отдельный батальон и 56-й полк. К вечеру они вышли на линию Гнедин — Княжичи и закрепились там.

Историческая справка: Утром 19 сентября 1941 года подразделения 95-й пд обошли Лысогорский форт, который обороняли ополченцы Кировского района (современного Печерского), с флангов и после артподготовки взяли его штурмом. Им удалось захватить 319 пленных. Именно бойцы этой дивизии должны были, продвигаясь вдоль берега Днепра, захватить киевские мосты, но им это не удалось. В 11:30–12:00 они захватили Печерскую цитадель старой Киевской крепости (сейчас на этом месте расположен Музей истории Украины во Второй мировой войне) и Киево-Печерскую лавру. В 13:00 с севера на территорию монастыря вышли передовые отряды 296-й пд во главе с ее командиром генерал-лейтенантом Штеммерманном. Спротивление ополченцев Сталинского и Железнодорожного районов в селах Крюковщине и Софиевской Борщаговке 299-я пд сломала только к вечеру. На Жуковом острове словацкой моторизованной дивизии сдались в плен 1650 военнослужащих РККА.

19.09.1941, военный комиссар, представитель Военного Совета Юго-Западного фронта на киевских переправах Евгений Федорович Белоконев, 32 года

Гайдар уже сутки находился на их командном пункте. Он приехал с водителем на полуторке и упросил его остаться до взрыва моста и потом отходить вместе с ними и ротой мостовой охраны, на что никто не возражал.

Уже сильно перевалило за полдень. Все киевские переправы были взорваны — их мост оставался последним. Что происходило в городе — оставалось непонятно. Взрывы снарядов и звуки боя, доносившиеся из южных районов города, прекратились. С одной стороны, мост надо было взрывать, а с другой оставалось опасение, вдруг кто-нибудь еще не успел эвакуироваться. И тут Гайдар вызвался сходить в Киев, разведать обстановку. Евгений попытался его отговорить. Шутка ли, а вдруг известный советский писатель попадет в плен к немцам? Но тот был непреклонен, Аркадий хотел видеть оставленный нашими войсками город собственными глазами. Единственное, о чем с ним удалось договориться, — это что если мост все-таки придется взорвать до его возвращения, смельчак должен будет севернее города выйти к берегу, куда за ним пришлют катер.

Гайдара не было где-то 10–12 часов. Вернулся он уже к вечеру и доложил, что никого из военных в городе не осталось. В конце концов мост взорвали. Гайдар сел вместе с Евгением в «эмку», а на полutorке поехала группа оставшихся саперов во главе с начальником переправ.

19.09.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Наконец наступило утро, серое, мрачное, холодное, но относительно тихое. Канонада утихла, слышались только звуки отдельных разрывов. Нюся решила сходить к портному, узнать, готово ли Галино пальто, но быстро вернулась — испугал свист пуль над головой. Звуки перестрелки слышались со стороны Куреневки, совсем рядом с Фроловской горки бил пулемет. Жильцы решили, что сейчас будут взрывать здание ЦК на Михайловской, и все снова спустились вниз, на первый этаж.

Историческая справка: Фроловская горка, сегодня больше известная как Замковая гора, носит еще одно, более древнее название — Хоривица, в честь Хорива — одного из братьев легендарного основателя Киева — Кия. Замковой гора называется в честь деревянного замка литовского воеводы Владимира Ольгердовича, который в 1482 году при штурме Киева сожгли татары крымского хана Менгли Гирея. Однако замок отстроили в период с 1532 по 1545 год. Во второй раз, уже окончательно, его уничтожили в 1651 году восставшие казаки Богдана Хмельницкого. На тот момент он принадлежал киевскому каштеляну Адаму Киселю. С 1816 года до середины позапрошлого века здесь было кладбище. Фроловской горка стала называться в честь Фроловского женского монастыря, расположенного у ее подножия, которому она принадлежала с 1854 года. В 1940 году здесь организовали радиостанцию для глушения сигналов иностранных радиовещательных станций.

Однако взрыв не последовал. Зато один за другим начали взрываться мосты. Сначала донесся гром со стороны Наводницкого моста. Затем последовал мост Евгении Бош. Все его пролеты, кроме одного, центрального, подорванные с обоих концов, рухнули в воду.

Распогодилось, выглянуло солнце. Пожары начали стихать. Народ стал несмело выходить со двора на улицы, вскоре кто-то из жителей пришел и рассказал, что киевляне мародерствуют по всему городу — грабят магазины, склады, гастрономы, универмаги. Об этом было известно, это позорное явление началось еще вчера, 18-го. Хотя... почему позорное? Пусть уж лучше достанется горожанам, чем врагам. Около двух часов дня прибежал еще кто-то и с паникой в голосе сообщил, что по киевским улицам едут немцы. Все жители дома побежали в сквер Андреевской церкви и оттуда увидели, как по Красной площади медленно, не торопясь, по двое в ряд продвигаются немецкие мотоциклисты. Они свернули с площади на улицу Кирова, направляясь в центр города. На перекрестке с улицей Андреевской лежали убитые еще вчера разрывом снаряда люди, и немецкие мотоциклы торжественно «проплывали» мимо недвижимых тел.

В это время на Андреевском спуске показался перепуганный советский солдатик в вылинявшей гимнастерке. Он в панике бежал вверх от площади и не знал, куда спрятаться. Женщины тут же затащили его в подворотню дома. Солдат, еще совсем мальчик, все спрашивал, дрожа, что же ему делать. Веснушчатый, с голубыми широко открытыми глазами, он очень не хотел умирать. Женщины пытались толковать, что надо переодеться, спрятать винтовку, которую боец сжимал в руках. Когда до мальчишки дошло, что от него хотят, то упал на лестницу и начал стонать: «Ах, зачем ты меня породила!» От вида этого зрелища женщины плакали навзрыд.

К концу дня паренек пришел в себя. Ему нашли старую одежду и обувь. Оружие, снаряжение и вылинявшую гимнастерку с галифе спрятали. Когда начало вечереть, он ушел. В Киев больше никто из жителей не выходил. Только иногда кто-то взбирался на горку возле Андреевской церкви и смотрел, что происходит внизу, на Подоле, на Красной площади.

19.09.1941, рядовой 2-го отдельного пулеметного батальона Федор Федорович Худяков, 36 лет

В Дарнице они остановились возле Бориспольского шоссе. С одной стороны рос сосновый лес, с другой возвышались заборы каких-то одноэтажных частных строений. Здесь удалось собрать чуть более половины батальона — 2-ю и 3-ю роты, санчасть, взвод саперов, связистов, тыловиков, всего с десятков машин. Появилась и машина командира батальона Колибабы, военкома, а также машина с походной кухней. Правда, кухня пока не дымила, значит, на завтрак рассчитывать особо не приходилось, хотя вчера никто не ел.

В кузов машины, в которой ехал Федор и другие штабные писари, поставили спаренную крупнокалиберную пулеметную зенитную установку и к ней большую коробку с лентами. Места в грузовике стало совсем мало. Писарь военкома Глазман предложил попросить у своего начальника разрешение выкинуть из кузова его сейф, который тоже занимал много места. Худяков возразил, что там наверняка важные бумаги, но Глазман возразил, что важные бумаги военком возит с собой в своей машине, а здесь хранятся только консервы и сгущенка.

Федор сходил к военкому, тот снова пребывал в нетрезвом состоянии и учил врачуху стрелять из ракетницы. Он сказал Федору, чтобы тот не лез не в свое дело и вообще лучше бы шел куда подальше. Пришлось Худякову ретироваться, не солоно хлебавши.

В это время гром канонады на правом берегу все нарастал, особенно сильно грохотало в районе Лысой горы. Вскоре со стороны Днепра донеслись громкие взрывы, это саперы начали подрывать мосты.

Тем временем часа в два дня раскочегарилась кухня, в лесу бродили какие-то отставшие от стада овцы, повар по приказу комбата прирезал одного барашка. Через два часа все получили по миске наваристого супа и куску мяса. Зав. канцелярии штаба по фамилии Рабинович, с двумя лейтенантскими кубарями в петлицах, достал из чемодана бутылку вина и разлил всем штабным граммов по 50. Он берег его для более подходящего хорошего случая, но все шло к тому, что в ближайшее время хороших случаев не будет.

Часов в пять вечера поступил приказ об отступлении, и в общий поток вклинились сначала машины военкома и Колибабы, затем пешие колонны рот, а потом начали втискиваться и остальные машины, но это было сложно. Наконец удалось это сделать и грузовику, в кузове которого ехал Федор. Накрапывал мелкий дождик, каждые 10-15 минут из-за заторов приходилось делать остановки. К Борисполю подъехали только в районе восьми утра.

19.09.1941, боец 2-го сухопутного отряда Пинской военной флотилии старший краснофлотец Петр Федорович Танана, 24 года

Петр около суток пробыл в бреду, то от холода и болей в спине и голове приходя в какое-то подобие сознания, то вновь теряя его. Сквозь забытие он чувствовал, как какие-то руки, вроде женские, перевязали голову и раздели его. С бойца сняли новые, только недавно выданные во флотском полуэкипаже фланелевку и тельник, оставив старенький промасленный бушлат. Оставили ему и ботинки, и брюки. Вместо украденных вещей на Петра натянули какие-то старые рубашки очень малого, почти детского размера.

Под утро, на самом рассвете, Танана услышал звук мощного взрыва. Это наши отступающие войска взорвали первый мост. Часов в 9-10 утра к месту боя подъехала немецкая санитарная карета. Какие-то гражданские, руководимые немецким офицером, подобрали Петра, уложили на носилки и отнесли в машину. Его отправили не в больницу и не на расстрел, как он ожидал, а в концентрационный лагерь для военнопленных, который захватчики уже успели организовать на Керосинной улице. Петру повезло, он попал в отдельно стоящий барак для командного состава. В его судьбе начинался новый этап — жизнь в оккупации.

19.09.1941, военком 2-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год

17 сентября подвоз топлива прекратился полностью. Смолкла дальнобойная артиллерия, бившая по немцам из Дарницкого леса. Мимо аэродрома сплошным потоком потянулись колонны беженцев.

18 сентября немцы вплотную приблизились к Броварам, на северных окраинах города завязался жестокий бой. В этот день эскадрилья сделала последний в боях за Киев вылет. Зам. комэска ст. лейтенант Миша Бубнов сводил шестерку «чаек» на штурмовку вражеской батареи. Выпущенные им «эрэсы» угодили точно во вражеское орудие.

К вечеру немцы придвинулись к Броварам вплотную, начав занимать окраинные строения. Дальше медлить с отступлением было нельзя. Комэск определил экипажи самолетов. Восемь пилотов, включая самого капитана В.И. Шишкина, летели на своих «чайках». Новый адъютант, лейтенант Леша Романов, летел на трофейном польском разведчике ПВС-26. На борт он должен был взять двух безлошадных летчиков. 22 раненых летчиков и часть инженерного состава вместе с женой инженера дивизии по полевому строительству В.С. Томаха забрал ТБ-3. Все приготовили к отлету, а дежурный телефонист начал усиленно набирать штаб дивизии, пытаясь получить разрешение на отлет в тыл. Остальные два телефониста дежурили в лесу и на шоссе, регулярно сообщая комэску ситуацию на ближних подступах к аэродрому.

Историческая справка: Этот ТБ-3 был подбит в районе Лубен и сделал вынужденную посадку. Все, кто был на борту, оказались внутри кольца окружения. Большинство их погибло.

Дозвониться в штаб дивизии удалось только под утро, телефонист позвал Шишкина к телефону. Эскадрилья разрешалось перелететь на 100 километров юго-восточнее, в Драбов. Там уже находилась комендатура батальона обслуживания.

Эскадрилья взлетела во второй половине дня и, долетев без приключений, приземлилась в Драбове. Интересное зрелище представлял из себя трофейный ПВС-26, два безлошадных пилота намертво вцепились в неубирающиеся шасси и подкосы и таким образом долетели до аэродрома, хотя самолет был сильно перегружен. Командир БАО капитан Терещенко, несмотря на сложную ситуацию с продовольствием, смог обеспечить пилотам по тарелке лапши с кусочками тушенки. Дляправки самолетов оставалась одна неполная цистерна бензина, но

этого должно было хватить. На следующий день они окажутся в Харькове, для полка битва за Киев окончилась.

Историческая справка: На следующий день, 20 сентября 1941 года 43-й иап вывели из состава 36-й иад, и в этот же день в последнем вылете на перехват в районе Киева воздушный таран совершил командир звена 1-й эскадрильи полка мл. лейтенант Леонид Иванович Борисов. На истребителе И-16 он двойным таранным ударом сбил бомбардировщик Ю-88, остался жив и успешно совершил посадку, сохранив самолет. За этот бой его наградили орденом Ленина. Погиб отважный летчик 10 июля 1943 года при взрыве сбитого им Ju-87.

Глава 8. Исход

20.09.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ генерал-майор И.Х. Баграмян, 43 года

Бой закончился. Противник не успел сделать то, чего они все так боялись, — взорвать мост через речку Многу, и теперь отблески от горящих стогов сена отсвечивали на штыках часовых, охранявших мост. Все ждали, что, ориентируясь на эти огни пожара, штабная колонна без труда нагонит их авангард, но время шло, машин все не было, а надо было торопиться, спешить вперед.

Иван Христофорович подозвал к себе воентехника 2-го ранга Степанова и приказал отправляться к штабной колонне, доложить, что путь очистили, можно двигаться.

Тем временем его небольшой отряд разрастался как на дрожжах. Начальник снабжения горючим и смазочными материалами фронта генерал Н.Е. Алексеев и начальник охраны тыла фронта полковник В.Т. Рогатин привели с собой группу пограничников. По двое, по трое присоединялись бойцы и командиры из других подразделений и тыловых учреждений. Иван Христофорович отдал приказ двигаться дальше, колонна их нагонит.

Поздней ночью без боя вошли в село Исковцы. Немцы уже успели наставить указателей на своем языке, поэтому сориентироваться на местности не составило никакого труда. Остановились, чтобы подождать отставших и надеясь, что, может быть, колонна штабных машин их наконец нагонит. Но вместо нее вернулся один из командиров-оперативников, отправлен-

ных ранее для связи. Он принес странное известие: штабная колонна за ними не поехала. Машины отправились на запад. Иван Христофорович присел на завалинку, оказавшуюся неподалеку, задумался, вспоминая события последних дней.

Штаб и Военный совет фронта выдвинулись из Верхоярвки в ночь на 18 сентября. К мосту через реку Удай, расположенному в Пирятине, добрались уже во второй половине ночи. Вражеские бомбардировщики бомбили переправу, понадобились значительные усилия, чтобы сохранить порядок. Под прикрытием войск 289-й стрелковой дивизии полковника Д.Ф. Макашкова колонна перебралась через речку Чернуху и двинулась в общем направлении на Лохвицу, где планировалось с боем прорваться по мосту через крайне неудобную для форсирования реку Сулу. Но вскоре колонна оказалась отрезанной от стрелковых частей прорвавшимися с северного направления вражескими войсками.

Пробиваться дальше без поддержки стрелковых частей оказалось невозможно, немцы прочно оседлали дорогу Пирятин — Лохвица. Колонна изменила направление, она свернула на проселок и двигалась в юго-восточном направлении вдоль левого берега реки Удай. Их периодически обстреливали и бомбили, от чего была потеряна часть машин. Еще часть сожгли сами, чтобы сделать колонну более компактной. Что самое плохое, погибла радиостанция, теперь не получалось согласовать действия с войсками, пытавшимися прорвать вражеское кольцо снаружи.

Утром 19 сентября им удалось добраться до села Городище, лежащего при слиянии рек Удай и Многа. Здесь присоединилась колонна штаба 5-й армии. Сделали остановку, надо было решить, что делать дальше. В их распоряжении находилось около 3 тыс. солдат и командиров, шесть бронемашин полка охраны, несколько зенитных пулеметов.

В одной из сельских хат генерал-лейтенант М.П. Кирпонос собрал совещание. Их обложили со всех сторон, и надо прорываться, но куда? Кто-то предложил форсировать реку Многа у Городища и прорываться к Лохвице. Начальник штаба гене-

рал-майор В.И. Тупиков выступил решительно против — немцы ожидали от них в первую очередь именно таких действий, и возле моста их наверняка ждала засада. Он предложил подняться километров на 12 выше и форсировать реку Чернуху там. Его поддержал командующий 5-й армией генерал-майор М.И. Потапов: там немцы наверняка ждать не будут. Кроме того, в этом месте есть броды, можно даже мост не захватывать. Командование остановилось на этом варианте.

Имеющиеся силы разделили на три боевые группы. Передовую повел генерал-майор М.И. Потапов, двум остальным предстояло защищать отход с флангов. Ивану Христофоровичу под начало отдали роту НКВД и поставили задачу прикрывать отступающую колонну с тыла.

Не успел Баграмян познакомиться со своим малочисленным войском, как его вновь вызвали к Кирпоносу. Командующий стоял в кругу вместе с Тупиковым, Бурмистенко, Рыковым и другими генералами и командирами. С несвойственной для него поспешностью Кирпонос сообщил, что обнаружен крупный отряд вражеских мотоциклистов, выступивший из Мелехи. Кирпонос показал рукой на холмистые возвышенности, чьи очертания проступали в вечерних сумерках на востоке в километре от них. Он приказал захватить эти высоты, мост через реку в соседнем селе Загребелье и двигаться дальше на Сенчу.

План, видимо, полностью изменился. Ну что ж, приказ есть приказ. Баграмян взял под козырек и заметил, что в сложившихся обстоятельствах было бы лучше, если бы колонна держалась ближе к авангарду. Кирпонос только нетерпеливо отмахнулся. Он выглядел крайне усталым и удрученным.

Иван Христофорович быстрым шагом вернулся к своему отряду. Задачу объяснил на ходу, вышли на околицу. В кустарнике его рота развернулась в цепь. По дороге к ней присоединилось множество бойцов из сбитых с холмов подразделений, пошли в атаку. Неорганизованный вражеский огонь остановить их не смог, и они с боем ворвались на возвышенность, а затем, на плечах отступавшего противника — на мост, и захватили село.

Вскоре отряд Ивана Христофоровича очутился на полдороге к пункту назначения. В ближайшей округе мосты через Сулу имелись только в Сенче и Лохвице. Может быть, командование фронта решило продвигаться к Сенче другим путем? Или... Но прорываться в Лохвице — это самоубийство.

Иван Христофорович остановился в раздумьях. Наконец он пришел к выводу, что, как бы там ни было, получен приказ вместе со своей ротой НКВД двигаться к Сенче, и он его выполнит. Последние сомнения улетучились, и Баграмян отдал приказание продвигаться вперед.

20.09.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Наступила суббота, 20 сентября. Распогодилось, из-за облаков выглянуло солнышко, и установилась тишина. Ирина и Нюся вышли в город, чтобы добраться на Саксаганского и посмотреть, что происходит дома у Нюси. Мимо телеграфа шли по улице Короленко, возле гостиницы «Красный Киев» увидели немецкий автомобиль, в двигателе которого копались два немецких солдата. Они совершенно не обращали внимания на зевак и проходивших мимо молодых женщин, с любопытством глазающих на пришельцев, а спокойно занимались своим делом.

Город был на удивление мало поврежденным. Только в университете выбило все стекла. Когда батарея, располагавшаяся в Николаевском парке, отступала, артиллеристы подорвали снаряды, которые не могли вывезти. В результате образовалась огромная воронка, а окна близлежащих домов и университета взирали на парк пустыми «глазницами».

По Киеву пошли слухи, что немцы будут строить «самостійну Україну», что украинцы делаются привилегированной нацией. Начали выдавать радиоприемники, собранные прежней властью в здании «Детского мира». Сначала немцы

возвращали их владельцам строго в соответствии с документами, причем в первую очередь украинцам по национальности. Потом им надоело заниматься этим, и они просто открыли ворота. Ушлый народ быстро смекнул, что к чему, и склад моментально растащили. Особо хитрые прихватили по два-три радиоприемника, хотя ранее вряд ли владели хоть одним.

20.09.1941, рядовой 2-го отдельного пулеметного батальона Федор Федорович Худяков, 36 лет

Шоссе, ведущее к Борисполю, было забито техникой — не протолкнуться. Машина медленно проезжала мимо забора огромного аэродрома, на летном поле которого кроме груд обломков нескольких сгоревших самолетов ничего не было. Над колонной завис немецкий самолет-корректировщик «рама». Стало понятно, что еще немного — и появятся бомбардировщики, начнут бомбить этот живой поток машин, людей и лошадей. В этот время лейтенант Гончар увидел несколько проломов в заборе и сказал водителю поворачивать туда. Машина быстро пронеслась по пустому полю и вскоре въехала в Борисполь.

Они петляли по городку, пока не выехали на какую-то пустую дорогу. С одной стороны было убранное поле пшеницы со стожками соломы, с другой — картофельное поле. Штабные высыпали из машины, быстро накопили картошки, развели из соломы костер, набрали в протекающем рядом ручье воды и начали варить картошку в отыскавшемся тут же ведре. Вскоре к ним присоединились экипажи еще нескольких машин. Вскоре со стороны Борисполя послышался грохот бомбежки. Настроение у всех опустилось — хуже некуда. Лейтенант, как мог, подбодрил, что они смогут все-таки выбраться из сложившейся ситуации.

Вода в ведре не успела закипеть, как начался артиллерийский обстрел. Сначала снаряды рвались в отдалении, но, когда взрывом разметало костер одной из машин, все поняли, что

обстреливают именно их. Видимо, немецкий корректировщик увидел дымы от горящей соломы. Бросились к своим машинам, оставив картошку недоваренной, и поехали обратно к основной отступающей колонне. Росло недоумение. Пусть немцы захватили Киев, но откуда они здесь, на левом берегу, в нашем глубоком тылу?

Вскоре машина подъехала к шоссе, ведущему в сторону Яготина, и влилась в основной поток. Они подъехали к железнодорожному переезду, на котором стоял брошенный пустой санитарный поезд. Здесь в машину подсади двое раненых, один с рукой на перевязи, второй с загипсованной ногой и на костылях. Бойцы рассказали, что впереди железнодорожный путь разбит немцами. Ходячие раненые из санпоезда разбрелись кто куда, а лежачих распределили по проходившим мимо машинам.

Проскочив артналет на трассу, не останавливаясь, подъехали к сельцу, в котором тоже образовалась пробка. За сельцом расположился небольшой деревянный мостик и дамба, которые немецкий пулемет обстреливал то ли из близлежащего леса, то ли из-за скирд сена, разбросанных по лугу. Наконец пришел черед их машины проскакивать опасный участок. Они успешно проехали мост, как вдруг в их сторону понеслись очереди трассирующих пуль, машина резко вильнула влево, потом вправо и завалилась, перегородив дорогу. Все бросились в топкий кювет под защиту дамбы, а пули летели сплошным роем, щелкая по дамбе и по грузовику.

Позже оказалось, что пуля отстрелила водителю кончик носа. Он непроизвольно дернул руль в одну сторону, потом в другую. И вот теперь «пассажиры» ползли по грязи, стараясь укрыться в безопасном месте. Ползли все, кроме Федора, лейтенанта Гончара и водителя. Федор решил, что по одиноко бегущему человеку вряд ли откроют огонь, и что есть силы припустил к ближайшему леску, расположенному метрах в ста от дороги. Вскоре он укрылся там под деревьями, тяжело дыша и стараясь отдышаться.

Лейтенант же перевязал водителя, вернулся назад, собрал отряд в несколько десятков человек и повел его в обход. Вскоре

солдаты атаковали с тыла двух немецких пулеметчиков, которые прятались за ближайшей к лесу копной сена в каких-то 200–250 метрах от дороги, и перебили их. В результате шоссе было разблокировано, а отряд Гончара захватил немецкий мотоцикл, пулемет и патроны к нему.

Пока все это происходило, Федор набрел на дикую лесную грушу, под которой от пуза наелся сладких плодов, да еще и набил ими полные карманы про запас. Поэтому, когда он вышел к дороге и остановил свою же машину, товарищи оказались несказанно рады нечаянному кормильцу.

Вскоре, где-то около 17:00, подъехали к Барышевке. Здесь прямо вдоль дороги валялись опрокинутые немецкие мотоциклы, немецкая противотанковая пушка, трупы гитлеровцев. Видимо, какая-то передовая группа противника попыталась блокировать движение по шоссе, однако неудачно.

Барышевка оказалась забита техникой. Некоторые машины, объезжая её, давили селянские плетни и ехали по сельским огородам селян, но все было напрасно. За селом протекала речушка, мост через которую немцы подорвали. Какие-то саперы восстанавливали его, но это должно было занять минимум несколько часов, а машины все прибывали и прибывали. Налети на это новое скопление немецкие бомбардировщики, и быть большой беде. Как назло, вскоре в небе появилась «рама», а буквально через пять минут после этого возникла девятка двухмоторных бомбардировщиков, идущих на высоте метров 600–700.

Следующие несколько минут, пока вражеские самолеты бомбили переправу и само село, показались Федору вечностью. В отсутствие зениток самолеты безбоязненно заходили на цель на минимальной высоте в 150–200 метров, после чего поливали все внизу пулеметным огнем. Рядом взрывались машины, гибли люди, но Худякову везло, он не пострадал, как и его товарищи и их машина, возле которой они собрались. Ехать еще было нельзя, и они ждали, когда будет готов мост.

Переправлялись, когда уже стемнело. Как оказалось, бомбардировщики окончательно добились мост и то, что успели восстановить ко времени их прилета. Поэтому саперы связали из

деревцев толщиной не более 8–10 см единое полотно длиной метров 200 и уложили его чуть ниже поверхности воды, чтобы не было видно с воздуха. Машины запускали на импровизированную переправу с интервалом в 30–40 метров. Полотно прогибалось, вода доходила до крыльев машин, но транспорт благополучно достигал противоположного берега.

Ад, творившийся у берега, навсегда врезался в память Федора. Тут и там валялись опрокинутые или просто горящие грузовики. Страшно было подумать, что случилось с людьми, ехавшими в них. Горел мост. Валялись опрокинутые подводы, некоторые из них тоже горели. Горели ящики с патронами и снарядами. Снаряды рвались относительно негромко, а патроны трещали, не переставая. Лошади в некоторых подводах еще были живы, но ранены и очень напуганы. Они истошно и жалобно ржали, прося у людей помощи, но из-за рвущихся в ящиках патронов и снарядов к ним было опасно подходить, даже просто чтобы пристрелить и прекратить мучения.

Какой-то майор заставил взять в кузов носилки с раненым, который почему-то был в одном нижнем белье. Гончар попытался сопротивляться, потому что действительно — некуда. Но потом все-таки пришлось поставить носилки на ящики с патронами и накрыть раненого брезентом. Они так и не узнали, кто он и откуда — сразу после переправы, не приходя в сознание, этот человек умер. Они похоронили его уже глубокой ночью у дороги, выкопав неглубокую — меньше полуметра — яму.

20.09.1941, командир 4-й дивизии войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений полковник Федор Максимович Мажирин, 37 лет

В 10:00 ответственный за связь со штабом 37-й армии офицер связи майор Сивцов привез приказ генерала Власова — задержать противника на 2–3 часа на фронте Александровка — хутор

Гора. Еще 18 сентября, когда его подчинили этому генералу, Мажирин просил артиллерию, но в результате только получил разрешение использовать при отступлении любые попавшие под руку артиллерийские подразделения. Сейчас, когда пушки нужны были как воздух, их оказалось всего 3-4 штуки. А в 10:30, когда бойцы еще не успели толком окопаться, поперло два полка вражеской пехоты при поддержке 50 танков, артдивизиона и авиации. А отвечать нечем. На глазах у бессильных бойцов танки на разъезде Рудневка расстреляли санитарный эшелон, кося из пулеметов и давя гусеницами разбежавшийся в панике медперсонал, беженцев и раненых.

К счастью, Федору Максимовичу удалось остановить отступавший зенитный дивизион. Пушки развернули на прямую наводку, и уже через несколько минут на поле горело до 10 танков. Пока 4-я дивизия удерживала наступление немцев с запада, те подтянули резервы на северо-западное направление и к обеду захватили Борисполь — пути отступления на восток Мажирину отрезали. Тогда им был отдан приказ двигаться на Мартусовку, Глубокое, Рогозов, Любарцы. Мажирин решил обойти Борисполь с юга, чтобы выйти на шоссе Борисполь — Пирятин восточнее этого городка. В 16:00 части двинулись вперед. В авангарде шел 56-й полк, прикрывал же отступление — 57-й.

20.09.1941, командир 1-й бронеплощадки ополченского бронепоезда «литер Б» Николай Андреевич Рябоконт, 27 лет

«Литер Б» прибыл в Дарницю в 9:00. На совещание собрались командиры четырех находившихся здесь бронепоездов. Пятый, «литер А» А.С. Тихохода, ожидали с минуты на минуту, но он пока еще не прибыл. В 10:00 немцы начали артиллерийский обстрел Дарницкого узла, однако это не помешало довести совещание до конца.

На нем было принято решение создать дивизион бронепоездов, командовать которым единогласно решили назначить командира бронепоезда 66-го полка войск НКВД по охране железнодорожных сооружений майора М.В. Панькова. Комиссаром назначили командира «литера Б» С.П. Голованева.

В районе Дарницы вместо приказанных 20 часов бронепоезда продержались 36 часов, поддерживая огнем оборонявшиеся здесь подразделения. Затем в ночь на 20 сентября на совещании командиров дивизиона решили с боем прорываться из окружения. Задача перед экипажами стояла не простая, надо было пройти 250 километров, на которых располагались 10 крупных станций, не имея пополнения запасов угля и воды для паровозов, по территории, занятой противником.

Первым шел бронепоезд майора Панькова, вторым — «литер Б», третьим — «литер А», четвертым — «литер В», пятым — бронепоезд НКВД под командованием капитана П.К. Ищенко. К 13:00 начали отходить от станции, дистанция между составами — один километр. На подходе к станции Бортнички остановились. После профилактического осмотра техники и ходовой части на опушке леса совместно с моряками Пинской военной флотилии и саперного подразделения, очутившегося неподалеку, было проведено последнее открытое партсобрание.

Стоял солнечный теплый день, настоящая «золотая осень». За линией ж/д, на которой возвышались бронепоезда, виднелось поле высокого неубранного хлеба. Голованев поднялся на импровизированную трибуну, сделанную из снарядных ящиков. За ним поднялся комиссар Финогенов. Они начали с отчета о сложившейся обстановке. Бойцам описали ситуацию, суть которой сводилась к тому, что все они оказались в глубоком тылу противника и во что бы то ни стало надо прорываться к своим.

После этого Николая вместе с медсестрой Полиной Левчук под одобрение присутствующих приняли в партию, а пулеметчицу-медсестру Лидию Кошавцеву — в кандидаты. Лида попросила слова и пообещала, что будет сражаться до конца

и оправдывает оказанное ей партией высокое доверие. Храбрость девушки ободряюще подействовала на мужчин, и когда они занимали свои места на бронеплощадках, лица их светились решимостью.

20.09.1941, нападающий и капитан футбольной команды «Динамо» (Киев) Константин Васильевич Щегоцкий, 30 лет

Отряд военизированной пожарной охраны Никольской слободки к эвакуации был готов уже в 10 утра 19 сентября, но двинулся в путь только в сумерках, присоединившись к колонне отступающих из города войск. Обогнать кого-либо или объехать было практически невозможно, поэтому если какая-либо машина ломалась, ее чуть ли не на руках выносили на обочину и сталкивали в кювет. Не избежал этой участи и автомобиль, в котором Константин ехал вместе с начальником и комиссаром своего отряда. Уже утром на подъезде к Борисполю их машина заглохла, и как только ее столкнули вниз, начался налет вражеской авиации.

После бомбардировки Константину не удалось разыскать своих, и он стоял растерянный на обочине, не зная, что дальше делать. Тут остановилась «эмка», из которой выскочил какой-то командир и стал его звать по имени: «Костя! Костя! Сюда!» Это оказался игрок их команды полузащитник Ваня Кузьменко. Он попросил помочь скинуть легковушку в кювет и сказал, что сейчас уговорит свое начальство взять Константина с собой. Они вместе побежали вперед к грузовику, в котором ехало подразделение Ивана, но место там оставалось только на одного. Друзьям осталось только попрощаться.

Историческая справка: Иван Семенович Кузьменко родился в городе Екатеринославе. С 1928 года играл за днепропетровскую команду «Соворгслужашие», затем за «Динамо» (Днепропетровск). С 1934 года переведен в киевское «Динамо». Из окружения ему вырваться не уда-

лось и он попал в Дарницкий концентрационный лагерь, откуда его освободили киевские болельщики. Играл в команде «Старт», участвовал в серии матчей, породивших легенду о «Матче смерти». Был арестован через 9 дней после последней игры и помещен в Сырецкий концентрационный лагерь, где и был застрелен вместе с другими игроками — вратарем и капитаном «Старта» Н.А. Трусевичем и А.Г. Клименко.

Константин опять остался на обочине один. Начался очередной авианалет, и тут рядом остановился легковой автомобиль, из которого кто-то выглянул и позвал его по имени. Это оказался Ячик. Трудно передать радость Константина, что в этот сложный момент ему удалось найти своих. Он быстро вскочил на подножку машины. Кроме Исаака в ней ехали подполковник Бурдуков, какой-то милиционер и шофер.

Через несколько километров впереди началась паника, кто-то закричал, что их атакуют немецкие танки. Бурдуков предложил перетащить машину через кювет и ехать прямо по пашне в сторону от стрельбы. Так и сделали.

Через несколько километров выскочили на другую дорогу, тоже забитую колоннами отступающей техники. Остановились, где-то раздобыли еды, поели. Увидев разбитые Костины туфли, милиционер, улыбаясь, достал откуда-то из-под сидения новенькие хромовые сапоги и передал их нападающему любимой команды со словами, что его ноги им всем еще понадобятся. В это время впереди на дороге опять начались стрельба и паника. Снова кто-то закричал про немецкие танки. Беглецы свернули на пашню и гнали по ней, пока машина с разгону не влетела в какое-то болото. По машине продолжали стрелять из пушек и орудий. Константин нырнул и отплыл как можно дальше близ самого дна.

Когда он вынырнул, танков на дороге уже не было. Константин занялся поиском своих, но смог отыскать только Ячика. Куда пропали Бурдуков, шофер и неизвестный милиционер, он так никогда и не узнал.

Оставшиеся выбрались подальше от дороги и вскоре наткнулись на стожок сена. Когда они присели возле него отдохнуть

и обсохнуть, кто-то окликнул. Это оказался солдат Павел Агеев, прятавшийся в этом самом стожке. Посовещались и решили вместе пробираться к своим. Старшим выбрали Константина. Исаак отдал ему свой наган, а сам получил взамен маленький карманный браунинг. Тут и заночевали.

20.09.1941, заместитель наркома внутренних дел УССР полковник Тимофей Амвросиевич Строкач, 38 лет

Из Киева группа руководителей Наркомата внутренних дел отходила вместе со сводным полком НКВД, который возглавил бывший командир 4-го мотострелкового полка НКВД майор М.Е. Косарев. Сюда вошел 4-й батальон особого назначения, личный состав Киевского, Черниговского управлений и работники УНКВД, эвакуировавшиеся в столицу из западных областей. Киевскую группу возглавил начальник УНКВД Киевской области капитан М.И. Череватенко, черниговскую — быв. начальник УНКВД Каменец-Подольской области А.В. Шалгин. 4-м батальоном командовал капитан П.А. Добрычев, комиссаром у него был А.Н. Сабуров — будущий командир легендарного партизанского соединения.

Киев оставили в ночь на 19 сентября. В районе Борисполя вместе с подразделениями 7-й стрелковой дивизии и 4-й дивизии НКВД полк принимал участие в уничтожении появившегося на подступах к городу вражеского заслона. Дальше двинулись на Яготин, но вскоре стало известно, что он уже занят немцами, и тогда полк повернул на юг в сторону Переяслав-Хмельницкого. Вечером 20 сентября он достиг села Заразиха под Переяславом, где уже были немало наших войск. Здесь стало известно, что и в этом городе уже находятся немецкие войска.

К вечеру возле села Волчков полк объединился с отступающими подразделениями 26-й армии. Кроме того, здесь скопи-

лось множество автомобильного и гужевого транспорта полков 5-й, 26-й и 37-й армий. Немецкая авиация методично бомбила все это скопление, окрестности оглашались какофонией взрывающихся бомб, рвущихся в зарядных ящиках снарядов, патронов, ржущих от страха и агонии лошадей, кричащих раненых, матерящихся командиров, комиссаров, тщетно пытающихся навести в этом столпотворении хоть какой-то порядок.

С началом темноты был собран совет командиров подразделений, которому следовало решить, что делать дальше, поскольку связь со штабом фронта уже отсутствовала. Войска НКВД представлял Тимофей Амвросиевич. Было решено прорвать немецкое кольцо чуть севернее Переяслав-Хмельницкого, в районе села Гайшин, и уже оттуда повернуть на восток по линии Гребенки — Пирятин — Лубны.

Бой начался утром и длился 12 часов, но прорвать оборону противника без поддержки артиллерии и танков не удалось. Кроме того, противник контратаковал. Со стороны Переяслав-Хмельницкого подошли 10 танков и до двух батальонов пехоты. Собранные для контратаки на Гайшин силы немцы рассекли и частично рассеяли. Отличавшийся большей стойкостью и дисциплиной сводный полк НКВД оказался оттеснен на северо-запад от Гайшина, к селу Харьковцы, и там блокирован. Начался тяжелейший бой в окружении.

Самый сокрушительный удар приняли на себя подразделения Черниговского управления, которые держали оборону по левому флангу, их атаковали танки и пехота. К концу дня здесь пылало несколько танков, подожженных бутылками с зажигательной смесью, лежали десятки трупов. Почти все сотрудники, сражавшиеся в этом отряде вместе с командиром капитаном Шалгиным, погибли.

На сельском погосте развернулась жестокая рукопашная. Бойцы в фуражках с васильковыми околышами били врагов, кололи ножами, рубили саперными лопатками. Здесь разверзся ад: стрельба, взрывы, крики, стоны...

Начальник секретариата одного из подразделений НКВД сержант внутренних дел Нина Ивановна Якубовская оказа-

лась окруженной немцами. Она до последнего отстреливалась из табельного оружия, а последнюю пулю выпустила в себя.

Бой умолк только с наступлением темноты. Собрался военный совет, возглавляемый Тимофеем Амвросиевичем. Путь на юг, восток и северо-восток противником был плотно закрыт. Оставалось только пытаться просочиться на север, к Барышевке, и там прорваться на восток через реку Трубеж. На том совет и завершили.

Историческая справка: По данным поисковых отрядов, немецкие войска относились к бойцам НКВД с особой жестокостью. Попавших в плен солдат сводного полка добивали, иногда еще живых штыками прикалывали к деревьям. Около 120 раненых спрятались в скирде за околицей села. Одна из местных жительниц рассказала об этом немцам. Они окружили и подожгли эту скирду, добив тех, кто не выдержал и попытался из нее выскочить.

21.09.1941, командир 1-й бронеплощадки ополченского бронепоезда «литер Б» Николай Андреевич Рябконь, 27 лет

Бортнички прошли без боя. На подходе к селу Иванков немцы повели по бронепоездам и путям сильный артиллерийско-минометный огонь. Село это находилось на возвышенности сразу за Борисполем, и из него было удобно корректировать огонь. Как только дивизион делал очередную попытку прорваться, немецкие орудия разрушали путь, и его приходилось чинить под вражескими минами и снарядами. Потом снова пытались прорваться, и вновь приходилось отходить и чинить дорогу. Так повторялось раза два-три. К вечеру разведка сообщила, что противник в северной части Иванково сосредотачивает танковое соединение.

Канонада стихла только к 4:00, а когда рассвело, экипажи ужаснулись — вся ложбина, протянувшаяся южнее Иванко-

во, на сколько хватало глаз, была забита грузовиками, подводами, буксировавшими пушки тракторами, легковыми автомобилями. Немцы не могли не заметить такую привлекательную цель и тут же начали обстрел. В ответ бронепоезда открыли ураганный огонь по селу, оно вскоре загорелось. Николай получил приказание накрыть южную часть села — там, по данным наблюдателей, располагалась вражеская батарея.

Отступавшие части не оставались безучастными свидетелями разыгравшейся артиллерийской дуэли. С бронеплощадок было хорошо видно, как с винтовками наперевес в атаку пошла пехота. Послышалось громкое «ура!», бронепоезда перенесли огонь в северную часть села. Вскоре бой затих, и по дороге наконец свободно смогли двинуться подводы, машины и прочий транспорт, ложбина начала потихоньку пустеть.

После окончания боя прошло около получаса, когда от западной части села прямо на бронепоезда помчалась небольшая колонна немецкой бронетехники. Возглавлял ее бронетранспортер, за которым следовало три танкетки. На их бортах явно просматривались кресты, и на бронеплощадке забили тревогу. Артиллеристы бросились к орудию, но тут кто-то вовремя рассмотрел на одной из танкеток красное знамя и крикнул: «Не стреляйте! Это свои!».

К «литеру Б» на полном ходу подскочил и лихо затормозил бронетранспортер. Лейтенант-пехотинец, стоявший в его кузове, доложил Голованеву, что подразделение стрелковой части под прикрытием артиллерии атаковало в селе Иванково до батальона противника, разгромило его и полностью уничтожило. Пленных не брали. Разгромлен штаб части, захвачен бронетранспортер и три танкетки, важные штабные документы. Закончил лейтенант свой доклад просьбой: «Передайте командованию, что штаб захвачен капитаном Петровым». БТР и танкетки развернулись и отправились в сторону Яготина. Вскоре в том же направлении тронулся и дивизион.

21.09.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Ирина решила сходить к магазину, проверить, как с ним обстоят дела, и по дороге посмотреть, что происходит в городе. На досках объявлений появились приказы новой оккупационной власти и газеты. Приказы печатались на двух или трех языках, из которых два обязательно были немецкий и украинский, иногда присутствовал русский. Приказы под страхом смертной казни требовали: выдавать коммунистов, красноармейцев и партизан, соблюдать светомаскировку, вернуть все награбленное в магазинах, сдать оружие и радиоприемники (выданные только вчера). Пользоваться всеми правами могли только немцы, чехословаки и украинцы. Евреев, русских, поляков и прочих причисляли к низшим расам. Ирина подумала, что у многих родных братьев и сестер в паспортах могут быть разные национальности, ведь в СССР никто над этим не задумывался и записывался, как бог на душу положит. В городе вводился «комендантский час», находившиеся на улицах после 21:00 подлежали аресту.

На стене возле гостиницы «Красный Киев» наклеили изданную в Житомире газету «Українське слово». Она прославляла немцев, называя их «светловолосыми рыцарями-освободителями», и говорила о том, что Украина скоро будет освобождена от засилья жидо-большевизма.

Историческая справка: Издание ежедневной газеты «Українське слово» было организовано доверенными лицами Андрея Атанасовича Мельника, одного из генералов (отаманів) Петлюровской армии во время Гражданской войны и правой руки главы ОУН Е.М. Коновальца в межвоенные годы. Главный редактор газеты — активный деятель ОУН И.А. Рогач. Тираж — 50 000 экземпляров. Начала выходить в сентябре 1941 года, а закончила в ноябре того же года. Немцам не понравились мечты редакции о независимой Украине, которые все чаще «проскакивали» в материалах. Вся редколлегия издания была арестована и в феврале 1942 года расстреляна,

а вместо еженедельника начала выходить другая газета — «Нове українське слово» — с более лояльной к новому порядку администрации.

21.09.1941, заместитель наркома внутренних дел УССР полковник Тимофей Амвросиевич Строкач, 38 лет

Весь следующий день прошел в боях — бойцы сводного полка НКВД и 301-й сд 26-й армии брали с боем каждый населенный пункт. Четыре раза им приходилось ходить в атаки и контратаки, отбрасывая врага. В конце концов переправа через Трубеж была захвачена, что позволило 301-й сд перебросить на восточный берег много техники, но далеко не все, что требовалось. Немцы постоянными бомбардировками и обстрелами из пушек и минометов уничтожали скопившиеся у реки автомобили, пушки, гужевой транспорт, боеприпасы. Десятками, сотнями гибли люди.

В отличие от большинства подразделений, сводный полк даже в такой ситуации соблюдал дисциплину, Тимофей Амвросиевич ни разу не видел в этих боях ни одного случая трусости и паникерства. После приведения оставшегося в наличии личного состава в порядок полк двинулся дальше на восток, к Березани.

21.09.1941, боец истребительного батальона Железнодорожного района Андриан Галябарник, 15 лет

Последние дни походили на один сплошной кошмар, и Андриан выдерживал свалившееся на него психологическое напряжение только потому, что был юн и многого не понимал.

Кроме того, его выручал неизменный юношеский оптимизм. Их подразделение находилось на Дарнице в резерве, когда его слили с 4-м сводным полком НКВД. 18 сентября они получили приказ отходить в сторону Борисполя и дальше через Яготин на Пирятин, Полтаву и Харьков.

Колонна, вместе с которой продвигался Андриан, была очень странной, в ней, помимо грузовых машин, было и много легковых, в том числе «эмок», на которых ездило только крупное военное начальство. Они продвигались через Борисполь, Иванков, Бзов. Всю дорогу их бомбила авиация, обстреливали разведдозоры немцев, но они упорно продвигались вперед. Вражеские разведчики уничтожались и выбивались мобильными группами бойцов НКВД.

Когда колонны продвинулись к Волошиновке, на горизонте показались и открыли по ней огонь немецкие танки. Солдаты спешно покидали грузовики, командиры приводили в порядок свои подразделения, вооруженные только стрелковым оружием, станковыми пулеметами, гранатами и бутылками с зажигательной смесью.

Пока вдалеке гремел бой, возле нескольких тентованных машин возникла непонятная суета. Какие-то военные и гражданские подняли тент и начали выбрасывать из кузовов прямо на землю небольшие пачки каких-то бумаг. Кто-то из людей складывал их в кучки и поджигал. Снедаемый любопытством Андриан тихонько подошел к этим грузовикам и с удивлением обнаружил, что пачками бумаги оказались банкноты советских рублей разного достоинства. Ошеломленный сначала увиденным зрелищем, он вскоре испытал жажду легкой наживы. Андриан незаметно подобрал с земли подкатившиеся к его ногам пачки тридцатирублевков, отошел за машину и оглянулся. Никому до него не было ровным образом никакого дела. Тогда Андриан вытащил из чехла и выкинул никому не нужный противогаз и затолкал на освободившееся место две пачки, больше не влезло. Вернувшись обратно, он узнал, что, оказывается, все это время они охраняли управление города и руководство государственного банка.

А бой нарастал и дошел до крайней точки накала. Пока Андриан трамбовал в коробку из-под противогаса свалившееся на него неожиданное богатство, бойцы НКВД возле сельского кладбища перешли в рукопашную. Они все-таки смогли вырвать победу, но полку она стоила чрезвычайно дорого. Противник откатился за реку Трубеж, которая протекала за Борщевом и пойма которой представляла собой широкое болото. Полк начал готовиться к ночному штурму. Андриан видел множество застрывших в селе пушек, ящики со снарядами, тракторы, буксировавшие тяжелые гаубицы. Ни одна... ни одна из них, даже самая заваливающая сорокапятка, не смогла форсировать в эту ночь Трубеж. Все так и остались стоять брошенными в поле.

Трубеж был рекой быстрой, а болото на подступах к нему глубоким и очень широким, с высокими, почти в рост человека, кочками. Ночью отступавшие бросились на штурм этой природной преграды, на другом берегу которой закрепились немцы. Вместе с бойцами НКВД в атаку пошли ополченцы, простые пехотинцы, невесть какими судьбами оказавшиеся рядом моряки Пинской флотилии, гражданские. Люди лезли вперед, сгучиваясь и мешая друг другу, потому что их было много, а сухих проходов, по которым можно было пробраться к открытой воде — мало. Начался минометный обстрел, осколки летели во все стороны, легко находя себе среди толпы людей очередные жертвы. Один из товарищей Андриана по взводу замер, стоя между двух высоких кочек и облокотившись на них. Андриан хлопнул его по плечу, спросил, почему тот остановился, и с ужасом обнаружил, что товарищ мертв. С трудом Галябарник отодвинул покойника в сторону и протиснулся дальше, а мертвец так и остался стоять, и Андриан долго еще оглядывался, наблюдая его зловещую фигуру, выхватываемую из темноты заревом разгоревшихся пожарищ. Тут и там стояли другие такие же замершие силуэты. Очень многие его товарищи из Комсомольского полка так навечно и остались на Трубежском болоте...

Тем временем добравшиеся до реки пограничники и моряки флотилии, сооружали из подручных средств какое-то подо-

бие переправы. Андриан бросился форсировать речку вплавь, но быстрое течение подхватило его и понесло. К счастью, с берега успел протянуть руку какой-то моряк. Он подтянул Андриана, пока тот не зацепился ногами за дно. Рядом другие краснофлотцы помогали перебираться девушкам из медсанбата.

21.09.1941, рядовой 2-го отдельного пулеметного батальона Федор Федорович Худяков, 36 лет

После того как они похоронили неизвестного раненого в исподнем, им удалось пробиться недалеко. Водитель попытался объехать застрявшие впереди машины по пологой стороне кювета, но не рассчитал, и машина плюхнулась в болото. Они пытались ее вытянуть, безуспешно. Пришлось дальше идти пешком. Впереди, в Березани, уже гремел бой, и лейтенант Гончар поторапливал их, говоря о том, что надо помочь нашим прорваться. Они присели возле какой-то скирды сена. Те, у кого были запасные обмотки, сменили их. У Федора, когда их грузовик перевернулся, вещмешок улетел куда-то в сторону, поэтому сменных обмоток у него не было. Он снял с ног те, что имелись, попытался высушить их на ветру.

Наконец Гончар поднялся и сказал, что идет в Березань. С ним ушли еще два солдата. Писари и водители с места не тронулись. Водитель был ранен, но эти-то чего? Наматывая в спешке сырые обмотки, Федор спросил их, почему не идут. Те лишь махнули рукой — дескать, и без них справятся. Разозлившись, Худяков обозвал их «тыловыми крысами» и побежал догонять лейтенанта, но найти его в темноте оказалось невозможным.

Вскоре, продвигаясь в сторону перестрелки, он приблизился к речке шириной метров шесть и глубиной по пояс. Солдаты всю форсировали преграду, но Федор решил, что лучше перебежать по небольшому железнодорожному мосту, хоть его

и обстреливал непрерывно немецкий пулемет. Двух бегущих перед ним так же подумавших солдат убили, Худякову же повезло на противоположном берегу спрыгнуть с моста вниз, под берег. Он приподнялся повыше, заметил чердачную дверь сарая, из которого, похоже, строчил немецкий пулеметчик, и стал посылать туда из своей винтовки одну пулю за другой. Рядом расположился расчет «максима», но вражеская очередь срезала и первого, и второго номера. Стрелявшие рядом с Худяковым солдаты крикнули ему, чтобы он открывал огонь, но за все время службы в пулеметном батальоне Федор так и не удосужился освоить это оружие, поэтому просто подтащил «максим» «соседям». В умелых руках пулемет быстро ожил.

В это время к мосту подошел бронепоезд. Под защитой его брони Худяков перебежал железнодорожную насыпь, за которой укрывались основные наши силы, успевшие переправиться через речку. Здесь Федор долго, но напрасно искал лейтенанта Гончара, зато наткнулся на главврача из батальонной медчасти. Пожилой уже человек лечил раненых, которые скопились в леске вокруг этого импровизированного полевого госпиталя. Медик рассказал Федору, что скоро должен подойти второй бронепоезд, а за ним — санитарный состав, в который планировалось загрузить раненых. Худяков пожелал главврачу удачи и отправился дальше.

Вскоре он уже полз вместе с еще несколькими сотнями бойцов по направлению к зданиям железнодорожной станции. Где-то справа раздалось «Ура!», значит, предстояла схватка, возможно рукопашная. Как назло, в опрокинувшейся машине Федор потерял свой штык, поэтому он быстро подполз к ближайшему убитому бойцу, забрал штык у него, насадил клинок на ствол винтовки и пополз дальше.

Бойцы поднялись в рукопашную и бросились к станции. Федор видел, как маленькие серые фигурки противника начали выбегать наружу к стоящим рядом мотоциклам и тентованному грузовику. Солдаты остановились и открыли по ним огонь, но мотоциклы и машина, сразу же резко повернув, скрылись за зданием. Противник удрал, не приняв боя.

Светало. Наконец-то Худяков нашел лейтенанта, тот стоял на улице в окружении десятка бойцов, как потом оказалось, из их же батальона. Кто-то из местных угостил солдат ведром груш, твердой сочной «бере», и бойцы с удовольствием уплетали их за обе щеки. Федору досталось две штуки. После того как груши «испарились», он вспомнил, что толком не ел с Дарницы, то есть уже почти трое суток.

В Березани противника не осталось, надо было прорываться дальше. Командиры собрали колонну стрелков, которая отправилась вдоль железнодорожной насыпи по засаженной кукурузой полосе отчуждения. По насыпи же пошли два бронепоезда, которые должны были поддержать пехоту своими орудиями и пулеметами. Но далеко уйти не удалось. Они прошли всего километр, как вдруг откуда-то бронепоезд начала обстреливать немецкая батарея. Снаряды ложились по обе стороны насыпи, и солдаты, не видя врага, рассыпались по кукурузе, прячась, где придется. Вскоре у одного бронепоезда прямым попаданием разбило паровоз. Во втором горели товарные вагоны, прицепленные сразу за паровозом. Там с непрекращаемым треском рвались патроны. Федор перевязал какого-то бойца, которому почти полностью оторвало по локоть руку, она висела на куске кожи и сухожилиях. Худяков без сожалений израсходовал свой последний индивидуальный пакет, а затем, пораженный видом крови, торчащих из раны обнаженных костей и самообладанием незнакомого солдата, отошел в сторонку. Он хотел закурить, потянулся за початой пачкой папирос «Планер», которая лежала у него в кармане, и потерял сознание.

Федор очнулся часа через полтора-два. На том месте, где он оставил перевязанного им раненого, зияла воронка. Кукурузного поля как не бывало, его перепахало взрывами. Разбитые бронепоезда возвышались на прежнем месте, подожженные вагоны догорали, и какие-то солдаты из другого уцелевшего вагона выбрасывали на землю ящички с уложенными в них пачками махорки. Ящички разбивались от ударов, и пачки валялись прямо на насыпи. Федору хотелось курить, он попытался нащупать в кармане папиросы, но их там не было. Тогда

он встал, и снова потерял сознание, однако на этот раз уже ненадолго.

Через пять минут Худяков снова пришел в себя, в ушах звенело. Осторожно он поднялся с места и побрел к махорке. Сидя прямо на насыпи, он подобрал одну пачку, нащупал в кармане листок бумаги, скрутил самокрутку и закурил. Голова закружилась. Невдалеке какой-то командир строил в колонну 30–40 человек уцелевших солдат, и Федор побрел к ним, волоча потяжелевшие ноги.

Вскоре колонна отправилась вперед, но буквально через несколько сотен метров бойцы наткнулись на лежащего на насыпи человека в гражданской одежде. Командир подошел к нему, после чего подозвал к себе Федора и еще одного бойца, одетого в плащ-палатку. Раненый оказался каким-то ответственным лицом, и командир приказал его отнести на плащ-палатке в Березань и сдать на санитарный поезд, который уже должен был туда подойти.

В Березани оказались еще два бронепоезда, к одному из которых были прицеплены два пассажирских вагона. Федор решил, что это и есть санитарный поезд, и они попытались сдать раненого туда. На подножке одного из вагонов Худяков с удивлением обнаружил Глазмана — писаря военкома из их 2-го батальона. Федор попросил его и других, кто находился в вагоне, принять тяжелораненого, но те только начали ругаться, что места нет, и пусть идут дальше к санитарному составу. Ничего другого не оставалось.

Вскоре Федор и его товарищ по несчастью дошли до станции. Там действительно под парами находился состав с вагонами, на которые был нанесен знак красного креста в белом кружке. Но состав тоже был забит до отказа и раненых больше не принимал. Железнодорожный переезд оказался заставлен машинами и подводами, поэтому Федор постарался пристроить ответственного работника на какую-то из машин: все они оказались загруженными под завязку. Наконец им удалось найти подводу с тентом. Раненого они прямо в плащ-палатке уложили на тент и вскоре в сутолоке потеряли друг друга из виду.

**22.09.1941, батальонный комиссар
199-го отдельного батальона связи
31-го района авиационного базирования
Виктор Дмитриевич Коршенко, 39 лет**

Он подошел к ним на юго-восточной окраине Борисполя. Батальон выдвигался на дорогу, ведущую на Рогозов и далее к Переяславу, когда какой-то военный без знаков различия, не поймешь, то ли старший политрук, то ли батальонный комиссар, с пистолетом в кобуре на одном боку, полевой сумкой — на другом и с автоматом за плечом попросился на свободное место в машине. Встречный представился корреспондентом газеты «Комсомольская правда», сказал, что он Гайдар, но Виктор не придавал этому особого значения, хотя всего месяц назад прочитал книгу «Тимур и его команда».

В тот момент голову Коршенко занимали другие, более насущные задачи — вокруг было столпотворение, тысячи людей, повозок, автомобилей двигались по дорогам, и командовать всем этим бедламом никто не мог, да и не пытался. Виктор старался наладить связь с ротами своего батальона, но у него это не получалось. Не имелось связи и со штабом 5-й армии. Приходилось вместе со всем потоком пробираться в Рогозов, Яготин уже был занят немцами.

Разговорились. Новоприбывший спросил о детях. Виктор рассказал, что у него сын Феликс, которому уже исполнилось 16 лет и которого вместе с Киевской военно-морской спецшколой эвакуировали в Среднюю Азию. Гайдар сказал, что его сын Тимур тоже учится в военно-морской спецшколе. Начали обсуждать сложившуюся ситуацию, какие ошибки допустило командование, что нужно делать, чтобы сохранить для своих сыновей страну, которую они вместе с Гайдаром отвоевывали себе (Виктор тоже успел поучаствовать в Гражданской войне).

Их разговор прервали немцы, на подъезде к Ерковцам они открыли огонь по колонне с северной окраины села. Пришлось оставить машину, залечь и начать отстреливаться. Первое вре-

мя со стороны противника доносились крики «Рус, бросай оружие, иди к нам». Но вскоре призывы утихли. В начавшемся бою машину бойцы потеряли, но минут через 20–30 им удалось запрыгнуть в грузовик, который вернулся чуть назад и свернул в сторону села Скопцы. Здесь они опять попали в бой, который затянулся до утра. Ночью село два раза переходило из рук в руки.

22.09.1941, командир 4-й дивизии войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений полковник Федор Максимович Мажирин, 37 лет

К 10:00 штаб дивизии вместе с сопровождавшим его 34-м батальоном приблизился к Любарцам. Здесь от коменданта войск Киевского укрепрайона Федор Максимович узнал, что подразделения 37-й армии вместе с авангардным 56-м железнодорожным полком прорвали немецкую оборону в Любарцах и двинулись дальше, к Барышевке, после чего немцы опять заняли Любарцы. По эту сторону осталась только пульрота полка, командование над которой принял военком, батальонный комиссар Стефанов. Он доложил, что прорваться через немецкий заслон не может.

Историческая справка: 56-й полк в составе почти 1000 человек в ночь на 23 сентября был неожиданно атакован во фланг, в результате чего была отрезана 3-я рота 2-го батальона вместе с комполка майором И.М. Мазуренко и начштаба полка капитаном Сопиным. О судьбе 3-й роты ничего не известно до сих пор. Командование над полком принял старший помначштаба старший лейтенант Озеров. Под его началом при поддержке двух дивизионов артиллерии и множества минометов по приказу заместителя НКВД УССР Т.А. Строкача полк в 11:00 23.09.1941 атаковал село Барышевку и мост через реку Трубеж, которые захватил к 16:00. До 18:00 чекисты прикрывали отход подразделений 37-й армии. В результате они уничтожили до двух батальонов пехоты, захватили 15 орудий, 17 минометов, но

при этом сам полк потерял три четверти своего личного состава. К концу дня в нем осталось до 90 человек. Решением командования 37-й армии в силу малочисленности полк присоединили к сводному отряду 37-й армии под общим командованием представителя Военного Совета армии майора Богуна. В бою за Березань полк уничтожил много вражеских солдат, захватил 12 орудий, подорвал два танка. С 25 сентября по приказу майора он выходил из окружения малыми группами. Всего к 14 февраля 1942 года из окружения вышли 27 командиров и бойцов полка.

Тогда Мажирин решил со стороны Любарец прикрыться пулеметчиками, а основные силы дивизии, оставшиеся в его распоряжении, двинуть на юго-запад, к Рогозову. Уже в 12:00 57-й полк, после смены направления ставший авангардным, вышел к западной окраине. Здесь к дивизии присоединились 50 солдат, батарея легкой артиллерии в составе двух пушек, и две 152-мм гаубицы с расчетами. Они вскоре очень сильно пригодились, в 12:45 с северо-запада со стороны Борисполя показалась двигавшаяся походным маршем колонна немцев. Всю наличную артиллерию, в том числе и гаубицы, тут же перевели на прямую наводку.

Шрапнель выкашивала целые ряды наступавших, в считанные минуты противник потерял до 1000 человек. Но скоро снаряды у расчетов закончились, они отвели свои орудия на южную окраину Рогозова и там подорвали.

Пользуясь тем, что артиллерия дивизии замолчала, немцы под прикрытием огня собственных пушек и минометов ворвались в северную часть Рогозова, но дальше продвинуться не могли, поэтому послали для охвата мотоциклистов-автоматчиков и два танка. Пулеметчики 2-й роты 57-го полка уничтожили пятнадцать автоматчиков, а истребители танков подбили один танк и перебили его экипаж.

Атаки на правый фланг полка, где оборонялся 2-й батальон, продолжались. Сначала противник перешел в наступление на его участке в 15:00, затем — через полчаса, в 15:30. Обе атаки были отбиты, но немцы засекли огневые точки и подвергли позиции мощному артиллерийскому обстрелу. В результате батальон потерял убитыми и ранеными до половины людей.

В 17:00 поддерживаемый танками противник вновь перешел в наступление с севера, северо-востока и запада. Полк оказался разрезанным пополам. Его командир подполковник Павел Константинович Алтуфьев приказал отходить на юг. 1-й батальон во главе со своим командиром капитаном Павловым в количестве 120 человек продвигался к селу Старое, но был блокирован, после чего капитан отдал приказ рассеяться и выходить из окружения малыми группами. Вторая группа — 80 человек во главе с Алтуфьевым — соединилась с основными силами дивизии позже, в селе Андруши.

Пока 57-й полк прикрывал дивизию в районе Рогозова, немцы начали наступление на ее основные силы и в районе села Любарцы. Рота пехоты и мотоциклисты атаковали комендантский взвод. Начальник 1-го отделения штаба дивизии капитан Рыжкин, посадив взвод на машины, выехал в сторону Рогозова, чтобы выяснить обстановку. Они подъехали к восточной его окраине около 16:00, когда бой немцев с 57-м полком перешел уже в завершающую стадию. Капитан приказал взводу окопаться и выслал вперед разведку. Та вернулась, сообщив, что остатки 57-го полка отступают на юг к Днепру, а в селе находятся немцы. Как раз в это время, где-то в 17:00, к позициям взвода подъехали два немецких мотоциклиста и предложили русским сдаться. Одновременно в атаку перешло до роты пехоты противника. Но немцам не повезло, по дороге Рыжкин подчинил себе два орудия 28-го мотострелкового полка НКВД. Они ударили по приблизившемуся противнику картечью, после чего взвод отступил обратно к Любарцам — путь на запад для дивизии тоже оказался заблокированным.

Федор Максимович отправил разведку на юг, в район села Старого, и стал ждать — кроме южного направления все остальные противник уже успел перекрыть. В 20:30 неожиданно по штабу дивизии, 34-му батальону и батальону 227-го полка открыли огонь немецкие автоматчики. Но паники, как на нее ни рассчитывал противник, удалось избежать. Подразделения оперативно заняли подготовленные окопы, политруки и командиры быстро навели порядок. Огневые точки засекли,

и по установленному знаку (две зеленые ракеты) обрушили на них огонь всех огневых средств, которыми располагали, — четырех полковых пушек и пулеметов. Противник находился близко, всего в 200–300 метрах, поэтому, когда огонь его пулеметов ослабел, по следующему сигналу (три красных ракеты) бойцы НКВД пошли в атаку. В результате им удалось захватить до 100 велосипедов, 15 разбитых минометов, множество пулеметов и стрелкового оружия, легковушку и полковое знамя. Потери — комроты лейтенант Лысак и семеро раненых стрелков.

Пока Мажирин выслушивал доклады командиров, разгоряченных и веселых после успешно проведенного боя, вернулась разведка. Путь на юг на Старое пока был открыт. В полночь Максим Федорович отдал своему немногочисленному, изрядно поредевшему воинству приказ отправляться в путь.

22.09.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ генерал-майор И.Х. Баграмян, 43 года

В западную часть Сенчи они ворвались, с рассветом, немцев там не оказалось. Но стоило приблизиться к мосту, противник открыл ураганный пулеметный, артиллерийский и минометный огонь. Иван Христофорович, помня о приказе командующего фронтом, приказал своей роте броситься в атаку, но тут показались вражеские танки. У подчиненных генерала не было даже бутылок с зажигательной смесью, поэтому пришлось отступить. Баграмян понял, что село им не взять — все противотанковые пушки, броневики и зенитные установки отправились вместе со штабной колонной.

Отряд разделился. Генерал Алексеев повел свою группу на север, он должен был подготовить переправочные средства и ждать колонну штаба фронта. Иван Христофорович направил свою часть отряда южнее к небольшому селу Лучка, где уда-

лось раздобыть лодки, и они остановились на отдых, ожидая штабные машины.

Когда стало понятно, что ждать дальше смысла нет, что вот-вот начнет светать, Иван Христофорович дал команду переправляться. Проводник из местных жителей помог топкими тропками преодолеть широкую заболоченную пойму, они пересекли шоссе Лохвица — Миргород и залегли в высокой неубранной пшенице. Вскоре разведчики обнаружили неподалеку не занятый немцами совхоз. Радушно встреченный селянами, отряд передневал там.

Вечером, после небольшого совещания, двинулись на юго-запад к селу Камышня, стараясь держаться вдалеке от людных дорог, соблюдая свето- и звукомаскировку. В селе разведка обнаружила немцев, поэтому отряд повернул на северо-восток и к утру вышел к раскинувшемуся на берегу реки Хорол поселку Мелешки. Дневной бивак, заняв круговую оборону, разбили в прибрежных зарослях неподалеку от хутора Червонный Кут. Местные мальчишки привели колхозников, которые принесли мешки с провизией и бидоны с молоком. Один из местных предложил провести отряд к селу Рашивка, где вроде бы еще оставались наши войска.

К утру оказались возле хутора Саранчова Долина. Снова, заняв круговую оборону, укрылись в прибрежном лесу у реки Псел. В полдень дозорные сообщили о приближении с севера колонны автомашин. Отряд приготовился к бою, но когда выяснилось, что в грузовиках едут красноармейцы, бойцы отряда с радостными криками бросились им навстречу.

Оказалось, что встретили дозорный отряд, отправленный из Гадяча командиром 519-го отдельного саперного батальона капитаном Кулешовым, который из своего батальона выходивших из окружения солдат, находившегося здесь дорожно-строительного отряда и местного истребительного батальона создал гарнизон, подготовивший город к обороне. Отправляемые им разведгруппы выяснили, что противник находится в Лохвице и западнее ее, на восток пока не наступает, занимаясь борьбой с пытавшимися выйти из окружения частями. О судьбе колонны штаба фронта ему ничего известно не было.

Историческая справка: О судьбе штаба фронта Иван Христофорович узнал несколько позже от своего заместителя подполковника Ивана Семеновича Глебова. Оказалось, что командующий фронтом генерал-лейтенант М.П. Кирпонос предполагал, что прорыв подчиненного генералу Баграмяну отряда к селу Сенча отвлечет внимание противника и штабная колонна сможет проскочить в противоположном направлении. До какого-то момента план сработал — реку Многу колонна успешно форсировала у деревни Вороньки и к рассвету 20 сентября оказалась в 15 километрах юго-западнее Лохвицы, у хутора Дрюковщина. Урочище, в котором спрятались машины, личный состав и броневики с пушками, носило название Шумейково. Несмотря на все предосторожности, немцы смогли обнаружить колонну и атаковали ее утром с трех сторон с использованием танков, минометов и артиллерии. Первую атаку отбили, подбив два танка. Во время второй атаки, которую также удалось отбить, получили ранения генерал Кирпонос, командующий 5-й армией генерал Потапов и еще целый ряд солдат и командиров. Немцы начали обстрел урочища, и около 18:30 осколками мины генерал Кирпонос был смертельно ранен. Ночью начальник штаба фронта генерал-майор В.И. Тупиков повел личный состав штаба фронта на прорыв. В этой атаке он, а также М.А. Бурмистенко и целый ряд других командиров погибли, но значительная часть, в том числе и подполковник Глебов, смогла вырваться. Член военного совета Е.П. Рыков раненым попал в руки немцев. Как комиссара, его зверски пытали и убили. Генерал Потапов в бессознательном состоянии попал в плен, смог его пережить и встретить Победу, после которой его восстановили во всех званиях и регалиях.

22.09.1941, командир 1-й бронеплощадки ополченского бронепоезда «литер Б» Николай Андреевич Рябоконеь, 27 лет

За Иванковом бронепоезда продолжили свой путь. С каждым километром он становился все трудней, все больше немецких орудий и минометов вступали с ними в противостояние, но

каждый раз дивизиону удавалось прорваться, подавляя огонь вражеских батарей, восстанавливая пути и второпях ремонтируя полученные повреждения.

При подходе к Березани местность стала болотистой. Пехотные части начали отдаляться в сторону от насыпи. Вновь — который уже раз! — по бронепоездам открыла огонь вражеская артиллерия. Наблюдатели определили, что огонь немцы корректируют с чердака станции. Николай дал наводчику прицел. Двумя выстрелами расчет поразил цель. Поддерживаемая огнем пехота пошла в атаку.

В бою за Березань дивизиону удалось уничтожить батарею противника, было убито около 15 немецких солдат. Бронепоезда зашли на станцию. Путь впереди оказался разрушенным, пришлось ждать, пока ремонтники его восстановят, затем составы пошли дальше.

Прошло немного времени, и они опять попали под ожесточенный обстрел противника. Снаряды рвались рядом с бронепоездом, немецкие артиллеристы пытались взять их в «вилку». Корректировку из пулеметной башни, установленной на тендере паровоза, вел сам Голованев. Здесь его ранило вторично, на этот раз в голову, в висок. Потеряв сознание, командир бронепоезда упал на руки начальника штаба и разведки Д.М. Поплавского, медсестры Л.П. Кошавцевой и бросившего управление паровозом Г.Ф. Сорокина. Голованеву тут же сделали перевязку. Командира спасла от смерти стальная каска, которую он стал носить в последние дни, особенно когда вел наблюдение за боем. От удара шлем дал трещину и деформировался.

Когда Голованев застонал и очнулся, первое, что он спросил: как бронепоезд? Ему ответили, что все в порядке. От удара Степан Петрович подумал, что бронепоезд взорвался. С помощью бойцов командира перевели на бронеплощадку, и дальше он командовал уже оттуда. В его поведении мало что поменялось, Голованев лишь стал тише говорить. Видя командира, пусть с перебинтованными руками и головой, бойцы чувствовали себя как-то уверенней, при таком героическом начальстве трусить было не с руки.

Через пять-шесть километров — новый обстрел немецкой артиллерии. После ответного огня вражеские батареи перенесли огонь на темную движущуюся массу, с приближением которой выяснилось, что это какая-то отступающая кавалерийская часть. Бронепоезда сконцентрировали огонь на батарее. В результате кавалеристы смогли успешно пересечь железную дорогу в интервалах между бронепоездами. Лошади, тачанки практически без потерь пошли в своем направлении.

Они бы и дальше могли так катить, отбивая вражеские атаки, но когда они подошли к станции Переяславское, выяснилось, что немцы разрушили здесь сразу несколько километров пути. Используя взрывчатку, враги подрывали шпалы сразу в трех местах — посередине и на стыках. Особенно сильные разрушения были на 85-м, 86-м и 87-м километрах. Устранять такие повреждения своими силами уже не представлялось возможным.

Бронепоезда остановились, немецкие батареи открыли огонь, целясь в основном по головному бронепоезду майора М.В. Панькова и по железнодорожному пути. Бронепоезда ответили. Вскоре попаданием под заднюю бронеплощадку головного бронепоезда немцам все-таки удалось разрушить путь. Бронеплощадка сошла с рельс сразу четырьмя колесами.

23.09.1941, заместитель наркома внутренних дел УССР полковник Тимофей Амвросиевич Строкач, 38 лет

Пробиваться большой колонной далее на восток было невозможно, это показал вчерашний день. Вражеская авиация, вконец обнаглевшая от безнаказанности, легко обнаруживала большие скопления людей, легко их расстреливала и бомбила, уже ничего не опасаясь. Прорываться таким образом — с большой долей вероятности погубить людей. На последнем военном совете было решено разделить полк на группы по 20-30 человек и далее выходить из окружения порознь.

Оперативная группа личного состава наркомата, возглавляемая Тимофеем Амвросиевичем, отправилась на север. Он вполне логично решил, что там, на севере, менее вероятно, что немцам удалось создать сплошную линию окружения. Да и до Черниговских лесов от Новой Басани, в сторону которой он повел свое небольшое воинство, было рукой подать.

Историческая справка: Отряды Т.А. Строкача в селе Ракитное Новобасанского района, благодаря его знанию структуры местного подполья, удалось переодеться в гражданскую одежду и раздобыть проводника. В расположение наших войск они вышли в последних числах октября в районе городка Малоархангельск Орловской области, преодолев по тылам противника более 475 километров.

23.09.1941, батальонный комиссар 199-го отдельного батальона связи 31-го района авиационного базирования Виктор Дмитриевич Коршенко, 39 лет

Отряд отдыхал под деревьями на небольшом островке, затаившемся посреди широкой заболоченной поймы реки Трубеж. Вдруг где-то на расстоянии полукилометра показались немцы, человек сто. В батальоне оставалось еще около 400 бойцов, так что преимущество было на их стороне. Доложили майору, командиру их батальона. Он уже хотел отдать приказание открыть огонь, когда возмущился прибившийся к ним сержант-пограничник. На таком расстоянии много немцев они не убьют, больше напугают. Пограничника поддержал находившийся здесь же Гайдар, майор был вынужден с ними согласиться.

Когда немцы находились уже в 100 метрах, сержант-пограничник отдал приказ готовиться к бою, но майор скомандовал: «Отставить». Бойцы в растерянности начали переглядываться. Тогда сержант застрелил майора из винтовки. Его выстрел послужил сигналом для остальных, и с немцами расправились

буквально в считанные секунды. После боя Гайдар поддержал пограничника, а командование над остатками батальона принял на себя бригадный комиссар И.Н. Моторный.

23.09.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Весь день Ирина вместе с Нюсей и Таней ходила по больницам. Они искали Степана и Нюсиного брата, но все поиски оказались тщетными.

А тем временем город жил своей жизнью. Киевляне начали регистрироваться по местам работы, 22 сентября по городу расклеили требующий это сделать приказ. Люди толпились возле многих учреждений, в которых работали раньше, радуясь встрече со старыми знакомыми и обмениваясь последними новостями. Лица у них были растерянными. Однако значительная часть зданий оказалась занята новой администрацией, к ним уже «аборигенов» не подпускали. В библиотеке разместилась районная комендатура, городская же находилась в бывшей гостинице «Спартак» по адресу Крещатик, дом 30, а жандармерия — на том же перекрестке, только на другой стороне улицы Прорезной, в «Детском мире». Туда же начали снова массово сносить радиоприемники. Противогазы сваливали рядом прямо на мостовую. Вскоре объявили, что украинцы могут приемники и не сдавать, и тут же внезапно выяснилось, что масса народу оказалась украинцами, хотя об этом раньше никто и не подозревал.

Накануне по всему городу расклеили объявления о приеме в «українську народну міліцію», а сегодня в новых листовках она уже называлась «державною міліцією».

Водопровод пока не работал, поэтому жители дома занимались тем, что таскали в ведрах мутную воду из бьющих под Андреевской церковью родников. С продуктами стало совсем плохо — ни магазины, ни базар не работали, людей спасало только запасенное в последние месяцы.

23.09.1941, пулеметчик 28-го отдельного пулеметного батальона старший сержант Александр Иванович Квартич, 29 лет

Он сидел на земле рядом с другими бойцами — грязный, оборванный и голодный. В голове после ночной контузии сильно шумело. С каждым движением шеей ее пронизывала сильная боль, поэтому Александр старался ее лишней раз не трогать — сидел, потупив глаза в землю, и ждал, когда немцы уже погонят их куда-нибудь.

Они служили — не тужили в своем подземном ДОТе до 18 сентября, когда лейтенант Ветров получил из штаба батальона приказ собрать оружие, патроны и отступить, предварительно уничтожив все, что забрать не получится. Лейтенанта эта новость поразила до глубины души, одно время Александр даже опасался, не тронулся ли он умом. Ветров отказался выполнять приказ, в разговоре с комбатом Кипаренко он назвал его предательским, сказал, что никуда со своим гарнизоном, то есть с ними, не двинется и будет защищать столицу Советской Украины до последнего. Солдаты переглядывались между собой, но молчали — характер у этого 22-летнего парнишки был крутой, поэтому перечить в открытую ему никто не стал.

Ситуацию решило прибытие ответственного секретаря партийной комиссии КиУРа старшего политрука К.Ф. Стороженко, который совсем недавно, меньше месяца назад, принимал Ветрова в партию, а его с помкомвзвода сержантом Музыкаченко и еще шестью бойцами — в кандидаты. Он подтвердил, что такой приказ отдан по всей 37-й армии, и если Ветров не отступит, то просто погубит и себя, и гарнизон, так как прикрыть ему фланги скоро будет некому. Пришлось лейтенанту отдавать приказание о подготовке к отступлению. Отход прикрывала 3-я рота. Батальон собрался в районе Жулян и пешим порядком двинулся сначала к Святошино, а оттуда уже по Брест-Литовскому шоссе в Киев, мимо завода «Большевик», по бульвару Тараса Шевченко мимо Бессарабки к Печерской

улице и оттуда к Цепному мосту. Александр не знал названий этих улиц и зданий, об этом рассказывал ему боец их гарнизона Ярошевский, местный уроженец.

В Дарнице батальон прикрывал отход войск, а затем двинулся к Броварам. Здесь они понесли первые потери. Оказалось, что немецкие пехотинцы уже заняли город. Враги пропустили разведку, а затем с двух сторон открыли огонь из пулеметов и минометов по ничего не подозревающей колонне. Вдоль дороги била пушка. Один из пулеметов находился на крыше дома. Его удалось заставить замолчать, только когда крышу закидали гранатами. Дом загорелся, и все три вражеских пулеметчика погибли.

Но дальше продвинуться оказалось невозможно, и те, кто выжил, были вынуждены развернуться и отступить влево в лес. Когда они уже отходили, рядом разорвалась бомба, одному из бойцов осколком разрезало пилотку, слегка рассекло кожу на голове.

В лесу командиры, как могли, привели батальон в порядок. Поступил новый приказ — двигаться в сторону Барышевки. Но в Барышевке ситуация стала еще сложнее, тут столпилось множество частей, которые постоянно бомбили и обстреливали. Городок и станция горели, все это походило на сущий ад. Здесь скопилось множество поездов с эвакуируемыми ранеными, из которых многие так и гибли в огне.

Горели цистерны и вагоны, кто мог из раненых ходить — тот ушел, а вот большинство лежачих — остались в вагонах. Их участь оказалась ужасной... Здесь, в Барышевке, Александр отстал от своего взвода и дальше пробирался к Яготину вместе с толпами таких же, как он, солдат из самых разных подразделений и родов войск.

Немцы уже успели занять Басань, Згуровку, Яготин и Драбов. Надо было прорываться, хоть у наших бойцов и не было артиллерии, почти не осталось патронов.

Какой-то командир с двумя «шпалами» в петлицах организовал атаку на прорыв через большое широкое поле в направлении на Яготин. Другой дороги не было. Когда атакующие цепи

вышли на открытое место, то сразу же попали под сильнейший артиллерийско-минометный огонь. Укрыться было негде... Рядом с Александром разорвался снаряд, и он потерял сознание.

В себя Квартич пришел только под вечер и подумал, что все кончено. Он потерял слух и не мог двигаться, но постепенно, по мере того как организм справлялся с последствиями контузии, ему удалось сесть. Он осмотрел себя, на удивление, ранений не было, только контузия. Постепенно начал возвращаться слух. Вскоре на поле появились немецкие солдаты, собиравшие живых и легко раненых в одно место. Их погнали в Басань. Александр был родом из Лозового Яра, села, расположенного неподалеку, и эти места знал хорошо.

Возле Басани их всех, оборванных, замерзших и голодных, согнали на большом поле и начали отдельно отбирать командирский состав. Александр сначала дернулся, чтобы присоединиться к ним (он, как старший сержант, относился к младшему командному составу), но знакомые солдаты удержали его. Неожиданно мелькнуло знакомое лицо лейтенанта Ветрова, кто-то из толпы крикнул, чтобы они держались, что победа будет за нами, после чего немцы погнали командиров куда-то в другое место. Больше Александр никого из них не видел.

24.09.1941, спецкорреспондент газеты «Красная Звезда» капитан Сергей Терентьевич Сапиго, 30 лет

Он очнулся с сильной головной болью, ломило все тело. Долго лежал в темноте, пытаясь понять, что с ним, где он? Последние несколько дней были плотно «набиты» событиями, от которых хотелось кусать губы, рвать на груди рубашку и плакать... плакать... плакать... Начнем с того, что 19 сентября им всем пришлось оставить Киев. Внезапно журналисты обнаружили себя очутившимися в котле вместе с сотнями других бойцов и командиров. Журналисты из «Комсомолки» успели улететь на

самолете, кроме Гайдара — он лететь категорически отказался, а сам куда-то пропал вместе с редакционной полуторкой и ее водителем. Из окружения вместе выходили все «краснозвездинцы», «известинцы» Иосиф Осипов с Михаилом Сувинским и «правдинец» Яков Цветков.

20-го они попали под артобстрел в Дарницком лесу, затем вместе с общими колоннами, в которых перемещались люди и транспорт из различных подразделений, они двинулись дальше на восток. За Борисполем от дружной компании журналистов остались только неразлучный друг Саша Шуэр, Абрамов, Лавров и «известинцы» Осипов с Сувинским. Наконец 21-го удалось прибиться к части, которую на скорую руку сколотили какие-то полковники НКВД. Вместе с ней журналисты и пошли на прорыв. В ночном бою через реку Трубеж бросились цепи бойцов. С водонапорной башни по ним било два пулемета. Какой-то авиационный командир полковник Воронов приказал Сергею вместе с группой бойцов уничтожить эти огневые точки. Пока Сапиго «занимался» немецкими пулеметчиками, остальные журналисты втянулись в бои на улочках села, лежавшего по ту сторону речки.

Когда задание было выполнено, Сергей вернулся к авиационному полковнику, доложил по форме о двух уничтоженных немецких пулеметных расчетах и отправился искать остальную журналистскую братию. Это оказалось нелегко. Идущие на прорыв части вырвались далеко вперед, и ему удалось набрести на Абрамова и Осипова в каком-то небольшом лесу только несколько часов спустя. По поникшим плечам товарищей и их печальным лицам Сергей понял, что случилось что-то непоправимое. Оказалось, что Саша Шуэр погиб.

Весть о смерти друга оказалась такой ошарашивающей, что у Сергея к горлу подкатил плотный комок, затряслись руки и ноги. Он рухнул на землю и только спустя несколько минут смог адекватно воспринимать рассказ о гибели своего фронтового друга.

Когда Шуэр, Абрамов, Осипов и Сувинский вместе с другими солдатами выбили немцев из первого переулка, они

бросились дальше по огородам освобождать село, но на его окраине попали под плотный огонь вражеских пулеметов и автоматчиков. Шуэр громко крикнул: «Кто здесь командир?» И когда не услышал ответа, он встал и поднял всех в атаку, получив за это от противника очередь в живот. Когда ребята нашли его агонизирующим на земле, он попросил их сообщить о случившемся семье и застрелился, не в силах более терпеть мучения.

А 23-го по дну длинной лощины они пошли в атаку на вражескую батарею. Атакующих было человек сто, и им оставалось всего каких-то метров пятьсот до цели, когда рядом с Сергеем разорвался снаряд, и он провалился в темноту.

Сергей оглянулся, в предрассветной мгле проступили силуэты еще троих раненых. Кто-то просил пить. Вскоре они сползлись вместе. Сергею рассказали, что, опасаясь за его жизнь, лейтенант Василий Сонин и лейтенант-танкист Петр Ефимов сняли с него знаки различия. У командиров, а тем более коммунистов, было мало шансов выжить в плену. Вскоре показались немецкие пехотинцы, прочесывавшие лес после вчерашней неудачной атаки русских. Сергея перенесли в лагерь, где лежали Сонин с перебитой рукой и Ефимов, раненный в плечо.

24.09.1941, начальник чугунолитейного цеха завода «Большевик» Виктор Игнатьевич Хохлов, 29 лет

Виктор решил именно сегодня сходить и встать на учет в комендатуру, когда наплыв посетителей туда будет наибольшим. В общей толпе вряд ли у кого-то будет время вникать в его партийные перипетии. Он проходил мимо здания бывшей городской думы на площади Калинина, когда прогремел первый взрыв. Ему было видно, как взлетела на воздух сначала комендатура, а за ней — «Детский мир». Люди, ожидавшие рядом на

улице своей очереди, бросились врассыпную. Те же, кто стоял в отдалении, с любопытством привставали на цыпочки и выглядывали, что там происходит.

Прогредел третий взрыв, четвертый. На месте двух первых уже бушевал пожар. Виктор понял, что это загорелись спрятанные на крышах и чердаках зданий Крещатика бутылки с зажигательной смесью. Когда Киев готовили к обороне, планировалось, что в случае уличных боев ополченцы сверху будут забрасывать ими наступающих солдат противника.

Раздались еще взрывы. Немецкие солдаты забегали по улице, начали хватать каких-то прохожих, показавшихся им подозрительными. Виктор решил, что пора уходить. Не хватало ему еще в его положении попасть в число заложников, которых немцы могут расстрелять в отместку за эту диверсию. Поднимаясь вверх по Михайловской, он слышал новые и новые взрывы, и сердце у Хохлова сжималось от радости. Ведь это кто-то из его товарищей, которые тоже остались здесь, в городе, уже приступил к работе и подрывает немецкие штабы, офицерские гостиницы, склады, комендатуры. Конечно, Крещатик жалко, город жалко, наверняка начнутся пожары. Ни в чем не повинных киевлян жалко, которые пострадают от взрывов, огня и неизбежных расстрелов. Но земля под ногами оккупантов должна гореть. Иначе они осядут на ней, освоятся и постепенно изничтожат ненавистный им народ. Его, Виктора Хохлова, народ.

Историческая справка: 24 сентября в полдень начался подрыв радиоуправляемых объектных мин Ф-10, предварительно замурованных в потайных нишах киевских зданий в центре города. Иницирующий радиосигнал передали со специальной радиостанции из района Харькова. Первыми на воздух взлетели гостиница «Спартак» с размещенной в ней комендатурой и магазин «Детский мир» на перекрестке Крещатика и улицы Прорезной. Помимо склада радиоприемников в магазине находились жандармерия и на верхнем этаже — офицерская гостиница. В одной комендатуре погибло 300 немцев, сгорели припаркованные рядом несколько десятков автомашин. В последующие несколько часов взорвались

практически все расположенные на Крещатике административные здания. Бушевавшим несколько дней пожаром были уничтожены практически все здания, расположенные на этой центральной улице города, и множество на прилегающих улицах.

24.09.1941, командир 4-й дивизии войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений полковник Федор Максимович Мажирин, 37 лет

Их обложили, как дикого зверя, и путей отхода оставалось с каждым часом все меньше и меньше. К утру 23 сентября к селу Старому едва вышло 500 бойцов и командиров, на марше отстали и пропали без вести 1-я рота и пульрота 34-го отдельного батальона. В нем под командованием комбата капитана Кермана оставалось всего 90 человек.

Мажирин понимал, что без артиллерии, без снарядов через мощные заслоны немцев им не прорваться. Поэтому он решил незаметно пробираться по прибрежным лесам и селам левобережья, которые были малонаселенными и тихими, — южнее Переяслава, а уже оттуда попробовать выйти к Яготину на соединение с основными силами армии.

Долго отдыхать им не дали, уже в десять утра до 300 немцев при поддержке минометов начали наступление на северную окраину села. Мажирин решил прикрыться остатками 34-го батальона и 227-го полка, а остальные силы увести к Ковалину. Маневр удался. Оставшиеся в заслоне бойцы уничтожили немецкий отряд, который, как оказалось, состоял из эсэсовцев. Их практически всех перебили, захватив знамя подразделения, после чего полк нагнал дивизию на марше, а остатки батальона — в Ковалине.

При отходе в районе села Гусеницы 34-й батальон напоролся на немецкий заслон численностью до батальона. В результате продолжительного боя было потеряно 10 человек убитыми,

до 15 — ранеными, до 20 — пропавшими без вести. Минометами разбило весь обоз и две присоединенные к дивизии ранее армейские полковые пушки. Батальон фактически перестал существовать.

Пока заслон воевал с немцами, штаб дивизии и остальные силы попытались прорваться к Ковалину через Сошники, но там был слишком сильный вражеский заслон. Пришлось бросить весь автотранспорт, тем более что бензин и так был на исходе, и пробираться южнее, через болота и топи, рассылая вперед разведчиков. Самые слабые заслоны противника они выявили у Кошар и Андрушей, и Мажирин решил прорываться туда.

Он не знал, что немцы уже заминировали и подготовили к обороне весь берег в районе впадения речки Трубеж в Днепр. Не знал, что план его немцами давно разгадан и что буквально через шесть дней, 30 сентября, всего в нескольких километрах от того места, где он сейчас находится, в районе села Девички дивизия вместе с присоединившимися к ней бойцами прочих подразделений — стрелками и моряками — едва насчитывавшая 745 человек, будет окончательно рассеяна. Дальше бойцы и командиры станут выходить из окружения малыми группами.

24.09.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Девушки узнали, что на окраине Киева, на улице Керосинной, немцы организовали лагерь для военнопленных, и решили сходить туда, поискать своих родных. Они не успели уйти далеко от дома, как вдруг со стороны Крещатика раздались первые взрывы и в небо поднялся густой темный столб дыма. Но после ужасов последних дней их сложно было чем-то напугать или удивить, и они отправились дальше к основной цели своего похода. Здесь, на пустыре, обнесенном созданной на скорую

руку изгородью из плохо оструганных обмотанных колючей проволокой деревянных кольев, прямо под открытым небом на земле сидели тысячи солдат. Немецкая охрана и администрация лагеря размещались в бывших казармах Бендерского полка.

Историческая справка: 12-й пехотный Бендерский полк сформирован 29 октября 1811 года под названием Тарнопольского. 5 октября 1815 года переименован в Житомирский. 6 апреля 1863 года на базе резервных подразделений создан Житомирский резервный пехотный полк, который с 13 августа переименовали в Бендерский пехотный полк в честь молдавского города Бендеры, расположенного в Приднестровье. 25 марта 1864 года ему присвоен номер 132. Существование свое окончил в 1918 году. Историю полка принято считать со дня основания Тарнопольского полка. За более чем столетнюю историю полк принимал участие в Отечественной войне 1812 года и последующем Заграничном походе, сражался в битвах на Шевардинском редуте и при Бородино, где на правом фланге героически оборонял Семеновские флеши. Под названием Житомирского воевал в Венгерской кампании 1849 года и в обороне Севастополя 1854–1855 годов. Как Бендерский сражался в составе Руцукского отряда во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов и в Первой мировой войне.

Солдаты не ели с 18 сентября. Сердобольные киевлянки несли в лагерь последние продукты. Варили в ведрах суп и несли, даже не зная, есть ли среди пленных их родные или нет. Ирина и ее подруги встретили двух медленно бредущих от лагеря девушек, одна из них была из Чернигова, а вторая — из Харькова. Они рассказали, что были в нем пленницами, но сегодня немцы всех женщин отпустили, а до этого раз в день давали им какую-то похлебку. Мужчины же не получали ничего.

Ни Степана, ни Нюсиного брата найти не удалось, и пришлось идти обратно. Когда они приблизились к центру, оказалось, что горит уже весь Крещатик. Встречные прохожие рассказали, что кто-то подорвал и комендатуру, и жандармерию, взрывы продолжаются до сих пор. К вечеру над центром, как еще совсем недавно над Подолом, бушевало море огня. Только масштабы его были куда шире.

24.09.1941, рядовой 2-го отдельного пулеметного батальона Федор Федорович Худяков, 36 лет

Бесцельно шляясь между машинами, Худяков случайно набрел на грузовик их батальона. Человеку, сидящему рядом с шофером, он когда-то оказал небольшую услугу, и тот в благодарность устроил Федору место в кузове. Но далеко уехать опять не удалось. Километрах в трех за Березанью снаружи прозвучала команда всем здоровым красноармейцам ссаживаться вниз и строиться на обочине в отряды по сто человек. Худяков выскочил вместе со всеми и вскоре в одном из командиров с радостью узнал лейтенанта Гончара. Ему помогал политрук их батальонной роты связи товарищ Серебряков — москвич, застрявший в Киеве в начале войны по дороге в свою приграничную часть и перераспределенный в их батальон. Сотне Гончара незнакомый генерал, который пытался навести хоть какой-то порядок в отступающих войсках, приказал выбить противника из близлежащего села, откуда тот обстреливал дорогу.

Они смогли приблизиться к селу всего на триста метров, потеряв от минометного огня четырех человек. Но дальше атакующих каждый раз отбрасывал назад огонь вражеских пулеметов. Гончар, готовясь повести людей вперед, попросил Федора, чтобы тот дал ему пилотку. В фуражке было мало шансов уцелеть — она привлекала вражеский огонь. Федор предложил каску, но лейтенант настоял на пилотке. Затем было три бесполезных атаки, без поддержки минометов, артиллерии или хотя бы пулеметов, Гончар растерял две трети человек. Из оставшихся в живых еще две трети оказались ранены. Пришлось возвращаться не солоно хлебавши в село у дороги, занятое нашими войсками. Здесь, пошарив без спроса хозяев по сельским огородам, нашли какое-то скудное пропитание. Федору удалось нащупать в темноте на старой огуречной плети большой, толстый желтый огурец, явно оставленный хозяевами на семена.

Шкура у огурца была толстой, мякоть кислой, но зато сочной, и Худяков жадно съел овощ, словно какой-то невероятно вкусный деликатес.

Вскоре Гончар и Серебряков отправились ночевать в стоящие в поле копны скошенного хлеба, справедливо опасаясь, что скученные в селе технику и людей противник, скорее всего, начнет обстреливать и бомбить. Федор отправился вместе с ним. Решили, что спать будут по очереди по двое, а третий будет сторожить. Было десять часов вечера, дежурить первым выпало Серебрякову, у него были часы со светящимся циферблатом. Через два часа он должен был разбудить Худякова. Едва голова Федора коснулась соломы, он тут же провалился в сон.

25.09.1941, нападающий и капитан футбольной команды «Динамо» (Киев) Константин Васильевич Щегоцкий, 30 лет

От всепроникающего холода их бил озноб, который выматывал нервы и высасывал все силы. Пробирались проселками вдоль Днепра на юго-восток, справедливо полагая, что, если двигаться прямо на восток, как большинство отступавших, велика вероятность наткнуться на немецкие заслоны. Попытка пробираться вдоль шоссе чуть не стоила им жизни, по ним открыл огонь немецкий патруль. Хутора и села старались обходить, потому что из первого же встретившегося им на пути хутора бойцов обстреляли. К местному населению решили обращаться только в крайнем случае, если совсем дойдет голод или нужно будет обсохнуть после форсирования очередного болота. Константин уже много лет прожил на Украине, но и представить себе не мог, что здесь есть столько болот.

После преодоления очередной топи, в которой они вымокли до нитки, и длительного ночного перехода, товарищи по несчастью заночевали на каком-то сеновале. Утром

Константин услышал, как Ячик разговаривает с какой-то дивчиною. Вскоре тот вернулся и сообщил, что их пообещали покормить и помочь с гражданской одеждой, потому что в военном обмундировании далеко не уйти. Они провели на сеновале весь день, наблюдая сквозь дыру в соломенной кровле, как немцы ходят по селу и ловят кур. К вечеру пожилая женщина, мать девушки, принесла им овощей, хлеба, кринку молока, а вскоре прибежала и сама перепуганная девушка и сказала, что солдаты приближаются к хате. Пришлось всей троице срочно перепрятаться на большом огороде, среди зарослей подсолнухов. Потом, когда уже совсем стемнело, они ушли, сожалея, что не удалось попрощаться и поблагодарить.

Далее последовал новый длительный ночной переход и болота со студеной осенней водой. Ночи становились холодными, и друзья продрогли. После очередного форсирования болота Константин заставил свою небольшую команду делать физические упражнения, чтобы хоть немного согреться. Впереди предстояла очередная дневка в стожке с сеном или копне соломы, и от мысли об этом у Ячменникова не выдержали нервы. Он уговаривал Константина отпустить его в ближайшее село, ведь он одет в гражданское, и там договориться, чтобы им дали еду и теплую одежду. Показывая свои разодранные лыжные ботинки, он объяснял, что далеко в них не уйти. В конце концов его уговоры подействовали... Они прождали его двое суток, и вот теперь голодные, замерзшие продвигались дальше через болота и бездорожье, и Константин все ругал себя и костерил, что не настоял тогда на своем, что дал товарищу пойти на поводу у своей слабости.

Историческая справка: После войны Константин Щегоцкий встретил старого голкипера киевской футбольной команды «Залдор» Василия Федотовича Ямкового, которому не удалось выйти из окружения. Как и тысячи других, он попал в Дарницкий концентрационный лагерь и встретил там Исаака Ячменникова полностью раздетого до нижнего белья. У него был страшный вид. Поговорить им не удалось.

25.09.1941, командир 1-й бронеплощадки ополченского бронепоезда «литер Б» Николай Андреевич Рябокони, 27 лет

Двое суток днем и ночью, неся потери, без отдыха и сна, рембригады пытались восстановить путь, но безуспешно. 24 сентября бронедивизион вел упорные бои с наступавшими немецкими ударными частями и артиллерией. Наконец бронепоезд умолк. Озадаченный противник, подозревая подвох, тоже прекратил огонь. Во внезапно наступившей звенящей тишине как приговор послышался дрожащий крик заряжающего 2-й бронеплощадки Миши Лазаренко: «Товарищи, нет снарядов!» К «литеру Б» подбежал какой-то пехотный командир и спросил, какого калибра нужны снаряды. Ему сказали, и офицер исчез среди творящегося вдоль насыпи хаоса.

Через какое-то время в бронепоезд постучали. Послышался чей-то голос: «Получайте снаряды», и по цепочке на бронеплощадку через люки начали передавать заветные увесистые блестящие болванки. Снова заговорили орудия, бронепоезд ожил. Снаряды нашли у разбитых зарядных ящиков в двух километрах от бронепоездов и, организовав живую цепочку, обеспечили подачу.

Появилась «рама». Немецкая артиллерия перенесла огонь с бронепоездов на участок территории за ними. Внезапно эстафетная доставка снарядов прекратилась — замолчали орудия. Тогда немцы усилили огонь по бронепоездам, появились немецкие пехотинцы. Совсем обезумевший в горячке боя Лазаренко кричал что есть силы, что, если бы можно было его зарядить вместо снаряда, так он бы был и не против. Он выскочил на крышу бронеплощадки и стал орать залегшим солдатам, чтобы те давали снаряды. И снова пошли снаряды. Многие из них были измазаны в крови убитых и раненных при обстреле бойцов.

Историческая справка: Заряжающий 2-й бронеплощадки Михаил Петрович Лазаренко, бывший комендант паровозного депо им. Ан-

дерева, погиб при выходе из окружения в районе хутора Займище Черниговской области.

Ко второй половине 24 сентября снаряды окончательно вышли. Вода в тендерах паровозов была на исходе, уголь тоже подходил к концу. Бронеплощадку головного бронепоезда поставить на рельсы так и не удалось. Вечером на «литере Б» состоялось совещание командиров и комиссаров бронепоездов. Совместно было решено в ночь на 25-е бронепоезда взорвать, экипажам пробиваться на восток.

Майор Паньков издал последний приказ по дивизиону о приведении орудий в негодность и демонтаже пулеметов. То оружие, которое нельзя взять с собой, подлежало уничтожению. Все штабные документы приказано было сжечь. После исполнения приказа весь личный состав сошел в ложбину в 300–400 метрах от бронепоезда.

Первым взлетел на воздух бронепоезд № 66. В 2:00 на 84-м километре участка дороги Киев — Гребенка группой бойцов под командованием парторга Г.Ф. Сорокина был взорван «литер Б». Затем стали взрываться остальные бронепоезда.

Личный состав дивизиона бронепоездов майор Паньков и комиссар Голованев повели на прорыв. Всего набралось человек 400, вооруженных ручными пулеметами, автоматами и винтовками. Взяли с собой ополченцы и бойцы НКВД и один станковый пулемет. В патронах и гранатах недостатка не было. За ночь прошли где-то 8 км и вышли к болоту, поросшему на редких сухих местах деревьями. Проводник сказал, что, если перейти болото вброд, за ним окажется большой лес — и отряд полез в воду.

Вскоре отряд вышел на большой заросший лесом остров площадью где-то 4 кв. км. Под деревьями собралась масса народу, в том числе — штаб 37-й армии вместе с ее командующим генерал-майором А.А. Власовым. Кроме людей, тут же толклись лошади и до 50 голов рогатого скота. По дороге к этому леску куда-то пропал командир «литера А» А.С. Тихоход.

Майор Паньков приказал провести разведку. Выяснилось, что этот поросший лесом остров представляет собой природ-

ную ловушку, с трех сторон окруженную болотами, а с четвертой, южной стороны снабженную более-менее сухим проходом. За ним был железнодорожный и шоссейный мост, на котором стояли немецкие солдаты и кинооператор, который снимал на пленку, как русские солдаты сдаются в плен. Генерал Власов созвал всех командиров, включая Костю Арефьева, с которым Николай за этот день сильно сдружился, на совещание. Требовался новый план, но вот какой...

Историческая справка: Окруженцы сидели на острове до 2 октября. В этот день в 15:00 немцы начали массированный обстрел, который длился до 19:20. Из дивизиона бронепоездов погибли командиры бронепоезда № 66 майор М.В. Паньков, «литер Б» — С.П. Голованев и еще шесть человек. Также погиб журналист газеты «Правда», фамилии которого ополченцы не знали. В 22:00 окруженцы пошли на прорыв. Многим, в том числе Н.А. Рябоконию и К.А. Арефьеву, удалось вырваться. В своих воспоминаниях последний утверждает, что лично видел, как генерал Власов вместе со своей п. п. ж. (походно-полевой женой) сдавался немцам в плен. В дальнейшем Рябоконию и Арефьеву из окружения не выходили, они остались в подполье, а затем перешли в партизанский отряд. Из членов экипажей ополченских бронепоездов войну пережили более половины.

25.09.1941, рядовой 2-го отдельного пулеметного батальона Федор Федорович Худяков, 36 лет

Этот день начался страшно, также страшно потом продолжился, и доживет ли Федор до вечера — оставалось неизвестным. В полночь, как и договаривались, Серебряков разбудил его, а сам зарылся в солому спать, но спать пришлось недолго. Часа через полтора, как и предполагал Гончар, немцы начали обстрел дороги и села. Снаряды рвались среди машин, на обочине, в кюветах. Несколько их вздыбило землю и на поле, но вдалеке от копны, где ночевал Худяков с командирами. В это

время раздалось два мощных взрыва со стороны железнодорожной насыпи. Это ополченцы-железнодорожники подорвали два своих бронепоезда. Местность осветило зарево горящих вагонов, машин, загоревшихся копен пшеницы.

В селе началась паника. Некоторые машины, спасаясь от обстрела, выехали и помчались в темноте по полю, по стерне. Одна из машин, обезумевший водитель которой ничего не видел, понеслась прямо на копну, возле которой сидел Федор. Недавно проснувшийся Серебряков и он сам успели отскочить в сторону, а вот Гончару, который только и успел, что сесть на том же месте, где и спал, не повезло — грузовик проехался по его ногам и скрылся в ночи.

Гончар еле поднялся, встал на ноги и сказал своим товарищам, что надо идти. Они пошли к железнодорожному переезду, по обе стороны которого стояли сотни машин и подвод, некоторые из них горели. В отдалении на расстоянии в километр, где больше, где меньше с разных сторон в небо взлетали разноцветные сигнальные ракеты — немцы обозначали свой передний край. Местами в сторону замершей колонны летели трассеры. Где-то впереди, метрах в 80–100, начали рваться мимолетные мины.

Поддерживая с двух сторон Гончара, Серебряков и Худяков начали продвигаться вперед с правой стороны от насыпи. К ним вскоре прибилось человек 30, в том числе два командира из подорванных бронепоездов. Но вскоре они попали под обстрел пулеметов, рясно сыплющих трассирующими пулями, поэтому взобрались на насыпь и перевалили на ее левую сторону. Там тоже постреливали, но только одиночными выстрелами. Вскоре к этим выстрелам присоединились и пулеметные очереди.

Спустя какое-то время группа наткнулась на большую впадину диаметром 50–60 метров и укрылась от настильного пулеметно-ружейного огня в ней. Федор случайно услышал, как командир с бронепоезда рассказывал Гончару, что путь впереди разрушен в нескольких местах. Шпалы выдернуты, рельсы растащены. Первый бронепоезд самостоятельно передвигать-

ся не мог, и второй толкал его сзади. Когда стало понятно, что проезда нет, команды оказались в безвыходной ситуации. Куда стрелять — не ясно, никакой разведки провести невозможно. Просто лупить по собственным селам — крайне сомнительное решение.

Во впадине разгорелся спор, как выходить из окружения. Гончар горячился и доказывал, что надо прорываться всем вместе, потому что 30–35 человек — какая-никакая, а боевая единица. Железнодорожники же возражали, что люди в их компании подобрались разношерстные, деморализованные, и как боевая единица вместе ничего из себя не представляют, а потому из окружения лучше выходить группами по 3–5 человек. Слушая их, Федор, за предыдущие дни измотанный и морально, и физически, задремал. Пробуждение его оказалось страшным.

Уже светало, когда послышался рев моторов нескольких десятков мотоциклов, и вскоре впадину окружили десятка два немцев, которые направили свои автоматы на лежащих под лопухами командиров и красноармейцев. Федор с ужасом обнаружил, что они один за другим начали поднимать руки вверх. Тут Серебряков крикнул: «Гончар! Давай!» Лейтенант выхватил пистолет и выстрелил Серебрякову в лицо, после чего тут же застрелился. Видимо, когда Худяков спал, они договорились, что в плен сдаваться не будут. У политрука оружия не было, только бесполезный ПППШ без единого патрона, вот и пришлось Гончару взять на себя эту страшную миссию.

Худяков лежал и не знал, что ему делать. Винтовка с прикинутым штыком была слишком неповоротливым оружием, чтобы он мог застрелить хотя бы одного врага. Но и просто так бросать оружие Федор не хотел. Все его сомнения разрешил один из немецких автоматчиков, он неслышно подошел к Федору и так двинул его прикладом по руке выше локтя, что чуть не сломал ее. Винтовка выпала из безвольно повисшей ладони.

Кто-то из врагов склонился над Серебряковым и Гончаром, они еще хрипели, но вскоре замолкли. «Капут», — сказал склонившийся, и занялся тем же, чем и остальные его товарищи, — обыском и обиранием пленных.

Федора «шмонал» тот же молодой 25-летний фриц, что его и ударил. Он обшаривал карманы, выбрасывая из них патроны, и начал рвать с пояса патронташи. Худяков отстегнул пояс, чтобы его не порвали. Немец сдвинул и швырнул на землю все четыре патронташа, туда же полетела и сумка с гранатами. Новенький ремень он сунул себе в карман, затем показал Федору, чтобы тот вывернул карманы. Оттуда тоже посыпались патроны. Внимание немца привлек перочинный ножик — добротный, с красивой ручкой, шилами, множеством лезвий, штопором, отвертками. Повертев в руках, немец его тоже опустил к себе в карман.

Затем всех пленных, обобранных и без ремней, выгнали из впадины наверх, построили и отвели в ближайшее село. Здесь их загнали во двор колхозной фермы. По дороге Федор увидел порядка 30 мотоциклов, пушки, минометы. В разные стороны сновало множество немецких отрядов численностью по 20–30 человек. Он понял, что их отряд никак не смог бы прорваться через такой заслон в чистом поле.

Двор постепенно заполнялся новыми пленными, которых немцы постоянно приводили так же, как ранее привели их отряд. Часам к 11 накопилось человек триста. Среди них выделялся раненый на носилках. Это наверняка был командир, потому что с ранеными рядовыми немцы не церемонились, убивали сразу. Всех легкораненых построили в колонну по шесть человек и погнали куда-то на юго-восток. По дороге Федор удивлялся организации, налаженной во вражеском тылу. На каждом перекрестке стояли вкопанные столбики с дощечками в виде стрел, указывающих направление и расстояние до ближайших населенных пунктов. Вдоль дорог тянулись синие и красные телефонные провода. Возле очередного перекрестка с грунтовой дорогой Худяков прочитал на указателе — «Яготин 12 км», надпись, конечно, была написана по-немецки, но легко читалась. Здесь недалеко в тени деревьев стоял домик, крытый железом, какие-то хозяйственные постройки — к ним пленным и подогнали.

Приехала походная кухня, пленные оживились. В котле оказалась не еда, а почему-то кофе без молока и сахара. Немец-повар наливал каждому в котелок по большому черпаку. Коте-

лок Федора остался в утраченном вещевом мешке, он протянул флягу. Немец косо глянул на него, нацедил, проливая кофе на землю, пол-фляги, после чего грохнул Худякова черпаком по голове. Но Федор ничего не почувствовал, он был в каске.

Федор выпил половину кофе, после чего начал оглядываться по сторонам. Рядом сидел лейтенант медицинских войск, совсем молодой, лет 19-20, видимо, 41-го года выпуска. Прислонившись к нему, сидела девушка в форме, медсестра или санинструктор, на ее непокрытой голове шапкой возвышались густые черные волосы. Один из немецких автоматчиков, которые стояли вокруг пленных через каждые 8-10 метров, вытащил из кармана ручную машинку для стрижки, подошел к ней, похабно улыбаясь, запустил пятерню в волосы, цокая над ними машинкой и делая вид, что сейчас острижет ее налысо. Лейтенант крикнул немцу, чтобы тот прекратил, но в ответ получил удар рукой с машинкой в лицо. Федор, потеряв самообладание, подлетел к немцу, но его остановил чей-то окрик.

К их группе подошел офицер и отчитал рядового прямо перед пленными на немецком языке. Тому ничего не оставалось, как щелкнуть каблуками, взять под козырек и, развернувшись через левое плечо, отправиться на свое место. После этого немецкий офицер обратился к пленным. Пожилой человек с седыми висками и усами, он на чистом русском языке начал задавать стандартные вопросы, из какой они части? Какой армии? Кто командир части? Где находилась часть до отступления? И т. д.

Дошла очередь и Федора отвечать на его вопросы. Когда офицер спросил его, куда же они все-таки шли, он ответил, что на восток, на соединение с неокруженными армиями, которые еще наверняка сражаются где-то в районе Прилук, Лубен или, наконец, Полтавы и Харькова. Тот в ответ только рассмеялся, сказал, что им бы пришлось топтать не менее 200 километров, потому что и Полтава, и Харьков уже в немецких руках, а в ближайшие дни падет и Москва. Пленные посчитали за лучшее не спорить. Офицер еще минут 10 опрашивал, после чего скрылся обратно в домике. Вскоре, оставив здесь раненого, которого они по очереди тащили на носилках, колонна отправилась дальше

в Яготин. При входе в село Федор увидел небольшое немецкое солдатское кладбище с 40–50 березовым крестами, на которых были прибиты дощечки с информацией о погибших. На бугорках лежали стальные каски. Худяков злорадно подумал, что досталось и фрицам. Они часто потом видели такие кладбища, практически возле каждого села, через которые их перегоняли.

Так начался плен. Худяков сидел на земле посреди концентрационного лагеря, который представлял собой наскоро огороженную колючей проволокой территорию на колхозном дворе, и переживал о том, что станет с его Анечкой, Юрасиком. И с ним самим.

25.09.1941, батальонный комиссар 199-го отдельного батальона связи 31-го района авиационного базирования Виктор Дмитриевич Коршенко, 39 лет

На опушке леса между селами Помокли и Соснова им повстречалась группа моряков Пинской военной флотилии, человек 30. Они не собирались, как все, выходить из окружения, а хотели партизанить в приднепровских лесах и плавнях. Гайдару такой подход был по душе. Виктор уже знал, что писатель — комиссованный по здоровью «белобилетник», и что получить звание и должность в армии Гайдару не светит. Он поэтому и не улетел вместе с остальными журналистами «Комсомольской правды», хотя имелась возможность. Аркадий тогда честно признался Виктору: «Стыдно. Улететь было стыдно».

Он начал и Виктора склонять к тому, чтобы тот оставался в тылу у немцев, но Коршенко сослался на то, что не может. Батальон выполнял приказ командования ВВС Юго-Западного фронта выходить из окружения. Значит, надо было расставаться. Попрощались. Вместе с Гайдаром к морякам присоединились еще три бойца из их отряда. Больше никого из них в своей жизни Виктор не встречал.

Историческая справка: Аркадий Петрович Гайдар уже вне пределов Барышевского котла присоединился к группе рядовых и командиров численностью около 70 человек. Командовал группой начальник штаба 36-й иад полковник А.Д. Орлов. Вместе с этими людьми Гайдар смог пробраться в приднепровские леса, растущие в районе Гельмязова, где окруженцы встретились с местным партизанским отрядом. В дальнейшем окруженцы группами по 10–15 человек уходили на восток, но Гайдар остался с партизанами. После предательства зам. командира партизанского отряда прикрывал огнем своего ручного пулемета отход выживших после боя с карателями товарищей. Погиб 26 октября 1941 года на окраине села Лепляво, когда он и еще четыре партизана доставляли продукты из тайника на прежней разгромленной немцами стоянке. Похоронен в Каневе.

25.09.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Весь день вверх по Андреевскому спуску карабкались беженцы с примыкавших к Крещатику улиц. Они тащили на себе собранный на скорую руку скудный скарб. Пожар разгорался с новой силой, горел почтамт, горела противоположная, нечетная сторона Крещатика, пожар начал подниматься вверх по улице Прорезной, перекинулся на параллельную Крещатику улицу Пушкинскую. Беженцы заполнили все скверы и парки, немцы выселили всех жителей с Пушкинской, Прорезной и других прилегающих к Крещатику улиц.

Они никого не пускали туда, где бушевало пламя и суетились солдаты, но слухи доносили новости. Говорили, что оккупанты пытаются тушить пламя, но воды нет, и из-за этого возникают большие сложности. Другие рассказывали, что они протянули пожарный шланг к самому Днепру, но какие-то подпольщики перерезали его в месте, проходившем через густо заросшие Днепровские кручи. Со стороны Крещатика раздавались новые взрывы, немцы подрывали дома на пути пожа-

ра, чтобы остановить его. Ходили слухи, что готовят к подрыву дома № 12 по улице Прорезной и № 7 по Пушкинской.

Историческая справка: Из отчета XXIX армейского корпуса за период с 20 по 30.9.1941:

«24.9.1941 в середине дня на главной улице Киева в здании пункта сбора трофейного имущества произошел сильный взрыв, за которым последовали другие. Вследствие этого было разрушено служебное здание комендатуры города и начался пожар, который, однако, как можно предположить, не будет иметь серьезный характер. Причина не установлена...»

25.9.1941 ...так как пожар, начавшийся недавно у пункта сбора трофейного имущества, распространялся все дальше, он стал угрожать и гостинице, настолько, что штаб корпуса переместился в прежний командный пункт на улице 25-го Октября. Утром 26.9 (около 4:30) эту штаб-квартиру также пришлось освободить, так как пожар разросся еще больше. Несмотря на многочисленные подрывы, произведенные нашими саперами, распространение пожара не удалось остановить, к тому же водокачка может быть запущена только в ближайшие дни. Чтобы взять пожар под контроль, приказано провести массивованные подрывы по периметру всей площади пожара...»

О причинах взрывов ходило множество слухов и легенд. Говорили, что какой-то еврей принес в жандармерию начиненный взрывчаткой приемник. Когда он взорвался, сдетонировали заложенные в домах мины.

Ирина и Таня сегодня целый день вновь переселялись из своего флигеля в большой дом, Ирина только раз выкроила время сбегать на Короленко и посмотреть, что делается. А там произошли новые изменения, новшества теперь врывались в жизнь киевлян каждый день. Весь Киев оклеили плакатами с изображениями Адольфа Гитлера, под которыми стояла подпись на украинском «Гітлер — визволитель». Возле каждого портрета по бокам два красных нацистских флага со свастикой в белом круге.

Вместе с портретами появились воззвания какого-то Степана Бандеры, в которых он обещал скорое создание «Самостійної,

соборної, української держави» и призывал киевлян вступать в партию «ОУН» — «Организация украинских националистов». Заканчивался текст лозунгом: «Твої вороги — Москва, Польща, Жидова. Знищуй їх!»

По городу поползли слухи, что Советский Союз пал из-за раскола в верхах, якобы против Сталина и Кагановича выступили Молотов, Ворошилов и другие. Говорили, и что Сталин застрелился, и что его застрелил Ворошилов, и что Сталин бежал в Вашингтон. Более правдоподобные слухи ходили о судьбе защитников Киева, окруженных на Левобережье возле какого-то населенного пункта со странным названием Борщ. Говорили, что первое кольцо окружения им прорвать удалось, однако немцы устроили ловушку, притворно дали пройти, а потом загнали в новый мешок. Говорили, что дорога от Дарницы на Борисполь и дальше за него километров на сто на восток превратилась в одно сплошное месиво разбомбленной техники и убитых людей. Самое страшное — те, кому удалось выбраться из этого ада, подтверждали правдивость таких слухов. Эти молодые люди, за несколько месяцев ставшие стариками и поседевшие, рыдали, вспоминая пережитое. Всего, по слухам, в мешке погибло 220 тысяч человек, а попало в плен 380 тысяч.

К вечеру, несмотря на усилия немцев, пожар из центра расползся еще дальше по городу. Росла паника, в два часа ночи Леля постучала в окно к Ирине. Кто-то сказал ей, что выселяют всю улицу Короленко и что Андреевский тоже в опасности. Девушки начали быстро собирать в мешки самое необходимое. Всю ночь никто не сомкнул глаз, ждали, что в любой момент придется хватать Шурочку, взваливать на плечи мешки и бежать, куда глаза глядят. Дом переполошился, кто-то из жителей сходил в стоявшую рядом школу № 25, в которой расположились немцы. Те успокаивали, что ничего жильцам дома не угрожает. Но им не поверили. Страсти не утихали, пока не пришло какое-то должностное лицо мужского пола с жовтоблакытної повязкою на рукаве и в приказном порядке не предложило всем идти спать.

Историческая справка: В отместку за подрыв Крецатика немцы расстреляли 400 человек заложников из числа жителей близлежащих

домов. Последующую акцию по уничтожению в Бабьем Яру евреев они также объясняли мстью за подрыв и пожар, хотя в наше время доподлинно известно, что расстрел готовился задолго до этих событий. 7 октября 1941 года под грифом «совершенно секретно» среди немецкого командования был распространен следующий документ:

«Фюрер подтверждает свое решение, что капитуляция Ленинграда или впоследствии Москвы будет отвергнута, даже если ее предложит противник.

Наше нравственное объяснение подобной меры ясно всему миру. В Киеве немецкие войска подверглись огромному риску, столкнувшись с минами с часовым механизмом, и то же самое, даже в большем масштабе, следует ожидать в Москве и Ленинграде. Тот факт, что Ленинград заминирован и будет защищаться до последнего солдата, был объявлен по советскому радио. Остается к тому же и серьезный риск эпидемий.

Поэтому ни один немецкий солдат не должен входить в эти города. Любые попытки покинуть город в направлении наших позиций должны решительно пресекаться. Оставить небольшие, не полностью закрытые проходы, по которым население может отходить в глубь России. Таким же образом поступать и во всех других городах: перед захватом ослаблять артиллерийским огнем и бомбардировкой с воздуха, отход населения поощрять... Довести до сведения всех командующих офицеров, что такова воля фюрера».

26.09.1941, боец истребительного батальона Железнодорожного района Андриан Галябарник, 15 лет

Андриан ждал своей очереди. Ждал напряженно, понимая, что сейчас предстоит пробежка, которая может стать последней в его жизни. Немцы развлекались, пуская пленных по очереди к длинному стометровому бурту сахарного буряка, разрешая им взять только по одному корнеплоду. Если у кого-то из пленных голод брал верх над чувством самосохранения и он хватал

лишний буряк, его тут же пристреливали. Наконец подошла очередь и Андриана. Он побежал вперед, схватил холодный, грязный, весь в земле корнеплод и побежал к группе пленных, которые уже прошли эту унизительную процедуру. Прошло всего пять дней с той ночи, когда они под минометным обстрелом форсировали Трубеж, а сколько всего произошло и как все кардинально изменилось в его судьбе.

После Трубежа остатки их полка отправились вперед. Колонны обстреливали какие-то одиночные снайперы, на нейтрализацию которых в разные стороны отправлялись группы бойцов. Андриан лично участвовал в поимке одного такого стрелка. Тот сидел, замаскировавшись, на дереве, пока его не снял метким выстрелом один из энкавэдистов. Одет фриц оказался в форму красноармейца. Андриан слышал, как пограничники между собой называли стрелка «кукушкой».

К вечеру приблизились к станции Березань, и из ополченцев-комсомольцев, таких же мальчишек, как и Андриан, начали готовить подразделения, чтобы форсировать следующую водную преграду — речку Недра. Всех, кто пытался бежать, расстреливали. Андриан сам видел, как пустили в расход какого-то командира, которого застукали переодевавшимся в гражданскую одежду.

Ночью пошли в атаку, с ходу форсировали речушку, благо в отличие от Трубежа берега у нее были не такими топкими, да и ширина всего метров шесть. Затем последовал страшный ночной бой. Множество комсомольцев заплатили своими жизнями за то, чтобы 37-я армия второй раз взяла Березань. До этого группа, которая выходила из окружения вместе с генералом Власовым, уже отбивала у немцев это местечко.

Утром они двинулись по старому Полтавскому шляху на Яготин. По дороге видели подорванные ополченские бронепоезда, следы недавних боев и множество трупов убитых бойцов. Далеко уйти оказалось не суждено, колонну разбомбили на марше. Андриана вместе с несколькими его товарищами контузило и засыпало землей. Когда они очнулись, те, с кем пришлось прорываться от самого Борисполя, уже давно куда-то

ушли. Позже Андриану рассказали, что их, полумертвых, откопали и оставили отлеживаться во ржи. Дальше ребята пробирались самостоятельно, но... фашисты их нашли и отконвоировали в лагерь под Яготином.

Адриан вспоминал все произошедшее за эти последние дни, грыз жестковатый, но весьма приемлемый после шести дней голодухи буряк и думал о том, как же ему сбежать отсюда.

26.09.1941, рядовой 2-го отдельного пулеметного батальона Федор Федорович Худяков, 36 лет

Первое, что с ними сделали в лагере в Яготине, это забрали шинели. У кого были сапоги, отобрали сапоги, у кого были суконные штаны, куртки, рубашки, сняли их тоже. Надвигались холода, и, похоже, немцам нужна была теплая одежда. В результате значительное количество людей в лагере осталось в одном исподнем. Охранники снизошли к жалобам пленников и «придумали», как помочь. Они сняли одежду с евреев, казахов, узбеков, прочих представителей национальных меньшинств и раздали ее славянам. В результате в лагере образовалась большая группа людей, одетых в одно исподнее. Они сбились в кучу и постоянно жались друг к другу, чтобы хоть как-то согреться.

Время шло, прибывали все новые пленные, процесс их избавления от лишней, с точки зрения немецких извергов, одежды продолжался, поэтому число несчастных, одетых в одни кальсоны и нательные рубахи, росло. Наконец позавчера какой-то надменный немецкий офицер вскарабкался на поленницу, которая находилась во дворе, и заявил, что потерял на территории лагеря свою полевую сумку. Если ее немедленно не вернут, будут расстреляны 100 человек. Естественно, никто никакой сумки не вернул, ее и не могло здесь быть. Тогда немецкий офицер отдал команду, и на территорию за колючую проволоку вбежали тридцать автоматчиков. Кулаками, пинка-

ми и прикладами они отогнали пленных от угла, в котором сгрудились люди в одном исподнем. Этих несчастных вывели наружу, неизвестно, 90, 100 или 120 человек, и куда-то отконвоировали. Больше их никто никогда не видел.

Вчера с восходом солнца всех оставшихся в лагере подняли пинками и криками «Аб!» и погнали дальше на восток, как потом оказалось, в село Сулимовку. Через село их заставили бежать. Голодные, замерзшие, измотанные люди часто падали. Тогда над упавшим возникал автоматчик и громко требовал «Аб!». Если несчастный не вставал, он получал пулю в спину.

За Сулимовкой располагался концентрационный лагерь, добротнo обнесенный колючей проволокой, с пулеметами и пулеметчиками на наставленных по периметру вышках. Возле лагеря в небольшой загородке, также ограниченной столбиками с колючей проволокой и соединенной с территорией лагеря узким проходом, стояло несколько походных кухонь, в которых кипело какое-то варево. Федор решил, что их будут кормить, но еды он в этот день не получил. Немцы запускали пленнх в загородку с кухнями, не соблюдая никакого порядка. Поэтому те, кто был посильней, пробирались к солдатам-раздатчикам с черпаками по два, а то и по три раза за день. Большинство же измотанных пленнх, особенно из новоприбывших, не смогли поестъ ни разу. Возле узкого прохода к вожденной кормежке все время царили столпотворение и давка, слабых просто выкидывали оттуда.

А сегодня повторилась история с немецким офицером. Правда, на этот раз, стоя в сопровождении двух автоматчиков на возвышении перед расстеленным на земле брезентом, он заявил, что пятьдесят человек будут расстреляны, если сейчас же не будут найдены и положены на брезент утерянныe им на территории лагеря часы. У Федора сжалось сердце. Кто же попадет в число этих несчастных? Кого расстреляют на этот раз?

Вдруг из толпы пленнх вышел какой-то паренек с часами в руках и сказал, что, возможно, это те самые часы, которые потерял герр офицер, и положил их на брезент. Немец с любопытством посмотрел на смельчака. Весь лагерь понимал, что он

принес свои часы, пытаюсь таким образом выкупить пятьдесят жизней совсем неизвестных ему людей.

Офицер, ничего не говоря, своей стальной тростью, с которой он не расставался, перевернул часы и сказал только одно слово: «Найн!» Паренек наклонился, чтобы забрать их, но немец перетянул его тростью по спине, от чего гимнастерка и кожа под ней лопнули. Пленный вскрикнул от боли и тут же исчез в толпе. Тогда второй красноармеец вышел вперед с часами в руках. Картина повторилась, только на этот раз никто не пытался забрать часы с брезента. В течение следующих 10-15 минут пленники несли и складывали перед истязателями свои часы. Наконец офицер сказал через переводчика, что его часов среди всего принесенного нет, но что расстрел отменяется, так как он, возможно, найдет себе взамен что-то подходящее.

А вечером похолодало и пошел дождь. Федор, одетый только в простенькие хлопчатобумажные гимнастерку и штаны, лежал на голой земле, дрожа от холода, прижимаясь теснее к таким же, как он, своим полураздетым и замерзающим товарищам по несчастью. Ему оставалось быть в плену еще 26 дней.

26.09.1941, начальник чугунолитейного цеха завода «Большевик» Виктор Игнатьевич Хохлов, 29 лет

Нужно было уходить. Продолжать жить дальше по старому адресу на Брест-Литовском, 43, где они еще в 1937 году получили жилье, было опасно. Могли задать вопрос, почему у него, человека, исключенного из партии, не отобрали квартиру. Не дай бог, еще всплывет, что Александра служила в НКВД... Что-то с ней сейчас? Виктор до последнего оставался дома, надеясь, что, если ей не удалось вырваться из окружения, она придет сюда. Но прошла уже неделя, как Киев сдали врагу, и Хохлов наконец решил перебираться на конспиративную квартиру.

Он уже спустился вниз и собирался уходить, когда его окликнул знакомый голос. Он быстро обернулся. Возле парадного стояли две девушки в изношенной военной форме — его сестренка Саша и ее подруга Устина Пашенко.

Следующие несколько часов девушки отмывались, хлюпая водой в тазаках (водокачку немцы пока не починили), причесывались. А затем они, плача и глотая слезы, рассказывали, как в первый же день отступления отстали от своих, как в районе Березани пережили страшный ночной бой, как попали в плен. Как немцы повсюду пытали и мучили людей, особенно если те были евреями или цыганами. Их с Устиной в Яготине загнали на территорию бывшей фермы, которую еще не успели даже обнести колючей проволокой. Вокруг толпились местные жители, они надеялись найти и вытащить оттуда родных или знакомых. Люди напирали на охранников, те отталкивали их автоматами, иногда опуская их приклады на спины и головы самых напористых. Девушки заметили какую-то женщину с ребенком на руках и к ней, незнакомой, обратились с просьбой помочь им бежать. И та согласилась. Она быстро подошла к ним и передала своего ребенка Саше. Та взяла его на руки и так, незамеченная, просто ушла. Таким же образом через несколько минут спаслась и Устина.

Виктор успокаивал их, как мог. Уже под утро он постелил им, и они обе с наслаждением впервые за множество дней растянулись на чистых простынях. А ему надо было на конспиративную квартиру, предстояло много дел. Утром Хохлов ушел.

26.09.1941, младший врач отдельного полка связи 37-й армии, военврач 3-го ранга Агнесса Павловна Подмазенко, 24 года

Немцы начали обстрел островка. Он был крошечный, а скопилось здесь то ли тысяча, то ли полторы людей. Аля нешуточно испугалась, когда невдалеке разорвался какой-то снаряд, Ан-

дрюша сказал, что это была минометная мина. Они уже неделю ехали из Киева на машине позади наступавших войск, и всю эту неделю колонна штаба 37-й армии не испытывала особых сложностей. Все было более-менее хорошо. Но сегодня, когда они приехали в Семеновку, то впервые попали под обстрел, который до смерти перепугал ее, и тогда Андриюша признался, что они давно находятся в окружении и что войска сегодня не могли пробиться через вражеские заслоны.

Новая мина разорвалась неподалеку, внутри ее шевельнулся ребенок, наверное, тоже испугался. Наконец обстрел прекратился, и Андриюша громким голосом созвал к себе своих генералов и командиров. Чтобы все слышали, он так громко говорил, что Але тоже было прекрасно слышно. Он приказал разбиться и выходить дальше из окружения малыми группами. Машины и прочий транспорт — уничтожить. Всем вместе — не вырваться.

Вскоре их небольшая группа человек в тридцать направилась в лесок, расположенный с другой стороны Семеновки, а уже глубокой ночью, когда совсем стемнело, они перебежали через обстреливавшееся немцами поле в большой соседний лес. Андриюша все время был рядом с Алей, от чего ей казалось, что не так уж и страшны эти немцы.

Они познакомились во Львове. Ее только в июне выпустили с военного факультета 1-го Харьковского медицинского института и распределили в 4-й механизированный корпус. Здесь-то она и познакомилась с генералом Власовым, со своим Андриюшей. Он пылко в нее влюбился. То, что у нее есть сын Юрик, которого женщина родила в девятнадцать лет, его не остановило. Вскоре они узаконили свои отношения (так сказал Андриюша) и смогли спокойно наслаждаться своим счастьем... пока не пришлось оставлять Киев.

Стало светлеть, и Аля рассмотрела наконец спутников. Кроме Андриюши, ей был знаком политрук из политотдела армии, его звали Женя... Женя Свердличенко. Еще она узнала одного майора, он занимал должность начальника разведки 37-й армии. Остальные 10-15 человек, которые остались с ними к утру,

оказались незнакомцами. Власов тихим голосом, чтобы не услышали немцы, созвал всех и сказал, что надо двигаться дальше, пока не стало совсем светло. Им всем лучше выходить из окружения в темное время суток, так больше шансов. Все поднялись и двинулись на восток.

Историческая справка: Из окружения генерал-майор А.А. Власов вышел со своей беременной любовницей, которой смог внушить, что она является его законной женой, а также старшим политруком Евгением Афанасьевичем Свердличенко и каким-то бывшим работником склада 37-й армии 1 ноября 1941 года в районе Курска. Основная группа во главе с начальником разведки 37-й армии отделилась от Власова в первых числах октября. А.П. Подмазенко была демобилизована из армии 27.01.1942 года по беременности. Письма ей домой генерал Власов писал одновременно с письмами законной жене Анне Михайловне Власовой. 11 июля 1942 года он попал в плен к немцам вместе со своей новой любовницей Вороновой Марией Игнатьевной, они выходили из окружения вдвоем. Уже в сентябре 1942 года согласился на сотрудничество с немцами. 27 декабря 1942 года он и бывший командующий 41-й стрелковой дивизией полковник В.Г. Баерский стали авторами «Смоленской декларации», в которой предложили немецкому командованию организовать РОА. Повешен вместе с группой своих последователей 1 августа 1946 года.

26.09.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет

Утром пришла женщина, освобожденная из концлагеря в Броварах, и принесла записку от Степана, который находился там. Он не ел неделю и просил помощи, Ирина и Татьяна тут же засобирались в дорогу.

По всему Киеву тысячи женщин с узелками в руках вереницами спешили к Днепру, чтобы, договорившись с перевозчиками об оплате продуктами или советскими деньгами, которые пока еще ходили, переправиться на левый берег. Там в

Дарнице и Броварах в огромных, организованных на скорую руку лагерях немцы содержали десятки тысяч недавних защитников Киева.

Возле пристаней была давка, драки и ругань. Женщины набивались в лодки битком, и они, чудом не переворачиваясь, с трудом ползли по водной глади. На той стороне женщины одним сплошным потоком, длина которого достигала 18 километров, тянулись к лагерю.

Недалеко от Броваров на обочине дороги девушкам встретила партия наших пленных, охраняемая несколькими конвоирами. Измученных, посеревших от пыли бойцов в полинялых, разорванных гимнастерках здесь были тысячи. Они обреченно сидели на пыльной земле и просили еды. Охранники безжалостно избивали женщин, пытавшихся прорваться к пленным, пускали в ход приклады. Но нет-нет какой-нибудь сердобольной киевлянке удавалось сунуть кому-то из несчастных краюху хлеба или яблоко. Все это сопровождалось плачем, криками, стонами и колючими окриками на немецком языке. Было такое ощущение, словно ад с картин Иеронима Босха спустился на украинскую землю.

По мере приближения к лагерю женщин становилось все больше. Вдоль дороги протянулся высокий бугор, на котором они толпились особенно густо. Время от времени какая-то из женщин замечала в толпе оборванных солдат своего мужа или сына и с криком бросалась к нему. Бывало, немец-охранник бил ее, не давая приблизиться к родному человеку, а бывало, давал поговорить. От какого-то немца, стоящего тут же, женщины узнали, что комсостав гонят позади, и Таня с Ириной остались ждать в общей толпе. Они стояли и высматривали Степана, а пленные все шли, шли, шли. Какие-то женщины, которые постоянно считали проходивших мимо красноармейцев, сказали, что их уже с утра прогнали около 35 тысяч.

Где-то через час с лишним появилась колонна комсостава. Татьяна привставала на цыпочки, чтобы лучше рассмотреть проходивших мимо грязных, изможденных, оборванных мужчин, и вдруг, охнув, бросилась с бугра вниз. В толпе, высоко

задрав голову, нелепо сидящую на худой шее с выпиравшим кадыком, шел Степан. Он постоянно озирался по сторонам и тоже заметил Таню и ее сестру. Ирина бросилась вслед за Татьяной. Им повезло, к Степану удалось подойти и передать сумку с продуктами. Он жадно набросился на еду. Постоянно жуя, ему удалось сообщить, что пленные не ели девять дней. Заросший, с ввалившимися глазами, воняющий козлом, он просил выручить его. Украинцев немцы из плена отпускали в случае, если родные предоставляли поручительства пятнадцати человек.

На обратном пути девушки увидели отдельную группу пленных, одетых в одно исподнее. Конвоиры не давали ни приближаться к ним, ни кормить. Один из пленных громко просил пить, потом не выдержал и побежал. Его пристрелили тут же, оставив лежать в пыли и не давая убрать, в назидание остальным, обреченно продолжавшим брести мимо.

Через Русановский залив на Долобецкий остров девушки перебрались относительно быстро, однако, когда они подошли к протоке Старик, солнце уже опускалось за горизонт. И никаких перевозчиков видно не было. Сверху над пылающим городом нависло багровое, страшное солнце. Оно, кажется, с жестоким любопытством наблюдало, как пятнадцать женщин метались вдоль воды по мокрому песку и обреченно звали перевозчиков. Когда они уже совсем смирились с мыслью, что придется ночевать здесь под открытым небом среди зарослей лозы, замерзая от промозглого сентябрьского холода, случилось чудо. К ним подплыл парнишка на небольшой лодчонке. Завязалась драка за право усесться первыми, но в конце концов женщины погрузились все, отчего вода плескалась едва ли на сантиметр ниже планширя. Тем не менее каким-то чудом лодочка переплыла Старик, измученные путешественницы оказались на Трухановом острове. Когда они пересекли его и подошли к самому руслу Днепра, солнце полностью спряталось за горизонт, и теперь реку освещало только зарево пожара. Казалось, что город полыхал весь, от Подола и до Лавры. Временами инфернальная тишина нарушалась гулким взрывом,

и тогда высоко в небо устремлялись мириады искр, а затем снова все успокаивалось.

Женщины побрели вдоль берега в поисках ночлега. Вскоре они вышли на городской пляж, оборудованный еще весной, со всеми его грибочками, соляриумом и рестораном. Пляжный сторож рассказал, что переправы давно нет, так как в город, в связи с введением комендантского часа, после восьми ехать не стоит — могут арестовать, а то и убить. Он также поделился, как вчера и сегодня наблюдал массовое переселение жителей центральных киевских улиц на поросшие лесом днепровские кручи, где они вместе с детьми и узлами спасались от пожара. По совету сторожа женщины пошли ночевать в ресторан. Здесь они сдвинули столы, еще пахнущие пролитым на них летом лимонадом и оттого немного липкие, улеглись, тесно прижавшись друг к другу. Провизию они всю раздали пленным, только у Ани, Таниной подруги, которую встретили по дороге от Бровар к Днепру, оказался с собой кусок сахара. У сторожа женщины купили минеральной воды «Миррад», вот и весь ужин на сегодня.

Историческая справка: «Миррад» — Миргородский район. Минеральная вода, которая имеет очень старую, еще дореволюционную историю. В некоторых селах и поселках Полтавской области до сих пор минеральную воду часто называют «миррадом» (как многие в странах бывшего СССР подгузники называют «памперсами», а копиры — «ксероксами»). Сегодня эта минеральная вода больше известна под торговой маркой «Миргородская».

Всю ночь перепуганные женщины не могли уснуть. Они жались друг к другу, пытаясь согреться, но это у них не получалось. Особенно холодно стало под утро. Иногда от взрывов начинала трястись земля, и вместе с ней трясся ресторан. Так они проведут всю ночь и утром с первыми перевозчиками попадут в Киев. Там разнесут по адресам 16 записок из 18, которые передали им в лагере пленные киевляне. Еще две найдут своих адресатов в этот же день, и еще до вечера Ирина и ее сестра Татьяна увидят страшные объявления, требующие: «Все жиды города Киева и его окрестностей должны явиться в понедель-

ник, 29 сентября 1941 года, к 8 часам утра на угол Мельниковой и Доктеривской улиц (возле кладбища). Взять с собой документы, деньги и ценные вещи, а также теплую одежду, белье и пр. Кто из жидов не выполнит этого распоряжения и будет найден в другом месте, будет расстрелян. Кто из граждан проникнет в оставленные жидами квартиры и присвоит себе вещи, будет расстрелян».

О том, что произойдет потом, киевляне узнают через много дней. Немногие выжившие и выскользнувшие из Бабьего Яра поведают миру страшную историю, как в один день изверги в человечесем обличье уничтожили 33 771 человека, не считая детей до трех лет, которых в списки не внесли, пуль на них не тратили, а закопали живьем. Уничтожили только за то, что в их паспортах в графе «национальность» было написано «еврей».

Потом все время долгой, невероятно долгой оккупации там же, помимо евреев, которые не попали в сети айнзацгруппы «Ц» 29 сентября 1941 года, будут расстреливаться евреи, выданные «сознательными» гражданами, заложники из числа этих самых граждан, коммунисты, подпольщики, пленные советские командиры, заключенные Сырецкого концентрационного лагеря и десятки (а может, и сотни, никто точно не знает) тысяч других людей. Там сгинет и сестра Ирины Таня вместе со своей дочкой Шурочкой и мужем Степаном. Их убьют, потому что гестапо донесут, что Степан — подпольщик. Сама Ирина чудом избежит смерти. Но все это ждет девушек в будущем. Голод, страх, отчаяние... все это — после. А пока они лежат на липких от засохшего лимонада столах пляжного ресторана на Трухановом острове и пытаются согреться, дрожа от холода и страха.

Судьбы героев

Арефьев Константин Артемьевич, начальник штаба и разведки ополченского бронепоезда «литер А» — пережил войну. Из окружения не вышел, при том что значительное число членов экипажей ополченских бронепоездов смогло выйти к своим. Константин Артемьевич уже в конце 1941 года работал дежурным по вокзалу на станции Белокоровичи, где вел агитационную работу среди словацких солдат, охранявших станцию, организовывал диверсионные группы. В ноябре 1942 года привел в партизанский отряд семь словацких солдат с двумя пулеметами и пятью винтовками. С февраля 1943 года командир отряда «За Победу». Под его командованием отряд пустил под откос 25 эшелонов, взорвал 24 моста, разгромил 8 вражеских гарнизонов, уничтожив при этом около 1600 солдат и офицеров. В конце 1943 года получил тяжелое ранение и был вывезен на большую землю. 2 мая 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза. Умер 8 марта 1948 года.

Белоконев Евгений Федорович, военный комиссар, представитель Военного Совета Юго-Западного фронта на киевских переправах — войну закончил в звании подполковника в Берлине. Участвовал в обороне Сталинграда — два месяца замещал погибшего командира батальона. Дожил до преклонных лет.

Борман Александр Владимирович, полковник, командующий 36-й иад — закончил войну в звании генерал-майора на должности заместителя командующего 5-й воздушной армией. Дожил до преклонных лет.

Безверхий Никифор Иванович, рядовой 1-го стрелкового батальона 1045-го стрелкового полка 284-й стрелковой

дивизии — пережил войну. Раненого, его успели эвакуировать из Киева до того, как город попал в кольцо окружения. Уже в 1942 году он был признан негодным к строевой службе и его комиссовали. До выхода на пенсию работал в сельхозотделе Совмина УССР. Кроме медалей за «Оборону Киева», «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и юбилейных медалей других наград не имел. Дожил до преклонных лет.

Векслер Марсен Михайлович, комиссар роты Комсомольского полка — пережил войну. После ранения был эвакуирован, попал на Тихоокеанский, а затем на Черноморский флот. Его семью — мать, отца, брата и сестру, скорее всего, расстреляли в Бабьем Яру. Автор будет крайне признателен, если кто-то сможет ему сообщить о послевоенной судьбе этого человека. Единственное, что известно, — что возлюбленная Вера Векслера не дождалась.

Галябарник Адриан Прокопьевич, рядовой ополченец Комсомольского полка — пережил войну. После бегства из плена стал связным в одной из групп киевского подполья. После освобождения Киева был призван в армию. Его отправили в артиллерийское училище. Победу встретил на Дальнем Востоке под городом Уссурийск (тогда — Ворошилов), где он служил в пехотном полку артиллеристом. Участвовал в войне с Японией. В мирное время дослужился до звания генерал-майора гражданской авиации. Всю послевоенную жизнь занимался поиском выживших киевских ополченцев и воспитанием подрастающего поколения. Дожил до преклонных лет.

Головкин Дмитрий Иванович, лейтенант, командир саперной роты 1047-го стрелкового полка 284-й стрелковой дивизии — пережил войну. За описанный подрыв вражеского блокгауза и за бой от 15.08.1942 года, в котором получил тяжелое ранение в грудь, 04.03.1945 г. был награжден орденом Красной Звезды. Других боевых наград не получил. Послевоенная судьба автору неизвестна.

Горшков Сергей Ильич, полковник, командир 206-й стрелковой дивизии — пережил войну. Вместе с ди-

визией попал в окружение, получил тяжелое ранение, но бойцы его вынесли. После выздоровления получил под начало 15-й казачью кавалерийскую дивизию. Войну закончил на должности командующего 5-м гвардейским Донским казачьим кавалерийским корпусом в звании генерал-лейтенанта. С ноября 1946 года комиссован по болезни. Дожил до преклонных лет.

Дюков Константин Дмитриевич, батальонный комиссар, военком дивизиона сторожевых кораблей Пинской военной флотилии — пережил войну. В лагере моряки его не выдали, Дюкову удалось скрыть, что он большевик и комиссар. Как украинца, немцы со временем отпустили Константина Дмитриевича, и он осел в селе Тютюнники Житомирской области. Вошел в подпольную тройку, занимавшуюся обеспечением партизан людьми, оружием и продовольствием. Затем стал комиссаром партизанского отряда им. Кутузова. Послевоенная судьба автору неизвестна.

Евдокимов Илларион Федорович, полковой комиссар, военком КиУРа — пережил войну. При выходе из окружения 20 сентября 1941 года в селе Войтовцы получил тяжелое ранение в левую руку. Его подобрала колхозница и вылечила. Участвовал в подполье, потом пробрался к фронту. Наши войска встретил 11 января 1943 года в Кисловодске. Прошел спецпроверку НКВД, после чего продолжил службу в Красной Армии до 20 мая 1947 года, когда его уволили в запас. Все последующее время занимался поисками защитников Киева, выяснением их судеб, написанием книг о них и организацией поисковой работы. Дожил до преклонных лет.

Зеленцов Виктор Владимирович, Герой Советского Союза, полковник, командующий 36-й иад — пережил войну. Вылетел из киевского котла на своем истребителе. Командовал различными соединениями ПВО. Войну закончил в должности командующего 125-й иад ПВО. За время войны совершил 19 боевых вылетов на истребителях Як-9 и Ла-5 на патрулирование и разведку войск противника. Дожил до преклонных лет.

Козаков Абрам Наумович, кинооператор Центральной студии документальных фильмов — пережил войну. Успел эвакуироваться из Киева. Был фронтовым кинооператором. В 1943 году потерял часть ступни правой ноги и по колено левую. Дожил до преклонных лет.

Квартич Александр Иванович, старший сержант, пулеметчик 28-го отдельного пулеметного батальона — пережил войну. Прошел плен, был освобожден нашими войсками в 1945 году. Очистку проходил в лагере НКВД в Минске, из которого каким-то образом без документов смог выйти на свободу. Женился на местной жительнице и осел в Минске, несмотря на то что до войны был женат и от первого брака у него было двое детей. Дожил до преклонных лет. Во втором браке появилось еще двое детей, которые о наличии близких родственников на Украине узнали только после смерти отца. Кроме него из гарнизона ДОТа № 205 выжили красноармеец Адам Пиусович Красовский и сержант Иван Павлович Музыченко.

Кипаренко Иван Евсеевич, капитан, командир 28-го отдельного пулеметного батальона — пережил войну. В Барышевском котле попал в плен, успев закопать партбилет. После череды пересыльных лагерей очутился во Владимиро-Волыньском концентрационном лагере, более известном как Oflag XI-A. Туда попало значительное количество командиров из Уманского и Киевского котлов. За одну зиму 1941/42 годов из 8 тысяч заключенных к весне осталось едва ли 3500 человек. Остальные умерли от голода и холода или были расстреляны. Ивану Евсеевичу удалось выжить. Летом 1942 года он попал в Германию, в лагерь г. Хаммельбург, где познакомился с генералом Дмитрием Михайловичем Карбышевым. Затем работал у немцев на небольшом предприятии, производившем котлы. Из плена освобожден 01.05.1945 американскими войсками. Прошел через лагеря проверки НКВД и запасной полк Красной Армии, после чего в связи с утратой партбилета был понижен в звании до младшего лейтенанта. Уволен в запас в декабре 1945 года. Дожил до преклонных лет.

Колыбин Сергей Иванович, лейтенант, командир звена 74-го штурмового авиационного полка 16-й авиационной дивизии — пережил войну. Прошел плен. После освобождения был восстановлен в звании и продолжил службу. За свой подвиг в 1965 году был награжден орденом Ленина. Дожил до преклонных лет.

Коршенко Виктор Дмитриевич — батальонный комиссар 199-го отдельного батальона связи 31-го района авиационного базирования — войну закончил в звании гв. майора. Дожил до преклонных лет.

Красовский Адам Пиусович, красноармеец, пулеметчик 28-го отдельного пулеметного батальона — пережил войну. После окончания войны поселился в Черновцах. Подробности послевоенной жизни автору неизвестны. Дожил до преклонных лет.

Мажирин Федор Максимович, полковник, командир 4-й дивизии войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений — пережил войну. Сумел вывести остатки 4-й дивизии НКВД из окружения. 29 октября 1943 года получил звание генерал-майора. Дожил до преклонных лет.

Минакер Михаил Семенович, старший лейтенант, заместитель командира 1-го батальона 5-й воздушно-десантной бригады — пережил войну. Служил в 5-й вдбр, которая потом сменила название на 13-ю гв. дивизию, под которым и прославилась в сражении за Сталинград. Участвовал в боях под Конотопом (вместе с бригадой прорывался из окружения), под Харьковом, Тимом, в Сталинграде, форсировал Днепр. Войну закончил в Праге. Четыре раза ранен, из которых два — тяжело. Дожил до преклонных лет.

Надысев Георгий Семенович, полковник, начальник разведывательного отдела артиллерии штаба Юго-Западного фронта — пережил войну. Дослужился до звания генерал-лейтенанта и послевоенной должности начальника артиллерии Киевского военного округа. Дожил до преклонных лет.

Односум Константин Иванович, лейтенант, командир огневого взвода 344-го артиллерийского гаубичного полка

147-й стрелковой дивизии — пережил войну. Прошел немецкий плен. Дожил до преклонных лет.

Панов Дмитрий Пантелеевич, старший политрук, военком 3-й (затем 2-й) эскадрильи 43-го истребительного авиационного полка — пережил войну. Май 1945 года встретил гвардии подполковником, в должности заместителя командира полка по политической части. Всего сбил 13 самолетов противника. Дожил до преклонных лет.

Подмазенко Агнесса Павловна, военврач 3-го ранга, младший врач отдельного полка связи 37-й армии — пережила войну. От генерала Власова в эвакуации в Саратове родила сына Андрея. В 1943 году была арестована, и хоть и не являлась законной женой предателя, отсидела в лагерях пять лет (законная жена тоже их отсидела). После жила и работала доктором в Брестском областном кожно-венерологическом диспансере. Реабилитирована в 1989 году. Дожила до преклонных лет.

Покотило Владимир Николаевич, ополченец — пережил войну. Сражался в Сталинграде, в районе Старой Русы, на Курской дуге, освобождал Белгород и Харьков, родной Киев, Львов. В качестве командира пулеметного взвода сражался на Сандомирском плацдарме. С боями прошел через всю Польшу и Восточную Германию. Войну закончил инвалидом II группы. После войны работал экономистом Министерства образования УССР. Дожил до преклонных лет.

Родимцев Александр Ильич, Герой Советского Союза, полковник, командир 5-й воздушно-десантной бригады — пережил войну. 5-я вдбр была отведена в район Конотопа, где понесла тяжелые потери в боях с частями 2-й танковой группы Гудериана, но смогла уцелеть и выйти из окружения. 6 ноября 1941 года управление 5-й вдбр было развернуто в управление 87-й стрелковой дивизии (сд), созданной на базе войск 3-го воздушно-десантного корпуса. 19 января 1942 года она была переименована в 13-ю гвардейскую сд. Именно под этим названием дивизия прославилась в боях за Сталинград. С 1943 года генерал-майор Родимцев командует 32-м гвардейским стрелковым

корпусом, с которым дошел до Праги. 17 января 1944 года ему присвоили звание генерал-лейтенанта, 2 июня 1945 года — за успешное форсирование Одера вторично наградили званием Героя Советского Союза. Первую награду он получил за Испанию. Дожил до преклонных лет.

Рябокоть Николай Андреевич, командир 1-й бронеплощадки ополченного бронепоезда «литер Б» — пережил войну. Участвовал в Киевском подполье. Дожил до преклонных лет.

Сапиго Сергей Терентьевич — после выздоровления 15 октября 1941 года бежал из лагеря. По предварительному уговору с другими беглецами пробирался на встречу с ними в Ново-Басанский лес, но там накануне партизанами был разгромлен какой-то немецкий штаб, и беглецам пришлось принять участие в боевых действиях. Сапиго был повторно ранен, на этот раз в ногу. Просил застрелить его рядового 187-й дивизии, бежавшего вместе с ним, по фамилии Страшко, но тот смелодушничал и не застрелил, бросив капитана одного. Сергей самостоятельно добрался до села Малый Круполь, лечился в подпольном госпитале, организованном здесь также застрявшим в окружении военным хирургом Северьяном Павловичем Белкания. Вскоре немцы перевели того в Киев, и он помог устроиться Сапиго в один из киевских госпиталей по подложным документам. После выздоровления Сергей отправился в оккупированную Полтаву к отцу, где вскоре присоединился к группе подпольщиков. Вместе с другими подпольщиками расстрелян оккупантами в Полтаве за городским кладбищем 26 мая 1942 года.

Строкач Тимофей Амвросиевич, полковник, заместитель наркома внутренних дел УССР — пережил войну. После выхода из Киевского котла участвовал в обороне Москвы. 30 мая 1942 года возглавил Украинский штаб партизанского движения. После войны в 1945–1946 годах был заместителем, а с января 1946-го — наркомом/министром внутренних дел УССР. Непосредственно руководил операциями против формирования ОУН УПА. После смерти Сталина Л.П. Берия понизил его до начальника управления МВД СССР по Львовской области,

однако после ареста и убийства Л.П. Берии Строкача восстановили в должности. В 1956 году его назначили заместителем министра внутренних дел СССР, но уже 30 марта 1957 года уволили в отставку по болезни. Причиной тому, скорее всего, была его осведомленность о степени участия Никиты Сергеевича Хрущева в довоенных репрессиях на Украине. Умер и похоронен в Киеве в 1963 году в возрасте 60 лет.

Танана Петр Федорович, старший краснофлотец, 1-й наводчик кормового орудия канонерской лодки «Верный» — смог сбежать из Сырецкого концентрационного лагеря, находившегося на улице Керосинной, и с большими трудностями пробрался в родной Канев. После полного выздоровления ушел к партизанам в Таганчанский лес, в отряд Федора Еременко. После освобождения Канева в 1943 году был призван в армию, войну окончил под Львовом в составе 177-й авиабазы. Дожил до преклонных лет.

Хохлов Виктор Игнатьевич — был заместителем секретаря основного подпольного горкома партии. Остался работать на заводе «Большевик», руководил оставленной здесь группой подпольщиков. Жил по адресу ул. 1-я Дачная (Воровского), 3/5, кв. 22. В основном группа занималась организацией на заводе диверсий и саботажем работ. Так, в феврале 1942 года были перерублены подземные силовые кабели и на месяц выведена из строя система подачи сжатого воздуха. Также распространялись листовки, содержащие последние сводки Совинформбюро, собиралась и передавалась в центр разведывательная информация. Созданная по инициативе Хохлова группа в ноябре 1941 года уничтожила известного националиста, сотрудничавшего с гитлеровцами, — профессора Д.Н. Ревуцкого. В марте 1942 года Виктор Игнатьевич умер от тяжелой болезни. Тело подпольщики тайно похоронили на Лукьяновском кладбище. Посмертно награжден орденом Ленина. Заводская подпольная группа была разгромлена в июне того же года по доносу предателя. Александру Хохлову, сестру Виктора, арестовало Гестапо. Дальнейшая ее судьба неизвестна. Посмертный кенотаф установлен рядом с могилой брата.

Хорошунова Ирина Александровна, библиотекарь, художник — пережила войну. Всю ее семью: сестру Татьяну Александровну Катериненко, ее мужа Степана Ивановича Катериненко, 3-летнюю племянницу Шурочку и тетю Ольгу Александровну из-за связи Степана с подпольем арестовали, после чего они навсегда исчезли в застенках киевского Гестапо. Их выдала любовница Степана. Сама Ирина чудом избежала ареста, но жить после ухода немцев в своей квартире в доме 34 на Андреевском спуске больше не смогла. Она переехала на улицу Саксаганского к своей подруге Анисье Шреер-Ткаченко (Нюсе) и жила там до самой смерти. Свою семью ей завести так и не удалось. Дожила до преклонных лет.

Хрущев Никита Сергеевич, член Военных советов ЮЗФ и ЮЗН — пережил войну. После смерти И.В. Сталина и убийства Л.П. Берии стал Генеральным секретарем СССР. Дожил до преклонных лет.

Щегоцкий Константин Васильевич, нападающий и капитан футбольной команды «Динамо» (Киев) — пережил войну. Смог выбраться из окружения, преодолев пешком за 67 дней расстояние в 1000 километров от Киева до Ростова-на-Дону. Из окружения он вынес привинченный к трусам орден «Знак почета», полученный в 1937 году за вклад в развитие советского спорта. Константин Васильевич является первым орденоносцем в истории киевского «Динамо». Павла Агеева, рядового, которого он и его друг Исаак Ячменников встретили при выходе из окружения, пришлось спрятать, не доходя буквально нескольких десятков километров до линии фронта, у местного населения — тот обморозил ноги. Дальнейшая судьба рядового Агеева автору неизвестна. После войны Константин Васильевич тренировал различные команды, но особо удачной тренерской карьеры не сделал. Дожил до преклонных лет.

Источники

- Исаченко С.М. Записки военного корреспондента // Издание: Исаченко С.М. Где-то в Курляндии. М.: ДОСААФ, 1977.
- Гайдар А.П. Собрание сочинений в 4 тт. М.: Детская литература, 1972.
- 1941. Оборона Киева. Кн. 1. — Киев: Архив-Пресс, 2002.
- «Київ у дні нацистської навали», за документами радянських спецслужб, до 60-річчя визволення України від гітлерівських загарбників. Науково-документальне видання. Упоряд.: Т.В. Вронська, А.В. Кентій, С.А. Кокін та ін.; Національна академія наук України. Інститут історії України, Київська міська державна адміністрація, Державний архів Служби безпеки України. Київ-Львів, 2003.
- Державний архів служби безпеки України. Ф. 16. Оп. 34 (1951). — Спр. 5 — Арк. 72-82, 120-124.
- <http://iremember.ru>.
- Н.С. Хрущев. Время. Люди. Власть. (Воспоминания). М.: Информационно-издательская компания «Московские Новости», 1999.
- Отпечатки большой войны («Газета 2000», Украина).
- Верховный жрец «бога войны» («Time», США).
- <http://pomnipro.ru>.
- Хазанов Д.Б. Битва за небо. 1941. От Днепра до Финского залива. М.: Яуза, Эксмо, 2007.
- Сухачев М.П. Небо для смелых (Повесть о Птухине). (Сер. Стрела). М.: Молодая гвардия, 1979.
- Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2 тт. М.: Олма-Пресс, 2002.

- Есин Борис Михайлович. «Исторический очерк боевого пути 43 истребительного авиационного полка», <http://letun.su/publication/yesin.html>
- Г.Н. Лебедь, Е.М. Скляренко, Д.Г. Соловьев. «Люди и годы завода “Большевик” 1882-1982». Киев, Техніка, 1982.
- Лето 1941. Украина: документы и материалы. Хроника событий. Сборник, сост. В. Замлинский. К.: Украина, 1991.
- Российский государственный военный архив. Ф. 9. Оп. 39. Д. 98. Л. 234-235.
- Российский государственный военный архив. Ф. 9. Оп. 39. Д. 99. Л. 158-159. По Мельтюхову, Ил-4.
- ЦАМО, ф. 229, оп. 181, д. 19, л. 1.
- Архив Президента Российской Федерации. Фонд № 3. Опись № 24. Дело № 378. Лл. 196-211.
- М.И. Мельтюхов. Начальный период войны в документах военной контрразведки (22 июня — 9 июля 1941 г.). Сборник. Трагедия 1941-го. Причины катастрофы. М.: Яуза; Эксмо, 2008 (донесение о действиях 36-й иад 22-24 июня и 25 июня).
- РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 652. Л. 149 (о сбежавшем директоре завода № 43 — доклад военпреда).
- Муратов Виктор Владимирович, Городецкая (Лукина) Юлия Михайловна. «Командарм Лукин». М.: Воениздат, 1990.
- ЦАМО РФ, ф. 38 (Главное автобронетанковое управление), оп. 11360 (отдел изучения опыта войны), д. 2 (Доклады, описания, донесения фронтов, соединений и частей о боевых действиях и использовании АБТВ в июне-августе 1941 г.), лл. 329-343. Приводится по: «Все укрепрайоны и оборонительные линии Второй Мировой». Валентин Рунов.
- Исаев А.В. От Дубно до Ростова. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004.
- История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. Том второй. Воениздат. МО СССР. М., 1961.
- Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. М., 1995.
- Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 209 (телеграммы Сталин — Хрущев 10-12.07.1941).

● А.А. Крупенников. «В первых боях». Сборник статей и очерков о начальном периоде Великой Отечественной войны. Красногорск, 1998 (Рава-Русский УР).

● Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. М.: Воениздат, 1968–1971.

● Долматовский Евгений Аронович. Зеленая брама: Документальная легенда об одном из первых сражений Великой Отечественной войны / Е.А. Долматовский. М.: Издательство политической литературы, 1989.

● Каталог выставки «Преступления вермахта», Гамбург, 2002, с. 163, со ссылкой на ВА/МА, RH 24-29/77. Перевод — Sprachführer.

● Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М.: ТЕРРА, 1998.

● Ф. 229, оп. 9776с, д. 75, лл. 33–38. Незаверенная машинописная копия (Доклад штаба Юго-Западного фронта начальнику штаба главного командования Юго-Западного направления о состоянии охраны и обороны переправ через р. Днепр на 20 июля 1941 г.).

● Hitlers Weisungen für die Kriegsführung 1939–1945. München: DTV 1962, S. 172.

● Архив МО СССР, ф. 69, оп. 47811, д. 5, л. 16. по Анфилов В.А. Начало Великой Отечественной войны (22 июня — середина июля 1941 года). Военно-исторический очерк. М.: Воениздат, 1962 (переброска взрывчатки в Киев).

● Сводка № 45 от: 04.08.1941. Издан: Управление войск ПВО Юго-Западного фронта; майор Пеньковский / Архив: ЦАМО, фонд: 229, описание: 161, ед. хранения: 97, № записи: 60247443.

● Сводка № 46 от: 05.08.1941. Издан: Управление войск ПВО Юго-Западного фронта; майор Пеньковский / Архив: ЦАМО, фонд: 229, описание: 161, ед. хранения: 97, № записи: 60247445.

● Гайдар Т.А. Голиков Аркадий из Арзамаса. Документы. Воспоминания. Размышления. М.: Политиздат, 1988.

● Ортенберг Д.И. Июнь — декабрь сорок первого. М.: Советский писатель, 1984.

- Полторацкий, Виктор Васильевич. Солдатскими дорогами: Невыдуманные рассказы о войне. М.: Воениздат, 1964. 200 с.
- Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 18, с. 239.
- Газета «Красная Звезда» от 21 августа 1941 года.
- Пауль Карель. Восточный фронт. Книга 1. Гитлер идет на Восток. 1941–1943. М.: Изографус, Эксмо, 2003.
- Die 71 Infanterie-Division 1939–1945: Gefechts- und Erlebnisberichte aus den Kämpfen der «Glückhaften Division» / Hans Noelke. Eggolsheim: Dörfler Verlag GmbH, 2006.
- Баграмян И.Х. Так начиналась война. М.: Воениздат, 1971.
- ЦГАООУ. Фонд 166. Опис № 2, единица зберігання 343. Копия стенограммы беседы с участником обороны города Киева Минакером М.С.
- ЦГАООУ. Фонд 166. Опис № 3, единица зберігання 399. Воспоминания Стороженко К.Ф. об обороне г. Киева в 1941 году.
- ЦГАООУ. Фонд 166. Опис № 2, од. зберігання 345 (Москалец К.Ф.).
- ЦГАООУ. Фонд 166. Опис № 3, од. зберігання 105 (Фильманович Ю.К. о работе завода «Большевик» в первые дни войны).
- ЦГАООУ. Фонд 166. Опис № 3, од. зберігання 36. Стенограмма бесед с участниками обороны г. Киева.
- ЦГАООУ. Фонд 166. Опис № 3, од. зберігання 37. Стенограмма беседы с участниками обороны г. Киева, состоявшаяся в Киевском областном совете депутатов трудящихся.
- ЦГАООУ. Фонд 166. Опис № 3, од. зберігання 38. Воспоминания и копии воспоминаний об обороне и освобождении г. Киева от немецко-фашистских захватчиков.
- ЦГАООУ. Фонд 166. Опис № 2, од. зберігання 267. Стенограмма беседы с участником обороны города Киева Петровым В.И.
- ЦГАООУ. Фонд 166. Опис № 2, од. зберігання 400. Стенограмма беседы с Героем Советского Союза Арефьевым К.А.
- ЦГАООУ. Фонд 166. Опис № 2, од. зберігання 403. Стенограмма беседы с участником обороны города Киева Векслером М.М.

- Щегоцький К.В. У грі та поза грою. К.: Здоров'я, 1991. 280 с.
- Худяков Федор Федорович. Прожитое и пережитое. К.: ИД «А.С.С.», 2005. 472 с.
- Спичаков В.А. Пинская военная флотилия в документах и воспоминаниях. Львов, Лига-Пресс, 2009 г. 384 с.
- Строкач Т.А. Наш позивний — свобода. Літературний запис Павла Автомонова. К.: Радянський письменник, 1966.
- Родимцев А.И. Твои, Отечество, сыны. К.: Политиздат Украины, 1982. 359 с.
- Анфилов В.А. Провал «Блицкрига». М.: Наука, 1974.
- Лобанов А.В. Танковые войска Гитлера. Первая энциклопедия Панцерваффе. М.: Яуза, Эксмо, 2010.
- Камов Б.Н. Гайдар на войне, журнал «Литературное наследство». М.: Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, том 78, № 2, стр. 375–411, 1966.
- ЦАМО. Ф. 229. Оп. 9776сс, д. 52.
- ЦАМО. Ф. 229. Оп. 9776сс, д. 63.
- ЦАМО. Ф. 229. Оп. 161, д. 43.
- ЦАМО. Ф. 229. Оп. 161, д. 61 — Боевые приказы, распоряжения, оперативные и разведсводки Киевского укрепрайона. Карта положения частей Киевского УРа.
- ЦАМО. Ф. 229. Оп. 161, д. 89 — Планы, отчеты, доклады армий Юго-Западного фронта — 1941.
- ЦАМО. Ф. 229. Оп. 161, д. 112 — Боевые донесения и оперативные сводки штаба фронта — 1941.
- ЦАМО. Ф. 229. Оп. 213 — политдонесения.
- ЦАМО. Ф. 251. Оп. 646, д. 5 (телеграмма Сергиенко).
- В книге использованы воспоминания ветеранов, жителей Киева и Киевской области, собранные членами Киевского историко-патриотического клуба «Поиск» в период, когда им руководили герои этой книги — Илларион Федорович Евдокимов и Андриан Прокопович Галябарник, а также материалы личной переписки И.Ф. Евдокимова с участниками обороны.

Содержание

ГЛАВА 1. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ.	3
21.06.1941, воентехник второго ранга Петр Шурлаков, 22 года.	3
21.06.1941, старший краснофлотец, 1-й наводчик кормового орудия канонерской лодки «Верный» Петр Федорович Танана, 24 года.	6
21.06.1941, ученик 13-й Киевской артиллерийской спецшколы Игорь Воровский, 21 год.	8
21.06.1941, начальник оперативного управления Киевского особого военного округа (КОВО) полковник Иван Христофорович Баграмян, 43 года.	11
22.06.1941, секретарь ЦК ВКП(б) Украины Никита Сергеевич Хрущев, 47 лет	15
22.06.1941, воентехник второго ранга Петр Шурлаков, 22 года	17
22.06.1941, киевлянин Федор Федорович Худяков, 36 лет.	21
22.06.1941, ученик 13-й Киевской артиллерийской спецшколы Игорь Воровский, 21 год.	22
22.06.1941, нападающий и капитан футбольной команды «Динамо» (Киев) Константин Васильевич Щегоцкий, 30 лет	23
22.06.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год	26
22.06.1941, ученик 43-й Киевской школы Андриан Галябарник, 15 лет	28
22.06.1941, старший краснофлотец, 1-й наводчик кормового орудия канонерской лодки «Верный» Петр Федорович Танана, 24 года.	30
22.06.1941, киевлянин Федор Федорович Худяков, 36 лет.	31
22.06.1941, нападающий и капитан футбольной команды «Динамо» (Киев) Константин Васильевич Щегоцкий, 30 лет	32

22.06.1941, начальник оперативного управления КОВО полковник И.Х. Баграмян, 43 года	32
22.06.1941, учащийся химико-технологического техникума Марсен Михайлович Векслер, 17 лет	35
22.06.1941, начальник Генерального штаба генерал армии Г.К. Жуков, 44 года	36
22.06.1941, секретарь ЦК ВКП(б) Украины Никита Сергеевич Хрущев, 47 лет	39
22.06.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года	42
22.06.1941, командующий 36-й истребительной авиационной дивизией (иад) полковник Александр Владимирович Борман, 39 лет	45
Город	50
ГЛАВА 2. ПОКА ШЛИ ПРИГРАНИЧНЫЕ БОИ	52
23.06.1941, киевлянин Федор Федорович Худяков, 36 лет	52
23.06.1941, начальник вокзала Киев 1-й пассажирский Константин Артемьевич Арефьев, 26 лет	53
23.06.1941, нападающий и капитан футбольной команды «Динамо» (Киев) Константин Васильевич Щегоцкий, 30 лет	55
23.06.1941, старший краснофлотец, 1-й наводчик кормового орудия канонерской лодки «Верный» Петр Федорович Танана, 24 года	55
23.06.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го истребительного авиационного полка (иап) старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год	56
23.06.1941, учащийся химико-технологического техникума Марсен Михайлович Векслер, 17 лет	57
24.06.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года	61
24.06.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год	63
25.06.1941, учащийся химико-технологического техникума Марсен Михайлович Векслер, 17 лет	64
25.06.1941, начальник чугунолитейного цеха завода «Большевик» Виктор Игнатьевич Хохлов, 29 лет	67
25.06.1941, рабочий завода № 43 Владимир Муляр	70

25.06.1941, командующий 36-й иад Герой Советского Союза полковник В.В. Зеленцов, 30 лет	71
25.06.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	74
25.06.1941, командующий 36-й иад Герой Советского Союза полковник В.В. Зеленцов, 30 лет	76
25.06.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года.	78
26.06.1941, начальник чугунолитейного цеха завода «Большевик» Виктор Игнатъевич Хохлов, 29 лет	80
26.06.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	81
26.06.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год	82
26.06.1941, начальник Генерального штаба генерал армии Г.К. Жуков, 44 года	84
26.06.1941, командующий 36-й иад Герой Советского Союза полковник В.В. Зеленцов	85
26.06.1941, командующий 16-й армией генерал-лейтенант Михаил Федорович Лукин, 49 лет	88
26.06.1941, секретарь ЦК ВКП(б) Украины Никита Сергеевич Хрущев, 47 лет	91
26.06.1941, командующий 16-й армией генерал-лейтенант Михаил Федорович Лукин, 49 лет.	96
27.06.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года.	99
27.06.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	102
27.06.1941, командующий 16-й армией генерал-лейтенант Михаил Федорович Лукин, 49 лет.	103
28.06.1941, ученик 43-й Киевской школы Андриан Галябарник, 15 лет	106
28.06.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год	108
28.06.1941, командующий 36-й иад Герой Советского Союза полковник В.В. Зеленцов, 30 лет	109
28.06.1941, учащийся химико-технологического техникума Марсен Михайлович Векслер, 17 лет	111
28.06.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года.	112

29.06.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год	114
29.06.1941, старший краснофлотец, 1-й наводчик кормового орудия канонерской лодки «Верный» Петр Федорович Танана, 24 года.	115
29.06.1941, секретарь ЦК ВКП(б) Украины Никита Сергеевич Хрущев, 47 лет	116
29.06.1941, учащийся химико-технологического техникума Марсен Михайлович Векслер, 17 лет	120
ГЛАВА 3. ВОЙНА ПРИХОДИТ В ГОРОД	124
29.06.1941, секретарь ЦК ВКП(б) Украины Никита Сергеевич Хрущев, 47 лет	124
30.06.1941, командир особой команды штаба ЮЗФ старший лейтенант Михаил Семенович Минакер, 33 года.	125
30.06.1941, военный комендант Киева генерал-майор Михаил Львович Гориккер, 46 лет.	126
30.06.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года.	132
01.07.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	135
01.07.1941, начальник чугунолитейного цеха завода «Большевик» Виктор Игнатьевич Хохлов, 29 лет	135
02.07.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года.	136
03.07.1941, командующий 16-й армией генерал-лейтенант Михаил Федорович Лукин, 49 лет.	137
03.07.1941, военный комендант Киева генерал-майор Михаил Львович Гориккер, 46 лет.	140
04.07.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	142
04.07.1941, ученик 13-й Киевской артиллерийской спецшколы Игорь Воровский, 21 год.	143
04.07.1941, командир особой команды штаба ЮЗФ старший лейтенант Михаил Семенович Минакер, 33 года.	147
05.07.1941, секретарь ЦК ВКП(б) Украины Никита Сергеевич Хрущев, 47 лет	148
06.07.1941, военный комендант Киева генерал-майор Михаил Львович Гориккер, 46 лет.	151
06.07.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	153

06.07.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год	154
06.07.1941, секретарь ЦК ВКП(б) Украины Никита Сергеевич Хрущев, 47 лет	156
07.07.1941, ученик 43-й Киевской школы Анриан Галябарник, 15 лет	161
07.07.1941, заместитель начальника Киевского вокзала Константин Артемьевич Арефьев, 26 лет	162
07.07.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года	164
08.07.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	165
08.07.1941, военком КиУРа полковой комиссар И.Ф. Евдокимов, 39 лет	166
08.07.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года	168
09.07.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	171
09.07.1941, командир 28-го отдельного пулеметного батальона (опб) капитан Иван Евсеевич Кипаренко	172
09.07.1941, секретарь ЦК ВКП(б) Украины Никита Сергеевич Хрущев, 47 лет	173
10.07.1941, начальник штаба и разведки ополченского бронепоезда «литер А» Константин Артемьевич Арефьев, 26 лет	174
10.07.1941, рядовой 2-го отдельного пулеметного батальона Федор Федорович Худяков, 36 лет	176
10.07.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год	179
10.07.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года	181
ГЛАВА 4. ВРАГ У ВОРОТ	184
11.07.1941, рядовой 2-го отдельного пулеметного батальона Федор Федорович Худяков, 36 лет	184
11.07.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год	186
11.07.1941, Володя Покотило, 16 лет	188
11.07.1941, военком КиУРа полковой комиссар И.Ф. Евдокимов, 39 лет	190
11.07.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	191

11.07.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года	192
11.07.1941, секретарь ЦК ВКП(б) Украины Никита Сергеевич Хрущев, 47 лет	198
12.07.1941, ученик 13-й Киевской артиллерийской спецшколы Игорь Воровский, 21 год.	201
12.07.1941, командующий 36-й иад Герой Советского Союза полковник В.В. Зеленцов, 30 лет	202
12.07.1941, рядовой 2-го отдельного пулеметного батальона Федор Федорович Худяков, 36 лет	204
12.07.1941, старший краснофлотец, 1-й наводчик кормового орудия канонерской лодки «Верный» Петр Федорович Танана, 24 года.	206
12.07.1941, военком КиУРа полковой комиссар И.Ф. Евдокимов, 39 лет	208
12.07.1941, командир 5-й воздушно-десантной бригады полковник А.И. Родимцев, 36 лет	211
13.07.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года.	214
13.07.1941, секретарь ЦК ВКП(б) Украины Никита Сергеевич Хрущев, 47 лет	216
14.07.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год	219
15.07.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года.	220
16.07.1941, начальник штаба и разведки ополченского бронепоезда «литер А» Константин Артемьевич Арэфьев, 26 лет.	221
16.07.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	223
16.07.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год	224
17.07.1941, командир роты передового отряда 144-го горно- стрелкового полка 28-й горно-стрелковой дивизии младший лейтенант Дмитрий Иванович Шепеленко, 26 лет . . .	226
17.07.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года.	228
17.07.1941, начальник чугунолитейного цеха завода «Большевик» Виктор Игнатьевич Хохлов, 29 лет	229

19.07.1941, командующий 36-й иад Герой Советского Союза полковник В.В. Зеленцов, 30 лет	231
20.07.1941, рядовой 2-го отдельного пулеметного батальона Федор Федорович Худяков, 36 лет	232
20.07.1941, заместитель командира ополченского бронепоезда «литер А» Константин Артемьевич Арефьев, 26 лет.	234
21.07.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	235
21.07.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года.	236
22.07.1941, боец истребительного батальона Железнодорожного района Андриан Галябарник, 15 лет	239
22.07.1941, командир 1-й бронеплощадки ополченского бронепоезда «литер Б» Николай Андреевич Рябокоть, 27 лет . . .	241
23.07.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	242
24.07.1941, заместитель командира ополченского бронепоезда «литер А» Константин Артемьевич Арефьев, 26 лет.	243
24.07.1941, командир гарнизона ДОТа № 131 Василий Петрович Якунин, 19 лет.	244
24.07.1941, заместитель наркома внутренних дел УССР полковник Тимофей Амвросиевич Строкач, 38 лет.	246
25.07.1941, рядовой 2-го взвода 1-й роты истребительного батальона Кировского района города Киева Владимир Николаевич Покотило, 16 лет	248
27.07.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет.	250
28.07.1941, рабочий чугунолитейного цеха завода «Большевик» Виктор Игнатъевич Хохлов, 29 лет	250
28.07.1941, начальник Оперативно-учебного центра Западного фронта полковник Илья Григорьевич Старинов, 40 лет.	252
28.07.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год	255
28.07.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года.	256
29.07.1941, начальник Генерального штаба генерал-полковник Г.К. Жуков, 44 года	258

29.07.1941, рядовой 2-го отдельного пулеметного батальона Федор Федорович Худяков, 36 лет	261
30.07.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	262
31.07.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года	263
31.07.1941, командующий 36-й иад Герой Советского Союза полковник В.В. Зеленцов, 30 лет	264
31.07.1941, нападающий и капитан футбольной команды «Динамо» (Киев) Константин Васильевич Щегоцкий, 30 лет . . .	266
31.07.1941, рядовой 2-го взвода 1-й роты истребительного батальона Кировского района города Киева Владимир Николаевич Покотило, 16 лет	269
01.08.1941, военком КиУРа полковой комиссар И.Ф. Евдокимов, 39 лет	271
01.08.1941, начальник Оперативно-учебного центра Западного фронта полковник Илья Григорьевич Старинов, 41 год	272
01.08.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год	273
01.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года	273
ГЛАВА 5. ШТУРМ	278
02.08.1941, секретарь ЦК ВКП(б) Украины Никита Сергеевич Хрущев, 47 лет	278
02.08.1941, командир гарнизона ДОТа № 131 Василий Петрович Якунин, 19 лет	280
02.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года	282
02.08.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	283
03.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года	285
04.08.1941, заместитель командира ополченского бронепоезда «литер А» Константин Артемьевич Арефьев, 26 лет	286
04.08.1941, командир огневого взвода 344-го артиллерийского гаубичного полка 147-й стрелковой дивизии лейтенант Константин Иванович Односум	287

04.08.1941, рядовой 2-го взвода 1-й роты истребительного батальона Кировского района города Киева	
Владимир Михайлович Покотило, 17 лет	289
04.08.1941, секретарь ЦК ВКП(б) Украины	
Никита Сергеевич Хрущев, 47 лет	292
04.08.1941, командующий 36-й иад Герой Советского Союза	
полковник В.В. Зеленцов, 30 лет	294
04.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ	
полковник И.Х. Баграмян, 43 года	298
05.08.1941, стрелок 28-го отдельного пулеметного батальона	
рядовой Адам Пиусович Красовский, 34 года	300
05.08.1941, командующий 36-й иад Герой Советского Союза	
полковник В.В. Зеленцов, 30 лет	302
05.08.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	303
05.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ	
полковник И.Х. Баграмян, 43 года	304
06.08.1941, начальник Оперативно-учебного центра	
Западного фронта полковник Илья Григорьевич Старинов,	
41 год	306
06.08.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го истребительного	
авиационного полка (иап) старший политрук	
Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год	307
06.08.1941, секретарь ЦК ВКП(б) Украины	
Никита Сергеевич Хрущев, 47 лет	308
06.08.1941, нападающий и капитан футбольной команды	
«Динамо» (Киев) Константин Васильевич Щегоцкий, 30 лет ...	309
06.08.1941, старший краснофлотец, 1-й наводчик кормового	
орудия канонерской лодки «Верный» Петр Федорович	
Танана, 24 года	311
06.08.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	313
06.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ	
полковник И.Х. Баграмян, 43 года	315
07.08.1941, спецкорреспондент газеты «Красная Звезда»	
капитан Сергей Терентьевич Сапиго, 30 лет	316
07.08.1941, командир гарнизона ДОТа (предположительно	
№ 156) КиУРа старшина И.С. Бондаренко	320
07.08.1941, житель села Козин Вася Бондаренко, 14 лет	324

07.08.1941, командир гарнизона ДОТа № 157 КиУРа младший лейтенант Захарченко.	325
07.08.1941, разведчик мотороты 212-го бронеразведывательного батальона 175-й сд старшина Иван Кузьмич Малько	326
07.08.1941, командующий 36-й иад Герой Советского Союза полковник В.В. Зеленцов, 30 лет	329
07.08.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	330
07.08.1941, командир 5-й воздушно-десантной бригады полковник А.И. Родимцев, 36 лет	331
07.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года	333
08.08.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год	334
08.08.1941, старший адъютант генерал-майора Ф.Н. Матыкина сержант сверхсрочной службы Дмитрий Степанович Анохин, 24 года	335
08.08.1941, политрук 1-й роты отдельного разведбатальона Киевского комсомольского полка Марсен Михайлович Векслер, 17 лет	338
08.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года	344
ГЛАВА 6. ЗА ДРЕВНИЙ КИЕВ	347
08.08.1941, командир 5-й воздушно-десантной бригады полковник А.И. Родимцев, 36 лет	347
08.08.1941, боец истребительного батальона Железнодорожного района Андриан Галябарник, 15 лет	350
08.08.1941, рядовой 2-го взвода 1-й роты истребительного батальона Кировского района города Киева Владимир Николаевич Покотило, 17 лет	353
09.08.1941, заместитель командира ополченского бронепоезда «литер А» Константин Артемьевич Арефьев, 26 лет.	356
09.08.1941, командир 5-й воздушно-десантной бригады полковник А.И. Родимцев, 36 лет	357
09.08.1941, командир 1-й бронеплощадки ополченского бронепоезда «литер Б» Николай Андреевич Рябоконт, 27 лет . . .	361

09.08.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	364
09.08.1941, старший краснофлотец, 1-й наводчик кормового орудия канонерской лодки «Верный» Петр Федорович Танана, 24 года	364
09.08.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год	367
09.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года	368
10.08.1941, командир 5-й воздушно-десантной бригады полковник А.И. Родимцев, 36 лет	370
10.08.1941, политрук 1-й роты отдельного разведбатальона Киевского комсомольского полка Марсен Михайлович Векслер, 17 лет	374
10.08.1941, заместитель командира 1-го батальона 5-й воздушно-десантной бригады старший лейтенант Михаил Семенович Минакер, 33 года	376
10.08.1941, командующий 36-й иад Герой Советского Союза полковник В.В. Зеленцов, 30 лет	378
10.08.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	379
10.08.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год	379
10.08.1941, командир 206-й стрелковой дивизии полковник Сергей Ильич Горшков, 38 лет	381
10.08.1941, стрелок 28-го отдельного пулеметного батальона рядовой Адам Пиусович Красовский, 34 года	382
10.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года	387
11.08.1941, старший краснофлотец, 1-й наводчик кормового орудия канонерской лодки «Верный» Петр Федорович Танана, 24 года	388
11.08.1941, командир саперной роты 1047-го стрелкового полка 284-й стрелковой дивизии лейтенант Дмитрий Иванович Головкин, 19 лет	391
11.08.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год	392
11.08.1941, командир 5-й воздушно-десантной бригады полковник А.И. Родимцев, 36 лет	394

11.08.1941, рядовой 2-го отдельного пулеметного батальона Федор Федорович Худяков, 36 лет	397
11.08.1941, командир 5-й воздушно-десантной бригады полковник А.И. Родимцев, 36 лет	399
11.08.1941, старший краснофлотец, 1-й наводчик кормового орудия канонерской лодки «Верный» Петр Федорович Танана, 24 года.	402
11.08.1941, заместитель командира 1-го батальона 5-й воздушно-десантной бригады старший лейтенант Михаил Семенович Минакер, 33 года	409
12.08.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	410
12.08.1941, спецкорреспондент газеты «Красная Звезда» капитан Сергей Терентьевич Сапиго, 30 лет	411
12.08.1941, командир 5-й воздушно-десантной бригады полковник А.И. Родимцев, 36 лет	414
12.08.1941, рядовой 1-го стрелкового батальона 1045-го стрелкового полка 284-й стрелковой дивизии Никифор Иванович Безверхий, 30 лет	415
12.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ полковник И.Х. Баграмян, 43 года	418
13.08.1941, рядовой 2-го взвода 1-й роты истребительного батальона Кировского района города Киева Владимир Николаевич Покотило, 17 лет	419
13.08.1941, рядовой 1-го стрелкового батальона 1045-го стрелкового полка 284-й стрелковой дивизии Никифор Иванович Безверхий, 30 лет	421
14.08.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	422
14.08.1941, командир 5-й воздушно-десантной бригады полковник А.И. Родимцев, 36 лет	422
14.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ генерал-майор И.Х. Баграмян, 43 года	423
15.08.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	424
15.08.1941, заместитель командира ополченского бронепоезда «литер А» Константин Артемьевич Арефьев, 26 лет.	425
15.08.1941, командир 5-й воздушно-десантной бригады полковник А.И. Родимцев, 36 лет	426

15.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ генерал-майор И.Х. Баграмян, 43 года	427
16.08.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	428
16.08.1941, политрук 1-й роты отдельного разведбатальона Киевского комсомольского полка Марсен Михайлович Векслер, 17 лет	428
17.08.1941, заместитель командира ополченского бронепоезда «литер А» Константин Артемьевич Арефьев, 26 лет	430
17.08.1941, рядовой 2-го взвода 1-й роты истребительного батальона Кировского района города Киева Владимир Николаевич Покотило, 17 лет	431
17.08.1941, старший краснофлотец, 1-й наводчик кормового орудия канонерской лодки «Верный» Петр Федорович Танана, 24 года	432
18.08.1941, командир 5-й воздушно-десантной бригады полковник А.И. Родимцев, 36 лет	436
18.08.1941, политрук 1-й роты отдельного разведбатальона Киевского комсомольского полка Марсен Михайлович Векслер, 17 лет	437
19.08.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	438
19.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ генерал-майор И.Х. Баграмян, 43 года	439
20.08.1941, старший краснофлотец, 1-й наводчик кормового орудия канонерской лодки «Верный» Петр Федорович Танана, 24 года	440
20.08.1941, военком КиУРа полковой комиссар И.Ф. Евдокимов, 39 лет	443
21.08.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год	445
ГЛАВА 7. КОНЕЦ ОБОРОНЫ.	447
22.08.1941, стрелок 28-го отдельного пулеметного батальона рядовой Адам Пиусович Красовский, 34 года	447
22.08.1941, командир 1-й бронеплощадки ополченского бронепоезда «литер Б» Николай Андреевич Рябокоть, 27 лет	448
22.08.1941, командующий 36-й иад Герой Советского Союза полковник В.В. Зеленцов, 30 лет	450

23.08.1941, наводчик 76-мм полковой пушки 2-го дивизиона 357-го артиллерийского полка 171-й стрелковой дивизии красноармеец Бригада	452
23.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ генерал-майор И.Х. Баграмян, 43 года	453
23.08.1941, командир 4-й дивизии войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений полковник Федор Максимович Мажирин, 37 лет	454
23.08.1941, старший краснофлотец, 1-й наводчик кормового орудия канонерской лодки «Верный» Петр Федорович Танана, 24 года.	455
24.08.1941, командир 1-й бронеплощадки ополченского бронепоезда «литер Б» Николай Андреевич Рябоконт, 27 лет	456
24.08.1941, командир 4-й дивизии войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений полковник Федор Максимович Мажирин, 37 лет	458
24.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ генерал-майор И.Х. Баграмян, 43 года	460
24.08.1941, командующий 36-й иад Герой Советского Союза полковник В.В. Зеленцов	463
24.08.1941, военком 3-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год	463
24.08.1941, командир звена 74-го штурмового авиационного полка 16-й авиационной дивизии лейтенант С.И. Колыбин, 29 лет	464
24.08.1941, военный комиссар 2-й эскадрильи 43-го иап 36-й иад Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год.	466
24.08.1941, старший краснофлотец, 1-й наводчик кормового орудия канонерской лодки «Верный» Петр Федорович Танана, 24 года.	466
24.08.1941, командующий 2-й танковой группой вермахта генерал-полковник Хайнц Вильгельм Гудериан, 53 года	468
25.08.1941, рядовой 2-го взвода 1-й роты истребительного батальона Кировского района города Киева Владимир Николаевич Покотило, 17 лет	473
25.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ генерал-майор И.Х. Баграмян, 43 года	474

25.08.1941, старший краснофлотец, 1-й наводчик кормового орудия канонерской лодки «Верный» Петр Федорович Танана, 24 года	475
25.08.1941, военный комиссар 2-й эскадрильи 43-го иап 36-й иад Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год	480
25.08.1941, рядовой 2-го отдельного пулеметного батальона Федор Федорович Худяков, 36 лет	483
25.08.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	484
26.08.1941, военком дивизиона сторожевых кораблей (СКР) Пинской военной флотилии (ПВФ) батальонный комиссар Константин Дмитриевич Дюков, 47 лет	485
26.08.1941, начальник разведывательного отдела артиллерии штаба Юго-Западного фронта полковник Георгий Семенович Надысев, 40 лет	490
26.08.1941, командир звена 74-го штурмового авиационного полка 16-й авиационной дивизии лейтенант С.И. Колыбин, 29 лет	493
27.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ генерал-майор И.Х. Баграмян, 43 года	494
27.08.1941, рядовой 2-го взвода 1-й роты истребительного батальона Кировского района города Киева Владимир Николаевич Покотило, 17 лет	496
29.08.1941, военный комиссар 2-й эскадрильи 43-го иап 36-й иад Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год	497
29.08.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	500
29.08.1941, боец роты флотского полуэкипажа Пинской военной флотилии старший краснофлотец Петр Федорович Танана, 24 года	501
30.08.1941, командир саперной роты 1047-го стрелкового полка 284-й стрелковой дивизии лейтенант Дмитрий Иванович Головкин, 19 лет	504
31.08.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	506
31.08.1941, военный комиссар 2-й эскадрильи 43-го иап 36-й иад Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год	508
31.08.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ генерал-майор И.Х. Баграмян	509
01.09.1941, военный комиссар 2-й эскадрильи 43-го иап 36-й иад Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год	511

01.09.1941, кинооператор Центральной студии документальных фильмов Абрам Наумович Козаков, 38 лет.	512
02.09.1941, командующий 36-й иад Герой Советского Союза полковник В.В. Зеленцов, 31 год.	513
02.09.1941, командир саперной роты 1047-го стрелкового полка 284-й стрелковой дивизии лейтенант Дмитрий Иванович Головкин, 19 лет	514
02.09.1941, кинооператор Центральной студии документальных фильмов Абрам Наумович Козаков, 38 лет.	516
03.09.1941, военный комиссар 2-й эскадрильи 43-го иап 36-й иад Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год	518
05.09.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ генерал-майор И.Х. Баграмян, 43 года	520
06.09.1941, военком 2-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год	523
07.09.1941, рядовой 2-го отдельного пулеметного батальона Федор Федорович Худяков, 36 лет	525
08.09.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет.	526
08.09.1941, рядовой 2-го взвода 1-й роты истребительного батальона Кировского района города Киева Владимир Николаевич Покотило, 17 лет	527
09.09.1941, боец роты флотского полуэкипажа Пинской военной флотилии старший краснофлотец Петр Федорович Танана, 24 года	528
10.09.1941, военком 2-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год	530
11.09.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ генерал-майор И.Х. Баграмян, 43 года	532
13.09.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	534
13.09.1941, рядовой 1-го стрелкового батальона 1045-го стрелкового полка 284-й стрелковой дивизии Никифор Иванович Безверхий, 30 лет.	536
13.09.1941, командир 1-й бронеплощадки ополченского бронепоезда «литер Б» Николай Андреевич Рябоконь, 27 лет	537
14.09.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ генерал-майор И.Х. Баграмян, 43 года	540
14.09.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	541

15.09.1941, боец 2-го сухопутного отряда Пинской военной флотилии старший краснофлотец Петр Федорович Танана, 24 года	542
16.09.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	547
16.09.1941, военком 2-й эскадрильи 43-го иап 36-й иад старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год.	548
17.09.1941, командующий 36-й иад Герой Советского Союза полковник В.В. Зеленцов, 30 лет	549
17.09.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	551
18.09.1941, командир 1-й бронеплощадки ополченского бронепоезда «литер Б» Николай Андреевич Рябоконт, 27 лет . . .	552
18.09.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ генерал-майор И.Х. Баграмян, 43 года	554
18.09.1941, командир 4-й дивизии войск НКВД по охране железнодорожных сооружений полковник Федор Максимович Мажирин, 37 лет	557
18.09.1941, заместитель командира ополченского бронепоезда «литер А» Константин Артемьевич Арефьев, 26 лет.	560
18.09.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	562
18.09.1941, нападающий и капитан футбольной команды «Динамо» (Киев) Константин Васильевич Щегоцкий, 30 лет . . .	564
18.09.1941, рядовой 2-го отдельного пулеметного батальона Федор Федорович Худяков, 36 лет	565
18.09.1941, боец 2-го сухопутного отряда Пинской военной флотилии старший краснофлотец Петр Федорович Танана, 24 года	567
19.09.1941, военком КиУРа полковой комиссар И.Ф. Евдокимов, 39 лет	569
19.09.1941, стрелок 28-го отдельного пулеметного батальона рядовой Адам Пиусович Красовский, 34 года	571
19.09.1941, командир 4-й дивизии войск НКВД по охране железнодорожных сооружений полковник Федор Максимович Мажирин, 37 лет	572
19.09.1941, военный комиссар, представитель Военного Совета Юго-Западного фронта на киевских переправах Евгений Федорович Белоконов, 32 года	574
19.09.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	575

19.09.1941, рядовой 2-го отдельного пулеметного батальона Федор Федорович Худяков, 36 лет	577
19.09.1941, боец 2-го сухопутного отряда Пинской военной флотилии старший краснофлотец Петр Федорович Танана, 24 года	579
19.09.1941, военком 2-й эскадрильи 43-го иап старший политрук Дмитрий Пантелеевич Панов, 31 год	579
ГЛАВА 8. ИСХОД	582
20.09.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ генерал-майор И.Х. Баграмян, 43 года	582
20.09.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	585
20.09.1941, рядовой 2-го отдельного пулеметного батальона Федор Федорович Худяков, 36 лет	586
20.09.1941, командир 4-й дивизии войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений полковник Федор Максимович Мажирын, 37 лет	589
20.09.1941, командир 1-й бронеплощадки ополченского бронепоезда «литер Б» Николай Андреевич Рябоконт, 27 лет . . .	590
20.09.1941, нападающий и капитан футбольной команды «Динамо» (Киев) Константин Васильевич Щегоцкий, 30 лет . . .	592
20.09.1941, заместитель наркома внутренних дел УССР полковник Тимофей Амвросиевич Строкач, 38 лет	594
21.09.1941, командир 1-й бронеплощадки ополченского бронепоезда «литер Б» Николай Андреевич Рябоконт, 27 лет . . .	596
21.09.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	598
21.09.1941, заместитель наркома внутренних дел УССР полковник Тимофей Амвросиевич Строкач, 38 лет	599
21.09.1941, боец истребительного батальона Железнодорожного района Андриан Галябарник, 15 лет	599
21.09.1941, рядовой 2-го отдельного пулеметного батальона Федор Федорович Худяков, 36 лет	602
22.09.1941, батальонный комиссар 199-го отдельного батальона связи 31-го района авиационного базирования Виктор Дмитриевич Коршенко, 39 лет	606
22.09.1941, командир 4-й дивизии войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений полковник Федор Максимович Мажирын, 37 лет	607

22.09.1941, начальник оперативного управления ЮЗФ генерал-майор И.Х. Баграмян, 43 года	610
22.09.1941, командир 1-й бронеплощадки ополченского бронепоезда «литер Б» Николай Андреевич Рябоконт, 27 лет . . .	612
23.09.1941, заместитель наркома внутренних дел УССР полковник Тимофей Амвросиевич Строкач, 38 лет.	614
23.09.1941, батальонный комиссар 199-го отдельного батальона связи 31-го района авиационного базирования Виктор Дмитриевич Коршенко, 39 лет.	615
23.09.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	616
23.09.1941, пулеметчик 28-го отдельного пулеметного батальона старший сержант Александр Иванович Квартич, 29 лет.	617
24.09.1941, спецкорреспондент газеты «Красная Звезда» капитан Сергей Терентьевич Сапиго, 30 лет.	619
24.09.1941, начальник чугунолитейного цеха завода «Большевик» Виктор Игнатъевич Хохлов, 29 лет	621
24.09.1941, командир 4-й дивизии войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений полковник Федор Максимович Мажирин, 37 лет	623
24.09.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	624
24.09.1941, рядовой 2-го отдельного пулеметного батальона Федор Федорович Худяков, 36 лет	626
25.09.1941, нападающий и капитан футбольной команды «Динамо» (Киев) Константин Васильевич Щегоцкий, 30 лет . . .	627
25.09.1941, командир 1-й бронеплощадки ополченского бронепоезда «литер Б» Николай Андреевич Рябоконт, 27 лет	629
25.09.1941, рядовой 2-го отдельного пулеметного батальона Федор Федорович Худяков, 36 лет	631
25.09.1941, батальонный комиссар 199-го отдельного батальона связи 31-го района авиационного базирования Виктор Дмитриевич Коршенко, 39 лет.	636
25.09.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	637
26.09.1941, боец истребительного батальона Железнодорожного района Андриан Галябарник, 15 лет	640
26.09.1941, рядовой 2-го отдельного пулеметного батальона Федор Федорович Худяков, 36 лет	642

СОДЕРЖАНИЕ

26.09.1941, начальник чугунолитейного цеха завода «Большевик» Виктор Игнатъевич Хохлов, 29 лет	644
26.09.1941, младший врач отдельного полка связи 37-й армии, военврач 3-го ранга Агнесса Павловна Подмазенко, 24 года	645
26.09.1941, библиотекарь Ирина Хорошунова, 28 лет	647
 СУДЬБЫ ГЕРОЕВ	 652
 ИСТОЧНИКИ	 661

Научно-популярное издание

Стаценко Алексей Павлович

«КИЕВ БОМБИЛИ...»

Оборона столицы Советской Украины

Издано в авторской редакции

Ответственный редактор *Г. Пернавский*

Художественный редактор *М. Левыкин*

Технический редактор *Н. Атауллина*

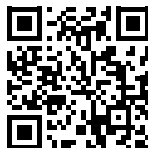
Верстка *А. Григорьев*

Корректор *Д. Мельник*

ООО «Бестселлер», торговая марка «Издательство «Пятый Рим».

Адрес: 115419 г. Москва, Рощинский 2-й проезд, дом 8,
строение 5, этаж 1, пом III, ком 3

Все наши книги можно заказать на сайте www.5rim.ru

Подписано к печати 19.06.2020.

Формат 60x90^{1/16}. Гарнитура «Greta Text Pro». Печать офсетная.

Бум. писч. Усл. печ. л. 43,0. Тираж 1500 экз.

Зак. №

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

www.oaompk.ru, www.oalompk.rf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

12+ | Издание не рекомендуется детям младше 12 лет

РЕКЛАМА

РЕКЛАМА